

А. М. ЛЕВИНА

КЕРАМИКА НИЖНЕЙ
И СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ
В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ТРУДЫ
ХОРЕЗМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

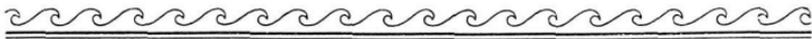
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
члена-корреспондента АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

А. М. ЛЕВИНА

КЕРАМИКА НИЖНЕЙ
И СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ
в I тысячелетии н. э.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. Г. ВОРОВЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

В книге исследуется наиболее массовый археологический материал — керамика одного из малоизученных районов. Хронологически работа охватывает почти все I тысячелетие н. э., период, когда на данной территории происходили сложные этнические процессы, отражение которых в керамическом материале вскрывается автором. В книге классифицируется, датируется и сравнивается между собой керамика отдельных районов, выделяются историко-культурные этапы в развитии керамических комплексов Нижней и Средней Сырдарьи. На огромном материале дана классификация археологических памятников этого района.

ВВЕДЕНИЕ

Исторические судьбы присырдарьинского населения всегда привлекали исследователей Средней Азии хотя бы потому, что историческая традиция сохранила представление о Сырдарье как о естественной границе между древними скотоводческими племенами и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии¹.

В связи с тем, что письменных источников, касающихся присырдарьинских районов, чрезвычайно мало, археологические материалы из этих областей получают особое значение при выяснении происходивших здесь этнических процессов.

Основной, а в большинстве случаев и единственный материал, полученный в результате исследования памятников I тысячелетия н. э. в районах Нижней и Средней Сырдарьи — керамика. Обилие ее позволяет реконструировать, в определенной степени, этапы исторического развития отдельных районов, рассматривать вопросы торговых и культурных связей, в какой-то мере решать проблемы этнических размещений и передвижений. А. Н. Бернштам считал «необходимым сделать среднеазиатскую керамику датирующим реagentом в археологии Средней Азии»² ввиду ее выразительности и массовости.

В последние десятилетия уже появились работы, ставившие задачи специального изучения керамики отдельных районов.

В том числе несколько подобных работ посвящено изучению ее в части районов Нижней и Средней Сырдарьи³. Специфическая черта керамики здесь в изучаемое время — это чрезмерная архаичность внешнего облика и технологии производства ее. Этот факт, а также необходимость опираться на резко заниженные датировки керамики соседних областей и сравнительно небольшое количество самого исследуемого материала, привели к серьезным ошибкам в интерпретации керамических комплексов, прежде всего к неправильным, порой заглубленным датировкам. Это и заставило нас сейчас главное внимание обратить на датировку и соотношение различных керамических комплексов. За основу датировок брались серии вещей, например, некоторые типы украшений, оружия, из точно определенных стратиграфических комплексов различных памятников.

Развернувшиеся в последние годы работы позволили накопить значительный материал по указанным районам Сырдарьи, по степени изученности их и соседних памятников, как и качество раскопок, весьма различны (со времени первых раскопок интересующих нас памятников прошло более 90 лет). Все это чрезвычайно затруднило работу; пришлось подвергнуть тщательному анализу и сами керамические комплексы и другие категории вещей, рассматривать топографию поселений и характер погребального обряда и инвентаря. В данной работе эта часть не-

¹ См.: В. И. Абасов. Скифский быт и реформа Зороастра. «Archiv orientální», t. XXIV, Praha, 1956, N 1.

² А. Н. Бернштам. Труды семиреченской археологической экспедиции. «Таласская долина» (1936—1939 гг.), т. 1. Алма-Ата, 1949. Рукопись: Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 62, стр. 74.

³ Е. П. Агеева. Керамика Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Т. И. Семенов. Керамика городища Алтын-Асар. М., 1953. Автореферат канд. дисс.

следования получила минимальное освещение (исключение составляют некоторые памятники каучинской и джетыасарской культур, датировка которых сомнительна, а керамика может служить опорой при изучении других комплексов).

Данные в заглавии работы хронологические рамки несколько условны. Нижняя хронологическая граница интересующих нас керамических комплексов — рубеж или I в. до н. э. — I в. н. э. Что касается верхней даты, то в районе Нижней Сырдарьи — это IX в., в районах среднего течения ее (как в Ташкентском, так и в Отрарско-Каратаусском оазисе) — VIII в. (скорее, его начало), так как именно на этот период падает резкое изменение в керамике.

Выделенные этапы развития культур Нижней и Средней Сырдарьи еще значительно шире, но пока у нас нет возможности дать им более узкие хронологические рамки.

В районах Нижней и Средней Сырдарьи уже в первые века н. э. удалось выявить три культурные области — джетыасарскую, каучинскую и отрарско-каратаускую. Судя по керамике, на всей территории распространения указанных культур до начала VIII в. для районов Средней и до IX в. для Нижней Сырдарьи основной этнический состав не меняется. Однако данные исследования керамических комплексов позволяют в определенной степени проследить на этой территории процесс взаимодействия старых и новых этнических групп.

С Сырдарьей связана одна из самых запутанных и противоречивых проблем — кангюйская. Сведения письменных источников весьма немногочисленны и смутны. Первое упоминание Кангюя в китайских летописях относится к середине II в. до н. э. в связи с посольством Чжан Цяня⁴. В тот период Кангюй представлял собой одно из могущественных государств Средней Азии, посылающее помощь Давань в его борьбе с китайцами⁵, поддерживающее гуннов, расширяющее свою власть на северо-запад, где в зависимости от Кангюя находилось владение Яньдай⁶. Кроме основной территории, Кангюю были подчинены страны пяти «малых владений» — Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юе-

гын⁷. По поводу локализации этих пяти «малых владений» и основной территории Кангюя, как и по вопросам языковой принадлежности его населения, хозяйства и т. п., существует множество противоречивых теорий. Так, например, большинство исследователей считают, что основная территория Кангюя простиралась в области Средней Сырдарьи, в районах между Таласом и низовьями Чу — на востоке, Ташкентским оазисом — на юге, низовьями Сырдарьи — на севере⁸. В. В. Бартольд, связывая основную территорию Кангюя со Средней Сырдарьей и считая кангюйцев кочевниками, одновременно рассматривал пять кангюйских «малых владений» как земледельческие области, отождествляя Сусе с Шахрисябзом, Фуму с Кушанией на Зеравшане (близ Катта-Кургана), Юени с Ташкентом, Ги — с Бухарой, Юегын — с северной частью Хорезма с г. Ургенчем⁹. С. П. Толстов, отождествляя Сусе с Кешем на Кашкадарье, Фуму с Кушанией на Зеравшане, Юени — с Шашем, Ги — с Бухарой, Юегын с Хорезмом (Ургенч)¹⁰, считает географическим и политическим центром Кангюя Хорезм или же «обширную культурную область двух смыкающихся дельт Амударьи и Сырдарьи»¹¹. А. Н. Бернштам размещал Сусе на среднем течении Сырдарьи, Арыси и в северных предгорьях Каратау, Фуму — в районах к северо-западу от Яны-Кургана до Казалинска, Юени — в Ташкентском оазисе, Ги — в низовьях Сырдарьи, Юегын — в Хорезме¹². С. Г. Кляшторный, опираясь достаточно обоснованно всех этих лока-

⁷ Там же, стр. 186.

⁸ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 5. J. Markwart. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938, S. 188; W. M. McGovern. The early empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939, p. 134—135; W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 291; А. Н. Бернштам. Памятники старинной Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 10—17; он же. Историко-археологические очерки Памиро-Алая и Центрального Тянь-Шаня. МИА, № 26, 1952, стр. 214; А. Н. Терекोजин. Согд и Шаш. Л., 1948. Рукопись канд. дисс., стр. 244; Г. В. Плигин. К вопросу о географии Шахнамэ. ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 307.

⁹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 5, 7.

¹⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 144.

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 20—22; он же. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 143—144.

¹² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 216.

⁴ И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М., 1950, стр. 150, 184—186 и др.

⁵ Там же, стр. 165—166; И. В. Юонер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 127.

⁶ И. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 229.

лизаций, считает возможным наметить общие контуры кангюйской империи, охватывающей север Среднеазиатского междуречья¹³, с центром в районе Средней Сырдарьи, в Отрарском оазисе. Как и С. П. Толстов, С. Г. Кляшторный склонен рассматривать Кангюй как политическое объединение. С территории древнего Кангюя, районами Средней Сырдарьи, С. Г. Кляшторный связывает и первоначальною родину кенгересов — кангар-пещегоев¹⁴. Б. А. Литвинский помещает центр Кангюя на Средней Сырдарье, в районе Ташкентского оазиса¹⁵. Мы считаем, что, независимо от локализации центра Кангюя, районы Средней и Нижней Сырдарьи к началу нашей эры входили в это государственное объединение.

Многие исследователи, локализуя центр Кангюя в присырдарьинских районах, основываются на противоречивых данных письменных источников, большей частью без учета археологического материала вообще или, в лучшем случае, с учетом археологических данных по какому-либо одному району.

Исходя же из результатов исследования конкретного археологического материала всех присырдарьинских районов, можно прийти к выводу, что в настоящее время данных для сопоставления того или иного этноса с археологическими культурами недостаточно, пока не выяснен вопрос об их происхождении и не получен материал с археологическими памятниками этих районов I тысячелетия до н. э.

В первые же века нашей эры власть Кангюя распространилась и на соседнее владение Яньдай, именное Сима Цянем к северо-западу от Кангюя. Оно «лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов». К первым же векам нашей эры относится свидетельство летописей о том, что «владение Яньдай переименовалось в Алашья. Обыкновения и одеяния народа

сходны с кангюйскими»¹⁶. На основании этих сведений В. В. Бартольд отождествляет Яньдай с алашами античных авторов. Считает, что коочья этого народа (иранского происхождения) могли доходить до низовьев Сырдарьи на востоке, В. В. Бартольд размещает Яньдай (Алашья-Судэ) в Восточном Приаралье¹⁷. Против подобного вывода возражает С. П. Толстов, который считает, что в летописях под владением Яньдай разумеется более обширная территория — вся огромная область тогдашних коочевий алаш — от Сырдарьи и Хорезма до Предкавказья¹⁸.

В одной из летописей сказано, что владение Судэ в древности называлось Яньдай и лежало при большом озере¹⁹. Это владение большинство исследователей локализуют в Приаралье²⁰. В IV в. Судэ было покорено гунами, частично осевшими здесь²¹. С. П. Толстов отождествляет джетиасарскую культуру, расположенную в низовьях Сырдарьи, с эфталито-хионитскими племенами²². Л. Н. Гумилев с названием племени хионитов связывает имя одного из правителей страны Судэ Хуни²³. Хионитов, широко известных в Средней Азии в IV—V вв., многие исследователи считают сложившимися при участии гунических племен²⁴ и выходцами из района Приаралья²⁵, где они жили по соседству с народом «вар»²⁶. Этот вопрос, как

¹⁶ И. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 150, 229.

¹⁷ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 33.

¹⁸ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 75. См. также об Яньдай: Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн, стр. 17—18.

¹⁹ И. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 260.

²⁰ С. П. Толстов. По следам... стр. 218; А. М. Манделштам. Средняя Азия в III—IV вв. п. э. «Очерки по истории СССР III—IV вв.» М., 1958, стр. 241; Е. Е. Нерзлик. Предки таджикского народа в IV—V вв. «История таджикского народа», т. 1, М., 1963, стр. 403.

²¹ И. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 260.

²² С. П. Толстов. Города гузов... стр. 80; *он же*. По следам... стр. 213; *он же*. Хорезмская археологическо-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.) ТХЭ, т. 1, М., 1952, стр. 31; *он же*. Работы Хорезмской археологическо-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 252; *он же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 196.

²³ Л. Н. Гумилев. Эфталты и их соседи в IV в. ВДН, 1950, № 1, стр. 134.

²⁴ С. П. Толстов. По следам... стр. 213; К. Еноки. The origin of the White Huns or Hephthalites. «East and West», 1955, N 3, p. 233.

²⁵ С. П. Толстов. По следам... стр. 213; А. М. Манделштам. Указ. соч., стр. 414.

²⁶ Г. С. Дегуниш. Сказания Прийка Паннийского, отрывок 24. «Записки второго отделения АН», кн. VII, вып. I, СПб., 1861, стр. 87. Ed. Chavan-

¹³ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, стр. 172. (см. разбор кангюйской проблемы и историографии вопроса — стр. 165—179); см. также: Р. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II (Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Л., 1926, стр. 1—9; Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 162.

¹⁴ С. Г. Кляшторный. Указ. соч., стр. 161—165, 171—176, 179.

¹⁵ Б. А. Литвинский. Дикунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, 1967, № 2, стр. 33—35; *он же*. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, стр. 14—23 (см. там же разбор кангюйской проблемы).

нам кажется, также требует дополнительных исследований.

Более ста лет назад началось археологическое изучение Средней Азии. В 1867 г. П. И. Лерх посетил некоторые памятники Сырдарьи и обследовал городище Джанкент (Янгикент) близ современного устья Сырдарьи²⁷. Вплоть до создания Туркестанского кружка любителей археологии в 1895 г. памятники Нижней и Средней Сырдарьи весьма случайно исследовались проезжавшим географами, военными топографами и др.²⁸ Членами кружка открыты и впервые обследовано множество поселений, городищ и могильников (Е. Т. Смирнов, В. А. Каллаур, П. Н. Руднев, Н. Г. Маллицкий, Н. И. Пантусов, И. Т. Пославский, А. Н. Симанов и др.), а некоторые памятники были подвергнуты раскопкам (например, раскопки Н. П. Остроумова под Ташкентом, на «Никифоровских землях», на городище Чаш-тепе, в долине Арысы у сел. Мамаевка, раскопки А. И. Кларе и А. А. Черкасова на территории Отрара)²⁹.

nes. Documents sur les Tou-Kiue (tures) Occidentaux. Paris, 1900, стр. 231, 246—247.

²⁷ П. И. Лерх. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. ОАК за 1867 г. СПб., 1869, стр. XXII—XXXI; *он же*. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1970.

²⁸ Подробно об этом см.: Н. С. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. ПТКЛА, I. Ташкент, 1896.

²⁹ См., например: Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях г. Ташкента, ПТКЛА, I. Ташкент, 1896; *он же*. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарьи, ПТКЛА, II. Ташкент, 1897; В. А. Каллаур. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде, в долине рек Сырдарьи и Яндырды. ПТКЛА, IX. Ташкент, 1904; *он же*. Древние города, крепости и курганы по Сырдарье, в восточной части Перовского уезда. ПТКЛА, XI. Ташкент, 1906; Н. Руднев. Следы древних городов по Сырдарье. ПТКЛА, V. Ташкент, 1900; Н. Г. Маллицкий. К исторической топографии Ташкентского района. ПТКЛА, V. Ташкент, 1900; А. И. Симанов. Дзеты-асар. «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1900, № 800—817; Н. П. Остроумов. Отчет о раскопках курганов на «Никифоровских землях» в окрестностях Ташкента. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1894; *он же*. Археологическая поездка в сел. Мамаевку Чимкентского уезда. ПТКЛА, IV. Ташкент, 1899; А. И. Кларе, А. Черкасова. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалины его в 1904 г. ПТКЛА, IX. Ташкент, 1904. О деятельности членов кружка и их исследованиях в районах Нижней и Средней Сырдарьи см.: В. В. Лукин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958.

Большое внимание исследованию археологических памятников этого района уделял академик В. В. Бартольд³⁰.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался новый этап в археологическом изучении Средней Азии. Бывшие в начале этого периода эпизодическими³¹, археологические исследования широко развернулись в 30-е и в 40-е годы, особенно после Великой Отечественной войны. Работы, связанные со строительством каналов, ГЭС, организация крупных экспедиций позволили проводить планомерные и широкие обследования и раскопки.

В Ташкентском оазисе в 30-х годах Г. В. Григорьев открыл и раскопал поселения, а затем и курганы каунчинского типа³². Исследования могильников этого типа были продолжены А. И. Тереножкиным. В 1940—1941 гг. А. И. Тереножкин раскопал замок Ак-тепе близ Ташкента³³.

В конце 40-х годов раскопки памятников каунчинской культуры в Ташкентском оазисе производились М. Э. Воронцом³⁴. В 50-е и 60-е годы было подвергнуто раскопкам еще несколько поселений и могильников подобного типа (раскопки Н. И. Крашениннико-

³⁰ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. Сочинения, т. IV. М., 1966, стр. 21—91; *он же*. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Там же, стр. 111—145.

³¹ М. Е. Массон. Старый Сайрам. «Известия Среднеазиатского музея», вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 23—42; *он же*. Ахангера. Ташкент, 1953; А. А. Поганов. Ташкентский курганный могильник. Рукопись. Архив Управления по делам архитектуры при СМ УзССР, № 31; А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. «Сообщения ГАИМК», т. II, М., 1929, стр. 123—159.

³² Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгильском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935. *он же*. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940; *он же*. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; *он же*. Келеская степь в археологическом отношении. «Известия АН УзССР», № 46, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948; Т. Г. Оболдуев. Курганы каунчинской и джунгской культуры в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 23, 1948, стр. 201—202.

³³ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия Узб. ФАН СССР», Ташкент, № 9, 1940; *он же*. Холм Ак-тепе близ Ташкента. ТИИА АН УзССР, т. 1. Ташкент, 1948; *он же*. Согд и Чим. КСИИМК, вып. 33, 1950.

³⁴ М. Э. Воронцов. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Бревской в 1947 г. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1951, стр. 43—73.

вой³⁵, Ю. Ф. Бурякова³⁶, Т. Агзамходжаева³⁷, работы Чардаринской экспедиции³⁸).

В более северных районах средней Сырдарьи в 1936—1939 гг. вели работы Семиреченская, а позднее и Южно-Казахстанская (1947—1951 гг.) экспедиции под руководством А. Н. Бернштама. Эти работы положили начало сплошному археологическому обследованию района³⁹.

В начале 50-х годов работы на территории Южного Казахстана были возобновлены⁴⁰, а с 1966—1967 гг. отряды Семиреченской экспедиции особенно широко исследовали

памятники в районах Отрара, начато изучение и самого городища Отрар⁴¹.

В низовьях Сырдарьи в 1946 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством С. П. Толстова начала изучение городищ Джеты-асар, а также «болотных городищ» в дельте реки. В 1948—1949, 1951 гг. велись раскопки на городищах Джеты-асар № 3 и 9, а также в нескольких курганных группах⁴². Разведывательные работы в этом районе велись в 1958, в 1962—1963 гг. В 1963 г. провоздвигались также раскопки на городище Кескен-Куяк-кала. В 1966 г. маршрутный отряд экспедиции вновь посетил джетыасарское урочище, а затем обследовал памятники Средней Сырдарьи от г. Кызыл-Орда до г. Туркестан.

В данной работе были использованы неопубликованные коллекции Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, а также материалы среднеазиатских музеев (прежде всего, городов Ташкента, Самарканда, Алма-Аты). Приношу искреннюю благодарность С. П. Толстову, К. А. Акишеву, Ю. Ф. Бурякову, Г. А. Брыкиной, Б. И. Вайнбергу, М. Г. Воробьевой, А. Г. Максимовай, М. С. Мерцишеву, А. А. Маруденко, Е. Д. Салтовской за советы в работе и предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

³⁵ Н. П. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чам-тепе. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», вып. V. Ташкент, 1960, стр. 147—149; она же. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. «Труды Таш. ГУ», «Археология Средней Азии», вып. VII. Ташкент, 1966, стр. 26—33.

³⁶ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды САГУ», вып. XXXI. Ташкент, 1956, стр. 126; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильвер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды Таш. ГУ», «Археология Средней Азии», вып. V. Ташкент, 1960, стр. 128—146.

³⁷ Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 223—235; он же. Троибузукские наусы. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 71—79; он же. Подземные каменные наусы около г. Ангрена. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 104—111.

³⁸ А. Г. Максимова, М. С. Мерцишев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

³⁹ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Таласская долина» (1936—1939 гг.), т. 1. Алма-Ата, 1949. Рукопись. Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 62; он же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; он же. Кенкольский могильник. Л., 1940; он же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР», № 69, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949; он же. Древний Отрар. «Известия АН КазССР», № 108, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951; Е. И. Асеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958.

⁴⁰ Е. И. Асеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. ТИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956; Л. И. Ремпель. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. ТИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956; «Археологические исследования на северных склонах Каратау» (статьи Е. И. Агеевой, Т. Н. Сенговой, А. Г. Максимовай, М. Е. Мерцишева). ТИИАЭ АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962.

⁴¹ А. А. Акишев. Исследования в Казахстане. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Южного Казахстана». Алма-Ата, 1969; она же. Археологические работы в Южном Казахстане. «Археологические открытия 1969 г.» М., 1970.

⁴² Подробно см.: С. П. Толстов. Города гузов, стр. 55—107; он же. По следам древне-хорезмийской цивилизации. стр. 125—140; он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии. М., 1949, № 3, стр. 246—254; он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 16—19; он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии. М., 1950, № 6, стр. 521—531; он же. Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г. СА, 1954, XIX, стр. 258—262; он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 235—252; он же. По древним дельтам..., стр. 186—198.

КЕРАМИКА НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Изучение урочища Джеты-асар было начато в 1946 г. С. П. Толстовым. Раскопки на городище Джеты-асар № 3 велись в 1948, 1949 и 1951 гг. В 1951 г. проводились раскопки на Джеты-асаре № 9 и обследование других памятников урочища, продолженное в 1958, 1962—1963 и в 1966 гг.¹

Основной комплекс джетыасарских памятников расположен в бассейне одного из старых русел Нижней Сырдарьи — Кувандарьи. Южная граница распространения джетыасарских памятников проходит к северу от сухого русла Жаныдарьи, в 15—20 км севернее Ак-кыра. Для джетыасарского комплекса характерны крупные городища с особой планировкой и своеобразной материальной культурой. Городища расположены в непосредственной близости от русел. Они группируются вдоль основных протоков Северной Кувандарьи (Пра-Кувандарьи)², но зафиксированы и вдоль других, в том числе

и меридионально расположенных русел, и по самой Кувандарье.

Судя по результатам раскопок некоторых джетыасарских городищ, главной отраслью хозяйства их населения было скотоводство. 47% стада составляли крупный рогатый скот, лошади и верблюды³. Их перерубленные кости использовались в качестве строительного материала в кладке стен верхнего горизонта «Большого дома» Алтып-асара⁴. Немалую роль в хозяйстве джетыасарского населения играло земледелие, а также рыболовство и охота. О последнем говорят находки костей диких животных. Находки рыболовных крючков, грузил и костей рыб подтверждают, что жители джетыасарских городищ занимались рыболовством. Даже самое расположение этих городищ свидетельствует о немаловажном месте, занимаемом рыболовством в хозяйстве их обитателей. Многочисленные зернотерки и жернова, найденные при раскопках Джеты-асаров № 3 и 9, а также зерна проса и ячменя, косточки бахчевых культур могут служить доказательством, что немалая роль в хозяйстве джетыасарцев была отведена и земледелию. Об этом же свидетельствует и примитивная приращия, открытая в окрестностях джетыасарских городищ археолого-топографическим отрядом.

К настоящему времени известно несколько десятков городищ, а также значительное число джетыасарских поселений, также расположенных вдоль русел. Городища окружены курганными группами. С. П. Толстов

³ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 193.

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 19; *он же*. По древним дельтам..., стр. 193.

¹ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ. 1947, № 3; *он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 125—140; *он же*. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1949, № 3, стр. 246—254; *он же*. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 16—29; *он же*. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1949 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1950, № 6, стр. 521—531; *он же*. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 258—262; *он же*. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 235—252; *он же*. По древним дельтам Окса и Ясарта. М., 1962, стр. 186—198.

² В. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, стр. 202—205.

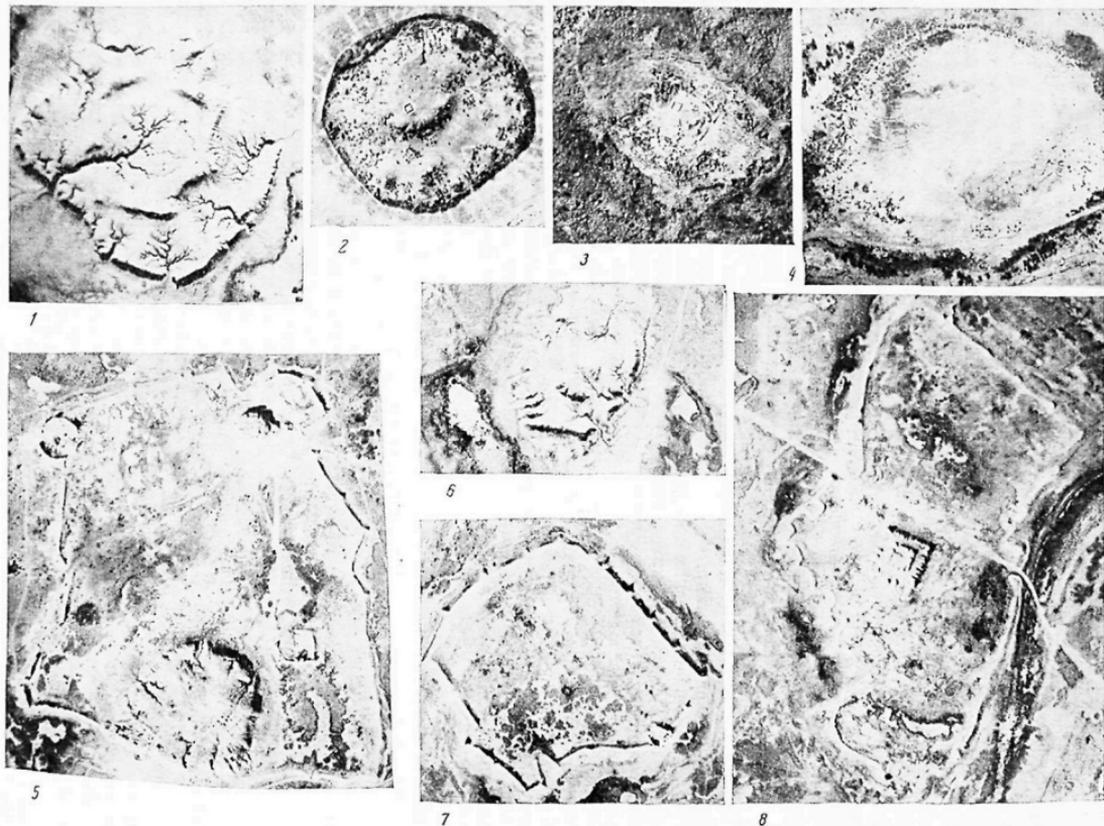

Рис. 1. Городища урочища Джеты-асар

1 — Джеты-асар № 1; 2 — Большой Кара-асар; 3 — Малый Кара-асар; 4 — Мойшыпты-асар; 5 — Джеты-асар № 3; 6 — Джеты-асар № 5; 7 — Джеты-асар № 4; 8 — Джеты-асар № 7

после первого обследования урочища разделял памятники на три основных типа: первый — укрепленная усадьба с укрепленным же зданием внутри (к первому подтипу данного типа отнесено городище Джеты-асар № 1, а ко второму подтипу — городища Джеты-асар № 2, 5, 6, 7, 13, 15 и 16); второй — крепость с сильно развитой системой фортификации и без следов построек внутри стен (городища Джеты-асар № 4 и 8); третий — крепость со столь же развитой фортификационной системой, но с многочисленными и разнообразными остатками жилых сооружений внутри (городища Джеты-асар № 3)⁵. Большинство джетыасарских городищ имеет многометровую толщу культурных напластований. У некоторых из них удалось установить своеобразную спиральную планировку. Подобная планировка зафиксирована на «Большом доме» Джеты-асара № 3, Мойшокты-асаре, Большом и Малом Кара-асаре, Джеты-асаре № 9, Кара-асаре и др.

Все строения на джетыасарских городищах возведены из сырцовых кирпичей прямоугольных очертаний (размеры их колеблются: например, на Джеты-асаре № 1 есть кирпичи от $38 \times 28 \times 9$ до $43 \times 30 \times 10$ см; на Джеты-асаре № 3 наряду с относительно мелким прямоугольным кирпичом встречается и кирпич размером $50 \times 30 \times 10$ см), иногда со-

⁵ С. П. Толстов. По следам..., стр. 128—131.

ДЖЕТЫ-АСАР № 3

Джеты-асар № 3 — огромное городище неправильно трапециевидных очертаний площадью 17 га. Внутри него возвышаются четыре главных сооружения, одно из которых, так называемый «Малый дом», очевидно, крупный мавзоль, а другое — «Большой дом», ныне представляет собой бугор размером примерно 150×150 м и высотой 12—15 м⁶.

В результате раскопок выявилось, что в нем заключен жилой массив со спиральевидной планировкой и что толща культурных напластований имеет два горизонта⁷. Каждый

⁶ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 187.

⁷ Выделенные С. П. Толстовым еще в 1948 г., эти два горизонта тогда же были названы: нижний — «горизонтом зернотерок», верхний — «горизонтом жерновов», что обусловлено различием в типе мукомольных сооружений (С. П. Толстов. Хорезм-

четающихся с пахсовыми блоками (например, на Томпак-асаре на центральной части городища зафиксирована кладка из перемежающихся сырцовых кирпичей и пахсовых блоков).

Исследование материальной культуры джетыасарских городищ позволило констатировать необычайную устойчивость этой культуры на протяжении почти тысячелетнего периода ее существования на данной территории. В то же время продолжительность жизни различных памятников была неодинакова. На одном и том же городище заметны определенные изменения в материальной культуре, затрагивающие такие элементы, как керамику, предметы украшения, быта, внутреннюю планировку помещений, типы очагов и т. п. Эти изменения четче всего прослежены по керамике (конечно, с обязательным учетом стратиграфии и анализом других элементов материальной культуры).

В нашем распоряжении была керамика из сборов 1946, 1948—1949, 1951, 1958, 1961—1962, 1966 гг. с городищ Джеты-асар № 1—4, 6—14, Биданк-асар № 1, 2, Томпак-асар, Кара-асар, Ашаг-асар, Унгуры-асар, Малый и Большой Кара-асар, Домалак-асар, Мойшокты-асар, Сарлы-асар, Ак-тобе, из раскопок 1948—1951 гг. Джеты-асаров № 3 и 9 и курганов. При классификации керамики большое значение имел материал раскопок «Большого дома» Джеты-асара № 3.

из горизонтов по внутренней планировке делится на два строительных периода, причем нижний, первый, вскрыт лишь на незначительном участке. Для удобства фиксации материала исследователями в 1951 г. было принято деление раскапываемых комплексов на ярусы, в абсолютном большинстве случаев соответствующие полу и слою над ним. Средняя высота яруса около 0, 5 м.

К первому строительному периоду нижнего горизонта⁸ относятся три нижних яруса (№ 1—3), вскрытых в шурфе на очень небольшом пространстве. Шурф доведен до материка в помещении № 1А юго-западного раскопа на периферийном участке «Большо-

ская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 18).

⁸ Вся нумерация дана снизу вверх.

го дома», поэтому сказать что-либо определенное о внутренней планировке трудно⁹. Ко второму строительному периоду относятся семь ярусов (№ 4—10)¹⁰ с общей внутренней планировкой, для которой характерны очаги типа каминов в стенах, параллельные ряды длинных узких помещений, разделенных на отрезки поперечными стенами.

К верхнему горизонту относятся два яруса третьего и четыре яруса четвертого строительного периодов. Для их внутренней планировки характерен центральный открытый очаг, окруженный суфой, которая в одном месте прорезана входом в комнату. В четвертом строительном периоде при сохранении той же планировки появляются своеобразные «длинные очаги» — особая система отопительных сооружений¹¹.

После исследования керамики «Большого дома» выяснилось, что ее можно разделить на два хронологических периода, соответствующих «горизонту зернотерок» и «горизонту жерновов», выделенных С. П. Толстовым.

Рассматривая их, мы должны заметить, что отнюдь не считаем нижний горизонт древнейшим на городище. В пользу того, что есть и более древний, свидетельствуют и сама планировка «Большого дома», и периферийное расположение участка, где в шурфе вскрыты нижние ярусы, а также часть материала «Малого дома» и некоторые фрагменты подземной керамики.

Всю керамику верхнего и нижнего горизонтов можно разделить на две большие группы: сосуды очень грубой лепки с небрежно промешанным и слабо отмученным тестом, обычно с примесью шамота, известковых включений, реже дресвы, напольного обжига, часто с сероватым ангобом; сосуды горнорного обжига с хорошо промешанным и отмученным тестом, среди которых подавляющее большинство составляют сосуды, изготовленные ручной лепкой при помощи вращающейся подставки. Если все сосуды первой группы — домашней выработки, то керамика второй группы, безусловно, ремесленного производства.

К первой группе керамики относятся так называемая кухонная керамика; ко второй — сосуды для хранения и переноски воды, вина, зерна и т. п. и «столовые» сосуды. Вся керамика изготовлена ленточным способом.

Детальный анализ материала, проведенный по помещениям и ярусам, показал, что во всех десяти ярусах нижнего горизонта и в шести ярусах верхнего горизонта «Большого дома» керамика относительно однородна¹². Этот керамический комплекс подробно разобран в статье, посвященной джетысарской культуре¹³, поэтому в данной работе дается его суммарное описание.

Более половины всех сосудов первой группы керамики нижнего горизонта составили горшки баночной формы с узким дном, с несколько отогнутым маленьким округлым или подтреугольным в сечении венчиком (рис. 3, 154—158, 163—165, 172—177). Часть горшков украшена по тулову наленным орнаментом в виде шишечек, иногда сочетавшихся с полукруглым гладким налетом (помещения № 3, 17, 18, 21; рис. 3, 163, 209, 210). Встречены «сковороды» (рис. 3, 189—190, 192—193); миски полусферической формы (рис. 3, 191), иногда с отпечатками зерен проса на поверхности; сосудики типа чаши, кувшинов; плоские крышки, иногда орнаментированные concentрическими рядами ямок (рис. 3, 188), а также фрагменты сосудов типа светильников с поддонами конической формы (рис. 3, 200, 201). В 6-м ярусе найдена квадратная в плане «очажная подставка» из грубо обожженной глины, сужающаяся кверху и ошлакованная в верхней части, с круглой выемкой в середине, с двумя обломанными верхними концами.

В керамике второй группы можно выделить несколько видов: крупные сосуды типа хумов и двуручные горшкообразные сосуды; разной величины кувшины; мелкие и средние горшки; миски; кружки; крышки и пр.

Хумы и двуручные горшкообразные сосуды (рис. 3, 5, 6, 11—15) — красноглиняные, покрытые красным, красно-коричневым или

⁹ Размеры шурфа внизу 1,4 × 1,4 м, поэтому можно лишь отметить, что стены помещений этого периода совпали с вышеизложенными, а на полу находились выложенные кирпичом открытые очаги.

¹⁰ Вскрыты в юго-западном раскопе 1949 и 1951 гг. в помещениях № 1—5, 7, 10, 13, 17—19, 21а, 21б, 32.

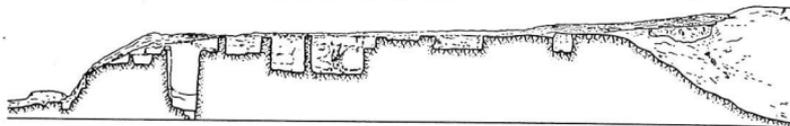
¹¹ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 237, 240.

¹² В нижнем горизонте 1—3-й ярусы вскрыты лишь в шурфе в помещении № 1А; 4—6-й — также лишь в помещении № 1А; 7-й ярус — в помещениях № 1А, 16, 17 и 32 (юго-западный раскол); 8-й ярус — в помещениях № 1А, 3, 17, 18; 9—10-й ярусы — в помещениях № 1 западного раскопа. № 1А и 1Б, 2, 3, 4, 7, 10, 13, 18, 19, 21 юго-западного раскопа.

¹³ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 45—69.

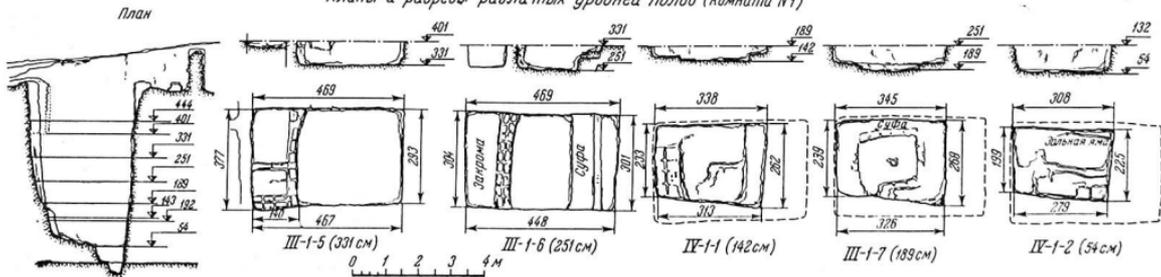

Панорама раскопок 1951 г.
Вид с юго-запада

0 2 4 6 8 10 м

Планы и разрезы различных уровней полов (комната N1)

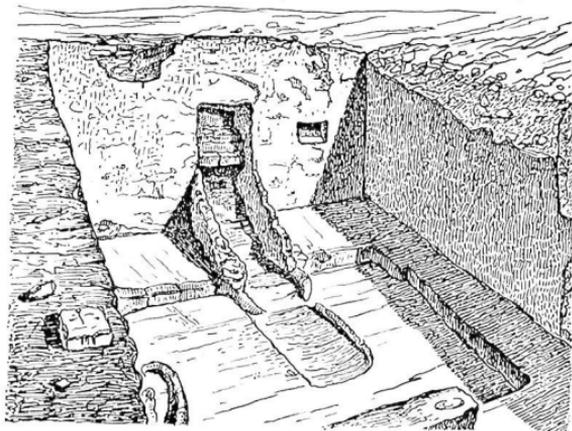
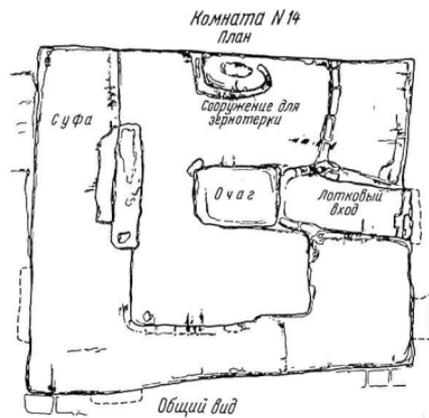
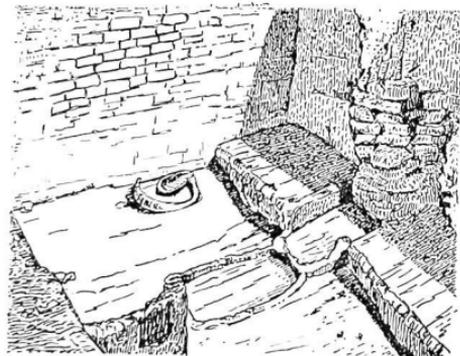
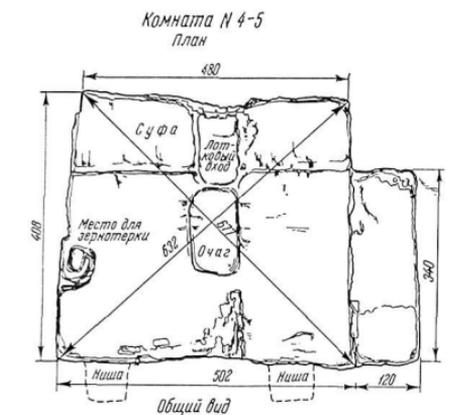

Рис. 2. Джекы-асар № 3. „Большой дом“, Юго-западный раскоп 1951 г.

темно-коричневым ангобом и лощением, с небольшим округлым или подтреугольным в сечении венчиком (диаметр 22—38 см), покатыми плечиками; диаметр днищ — до 34 см. Часто такие сосуды снабжены двумя симметрично расположенными ручками, верхний конец которых прикреплен к венчику.

Для многочисленных кувшинов (их около 45 экз. в этом горизонте) характерно раздутое, иногда почти сферической формы тулово с наибольшим расширением в верхней части корпуса, с высоким горлом, прямым или чуть расширяющимся книзу, с маленьким округлым или подтреугольным в сечении венчиком, иногда с ложбинкой для крышки по внутренней стороне. Диаметр плоского дна равен диаметру горла. В месте перехода горла к корпусу обычен небольшой уступ или валик (рис. 3, 31, 34, 40). Часть кувшинов снабжена одним или (что встречается намного чаще) двумя симметрично расположенными сливами различной формы — от чуть намеченных изнутри палочкой до явно выраженных и оттянутых снаружи пальцами (рис. 3, 23, 31, 44). Довольно часто рифление на горле — от слегка намеченных до явно выраженных горизонтальных каннелюр (рис. 3, 39, 41). Некоторое количество кувшинов снабжено вертикальной ручкой, прикрепленной к горлу (рис. 3, 23, 33). У других на плечиках сферической формы тулова прикреплены две подтреугольные в сечении ручки, в верхней части их выдается примерно на 2 см выступ (рис. 3, 31). Нередки кувшины, у которых примерно на тех же местах плечиков был сделан орнамент в виде налепных шишечек (рис. 3, 40). Большинство кувшинов красноглиняные, покрытые густым ярко-красным или красно-коричневым ангобом и лощением по наружной стороне, но встречены и сероглиняные, также лощеные, той же формы сосуды.

Красноглиняные миски (рис. 3, 131—134, 144—148) различного размера, близкой к полусфере формы с простым или слегка утолщенным краем, обычно с обеих сторон покрыты таким же, как кувшины, ангобом и лощением.

Частой находкой были тонкостенные лощеные кружки. В материалах нижнего горизонта (преобладают красноглиняные, их около 70%) встречено два типа кружек: 1) с маленьким круглым в сечении венчиком и близким к сферической форме туловом (рис. 3, 74—81); 2) с заметным уступом, отделяющим горло с простым краем от сферической формы тулова (рис. 3, 90—94).

Плоские крышки (рис. 3, 128—130) с вступом или петлеобразной ручкой в центре обычно покрыты беловатым ангобом.

На некоторых сосудах из верхнего яруса нижнего горизонта был прочерченный геометрический орнамент (рис. 3, 111, 112, 114). На других (в обеих группах) — налепной орнамент в виде шишечек, иногда окаймленных сверху полукруглым гладким налепом (рис. 3, 40, 55, 56, 163, 208—210).

В нижнем же горизонте неоднократно встречались фрагменты красноглиняных сосудов (обычно изготовленных тщательной ручной лепкой, реже — на гончарном круге), покрытых снаружи светлым жидким беловатым, иногда с розоватым или желтоватым оттенком (как бы слегка размытым) ангобом, поверх которого густой красно-коричневой или коричневой краской нанесены мазки и потеки (рис. 3, 115, 116).

Подобная керамика широко представлена в массовом материале Средней Сырдарьи, начиная с I в. до н. э. и до времени развитого средневековья (конечное, с изменениями качества и формы).

Датировать рассмотренный керамический комплекс нижнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 помогают другие находки (каменные, костяные, железные, глиняные, стеклянные изделия). Некоторые из них, например прозрачные бочкообразные хрустальные бусы (8-й ярус помещения № 19), цилиндрические коралловые бледно-розовые бусы (рис. 4, 103—109), появляются в Средней Азии лишь в первые века н. э. и бытуют до IV в. н. э.¹⁴ Подробно вопросы датировок нижнего горизонта «Большого дома» рассматривались в литературе¹⁵, поэтому здесь укажем лишь, что нижний горизонт «Большого дома» можно датировать I—IV вв. н. э. (возможно, I в. до н. э. — конец III в. н. э.).

Помещения нижнего горизонта послужили фундаментом для верхнего, в котором за три года раскопок было вскрыто свыше 55 помещений. В верхнем горизонте выявлена новая внутренняя планировка с новыми разнообразными типами очагов — центральный открытый очаг, окруженный суфами, система канов, в верхнем строительном периоде появляются своеобразные «длинные очаги».

¹⁴ Л. М. Левина. Указ. соч., рис. 6, 52, 54; В. Б. Дюлькин. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3, стр. 50, 51; С. А. Труновская. Украшения позднеантичного Хорезма. ТХЗ, т. I, М., 1952, стр. 125.

¹⁵ Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 52—54, рис. 5, 6.

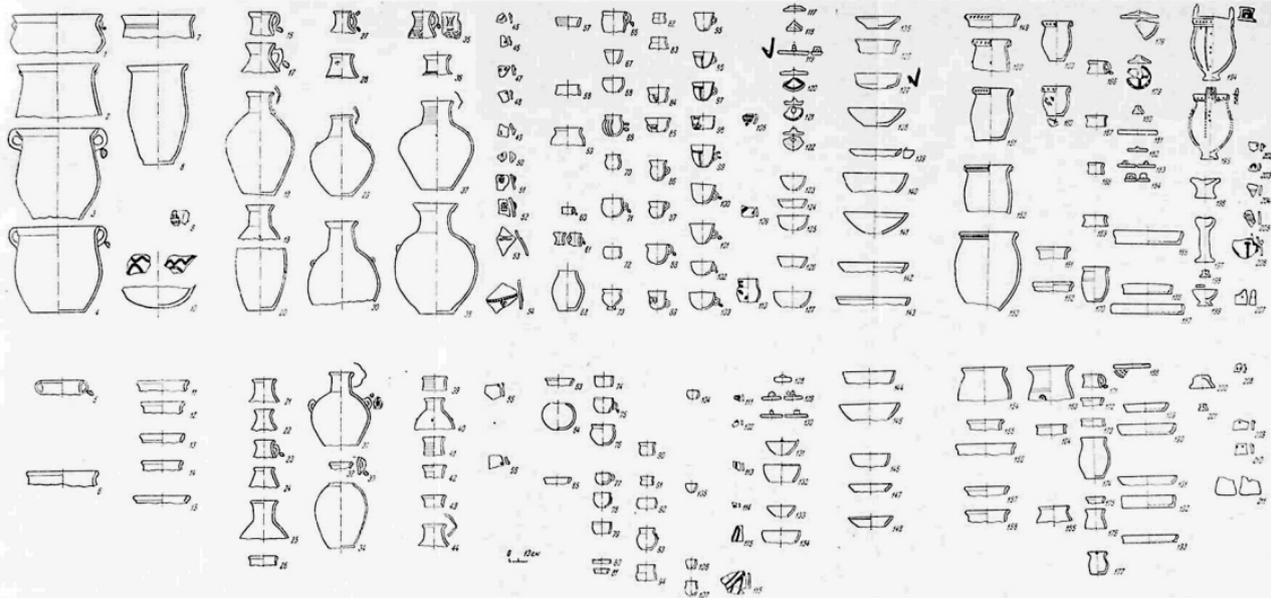

Рис. 3. Бижалия „Башинское дмит“ Днепропетровская обл. № 3

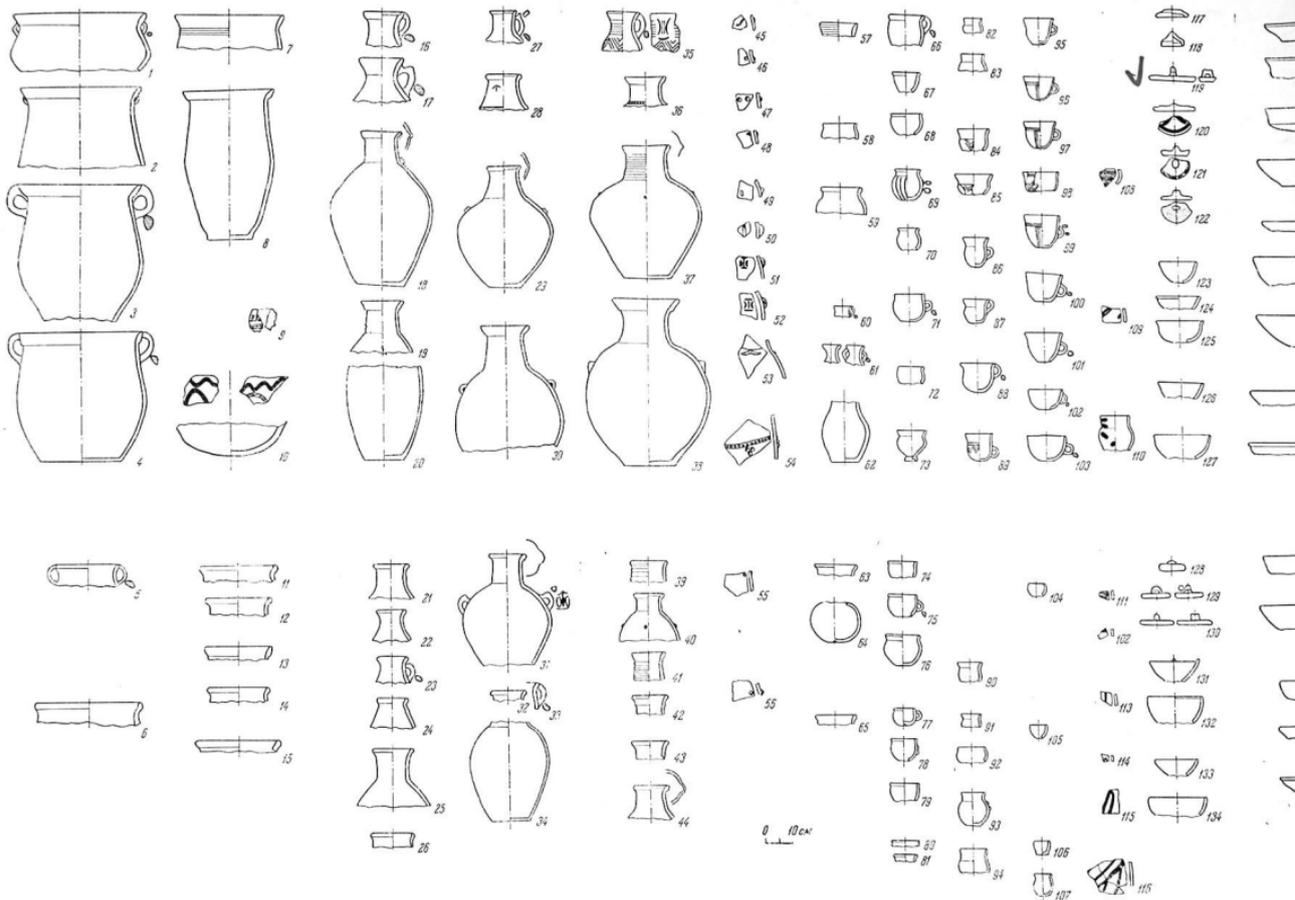

Рис. 3. Керамика «Большого дома» Давста-асара № 3

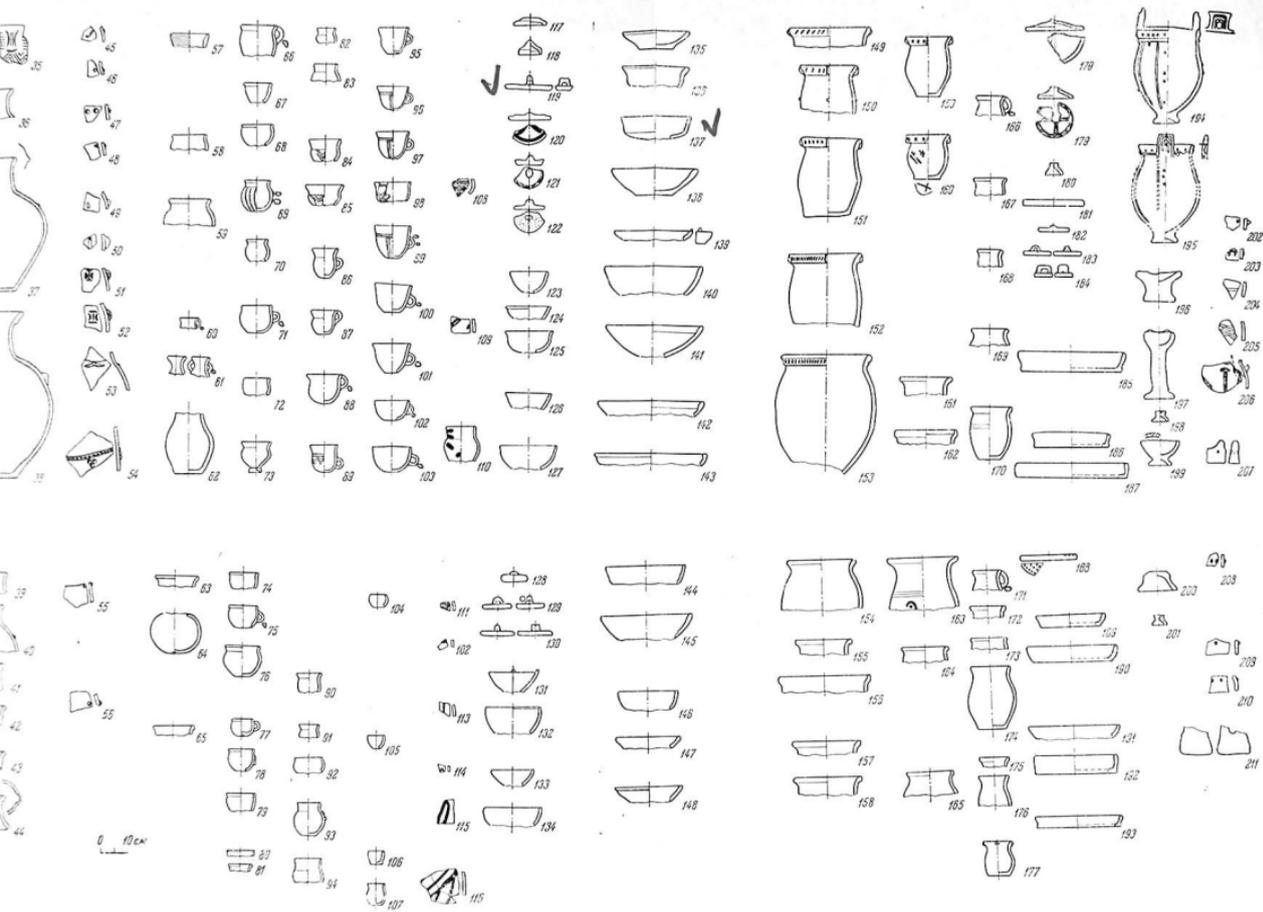

Рис. 3. Беразита „Большого дома“ Дажестана-асара № 3

Перекрытия помещений плоские, из деревянных балок и камыша.

В керамике первой группы верхнего горизонта (всего более 175 сосудов) более 50% горшков. Продолжают бытовать сосуды с характерным для нижнего горизонта венчиком (рис. 3, 161, 162), но подавляющее большинство (около 70%) составляют горшки баночной формы с отогнутым наружу удлинением подпрямоугольным в сечении венчиком, орнаментированным косыми и прямыми насечками, ямочками, цунсонным орнаментом, симметрично расположенными налепами (рис. 3, 149—153, 159, 160). Горшки обычно несколько вытянутых пропорций (высота от 16 до 40 см) с плоским дном, диаметр которого значительно меньше диаметра края (край — от 13 до 34 см, днище — от 9 до 20 см). Часть горшков дополнительно украшена на тулове налепным орнаментом в виде симметрично расположенных шишечек (рис. 3, 150). В верхних ярусах верхнего горизонта отмечен новый способ отделки таких горшков: нижняя часть тулова (обычно ниже наибольшего диаметра) очень небрежно обмазана довольно толстым слоем глины и совсем не заглажена, в результате чего поверхность получается шероховатая, создающая видимость бесстемной ребристости (рис. 3, 152, 153). Этот прием орнаментации встречается в керамике некоторых других джеты-асарских городищ типа Сарлы-асара, Ак-тобе, существовавших и после гибели «Большого дома» Джеты-асара № 3. На соседних с джеты-асарскими «болотных городищах» в слоях VII—VIII вв. отмечены аналогичные сосуды с указанным характерным приемом отделки в виде нарочито грубой обмазки глиной нижней части, отделенной от подлощенной верхней сплошным рядом арочной формы выступов (рис. 21, 82). Подобный прием характерен и для массового материала из верхнего слоя городища Ток-кала близ Нукуса, внутренняя архитектура которого находит аналогии в верхнем строительном периоде «Большого дома»¹⁶. Но в материале Ток-калы указанный выше орнаментальный прием часто создает видимость грубых вертикальных каннелюр.

Прорезной и прочерченный орнаменты в виде косых линий, елочный, наподобие лестниц, клеточек неоднократно встречаются на стенках «кухонных» сосудов верхнего горизонта

«Большого дома» (около 10% общего числа найденных здесь сосудов первой группы); на некоторых, помимо прорезного орнамента, есть и наколотый (рис. 3, 204—206).

«Сковороды» и миски по форме почти не отличаются от встреченных в нижнем горизонте (рис. 3, 185—187). В верхнем горизонте «Большого дома» наряду с плоскими обнаружены конические крышки, часто также орнаментированные пальцевыми вдавленными полосами или вдавленными концами палочки ямками и заканчивающиеся выступом в центре (рис. 3, 178—184).

Небольшую группу составляют сосуды типа светильников на сплошном (подчас довольно высоком), реже — на полом коническом поддоне, иногда с выступами на краю резервуара или же с нарезками по бережку (рис. 3, 196—199). Ближайшие аналогии этим светильникам встречены на городищах Кескен-Куюк-кала и Куюк-кала¹⁷. Такие светильники есть в африджском Хорезме и в Таласской долине¹⁸, на Средней Сырдарье. Светильник (или «курильница») на невысокой ножке с нарезками по краю, аналогичный найденному в помещении № 1 северного раскопа «Большого дома» (рис. 3, 199), обнаружен при раскопках 1956 г. на городище Кызыл-Кыр в районе Бухары¹⁹.

Характерны для первой группы сосудов верхнего горизонта «Большого дома» своеобразные котлы (найденые пока в небольшом количестве) на невысоких массивных конических поддонах, с туловом вытянуто-округлой формы с двумя подпрямоугольными ручками, возвышающимися над характерным для посуды верхнего горизонта удлинением подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 3, 194—195). Эти котлы явно напоминают металлические котлы «гуннского типа», о чем, кроме формы, свидетельствуют и наленные полосы и шишечки на тулове, ручках и венчике, имитирующие пшвы и заклепки.

Характерные для верхнего горизонта подставки для котлов (или вертелов) относятся также к типу «рогатых кирпичей».

В керамике второй группы верхнего горизонта отмечено значительное число сосудов (не менее 65 экз.) типа хумов, хумчей, горшков с двумя вертикальными ручками

¹⁷ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 67, рис. 14, 15; *он же*. По следам... стр. 210, рис. 80, 3.

¹⁸ Л. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 65, рис. 16, 6.

¹⁹ Светильник находится в Ташкенте в Музее истории народов Узбекской ССР (инв. № К 42 265/65).

¹⁶ А. В. Гудкова, В. Н. Ягодкин. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 258.

(рис. 3, 1—4, 7—8), с густым красно-коричневым, местами до черного цвета ангобом и лощением. Хотя продолжают бытовать характерные для нижних слоев сосуды с небольшими круглым или подтреугольным в сечении венчиком, преобладают (80% первого вида) сосуды с отогнутыми раструбом, крупными удлиненными подпрямоугольными в сечении венчиками. Они имеют обычно резко покатые плечики, широкое устье при небольшом диаметре. Диаметр края их — от 25 до 50 см. Наряду с хумами с удлиненным туловом (рис. 3, 8) встречаются и приземистые (при аналогичной форме венчика и покатых плечиках) с более раздутым туловом, снабженные симметрично расположенными ручками, прикрепленными верхним концом к венчику, а нижним — к плечикам (рис. 3, 3, 4). Найдены и сосуды с рудиментами парных ручек, расположенных там же, т. е. частично на венчике, а частично на плечиках, но уже в виде напевов с небольшими вмятинами по бокам (рис. 3, 2).

Орнамент на сосудах первого вида встречается в единичных случаях. Это — насечки и прочерченные линии по плечикам, горизонтальное рифление под венчиком, напелной орнамент на тулове в виде змеи или валика с насечками, трех шишечек (рис. 3, 7, 54).

Наиболее многочисленны (более 180 экз.) среди керамики второй группы кувшины (рис. 3, 16—20, 27—30, 35—38), в подавляющем большинстве покрытые густым красным, красно-коричневым (местами до черного) ангобом и лощением. Четвертая часть их — сосуды, по форме венчика, сливов, ручек и т. п. полностью аналогичные характерным для нижнего горизонта (рис. 3, 27, 28). В нижнем ярусе верхнего горизонта найдено несколько экземпляров кувшинов с таким же венчиком, покрытых снаружи жидким беловатым ангобом. Более половины кувшинов — с удлиненным подпрямоугольным в сечении отогнутым раструбом венчиком с диаметром края от 12 до 20 см, с относительно высоким прямым или расширяющимся книзу горлом (рис. 3, 16—19, 30, 35—38). Такие кувшины найдены во всех ярусах верхнего горизонта. Более четверти из них — с симметрично расположенными по краю парными сливами. На значительном числе кувшинов отмечено и различное горизонтальное рифление по горлу — от слабо прочерченных полос до глубокого каннелюр (рис. 3, 35, 37). У многих кувшинов горло отделено от тулова явно выраженным уступом, реже — валиком. В верхних ярусах (помещения

№ 29, 31) найдены фрагменты сосудов, у которых по такому валику нанесены глубокие насечки (рис. 3, 36). Размеры кувшинов различны. Но для всех, кроме одинаковой формы горла и особенно тупичного венчика, характерно небольшое дно, диаметр которого равен или близок диаметру венчика.

По форме же тулова кувшины верхнего горизонта представлены двумя вариантами: 1) кувшины с довольно крутыми плечиками и раздутым туловом, иногда почти шаровидным, но у многих сосудов наибольший диаметр (который в 2,5 или в 3 раза больше диаметра горла) приходится на верхнюю треть высоты корпуса (например, такую форму тулова имеет кувшин из помещения № 4; рис. 3, 29); 2) кувшины с резко покатыми плечиками, удлиненным вытянутым туловом, наибольший диаметр которого приходится на верхнюю половину тулова и более чем в 2,5 раза больше диаметра горла, а высота горла составляет примерно $\frac{1}{5}$ высоты сосуда (рис. 3, 18). Встречены экземпляры с туловом переходной формы — от первого варианта ко второму. Часть кувшинов (преимущественно с раздутым туловом) снабжена двумя или четырьмя симметрично расположенными на плечиках напелами, имитирующими ручки (рис. 3, 29, 30, 37, 38). Напелы — полукруглой формы, сплошные и с вмятинами по бокам и подтреугольной, обращенные высокой стороной кверху, а часто просто шишечки, одинарные, двойные или тройнички, иногда обрамленные полукруглым валиком сверху и изредка чередующиеся с напелами подтреугольной формы (рис. 3, 29, 30, 37, 38, 46—52). Прочерченный геометрический орнамент в виде различных сочетаний ломаных линий также встречается на стенках кувшинов, обычно сероглиняных с серым или темно-серым ангобом (рис. 3, 35)²⁰. Единичны находки кувшинообразных сосудов с рифлением по венчику и небольшим напелом-выступом, спускающимся от венчика вниз по горлу. Вероятно, сосуды с подобными венчиками существовали в самый поздний период жизни «Большого дома» (рис. 3, 57)²¹.

²⁰ Сероглиняные кувшины с темно-серым ангобом и лощением той же формы, что и красноглиняные, в верхнем горизонте составляют около 20% сосудов. В верхнем горизонте и среди них также резко преобладают кувшины с удлиненными венчиками.

²¹ Горшкообразные сосуды с рифлеными венчиками найдены в верхнем слое городища Куя-Уаз (IX в.) (И. И. Вакурская. Классификация сред-

Небольшую количественно группу составляют горшки с маленьким круглым в сечении венчиком и округлым туловом (рис. 3, 59).

Миски (рис. 3, 135—143) покрыты густым красным или красно-коричневым ангобом и лощением; подавляющее большинство их полусферической формы, но встречено несколько экземпляров с перегибом в нижней части. У большинства — простой округлый или чуть утолщенный край. У некоторых мисок имеется удлинённый и утолщенный во внутрь венчик, а под ним внутри миски — уступ (рис. 3, 141, 142). Диаметр краев мисок 23—40 см. Такое же качество и форму полушара имеют и многочисленные глубокие мисочки (рис. 3, 123—127).

Среди многочисленных (не менее 135 экз.) тонкостенных лощеных кружек (рис. 3, 66—73, 82—89, 95—103) в верхнем горизонте найдены и оба типа кружек, характерных для нижнего горизонта. Лишь 8% кружек в верхнем горизонте составляют сосуды с круглым в сечении венчиком (в основном из нижних ярусов верхнего горизонта) и сферическим туловом. На одном из них глубоко прорезаны вертикальные полосы (рис. 3, 69). Меньше 8% кружек — сосуды второго типа с чуть отогнутым горлом, отделенным от сферической формы тулова уступом (рис. 3, 82—87). Более 77% кружек верхнего горизонта — широко открытые сосуды с маленьким дном (диаметр дна 3,5—5,5 см, диаметр края 10—14 см, высота 7—10 см), с кольцеобразной ручкой, прикрепленной к середине или нижней части тулова с помощью шпильки. Этот тип можно подразделить на два подтипа: кружки с округло идущими ко дну стенками и кружки в форме усеченного конуса. Первые, составляющие немногим более 15%, — красноглиняные с густым красным или красно-коричневым ангобом, обычно без орнамента (рис. 3, 102, 103). Вторые — преимущественно сероглиняные с темно-серым до черного цвета ангобом (рис. 3, 89, 95—101). Более 63% из них украшено чероченным геометрическим орнаментом в виде трех горизонтальных линий, от которых часто спускаются вниз четыре ряда строенных линий или несколько рядов параллельных ломаных линий (рис. 3, 89, 96—99, 108). Среди кружек, по форме не отличающихся от двух первых типов, лишь несколько экземпляров покрыты белым жидким ангобом.

неглазурованной керамики Хорезма (IX—XVII вв.). ТКЭ. т. IV. М., 1958, стр. 298, рис. 8, 29).

В самом нижнем ярусе верхнего горизонта в помещении № 2 западного раскопа найдена кружка, резко отличающаяся от описанных выше (рис. 3, 110). Этот сосуд с высоким прямым горлом и простым краем, слегка выпуклым туловом и довольно широким дном (вероятно, равным диаметру края), покрытый снаружи жидким беловатым, как бы размытым ангобом, по которому нанесены темно-коричневые мазки и потеки, находит аналогии в керамике каунчинской культуры, в частности в материалах городища Ак-тобе 2 (рис. 44).

Наряду с плоскими крышками с выступами в центре в верхнем горизонте «Большого дома» обнаружены и конические крышки (рис. 3, 117—122).

Итак, в керамическом комплексе верхнего горизонта представлены те же виды и типы, что и в нижнем, хотя внутри них отмечены иногда весьма существенные изменения. Вместе с формами, обнаруженными в нижнем горизонте, встречаются и новые. Так, в керамике первой группы появляются и становятся преобладающими горшки с отогнутым удлиненным подпрямоугольным в сечении венчиком, часто орнаментированным снаружи; некоторые горшки из верхних ярусов имеют орнамент в виде нарочито грубой обмазки нижней части тулова; обнаружены конические крышки и «гунского типа» котлы, имитирующие металлические.

Керамика второй группы в большинстве случаев и в верхнем горизонте изготовлена без применения гончарного круга и большей частью покрыта лощением. Встречается лощение вертикальными, горизонтальными или пересекающимися полосами. Вероятно, в результате обжига цвет ангоба на одном и том же сосуде меняется от красно-коричневого до черного (в нижнем горизонте преобладали сосуды с ярко-красным и красным ангобом). В первых трех видах второй группы сосудов появляется удлиненно-подпрямоугольный в сечении венчик. Среди хумов, крупных двуручных сосудов встречаются сосуды с симметрично расположенными округлой формы напелами — рудиментами ручек, но у большинства ручки массивные, петлеобразные.

Среди кувшинов становятся преобладающими сосуды с удлиненно-подпрямоугольными в сечении венчиками, покатыми плечиками и удлиненным туловом или же с крутыми плечиками и сферическим туловом, обычно украшенным симметрично расположенными выступами-напелами, часто имитирующими

щими ручки. Обычно диаметры горла и dna кувшинов равны. Подобные формы наблюдаются и у красноглиняных и сероглиняных сосудов. Рифление на горле ярко выражено и более глубокое. На некоторых сосудах из верхних ярусов по валику, опоясывающему низ горла, нанесены насечки.

Помимо двух типов кружек, характерных для нижнего горизонта, встречаются и преобладают широко открытые кружки с маленьким дном, с кольцеобразными ручками, часто со шпеньком для прикрепления их подобно тому, как это делалось на металлических сосудах. Большинство таких кружек (прежде всего это относится к усеченно-коническим) — сероглиняные с темно-серым до черного ангобом, украшены они прочерченными геометрическими орнаментами.

Датировку керамики верхнего горизонта «Большого дома» помогают уточнить некоторые предметы инвентаря²².

В помещениях верхнего горизонта было найдено несколько крупных сосудов (рис. 3, 9, 10), тождественных хорезмийским афригидского времени — VII—VIII вв.²³ Можно отметить каменные зернотерки, жернова, костяные предметы (подвески, концевые накладки сложного лука, накладки луки седла), железные трехлопастные наконечники стрел, железные и бронзовые пряжки, кольца, перстни, бляшки, серьги, ложки и т. п. Многие из этих предметов достаточно определенно датируются, например бронзовые перстни, пряжки, бляшки и наконечники от поясного набора «гунно-аварского типа», бронзовые серьги салтовского типа (рис. 19, 1—3, 6—8, 10—17), некоторые бусы: сердоликовые, четырехгранная стеклянная, хрустальная, а особенно плоские стеклянные и каменные и шаровидная мозаичная из темно-синего стекла с белыми прожилками, с желтыми, окаймленными красным, глазками (рис. 4, 55—102), а также фрагменты чаши византийского происхождения из толстого стекла, шлифованного снаружи фасетками²⁴, бронзовые монеты чеканки паря Хамдждера, по мнению С. П. Толстова. На основании анализа этих материалов верхний горизонт «Большого дома» можно датировать IV—VII вв. (возможно, и началом VIII в. н. э.).

Интересны находки на «Большом доме» (и тождественные им с городищ Джеты-асар № 9 и Сарлы-асар) стенок сосудов с палеонными изображениями обнаженных мужских фигурок (рис. 14, 6—9, 14, 15)²⁵.

Степень схематизации изображений различна, но у многих фигурок подчеркнута вытянутая форма головы. Надо отметить подобные изображения на стенках сосудов в нижнем слое городища Куюк-кала в низовье Амударьи (рис. 14, 10)²⁶, на городище Кескен-Куюк-кала, в размытом культурном слое на полу (судя по находке тюркешской монеты, этот слой городища датируется VIII в.²⁷, рис. 14, 11), на небольшом теле, расположенном к востоку от Майрам-тобе на левом берегу Сырдарьи (рис. 14, 13), на городище Мардан-Куюк на Средней Сырдарье (рис. 14, 12)²⁸, а также на городище Луговое А в слоях VI—VIII вв. в Западном Семиречье и на городище Беркуты I на северных склонах Каратау²⁹. В комплексе «Большого дома» находки этих изображений, очевидно, не случайны, судя по безусловно связанным с ними идоличкам из нижнего горизонта и подобным же бронзовым фигуркам из кургана № 1 близ Джеты-асара № 3³⁰.

Кроме массива «Большого дома», на территории городища Джеты-асар № 3 расположено еще несколько сооружений, в том числе «Малый дом» — цилиндрической формы руины диаметром 30 м и высотой 10 м. По мнению С. П. Толстова, это сооружение было мавзолеем³¹. Впоследствии на слое паховой забутовки, скрывшей первоначально

²² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 114, 5, 15.

²³ Е. Е. Нерзис, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 7, 4.

²⁴ По сообщению начальника отряда Б. И. Вайнберг. Е. И. Асеева, Г. И. Пауевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 166, стр. 85.

²⁵ К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966, стр. 13; см. же. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН КазССР», № 8, 1966, стр. 65, рис. 3; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. «Культура древних степей и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 25—26, табл. I, 5.

³⁰ Подробно об этих изображениях см.: Л. М. Левина. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 174—178.

³¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, в 1949—1953 гг., стр. 241.

²² Подробно об этом см.: Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 65—69, рис. 5, 6, 13.

²³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 51; Е. Е. Нерзис. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХЭ, т. IV, М., 1958, стр. 236—243, рис. 5, 2, 13.

²⁴ Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 65—69, рис. 6, 26—47; 13, 12, 24.

Рис. 4. Бусы из намятников джетыасарского урочища и городища Кескен-Кууок-кала
 1—28 — Кескен-Кууок-кала, 29—54 — Джеты-асар № 9, 55—110 — Джеты-асар № 3, 111—112 — Кара-асар,
 113—114 — курган № 1 западной курганной группы Джеты-асар № 3, 115—116 — Джеты-асар № 4

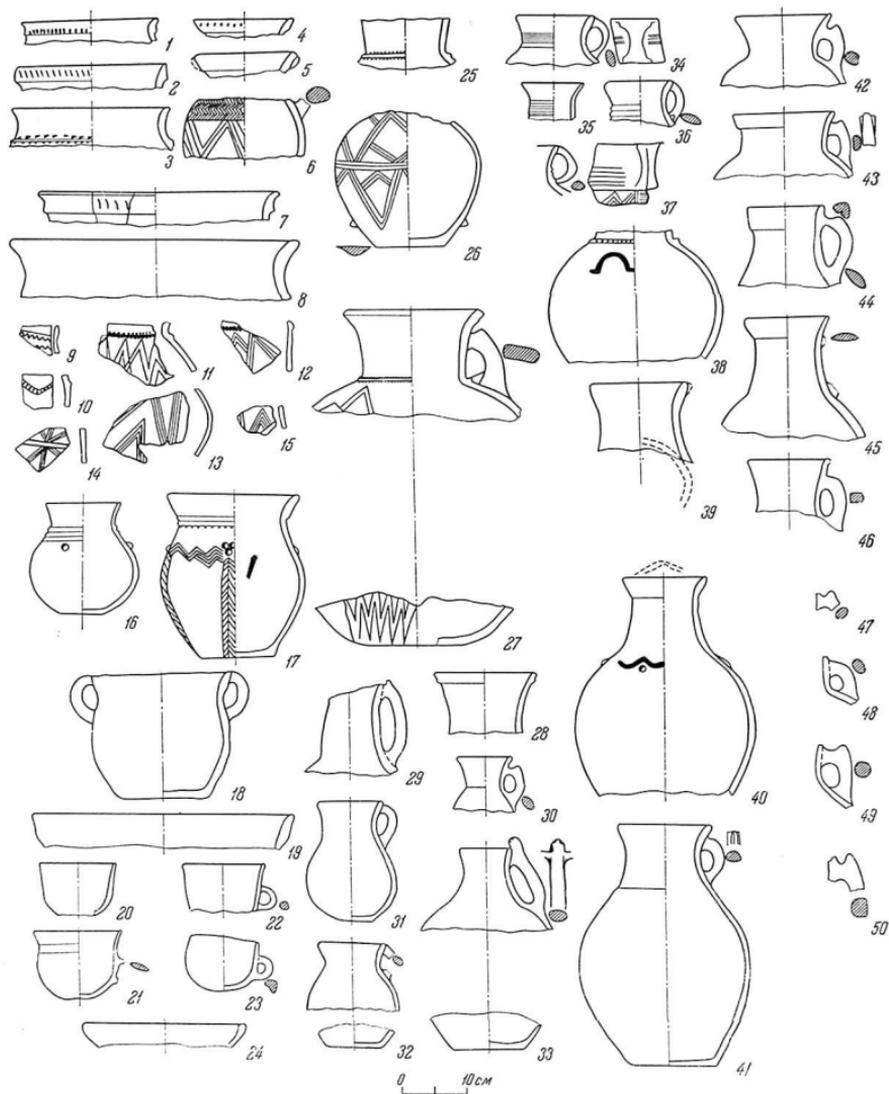

Рис. 5. Керамика „Малого дома“ Джеты-асара № 3

сооружение, были построены помещения. В одном из них раскопан колодец, который мог быть вырыт до этой застройки.

Так как керамический комплекс «Малого дома» уже получил освещение в литературе³², здесь лишь подчеркнем, что керамика и другие предметы из вскрытых помещений тождественны материалам верхнего горизонта «Большого дома» (рис. 5, 1—8, 18—24). То же можно сказать и о большей части керамики из колодца, в котором, естественно, материал оказался смешанным. Среди преобладающих в нем кувшинов часть перекликается с сосудами нижнего горизонта «Большого дома», а часть находит аналогии в керамике других, очевидно, наиболее ранних джетыасарских памятников. Сюда относятся небольшие кувшинчики с вертикальной ручкой, прикрепленной к краю сосуда, с кремовым или красным черепком, со светлым ангобом или же с красным густым ангобом и лощением (рис. 5, 30—32). На верхнем конце ручки одного из таких кувшинов — стилизованное изображение животного (рис. 5, 33). Другие сосуды, формы которых хорошо известны по материалам «Большого дома», украшены прорезным геометрическим и разнообразным налепным орнаментом. На некоторых кувшинах (обычно с темно-серым ангобом и лощением) наряду с валиком у основания горла, окаймленным двумя рядами точечных вдавлений, по всей поверхности тулова идет прорезной или прочерченный геометрический орнамент (рис. 5, 11, 12, 27, 37).

³² Л. М. Лесина. Керамика и вопросы хронологии. стр. 69—73.

ПОСЕЛЕНИЯ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Джеты-асар № 9. Из других памятников комплекса Джеты-асар в 1951 г. реконструированные раскопки проводились на расположенном в 19 км к юго-востоку от Джеты-асара № 3 Джеты-асаре № 9, открытым С. П. Толстовым в 1946 г. и отнесенном им к первому типу памятников³⁴. Его планировка спиральная³⁵. В настоящее время памятник сохранился на высоту 14 м. В результате раскопок³⁶ вскрыты помещения, по

³⁴ С. П. Толстов. По следам..., стр. 127—129, рис. 30.
³⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 241, рис. 116; стр. 243, рис. 117.

³⁶ Там же, стр. 243, 244, рис. 118.

Иногда прорезной геометрический орнамент (главным образом состоящий из различных сочетаний параллельных ломаных линий (рис. 5, 11—15, 17, 26, 27, 37) доводится налепами, имитирующими ручки, одной или тремя шишечками (рис. 5, 17). На других сосудах налепной орнамент в виде шишечек, полукруглых налепов с отогнутыми вверх концами служит единственным украшением (рис. 5, 16, 38, 40). Среди керамики «Малого дома» надо отметить горшкообразный сосуд с темно-серым ангобом и лощением, покатыми плечиками и раструбообразным удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком, отделенным от тулова двумя рифлеными полосами, под которыми снизу проходит ряд точечных вдавлений (рис. 5, 17). На верхней части тулова симметрично расположены парами одинарные и две группы тройных шишечек, соединенных между собой прочерченными ломаными параллельными линиями. От шишечек вниз спускаются по три прочерченных линии, соединенных между собой косыми короткими черточками, образующими подобие елочного узора. Одинарные шишечки украшают наряду с горизонтальным рифлением верхнюю часть тулова и другого сосуда, но уже красноглиняного (рис. 5, 16). По форме этому сосуду аналогичен горшкообразный сероглиняный сосуд с таким же шаровидным туловом и отогнутым краем, под которым идет горизонтальное рифление, с городища Ханыслы в Азербайджане³³.

³³ Д. А. Халилов. Раскопки на городище Ханыслы, памятник древней Албании. СА. 1962, № 4, стр. 215, рис. 3. Автор датирует весь комплекс с последних веков до н. э. по V в. н. э.

внутренней планировке близкие помещения верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3, имевшие плоские перекрытия из жердей, камыша и глины, и узкие, длинные помещения по внешней стороне спирали, перекрытые сводами.

Керамика в материалах раскопок тождественна в формах и деталях керамике верхнего горизонта «Большого дома».

Так как этот памятник также получил освещение в печати³⁷, здесь отметим лишь основные черты керамики.

³⁷ Л. М. Лесина. Керамика и вопросы хронологии..., стр. 73—78.

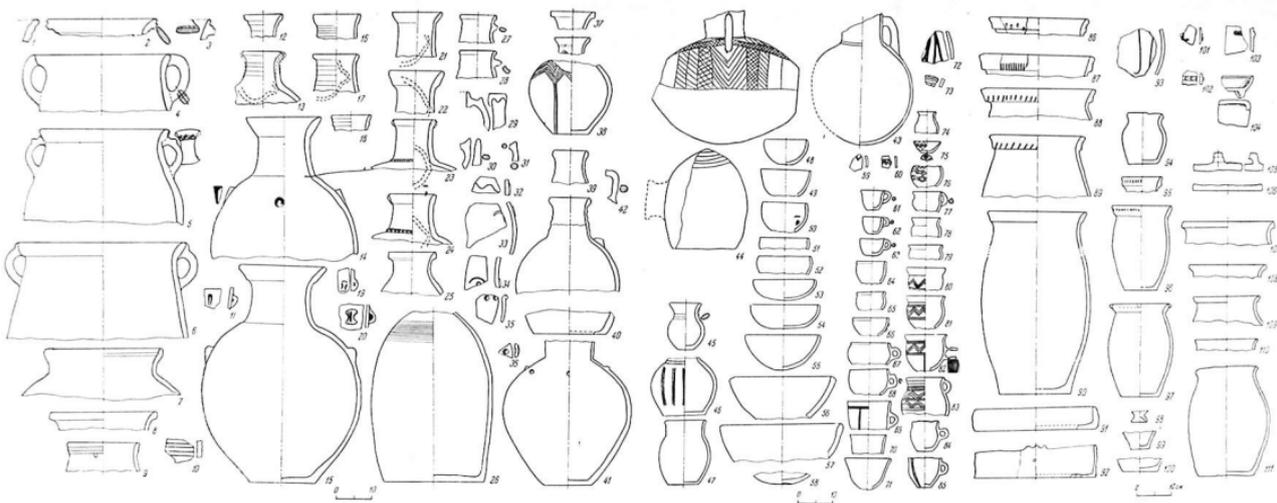

Рис. 6. Керамика Дзети-сапа № 9

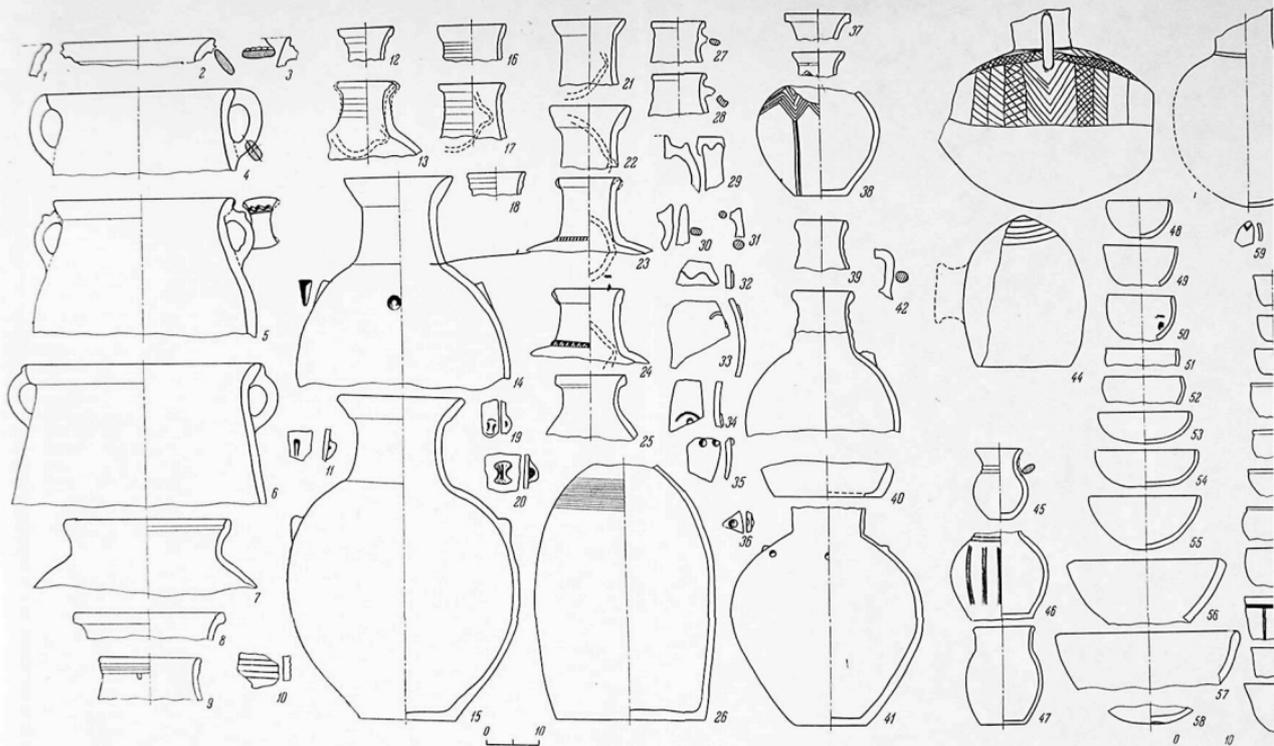

Рис. 6. Керамика Дзеты-назара № 9

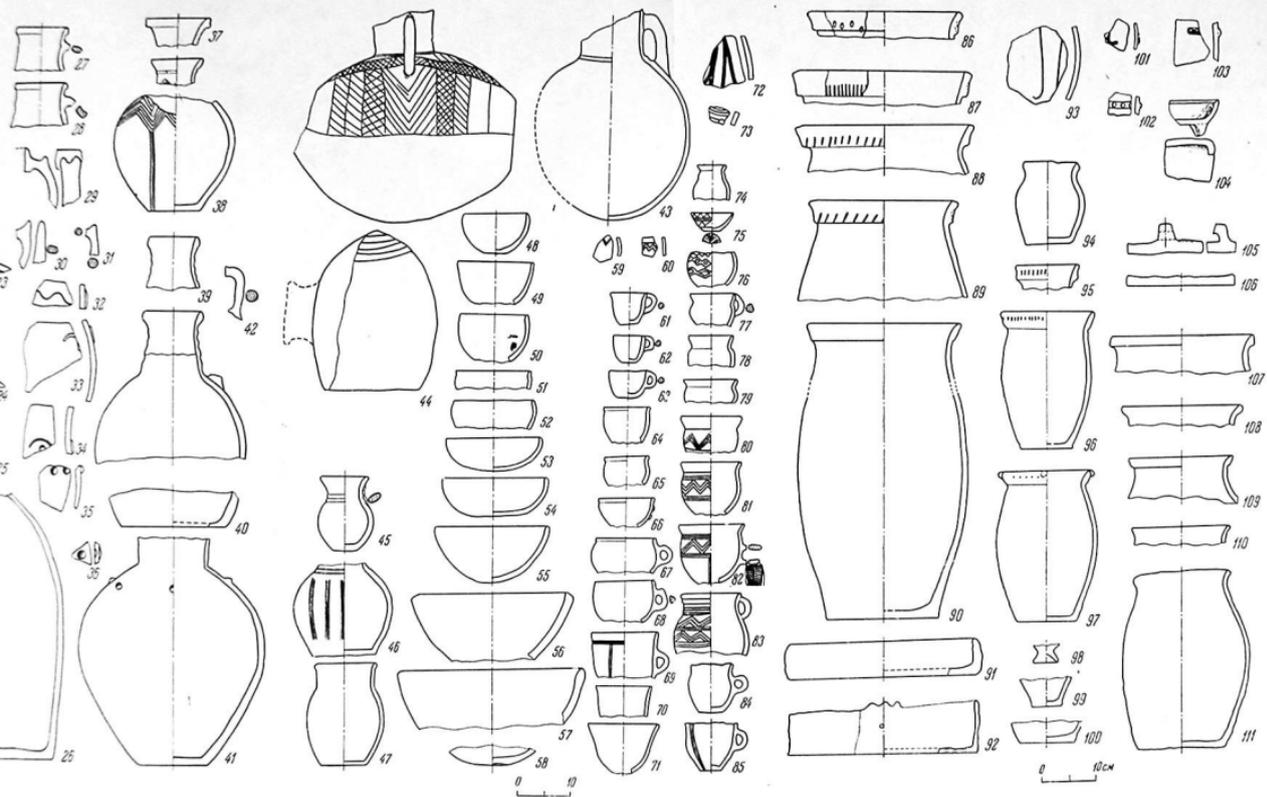

Рис. 6. Керамика Дзеты-асара № 9

70% керамики первой группы составляют различного размера горнки баночной формы, среди которых более половины имеют характерный для сосудов верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 удлиненно-подпрямоугольный в сечении венчик, часто орнаментированный снаружи рядами насечек, пальцевых ямок, дополненных симметрично расположенными напелами (рис. 6, 86—90, 94—97, 107—111). На данном памятнике среди керамики первой группы встречаются уже известные по комплексу Джеты-асара № 3 варианты напелного орнамента в виде шишечек, полукруглых валиков, валиков с насечками и т. п. (рис. 6, 93, 101—103).

То же самое надо сказать об орнаментации, а главное — о форме сосудов второй группы, также тождественных уже известным формам из «Большого дома». Среди сосудов типа хумов, хумчей, горшкообразных двуручных сосудов преобладали сосуды с характерным для верхнего горизонта «Большого дома» венчиком. У некоторых из них по бокам ручек, у места их прикрепления (у верхнего и нижнего концов) по два небольших выступа-шишечки, у других на верхней части ручек — валик с несколькими выступами (рис. 6, 1, 3, 5). Последний прием орнаментации не встречался в материалах верхнего горизонта «Большого дома». Часть этих сосудов с Джеты-асара № 9 имеет на внешней стороне венчика рифление, а в одном случае — и небольшой напел, отходящий от венчика вниз по горлу (рис. 6, 9).

Для кувшинов с Джеты-асара № 9 характерна та же форма (крутые плечики и приближающееся к шаровидному тулову, наибольший диаметр которого в два или два с половиной раза больше диаметра горла и приходится на верхнюю половину корпуса, а диаметр дна обычно равен или меньше диаметра края), та же форма венчика и сливов на нем, горизонтальное рифление на горле и те же орнаментация и отделка, что и для кувшинов из верхнего горизонта «Большого дома» (рис. 6, 12—17, 21—24, 41). Среди найденных на Джеты-асаре № 9 кувшинов несколько выделяется сосуд с удлиненным венчиком, прямым горлом с небольшим валиком под венчиком, дном, диаметр которого равен диаметру венчика, с шаровидным туловом (рис. 6, 38). Кувшин этот покрыт темно-серым (местами до черного) ангобом и лощением и украшен по горлу, плечикам и тулову прорезным геометрическим орнаментом. Сосуды аналогичной формы и орнаментации также встречены в материалах как «Малого

дома», так и «Большого дома» Джеты-асара № 3. Особняком стоит кувшинообразный сосуд (раскоп VIII) с покатыми плечиками, удлиненным туловом и широким дном, диаметр которого более чем в два раза превышает диаметр горла, с белым ангобом и небрежно прорезанными горизонтальными полосами по плечикам (рис. 6, 26). Отдельные фрагменты стенок сосудов подобного качества и вида встречены во многих помещениях Джеты-асара № 9. Такая керамика (и по форме также) наиболее характерна для районов Средней Сырдарьи и Ташкентского оазиса I тысячелетия н. э.

Горшкообразные сосуды и полусферические миски из раскопок Джеты-асара № 9 (рис. 6, 47, 48—58) по форме и отделке аналогичны горшкам и лощеным мискам из верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3. То же можно сказать и в отношении тонкостенных кружек, для которых характерны те же типы, что и для «Большого дома»: 1) с маленьким выделенным круглым в сечении венчиком и сферическим туловом (рис. 6, 64—67); 2) с таким же туловом и отделанным от него заметным уступом отогнутым наружу горлом с простым краем (рис. 6, 77—79); 3) широко открытые с маленьким дном кружки с округлыми стенками или кружки усеченно-конической формы (рис. 6, 68—71). Последние обычно сероглиняные с темно-серым ангобом и лощением, украшены они прореченным линейным или геометрическим орнаментом. Обнаружено также много кружек, относящихся по форме ко второму типу, а по орнаментации напоминающих третий (рис. 6, 80—82). К ним близок и сосуд (рис. 6, 83) с красным ангобом и лощением, с рифлением по шейке и венчику и глубоко прореченным орнаментом по округлому тулову, с петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним копком к нижней части венчика (раскоп IX). Возможно, что это одна из наиболее поздних здесь форм кружек. Единична и кружка (раскоп VI) со слегка округлым туловом, отогнутым краем, с белым ангобом снаружи и темно-коричневыми потеками поверх ангоба. Интересна кувшиновидной формы кружка со сферическим туловом, рифлением по шейке, отогнутым наружу горлом и петлеобразной ручкой, верхним концом прикрепленной к краю (рис. 6, 45). Подобное горизонтальное рифление на горле, по в сочетании с вертикальным рифлением по сферическому тулову встречено и на другом, вероятно, кувшиновидном сероангобированном сосуде (рис. 6,

46). Надо отметить, что подобное вертикальное рифление на серо- и черполющенных сосудах встречается в алашских памятниках Северного Кавказа³⁸.

На Джеты-асаре № 9 найдено несколько флаг. Одна из них — станковой работы, красноглиняная со следами темно-коричневого ангоба на светлой поверхности. У нее яйцевидное тулово и прочерченный спиральный орнамент на выгнутом боку (рис. 6, 44). Другая флага (рис. 6, 43) — сероглиняная с темно-серым ангобом и прочерченным геометрическим орнаментом по верхней половине корпуса. Высокое горло отделено от вытянуто-овального тулова небольшим валиком; массивная ручка верхним концом прикреплена к горлу.

Для уточнения датировок комплекса Джеты-асар № 9 интересны некоторые отдельные находки. Поскольку они разбирались в указанной работе Л. М. Левиной, здесь отметим лишь, что найденные медные монеты (одна на городище, другая чуть юго-западнее) принадлежат к бухарскому чекану IV—V вв. н. э.³⁹

В 300 м к юго-западу от памятника найдена и мелкая медная монета хорезмийского чекана конца III в. н. э.⁴⁰ Украшения из косточек птиц, железные пряжки, бронзовые кольца и перстни со щитками для вставок, большинство бус (сердоликовые, стеклянные, плоские круглые из полированного камня, шаровидные мозаичные, уплощенные глиняные и стеклянные) находят ближайшие аналогии в материалах «Большого дома» Джеты-асара № 3, а также в могильниках Крыма и Северного Кавказа VI—VII вв. Это, например, бусина кубической формы из синего непрозрачного стекла, шаровидные мозаичные бусы из синего и белого непрозрачного стекла⁴¹ и шаровидные мозаичные бусы из синего полупрозрачного стекла с красными глазками, окаймленные белыми прожилками (рис. 4, 29—54) и т. п.⁴²

³⁸ В. А. Кузнецов. Алашские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, рис. 3А, 45А, 27А.

³⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции... стр. 239, 243, рис. 114, 14а, б; М. М. Явч. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите. ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 214—217; В. А. Шшикин. Варахша, М., 1963, стр. 47, 60.

⁴⁰ По определению Б. И. Вайнберг.

⁴¹ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии, рис. 6, 19, 20.

⁴² См.: В. Б. Дюник. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3, стр. 215, 218, рис. 4, 13; стр. 224, рис. 5, 20; стр. 228, рис. 5, 34.

Учитывая близость всего комплекса находок (в том числе и керамики) материалам верхнего горизонта «Большого дома» и судя по разобранной выше находкам, можно, вероятно, датировать вскрытые слои Джеты-асара № 9 IV—VII, а может быть, и началом VIII в. н. э.

Бидаик-асар № 1. Впервые городище Бидаик-асар № 1 было обследовано во время разведывательного полета в 1946 г. С. П. Толстовым⁴³. Тогда же памятник был предварительно датирован античным периодом. В 1958 г. городище было вторично обследовано археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции (точка № 452) и на нем собрано некоторое количество подземного материала. В последнем интересно наличие обломков кварцита (сколов, терок), что нехарактерно для джетыасарских памятников. Вся керамика представлена мелкими обломками. Преобладает керамика первой группы, среди которой можно отметить фрагменты горшков (рис. 7, 6, 7) со слегка отогнутым простым краем, темно-серой поверхностью (диаметры венчиков — 9 и 11 см). Среди второй группы керамики отметим: верхние части кувшинов, покрытых красноватым ангобом (рис. 7, 1, 2); горшков с густым темно-красным ангобом, с отогнутым краем и ложбинкой по березку (рис. 7, 3); дно крупного сосуда диаметром 25 см (рис. 7, 4), изготовленного на круге медленного вращения, покрытого снаружи жидким белым ангобом, внутренняя же поверхность имеет коричнево-сиреневатый цвет, в тесте его много включений гипса (по характеру черепка напоминает фрагменты из верхнего слоя Бабиш-Муллы 1). Кроме этого, надо отметить фрагмент стенки красноглиняного сосуда станковой работы, покрытого снаружи жидким беловатым ангобом, поверх которого видны красные потеки (рис. 7, 5). Как уже говорилось, подобная керамика была широко распространена на Средней Сырдарье в I тысячелетии н. э.

Бидаик-асар № 2 обследован в 1958 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции (точка № 453). Собраны несколько фрагментов керамики и обломок круглого каменного орудия с одной отполированной плоской стороной.

Керамика представлена фрагментом красноглиняной миски станковой работы с плоским бережком, снаружи с густым красным.

⁴³ Архив ХАЭЭ АН СССР. Дневник № 12, запись от 10 и 13 октября 1946 г.

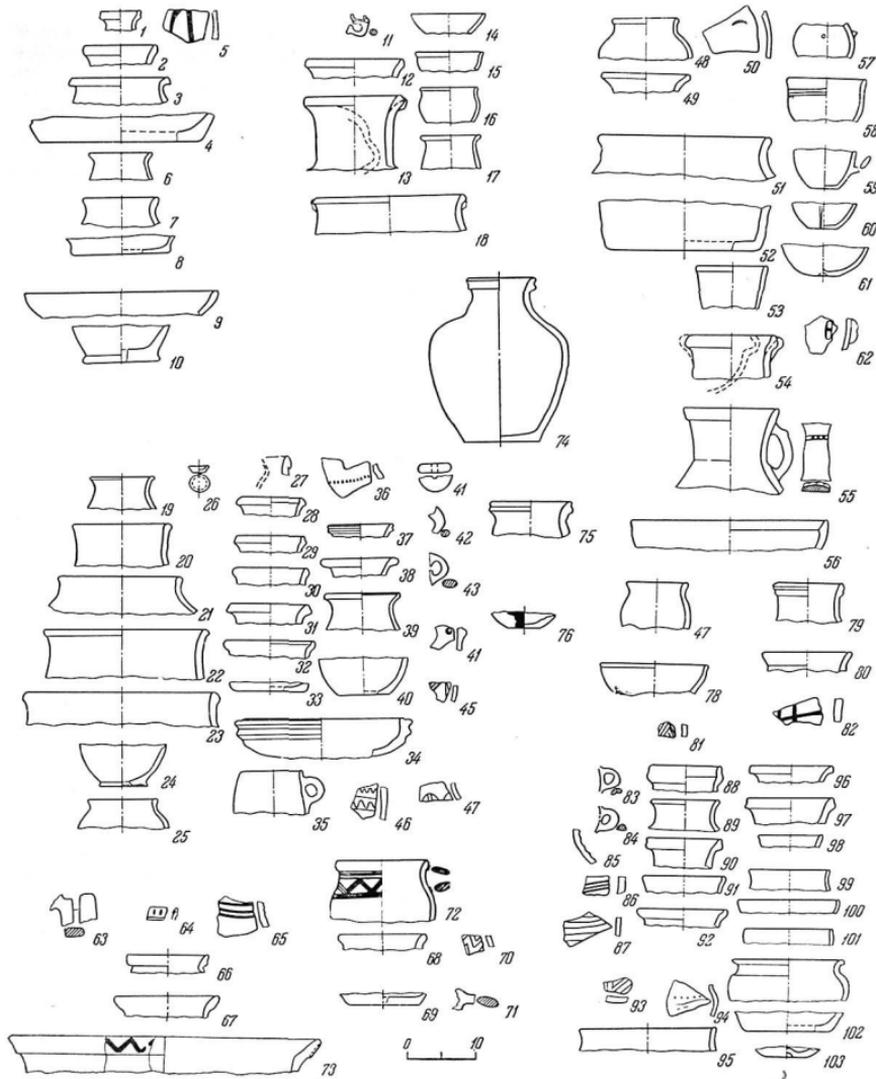

Рис. 7. Керамика Диегты-асаров № 1, 4, 8, 10, 12, 13, 14, Биданк-асаров № 1, 2, Унгуры-асара
 1-10 — Биданк-асары № 1, 2; 11-18 — Унгуры-асар; 19-47 — Диегты-асар № 1; 48-62 — Диегты-асар № 12;
 74 — Диегты-асар № 13; 63-71 — Диегты-асар № 8; 63-67, 72, 73 — Диегты-асар № 4; 75-82 — Диегты-асар № 10;
 83-103 — Диегты-асар № 14

а внутри — с темно-коричневым ангобом, и дном горшкообразного сосуда первой группы (рис. 7, 9, 10).

С обоих городищ собрано так мало подъемного материала, что говорить о дате и характере памятника невозможно. Надо лишь отметить, что наиболее характерных для верхних слоев Джеты-асара № 3 материалов здесь нет, что можно объяснить или отсутствием материала позднее середины I тысячелетия н. э., или же характером самого памятника.

Джеты-асар № 1. Городище впервые обследовано С. П. Толстовым в 1946 г. и датировано античным временем⁴⁴. По описанию, это неправильных округленных очертаний сильно оплывшее здание размером 45×30 м, поднимающееся сейчас на высоту около 8 м, сложенное из кирпича с сильной примесью самана ($38 \times 28 \times 9$; $40 \times 30 \times 10$). Памятник отнесен С. П. Толстовым к первому типу — укрепленная усадьба с большим укрепленным же зданием внутри нее⁴⁵. В 1946 г. и при повторном обследовании в 1958 г. был собран подъемный материал, среди которого есть куски керамического шлага и обломки каменных терок и зернотерок.

Большую часть керамики составляют сосуды первой группы. По форме преобладают самого различного размера горшки (диаметр венчика от 10—14 до 25 и 40 см; рис. 7, 19—23). Обнаружена также подквадратная в сечении сероангобированная ручка, несколько уплощенная с боков. Немалый процент составляют характерные для джеты-асарской культуры сосуды второй группы тщательной ручной лепки, с густым красным или красно-коричневым ангобом и лощением. Есть и крупные сосуды типа хумчей, кувшинов и других, а также мелкие типа горшочков, чаш, мисок, кружек. Небольшая часть кувшинов изготовлена на круге медленного вращения, основная же масса — тщательной ручной лепки. Некоторые из них покрыты беловатым ангобом (рис. 7, 29, 31), другие — густым красно-коричневым (рис. 7, 28), у третьих на белом жидком ангобе заметны следы густого темно-коричневого, местами до черного (рис. 7, 32). Диаметры венчиков кувшинов — от 9 до 13 см. Встречаются и обычные для нижнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 кувшины со сливами на маленьких венчиках (рис. 7, 27).

⁴⁴ С. П. Толстов. По следам..., стр. 126, 128—130, рис. 30, 31.

⁴⁵ Там же, стр. 128.

Многие фрагменты — с типичным орнаментом (например, стенка кружки с темно-серым ангобом и прореченным геометрическим орнаментом — рис. 7, 45; стенка сосуда с густым красным ангобом и с паленом-пищечкой — рис. 7, 44). Типичны для джеты-асарской керамики и кружка с петлеобразной ручкой с густым красным ангобом (рис. 7, 35), и круглая в сечении сероангобированная ручка с выступом наверху, подобная многим ручкам с Джеты-асаров № 3, 6, и др. (рис. 7, 42). Аналогичные ручки широко распространены и на Средней Сырдарье.

Как уже указывалось, небольшая часть сосудов второй группы станковой работы (обломок горла кувшина с подтреугольным в сечении венчиком и др.). Среди таких фрагментов некоторые, возможно, принадлежат фляге, украшенной прорезными горизонтальными полосами. Прорезной волнистый орнамент есть и на станковых сосудах, и на сосудах ручной лепки (рис. 7, 46, 47). Возможно, часть горла и плечиков принадлежит кувшину, снаружи покрытому белым ангобом и орнаментированному по плечикам подтреугольными вдавлениями (рис. 7, 36). Ручной лепкой с помощью вращающейся подставки был изготовлен и сосуд, у которого поверх белого жидкого ангоба идут красноватые потеки. Следы густой красно-коричневой краски поверх белого жидкого ангоба имеются и на наружной стороне красноглиняной рифленой миски с желобком по березку (рис. 7, 34). Прием горизонтального рифления на сосудах различных форм — один из характерных признаков джеты-асарской культуры. Этот орнаментальный прием особенно широко отмечен на горлах кувшинов, флягах, крупных сосудах. На других видах посуды горизонтальное рифление встречается значительно реже. В то же время рифление часто отмечается в материале городищ Средней Сырдарьи, в предгорьях Каратау. К сожалению, нижнюю хронологическую границу этих городищ пока нельзя установить ранее рубежа или I в. до н. э., т. е. того же времени, что и нижний горизонт «Большого дома» Джеты-асара № 3, материал которого в основном соответствует материалу Джеты-асара № 1. Поэтому можно говорить пока лишь о взаимовлияниях.

Имеющийся материал позволяет считать, что памятник, безусловно, принадлежит к обычным джеты-асарским городищам, хотя в его керамике встречается ряд отличных от посуды из «Большого дома» элементов, что можно отнести как за счет влияния соседних

(прежде всего сурдарьинских) культур, так и за счет более ранней даты городища. Вероятно, памятник существовал весьма длительное время, может быть, с последних веков до н. э. или первых веков н. э. (точнее нижнюю дату определить в настоящее время нельзя). О верхней дате можно судить по керамике, аналогичной характерной для нижнего горизонта «Большого дома» (т. е. до конца III — начала IV в. н. э.).

Томпак-асар. Городище Томпак-асар (Джеты-асар № 2) расположено между Джеты-асарами № 1 и 3. Оно было отнесено С. П. Толстовым ко второму подтипу первого типа. Это — укрепленный общинный домовладение с квадратно-концентрическим планом, здание обычно имеет квадратные, реже — прямоугольные очертания⁴⁶. Памятник был открыт в 1946 г.⁴⁷ и обследован археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции в 1958, 1962 и 1966 гг. В подъемном материале есть каменные зернотерки и округлые небольшие терки. Большой процент в нем составляет керамика первой группы, обычно покрытая серым ангобом. Характерны различного размера горшки с простым или слегка утолщенным краем (рис. 8, 12—15). На многих подобных сосудах есть орнамент в виде насечек или потевых вдавлений по борозке (рис. 8, 7—11) и прорезной геометрический на тулове и ручках (рис. 8, 2, 21). Единичные экземпляры с подобным орнаментом обнаружены на самых нижних полах (ярусах) верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3. Надо отметить налеты-шпешки на стенке подобного сосуда (рис. 8, 5), находящего аналогии в материалах нижнего горизонта «Большого дома». Один из горшков, снаружи покрытый светло-серым ангобом, несколько отличается формой раздутого тулова, крутых плечиков и прямого горла (рис. 8, 15). Найдены и кружки с сероватым ангобом, со следами копоти, с простым или круглым в сечении выделенным краем и ручкой с выступом наверху (рис. 8, 6).

Среди керамики второй группы — фрагменты красноглиняных сосудов, иногда они станковой работы, но большинство — тщательной ручной лепки. Преобладают сосуды с густым красным, красно-коричневым (местами до черного) ангобом и лощением. Реже встречаются сосуды, покрытые белым ангобом.

Что касается форм, то можно говорить лишь о динцах (диаметр до 30 см), иногда с отпечатками песчаной подсыпки, и венчиках (диаметр до 45 см) крупных сосудов типа хумов с чуть отогнутым подтреугольным в сечении венчиком; толщина стенок достигает 2 см (рис. 8, 68, 73). Есть и двуручные горшки с короткой шейкой, простым утолщенным краем или маленьким подтреугольным венчиком (диаметр 22 см; рис. 8, 66—67), снаружи покрытые беловатым и красноватым ангобом. Как хумы, так и двуручные горшки с таким венчиком характерны для нижнего горизонта «Большого дома». Есть они и в материалах Средней Сурдарьи.

Большую группу составляют кувшины с подтреугольным или круглым в сечении маленьким венчиком (диаметр 10—13 см), прямым высоким горлом, часто рифленным (рис. 8, 32—45, 55), иногда со сливами по краю сосуда. Глубина и качество рифления, как и величина круглых в плане сливов, различны. Большинство сосудов покрыто снаружи белым (иногда и красным) ангобом. Часть кувшинов снаружи с белым ангобом — станковой работы (например, кувшины с венчиком, разделенным снаружи горизонтальным желобком; рис. 8, 29, 30). Жидким белым ангобом по красноватой поверхности покрыты и небольшие кувшины с маленьким круглым в сечении венчиком и прикрепленной под ним петлеобразной подтреугольной в сечении ручкой с выступом (рис. 8, 39). Площадочкой или же выступом снабжены многие другие ручки, некоторые из них явно можно связать с зооморфными мотивами, а иные довольно реалистично передают головы животных, в частности собаки (рис. 8, 1, 50). У некоторых верхний конец ручки прикреплен к сосуду с помощью шпешка и вдавлен с внутренней стороны сосуда (рис. 8, 17, 51). Иные ручки — с подпрямоугольной в плане спинкой и выступами и сверху, и внизу (рис. 8, 22, 56, 58).

На джетыасарских городищах часто встречаются миски, подобные обнаруженным на Томпак-асаре (рис. 8, 69, 70), покрытые красным ангобом с выделенным круглым в сечении венчиком, полусферическим туловом или аналогичной формы, но с простым краем и с двусторонним темно-красным ангобом и лощением (рис. 8, 28); найдена открытая топкостенная сероглиняная миска, покрытая темно-серым ангобом и лощением, с маленьким круглым в сечении венчиком (рис. 8, 46); на одной из красноангобированных мисок — горизонтальное рифление.

⁴⁶ Там же, стр. 130—131.

⁴⁷ Там же, стр. 126.

Среди других форм отметим обычные для джетыасарских городищ сероглиняные лощеные кружки с прочерченным орнаментом, а также красноглиняные лощеные кружки с колыцеобразными, иногда с выступом на верхней части ручками (рис. 8, 52—54). Многие из них (например, сероглиняные с выделенным круглым в сечении венчиком; рис. 8, 60, 62, 63), как и подавляющее большинство кувшинов, находят аналогию в нижнем горизонте «Большого дома». Такой же венчик и у других, преимущественно также с серым ангобом и лощением, кружек, но несколько другой формы — с прямым горлом, резко отделенным уступом или прочерченной линией от раздутаго тулова, иногда орнаментированного прорезными вертикальными линиями (рис. 8, 61). Эта форма тождественна второму типу кружек нижнего горизонта «Большого дома». Встречены кружки с двусторонним густым коричневым (снаружи черным) ангобом и лощением и сосудики, у которых снаружи по жидкому беловатозероватому ангобу хорошо заметны следы вертикального заглаживания, вероятно, деревянной лопаточкой или дощечкой.

Обнаружены и фрагменты стенок сосудов с темно-коричневыми потеками по светлому ангобу (рис. 8, 25), фрагменты с волнистым орнаментом (рис. 8, 20, 27), с подтреугольными вдавлениями под горлом (рис. 8, 24), пусосонным орнаментом.

Аналогичные сосуды характерны для Средней Сырдарьи первой половины I тысячелетия.

Среди орнаментальных мотивов керамики Томпак-асара отметим наленные полукруглые валики (рис. 8, 19), линейный, волнистый и геометрический узор, часто прорезанный еще по сырому сосуду (рис. 8, 4); прочерченный орнамент есть и на ручках (рис. 8, 2, 21).

Ручки (кружек, горшков, кувшинов, крышек) встречены различные по форме; можно отметить и ручку-налеп плоской крышки (рис. 8, 3). Своеобразными обычно парными ручками на плечиках снабжены красноглиняные кувшины (рис. 8, 48), аналогичные обнаруженным в нижнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3.

В керамическом комплексе Томпак-асара очень много фрагментов сосудов преимущественно станковой работы с ровным сплошным горизонтальным рифлением по плечикам и тулову. Рифление чрезвычайно разнообразно — от слабо прочерченных линий до глубоко прорезанных каннелюр (рис. 8, 71, 72, 74—78).

Весь керамический материал этого городища заставляет предварительно датировать его не позднее IV в. н. э., предположительно начиная с последних веков до н. э.

Джеты-асар № 4 (Рабаисай) — городище, расположенное на южном берегу северного истока Куандарьи, впервые было обследовано в 1946 г. и отнесено С. П. Толстовым ко второму типу городищ — «большая крепость с сильно развитой системой фортификации и без всяких следов построек внутри стен»⁴⁸. Тогда же собран подъемный материал. В 1966 г. отряд экспедиции вторично обследовал это городище.

Керамика первой группы представлена несколькими мелкими фрагментами горшков в основном с удлинено-подпрямоугольным в сечении венчиком, снаружи орнаментированным вдавлениями, и аналогичных распрямленным в верхнем горизонте «Большого дома» (рис. 7, 64). Интересен фрагмент верха крупного горшка с расрубообразным удлинено-подпрямоугольным венчиком, с глубокой прорезанной по его внешней стороне насечками, образующими зигзагообразный орнамент (рис. 7, 73). Внешняя поверхность сосуда тщательно заглажена. Такой орнамент не встречен на памятниках типа Джеты-асара № 3, 6, 7, 9, но он бытует на памятниках типа Сарлы-асара, датирующихся самым поздним этапом, и в одновременных им слоях Кескен-Куюк-калы.

В сборах преобладает керамика второй группы, а среди нее — типичные для джетыасарской культуры фрагменты красноглиняных сосудов с густым ангобом (в зависимости от обжига) — от ярко-красного до темно-коричневого, а местами и черного цвета. Большинство поверх ангоба покрыто лощением (см. илл. № 1, 2, 5, 10).

О форме сосудов сказать что-либо определенное сложно из-за малочисленности материала. Но можно предположить наличие типичных для верхнего горизонта «Большого дома» кувшинов с удлинено-подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 7, 67) или рифлением по горлу (см. илл. № 19). Аналогичны широко распространенным в тех же слоях Джеты-асара № 3, Джеты-асара № 9 ручки (например, подпрямоугольная в сечении ручка крупного сосуда, покрытая красным ангобом, прикреплявшаяся с помощью специального выступа в центре или фрагмента плоской с боков ручки, в верхней части которой имеется чуть поднимающаяся к ее

⁴⁸ Там же, стр. 124, рис. 30; стр. 131, рис. 33.

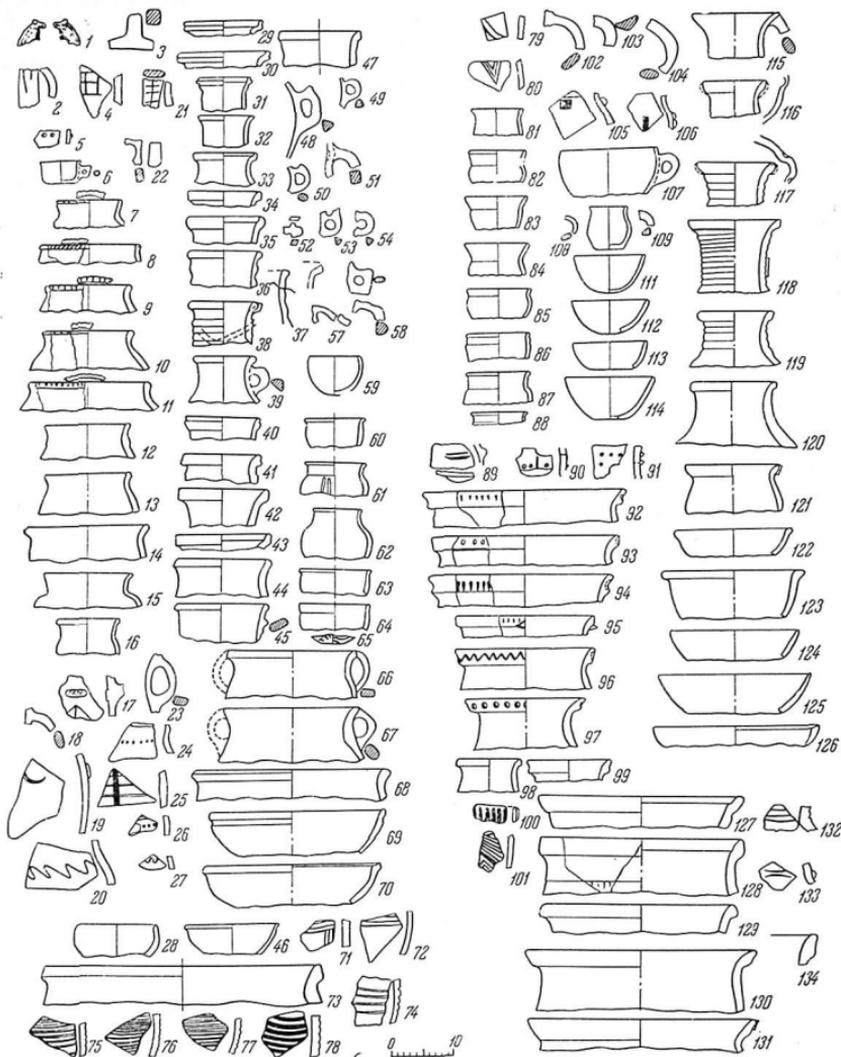

Рис. 8. Керамика Томнак-асара, Мойшокты-асара
 1—78 — Томнак-асара; 79—134 — Мойшокты-асара

краям площадочка). Об орнаменте можно судить по фрагменту сосуда с тремя горизонтальными резными линиями (рис. 7, 65).

В подъемном материале был фрагмент кружки (рис. 7, 72), изготовленной тщательной ручной лепкой, покрытой густым коричневым, местами до черного, ангобом и лощением, орнаментированной прочерченным геометрическим узором. Верхний край овальной в сечении ручки прикреплен к слегка утолщенному венчику. Подобные кружки известны из раскопок Джеты-асара № 9⁴⁹. Одна из найденных бусин — из расщепленного зеленоватого стекла длиной 0,9 см, шириной 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см; другая — хрустальная, 14-гранная длиной и шириной 1,4 см, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 4, 115). Последняя относится к типу, широко распространенному на Северном Кавказе (в Дагестане, например), в древнерусских поселениях конца IX—X в. н. э. (хотя единичные экземпляры подобных бус появляются в Индии еще в VIII в. н. э.)⁵⁰.

Рассмотренный материал позволяет предварительно датировать данный комплекс временем не ранее IV—V вв., а верхней датой считать, вероятно, VIII—IX вв.

Джеты-асар № 6. Впервые это городище обследовалось во время авиамаршрута 1946 г. С. П. Толстовым, повторно изучалось в 1948 и 1949 гг. С. П. Толстов отнес его ко второму подтипу первого типа, видя в нем укрепленный общинный дом-усадьбу с квадратно-концентрическим планом⁵¹. В 1948 и 1949 гг. на городище собран керамический материал.

Керамика первой группы в основном представлена венчиками и стенками горшков. По форме они тождественны типичным для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 и 9. Их слегка отогнутые удлиненно-подпрямоугольные в сечении венчики снаружи орнаментированы ямками, нанесенными пальцевыми вдавлениями, насечками или подтреугольными вдавлениями концов палочки, ямочным орнаментом, нанесенным камшинкой (рис. 9, 52—55). Размеры горшков различны. На стенках некоторых из них нанесен прочерченный геометрический

орнамент (рис. 9, 50, 51). Интересен фрагмент сосуда с отпечатком ткани грубого плетения.

В керамике второй группы подавляющее большинство составляет типичная для джетыасарской культуры лощеная посуда тщательной ручной лепки, красноглиняная, покрытая густым красным, красно-коричневым, местами до черного, ангобом. На некоторых фрагментах видны следы заглаживания поверхности инструментом.

Формы сосудов (насколько можно судить по фрагментам) те же, что и на Джеты-асарах № 3 и 9. Среди них отметим верхние части хумов и хумчей с раструбообразными удлиненно-подпрямоугольными в сечении венчиками (рис. 9, 46—48). Большой процент составляют фрагменты кувшинов с прямыми горлом, круглыми плечиками и удлиненным, слегка отогнутым венчиком; много фрагментов кувшинов с горизонтальным рифлением по горлу, с симметричными сливами по краю, с ручками и без ручек (рис. 9, 2—10). Наряду с красноглиняными кувшинами, покрытыми красным и красно-коричневым ангобом и лощением, встречаются и сероглиняные тех же форм, с темно-серым, иногда до черного, ангобом и лощением. Такие кувшины (со всеми деталями формы) аналогичны отмеченным в верхнем горизонте «Большого дома». Некоторые кувшины снабжены петлеобразными овальными, подтреугольными в сечении ручками, прикрепленными нижним концом к плечу или к нижней части горла, а верхним — к горлу или же к венчику (рис. 9, 5, 15, 16). Единичные фрагментированные сосуды отличаются розовато-песочным цветом черенка в изломе и беловатой поверхностью со следами густого черного цвета ангоба.

Среди находок много фрагментов типичных кружек с кольцевидными ручками, чашек и мисочек, перекликающихся с характерными по форме для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3. (Например, фрагменты красноглиняных лощеных кружек — рис. 9, 34—36; чашечки со слегка уплощенным дном, густым красным ангобом и лощением — рис. 9, 32; миска с прочерченным снаружи линейным орнаментом, коричневым ангобом и лощением — рис. 9, 33.)

Несколько иного характера лощеная кружка с вдавленным дном, низко посаженной вертикальной ручкой, покрытая коричнево-сероватым ангобом (рис. 9, 37). Вероятно, кружке же принадлежит и фрагмент с

⁴⁹ См. рис. 6, 83. Как указывалось, подобный тип кружек, вероятно, должен принадлежать к одному из наиболее поздних.

⁵⁰ В. В. Девчик. Указ. соч., стр. 218; она же. Стеклённые, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Кавк. дисс. М., 1961, стр. 140.

⁵¹ С. П. Толстов. По следам..., стр. 128, 130—131.

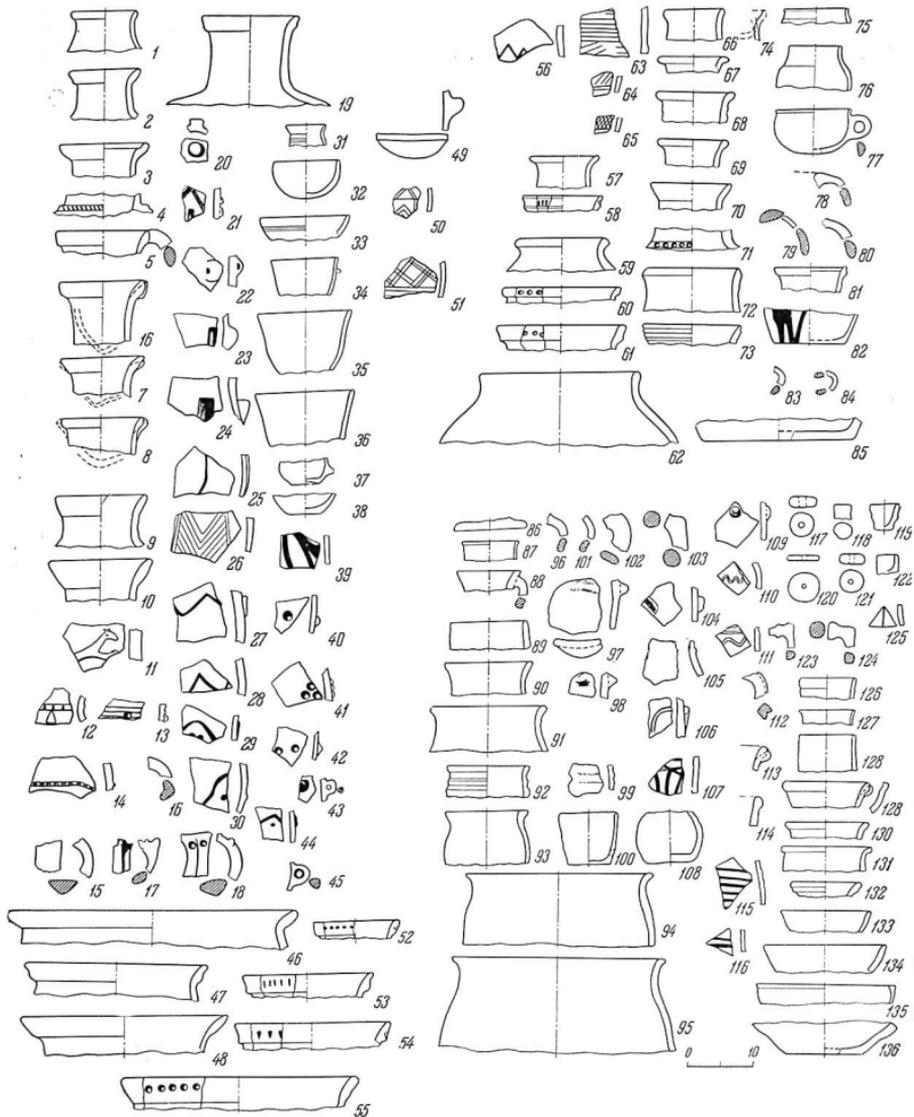

Рис. 9. Керамика Джеты-асаров № 6, 7, Карак-асара
 1-55 — Джеты-асар № 6; 56-89 — Джеты-асар № 7; 86-136 — Карак-асар

такими же ангобом и лощением, но с рифлением по верхней части (рис. 9, 31).

Керамика с Джеты-асара № 6 богата орнаментирована. Наряду с прорезным геометрическим орнаментом на стенках крупных сосудов (сероглиняных с темно-серым или коричневатого-серым ангобом — рис. 9, 26) и прорезным или прочерченным волнистым на стенке крупного красноглиняного сосуда с красным ангобом (рис. 9, 28) есть множество фрагментов с налепным орнаментом. Среди них и налепной валик с насечками по нему у основания горла красноангобированного лощеного кувшина (рис. 9, 4), и подобный же налепной валик с насечками на тулове крупного лощеного сосуда с таким же ангобом (рис. 9, 14), валик с насечками и идущий от него вниз налеп-выступ у основания горла крупного красноангобированного сосуда (рис. 9, 12), и, наконец, гладкие налепные валики (рис. 9, 25, 27).

Много фрагментов сосудов, аналогичных между собой по качеству, ангобу и лощению, орнаментированных различными налепами-выступами, среди которых особенно много шишечек одинарных (рис. 9, 40), парных (рис. 9, 42) и тройничков (рис. 9, 41). Иногда шишечки окружены волнистым налепом (рис. 9, 29—30, 44). Налеп-шишечка украшает и рифленую часть крупного красноглиняного лощеного сосуда с густым внутри красным, снаружи коричневым ангобом (рис. 9, 13) и верхнюю часть ручки кувшина (рис. 9, 18). Передки подтреугольные или овальные выступы (рис. 9, 22—24), иногда ограниченные валиком с насечками (рис. 9, 21). Такие орнаменты обычно встречаются на плечиках сосудов (вероятно, кувшинов), реже — на верхней половине тулова. Чаще всего они симметричны (по два, по четыре), встречаются подтреугольные выступы, чередующиеся с шишечками. Иногда сосуды украшались налепами, имитирующими ручки (по две на плечиках), с вмятинами по бокам, но без сквозного отверстия (рис. 9, 22). Такие различные по формам и размерам налепы часто встречались в материалах Джеты-асара № 3. Округлые выступы украшали и крышки сосудов (рис. 9, 20), и верхние части ручек (рис. 9, 17), но в последнем случае это, очевидно, — схематизированное зооморфное изображение. Подобные ручки были широко распространены в первые века н. э. в каучинской культуре.

Можно отметить также присутствие кольцеобразных ручек красно- и сероглиняных кружек.

Среди посуды второй группы есть несколько фрагментов сосудов станковой работы, некоторые из них имеют горизонтальные рельефные полосы на наружной стороне, в одном случае на светлом розоватом ангобе — потеки коричневатого. На стенке красноглиняного толстостенного лощеного сосуда с красным ангобом на наружной стороне нанесено прочерченное изображение животного типа сайгата (рис. 9, 11).

На основании изучения керамики можно говорить, что Джеты-асар № 6 — один из наиболее близких Джеты-асару № 3 и 9 памятников. Наличие фрагментов сосудов, тождественных характерным для комплекса верхнего горизонта «Большого дома», позволяет датировать Джеты-асар № 6 IV—VII вв. или началом VIII в. н. э.

Джеты-асар № 7. Городище обследовано в 1946, а повторно — в 1948 и 1949 гг.⁵² С. П. Толстов отнес городище ко второму (по его мнению, более позднему) подтипу первого типа — «укрепленный общинный дом-усадыба с квадратно-концентрическим планом. Усадыба Джеты-асар № 7 — с особенно правильным квадратно-ступенчатым зданием»⁵³. И в 1946, и в 1948—1949 гг. с памятника был собран подъемный материал. В первой группе керамики преобладают фрагменты горшков различного размера (диаметр края от 12 до 25 см), есть фрагменты с простым краем, но больше горшков, имеющих форму венчика и орнамент на нем, типичные для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3. На некоторых из них вдавленный ямочный орнамент по внешней стороне удлиненно-подпрямоугольного в сечении венчика (рис. 9, 61), подтреугольные в сечении венчика горшков иногда также имеют ямочные вдавления по внешней стороне (рис. 9, 60). К «кухонной» керамике можно отнести и кувшинообразный сосуд с высоким горлом и простым отогнутым краем (рис. 9, 57). Возможно, к тому же типу сосудов относятся и фрагменты стенок с прорезным геометрическим орнаментом (рис. 9, 64, 65).

Во второй группе преобладают фрагменты сосудов хорошей ручной лепки, покрытые густым красным, красно-коричневым, местами до черного цвета, ангобом и в большинстве случаев лощением. По форме выделяются крупные сосуды типа хумов или горшков. Но количественно преобладают кувши-

⁵² С. П. Толстов. По следам..., стр. 126, рис. 32.

⁵³ Там же, стр. 130—131.

ны, причем встречаются тождественные типичным для верхнего горизонта «Большого дома», т. е. с раструбообразным удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 9, 70), с валиком под горлом и насечками по нему (рис. 9, 71), а также сосуды с небольшим округлым или подтреугольным в сечении венчиком (рис. 9, 69, 81). Необходимо отметить также и типичные сливы по краю кувшинов (рис. 9, 74).

Значительный процент керамики второй группы составляют сосуды преимущественно хорошей ручной лепки (но есть и станковой работы) снаружи с белым ангобом, поверх которого часто нанесены красно-коричневые мазки и потеки (рис. 9, 82). Таковы и фрагменты горлышек кувшинов со сливом, с рифлением и т. п. (рис. 9, 63, 66—68). Интересен фрагмент кувшина с густым темно-красным ангобом и лощением, с рифлением по внешней стороне удлиненного венчика (рис. 9, 73). Подобные венчики в едичичных экземплярах обнаружены в верхних ярусах верхнего горизонта «Большого дома».

В керамике второй группы есть и кружки обычных для джетыасарской керамики форм. Отметим фрагменты кружек с простым краем и горлом, отделенным от округлого тулова уступчиком (рис. 9, 76). Аналогичные кружки характерны для обоих горизонтов «Большого дома». Там же встречен и другой тип кружек (подобные кружкам, обнаруженным среди материала Джеты-асара № 7) — с выделенным круглым в сечении венчиком и почти сферическим туловом (рис. 9, 77). Найдены и фрагменты сероглиняных лощеных кружек с прочерченным линеальным и геометрическим орнаментом. Ручки кружек — овальные или подтреугольные в сечении. Встречены также фрагменты кувшинообразных или горшкообразных сосудов с темно-серым ангобом и геометрическим орнаментом (рис. 9, 64—65).

Рассмотренный материал позволяет предположить, что городище Джеты-асар № 7 существовало в тот же период, что и Джеты-асар № 3, 6, 9, т. е. до VII в. н. э. Что касается нижней даты, то весьма гипотетично можно говорить о первых веках н. э., а скорее — о середине I тыс. н. э.

Джеты-асар № 8. Этот памятник впервые обследован С. П. Толстовым в 1946 г. и отнесен ко второму типу городищ — большой крепость с сильно развитой системой фортификации и без следов построек внутри стен⁵⁴.

Тогда же собрано небольшое количество керамики, в которой преобладают фрагменты сосудов второй группы в основном прекрасной ручной лепки с густым красным, красно-коричневым, местами до черного, ангобом и лощением. На некоторых из них заметны следы обработки поверхности — образовавшиеся от заглаживания деревянным инструментом параллельные полоски различной глубины, впоследствии несколько затерты. На иных фрагментах стенок с серым ангобом нанесен резной геометрический орнамент (рис. 7, 70).

Малочисленность материала не дает возможности более или менее точно датировать памятник. Можно лишь отметить его безусловную принадлежность к джетыасарскому комплексу.

Джеты-асар № 10. Это городище также было открыто в 1946 г.⁵⁵ В 1951 г. на памятнике собрано небольшое количество материала.

Для посуды первой группы характерны фрагменты горшка с выделенной шейкой и простым чуть отогнутым наружу краем (рис. 7, 77) и сероангобированной лощеной миски с выделенным круглым в сечении венчиком (рис. 7, 78).

Во второй группе есть фрагменты красноглиняных кувшинов с густым красным ангобом и лощением, с типичными для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 венчиками и сливами по краю. Есть и фрагменты сероглиняных лощеных кружек с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 7, 81), аналогичные характерным для верхнего горизонта «Большого дома». Некоторое количество фрагментов принадлежит сосудам станковой работы. Это, например, красноангобированный кувшин с профилированным венчиком (рис. 7, 75). На стенках таких сосудов поверх беловатого ангоба нанесены красно-коричневые мазки и потеки (рис. 7, 76, 82). Как неоднократно отмечалось выше, подобная керамика была широко распространена на Средней Сырдарье.

Немногочисленный подъемный материал, в котором встречены сосуды, аналогичные характерным для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3, позволяет весьма предварительно высказать предположение о существовании жизни на Джеты-асаре № 10 во второй половине, а может, и в конце I тысячелетия н. э. Этому предположению не противоречит и жженый кирпич (раз-

⁵⁴ Там же, стр. 126, 131, рис. 30.

⁵⁵ Там же, стр. 126—127.

мер $18,5 \times 14 \times 5$ см), из которого сложена часть построек на городище.

Джеты-асар № 11. Городище впервые обследовано в 1946 г. и, вероятно, может быть отнесено к первому типу памятников⁵⁶. В 1951 г. памятник обследован вторично.

Среди сосудов первой группы преобладают горшки, но есть кувшиновидные сосуды, «сковороды» и т. д. Горшки самых различных размеров: диаметр горла их от 13 до 30 см при толщине стенок до 1,7 см (рис. 10, 15—16, 20). У части сосудов — выделенное горло и несколько отогнутый край (рис. 10, 16), но встречаются горшки с чуть отогнутым удлинненно-подпрямоугольным в сечении венчиком, орнаментированным снаружи вдавленными насечками (рис. 10, 18, 19). Такие сосуды типичны для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3, для Джеты-асара № 9 и других памятников. Интересен сосуд типа «сковороды» с палетами над краем (рис. 10, 21). В тесте его обнаружены примеси крупнодробленой дресвы, а снаружи на дне имеются отпечатки зерен проса. Аналогичный сосуд встречен на Джеты-асаре № 9 (рис. 6, 92). Подобный ему найден Г. В. Григорьевым в слоях Каунчи II. Назначение их пока неясно. Похожий по орнаменту сосуд (типа миски) найден при раскопках «Большого дома» Джеты-асара № 3 в слоях верхнего горизонта.

К первой группе керамики относятся по качеству и выделке и некоторые кувшины с прямым горлом и несколько отогнутым круглым или подтреугольным в сечении венчиком (рис. 10, 14). Вероятно, кувшину принадлежит фрагмент стенки с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 10, 17).

Во второй группе керамики преобладают красноглиняные сосуды тщательной ручной лепки, но встречаются сосуды и станковой работы.

У хумов и крупных двуручных горшков с густым красным и красно-коричневым ангобом и лощением отмечаем раструбообразные удлинненно-подпрямоугольные в сечении венчики диаметром 32—38 см (рис. 10, 9, 10). У многочисленных лощеных кувшинов, покрытых густым красным, красно-коричневым, местами до черного, ангобом прямое или реже — слегка расширяющееся книзу высокое горло, маленький круглый, подтреугольный или отогнутый удлинненно-подпрямоугольный в сечении венчик (рис. 10, 23—26), часто встречаются сосуды с симметрично рас-

положенными по краю сливами (рис. 10, 24—26), иногда с рифлением по горлу (рис. 10, 24). Обнаружены такие кувшины и с удлинненно-овальной или подтреугольной в сечении формы ручками (рис. 10, 41, 42, 44, 45). Есть черепки (с тем же качеством теста и ангоба) тонкостенных кувшинов с круглыми или подтреугольными в сечении венчиками (рис. 10, 22). Единичны находки фрагментов тонкостенных кувшинов с густым красно-коричневым ангобом и лощением, с маленьким венчиком, разделенным углублением по центру внешней стороны (рис. 10, 27, 28, 32). Вместе с красноглиняными встречены сосуды с черепком песочно-розоватого цвета. Один из них — кувшин с подтреугольным в сечении венчиком, с выемкой по центру его внешней стороны, снаружи, поверх белого ангоба покрыт густыми коричневыми мазками (рис. 10, 34). Стенки красноглиняных сосудов, у которых поверх белого ангоба нанесены красно-коричневые мазки и потеки, нередки в материале данного памятника. Найден край со сливом цилиндрического носика кувшина⁵⁷.

Наряду с материалами, которые предположительно могут быть датированы и первыми веками н. э., на памятнике встречена керамика, существовавшая в Средней Азии во второй половине и в конце I тыс. н. э. Таковы фрагменты (инв. № 90) крупногабаритной работы сероглиняного кувшина и верхняя часть красноглиняного кувшина с густым беловато-зеленоватым ангобом (рис. 10, 33). Аналогичные кувшины широко распространены в афригидской культуре Хорезма VII—VIII вв.⁵⁸ Среди других форм отметим плоскую крышку с выступом в центре (рис. 10, 35), стенки станковой работы фиалги и своеобразные горшки.

Интересен красноглиняный горшок с густым красно-коричневым ангобом, с круглым в сечении венчиком, к которому прикреплены верхние концы двух петлеобразных ручек (рис. 10, 37).

Близкий по форме и качеству сосуд найден на «Малом доме» Джеты-асара № 3 (рис. 5, 18). К иному типу принадлежит станковой работы горшки с подтреугольным в сечении профилированным венчиком (диаметр 18—22 см), выделенной шейкой, круглыми плечиками, раздутым туловом, резко сужающимся ко дну, и с прикрепленными к краю двумя зооморфными ручками. Таков лощеный крас-

⁵⁷ Подобные сосуды также характерны для каунчиской культуры.

⁵⁸ Е. Е. Перазик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, рис. 19; 21, 8, 10, 12.

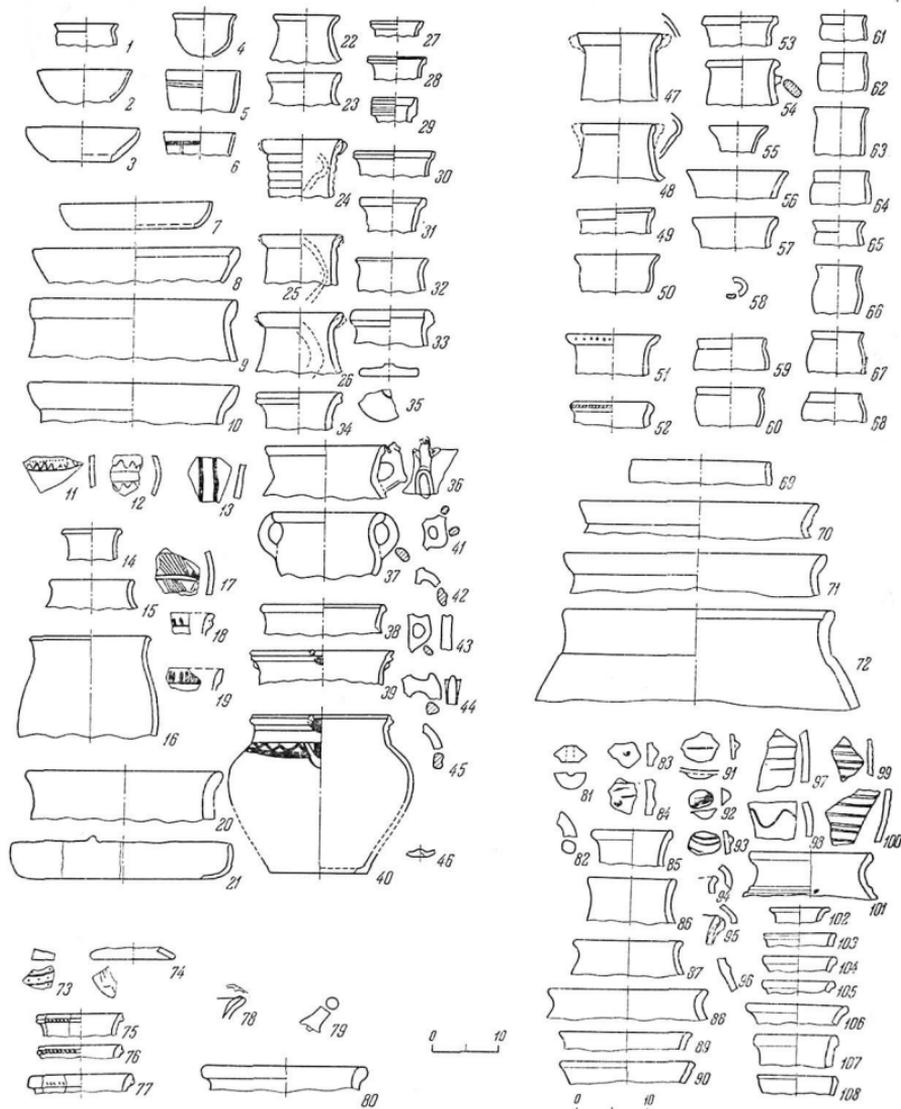

Рис. 10. Керамика Джеты-асара № 11, Большого Кара-асара, Ак-курган, Ахмед-калы, Ашаг-асара
 1-46 — Джеты-асар № 11; 47-72 — Большой Кара-асар; 73-80 — Ахмед-калы и Ак-курган; 81-108 — Ашаг-асар

ноглиняный сосуд со следами густого красно-коричневого ангоба (рис. 10, 36). Ручка у него — в виде животного (возможно, собаки), держащегося передними лапами за край и как бы заглядывающего внутрь сосуда⁵⁹. Весьма вероятно, что такие же ручки были и у других подобных этому горшков (рис. 10, 38—40). На одном из них сохранились следы прикрепления верхних концов аналогичных ручек (рис. 10, 39). На другом, отличном по тесу и ангобу (сероглиняный с серым ангобом), сохранились и ланки, которыми животное держалось за край (рис. 10, 40)⁶⁰. Этот горшок украшен также по плечикам прорезным геометрическим орнаментом. Прорезной или прочерченный геометрический орнамент обнаружен и на фрагментах других сосудов, лощенных сероглиняных (рис. 10, 12) и красноглиняных с белым (рис. 10, 11) или густым красным ангобом.

Красноглиняные миски обычно с простым округлым краем (диаметр 15—24 см) покрыты густым красно-коричневым, иногда местами до черного, ангобом и залощены (рис. 10, 2, 7). Но есть и станковой работы миска с беловато-розоватым ангобом (рис. 10, 3). У одной из мисок с густым до черного цвета ангобом и лощением был удлиненный и утолщенный внутрь венчик (рис. 10, 8). Аналогичные сосуды встречены в верхнем горизонте «Большого дома». Обнаружены и фрагменты кружек, причем преобладают лощенные сероглиняные с темно-серым ангобом и прорезным орнаментом (рис. 10, 5—6). Подобные сосуды наибольшее распространение получили в верхнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3. По форме к ним близка лощенная сероглиняная неорнаментированная кружка с темным до черного ангобом. К другому типу можно отнести красноглиняные кружки с отогнутым, резко отделенным от раздутого тулова краем, с красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 10, 4). В центре дна небольшого красноглиняного сосуда с густым красным ангобом, вероятно, с шаровидным туловом сохранилась вмятинка (рис. 10, 46). Такие сосуды есть и в нижнем горизонте «Большого дома».

⁵⁹ Аналогичная ручка найдена О. В. Обельченко на городище Ходжа Аджиджанчи (О. В. Обельченко. К вопросу о времени возведения стен Бухарского оазиса. Капыр-Дуал, «Труды ТАГУ», т. V, Ташкент, 1960, стр. 24). К сожалению, слов, где найдена эта ручка, оказались смешанными.

⁶⁰ Интересно, что эта «лапа» весьма напоминает руку человека или обезьяны. Здесь явно различимы пальцы кисти (четыре вместе и один в стороне).

На основании изложенного выше можно предварительно датировать данный памятник временем от первых веков н. э. (может быть, и последних веков до н. э.) до начала VIII в. н. э.

Джеты-асар № 12. Памятник открыт в 1946 г., повторно был обследован в 1951 г.⁶¹

В первой группе керамики наиболее распространены горшки, крупные (с диаметром края до 26 см, дна — до 24 см; рис. 7, 51, 52) и мелкие (с диаметром края 10 см; рис. 7, 48).

Найдены кувшинообразные сосуды (рис. 7, 49). Во второй группе встречены отдельные фрагменты стенок крупных красноглиняных сосудов, покрытых снаружи красно-коричневым или беловатым ангобом. На части из них по беловатому ангобу нанесены красно-коричневые мазки и потеки (инв. № 137). Резко преобладают сосуды тщательной ручной лепки. Во второй группе встречены кувшины с обычным для Джеты-асара № 3, 6, 7, 9 рифлением по горлу, с густым темно-красным ангобом (инв. № 3). Так же обычны для нижнего горизонта «Большого дома» и найденные здесь кувшины с маленьким подтреугольным в сечении венчиком, с симметрично расположенными сливами по краю (рис. 7, 54; сливы оттянуты пальцами, следы надавев заметны снаружи). На одном из кувшинов с коричневым до черного ангобом и лощением верхний конец петлеобразной ручки прикреплен под выделенным чуть удлиненным венчиком (рис. 7, 55). Подобные ручки встречаются на сосудах из самых верхних слоев Джеты-асара № 3, 9. На горле сероглиняного кувшина с темно-серым ангобом отчетливо чуть утолщенный маленький венчик (рис. 7, 53).

Среди посуды второй группы есть и типичные для верхних слоев Джеты-асара № 3 и 9 лощенные тонкостенные кружки с прорезным или прочерченным линейным орнаментом. У некоторых сосудов сохранились овальные в сечении ручки (рис. 7, 58—60). На дне одного сосуда, вероятно, с шаровидным туловом с красным ангобом заметно круглое вдавление в центре, образовавшееся при формовке (рис. 7, 61). Аналогичные сосуды обнаружены в нижнем горизонте «Большого дома».

Найденная на памятнике миска с диаметром края 30 см (рис. 7, 56) аналогична мискам из верхнего горизонта «Большого дома». Некоторые сосуды украшены налепным орна-

⁶¹ С. П. Толстов. По следам..., стр. 127, рис. 30.

ментом. Так, фрагмент в виде выступа на плечках (рис. 7, 62) принадлежал, вероятно, крупному кувшину. У другого сосуда по белому ангобу или красно-коричневые мазки и был орнамент в виде наложенной дуги (рис. 7, 50). Третий маленький красноглиняный сосуд со следами красноватого ангоба снаружи, с шаровидным туловом, наибольший диаметр которого 9 см, был украшен наленными шишечками (рис. 7, 57).

Можно считать (пока предварительно), что городище Джеты-асар № 12 уже существовало в первой половине I тыс. н. э. и, вероятно, прекратило свою жизнь одновременно с городищами Джеты-асар № 3, 6, 7, 9 и т. п.

Джеты-асар № 13. Городище обследовано в 1946 г. Оно отнесено С. П. Толстовым ко второму подтипу первого типа⁶². С этого памятника известен лишь один красноглиняный кувшинообразный сосуд, у которого по светлой розоватой поверхности нанесен густой черный ангоб (рис. 7, 74). Полностью аналогичного сосуда среди имеющихся материалов других джетыасарских городищ нет, поэтому датировать его пока нельзя.

Джеты-асар № 14 (Байболат-асар). Это городище также открыто в 1946 г., а затем подвергнуто обследованию в 1949 г. В подьемном материале были терки и пращевые камни. В керамике первой группы встречены фрагменты горшков с простым краем (рис. 7, 95). На стенках некоторых сосудов имеется прорезной геометрический и пуансонный орнамент (рис. 7, 93, 94).

Во второй группе есть немалый процент станковой посуды, но преобладает изготовленная тщательной ручной лепкой с помощью вращающейся подставки. Выделяются кувшины с подтреугольными в сечении венчиками с белым ангобом (рис. 7, 89, 96). Такая же форма и у кувшинов хорошей ручной лепки с белым ангобом и розовато-песочного цвета черенком (рис. 7, 90). Кроме обычных для джетыасарской культуры кувшинов с рифленным горлом (рис. 7, 85), встречены кувшины с простым или слегка утолщенным краем, иногда внутри с ложбинкой для крышек, с красным или темно-красным густым ангобом (рис. 7, 91, 92). Отметим кувшины, у которых снаружи по светлomu фону имеются следы густых красно-коричневых, местами черных мазков и потеков (рис. 7, 97). Среди кувшинов станковой работы есть сосуд, покрытый беловатым ангобом, по

форме венчика он близок афригидским (рис. 7, 88)⁶³.

На горшках станковой выработки (рис. 7, 102), с отогнутым краем, выделенной шейкой, снаружи на белом ангобе — темно-коричневые мазки и потеки. Вероятно, среди станковой керамики были и фляги с неглубоко прорезанными горизонтальными полосами на стенках и светлым ангобом снаружи (рис. 7, 87). Вообще подобные горизонтальные полосы типа рифления встречены на Байболат-асаре (как и на остальных городищах Джеты-асара) и на других видах сосудов и прежде всего — на крупных горшках или хумах (рис. 7, 86).

В керамике второй группы необходимо отметить фрагменты сероглиняных лощеных кружек с черным ангобом и прорезным орнаментом, красноглиняных кружек с красным ангобом (рис. 7, 83, 84), тонкостенные чашки, красноангобированные лощеные мисочки с простым краем. Интересно दो сосуда с характерным для нижнего горизонта «Большого дома» вдавлением в центре (рис. 7, 103). В керамике хорошей ручной лепки есть фрагменты с прорезным и штампованным орнаментом.

Материал с Байболат-асара аналогичен другим джетыасарским городищам, прежде всего — нижнему горизонту «Большого дома» Джеты-асара № 3, памятникам, расположенным по среднему течению Сырдарьи, датированным первой половиной I тысячелетия. В то же время на городище обнаружены сосуды более позднего времени (кружки, характерные для верхнего горизонта «Большого дома»: кувшин, аналогичный афригидским сосудам VII—VIII вв.). Таким образом, можно говорить о существовании памятника или, что более вероятно, части его и в этот период.

Унгурлы-асар. Это городище (восточная группа асаров) было обследовано в 1948 и повторно — в 1962 гг. Собрано небольшое количество керамики. Фрагменты сосудов первой группы невыразительны, а во второй значительный процент составляют сосуды станковой работы и изготовленные тщательной ручной лепкой с помощью вращающейся подставки. Большинство сосудов покрыто густым красно-коричневым ангобом. Они часто лощеные. Найдены сосуды и со светлым ангобом, поверх которого иногда заметны следы густой коричневой краски.

По форме все сосуды Унгурлы-асара аналогичны керамике нижнего горизонта «Большого

⁶² Там же, стр. 127, 131.

⁶³ Е. Е. Перазик. Указ. соч., рис. 21, 7, 8, 10.

шого дома» Джеты-асара № 3. Это, например, сосуды первого вида с маленькими подтреугольными в сечении венчиками, двумя ручками, верхним концом прикрепленными к краю (диаметр края 22 см), покрытые густым красно-коричневым ангобом (рис. 7, 18). Обнаружены также кувшины с круглыми или подтреугольными в сечении маленькими венчиками, прямым высоким горлом, иногда с горизонтальным рифлением по нему, иногда с петлеобразной ручкой, нижним концом прикрепленной к началу горла, а верхним — под венчиком. Часто по краю кувшина идут слезы, округлой в плане формы (рис. 7, 13). Большинство кувшинов снаружи покрыто густым красно-коричневым ангобом. Встречены фрагменты кувшинов с таким же венчиком, но с песочно-кремового цвета черенком и густым коричневым, местами до черного, ангобом. Найдена и миска обычного для джеты-асарского керамического комплекса типа — с простым краем и полусферическим туловом. У тонкостенных кружек или чаш (одна из которых в изломе была песочно-кремового цвета) с беловато-розоватой поверхностью и следами густого коричнево-красного ангоба имелся обычный маленький круглый в сечении венчик и шаровидное тулово (рис. 7, 16).

Кружки также находят ближайше аналогии в керамике нижнего горизонта «Большого дома». Любопытен фрагмент красноглиняной со светлой розоватой поверхностью кружки — ручка в виде стилизованного животного с наленными ушами или рогами (рис. 7, 11). Изображение схематично, в нем можно предположить собаку или барана. Подобные зооморфные ручки были широко распространены в первые века нашей эры в каунчинской культуре.

Таким образом, можно предположить, что городище Унгурыль-асар существовало в первые века нашей эры (возможно, с конца I тысячелетия до н. э. по IV в. н. э.).

Городища Малый Кара-асар, Кара-асар и Большой Кара-асар, расположенные в восточной группе памятников джеты-асарского комплекса, в 30 км западнее г. Кызыл-Орды, обследованы Хорезмской экспедицией в 1962 г.

Малый Кара-асар. Подъемный материал незначителен и малообразован. Это фрагменты посуды первой группы, а также стенки красноглиняных сосудов второй группы с густым красно-коричневым ангобом. Наряду с ними есть фрагменты с черенком в изломе песочного цвета и со светлым беловато-желтоватым ангобом. Поскольку формы

сосудов не установлены, городище не может быть датировано, хотя характер керамики некоторым образом переключается с находками из Кара-асара.

Кара-асар. Городище в плане узлиткообразной формы⁶⁴, подобно «Большому дому» Джеты-асара № 3, Джеты-асару № 9, Мойшоткы-асару (размеры его 80 × 120 м). В 1962 г. здесь собран значительный материал где имеются зернотерки, терочки и шари тыпа лопил или пращевых камней из песчаника и кварцита. Наличие керамического шлака и черепок бракованных сосудов позволяет думать о существовании гончарного производства на территории городища.

Керамика первой группы по качеству и составу теста не отличается от найденной на других джеты-асарских городищах. Среди горшков отметим один с сероватым ангобом и закопченной внутри поверхностью, с типичным для нижнего горизонта «Большого дома» венчиком, прямой, относительно высокой шейкой, отделенной от тулова характерным для многих видов сосудов джеты-асарского комплекса уступом. Тулово слегка раздуто, наибольшая ширина его меньше высоты сосуда. Диаметр плоского дна меньше диаметра венчика, с внешней стороны украшенного потгевыми вдавлениями по еще сырой глине. Горшок орнаментирован по верхней широкой части тулова симметричными наленными шишечками по три в ряд, чередующимися с двумя полукруглыми валиками с отогнутыми вбок концами (рис. 11, 40). Аналогичный орнамент встречен на горшках первой группы керамики в нижнем горизонте «Большого дома», на многих других формах керамики второй группы из «Малого дома» Джеты-асара № 3 и на других памятниках и очень характерен для джеты-асарской керамики обеих групп. К другим формам керамики первой группы Кара-асара принадлежат обломок котлообразного сосуда и от такого же сосуда ручка-налеп с отверстием для веревки (рис. 11, 39), вертикальная петлеобразная ручка кувшина с наколотым орнаментом (рис. 11, 38).

Сосуды второй группы изготовлены так же, как и на других джеты-асарских памятниках — преимущественно хорошей ручной лепки, большинство из них с ярко-красным, красно-коричневым или темно-коричневым ангобом, часто лощеные. Реже встречаются

⁶⁴ Архив ХАЭЭ АН СССР. Дневник № 37 (Б. В. Андрианов, Кувадарынский маршрут), 1962 г., стр. 32.

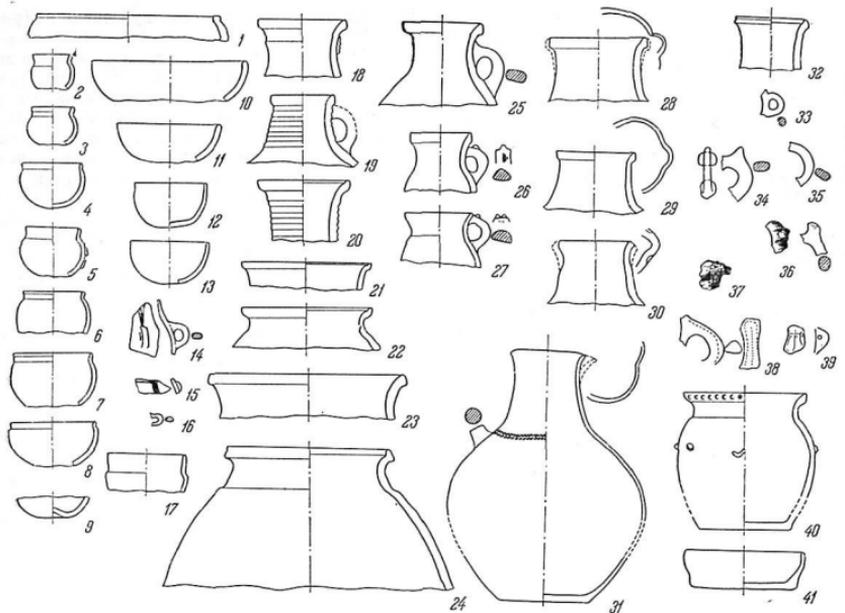

Рис. 11. Керамика Кара-асара, Домалак-асара
 1—41 — Кара-асар; 42—81 — Домалак-асар

фрагменты сосудов с беловато-кремовым или беловатым ангобом, иногда и с кремово-песочного цвета черепком. Иногда у них на поверхности видны следы красной или красно-коричневой краски.

Сосуды первого вида (их 6 экз.; толщина черенка 1,2—1,8 см) красноглиняные с густым красным, красно-коричневым или коричневым ангобом, а некоторые и слегка подлощены. У всех относительно маленький круглый или подтреугольный в сечении венчик (диаметр венчиков от 26—28 до 38—40 см, преобладают сосуды с диаметром 30—32 см). В двух случаях на внутренней стороне венчика сделана выемка для крышки, прямое или слегка расширяющееся книзу горло отделено от тулова с покатыми плечиками характерным для джетыасарской керамики уступом (рис. 11, 22, 24).

Кувшины представлены в количестве 25 экз. Преобладают лощеные красноглиняные с густым красным, красно-коричневым, местами до черного, ангобом (рис. 11, 20, 28—30, 32), но встречаются кувшины и со светлым ангобом, иногда и с кремовым черепком (рис. 11, 18, 25—27). По форме они одинаковы. У всех маленький круглый или подтреугольный в сечении венчик, а реже — и чуть отогнутый наружу простой край (диаметр его от 9 до 14—15 см, преобладают сосуды с диаметром края 10—12 см). Часто по внутренней стороне венчика проходит глубоко прочерченная полоса или углубление. В одном случае горизонтальная полоса шла и по внешней стороне венчика (рис. 11, 32). Часто на краю венчика симметрично расположены парные округлые в плане сливы (рис. 11, 28—30). Встречены сосуды и с одинарными сливами той же формы, но с противоположной стороны снабженные вертикальной петлеобразной ручкой. У всех кувшины относительно высокое прямое или чуть расширяющееся к тулову горло, по которому обычно проходит горизонтальные полосы или валики. Встречены и одинарные валики, и первоначально прочерченные полосы, но чаще ровные горизонтальные каннелюры. Многие кувшины снабжены одной овальной или подтреугольной в сечении ручкой, верхний конец которой прикреплен под венчиком, а нижний — на плечиках у перехода к горлу.

В месте прикрепления у ручки бывает шишечка. Ручки петлеобразные, с одной или двумя шишечками, а часто с выступом в верхней части (рис. 11, 26—27, 34). Встречены и зооморфные. Одна из них изображает, вероятно, голову верблюда или лошади (рис.

11, 37), а другая — голову собаки (рис. 11, 36).

У кувшинов переход к тулову выделен характерным более или менее резким уступом. Плечи сосудов большей частью довольно крутые; тулово по форме приближается к шаровидному, наибольший его диаметр равен высоте тулова и почти в 2,5 раза больше диаметра дна и горла. Последнее в свою очередь составляет треть высоты кувшина. Такие пропорции были и у кувшина (рис. 11, 31) с одним сливом по краю и круглой в сечении ручкой, прикрепленной с противоположной сливу стороны. Над нижним концом ручки, в месте перехода горла к тулову, — орнаментальный поясик из двух рядов насечек. Сосуд тонкостенный, снаружи покрыт коричневым ангобом и подлощен.

Наряду с подобными кувшинами обнаружены и небольшие кувшинчики несколько другой формы, вероятно, близкие кружкам, с простым краем или подтреугольным в сечении венчиком, с петлеобразной ручкой, верхним концом прикрепленной к краю или под венчиком, а нижним — к покатым плечикам под местом перехода к горлу, выделенному уступом (рис. 11, 26—27). Аналогичные по форме и качеству сосуды найдены в «Малом доме» Джеты-асара № 3 и в других джетыасарских памятниках.

Тонкостенные кружки или чаши (их не менее 25 экз.) представлены теми же двумя типами, что и в нижнем горизонте «Большого дома»: сосуды с простым краем и горлом, отделенным от раздутого, часто почти шаровидного тулова резким уступом (рис. 11, 2, 4, 5, 17), и сосуды с таким же раздутым туловом и маленьким круглым в сечении венчиком (рис. 11, 3, 6—8). Есть и промежуточные варианты (рис. 11, 3, 6). На части из них сохранились петлеобразные и кольцевидные ручки, круглые, удлиненно-овальные или подтреугольные в сечении, крепившиеся к наиболее широкой части тулова (рис. 11, 5, 16).

Диаметр дна кружек много меньше устья. Наряду с красноглиняными с густым ярко-красным, местами красно-коричневым, а иногда и коричневым и даже черным ангобом и лощением (рис. 11, 6, 7, 17) существуют, и в сборах с Кара-асара даже количественно преобладают, кружки с беловато-песочным или кремово-песочным черепком и такой же поверхностью (рис. 11, 5), с беловатым ангобом или же со следами густого ярко-красного (рис. 11, 8), красно-коричневого (рис. 11, 2, 3), а иногда и черного ангоба и лощения.

В двух случаях на красноглиняных кружках помещен орнамент: в виде налепа-пищечки под перегибом к горлу (рис. 11, 15) и в виде трех прорезных вертикальных линий над ручкой (рис. 11, 14).

Миски обычно полусферической формы, закрытые, с простым краем, с очень небольшим относительно устья дном (диаметр края их от 12—15 до 26—28 см), красноглиняные с густым ярко-красным, красно-коричневым, а иногда и темно-коричневым ангобом и лощением (рис. 11, 1, 10, 41). По форме выделяется миска того же качества с густым красно-коричневым ангобом на розовато-песочной поверхности, с плоским дном (диаметр дна 16 см, диаметр устья 18 см, высота миски 6,5 см; рис. 11, 41). Несколько особняком стоит и приближающаяся по форме к мискам чашка или кружка (рис. 11, 12) с густым коричнево-черным ангобом, со своеобразной вертикальной обработкой поверхности нижней трети сосуда. Единичные фрагменты с подобной обработкой поверхности встречаются почти на всех джетысарских городищах, но этот прием в то же время очень характерен для обработки поверхности подавляющего большинства мисочек и кружек каунчинской культуры.

Из других сосудов, встреченных на городище, отметим верхние части красноглиняных горшков с густым красным или красно-коричневым ангобом и лощением сплошным, а иногда полосчатым (рис. 11, 21), или же с кремово-песочным цветом черепка и белым ангобом (рис. 11, 22), с маленьким круглым или подтреугольным в сечении венчиком (диаметр его 20 см), с углублением или прорезанной горизонтальной полосой для крышки по внутренней стороне, с прямым горлом, отделенным от тулова традиционным уступом (рис. 11, 24). Отметим также фрагмент небольшого сосуда с шаровидным туловом, с округлой выемкой в середине дна (диаметр его 4 см). Аналогичные сосуды встречены в нижнем горизонте «Большого дома».

Таким образом, все группы и виды керамики с городища Кара-асар находят ближайшие аналогии в материалах нижнего горизонта «Большого дома». Полное отсутствие керамики, характерной для верхнего горизонта того же «Большого дома», для городищ типа Джеты-асар № 6, 7, 9 и т. п., дает возможность верхнюю границу существования памятника определять не позднее IV в. н. э. Что касается нижней даты, то наличие керамики с кремово-песочного цвета черепком и относительно большое количество ее (надо

отметить, что присутствие единичных фрагментов такой посуды зафиксировано и в материалах «Малого дома», и в нижнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3) позволяет предполагать более раннюю дату, чем дата нижнего горизонта «Большого дома», хотя у нас нет пока твердых доказательств существования указанной керамики в более ранний период.

Большой Кара-асар. Городище также удлиненообразной формы, высотой до 13 м, диаметры его 180 и 150 м. В подъемном материале с городища представлена типичная джетысарская керамика. Среди сосудов первой группы (обычно с сероватым ангобом) — горшки с прямой шейкой. Один из них имеет небольшой венчик, по внешней стороне которого нанесены узкой полосой по сырой глине вертикальные прорезы, а другой — венчик резко отогнутый наружу, небольшой, но удлиненно-подпрямоугольный в сечении, по внешней стороне которого также еще по сырой глине нанесены ямочные вдавления (рис. 10, 51).

Гораздо многочисленнее и разнообразнее находки сосудов второй группы. Хотя есть и отдельные сероглиняные, но резко преобладают красноглиняные лощеные, с густым красно-коричневым и темно-коричневым ангобом.

Первый вид представлен фрагментами стенок и венчиком (диаметр 38—40 см; рис. 10, 70—72). Сосуды эти обычно с прямым горлом, отделенным от покатых плечиков традиционным уступом. Отогнутый наружу венчик лишь слегка утолщен по сравнению со стенками, но удлинен и имеет округло-подпрямоугольную форму в сечении. В одном случае венчика как такового уже нет, а есть чуть утолщенный край с ложбинкой по внутренней стороне. Все сосуды покрыты красным, местами до коричневого и черного, густым ангобом и лощением.

Кувшины (рис. 10, 47—49, 53—57) также красноглиняные, покрыты густым ярко-красным, местами до темно-коричневого и черного, ангобом и лощением. У всех высокое, в основном прямое, реже — слегка расширяющееся книзу горло, большей частью маленькие подтреугольные в сечении венчики, хотя наряду с ними встречаются и удлиненные, но лишь слегка утолщенные венчики, и простой, отогнутый наружу край. Диаметры венчиков обычны для джетысарских кувшинов. Часть их снабжена одной петлеобразной ручкой, удлиненно-овальной или подпрямоугольной в сечении, верхним кон-

цом прикрепленной под венчиком на горле. Часто по краю кувшина симметрично расположены парные (гораздо реже встречаются одинарные), округлые в плане сливы (рис. 10, 47, 48). Иногда по внутреннему краю венчика проходит ложбинка для крышки.

Миски представляют во фрагментах и одним целым экземпляром. Это красноглиняный сосуд с густым темно-коричневым до черного ангобом, закрытый, со слегка округлыми стенками и чуть выделенным простым краем (рис. 10, 69).

Среди тонкостенных кружек или чаши имеется лишь одна сероглиняная с густым черным ангобом и лощением; а остальные (12 экз.) — красноглиняные с густым красным, а чаще с темно-коричнево-черным ангобом и лощением. Ручки кольцевидные, удлиненно-овальные в сечении (рис. 10, 58). По форме кружки несколько отличаются от встреченных на разобранных выше памятниках, хотя, без сомнения, непосредственно связаны с некоторыми описанными ранее типами. Так, у нескольких кружек — широко открытое устье диаметром много больше дна, отогнутый наружу простой край и округлые стенки. Такие кружки типологически явно связаны с кружками, появившимися в верхнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3, — широко открытые с округлыми или прямыми стенками, преимущественно покрытые густым до черного ангобом и лощением (рис. 10, 50).

Но большей частью кружки с городища Большой Кара-асар невелики. Они банкообразной формы с простым, чуть отогнутым или прямым краем, являющимся продолжением горла, отделенного от раздутого тулова традиционным уступом или глубоко прочерченной линией. Размеры их: диаметр края 6—10, чаще 7—8 см, диаметр дна много меньше диаметра края, высота 7—8 см. Эти кружки, безусловно, непосредственно связаны с одним из типов, характерных для нижнего горизонта «Большого дома», — с выделенным горлом, резко отделенным от тулова уступом. Некоторые из кружек городища Большой Кара-асар уже без горла как такового, а выраженный уступ отделяет тулово от простого удлиненного края. Кольцевидная ручка прикреплялась к середине тулова сосуда целиком, и в месте прикрепления стенка сильно вдавлена внутрь, а с внутренней стороны укреплена и подправлена дополнительным куском глины (рис. 10, 67). Кружки покрыты густым коричнево-черным ангобом и залощены снаружи.

Рассмотренный материал свидетельствует о безусловной принадлежности городища Большой Кара-асар к джетыасарскому комплексу. Аналогии керамике находим в материалах верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3, Джеты-асара № 6, 7, 9 и т. п., но в то же время некоторые детали — орнаментация полосой на венчиках типичных горшков первой группы, появление удлиненных, но уже неуголенных венчиков, простого края у обычных сосудов второй группы типа хумов и крупных горшков, кувшинов, несколько иная форма кружек и иные способы прикрепления ручек на них — все описанные детали неизвестны на упомянутых памятниках. Это позволяет предполагать несколько более позднюю дату конца жизни Большой Кара-асара и предварительно датировать его с середины I тысячелетия до VIII, а может, и IX в. н. э.

Дом алак-асар. Городище расположено в 75 км к западу — северо-западу от г. Кызыл-Орды. Оно очень сложной конфигурации — «улитка» со множеством пристроек⁶⁵. В 1962 г. маршрутный отряд Хорезмской экспедиции посетил это городище и собрал подъемный материал. Наряду с зерноотерками, округлыми «прадевыми» камнями из кварцита и светло-серого песчаника найдено значительное число керамических шлаков, фрагменты бракованных кувшинов с цилиндрическим горлом, иногда рифленным, некоторые с ручкой, верхним концом прикрепленной на 1 см ниже обычно маленького круглого или подтреугольного в сечении венчика.

Керамика первой группы представлена незначительными фрагментами стенок сосудов. Можно говорить о наличии горшков большого диаметра с маленьким подтреугольным в сечении венчиком. Некоторые сосуды — с прочерченным геометрическим орнаментом из пересекающихся полос (рис. 11, 72).

Керамика второй группы многочисленнее и разнообразнее. Сосуды первого вида — типа хумов и крупных двуручных горшков с густым красным ангобом и лощением снаружи — имеют маленький подтреугольный в сечении венчик (диаметр 26 см), прямое высокое горло, незначительно расширяющееся к тулову (рис. 11, 63).

Как и на других памятниках, на Домалак-асаре количественно преобладают кувшины, абсолютное большинство которых также изгото-

⁶⁵ Архив ХАЭЭ АН СССР. Дневник № 37 (Б. В. Андрианов), 1962 г., стр. 35.

товлено тщательной ручной лешкой при помощи вращающейся подставки. Они красноглиняные, обычно покрыты густым красным, красно-коричневым, иногда до черного, ангобом (рис. 11, 64—66 и др.), а некоторые — беловатым жидким ангобом (рис. 11, 67). Форма их типична для ранних джетысарских кувшинов. У всех маленький подтреугольный или круглый в сечении венчик (иногда с ложбинкой для крышки — рис. 11, 69, 77) диаметром 10—12 см; высокое прямое или чуть расширяющееся книзу горло, гладкое или с валиком посередине, а чаще всего покрытое горизонтальным рифлением различного характера — от прорезанных по сырому сосуду неровных полос до четких крупных и мелких каннелур (рис. 11, 64—68). Иногда на краю кувшина находится один или (что встречается чаще) два симметрично расположенных округлых в плане слива (рис. 11, 66—67, 69—71). Часть кувшинов снабжена одной петлеобразной подтреугольной или круглой в сечении ручкой (рис. 11, 70), верхний конец которой прикреплен на горле (рис. 11, 64, 65, 77). В одном случае (инв. № 95) видно отверстие для шнечка ручки, а рифление начинается слева и справа от него. Само горло отделено от плечиков небольшим валиком (рис. 11, 77), но чаще всего — четко выраженным уступом (рис. 11, 64, 66—68, 76, 78). Плечики довольно крутые, переходящие в шаровидное тулово, наибольший диаметр которого обычно в 2,5 раза больше, чем венчика. Диаметры дна и венчика обычно равны (рис. 11, 78). Реже встречаются кувшины с раздутым туловом, но с покатыми плечиками, подобные найденным на Кара-асаре (рис. 11, 66, 67).

Любопытна небольшая группа кувшинов с беловато-песочного цвета черепком, с такой же поверхностью, с маленьким круглым в сечении венчиком и чуть намеченным сливом на краю его.

Найдены отдельные горшки также с маленьким круглым или подтреугольным в сечении венчиком (диаметр 16—19 см), четким горлом и раздутым туловом, обычно отделенным от горла уступом. По качеству и отделке они подобны кувшинам (рис. 11, 53—55).

Миски также обычно красноглиняные (хотя встречаются отдельные экземпляры кремово-песочного цвета в изломе) с густым красно-коричневым ангобом и лощением, полусферической формы, довольно закрытые, со слегка утонченным или чуть выделенным краем, с плоским дном, которое много меньше края (рис. 11, 48—50).

Чашки или кружки делятся на несколько вариантов: часть их чрезвычайно близка мисочкам — это небольшие по размерам с чуть округленными (иногда почти прямыми) стенками сосуды высотой 7—8 см, с простым краем, диаметр их 7—10 см, с утолщенным или плоским дном диаметром 4—6 см. Обычно они красноглиняные, но найдены и кремво-песочного цвета в изломе (рис. 11, 46, 47). Подобные сосуды встречались на других ранних джетысарских памятниках (например, на Кара-асаре).

На этих памятниках найден и другой тип кружек, безусловно, непосредственно связанный с описанным выше, — это закрытые, иногда с доходящим до шаровидной формы туловом, с резко выделенным краем или чуть намеченным, диаметром 9—10 см, обычно слегка отогнутым наружу (рис. 11, 43, 45, 59). Некоторые кружки той же формы имеют чуть выделенный круглый в сечении венчик и шейку, отделенную от шаровидного тулова четким уступом (рис. 11, 44).

Любопытна кружка с прямой шейкой, резко отделенной от раздутого тулова прорезанной по сырому сосуду полосой, со штампованным орнаментом на шейке (рис. 11, 58). У значительной группы кружек край простой, несколько отогнутый наружу; изогнутая шейка плавно переходит в слегка округлое тулово (рис. 11, 60—62). Большинство этих сосудов покрыто белым жидким ангобом, поверх которого у некоторых заметны мазки коричневого. Кружки снабжены петлеобразной ручкой, подтреугольной, удлинненно-овальной или подтреугольной в сечении. Верхний конец ее обычно прикреплен к краю или под краем (диаметр последнего 8—11 см), но встречаются сосуды и с ручкой на тулове. На довольно высоком, четко отделенном от тулова горле одной из таких кружек виден прием обработки поверхности лопаточкой. На других кружках встречаем петлеобразные или кольцевидные ручки, обычно круглые в сечении, на тулове под горлом или венчиком. Ручка прикреплена под венчиком кружки, покрытой темно-красным ангобом, с прямыми, поднимающимися раструбом стенками. Кружка по форме напоминает усеченный конус с маленьким, круглым в сечении венчиком. Диаметр его 8 см, высота 7 см, диаметр дна 4,5 см, (рис. 11, 57). Возможно, что по форме эта кружка непосредственно связана с широко распространенными и типичными для верхнего гор-

зонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 кружким усеченно-конической формы с геометрическим и линейным узором.

Любопытна широко открытая кружка, по форме напоминающая миски с простым краем, с петлеобразной подпрямоугольной в сечении ручкой, верхним концом прикрепленной к краю (рис. 11, 56). У одной из ручек кружки, круглой в сечении, в верхней части находится выступ, возможно, изображающий голову какого-либо животного, на котором, как и в центре нижнего конца ручки, имеется небольшое отверстие (рис. 11, 87). Вероятно, кружке или же небольшому кувшину принадлежало и уплощенное дно диаметром 4 см с вдавленной в середине ямкой (излом черепка — кремво-песочный, на такой же поверхности — следы густого красно-коричневого ангоба).

Аналогичные сосуды — почти обязательная находка на джетыасарских городищах, существовавших до середины I тысячелетия н. э.

Необходимо отметить также сосуд типа большой ложки или ковшика с густым красно-коричневым ангобом. Обломок его был найден и в помещении № 1 А нижнего горизонта «Большого дома». Как и на других джетыасарских памятниках, на Дома-лак-асаре встречены отдельные фрагменты сосудов, у которых снаружи по жидкому беловатому ангобу идут потеки и мазки густой красно-коричневой краски. Этот прием характерен для памятников Средней Сырдарьи и Ташкентского оазиса с рубежа или же последних веков до н. э.

Из орнаментальных приемов отметим лишь вдавления концом палочки на валике под горлом кувшина (рис. 11, 80).

Итак, анализ комплекса керамики позволяет отнести Домалак-асар к обычным джетыасарским памятникам не позднее IV в. н. э. Начало же его — рубеж или последние века до н. э.

Ашаг-асар. Между Рабенсаем (Джеты-асаром № 4) и Алтын-асаром (Джеты-асаром № 3), в 5 км от первого расположено городище, открытое и впервые обследованное в 1966 г. Сырдарьинским маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции (начальник отряда Б. А. Андрианов). Позднее городище было названо Ашаг-асар⁶⁶. Это обнесенное стеной из сырцовых кирпичей поселение

прямоугольной формы размером 120×90 м. В юго-восточном углу прослеживаются следы планировки помещений. В многочисленном подъемном материале есть и обломки каменных изделий (например, кварцитового ядра), куски шлаков. В двух местах на поверхности зафиксированы выходы металлургических шлаков.

В керамике (рис. 10, 81—108) многочисленны фрагменты сосудов первой группы с примесью шамота, а иногда и дресвы в тесте. У большинства из них — простой округлый край или же чуть уплощенный бортик диаметром 12—28 см. Днища плоские с резко выделенным дном (9—15 см). По форме преобладают горшки с простым, чуть отогнутым наружу краем, прямым горлом и слегка выпуклым туловом. Снаружи они покрыты серым и красным ангобом (рис. 10, 87—89). Возможно, часть их близка кувшиновидным сосудам с рыхлым черепком, красноватым ангобом на поверхности, с маленьким круглым в сечении венчиком или простым округлым краем на довольно высоком прямом горле (рис. 10, 85, 86). Но скорее всего подобные сосуды следует считать разновидностью горшков.

Открытые миски с чуть выделенным круглым в сечении венчиком, диаметром 18 см, имеют темно-серую поверхность (рис. 10, 90).

Некоторые из сосудов снабжены вертикальной петлеобразной круглой в сечении ручкой (рис. 10, 82). У части сосудов на тулове или плечиках был орнамент в виде налеса-шишечки (рис. 10, 83), иногда прикрепленной под ручкой (рис. 10, 84). Часто такие налеси полуовальной формы имели вид ручки-выступа, как у котлообразных сосудов (рис. 10, 92). Аналогичные сосуды часто встречаются на джетыасарских памятниках первой половины I тысячелетия н. э.

На фрагменте одного из дниц сосуда первой группы снаружи сохранилось множество отпечатков зерен проса, как и на керамике, пайденной на Джеты-асаре № 3, 9 и др.

Сосуды второй группы в подавляющем большинстве изготовлены тщательной ручной лепкой с помощью вращающейся подставки, реже они станковой работы. В основном сосуды станоглиняные с густым темно-красным или коричневым ангобом, часто лощеные.

Представлено несколько видов сосудов второй группы. Так, например, найдены фрагменты верхней части горшкообразного

⁶⁶ Архив ХАЭЭ АН СССР. Дневник № 39 (Б. В. Андрианов), 1966 г.

сосуда с небольшим округло-подтреугольным в сечении венчиком диаметром 17 см, с довольно высоким горлом, с глубоким рифлением по плечикам, покрытым красноватым ангобом (рис. 10, 107).

Подавляющее большинство красноглиняных кувшинов также изготовлено тщательной ручной лепкой, но встречаются и сосуды станковой работы. Последние часто покрыты снаружи жидким беловатым ангобом, а иногда поверх него (или по розовато-красноватой поверхности) снаружи и по горлу внутри — густые красно-коричневые мазки и потеки. Найден фрагмент сероглиняного лощеного кувшина с темно-серым ангобом. У всех кувшинов маленький круглый или подтреугольный в сечении венчик диаметром 9—11 см, иногда с ложбинкой по внутренней его стороне, изредка — по краю симметрично расположены один или два округлых в плане слива (рис. 10, 94—95, 103—107). Встречен фрагмент кувшина с относительно крупным, но также круглым в сечении венчиком (рис. 10, 107). На одном из сосудов с белым ангобом по внешней стороне венчика проходит желобок (рис. 10, 103).

Небольшая закрытая мисочка с округлыми стенками и чуть выделенным круглым в сечении венчиком (диаметр 11 см), снаружи покрыта беловатым ангобом (рис. 10, 108). Аналогичные сосуды находим в джетысарских памятниках типа Домалак-асара, Карак-асара. Возможно, небольшому сосуду типа кружки принадлежит верхняя часть с прямым горлом, плоским бережком и отогнутым краем диаметром 8 см. Сосудик снаружи покрыт густым красным ангобом (рис. 10, 102). Котлообразному сосуду принадлежит ручка-упор (рис. 10, 97).

Из орнаментальных приемов, характерных для второй группы, прежде всего отметим горизонтальное рифление на плечиках и тулове и мелких, и очень крупных сосудов. Большинство их станковой работы, они покрыты густым красноватым ангобом (рис. 10, 97, 99, 100). Иногда (в частности, на стенке крупного сосуда с белым ангобом снаружи) на сосудах имеется горизонтальное рифление в виде слабо прочерченных по еще сырой глине полос (рис. 10, 97). На плечиках одного крупного сосуда станковой работы был прорезан еще по сырой глине волнистый орнамент (рис. 10, 98). На стенке другого — хорошей ручной лепки с густым красным ангобом — была обнаружена часть наленного орнамента (рис. 10, 93).

Керамический комплекс городища находится аналогично как в ранних джетысарских материалах, так и в комплексах Средней Сырдарьи того же времени (т. е. с рубежа или с первых веков до н. э. до IV в. н. э.).

Карак-асар. Городище расположено рядом с бугром Карак на старом русле Кувандары. Оно открыто и обследовано в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции. В плане это небольшое квадратное укрепление (70×70 м) с просматривающимся по периметру коридором⁶⁷.

В большом количестве подъемного материала отмечены каменные лопицы, обломки гончарного шлака, лячки, бусы и т. п.; бусы стеклянные округлой формы, белые каменные, черные с белыми прожилками бочонковидные из стеклянной массы. Последние, по определению С. А. Трудиновской, характерны для позднеримского времени.

В керамике значительное место занимают обломки сосудов первой группы. Чаще встречаются сосуды с размытым жидким беловатым ангобом по красноватой или серой поверхности, обычно со следами копоти. На плоских днищах некоторых горшков и «сковород» видны отпечатки зерен проса. Подобные встречены на Алтып-асаре, Ашаг-асаре, Джеты-асаре № 9. Венчики сосудов в основном простые с округлым или плоским бережком. По форме преобладают горшки различного размера (диаметр края 13,46 или 27—32 см) с плоским бережком, покатыми плечиками и чуть раздутым туловом (рис. 9, 89—95). У одного сильно закопченного горшочка, покрытого светло-серым ангобом, наибольший диаметр тулова равен диаметру утолщенного края с плоским бережком — 12 см (рис. 9, 93). У некоторых сосудов — очень плотный черепок и легкое лощение по светло-серой поверхности (рис. 9, 89). По бережку одного из горшков — насечки. Часть их по форме, очевидно, горнки, другие же — типа кружек или кувшинчиков также с простым краем и ручкой, прикрепленной верхним концом к краю или к горлу (рис. 9, 88). Овальные или подпрямоугольные в сечении ручки иногда слегка сжаты с боков, отчетливо образуется ложбинка посередине сннчки (рис. 9, 96, 103, 112).

Можно предположить наличие котлов, от которых сохранились сплошные ручки (рис. 9, 97), а также плоских крышек диа-

⁶⁷ Архив ХАЭЭ АН СССР. Дневник № 39 (Б. В. Андрианов, № 1), 1966 г.

метром 10 см, с ручкой-упором в центре (рис. 9, 86).

Обнаружены сосуды первой группы, красноангобированные, с прямыми стенками, с горизонтальными валиками, идущими по горлу до простого утолщенного края (диаметр 12 см), и ручкой, от которой в разные стороны отходит эти валики-рифления (рис. 9, 92, 99).

Встречен также орнамент в виде наленного валика, шпичек, полукруглого валика (рис. 9, 98, 109) или же прорезного волнистого узора (рис. 9, 111).

Несколько меньше обнаружено сосудов второй группы. Найдены так называемые заготовки для прислиц из стенок сосудов и сами прислицы из стенок же сосудов и специально изготовленные (рис. 9, 117—121). Резко преобладают сосуды ручной лепки, но наряду с ними есть и изготовленные с помощью вращающейся подставки, и станковые.

Большинство составляют фрагменты краснотерракотовых сосудов с густым красно-коричневым ангобом; на других же фрагментах снаружи — белый жидкий ангоб и красно-коричневые мазки и потеки поверх него. Есть и фрагменты станковых сосудов с кремовым черепком и поверхностью, со следами коричневого ангоба и лощения.

Что касается форм, то в собранном подьемном материале представлены лишь отдельные виды и типы. Встречен горшок с маленьким подтреугольным в сечении венчиком диаметром 38 см, с двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к краю.

Кувшины представлены в сильно фрагментированном виде. У одного из них (станковой работы) с густым темно-коричневым ангобом снаружи и внутри по горлу в нижней части — горизонтальный валик.

Венчики кувшинов — небольшие, круглые или подтреугольные в сечении (диаметр 10—12 см), часто со сливом (или сливами) на краю (рис. 9, 129). Встречаются отдельные экземпляры с кремовым черепком, но того же типа (рис. 9, 130). В одном случае по наружной стороне венчика шла горизонтальная ложбинка.

Миски представлены фрагментами нескольких экземпляров: открытые с простым краем диаметром 13—18 см полусферической формы, изготовленные ручной лепкой, со светло-серой тщательно заглаженной по-

верхностью или с серовато-коричневым ангобом (рис. 9, 133, 134). Аналогичные сосуды типичны для джетыасарского комплекса. Найдены также крупные миски с красноватой поверхностью, с резким перегибом стенки, подобно характерным среднесырдарьинским. Среди кружек или чашек преобладают тонкостенные сосуды ручной лепки с простым краем, прямыми, слегка расширяющимися вверх стенками. Диаметр дна одного из них 6 см, края — 8 см, высота сосуда — 8 см (рис. 9, 127—128). У одной из кружек, очевидно, той же формы, но изготовленной более тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки, с темно-коричневой, местами черной, хорошо заглаженной поверхностью проведена широкая горизонтальная полоса, как бы отделяющая часть стенки от простого края (рис. 9, 126). Найдены и фрагменты кружек довольно небрежной лепки — с прямыми стенками, но с выделенным круглым в сечении венчиком, снаружи покрытые красновато-коричневым ангобом и лощением (рис. 9, 87). Незначительно отличается от них станковой работы кружка с очень тонкими (до 3 мм) прямыми стенками, с чуть отогнутым краем, с густым до черного ангобом. Кружки и часть кувшинов снабжены петлеобразной ручкой, обычно прикреплявшейся верхним концом к стенке сосуда с помощью шпичка. Ручки круглые, овальные или округлоквадратные в сечении, некоторые из них в верхней части снабжены площадочкой или выступом зооморфного типа (рис. 9, 123).

На стенках отдельных сосудов обнаружен прорезной волнистый орнамент, иногда сочетающийся с линейным (рис. 9, 110—111), на других — налпы-шпички (рис. 9, 109). На стенках некоторых сосудов станковой работы или же изготовленных с помощью вращающейся подставки ручной лепкой проведены горизонтальные, глубоко прорезанные линии — рифление. Некоторые из найденных стенок принадлежат флягам (рис. 9, 115, 116).

Керамический комплекс Карак-асара находится аналогично как в материалах ранних памятников Средней Сырдарьи, Ташкентского оазиса (Ак-тобе 2, например), так и в джетыасарских (Гара-асар, Домалак-асар) и может датироваться до IV в. н. э.

М о й ш о к т ы - а с а р. Городище относится ко второй группе памятников джетыасарского типа, находится оно к западу от станции Джалагач, открыто С. П. Толсто-

вым при авиаразведке в 1949 г.⁶⁸ Как на Джеты-асаре № 3, здесь отмечен «Большой дом», который по размерам не уступает «Большому дому» Алтын-асара (высота его 13—15 м, площадь — 100×120 м), имеет четко выраженную спиральную планировку, образуя нечто подобное гигантской раковине улитки с наиболее высокой точкой в центре завитка... Спираль в Мойшокты-асар закручена справа налево»⁶⁹. Повторно городище обследовалось отрядом Хорезмской экспедиции в 1962 г., когда и был собран подъемный материал.

В керамике первой группы преобладают фрагменты различного размера горшков с прямой шейкой, чуть выгнутым туловом, несколько отогнутым наружу удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком. Диаметр его обычно больше диаметра дна и варьирует в зависимости от размеров сосуда от 20 до 32 см (рис. 8, 92, 96). Встречаются той же формы горшки. Они или с крупным, но подтреугольным в сечении венчиками, или с маленькими удлиненно-подпрямоугольными (рис. 8, 93, 95). Абсолютное большинство горшков орнаментировано по наружной стороне венчика ногтевыми или пальцевыми вдавлениями, вертикальными или наклонными насечками по сырой глине сосуда (рис. 8, 92—97). Иногда такой орнамент дополнялся симметрично расположенными по внешней стороне венчика выступами (рис. 8, 95).

Тождественные по качеству, форме и орнаментации сосуды находим на джетыасарских городищах, например в верхнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3. Отличие керамики, обнаруженной на Мойшокты-асаре, состоит в том, что здесь встречаются горшки с аналогичным орнаментом, но нанесенным на подтреугольный в сечении венчик⁷⁰. Появляется и новый орнамент в виде насечек, идущих зигзагом, а не параллельными рядами по внешней стороне подпрямоугольного в сечении венчика (рис. 8, 96). Любопытен фрагмент венчика с налезным расщепленным валиком по наружной стороне, по которому нанесены палочкой вертикальные прорезные полоски — насечки

(рис. 8, 100). Надо отметить также фрагменты стенок крупных горшков, снаружи дополнительно орнаментированных грубой глиняной обмазкой. Такой прием впервые встречен в верхних ярусах верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3.

Кроме горшков, в керамике первой группы отметим кувшиновидные сосуды с несколько отогнутым наружу подтреугольным или подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 8, 99); сосуды типа кувшинчиков или кружек с небольшим круглым или подтреугольным в сечении венчиком, также с сероватой или серовато-коричневатой поверхностью, иногда слегка подлощенной (рис. 8, 98). На некоторых, очевидно, кувшинообразных сосудах был прочерченный геометрический орнамент в виде выписанных друг в друга заштрихованных треугольников, аналогичный неоднократно встреченному на подобных же сосудах других памятников (рис. 8, 101). Можно говорить и о сосудах типа котлов со сплошными ручками-узорами (рис. 8, 89), покрытых также сероватым ангобом.

Интересно присутствие фрагментов котлов так называемого гуинского типа — обломки ручек и края с налезными полосками и шпичечками, имитирующими заклепки. Сами ручки со светлым беловато-сероватым ангобом и следами копоти были подпрямоугольной формы (рис. 8, 90, 91). Аналогичные котлы встречены в верхнем горизонте «Большого дома».

Как и на других подобных памятниках, на Мойшокты-асаре сосуды второй группы представлены многообразнее и полнее. Подавляющее большинство сосудов типа хумов и крупных горшкообразных изготовлено хорошей ручной лепкой при помощи вращающейся подставки. Они обычно красноглиняные, реже — кремового в изломе цвета, снаружи покрыты густым красным, красно-коричневым до темно-коричневого и черного ангобом, а часто и лощением; гораздо реже встречаются сосуды с беловатым ангобом. Формой они повторяют уже известные по другим памятникам сосуды. У них обычно плохо выраженная шейка, переходящая в резко покатые плечики, отогнутый наружу край, диаметром 28—40 см, удлиненно-подпрямоугольный или удлиненно-подтреугольный в сечении венчик (рис. 8, 127—131, 134). Иногда горло отделено от покатых плечиков небольшим валиком. В одном случае по такому валику нанесены по сырой еще глине прорезы (рис. 8, 128).

⁶⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 26—27, рис. 16, 6; 17, 2.

⁶⁹ Там же, стр. 27.

⁷⁰ Единичные экземпляры таких сосудов найдены и на упоминаемых выше джетыасарских памятниках, но именно как единичные.

Найдены также фрагменты сосудов подобной типа, но с относительно небольшим подтреугольным венчиком, покрытые беловато-кремовым (рис. 8, 129), а чаще — темно-коричневым до черного ангобом и лощением. Встречены горшки и гораздо меньшего размера с невысокой шейкой и отогнутым наружу удлиненно-подтреугольным в сечении венчиком (диаметр 19—22 см); они покрыты густым красным, красно-коричневым до черного ангобом и лощением. Найден горшок с маленьким подтреугольным в сечении венчиком (диаметр 22 см), покрытый беловатым жидким ангобом. На нем следы густого темно-коричневого ангоба. В керамике первого вида встречены стенки крупного станкового сосуда с беловатым ангобом и со следами на нем густого коричневого, с глубоко прорезанными параллельными линиями (рис. 8, 132).

Как обычно, кувшины составляют количественно одну из наиболее многочисленных групп. Относительно большой процент в данном комплексе принадлежит кувшинам с кремовым или же с кремово-красным черепком, обычно с густым красным, красно-коричневым или темно-коричневым ангобом и лощением поверх него. Все эти кувшины различных размеров с высоким прямым горлом, несколько отогнутым наружу подтреугольным или округло-подтреугольным в сечении венчиком диаметром 10—15 см (рис. 8, 115—120); у некоторых венчик слегка удлинён. Иногда по нему симметрично расположены округлые в плане сливы (рис. 8, 116, 117). По высокому горлу идут прорезные горизонтальные полосы различного качества (рис. 8, 117—119). Часть кувшинов снабжена петлеобразными ручками, овальными или подтреугольными в сечении, верхним концом прикрепленными к горлу, а реже — к краю сосуда (рис. 8, 115, 118).

Миски из тщательно промешанной и отмоленной глины изготовлены при помощи вращающейся подставки. Среди них есть и крупные неглубокие, открытые, с плоским бережком и простым краем (диаметр 40 см, поверхность беловато-кремовая), и средние, также широко открытые, с простым утонченным краем диаметром 20—25 см, чаще с кремовым, но есть и с красноватым черепком, с густым ярко-красным, коричневым, темно-коричневым ангобом по кремовой поверхности и лощением. Большинство из них — полушарической формы с округлыми стенками, плавно идущими ко дну, диаметр которого много меньше диаметра края

(рис. 8, 122—126). Встречаются отдельные миски с небольшим перегибом в нижней части (рис. 8, 125). Найдено несколько экземпляров того же размера и типа красноглиняных мисок с простым краем и чуть срезаемым внутрь бережком, с густым темно-коричневым до черного ангобом и лощением (рис. 8, 126). У некоторых мисок — круглый в сечении венчик, плоский или срезаемый внутрь бережок, округлые или относительно прямые стенки (рис. 8, 122, 123). Встречаются и небольшие мисочки, как закрытые, с маленьким круглым в сечении венчиком диаметром 14 см, резко срезаемым внутрь, с плавно округлыми стенками и плоским дном, диаметром менее 9 см (рис. 8, 113), так и широко открытые той же плавноокругло-конической формы, что и более крупные, с простым, чуть утонченным краем диаметром 11—14 см, с плоским дном диаметром 3—6 см. Они обычно красноглиняные с густым красным, красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 8, 111, 112, 114).

Очевидно, часть этих открытых конической формы лощеных мисочек или чаш имела ручку и употреблялась в качестве кружек. Маленькие петлеобразные или кольцевидные ручки, овальные, подтреугольные или подпрямоугольные в сечении (последние с небольшим желобком по спинке), неоднократно встречены в керамике второй группы данного памятника (рис. 8, 108, 109). Часть из них принадлежала довольно крупным кружкам с маленьким горлом и раздутым, почти шаровидным туловом, с красным или кремовым черепком, с густым красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 8, 121). Верхним концом ручка прикреплялась к круглому в сечении венчику диаметром 14—15 см. Подобных кружек в комплексе Мойшоқты-асара найдено всего несколько экземпляров. Большинство же составляют кружки двух типов: с маленьким, отогнутым наружу круглым в сечении венчиком диаметром 8—10 см, и с простым, отогнутым наружу краем диаметром 9—10 см, отделенным от тулова резко выраженным уступом (рис. 8, 83—85). Они обычно покрыты густым темно-коричневым или красным ангобом, иногда лощением. Некоторые кружки по форме составляют как бы промежуточный вариант между двумя господствующими типами и, кроме резко выраженного уступа, отделяющего тулово от горла, имеют круглый в сечении венчик (рис. 8, 87, 88).

Несколько особняком стоит крупная кружка с почти шаровидным туловом и простым, несколько вогнутым внутрь краем (рис. 8, 107).

В керамике второй группы есть и орнаментированные сосуды. В числе типов орнамента — горизонтальные полосы на горле и тулове кубшинов и горшков; ямки, вдавленные полой палочкой на валике, отделяющие горло от тулова; налешной орнамент в виде полукруглых валиков с отогнутыми концами, или овальных или конических наленов, или в виде двух слившихся шишечек (рис. 8, 79, 105, 106). Все эти варианты орнамента также встречены на красноглиняных сосудах, покрытых густым красным, красно-коричневым ангобом.

Таким образом, весь керамический комплекс находит аналоги в материалах других джетыасарских памятников типа верхнего горизонта «Большого дома» Джетыасара № 3, городищ Джетыасар № 6, 7, 9 (периода с IV—V вв. по VII—начало VIII в. н. э.). В то же время в комплексе Мойшокты-асара наряду с элементами, встреченными в самых верхних ярусах верхнего горизонта «Большого дома» (прием намеренно грубой обмазки глиной стенок горшков первой группы), найдены и некоторые новые, не обнаруженные в перечисленных выше памятниках, например, зигзагообразный орнамент на типичных венчиках типичных же горшков первой группы или уже известный орнамент (ямочный, насечки, параллельные вдавления и т. п.) на уже снова подтреугольной формы венчиках. Возможно, что Мойшокты-асар, существовавший с IV—V вв. н. э., был заброшен чуть позднее Джетыасаров № 3, 6, 7, 9 и т. п., т. е., вероятно, в VIII в. (а может, и в IX в. н. э.).

Сарлы-асар. Городище, расположенное в 50 км к западу от г. Кзыл-Орды, впервые обследовано в 1962 г. Оно неправильно-округлой формы с мощной улиткообразной цитаделью (размеры городища 550×500 м).

В собранном подъемном материале важное место занимают сосуды первой группы, обычно покрытые красноватым или темно-серым ангобом с примесью шамота в тесте. Наиболее распространены горшки, различные по размерам, но все с покатыми плечиками, слегка раздутым туловом и плоским дном, диаметр которого меньше или (что встречается реже) равен диаметру венчика. Горшки имеют несколько отогнутые наружу

венчики, удлиненно-подпрямоугольной или подтреугольной в сечении формы, обычной для сосудов этой группы джетыасарского комплекса, начиная с середины I тысячелетия н. э. Типична у горшков и орнаментация: по наружной стороне венчика косые насечки или подтреугольные, симметрично расположенные налены-выступы (рис. 12, 9, 10, 42). Но в керамике городища есть уже явно новые элементы и в форме венчиков, и в орнаментации горшков первой группы. У подавляющего большинства их венчик простой или слегка утолщенный и отогнутый наружу; часто на внешней стороне его на 0,5—1 см ниже края прикреплен налешной валик, по которому в большинстве случаев нанесены вдавления или насечки палочкой по еще сырой глине (рис. 12, 9—11, 41). Единичные экземпляры подобных сосудов встречены на Мойшокты-асаре. Но на Сарлы-асаре это уже весьма многочисленный материал. И в процентном отношении на Сарлы-асаре эти горшки составляют подавляющее большинство среди подобных сосудов. Найдены и совсем небольшие по размерам горшочки (диаметром края 12 см), с таким же простым краем и с насечками по расплюсченному валику, прикрепленному снаружи ниже края (рис. 12, 10). Подобный налешной валик-жгутик, покрытый насечками или пальцевыми вдавлениями, расположенный в верхней части горловины,— характерный элемент орнамента для района Средней Сырдарьи, северного Отрара и предгорьев Каратау в VI—VIII вв. н. э. В то же время есть он и в Семиречье⁷¹. В керамическом комплексе Сарлы-асара встречаем так же, как и на «Большом доме» Джетыасара № 3, прием отделки нижней части сосудов (главным образом горшков) первой группы дополнительной грубой глиняной обмазкой. Но в материале Сарлы-асара уже явно выражены на этой обмазке вертикальные и наклонные каннелюры, причем данный прием встречается главным образом на средних и крупных сосудах.

Из других видов керамики первой группы отметим сосуды типа крупных открытых мисок или тазов, близких конической форме, с простым округлым краем диаметром около 40—50 см, с почти прямыми стенками (рис. 12, 43, 45). По качеству они не отличаются от горшков и также покрыты

⁷¹ Е. П. Асеева, Г. И. Пащенко. Указ. соч., стр. 171; Л. Н. Кожмяко. Раннесредневековые поселения и города Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 24, табл. 1.

красноватым, а чаще сероватым ангобом и иногда подлощены. Один из подобных сосудов (более крупный по размерам) был дополнительно ornamentирован снаружи на 5 см ниже края, грубой обмазкой горизонтальными полосами или мазками (рис. 12, 43); у другого внутри, непосредственно под краем, прикреплены небольшие полуовальные выступы, возможно, служившие дополнительными упорами для крышки (рис. 12, 43). Фрагмент конической крышки диаметром 50 см с простым краем и с серым ангобом и лощением также был встречен в сарлыасарском керамическом комплексе (рис. 12, 44).

Несколько отличается от других фрагментов сосуда, очевидно, типа таза (или тагора) с отогнутым наружу почти под прямым углом к стенкам подпрямоугольным в сечении венчиком, с широким прямым бе­режком, слегка вдавленным внутрь. По качеству этот сосуд близок керамике первой группы: с очень рыхлым черепком, большим количеством примесей крупнодробленого шамота и дресвы в тесте, с жидким беловато-серым ангобом по красноватой поверхности. По березку и по наружной стороне венчика сосуд украшен прорезным геометрическим орнаментом из незамкнутых, вписанных друг в друга и соединенных между собой треугольников (рис. 12, 7).

Аналогичные сосуды распространены в соседних районах Средней Сырдарьи и Северного Каратау начиная с VII в. Они характерны для городищ отарско-каратауской культуры (по А. Н. Бернштаму) VIII—X вв.⁷² хотя появляются эти формы здесь в предшествующий период. На городище Баба-ата, например, подобная форма была уже в VI—VII вв.⁷³ но широко распространяются они лишь в VIII—IX вв.⁷⁴

В этот период бортики сосудов часто украшены прорезным орнаментом. В Семпире аналогичные (но без орнамента) сосуды бытовали с VII—VIII вв. н. э.⁷⁵ В керамике второй группы можно отметить тот же набор видов и форм, что и на остальных

памятниках джетыасарского комплекса. Это прежде всего сосуды типа хумов, крупных горшков с чуть отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком диаметром до 42 см, иногда с продольной ложбинкой по наружной стороне, с густым красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 12, 37, 37а). Новым по сравнению с материалами других джетыасарских памятников надо считать налестный валик на одном из крупных горшкообразных сосудов второй группы, на нижней части наружной стороны венчика и косые насечки на валике (рис. 12, 8). Аналогичные украшения имеются на горшках первой группы этого же городища.

Кувшины представлены в основном фрагментами очень крупных экземпляров. Как и среди сосудов первого вида, резко преобладают сосуды, изготовленные ручной лещкой, покрытые густым красным или красно-коричневым ангобом и лощением снаружи. Все они с довольно высоким прямым горлом, иногда чуть расширяющимся книзу (рис. 12, 1—4). Венчики сосудов диаметром 16—22 см, удлиненные и утолщенные, часто подпрямоугольные в сечении, отогнуты наружу раструбом, но чаще это всего лишь несколько утолщенная стенка сосудов (рис. 12, 1, 2). Подобные венчики являются как бы первым развитием венчиков, типичных для времени верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3. На венчиках кувшинов Сарлы-асара есть нечто подобное сливам, известным по другим джетыасарским комплексам. Отличие их заключается в том, что симметрично расположенные попарно (всего четыре) по краю кувшина выступы-сливы из материала Сарлы-асара обращены внутрь сосуда. Снаружи имеется лишь небольшое вдавление, также направленное внутрь, а иногда и оно отсутствует. Сами выступы, часто сопровождающиеся вдавлениями, не округлой, а подтреугольной в плане формы и, очевидно, помещены на венчиках лишь в угоду традиции, сохраняя только орнаментальное значение (рис. 12, 2, 3, 16). Наряду с подобными декоративными «сливами» были и настоящие довольно глубокие сливы округлой формы, расположенные на простом, отогнутом наружу крае. Они сопровождаются с внутренней стороны по краям небольшими выступами, расположенными наклонно. Такие сливы были уже одиными, а на противоположной стороне помещалась петлеобразная ручка, верхним концом прикрепленная к краю сосуда.

⁷² Е. И. Азеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 177, рис. 95.

⁷³ Е. И. Азеева. Памятники средневековой. Общий обзор находок. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 190, рис. 54.

⁷⁴ Там же, стр. 192, рис. 55; стр. 194, рис. 57.

⁷⁵ М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 9, стр. 138.

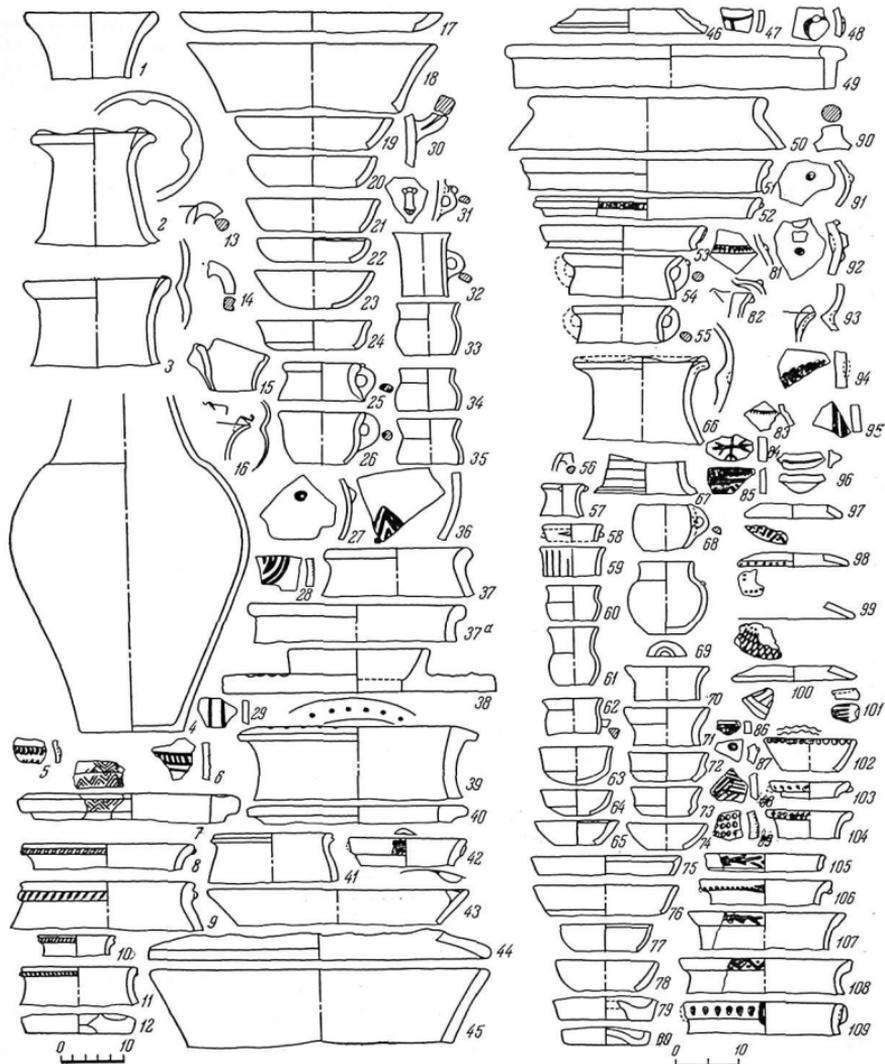

Рис. 12. Керамика Сарлы-асара, Ак-тобе
 1—45 — Сарлы-асар; 46—109 — Ак-тобе

Надо отметить, что кувшины с одинарными сливами встречались и на других, в том числе и ранних, джетысарских памятниках, но те сливы лишь незначительно выступали за край сосуда и не имели внутренних выступов (рис. 12, 15, 16). Пропорции сарлысарских кувшинов те же, что и у типичных для других джетысарских памятников, т. е. у сосудов довольно высокое прямое горло, иногда чуть расширяющееся книзу и отделенное от резко покатых плечиков заметным уступом, высокое узкое тулово, наибольшая ширина которого приходится на верхнюю треть, точнее — на границу первой и второй трети. Диаметр плоского дна равен или несколько меньше диаметра горла. Подобные пропорции и форма тулова сосудов — характернейшие для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3. Но в отличие от алтынасарских кувшинов сарлысарские имеют еще более вытянутое и узкое тулово, наибольший диаметр которого лишь в два раза (а не в три и т. д.) больше диаметра горла (рис. 12, 4).

Значительная часть кувшинов была снабжена вертикальной петлеобразной ручкой, подтреугольной, овальной или подпрямоугольной в сечении. В одном случае у ручки с боков замечены продольные вмятинки-желобки (рис. 12, 30); в другом — желобок по наружной стороне. На днищах некоторых кувшиновидных сосудов снаружи заметны отпечатки ткани грубого крупного плетения. Найден фрагмент днища крупного, вероятно, кувшинообразного сосуда (толщины дна 2,5 см) диаметром 16 см с вдавлением в центре диаметром 6 см и глубиной 1,5 см (рис. 12, 12).

Из других форм отметим разнообразные по размерам и внешнему виду миски: здесь были и крупные миски или тазы (возможно, тагара) с резко отогнутым почти под прямым углом к стенкам венчиком диаметром 34—37 см, с широким плоским бережком, в одном случае орнаментированным симметрично расположенными каплями темно-коричневой краски по жидкому белому ангобу (рис. 12, 39, 40). Подобный сосуд, но с геометрическим прозрачным орнаментом был встречен в керамике первой группы. Аналогий ему отмечены в соседних районах Средней Сырдарьи и Северного Каратау в VII—IX вв. н. э. Найдены неглубокие широко открытые миски (тарелки?) с округлыми стенками, простым краем, диаметром до 40 см (при общей высоте около 4 см) и с широким плоским бережком (рис. 12, 17)

и глубокие, также широко открытые крупные миски, вероятно, конической формы, с простым краем (в одном случае утолщенным внутри, что напоминает миски, характерные для верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3) диаметром 38 см, с почти прямыми стенками, резко сужающимися ко дну. Возможно, что около дна или несколько выше сделан резкий перегиб стенок. Такие миски были покрыты густым красноватым или красно-коричневым до черного ангобом и подлощены (рис. 12, 18).

Более мелкие и средние по размерам миски имели подобную форму. Это, например, широко открытая миска с утолщенным краем и широким плоским бережком, с густым красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 12, 19). Абсолютное же большинство мисок — открытые, полусферической формы, с простым краем, и лишь одна из них имела уплощенный бережок. При диаметре края мисок в 17—20 см, высота их от 4 до 8 см, диаметр плоского дна 7—12 см (рис. 12, 19—23). Покрыты они густым красным, красно-коричневым до черного ангобом и лощением. Найден экземпляр красноангобированной лощенки, довольно открытой, с простым краем и перегибом в нижней части стенок (рис. 12, 24). Подобные формы мисок характерны для районов Средней Сырдарьи, Ташкентского оазиса.

Среди кружек наиболее распространены небольшие тонкостенные с простым, отогнутым наружу краем и горлом, отделенным от тулова резким уступом (рис. 12, 33—35). Форма этих красноглиняных кружек, покрытых густым красным, местами до черного ангобом и лощением, типична для джетысарских памятников, начиная с самых ранних. Отличием сарлысарских кружек служит несколько большая вытянутость их тулова и, вероятно, способ прикрепления ручки, при котором вдавлена внутрь часть стенки кружки. Близка описанной выше форма крупных кружек с чуть отогнутым краем, с петлеобразной круглой в сечении ручкой, верхним концом прикрепленной к краю. Сосуды эти покрыты густым черным ангобом и лощением (рис. 12, 26).

Выделяется толстостенная кружка с несколько раздутым туловом, к которому прикреплен вздутый конец петлеобразной ручки с налепом-шишечкой наверху. Последний прием украшения часто встречаем на ручках из районов Средней Сырдарьи (рис. 12, 25). В тех же районах в материалах первой половины и середины I тысячелетия нахо-

дим аналогии и цилиндрическим красноглиняным кружкам с чуть отогнутым краем и кольцевидной подпрямоугольной в сечении ручкой, прикрепленной к середине тулова (рис. 12, 32). Покрывают сосуды ярко-красным ангобом и лощением. Очевидно, подобной же кружке принадлежит фрагмент стенки с петлеобразной, овальной в сечении ручкой. На верхней части ручки имеется плоская многогранная площадка, выступ под которой разделен четырьмя впадинками (рис. 12, 31).

Из орнаментальных мотивов отметим налпы-шишечки на стенках различных сосудов (рис. 12, 27), что очень характерно для джетысарского комплекса. Типичен для этой культуры и прорезной геометрический орнамент из вписанных друг в друга незамкнутых треугольников (рис. 12, 36).

В керамическом комплексе Сарлы-асара встречены фрагменты сосудов, покрытых жидким беловато-желтоватым ангобом, поверх которого идут темно-коричневые полосы и потеки (рис. 12, 29). На некоторых стенках таких сосудов нанесен, очевидно, штампованный орнамент из симметричных рядов полукруглых глубоких вдавленных прямых параллельных полос и какого-либо подобия растительного орнамента (рис. 12, 38).

Из других находок на памятнике вызвали интерес подпрямоугольные с одной заостренной стороной бронзовые наконечники поясного набора так называемого гуноаварского типа, характерного для VII—IX вв. н. э.

Большое значение для датировки комплекса имеет находка фрагментов достархана характерной формы (рис. 12, 38). Подобные достарханы, часто весьма богато орнаментированные, особенно характерны для Семиречья VIII—X вв.⁷⁶ и близких к последнему районов Средней Сырдарьи⁷⁷. Сарлыасарский достархан отличается отсутствием орнамента, хотя по типу чрезвычайно близок семиреченским «на коническом поддоне», по классификации П. Н. Кожемако⁷⁸.

Таким образом, анализ подъемного материала показывает, что городище Сарлы-асар, безусловно, принадлежит к джетысарской культуре, а в его керамике как бы получает

непосредственное дальнейшее развитие большинство форм, характерных для времени верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 (венчики, формы тулова, слывы на кувшины, кружки, тазы и т. п.). В то же время наблюдается появление и распространение некоторых новых элементов и даже форм (орнамент и отделка поверхности горшков первой группы, тазы и т. п.), находящихся аналогии в семиреченских и среднесырдарьинских материалах VII—X вв. Все это заставляет датировать Сарлы-асар временем несколько более поздним, чем Джеты-асары № 3, 6, 9 и другие, дожившие до VII, а может, и до начала VIII в. Но полное отсутствие поливной и весьма незначительное количество штампованной посуды, широко распространенной в X в., заставляет отнестись к верхней дате с чрезвычайной осторожностью. Против того факта, что Сарлы-асар бытовал и в X в., говорят и находки бронзовых предметов и бус, датированных не позднее IX в. Вероятно, городище Сарлы-асар окончило свое существование в IX в.

Ахмед-кала. Городище впервые обследовано в 1962 г. На Ахмед-кале первая группа сосудов включала типичные джетыасарские формы, аналогичные найденным на Сарлы-асаре. Венчики их, подтреугольные в сечении или в виде простого края, снаружи орнаментированы горизонтальным с паечками валиком, идущим на 0,5 см ниже края (рис. 10, 75, 76). Найдены отдельные экземпляры венчиков, где насечки идут непосредственно по нижней их части (рис. 10, 77). Другой довольно распространенной здесь формой сосудов первой группы были конической формы крышки, чаще небольшие с сероватым ангобом и лощением снаружи, украшенные прорезным, а иногда на колотом орнаментом (рис. 10, 73, 74). Форма, качество и орнаментация крышек аналогичны широко распространенным (можно сказать, типичным) в районах Семиречья, Средней Сырдарьи в VI—X вв.⁷⁹ Можно отметить, что орнаментация публикуемых

⁷⁶ А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14. М., 1950, табл. XXI—XXV; П. Н. Кожемако. Указ. соч., стр. 42, 53, табл. VIII.

⁷⁷ Е. И. Азеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 181, рис. 99.

⁷⁸ П. Н. Кожемако. Указ. соч., стр. 42.

⁷⁹ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, табл. IX, 4, 13; М. А. Вубнова. Указ. соч., стр. 138, рис. 9, 56—66; А. Н. Бернштам. Городище Садыр-Курган. «Археологические памятники Таласской долины», стр. 122, рис. 3; Е. И. Азеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 174, рис. 92, стр. 177, рис. 95; П. Н. Кожемако. Оседлые поселения Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины», стр. 30, 31, табл. IV, 1; стр. 41, табл. VII, 4, 5.

крышек ближе всего орнаментации семиреченских крышек VII—VIII вв.⁸⁰

Керамика второй группы представлена фрагментами стенок красноглиняных сосудов, покрытых густым красным, красно-коричневым ангобом и сплошным или же полосчатым лощением. Отметим фрагменты мисок с простым округлым краем и венчик небольшого станковой работы горшка с простым краем, по внешней стороне которого на 0,5 см ниже края прикреплен горизонтальный валик с насечками по нему.

Таким образом, керамический комплекс памятника типичен для джетыасарской культуры времени Сарлы-асара (вероятно, с VI—VII по IX в. н. э.).

Ак-курган. Городище, расположенное в 50 км к югу от Кызыл-Орды, открыто в 1962 г. Оно подпрямоугольной формы, с башнями на углах. Керамика его аналогична встреченной на Сарлы-асаре.

Среди сосудов первой группы есть фрагменты горшков с раструбообразным удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком, по внешней стороне украшенным прорезным орнаментом в виде зигзагообразных насечек. Аналогичные сосуды найдены на Мойнокты-асаре, Сарлы-асаре.

Вторая группа представлена фрагментами стенок и венчиков красноглиняных сосудов станковой работы или же изготовленных тщательной ручной лепкой с помощью вращающейся подставки. Покрыты они густым красным, темно-коричневым до черного ангобом и лощением. Отметим сосуды типа крупных горшков, кружек с петлеобразной круглой или подтреугольной в сечении ручкой, фрагмент кувшина с простым, отогнутым раструбом краем, на котором симметрично расположены с внутренней стороны подтреугольной формы в плане впадины и выступы (рис. 10, 78). Это, вероятно, сохранились лишь орнаментальный характер остатки типичных джетыасарских сливов.

Итак, данный керамический комплекс может быть датирован тем же временем, что и керамика городища Сарлы-асар.

Ак-тобе. Городище открыто и обследовано в 1961 г. в самой восточной группе джетыасарского комплекса, в 50 км к югу от Кызыл-Орды.

В керамике первой группы наиболее полно представлены горшкообразные сосуды, покрытые серым, темно-серым, реже — густым красным ангобом и во многих слу-

чаях лощением. Форма их идентична типичным джетыасарским горшкам этой группы. Отогнутые наружу венчики их, удлиненные и утолщенные, подтреугольные, а чаще подпрямоугольные в сечении диаметром 18—27 или 35 см, но встречаются и меньше — 12—15 см, украшены снаружи орнаментом (рис. 12, 103—109) в виде параллельных прямых или косых насечек или вдавлений. Нанесены они концом палочки до обжига по нижней части внешней стороны венчика, а иногда встречались и пунсонный орнамент. Часто венчик украшен насечками, идущими по нему в виде елочного узора (рис. 12, 105, 107). В одном случае отмечен прорезной зигзагообразный орнамент, сочетающийся с точечными вдавлениями (рис. 12, 108). Последний, как и елочный, — новый для джетыасарских комплексов типа Джеты-асар № 3, 6, 9 и т. п. У большинства горшков (независимо от размера) на венчике — дополнительное украшение в виде симметрично, часто попарно расположенных подтреугольных или подпрямоугольных напевов (рис. 12, 103, 106, 109). Этот орнамент характерен для всего джетыасарского комплекса, начиная с самых ранних памятников. Новый элемент украшения в рассматриваемом материале — это насечки на выступах-напевах.

Некоторые сосуды, вероятно, того же типа горшков были и по тулову украшены геометрическим прорезным орнаментом: елочным, в виде параллельных пересекающихся полос или в виде симметрично расположенных ямочных вдавлений (рис. 12, 86—89).

Весьма распространены среди посуды первой группы крышки того же качества, преимущественно покрытые сероватым ангобом и лощением. Подавляющее большинство их конической формы с простым краем. Сверху и по краю они покрыты пунсонным и прорезным геометрическим орнаментом (сечеточкой, различными сочетаниями глубоко прорезанных линий), а иногда и сочетанием того и другого орнамента (рис. 12, 97—100). У некоторых из этих крышек в центре была ручка или выступ (рис. 12, 101). На одной из крышек прорезной геометрический орнамент нанесен поверх ангоба и лощения (рис. 12, 99). Аналогичные крышки с таким же орнаментом распространены в районах Семиречья и Средней Сырдарьи (прежде всего ее северной части) с VI по X в. Наиболее же близки описанным выше крышки, характерные для Семиречья VII—VIII вв.

⁸⁰ М. А. Бубнова. Указ. соч., стр. 198.

К этой же группе сосудов можно отнести и две мисочки: одна открытой формы с почти прямыми стенками, с пальцевыми защипами по внешней и внутренней сторонам простого края, покрытая сероватым ангобом по красноватой поверхности (рис. 12, 102)⁸¹, другая — меньшего размера, своей формой напоминает миски второй группы керамики — открытые, с простым краем и перегибом в нижней части тулова (рис. 12, 64). Эта сероглиняная лощеная миска близка по форме мискам, характерным для среднесырдарьинских культур с первых веков н. э. и до VIII в. н. э.

К первой же группе керамики по качеству изготовления нужно отнести характерный по форме для второй группы кувшин с темно-серым ангобом и лощением, высоким горлом, отделенным от плечиков валиком. По горлу его идут прорезные линии (рис. 12, 67). К первой группе керамики можно отнести также фрагмент края сосуда, который предположительно принадлежал подставке светильника, дно крупного сосуда с глубокой впадинкой в центре (рис. 12, 80); фрагмент маленького горшочка, покрытого серым ангобом, с небольшим круглым в сечении венчиком, с тонкими продольными палепами, расположенными на 0,5 см ниже венчика и имеющими вид ручек-ушек (рис. 12, 58).

Вторая группа керамики, как и на других подобных памятниках, представлена более разнообразно. Сосуды типа хумов, крупных горшков, красноглиняные, с красным, красно-коричневым густым ангобом и лощением, изготовлены тщательной ручной лепкой. У всех них — невысокая, часто почти не выраженная шейка, плавно переходящая в резко покатые плечики, чуть отогнутый наружу утолщенный подтреугольный или подпрямоугольный в сечении венчик диаметром 34—42 см (рис. 12, 50—52). В одном случае на нижней части венчика снаружи имелся орнамент в виде пальцевых защипов, сделанных по еще сырой глине (рис. 12, 52). Подобные сосуды найдены на городище Сарлы-асар. Они особенно характерны для районов Средней Сырдарьи, Семиречья VI—VIII вв.⁸² Найдены также фрагменты горшкообразного сосуда того же качества и отделки с отогнутым подпрямоугольным в сечении венчиком

диаметром 25 см, с петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к венчику (рис. 12, 53).

Кувшины по качеству и форме тождественны найденным на Сарлы-асаре. Они красноглиняные, покрытые густым красно-коричневым ангобом и лощением. В основном это крупные сосуды (диаметр устья от 13 до 20 см) с прямым высоким горлом и раструбообразным венчиком, представляющим собой продолжение стенки горла. На венчиках симметрично расположены попарно вдавленные снаружи выступы, внутри сосуда подтреугольные в плане формы, — рудимент характерных для джетыасарских кувшинов сливов (рис. 12, 66, 93). Найден фрагмент кувшина с одишарным глубоким сливом по краю и выступом-пшпечкой под сливом снаружи (рис. 12, 82). Встречены кувшины того же качества и отделки, но несколько иной формы. Они пирокотгорлые с маленьким округло-подтреугольным в сечении венчиком и петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом под венчиком. Найден фрагмент кувшина, венчик которого выражен лишь слегка утолщенным краем горла и отделен от него валиком (рис. 12, 71). Аналогичные по форме верхние части кувшинов очень характерны для городища Шаушукум-тобе на Средней Сырдарье⁸³.

Надо отметить фрагменты сосуда типа крупного таза (или тагора) с прямыми стенками и перпендикулярным к стенкам подпрямоугольным в сечении венчиком диаметром 52 см (рис. 12, 49). Сосуды близкой формы были встречены на Сарлы-асаре.

Все миски покрыты густым красным, красно-коричневым, коричневым ангобом и лощением. В основном они неглубокие, открытые, с простым краем, диаметром 18—23 см, изредка лишь несколько скошенным внутрь, иногда с перегибом стенок в нижней половине миски (рис. 12, 75—78). Найден фрагмент миски с несколько утолщенным внутри удлиненным венчиком характерного для сосудов верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 типа. Встречены и небольшие мисочки тех же форм с простым округлым или чуть утонченным краем диаметром 12—15 см, полусферической формы или с перегибом в нижней части стенок (рис. 12, 65, 72—74, 77). Одна неглубокая

⁸¹ Аналогичные миски с таким же орнаментом найдены на городище Садлы-ата, в 45 км к северозападу от г. Туркестана (см. ниже).

⁸² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 171.

⁸³ Г. И. Пацевич. Городище Шаушукум-тобе. «Древности Чардарья». Алма-Ата, 1968, стр. 90.

мисочка почти конической формы и с довольно плоским березком (рис. 12, 65).

У подавляющего большинства кружек округлое, иногда почти шаровидное тулово и отделенное от него уступом довольно высокое горло, часто несколько расширяющееся к простому краю (рис. 12, 60—62, 68, 69). Большинство их покрыто густым ярко-красным, реже — темно-коричневым ангобом и лощением. Петлеобразные или кольцевидные ручки, в основном подтреугольные или круглые в сечении, прикреплялись к тулову, вдавливая стенку внутрь сосуда. Часто стенка подправлена изнутри куском глины, а ручка в профиль как бы срезана (рис. 12, 68). Есть и небольшие кружки того же качества, у них ручка прикреплена к краю и верхняя часть ее образует площадочку (рис. 12, 56). Такую же площадочку, подтреугольную в плане, образует и ручка, прикрепленная к тулову другой кружки (рис. 12, 62). Встречаются и небольшие сосуды с простым краем и высоким горлом, по которому поверх густого красного ангоба и лощения процарапаны вертикальные полосы (рис. 12, 59).

Возможно, к типу маленьких горшков относятся сосуды с небольшим, почти не выделенным горлом, плавно переходящим в покатые плечики. К отогнутому и несколько утолщенному по сравнению со стенками вытянуто-подпрямоугольному в сечении венчику прикреплена вертикальная, круглая или овальная ручка. Возможно, ручек было две. На одном из таких сосудов под ручкой и на ее основании по сырой глине прорезан округлыми линиями орнамент. Подобные по форме и качеству сосуды с таким же орнаментом встречены на городище Шаушукум-тобе. На некоторых таких сосудах с городища Ак-тобе на верхней части ручек помещен налеп-шишечка (рис. 2, 54, 55). На других сосудах налеп-шишечка находится под ручкой (рис. 12, 92). Вообще украшения в виде налепов-шишечек на стенках разнообразных сосудов (в основном покрытых красно-коричневым ангобом и лощением) часто встречаются и в керамике Ак-тобе (рис. 12, 87, 91, 92). Этот прием ориентации — один из характерных для джетыасарских комплексов. То же можно сказать об орнаменте в виде полукруглых валиков на стенках (рис. 12, 48) и налепов-выступов на венчиках. Последние встречены у небольшого сосуда типа кружки или кувшина, покрытого густым красно-коричневым ангобом и лощением, с высокой шейкой и подтреугольным в сечении венчиком. Налеп (или налепы) прикреплен к наружной сто-

роне венчика (рис. 12, 57). И еще один вариант орнамента, так же хорошо известный в джетыасарском комплексе, встречен в Ак-тобе; это валик с насечками или нарезками по нему, отделяющий плечики от горла (рис. 12, 81). Встречен был и отделяющий горло от плечиков уступ, орнаментированный рядом глубоких проколов (рис. 12, 83).

Новым орнаментом, не отмеченным пока на большинстве других джетыасарских памятников, был вдавленный орнамент на стенках крупных сосудов (станковой работы со следами густого черного ангоба на беловато-зеленоватом), очевидно, на плечиках, в виде штампованных рядов полудунных вдавлений (рис. 12, 94). Аналогичный орнамент пока известен лишь на Сарлы-асаре (рис. 12, 28). Там же находят аналоги и своеобразные актобинские поддоны, принадлежащие крупным толстостенным сосудам с красным ангобом и лощением, с глубокой круглой выемкой в середине дна (рис. 12, 79). На Ак-тобе в отличие от Сарлы-асара такие дна найдены и среди керамики первой группы, покрытой серым ангобом и лощением.

Можно отметить и фрагменты стенок сосудов второй группы, у которых поверх жидкого беловатого ангоба нанесены коричневые до черного потеки (рис. 12, 95). Подобная керамика, чрезвычайно характерная для Средней Сырдарьи, присутствует во всех джетыасарских комплексах.

В материалах памятника Средней Сырдарьи Шаушукум-тобе находим аналоги фрагментам сосудов с густым ярко-красным ангобом и лощением и процарапанным после обжига геометрическим орнаментом (рис. 12, 84), а также сосудов с нанесенным по сырой глине неглубоко вдавленным орнаментом в виде сочетаний идущих косо и слочкой коротких полос и прямых линий (рис. 12, 85).

К сосудам второй группы можно отнести фрагменты двух конических крышек, покрытых густым красно-коричневым ангобом и лощением. Один из фрагментов представляет собой наверхние крышки с округлым в плане сплошным выступом (рис. 12, 90), другой — край крышки диаметром 23 см (рис. 12, 46).

Таким образом, керамический комплекс Ак-тобе, безусловно, принадлежит к типичным джетыасарским комплексам и соответствует времени существования Сарлы-асара. Отличие материала городища Ак-тобе заключается в относительно большем количестве сосудов, аналогичных характерным для городища Шаушукум-тобе. Учитывая это и принимая во внимание соответствие материала

Ак-тобе (в том числе и бронзовых наконечников и бляшек поясного набора гуно-аварского типа) комплексу Сарлы-асара, можем

датировать существование городища Ак-тобе временем не ранее середины I тыс. н. э. и по IX в. н. э.

КУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ УРОЧИЩА И АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

На территории урочища Джеты-асар вокруг городищ, как и между ними, расположены многочисленные курганные группы. В 1948—1951 гг. было раскопано несколько разновременных курганов в трех крупных курганных группах вблизи городища Джеты-асар № 3. Раскопки показали, что под курганной насыпью находились различные типы погребальных конструкций. С. П. Толстов выделил четыре таких типа: курган с прямоугольной камерой из сырцового кирпича, ямное погребение с пашовой пробкой, курган с круглой камерой из сырцового кирпича, ямное погребение с покрытием из камыша⁸⁴. К сожалению, почти все немногочисленные раскопанные курганы имели следы неоднократных ограблений и часто вторичного использования. Ввиду явной смешанности материала даваемая ниже датировка большинства этих курганов весьма предварительна.

В 1948 г. в западной курганной группе был раскопан курган № 1 (с прямоугольной камерой из сырцовых кирпичей⁸⁵). Из находок внутри камеры отметим сердечниковые бляшки в форме латий⁸⁶, аналогичные найденным в богатом погребении близ Шамси в Чуйской долине Киргизии (случайная находка 1958 г.), датировуем IV—V вв. н. э.⁸⁷ В погребальном инвентаре кургана (погребение было ограблено, о чем свидетельствует положение вещей и погребенного⁸⁸), находились и сосуды, типичные для нижнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 (это, например, горшки, один из которых имел горизонтальное рифление на средней части тулова (рис. 13, 3), плоские крышки с выступами или ручками в центре) и сосуды,

характерные для верхнего горизонта «Большого дома», (горшки первой группы с насечками по внешней стороне удлиненного венчика, сероглиняная лощеная кружка с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 13, 4—9). Интересен миниатюрный кувшин с рифленным венчиком, двумя глубоко прорезанными вертикальными полосами на ручке и такими же линиями на тулове (рис. 13, 7). Надо отметить, что вертикальные прорезные линии на тулове сосудов (чаще всего на тулове горшков или кружек), иногда превращающиеся в вертикальное рифление, характерны для сарматской культуры Дона, Поволжья и других мест⁸⁹ и аланской культуры Северного Кавказа⁹⁰. Судя по аналогиям керамике и сердечниковым украшениям, погребение может предположительно датироваться III—V вв.

В 1949 г. вскрыты несколько курганов в северо-восточной курганной группе. Курган № 1 с круглой камерой (диаметр ее около 9 м) из сырцового кирпича (размер их до 50×30×10 см) с многоцветной росписью на стенах, со следами перестройки для вторичного использования⁹¹ дал много сосудов и вещей (рис. 13, 33—48). В керамике — фрагменты кувшинов с удлиненно-подирямоугольными в сечении венчиками (один с намеченными сливами по краю, другие с рифлением по горлу), с валиками у основания горла. Один из крупных кувшинов имел такую же форму венчика, высокое горло, крутые плечики, отделенные от горла валиком с насечками. Кувшин был украшен напелом, отходящим вниз от валика и покрыт красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 13, 38). У других кувшинов видны подтреугольные напелы. Эти сосуды находят прямые аналоги в верхнем горизонте «Большого

⁸⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ..., стр. 243—251, рис. 123.

⁸⁵ Там же, стр. 250.

⁸⁶ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии..., рис. 6, 55, 56.

⁸⁷ И. Кожомбердиев. Доклад на отчетной сессии ИИМК и ИЭ АН СССР, 1959 г., апрель.

⁸⁸ Архив ХАЭЭ АН СССР. Дневник № 1. Ю. А. Рапопорт, Джеты-асар № 3, запись от 23 июля 1948 г.

⁸⁹ М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.—I в. н. э. СА, 1961, № 1, стр. 98, рис. 2, 5 и др.

⁹⁰ В. А. Кунцев. Аланские племена..., рис. 3-А, 15-А, 24-А, 27-А.

⁹¹ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 195—196.

дома». Там же есть аналогии и широко открытым сероглиняным кружкам с темно-серым ангобом, лощением, прочерченным орнаментом (рис. 13, 44, 45). Небольшие плоские крышки с выступами-ручками в центре встречены и в нижнем, и в верхнем горизонте «Большого дома»; в верхнем горизонте найдены были и конические крышки, подобные встреченной в данном кургане № 1. Кувшинообразный сосуд, покрытый темно-серым ангобом и лощением, имел шаровидное тулово, наибольший диаметр которого в два раза превышал диаметр высокого горла. На тулове — прорезной геометрический орнамент. К горлу и плечикам прикреплена овальная в сечении ручка. Кувшины подобного качества и орнаментации встречены в материалах «Малого дома» и в единичных случаях — в верхнем горизонте «Большого дома». Фрагменты «кухонных» сосудов с геометрическим орнаментом снаружи находят аналогию в тех же материалах. Среди других находок (деревянные приспособления для добывания огня, ярильца, каменные грузила, оселки, железные и бронзовые изделия) интересна бронзовая пряжка в виде фигурки человека, по своему облику непосредственно примыкающая к глиняным идолам и налепам на стенках сосудов джетысарских памятников (рис. 14, 4). Судя по материалу, погребение можно датировать приблизительно серединой I тыс. н. э.⁹²

Другие погребения этой группы, в основном с квадратной камерой, дали мало керамики. Сосуды курганов № 2 и 5 (вероятно, и № 4) имеют аналогии в материале нижнего горизонта «Большого дома». Так, в кургане № 2 сохранились стоящие полукругом шесть сосудов (рис. 13, 20—25), из которых три горшка баночной формы с простым или чуть утолщенным и несколько отогнутым краем были прикрыты такого же качества плоскими крышками, снабженными ручками в центре и украшенные рядами вдавленного ямочного орнамента. Три других сосуда — красноглиняные кувшины, покрытые густым темно-коричневым, местами до черного цвета, ангобом и лощением. У них сферическое тулово, крутые плечики и высокое прямое узкое горло. Кувшины были прикрыты кружками со сферическим туловом. Средний из трех украшен по плечикам четырьмя симметрично расположенными налепными шпичками (рис. 13, 21). Все сосуды и крышки анало-

гичны найденным в нижнем горизонте «Большого дома» и могут быть датированы тем же временем (т. е. первыми веками н. э.).

То же можно сказать, вероятно, и о курганах № 4 и 5. В последнем найдены два красноглиняных сосуда, покрытых густым красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 13, 49, 50). Один из них — крупный горшковидный сосуд с двумя петлеобразными ручками, прикрепленными верхним концом к венчику; другой — крупный кувшин с прямым горлом, небольшим венчиком с намеченными слитями по краю, с прочерченными горизонтальными полосами на нижней части горла, крутыми плечиками, на которых симметрично расположены две подтреугольные в сечении ручки с выступами в верхней части. Последние находят аналогию в нижнем горизонте «Большого дома» (рис. 3, 31).

Судя по найденному в кургане № 6 крупному красноглиняному двуручному сосуду стачковой работы, покрытому густым коричнево-красным ангобом и лощением, с крупным удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 13, 32), курган может быть датирован тем же периодом, что и верхний горизонт «Большого дома».

В 1951 г. раскопано несколько курганов с захоронениями в ямах в южной курганной группе Алтын-асара. Они частично оказались разграбленными, но в некоторых уцелев кое-какой инвентарь. Так, в кургане № 1 сохранились: железный кинжал длиной 40 см, шириной 7—8 см, без перекрестья, позднесарматского типа⁹³; железный нож, круглая бронзовая пряжка с подвижным язычком, со щитком, аналогии которой находим в том же позднесарматском материале⁹⁴. Интересна красноглиняная фляга, покрытая светлым ангобом и имеющая округло-яйцевидное тулово, плоский бок, прямое горло, маленький круглый в сечении венчик с зачатком слива по краю (рис. 13, 31). Аналогичный сосуд найден в помещениях Джеты-асара № 9. Широкогорлые фляги близкой формы известны на территории Средней Азии во II—IV вв. н. э.⁹⁵ Именно этим временем (учитывая

⁹² Эта датировка не исключает, однако, предположения о более раннем времени постройки памятника и первоначального захоронения.

⁹³ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел. Иловатка и Политодельское. МИА. № 60, 1959, стр. 273, рис. 28, 5 (автор датирует курган II—III вв. н. э.). Подробный разбор и сподку таких кинжалов см.: А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 15—27.

⁹⁴ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., рис. 26, 10.

⁹⁵ Г. В. Григорьев. Кельская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948, рис. 86;

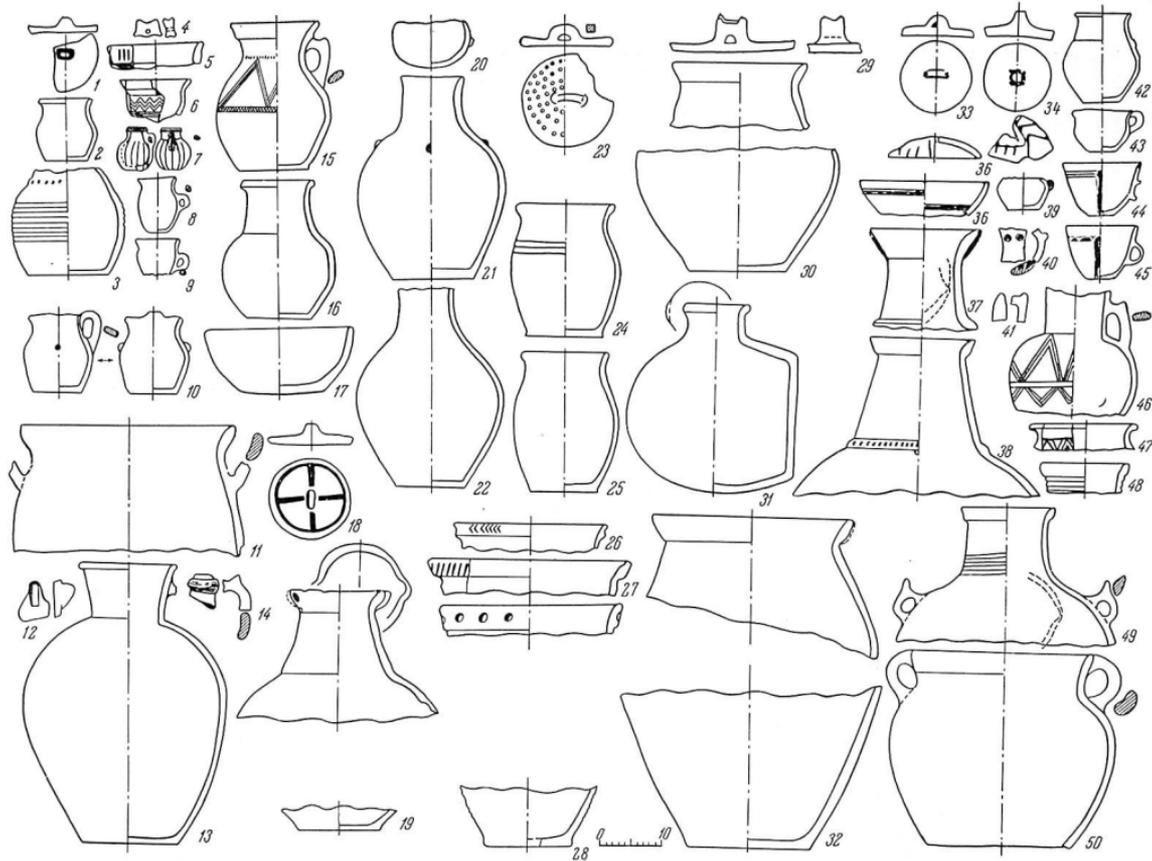

Рис. 13. Керамика курганов района Джеты-асара № 3

остальной инвентарь) можно датировать и погребенне.

В кургане № 2 найдено несколько металлических предметов (железный нож, бронзовая пряжка), костяные обкладки сложного лука «гуннского» типа, костяная стрела длиной 9,3 см с поперечными насечками у основания. Хотя костяные стрелы встречаются и на территории Средней Азии (например, в Кенкольском могильнике, на городище Каунчи-тене), наиболее близкие по форме данной стреле обнаружены в материалах первых веков н. э. могильника Кокзаль в Туве⁹⁶, в таптыкской культуре Минусинской котловины⁹⁷, а также одиновского и переходного этапов верхнеобской культуры III—IV и V—VII вв. н. э.⁹⁸

М. Э. Воронцов. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле ст. Вревская в 1947 г. «Труды Музея истории УзССР», вып. I. Ташкент, 1951, стр. 49, рис. 4, 2; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК вып. 33, 1950, стр. 154, рис. 69, табл. XX, 10; Т. Г. Оболдуева. Археологический надзор на Северном Ферганском канале. «Известия Уз. ФАН СССР», № 10. Ташкент, 1940, стр. 15; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТИИА АН УзССР», т. IV. Ташкент, 1951, стр. 92; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 342, рис. 11, 1; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 136, рис. 4, 23; В. А. Шишкин. Археологическая разведка на Баш-тене. ТИИА АН УзССР, т. VIII. Ташкент, 1956, стр. 168, рис. 3, 13, стр. 171; Н. Негмазов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Киякина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. «ТИИ им. А. Дониша АН ТаджССР», т. XXVII. Душанбе, 1961, стр. 141, рис. 2; Ю. А. Завенеровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 296, табл. XIX, 10; Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Ак-тобе 2. Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардау. Алма-Ата, 1968, стр. 50, рис. 20, 41—42; стр. 49, 52; О. В. Обельченко. Миракульские курганы. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969, стр. 86—89, рис. 3, 3.

⁹⁶ С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокзаль конца I тыс. до н. э.—первых веков н. э. ТГКЭ, т. II. М.—Л., 1966, табл. III, 2; С. И. Вайнштейн. Раскопки могильника Кокзаль в 1962 г. (погребения казанганской и саяно-чирекской культур). ТГКЭ, т. III, М.—Л., 1970, стр. 13, рис. 9, 8; В. П. Дьяконова. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокзаль. ТГКЭ, т. III, М.—Л., 1970, стр. 197, табл. II, 1—4.

⁹⁷ Л. Р. Кызласов. Таптыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 87, рис. 31, 1; табл. IV, рис. 6.

⁹⁸ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, № 48, 1956, табл. X, 1—4; XV, 18, 19.

Возможно, разрушенному погребению с камерой из сырцовых кирпичей принадлежала группа сосудов, найденных в шурфе, заложеном в 250 м юго-восточнее «Малого дома» (рис. 13, 11—14, 18—19, 26—28). Здесь обнаружены остатки сырцового сооружения, обломки костей и керамики, следы огня⁹⁹. Среди керамики — фрагменты трех горшков, относящихся к первой группе, с удлиненно-подпрямоугольными в сечении венчиками, с орнаментом по внешней их стороне в виде насечек, подтреугольных штампованных и ямочных пальцевых вдавлений. У одного из сосудов — грубая обмазка глиной по нижней части тулова, что характерно и для горшков самых верхних ярусов «Большого дома» (рис. 13, 28). Остальные «кухонные» сосуды также находят аналогии в верхнем горизонте «Большого дома». Кроме того, встречено еще три сосуда и плоская красная глина крышка с густым красным ангобом, с выступом в центре и орнаментом в виде вдавленных полос (рис. 13, 18). Один из сосудов — крупный двуручный горшок; прямые аналогии ему есть в материале верхнего горизонта «Большого дома». Остальные два — кувшины со сферическим туловом, крутыми плечиками, высоким горлом и плоским дном, диаметр которого равен диаметру венчика. У одного из кувшинов — петлеобразная ручка, верхним концом прикрепленная на 2 см ниже маленького венчика, круглого в сечении; у другого — с густым красным ангобом и лощением, с подпрямоугольным в сечении венчиком — два симметрично расположенных слыва по краю (рис. 13, 11, 13, 19). Последний кувшин также имеет ближайшие аналогии в материале верхнего горизонта «Большого дома». Погребение (или сооружение) можно предпринимательно датировать временем верхнего горизонта «Большого дома».

Видимо, развешенным погребениям принадлежат и некоторые сосуды, в изобилии встречающиеся в окрестностях многих памятников. Среди них подавляющее большинство принадлежит формам, уже знакомым по материалам раскопок городищ, но встречаются и несколько иные, хотя и близкие им. Такова серолиловая кружка, относящаяся к сосудам первой группы, с петлеобразной, подпрямоугольной в сечении ручкой, несколько приподнятой над краем, с орнаментом в виде налепов-шипечек на тулове (рис. 13, 10). Подобные кружки отмечены в материалах

⁹⁹ Архив ХАЭЭ АН ССР. Дневник № 33 (Г. А. Федоров-Давыдов), 1951, стр. 10, 15.

афригидских памятников Хорезма. Таков и серолиняный невеский кубин, найденный близ городища Джеты-асар № 3, с невеским раструбообразным горлом, удлинено-подпрямоугольным в сечении венчиком, с прикрепленной верхним концом под ним петлеобразной ручкой с выступом наверху (рис. 13, 15). Кубин был покрыт темно-серым ангобом и украшен прорезным геометрическим орнаментом по верхней части тулова. Ближайшие аналоги сосуду встречаем в материалах городища Куюк-кала¹⁰⁰ и Ток-кала¹⁰¹ в низовьях Амударьи, в материалах Беркут-калинского оазиса Хорезма¹⁰². Надо отметить также, что в керамике городищ Куюк-кала (нижний слой) и Ток-кала на многочисленных примерах прослеживается теснейшая связь с джетыасарской культурой наряду с влиянием «болотных городищ», которые в свою очередь тесно связаны с джетыасарским комплексом. Связи с джетыасарской культурой прослеживаются и в материалах афригидского периода Хорезма¹⁰³.

Антропологические материалы из раскопанных джетыасарских курганов исследованы Т. А. Трофимовой¹⁰⁴, пришедшей к выводу о смешении в алтынасарском могильнике европейских и монголоидных элементов (как и в Кенкольском могильнике). Два мужских черепа принадлежали европеоидному длинголовому восточносредиземноморскому типу, женский череп представлял результат смешения этого же длинголового европеоидного типа с монголоидным длинголовым северазийским (известным среди гуннов)¹⁰⁵. Последний череп может быть морфологически сближен с типом черепов предгорного Алтая шибинского этапа и таштыкской культуры Мпунусинского края, тесно

связанной с гуннами¹⁰⁶. Краниологические материалы еще раз подтверждают высказанное С. П. Толстовым положение о влиянии гуннской культуры на джетыасарское население¹⁰⁷.

В связи с этим интересны обнаруженные в джетыасарском комплексе своеобразные антропоморфные бронзовые изображения, примитивные глиняные идолы и налени на стенках типичных джетыасарских сосудов¹⁰⁸.

Отметим три группы антропоморфных изображений, встреченных на территории самих джетыасарских городищ и на соседних памятниках, теснейшим образом связанных с джетыасарскими и давших большое количество типичнейшей джетыасарской керамики. Эти группы изображений близки между собой и передают один и тот же образ. Даже примитивные глиняные идолы (рис. 14, 1—3) моделировкой и формой головы непосредственно схожи и с бронзовыми фигурками (рис. 14, 4, 5), и с антропоморфными наленими. В определенный период глиняные идолы бытуют, очевидно, одновременно с бронзовыми фигурками, которые, продолжая жить, вероятно, до VII в. н. э. (кескенкуюккалинская), существуют одновременно с глиняными наленими на стенках сосудов. Последние две группы дают уже достаточно четкое представление о связи передаваемого ими образа с фаллическим культом. В этом плане они могут быть отдаленно сопоставлены с многочисленными фаллическими бронзовыми архаическими статуэтками¹⁰⁹, среди которых прежде всего надо отметить кавказские¹¹⁰. В районе Восточного Приаралья подобный образ на твердо датированных изображениях известен по крайней мере, с первых веков н. э., но вполне вероятно его существование на данной территории и в более ранний период. Надо отметить, что в джетыасарской

¹⁰⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА. 1958, № 1, стр. 132, рис. 29; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 136, рис. 7, 2.

¹⁰¹ А. В. Гудкова, В. Н. Яковин. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 5. Ташкент, 1961, стр. 56, рис. 3, 1, 2.

¹⁰² Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 114, рис. 10, 4.

¹⁰³ Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХЭ, т. IV. М., 1959, стр. 258, рис. 12, 17; стр. 259, 260.

¹⁰⁴ Т. А. Трофимова. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 539—649.

¹⁰⁵ Там же, стр. 647—649; она же. Приаральские саки (краниологический очерк). МХЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 232.

¹⁰⁶ Т. А. Трофимова. Материалы по палеоантропологии..., стр. 648—649.

¹⁰⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 252; она же. По древним дельтам..., стр. 196.

¹⁰⁸ Подробно об антропоморфных изображениях см.: Л. М. Левина. К вопросу об антропоморфных изображениях..., стр. 167—178.

¹⁰⁹ V. Müller. Frühe Plastik in Griechenland und Vorderasien. Augsburg, 1929, Taf. XXIII, 293; XI, 393—395.

¹¹⁰ А. А. Захаров. Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. «Swiatowit», t. XV. Warszawa, 1933, p. 77, fig. 49—50, 52—53; А. И. Криволе. Культные места Горного Дагестана. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 31—40, рис. 11, 9.

культуре изображений иного типа не известны.

Подобные примитивные глиняные, деревянные, каменные или алебастровые идолы хорошо известны на территории Средней Азии, Казахстана, Тувы, Поволжья, Северного Кавказа в материалах первой половины I тысячелетия н. э.¹¹¹ Слон, в которых найдены джетыасарские идолы, могут быть датированы временем не позднее IV в. н. э.¹¹²

Примитивность подобных идолов, а также их широкое распространение не дают пока возможности связывать их с какими-либо определенными племенами. Две другие группы антропоморфных изображений, встречаемых в материалах джетыасарской культуры, — бронзовые фигурки и глиняные налены на стенках сосудов — дают более четкий круг аналогий. Так, бронзовые антропоморфные фигурки из кургана № 1 северо-восточной курганной группы Джеты-асара № 3 и с городища Кескен-Куюк-кала находят наиболее близкие аналогии в аласких памятниках¹¹³ Северного Кавказа и в материалах Северного Причерноморья¹¹⁴. Материал, с которым найдены джетыасарские бронзовые изображения, может быть датирован временем не раньше IV—V вв. н. э. Этим же временем датирует

И. Т. Кругликова аналогичные плоские бронзовые фигурки, связывая их с движением гуннов¹¹⁵. Однако подобные изображения пока не отмечены в материалах гуннских памятников, и, видимо, их нельзя считать принадлежащими самим гуннам. Поэтому можно согласиться с И. Т. Кругликовой в том смысле, что распространение подобных фигурок на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья связано, видимо, с передвижением гуннских племен с востока на запад. Территория распространения джетыасарской культуры находилась на пути движения гуннов и, вероятно, какое-то время была занята ими, что отразилось на материальной культуре джетыасарцев¹¹⁶. Однако надо отметить, что джетыасарские антропоморфные изображения, в том числе и отдельные бронзовые фигурки, выполненные в гораздо более реалистической манере, очевидно, бытовали и в более древний период. Вероятно, продвигаясь на запад, гунны увлекли за собой и часть местного джетыасарского населения, что подтверждается и отмеченными выше параллелями с алаской керамикой.

В третьей группе джетыасарских антропоморфных изображений — наленах на стенках сосудов — круг аналогий еще уже¹¹⁷ (рис. 14, 6—9, 14—15). Эти налены похожи на бронзовые фигурки. Они тождественны им и своей позой, и моделировкой головы и головного убора, и всей трактовкой изображения. Сами налены встречаются на стенках типичнейших сосудов, характерных для времени с конца II и для III этапов джетыасарской культуры, о чем будет сказано ниже. Этим же временем датируются культурные слои, где встречены такие налены на Кескен-Куюк-кале в низовьях Сырдарьи и Куюк-калы в низовьях Амударьи, Беркуты I на северных склонах Каратау, Луговое А в Западном Семиречье, Мардан-Куюк и тепе к востоку от Майрам-тобе. В тот же период прекращается существование большинства джетыасарских городищ, а на памятниках низовой Сырдарьи (район «болотных городищ») и Амударьи («кердерская культура») отмечена большое количество тождественных джетыасарским материалам, прежде всего в

¹¹¹ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «ТИАИЭ АН ТаджССР», т. XXXV, 1955, стр. 54—55, 56—59, 62, рис. 24—26; Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. «ТИИ им. А. Дониша АН ТаджССР», т. 27. Душанбе, 1961, стр. 71—72, рис. 7; И. Т. Кругликова. Поселение у деревни Семеновское. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 77, рис. 30, 2а, 2б; стр. 79, рис. 32, 1; стр. 80, 82; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Указ. соч., стр. 217, рис. 40; Ю. Д. Барзудин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Лайляка. Фрунзе, 1962, стр. 27, рис. 7; стр. 47—48; Т. Г. Ободуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТИАИ АН УзССР», т. IV. Ташкент, 1951, стр. 27, табл. X, рис. 2; В. П. Дьяконова. Указ. соч., стр. 115, рис. 45; С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. «Известия АН УзССР», 1948, № 5. Ташкент, стр. 75, 76, рис. 3; Ю. А. Зайнеловский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. ТКЭ, т. IV. М.—Л., 1960, стр. 201—202, рис. 32.

¹¹² Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры, стр. 54.

¹¹³ Интересно отметить, что аналогии с алаской культурой Северного Кавказа прослеживаются и в керамическом комплексе джетыасарской культуры.

¹¹⁴ В. А. Кузнецов. Алаские племена... рис. 13, 1—3; И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. в дер. Айназовское. СА, 1957, № 2, стр. 255, рис. 1—7, 10; А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 77, рис. 49, 50; стр. 114.

¹¹⁵ И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 257.

¹¹⁶ В материалах джетыасарского комплекса неоднократно отмечались гуннские аналогии прежде всего на этапе Джеты-асар II.

¹¹⁷ В джетыасарской культуре эта группа антропоморфных изображений представлена наибольшим количеством экземпляров (только с трех городищ известно более десяти таких изображений).

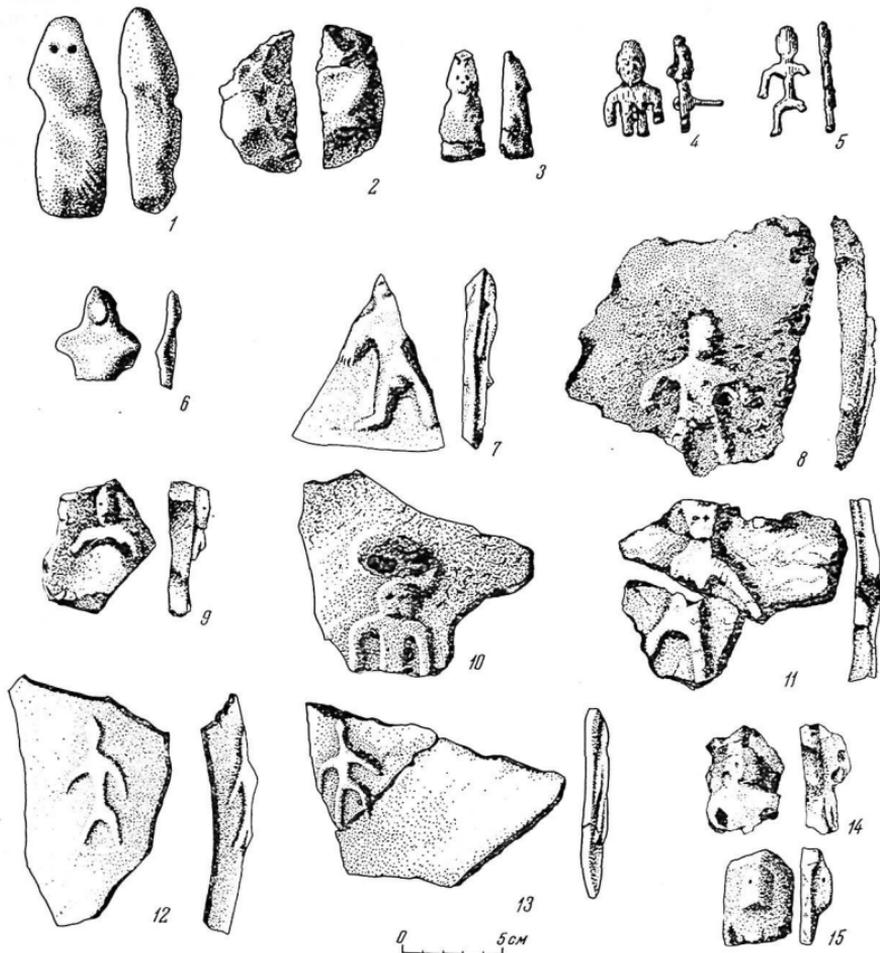

Рис. 14. Джетысарские антропоморфные изображения
 1-3 — глина, 4-5 — бронза, 6-15 — налепы на стенах сосудов. 1-3, 6-9 — Джеты-асар № 3;
 4 — курган № 1 северо-восточной курганной группы Джеты-асара № 3; 5, 11 — Кескен-Куюк-кала;
 10 — Куюк-кала; 12 — тепе к востоку от Майрам-тобе; 13 — Мардан-Куюк-кала; 14-15 — Джеты-
 асар № 9

керамике. Возможно, это связано с передвижением какой-то большой группы джетыасарского населения на запад в низовья Сырдарьи, и на юго-запад в низовья Амударьи, вероятно, под давлением какого-то пришлого населения¹¹⁸.

¹¹⁸ В этом плане интересны определенные семиреченские элементы, выделяющиеся на джетыасарской керамике, характерной для последнего периода жизни джетыасарского комплекса, и одновременных им материалах «болотных городищ».

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Подводя некоторые итоги разбора керамики джетыасарских памятников, прежде всего необходимо отметить целостность и своеобразие этого керамического комплекса, устойчивость типов сосудов, орнаментальных приемов и т. п. на протяжении всего периода существования описываемой культуры на данной территории.

Имеющийся в нашем распоряжении материал почти целиком охватывает I тысячелетие н. э. Отдельные весьма древние традиции, прослеживаемые по керамическому комплексу, позволяют предположить, что более древние слои скрыты в толще слоев некоторых памятников (например, Кара-асара, Домалак-асара, Томпак-асара, Домалак-асара, Биданик-асара, Ашаг-асара, Унгуль-асара, Байболата-асара (Джеты-асар № 14)). Косвенным свидетельством более раннего существования джетыасарской культуры в районах низовий Сырдарьи могут служить и находки в могильнике Тагискен (конец эпохи бронзы и раннего железа) некоторых форм керамики, обнаруживающих безусловные генетические связи (по форме, орнаменту, выделке) с отдельными характерными типами сосудов джетыасарской культуры, на архаический облик которых уже указывалось выше. К сожалению, пока не было возможности подвергнуть раскопкам памятники и отдельные объекты, которые, по нашему мнению, могли бы вскрыть более ранние слои. Поэтому начальная дата существования этих ранних памятников остается в определенной степени сомнительной, мы лишь предположительно можем говорить о существовании слоев, датирующихся последними веками до н. э.

Известная нам керамика может быть разделена на три этапа.

В то же время можно отметить и взаимовлияние джетыасарского населения и населения Западного Семиречья, что, вероятно, связывается с историей кангаров-кенгересов и огузского племенного союза. Дополнительным доводом могут служить и находки антропоморфных налепов на стенках сосудов, аналогичных джетыасарским по своему качеству и отделке и встреченных на городище Марданкуюк, тече к востоку от Майрам-тобе на Средней Сырдарье, а также в Западном Семиречье.

К первому этапу, который может быть условно назван *Джеты-асар I*, относится керамика из нижнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 и одновременных ему слоев Джеты-асаров № 1, 11, 12, Томпак-асара, Кара-асара, Домалак-асара, Биданик-асара, Ашаг-асара, Унгуль-асара, Байболата-асара (Джеты-асар № 14).

Этот этап по керамике и другим, к сожалению, весьма немногочисленным находкам (главным образом из нижнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3, хотя бусы и предметы быта найдены и на других памятниках урочища)¹¹⁹, может быть датирован рубежом нашей эры (или с последних веков до н. э.) по IV в. н. э., возможно, конец III в. н. э.

Сосуды первой группы обычно сероангобированные со следами копоти на поверхности. Основную массу их составляют горшки баночной формы с плоским дном, диаметр которого гораздо меньше диаметра края, а в редких случаях равен ему. Все они с округлым, чуть раздутым туловом, покатыми плечиками и слегка отогнутым наружу простым или несколько утолщенным краем или маленьким круглым либо подтреугольным в сечении венчиком (рис. 15, 1—16; 16, 2—6, 13, 14). Сравнительно невысокое прямое горло плавно переходит в тулово; но изредка встречаются горшки, у которых горло отделено от тулова четко выраженным уступом. Часть

¹¹⁹ Встреченные предметы быта и украшений датируются, в основном, в пределах позднеперского времени. Надо отметить находки в урочище Джеты-асар и монет этого времени. В 1971 г. на городище Джеты-асар № 11 был найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы «прохоровского» типа.

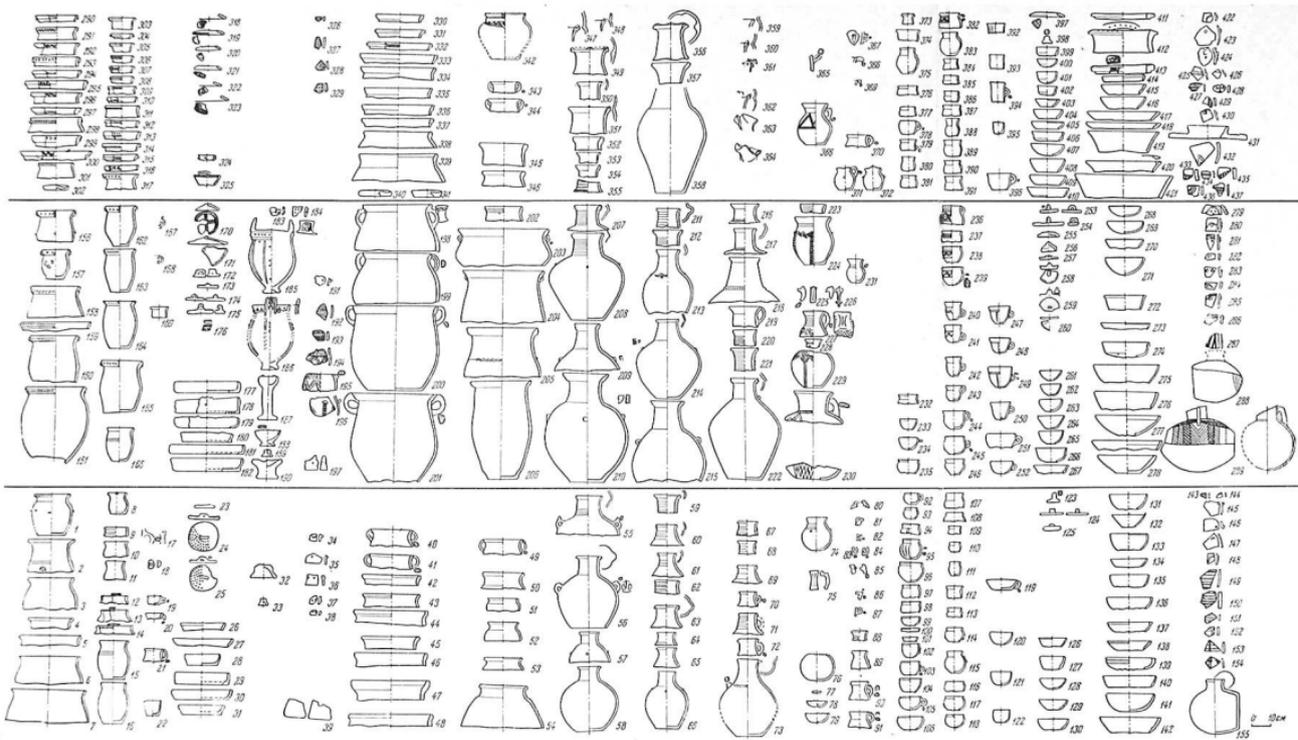

Рис. 15. Керамика дзеттсайской культуры

1—255 — стан Дзеттсай-азар I; 156—249 — стан Дзеттсай-азар II; 250—427 — стан Дзеттсай-азар III

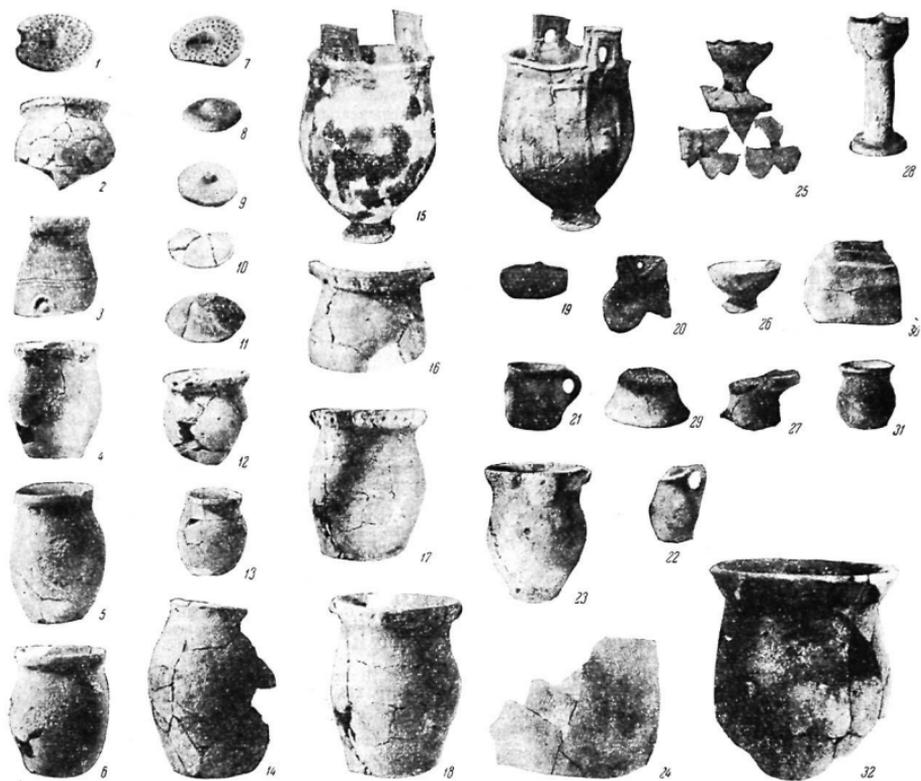

Рис. 16. Дзетысарская керамика первой группы

горшкообразных сосудов украшена по тулову наленными орнаментами в виде полукруглых валиков, шишечек, иногда обрамленных сверху полукруглым валиком, часто с отогнутыми вбок концами. В некоторых случаях подобный орнамент на тулове чередуется с шишечками (одной, двумя или тремя). Налены в виде шишечек — один из самых распространенных орнаментов, встречающихся в огромный период времени. Многие исследователи считают, что шишечки имели антропоморфное значение¹²⁰. Подобные шишечки, расположенные по одной, или симметрично группами по три в ряд (как на кувшине с Джетысараса № 9 — рис. 6, 41), или по три группой подтреугольной формы (что часто встречается в джетысарской керамике — рис. 15, 1, 34—38, 57) украшали сероглиняные лощеные сосуды Северного Кавказа еще в период бронзового века¹²¹. К бронзовому веку относятся и малоазиатские памятники, где встречены сосуды с таким же орнаментом¹²², на Северном Кавказе этот орнамент бытует вплоть до позднелеанского времени¹²³. В Северном Причерноморье он встречается в материалах киммерийской и таврской культур, в гетских и скифских памятниках¹²⁴.

Такие характерные для джетысарской керамики варианты наленного орнамента, как полукруглый валик, иногда с отогнутыми концами, часто сочетающийся с налено-лишечкой, расположенной под ним, распространены в памятниках скифского и более позднего времени в Северном Причерноморье, прежде всего в районах Подунавья и Поднестровья¹²⁵. На Алтае орнамент в виде полукруглых налетов с заключенной внутри лишечкой, расположенных не на тулове (как у джетысарских и причерноморских), а на горле сосудов, встречается в могильниках конца I тыс. до н. э.¹²⁶ Наленный орнамент в виде шишечек, иногда сочтанный с прочерченным геометрическим орнаментом, обычен для памятников таштыкской эпохи в Хакасско-Минусинской котловине¹²⁷. Ряды наленных круглых шишечек, часто сочетавшихся с гладкими наленными полосами, или одни полосы характерны для гуинской керамики Монголии и Забайкалья¹²⁸.

¹²⁰ *Е. М. Пещерева*. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959, стр. 92, 93; *Г. В. Григорьев*. Арханские черты в производстве керамики горных таджиков. «Известия ГАИМК», т. X, вып. 10, 1931, отд. оттиск, стр. 67.

¹²¹ *Р. М. Мунчаев*. Памятники майкопской культуры. СА, № 3, 1962, стр. 196, 197, рис. 13; *Б. Е. Деген*. Курганы в кабардинском парке у г. Нальчик. МИА, № 3, 1941, стр. 221, рис. 16.

¹²² *Е. М. Пещерева*. Указ. соч., стр. 94, 95, рис. 32, 4, 5.

¹²³ Украшенные налетами-лишечками, иногда сочетавшимися с геометрическим орнаментом, сосуды есть в Лугонском, Алхастинском, Змейском поселениях (*Е. И. Крунов*). Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 438, табл. XVI, 23; стр. 443, табл. XXI, 2, 7, 9; стр. 479, табл. LIX, 3), в алачских могильниках (*В. А. Кузнецов*. Указ. соч., рис. 15, 24, 27).

¹²⁴ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 23, рис. 4; стр. 46, рис. 9; стр. 59, рис. 12; стр. 68, рис. 20; стр. 92, рис. 30; *она же*. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961, стр. 47, рис. 5, 13; *Н. Н. Погребова*. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 435, рис. 47; стр. 438, рис. 48; стр. 481, рис. 30; *О. Д. Дашевская*. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958, стр. 251, рис. 1; стр. 258, рис. 4; стр. 262, рис. 5, 13; *В. Н. Граков, А. И. Тереножкин*. Субботинское городище. СА, 1958, № 2, стр. 170, рис. 6; *Г. И. Свиридова*. Севернорусские городища (по материалам Южнолодольской экспедиции 1947, 1948, 1953 гг.). «Археологический сборник ГЭ»,

вып. 2, Л., 1961, стр. 95, рис. 6, 8; *А. М. Лесков*. Раннетаврские могильники Горного Крыма. «Археологический сборник ГЭ», вып. 2, стр. 106, рис. 1, 4; *М. И. Вязьмитина*. Фракийские элементы в культуре населения городища Нижнего Днепра. «Древние фракции в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 124—125, рис. 2, 4—8.

¹²⁵ *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья, стр. 61, рис. 15, 6; стр. 94, рис. 31, 4; *она же*. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. КСИА, вып. 94, 1963; стр. 65; *В. Н. Граков, А. И. Тереножкин*. Указ. соч., стр. 170, рис. 6, 2; *Н. Н. Погребова*. Указ. соч., стр. 190, рис. 37, 6; *О. Д. Дашевская*. Указ. соч., стр. 258, рис. 4, 37; *М. И. Вязьмитина*. Указ. соч., стр. 124, рис. 1, 1—3, 3, 3—9, 4; стр. 127; *В. И. Кузьменко, М. С. Силицини*. Некоторые наблюдения над лепной керамикой из Рокосланского городища. «КС ОГАН» за 1961 г. Одесса, 1963, стр. 83, рис. 2, 2; *А. Г. Сальникова*. Итоги полевых исследований у с. Пындное (1960—1962 гг.). МАСП, 1966, стр. 218, рис. 20; *C. Scoran*. Prezentă a continuității Getice în Tomis și Gallatis. SCIV, t. 21, N. 1, București, 1970, p. 87, fig. 9, 2. Территорию Молдавии, районы Подунавья и Поднестровья в тот период исследователи связывают с гето-фракцискими и близкими им культурами: *А. И. Мелюкова*. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья; *она же*. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье, стр. 64—72; *она же*. К вопросу о границе между скифами и гетами. «Древние фракции в Северном Причерноморье», стр. 61—80; *Н. Н. Погребова*. Указ. соч.; *М. И. Вязьмитина*. Указ. соч.

¹²⁶ *М. П. Заигузкина*. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бииска. «Археологический сборник ГЭ», вып. 3, Л., 1961, стр. 96, рис. 2, 6—8; стр. 107.

¹²⁷ *Л. Р. Кызласов*. Таштыкская эпоха... стр. 42, рис. 11, 4; стр. 52, рис. 16, 5; стр. 152, рис. 57, 5, 6.

¹²⁸ *Г. И. Сосновский*. О поселениях гуинской эпохи в долине р. Чинкой. КСИИМК, вып. XIV, 1947,

Орнамент в виде гладкого волнистого валика в сочетании с рядами круглых пишечек часто встречается в керамике верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 (второй этап джетыасарской культуры). В Средней Азии налепной орнамент из пишечек на тулове сосуда был найден в памятниках первых веков н. э. и в некоторых районах¹²⁹ живет до настоящего времени. Необходимо отметить налепной орнамент в виде пишечек, расположенных треугольником по три на небольших чернолощеных сосудах с шаровидным туловом и с отделенным валиком прямым горлом с простым чуть отогнутым краем, обнуруженных в мавзолее № 6 могильника Тагискен¹³⁰, расположенного недалеко от джетыасарского урочища. Налепной орнамент из пишечек на небольших темно-серых лощеных сосудах встречен в материалах поселения Ак-тобе 2 (вблизи пос. Чардарастрой).

Иногда на сосудах, характерных для первого этапа джетыасарской культуры, на верхней части тулова или на горле встречены глубоко прорезанные полосы, создающие видимость горизонтального рифления, или настоящее горизонтальное рифление. Часть горшков украшена симметрично расположенными на маленьком подтреугольном в сечении венчике или на простом крае налепами-выступами. Другие орнаментированы насечками по бортику или снаружи у края, а иные — небольшими круглыми вдавлениями по наружной стороне венчика (рис. 15, 1, 2, 8—9, 12—15; 16, 2—3).

Возможно, что какая-то незначительная часть горшков имела петлеобразные или сплошные ручки. Единичные горизонтальные сплошные ручки-ушки или вертикальные, чуть сдавленные с боков, с маленьким сквозным отверстием ручки найдены на горщиках Кара-асар, Ашаг-асар, Карак-асар. Они могли принадлежать сосудам типа котлообразных горшков. Найденные также в неболь-

шом количестве на горщиках Кара-асар, Алтын-асар, Карак-асар, Томнак-асар, Ашаг-асар вертикальные петлеобразные подтреугольные, круглые или овальные в сечении ручки, иногда с орнаментом по спинке в виде прорезных линий или рядов наколов, также могли принадлежать горшкообразным или, скорее всего, кувшинообразным сосудам (рис. 15, 17, 18), так как пока не найдено ни одного горшка с такими ручками.

Несомненно, что часть небольших вертикальных петлеобразных ручек принадлежала кружкам, которые были найдены на горщиках Джеты-асар № 3, Томнак-асар, Карак-асар (рис. 15, 19—22). Они немногочисленны и по качеству не отличаются от горшков. Возможно, некоторые кружки были близки горшкам и по форме. Часть кружек с почти прямыми, несколько расходящимися кверху стенками близка по форме усеченному конусу. Ручки их прикреплялись и к нижней, и к верхней частям тулова — вплоть до края, обычно простого или слегка приотстренного. Но встречены и кружки с очень маленьким круглым или подтреугольным в сечении венчиком. Так, например, на Томнак-асаре найдена кружка с почти прямыми стенками, с очень маленьким круглым в сечении венчиком и с прикрепленной под ним ручкой с выступом в верхней части, очевидно, зооморфного типа.

Поверхности кружек обычно тщательно заглажены.

В единичных экземплярах представлены широко открытые плоскостонные миски, полусферические, с плавно округлыми стенками, иногда с выделенным круглым в сечении венчиком.

На всех памятниках этого периода найдены фрагменты сковород или «жаровень», отличающиеся рыхлым черепком и крупнообделенными примесью шамота и дресвы в тесте. Все они невысокие с прямыми стенками, иногда достигают значительного диаметра. У части сковород и мисок на поверхности дна заметны отпечатки зерен проса (Алтын-асар, Карак-асар, Ашаг-асар и др.) (рис. 15, 26—31).

Кружки встречены в незначительном количестве. Они снабжены петлеобразной или сплошной ручкой, иногда орнаментированы сверху концентрическими рядами ямок (рис. 15, 24, 25; 16, 1, 7).

Из других видов керамики первой группы отмечены фрагменты вазообразных сосудов, вероятно, типа курильниц или светильников

стр. 37, рис. 26, 5; Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения р. Онона. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 81, рис. 24, 6; стр. 108, рис. 42; С. И. Руденко. Культура гуннов и Ноннулинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 61, табл. XXVI, 4, XXVII, 4, 8. Надо отметить, что в гуннских памятниках встречаются сосуды с прорезным сетчатым орнаментом на верхней части (Г. Л. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 1935, № 7—8, стр. 154, рис. 4).

¹²⁹ Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 84—89; А. Н. Вершигем. Чуйская долина, табл. XIX.

¹³⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 84, 87, рис. 38.

на полом коническом поддоне различных размеров (рис. 15, 32, 33).

Найденная в «Большом доме» Джетыасара № 3 очажная подставка (рис. 15, 39) относится к типу так называемых рогатых кирпичей¹³¹, известных с древнейших времен на обширной территории Европы и Азии. Это квадратное в плане и сужающееся кверху изделие, ошлакованное в верхней части, с двумя обломанными концами.

Сосуды второй группы преимущественно изготовлены тщательной ручной лепкой с помощью вращающейся подставки (иногда они станковой работы). Подавляющее большинство сосудов покрыто густым ярко-красным или красно-коричневым ангобом и часто поверх него — с полосчатым или сплошным лощением. Реже встречались сосуды с беловатым или бело-кремовым ангобом, с красноватым или кремовым черепком. Иногда у них снаружи видны следы красной или красно-коричневой краски; чаще всего это кувшины, кружки.

К первому виду (во второй группе) относим сосуды типа хумов и крупных горшкообразных сосудов с двумя вертикальными ручками. Абсолютное большинство их покрыто густым красным, красно-коричневым и темно-коричневым ангобом и лощением. Для них характерен небольшой подтреугольный или круглый в сечении венчик диаметром 22—43 см, иногда с желобком на внутренней стороне для крышки; горло часто отделено от покатых плечиков типичным для джетыасарской керамики уступом. Большая часть этих сосудов снабжена двумя прикрепленными к краю вертикальными ручками, овальными в сечении (рис. 15, 40—54).

Кувшины почти на всех джетыасарских

памятниках можно считать самым распространенным видом керамики (рис. 15, 55—73; 17, 26—33). Для описываемого этапа характерны красноглиняные кувшины, гораздо реже с кремовым в изломе черепком, хотя встречаются отдельные сероглиняные экземпляры той же формы, подавляющее большинство которых покрыто густым ярко-красным, красно-коричневым ангобом и полосчатым или сплошным лощением. Для всех кувшинов типичен слегка отогнутый наружу маленький круглый или подтреугольный в сечении венчик, иногда с желобком по внутренней стороне, с одним или (что встречается особенно часто) двумя симметрично расположенными по краю округлыми слювами, намеченными изнутри палочкой и оттянутыми пальцами. Горло высокое, обычно прямое, хотя у некоторых сосудов оно несколько расширяется книзу. Характерно и украшение по горлу горизонтальными полосами различного характера — от слабо прочерченных палочкой неровных линий на одних кувшинах до четких, глубоких и ровных горизонтальных каннелюр на других¹³². Чаще всего горло отделено от плечиков резким уступом, что очень типично и для других видов джетыасарской керамики (как и горизонтальные каннелюры). Плечики преимущественно крутые. Тулово очень раздуто и часто имеет форму, близкую к шарообразной. Однако есть кувшины, у которых наибольшее расширение приходится на верхнюю часть корпуса. Диаметр плоского дна равен диаметру венчика. Часть кувшинов снабжена одной петлеобразной ручкой, верхним концом прикрепленной под венчиком, а нижним — к месту перехода горла к тулову. Ручки эти овальные или подтреугольные в сечении, часто с выступом в верхней части. У других кувшинов со сферическим туловом на крутых плечиках прикреплены две широкие у основания и

¹³¹ См.: J. Dechelett Manuel d'archéologie Préhistorique celtique et Galls-Romaine, v. IV, ch. XI, § 1. Paris, 1927. На Кавказе и в Забайкалье, начиная с энеолита, распространены такие подставки прямоугольной или квадратной формы с заострениями на концах в виде рогов и сквозными отверстиями в центре (А. И. Кружлов, Г. В. Подвезский. Долинное поселение у Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 173, рис. 1; Е. И. Кружлов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 99, 101, рис. 40, 5, 6; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 122, рис. 42, 43). В Приднугавье и Приднепровье близкой формы подставки, часто оформленные на концах головами животных (копей или баранов), широко известны в памятниках второй половины I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э., связываемых исследователями с гето-дакийским населением (М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 129—132, рис. 6).

¹³² Орнаментация сосудов (часто кувшинообразных) мелкими горизонтальными каннелюрами по горлу зафиксирована в памятниках Молдавии, связываемых с гето-фракийской культурой (А. И. Мелюкова. Памятник скифского времени... стр. 68, рис. 20; она же. К вопросу о границе между скифами и гетами, стр. 68). Неоднократно встречен подобный орнамент в сарматских и аланских памятниках (И. В. Сивичев. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, стр. 45, рис. 16, 12; В. П. Шолов. Калининский курганский могильник. МИА, № 60, 1953, стр. 483, рис. 55, 7). Некоторые кувшины из Гавриловского городища, кроме горизонтального рифления на горле, имели и оттянутые на краю сосуда слювы (И. П. Погребова. Указ. соч., стр. 212, рис. 45, 4—6).

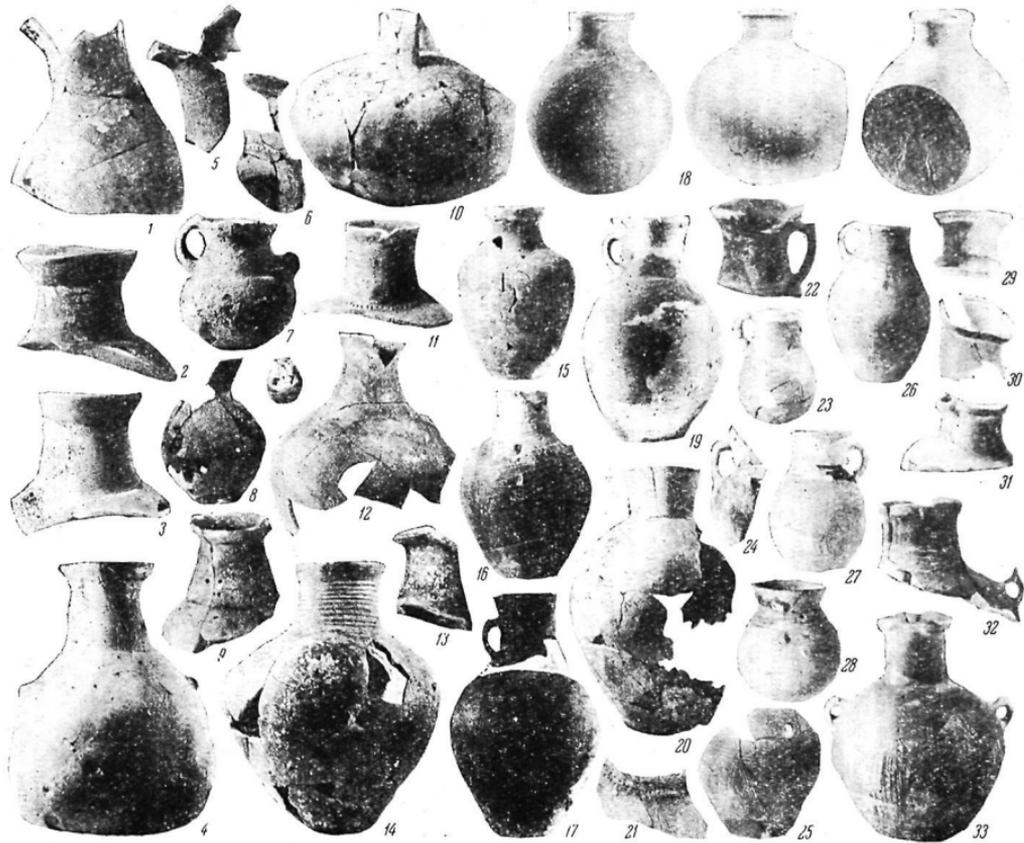

Рис. 17. Джугьасарская керамика второй группы

подтреугольные в сечении ручки с выступом наверху¹³³. Эти низко посаженные ручки имели, безусловно, и орнаментальное значение¹³⁴. Неоднократно встречены и кувшины с расположенными на тех же местах плечиков полукруглыми налепами или шишечками (рис. 15, 55—57, 66; 17, 16, 32—33).

Обязательная находка на всех джетысарских памятниках — это миски того же качества, что и кувшины, также покрытые густым красным, красно-коричневым ангобом и лощением (изредка находили миски и с белым жидким ангобом). Миски открытые, полушарной формы, с плоским или уплощенным дном. Край — обычно простой округлый или уплощенный; реже встречается выделенный круглый в сечении венчик. В одном случае найдена широко открытая миска с подтреугольными выступами над простым краем. Стенки обычно гладкие, но встречаются единичные экземпляры мисок с рифлением снаружи (рис. 15, 126—142). Вообще горизонтальное рифление на стенках сосудов (чаще крупных, типа хумов или горшков) обязательно на всех памятниках этого этапа. Характер же рифления различен — от неровных слегка прочерченных линий до глубоких каннелюр.

Почти на всех этих памятниках в керамике второй группы есть сосуды со сферическим туловом, вероятно, типа горшочков или кувшиночек, с маленьким дном и круглой впадиной в центре его (рис. 15, 76—79).

Кружки почти столь же распространены, как и кувшины (рис. 15, 80—122; 18, 21). Это тонкостенные сосуды, обычно красноглиняные или с кремовым в залеome черепком, с густым ярко-красным, красно-коричневым, местами темно-коричневым ангобом. Но встречаются и сероглиняные с темно-серым анго-

бом. Все они хорошо залощены и по общему облику чрезвычайно близки между собой, но по форме верхней части их можно подразделить на два типа: с выделенным маленьким круглым в сечении венчиком, близким к сферической форме туловом и очень маленьким уплощенным дном; с простым, иногда лишь чуть утонченным краем, с выраженным уступом, отделяющим различной высоты горло от корпуса, имеющего ту же форму, что и у первого типа. Встречены кружки как бы переходные между первым и вторым типами с резко выделенным горлом и круглым в сечении венчиком. Найдено несколько экземпляров кружек в форме полушарья с простым краем. Кольцевидные ручки, овальные или подтреугольные в сечении, прикреплены к тулову ниже венчика. Некоторые ручки снабжены выступом на верхней части. Встречены несколько ручек с налепами-шишечками (одной или двумя) и несколько зооморфных с изображением головы собаки, верблюда или лошади (с Унгурлы-асара, Топлак-асара, Кара-асара). Зооморфные ручки широко распространены в первые века н. э. в культурах сарматского времени Северного Кавказа, Крыма и Нижнего Поволжья¹³⁵. В Средней Азии они типичны для каучинской культуры, но там среди изображений господствует баран, собака же встречается в этих же районах и культурах в единичных случаях (четыре из Прикубья и Причерноморья, одна из района Ташкента)¹³⁶. Несколько отличается ручка со схематическим изображением собаки, как бы заглядывающей внутрь сосуда, из района Бухары¹³⁷. Кроме лощения, на единичных кружках отмечен орнамент в виде глубоко прочерченных вертикальных полос¹³⁸ (рис. 15, 80—86, 94—95).

¹³³ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. «Труды отдела первобытной культуры ГЭ», т. 1. Л., 1941, стр. 173 и сл.; Е. Г. Наспанян. Сарматские сосуды из Тирпатаки. СА. XV, 1951, стр. 248; М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками. СА. 1969, № 2, стр. 69—84; В. В. Виноградов. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. «Археологический сборник МГУ». М., 1961, стр. 32.

¹³⁶ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 34; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия Узб. филиала АН СССР», № 9. Ташкент, 1940, стр. 34, рис. 7.

¹³⁷ О. В. Обвальченко. К вопросу о времени возведения стены... стр. 24.

¹³⁸ Сосуды близкой формы с прочерченными вертикальными полосами и рифлением встречены в сарматских памятниках Поволжья (И. В. Сивичев. Указ. соч., стр. 26, рис. 10, стр. 29). Серо- и чернотелые кружки с выделенным горлом и

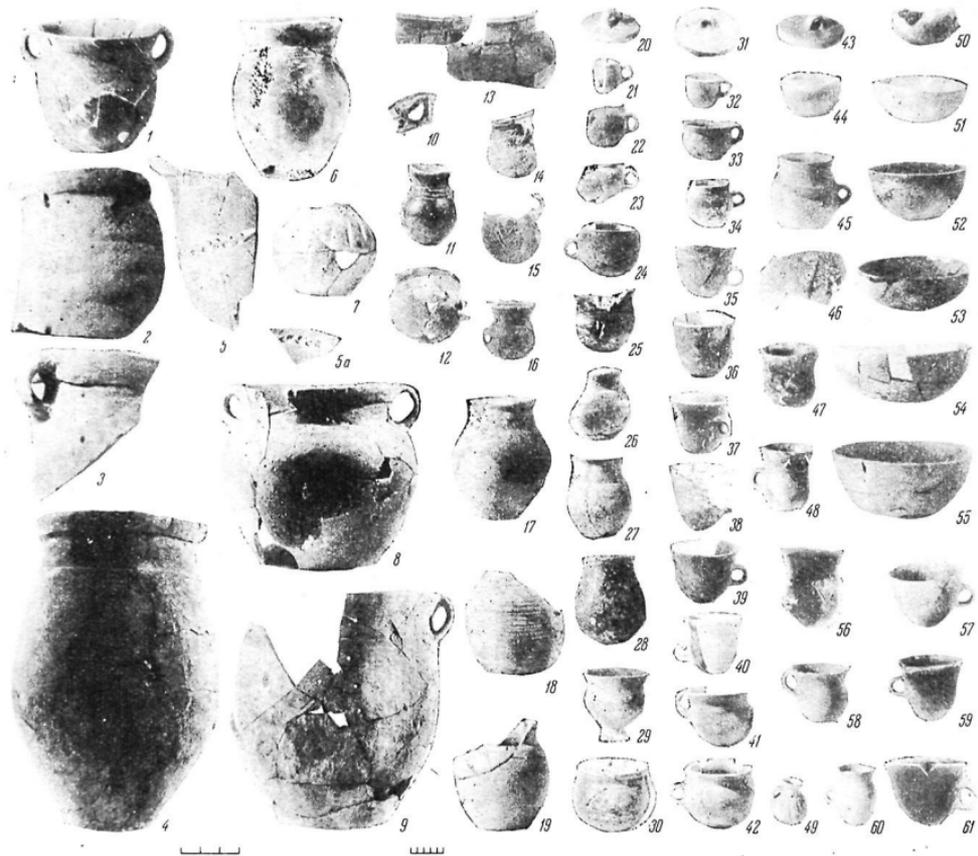

Рис. 18. Джетыгассарская керамика второй группы

Крышки, характерные для этого этапа, обычно покрыты беловатым ангобом, они плоские и имеют подпрямоугольный или полудругой выступ в центре, иногда — маленькую петлеобразную ручку (рис. 15, 123—125).

Отдельные фрагменты стенок сосудов с беловатым ангобом и красно-коричневыми потеками и мазками поверх него найдены на всех памятниках этого этапа. Единичны находки фрагментов сосудов с прорезным орнаментом.

Ко второму этапу, который может быть условно назван *Джеты-асар II*, относим керамику верхнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 (за исключением самых верхних слоев) и одновременных ему слоев Джеты-асара № 6, 7, 9, 11, Мойшпокты-асара.

По монетным находкам, некоторым аналогиям в керамике, предметам украшения и быта (каменным и стеклянным бусам, фрагментам стеклянных чаш византийского происхождения, бронзовым сергам, перстням, пряжкам, бляшкам от поясных наборов, железным наконечникам стрел и т. п.) этот этап может быть датирован в пределах IV—VII вв. н. э. (возможно, с конца III до начала VIII в.). Керамика этого этапа делится на те же группы, что и первого.

Сосуды первой группы по качеству не отличаются от керамики первой группы этапа Джеты-асар I. То же можно сказать о видах и в большей степени — об их типах.

Более половины первой группы керамики составляют горшки баночной формы с покатыми плечиками, плоским дном, диаметр которого значительно меньше диаметра края, без выраженного горла, но с особенно характерным удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком, резоко отогнутым наружу. Абсолютное большинство таких горшков украшено снаружи по венчику дунсонным орнаментом, рядами ямочных вдавлений, прямых и косых насечек¹³⁹, симметрично распо-

ложенными на венчике подтреугольными или подпрямоугольными налепами. Иногда также симметрично, но уже на тулове расположены налепы-пшпечки. В конце существования этапа появляется своеобразный способ отделки нижней части или половины подобных сосудов в виде нарочито грубой и небрежной обмазки толстым слоем глины, создающей видимость бессистемной ребристости. Изредка встречались сосуды с прорезным геометрическим орнаментом на тулове (рис. 15, 156, 166)¹⁴⁰.

Кроме горшков, геометрический прорезной и прочерченный орнамент в виде пересекающихся прямых линий, елочек, вписанных друг в друга треугольников, лестниц, вероятно, особенно характерен для кувшиновидных сосудов с раздутым туловом, часто с вертикальной ручкой, с лощением поверх темно-серого или коричневатого ангоба. К сожалению, мы не знаем полной формы подобных сосудов, но по фрагментам с большей долей вероятности можем предполагать, что она почти не отличалась от формы кувшинов второй группы керамики (рис. 15, 192—196; 17, 21).

Основная масса «сковород» сохраняет форму, характерную для предыдущего этапа. У некоторых «сковород» или «жаровен» этажа Джеты-асар II сверху над стенками есть выступы. На части «сковород», на наружной стороне днщ, имеются многочисленные отпечатки зерен (рис. 15, 177—182).

Наряду с продолжающими бытовать плоскими крышками с выступом-упором или петлеобразной ручкой в центре появились на этом этапе и конические крышки — также с выступом в центре и орнаментом в виде ямок и вдавленных полос (рис. 15, 170—176).

Котлообразные сосуды на массивных конических поддонах с вытянутым туловом, с характерным для этого этапа удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком и с выступающими над ним двумя подпрямоугольными ручками по форме и орнаменту на тулове, венчике и ручках в виде налепных вертикальных и горизонтальных полос и пшпечек, имитирующих швы и заклепки, могут быть отнесены к котлам «гуинского типа» и, безусловно, являются подражанием метал-

шаровидным туловом, украшенным вертикальными каннелюрами, типичны для раннеаланской культуры Северного Кавказа (В. А. Кузнецов. Аланские племена... стр. 60, 82—83, 108—109, рис. 15-A-1; 24-A-1; 27-A-1; А. А. Исесен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА. № 3, 1944, табл. 3, 3). В отличие от джетыасарских у аланских кружек вертикальная ручка прикреплена к краю; иногда кружки дополнительно орнаментированы налепными пшпечками.

¹³⁹ Можем отметить близкие по форме сосуды с утолщенными плоско срезаемыми венчиками, орнаментированными рядами косых насечек, из Монголии, района среднего течения р. Овона, да-

тируемые Ю. С. Гринпиным гуинским временем (Ю. С. Гриншин. Указ. соч., стр. 104, рис. 38, 1).
¹⁴⁰ Сероглиняные горчикообразные сосуды с полостью прорезного геометрического орнамента на тулове нередко встречаются на памятниках Монголии (В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, стр. 124, рис. 8, 6).

лическим (рис. 15, 183—186; 16, 15). Подобные котлы известны от Монголии и Китая до Венгрии. В Хакаско-Минусинской котловине глиняная имитация котлов на коническом поддоне с такими же ручками бытовала с переходного тагаро-таштыкского времени и до конца III этапа таштыкского периода¹⁴¹.

«Гунские» бронзовые котлы известны из района Ордоса Северной Монголии с реки Кирон¹⁴², из могильника Ноин-Ула¹⁴³. Бронзовые и поздравляющие им в глине котлы есть и в Туве¹⁴⁴. В могильнике Кокзаль найдено большое количество глиняных котлов, по виду наиболее близких джетысарским¹⁴⁵. По форме и орнаментации последним близки и бронзовые котлы из районов Поволжья, Силезии и Венгрии¹⁴⁶. И. Вернер, посвятивший «гунским» котлам раздел в своей работе датирует их V в. н. э.¹⁴⁷

Из других видов сосудов первой группы отметим также разнообразной формы светильники или курильницы на сплошном (в некоторых случаях значительной высоты) или, реже — на коническом поддоне. Иногда по бортику они украшены нарезками или же имеют несколько выступов над краем (рис. 15, 187—190; 16, 26—28).

И на этом этапе джетысарской культуры находим глиняные подставки для вертела или очажные подставки, относящиеся к тому же типу «рогатых кирпичей» (рис. 15, 197). В Средней Азии наиболее близкие по форме джетысарским подставки встречаются на Средней Сырдарье¹⁴⁸, в Хорезме, начиная с

периода ранней античности до афригидского времени¹⁴⁹. Следует отметить, что на Средней Сырдарье глиняные подставки с двумя вертикальными выступами или в виде головы быка появляются не раньше IV—V вв.¹⁵⁰

В керамике второй группы резко преобладают сосуды, изготовленные ручной лепкой с помощью вращающейся подставки.

Сосуды типа хумов и крупных горшкообразных сосудов с двумя вертикальными ручками покрыты густым красно-коричневым ангобом и лощением. У всех них — округлое, а иногда довольно вытянутое тулово, плоское дно, диаметр которого гораздо меньше диаметра края, невысокое, слабо выраженное горло, покатые плечики и отогнутый наружу удлиненно-подпрямоугольный в сечении венчик. К венчику обычно прикреплены верхним концом две крупные петлеобразные ручки, иногда с выступами по бокам оснований, с рассеченным валиком или с выступами на верхней части. Ручки в сечении — подпрямоугольные, овальные или подтреугольные. Встречены отдельные сосуды с двумя маленькими ручками, прикрепленными к нижней части венчика и плечикам, и сосуды, у которых на нижней части венчика и плечиках — уже лишь рудименты ручек в виде полукруглых сплошных наделов с небольшими вмятинами с боков. Кроме отмеченных орнаментальных приемов, на сосудах этого вида встречены полосы горизонтального рифления под венчиком, налечные валики с насечками, волнистые валики в форме змеи, шишечки (рис. 15, 198—206; 18, 2—5, 8—9).

Кувшины продолжают оставаться самым распространенным из видов сосудов второй группы. Подавляющее большинство их покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением. Кувшины в принципе сохраняют ту же форму и пропорции, что и на предыдущем этапе. Отметим лишь появление и полное господство кувшинов (преобладают весьма крупные сосуды) с отогнутым наружу удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком. По краю этих венчиков симметрично расположены округлые в плане сливы. Неподобно встречено на высоком горле таких кувшинов и различного характера горизонтальное рифление. Горло отделено от корпуса четким уступом, а иногда и валиком с насечками. Характерно и приближающееся к шаровидному или сильно раздутое с на-

¹⁴¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 430, табл. XXXVIII, 7, 9, 10; XXXIX, 6; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха..., стр. 41, стр. 10; 16, 6; 23, 1—3; 26, 1—8 и др.; М. А. Давлет. О тагаро-таштыкских взаимоотношениях. СА. 1961, № 4, стр. 82, рис. 1, 11.

¹⁴² Г. П. Сосновский. О поселении гунской эпохи..., стр. 38, рис. 28.

¹⁴³ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 36, рис. 296; стр. 37.

¹⁴⁴ С. И. Вайнгейн. Памятники скифского времени в Западной Туве. Кызыл, 1955, рис. 63, 103; С. И. Вайнгейн, В. П. Дьяконова. Указ. соч., табл. IV—VI; С. И. Вайнгейн. Раскопки могильника Кокзаль..., стр. 77, табл. III; В. П. Дьяконова. Указ. соч., табл. IV, 9, 10; VI, 2—7.

¹⁴⁵ С. И. Вайнгейн. Раскопки могильника Кокзаль..., стр. 61, рис. 95.

¹⁴⁶ J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, tabl. 7, 10, 11; 28.

¹⁴⁷ Ibid., S. 58—61.

¹⁴⁸ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 72, табл. XI, рис. 85, Е. И. Агеева, Г. И. Пащенко. Указ. соч., стр. 166, рис. 86; стр. 167; Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. Сб. А. Г. Максимова, М. С. Мерцеев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, табл. I, IV.

¹⁴⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 53.

¹⁵⁰ Подставки такой формы отсутствуют, например, на городище Ак-тобе 2, но часто встречаются на сменяющем его городище Шаушукум-тобе.

побольшим диаметром в верхней трети тулова с крутыми плечиками и дном, диаметр которого равен диаметру края. Однако на данном этапе появляются кувшины с удлиненным вытянутым туловом, с покатыми плечиками. Часть их снабжена одной петлеобразной вертикальной ручкой (иногда с выступом наверху), прикрепленной к горлу. Широко распространены (преимущественно у сосудов с сильно раздутым туловом) симметрично расположенные на плечиках наделы, имитирующие ручки. Встречаются наделы полукруглой формы, обращенные высокой стороной кверху, а часто просто шишечки, одиночные, двойные или тройнички, иногда обрамленные полукруглым валиком сверху и изредка чередующиеся с подтреугольными наделами (рис. 15, 207—231; 17, 2—4, 11, 12, 14).

На кувшинах той же формы, но сероглиняных, покрытых темно-серым и серым ангобом и лощением, встречается прорезной и прореченный геометрический орнамент в виде различных сочетаний ломаных линий; иногда под горлом проходит валик, по обе стороны которого — два ряда неглубоких ямок (рис. 15, 227—230).

Миски этапа Джеты-асар II, покрытые густым красно-коричневым ангобом и лощением, в принципе сохраняют ту же форму, что и на предыдущем этапе: полусферические с простым краем, со стенками, плавно идущими ко дну. Но появляются и миски с характерным удлиненным и утолщенным внутри венчиком, под которым внутри сосуда проходит небольшой уступ (рис. 15, 263—278).

Среди кружек наряду с продолжающимися бытовать двумя типами, характерными для предыдущего этапа, появляются и резко преобладают широко открытые кружки с маленьким уплощенным дном, с прямыми или округлыми стенками (в последнем случае их корпус близок к шаровидному), с кольцеобразными ручками на тулове, часто со шпешком для прикрепления, с простым, чуть утонченным отогнутым наружу краем. Большинство этих сосудов — сероглиняные, покрытые темно-серым до черного ангобом и лощением. Украшены они прорезным или прореченным орнаментом в виде сочетания прямых и зигзагообразных линий (рис. 15, 232—252). Небольшую часть составляют кружки с раздутым туловом и резко отогнутым краем, к которому прикреплена вертикальная ручка. На горле — горизонтальное рифление (рис. 15, 236; 18, 11, 14). Такая кувшиновидная форма встречается иногда и

среди горшков без ручек с нешироким рифлением на верхней части плечиков. Возможно, к концу этапа Джеты-асар II относятся горшки с рифлеными венчиками.

Продолжают бытовать плоские крышки с различной формы выступами или петлеобразной ручкой, орнаментированные ямками и вдавленными полосками, но на этом этапе появляются и конические крышки, иногда также с выступами в центре (рис. 15, 253—260).

Отметим, что и на этапе Джеты-асар II на всех памятниках находим небольшое количество сосудов, покрытых беловатым жидким ангобом, поверх которого нанесены красно-коричневые мазки и потеки (рис. 15, 287).

К третьему, последнему, этапу существования джетыасарского комплекса — Джеты-асар III — относим керамику таких памятников, как Сарлы-асар, Ак-тобе, Ак-курган, Ахмед-кала, Большой Кара-асар, очевидно, некоторые слои Мойшоқты-асара, самые верхние слои «Большого дома» Алтын-асара, Джеты-асаров № 4, 11. По аналогиям в посуде и некоторым предметам украшения и быта (бусам, бляшкам, пряжкам от поясных наборов и т. п.) этап датруется с конца VII, возможно, с начала VIII по IX в. Керамика в основном изготовлена ручной лепкой. Для этого этапа характерно и некоторое огрубение керамики второй группы.

Среди сосудов первой группы также преобладают горшки, по качеству и форме подобные встреченным на предыдущем этапе. Но здесь появляются некоторые новые элементы и в форме венчиков, и в орнаментации их. Наряду с продолжающим бытовать характерным для предыдущего этапа удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком здесь у подавляющего большинства горшков венчик — в виде простого или слегка утолщенного края. Реже встречаются подтреугольные в сечении, но также орнаментированные снаружи. Часть горшков украшена снаружи по венчику рядами ямочных вдавлений, прямых или косых насечек, симметрично расположенных наделов. Но в этом комплексе появились и прорезной орнамент в виде елочки, зигзагообразной линии, иногда сочетающейся с точечными вдавлениями, а также, что особенно характерно, прикрепленный снаружи на 0,5—1 см ниже края наделной валик с насечками и зацепками. На типичных для предыдущих этапов выступах-наделах также появились насечки и нарезки. Широко распространяется возникший в конце этапа Джеты-асар II орнаментальный прием в виде на-

рочно грубой глиняной обмазки нижней части сосуда. Но здесь уже видны четко выраженные вертикальные и наклонные канелюры. Некоторые из сосудов (возможно, горшки или кувшины) по тулову украшены прорезным геометрическим или вдавленным ямочным узором (рис. 15, 290—317, 326—329).

К первой группе керамики можно отнести и часть сосудов типа широко открытой почти конической формы мисок с простым краем, иногда достигающих значительных размеров. Они также покрыты темно-серым ангобом и подложены, но иногда снаружи нанесена дополнительно горизонтальными и наклонными полосами нарочито грубая глиняная обмазка, начинающаяся на 5 см ниже края. Внутри других мисок имеются полуовальные выступы для крышек; у третьих — защипы или насечки у края (рис. 15, 325, 420—421).

Весьма характерны для этапа Джеты-асар III крышки конической формы с простым краем, а иногда и с выступом-упором в центре. Они покрыты сероватым ангобом и лощением, богато украшены сверху и по краям наколотым, вдавленным или прорезным и прочерченным, в основном геометрическим, орнаментом (в виде сеточек, различных сочетаний прорезных линий и наколов) (рис. 15, 318—323).

Большинство сосудов второй группы и на этом этапе изготовлено ручной лепкой с помощью вращающейся подставки.

Хумы, крупные горшкообразные сосуды (обычно красноглиняные, реже — с кремовым в изломе черепком) снаружи чаще всего покрыты густым коричнево-красным до темно-коричневого и черного цвета ангобом, а иногда и лощением (рис. 15, 330—339). Изредка встречается беловатый ангоб. Форма этих сосудов повторяет в принципе сосуды предыдущего этапа, отличаясь лишь некоторыми деталями. Так, наряду с удлиненно-подпрямоугольным в сечении венчиком встречаем сосуды и с подтреугольным или простым, иногда лишь слегка утолщенным краем. Характерен орнамент на нижней части наружной стороны таких венчиков в виде защипов или налешного валика с насечками. Немалая часть подобных сосудов снабжена двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к венчику.

К венчику же прикреплялись и парные ручки у горшкообразных сосудов, значительно меньших по размерам, чем упомянутые выше. Среди этих горшков, изготовленных

как ручной лепкой, так и станковой работы, есть и сероглиняные с серым ангобом, и красноглиняные или с кремовым черепком и с красноватым или беловатым ангобом. Верхним концом ручки прикреплены к подпрямоугольному или круглому в сечении, реже — к профилированному венчику. Часть ручек украшена сверху налепом-шпичкой, часть связана с зооморфными изображениями. Один из подобных сосудов с профилированным венчиком, прямой шейкой, резким уступом отделенной от корпуса, и с зооморфными ручками был украшен по горлу и верхней части плечиков прорезным геометрическим орнаментом (рис. 15, 342; 18, 13).

Как и на других этапах, кувшины составляют один из самых распространенных видов керамики. Качество их то же, что и на предыдущем этапе. Подавляющее большинство покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением. Формы и пропорции чрезвычайно близки кувшинам этапа Джеты-асар II: у них высокое горло, часто расширяющееся книзу и отделенное от плечиков уступом, плоское дно, диаметр которого равен или меньше диаметра края, высокое, узкое, с резко покатыми плечиками тулово, небольшая ширина которого приходится на верхнюю треть его высоты, форма тулова как бы непосредственно связана с формой одного из двух вариантов кувшинов предыдущего этапа, по еще более вытянута и менее раздута. Венчики кувшинов третьего этапа имеют отогнутый раструбом простой, лишь несколько утолщенный край. На венчиках изредка встречаются и характерные для более раннего времени небольшие парные сливы округлой формы, но господствуют симметрично расположенные (всего четыре) по краю выступы, обращенные внутрь сосуда, а снаружи отмененные лишь неглубокими вдавлениями. Сами выступы, уже не округлые, а подтреугольные в плане, имеют лишь орнаментальное значение (рис. 15, 347—361; 366; 17, 5, 6, 13).

Наряду с подобными декоративными сливами встречены кувшины, снабженные по краю настоящим (одинарным) весьма глубоким сливом. С внутренней стороны края слива имелись наклонно расположенные выступы, а снаружи, с противоположной стороны, — прикрепленная верхним концом к краю ручка (рис. 15, 362—364). Преобладают крупные по размерам сосуды. К этапу Джеты-асар III, видимо, можно отнести и небольшие сероглиняные кувшины станковой работы, с прикрепленной под венчиком руч-

кой и прорезным геометрическим узором на верхней части тулова (рис. 15, 366). Резко сокращается количество кувшинов с прорезными горизонтальными полосами на горле (рис. 15, 355).

Различной величины открытые миски с округлыми стенками, иногда с нерезким перегибом нижней части тулова, покрыты густым красным, красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 15, 414—421). Близкую им форму имели и мисочки или чаши, покрытые густым красно-коричневым местами до черного ангобом и лощением (рис. 15, 399—410). Новое для джетыасарской керамики на третьем этапе — это появление сосудов типа крупных мисок или тазов (вероятно, типа тагара) с резко отогнутым почти под прямым углом к стенкам венчиком, широким плоским бережком, иногда украшенным каплями ангоба или прорезным геометрическим орнаментом (рис. 15, 411—413).

Среди кружек наибольшее распространение получают тонкостенные сосудики с простым отогнутым, лишь чуть утонченным краем стенки горла, который отделен от тулова резким уступом. Эта форма кружек с густым ярко-красным, красно-коричневым, иногда до черного ангобом и лощением непосредственно связана с одним из характерных джетыасарских типов кружек, но отличается несколько более вытянутыми пропорциями, менее раздутым туловом и своеобразным спосо-

бом прикрепления кольцевидной ручки, глубоко вдавленной в стенку тулова. Небольшую часть находок составляют продолжающие бытовать широко открытые кружки с округлым туловом, но с петлеобразной ручкой, идущей от края и иногда поднимающейся выше края сосуда. Встречены отдельные экземпляры кружек цилиндрической формы с маленькой петлеобразной ручкой, с густым красным ангобом и лощением. У некоторых кружек — петлеобразные ручки с плоской многогранной площадочкой на верхней части (рис. 15, 367—396; 18, 16).

На памятниках этапа Джеты-асар III в керамике второй группы найдены лишь конической формы крышки с простым краем, иногда с выступом-упором в центре (рис. 15, 397, 398).

Из орнаментальных приемов, характерных и для описываемого этапа, отметим шпечки на стенках крупных и мелких сосудов. Так же типичен и прорезной геометрический орнамент в виде вписанных друг в друга незамкнутых треугольников. На стенках некоторых крупных сосудов отмечен штампованный орнамент в виде симметричных рядов полулунных вдавлений, прямых параллельных полос и растительного узора (рис. 15, 422—430, 432—437). На этом этапе впервые в джетыасарской культуре появляются единичные фрагменты глиняных столиков — достарханов (рис. 15, 431).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В VII—IX ВВ. Н. Э.

Если для первых этапов джетыасарской культуры территория ее распространения, судя по известным нам в настоящее время памятникам, ограничивалась пределами джетыасарского урочища (отмеченные выше культурные связи представляют собой явление несколько иного порядка, чем коренное изменение территории культуры), то на третьем этапе происходит передвижение больших масс джетыасарского населения в дельты Амударьи и Сырдарьи, что значительно расширяет территорию распространения комплекса джетыасарской культуры в конце VII—IX в. В дельте Амударьи этот культурный комплекс получил название «кердерская культура»¹⁵¹ и был первоначально дати-

рован VI—VIII вв.¹⁵² Но последние исследования позволили уточнить нижнюю дату — не древнее конца VII в. «Кердерская культура», по нашему мнению, как и по существу характеристики ее, данной авторами раскопок, представляет собой механическое соединение двух культурных комплексов: местного хорезмийского (афригидского времени) и комплекса Джеты-асар III (с примесью небольшого числа определенных элементов, ха-

березной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг. МХЭ, вып. 6, 1963; В. Н. Яодин. К вопросу о локализации Кердера. «Вестник Каракалпакского филиала АН Узб. ССР», 1963, № 2 (12); *оп. же.* Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи. Автореф. канд. дисс. М., 1963; А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964.

¹⁵² Е. Е. Неразук, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 142.

¹⁵¹ А. В. Гудкова, В. Н. Яодин. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г.; *они же.* Археологические исследования в право-

рактерны для среднесырдарьинских культур), что, очевидно, отражает этническую пестроту данного района в тот период. С аналогичным явлением встречается и в дельте Сырдарьи на «болотных городищах», где прослеживаются уже три соединенных одновременных керамических комплекса (чисто джетыасарский, ассимилированный джетыасарцами семиреченский и в гораздо меньшей степени, чем в дельте Амударьи, — афригидский). Несмотря на то что указанные керамические комплексы существуют самостоятельно, в отличие от районов амударьинской дельты здесь отмечаем тесное взаимодействие джетыасарской и семиреченской групп.

Городище Кескен-Куюк-кала. Еще в 1867 г. П. И. Лерх посетил городище Джанкент (Янгикент), расположенное близ современного устья Сырдарьи¹⁵³. Но лишь в 1946 г. этот район был впервые подвергнут археологическому обследованию на современном научном уровне авиамаршрутным отрядом Хорезмской экспедиции во главе с С. П. Толстовым. Тогда же были открыты три крупных городища этой культуры — Джанкент, Кескен-Куюк-кала, Большая Куюк-кала. Культура их впоследствии получила название культуры «болотных городищ»¹⁵⁴. Городища расположены на болотистом плоском треугольном полуострове или, точнее, острове, лежащем к югу от Казалинска и ограниченном с севера Сырдарьей, с запада — Аральским морем и с юго-востока — болотистыми камышовыми плавнями, в которые впадает старорежь Кувандарьи. Остров пересечен многочисленными старыми руслами протоков древней дельты¹⁵⁵.

В 1946 г. городища подверглись наземному обследованию, здесь был собран подъемный материал. В 1958 г. с самого крупного из них — Кескен-Куюк-калы — был вторично собран материал московским биологом В. М. Смирным. В 1963 г. на Кескен-Куюк-кале проведены разведывательные раскопки и тщательное обследование весь памятник.

Городище это неправильно округленных очертаний (размером 500×700 м), оно окружено стеной из сырцового кирпича и вытянуто с востока на запад. Внутри него, ближе к северной части, расположен квадратной формы бугор цитадели, поднимающийся на 3 м над уровнем городища и сплошь застроенный помещениями из сырцового кирпича

ча¹⁵⁶. Подробное описание планировки всех трех городищ дано в работах С. П. Толстова¹⁵⁷, поэтому здесь не будем касаться этого вопроса.

В нашу задачу не входит также и исследование всего керамического комплекса «болотных городищ». Отметим только, что керамика Кескен-Куюк-калы и Большой Куюк-калы однотипна, в то время как Джанкент дает и более позднюю керамику, относящуюся ко времени развитого средневековья. Рассмотрим материалы Кескен-Куюк-калы, не затронув сборы на цитадели, которые могут частично также относиться к более позднему времени¹⁵⁸. В нашем распоряжении находились материалы 1946, 1958 гг., а также особенно полные — 1963 г. По сообщению Б. И. Вайнберг, керамика, полученная в результате раскопок городища, дала те же типы, какие были встречены и среди подъемной керамики. То же самое можно сказать и о других находках, составляющих своеобразный, но единый и типичный комплекс в твердых хронологических границах. Это в первую очередь относится к богатейшей коллекции каменных и стеклянных бус, бронзовых серег, перстней, бляшек и т. п. Среди многочисленных бус наибольший процент приходится на долю сердоликовых, хорошей шлифовки, темно-розового, иногда оранжевого цвета. Здесь находим и круглые бусы, аналогичные характерным для джетыасарской культуры этапа Джеты-асар II, но в отличие от последних на Кескен-Куюк-кале найдены лишь единичные экземпляры крупных бус лучшей шлифовки, а подавляющее большинство составляют граневые (рис. 4, 1—10). Как установили исследования В. Б. Деоник, этот факт служит определенным хронологическим показателем для VIII—IX вв.¹⁵⁹ Большинство кескенкуюккалинских сердоликовых бус аналогичны найденным в северо-кавказских и крымских могильниках VIII—IX вв. Это относится и к сердоликовым четырнадцат-

¹⁵⁶ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 62—64, рис. 8—10; *он же*. По следам..., стр. 241, рис. 80, 1.

¹⁵⁷ С. П. Толстов. Города гузов..., стр. 57—71; *он же*. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 180—181; *он же*. По следам..., стр. 240—243.

¹⁵⁸ К сожалению, у нас нет данных в пользу этого предположения. А к отдельным очень редким находкам фрагментов поливной керамики приходится относиться осторожно ввиду близкого соседства цитадели Кескен-Куюк-калы со средневековым поселением.

¹⁵⁹ В. Б. Деоник. Классификация и хронология аланских украшений. МИА, № 114, 1963, стр. 136, 138.

¹⁵³ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

¹⁵⁴ С. П. Толстов. Города гузов..., стр. 57—65.

¹⁵⁵ Там же, стр. 58; *он же*. По следам..., стр. 241.

тигранным, и шестигранным бипирамидальным бусам¹⁶⁰, и к плоским монетовидным, и той же формы, но из белого камня (рис. 4, 1—28)¹⁶¹. В Дагестане и Центральном Предкавказье в памятниках VI—VIII и особенно VIII—IX вв. находят аналогии и вытянуто-эллипсоидной формы бусы из сердоникса (ленточный агат)¹⁶². В. Б. Деоник считает их восточным импортом (индоиранским). Неоднократно встреченные в кескенкуюккалинском комплексе стеклянные многоцветные бусы аналогичны бусам из северокавказских и крымских могильников того же времени (рис. 4, 11, 21, 22, 24). Так, полосчатые бусы аналогичны найденным в могильниках Салтово, Чми VIII—IX вв.¹⁶³. Глазчатые, относящиеся к типу зонных (из чередующихся красных, желтых и белых полос), округлые по форме, также встречаются в основном лишь в могильниках VIII—IX вв.¹⁶⁴. Мозаичные бусы с желто-красными глазками, окаймленными желто-зелеными респичками, найдены на Северном Кавказе, в Подунавье в памятниках VIII—IX вв.¹⁶⁵, причем некоторые авторы считают центром производства их Южную Россию.

Из других предметов украшения отметим бронзовые серги салтовского типа, пряжки, бляшки, наконечники от поясного набора «гунно-аварского» типа и колокольчики в виде двух соединенных полушарий (рис. 19, 18—34, 36, 38—44). Все они распространены в VI—IX вв.¹⁶⁶. На Кескен-Куюк-кале найдены и монеты: тюркешская VIII в., китайская — династии Тан VII в., бухар-худат-

ская поздняя (плохо определяемая), хорезмийские — конца VII — начала VIII в. и иногда хорезмийские VIII в. Таким образом, рассмотренный комплекс находок городища довольно прочно укладывается в пределах VIII—IX вв., очевидно, захватывая частично VII в., что менее вероятно, начало X в.

Керамический комплекс городища отличается своеобразием. Основная масса керамики изготовлена без применения гончарного круга из плохо отмоленной и промышленной глины чрезвычайно неравномерного обжига. По качеству глины и характеру обжига подавляющее большинство сосудов для хранения и переноски воды, зерна и т. п. и часть так называемых «столовых» почти невозможно отличить от «кухонных».

Значительный процент среди кескенкуюккалинских горшкообразных сосудов, которые по качеству и выделке должны быть отнесены к первой группе керамики, составляют горшки (крупные), по форме полностью идентичные джетысарским этапа Джеты-асар II и III. У них также округлое тулово, резко покатые плечики, часто без выделенной шейки, с крупным отогнутым наружу удлинено-подпрямоугольным в сечении венчиком, диаметром 20—45 см. Часто по венчику нанесен прорезной и вдавленный орнамент в виде ряда прямых или косых насечек, ямочных вдавлений, рядов параллельных зигзагообразных насечек или горизонтальных или вертикальных елочек, симметричных подтреугольных или подпрямоугольных налепов (рис. 20, 1—17). Такие венчики, как и форма и даже отделка в виде сероватого или коричневатого ангоба и лощения на поверхности и ornamentации по венчику рядами косых или прямых насечек, ямочных вдавлений, симметрично расположенных налепов, характерны для джетысарской керамики, начиная с этапа Джеты-асар II. Узоры по венчику в виде зигзагообразной линии, горизонтальных рядов елочек и налепов с насечками по ним встречались на памятниках этапа Джеты-асар III. Встречался здесь же и своеобразный способ отделки нижней части или половины сосуда нарочито грубой глиняной обмазкой. Прием этот, появившийся в конце стадии Джеты-асар II, был широко распространен на последнем этапе джетысарской культуры на территории урочища, где приобрел вид организованных вертикальных и наклонных канделур. Последний прием ornamentации характерен и для многочисленных горшкообразных сосудов с городища Кескен-Куюк-кала (рис.

¹⁶⁰ В. Б. Деоник. Классификация и хронология алашских украшений, стр. 5, 69; В. Б. Деоник. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв., стр. 214, рис. 2, 4, 7.

¹⁶¹ В. Б. Деоник. Классификация и хронология алашских украшений, стр. 139, рис. 5, 10.

¹⁶² Там же, стр. 140, рис. 5, 17.

¹⁶³ В. Б. Деоник. Классификация бус Юго-Восточной Европы..., стр. 226, рис. 5, 29.

¹⁶⁴ Там же, рис. 5, 23.

¹⁶⁵ Там же, стр. 230, рис. 5, 48.

¹⁶⁶ Пряжки, наконечники и бляшки от поясных наборов, как и ряд других предметов украшения с городища Кескен-Куюк-кала (рис. 19, 18—44), относятся к тем же типам, что и находки из раскопок «Большого дома» Джеты-асара № 3 (рис. 19, 1—17). Но датировать большинство вещей из Кескен-Куюк-калы можно более поздним временем, чем те же предметы из Джеты-асара № 3, т. е. VIII—IX вв. (В. Б. Ковалева. К вопросу о «поломской культуре». «Древности Восточной Европы», МИА, № 169, 1969, стр. 86—88, рис. 1, 2; С. А. Пастеева. От конечий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967, стр. 140—143, рис. 36).

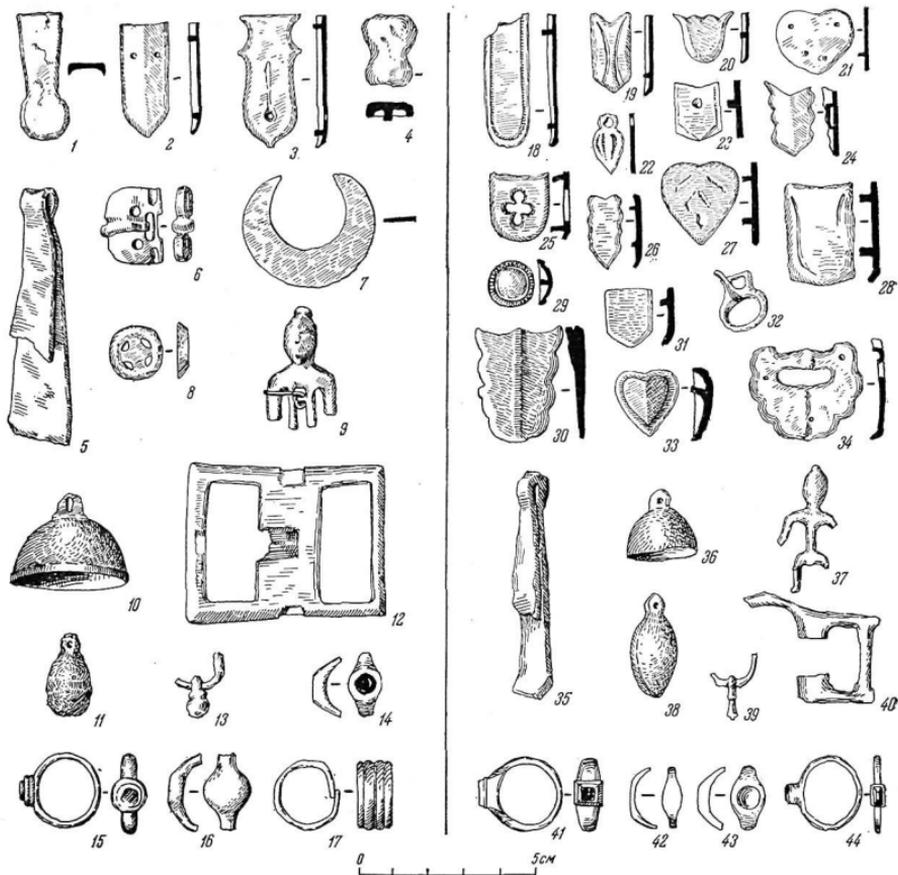

Рис. 19. Находки с городищ Дзеты-асар № 3 и Кескен-Куюк-кала
 1-17 — Дзеты-асар № 3; 18-44 — Кескен-Куюк-кала

20, 51). Такую же отделку нижней части (более половины) сосуда мы находим и на некоторых крупных горшках с двумя или тремя ручками, которые по качеству и выделке, как упоминалось выше, тождественны «кухонным», а по форме и украшению — горшкам второй группы. Так, например, на полу одного помещения в верхнем культурном слое на городище вместе с некоторыми другими сосудами и тюркешской монетой найден крупный горшкообразный сосуд (по сообщению Б. И. Вайнберг, расчистившей это помещение) с тремя петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными под крупным, отогнутым наружу, удлинено-подпрямоугольным в сечении венчиком диаметром 46 см. Верхняя часть резко асимметричного сосуда (высота его более 70 см) покрыта густым коричнево-красным ангобом и подложена. Ангоб из-за неравномерности обжиги на большей части поверхности принял темно-серый цвет. Несколько выше наиболее широкой части корпуса сосуда проходит неровная горизонтальная полоса арочных вдавлений, сделанных нажимом пальца по сырой глине, ниже ее тулово обмано толстым слоем глины, по которой проведены наклонные и вертикальные полосы (рис. 21, 82). Между двумя ручками под венчиком на сосуде помещено наленное изображение человеческой фигурки, также аналогичное изображениям, известным по находкам в джетыасарском урочище. Как и описанные выше «кухонные» горшки, этот сосуд не отличается (кроме качества выделки, резкого огрубения) от типичных джетыасарских этапа Джетыасар III¹⁶⁷. Именно на этом этапе джетыасарской культуры впервые появляется орнамент в виде наленного валика с насечками или зацепками на нижней части наружной стороны венчика. Он очень широко распространен в кескенкуюккалинском комплексе на крупных, а чаще мелких горшках той же формы, также подощенных по серому или коричневому ангобу (рис. 20, 30, 32—37).

Нередко такой наленной валик с насечками сочетается с прорезным елочным орнаментом по венчику или под ним (рис. 20, 30). Вообще различные сочетания вертикальных и горизонтальных рядов елочного орнамента на сравнительно небольших подтре-

угольных в сечении венчиках и под ними чрезвычайно характерны для керамики кескенкуюккалинского комплекса¹⁶⁸. Часто такие сосуды имеют налеты-выступы на венчиках, а на тулове (ниже покатых плечиков) — сплошные ряды вдавленных ямок или же чаще всего очень богатый и разнообразный прорезной растительный орнамент в виде различного сочетания волнистых линий, листьев, лепестков. Иногда эти узоры заштрихованы параллельными линиями, клеткой, заполнены насечками, вдавлениями (рис. 20, 5, 18—31, 38, 42—48, 87—100).

Многие аналогичные элементы такого орнамента встречаются при раскопках городищ VI—VIII вв. в Западном Семиречье на сосудах с аналогичным ангобом и лощением¹⁶⁹, а в одном случае — с наленным же изображением человека.

Как уже указывалось, в кескенкуюккалинском керамическом комплексе растительный орнамент встречен преимущественно на небольших и средних по размерам горшках баночной формы с резко покатыми плечиками и округлым туловом (рис. 20, 38, 46—48). Такой же орнамент — и на сосудах с раздутым туловом, отделанным резким уступом от невысокого, отогнутого наружу горла, прямо переходящего в простую, чуть утонченный край (рис. 20, 44, 45). Они покрыты темно-серым и черным ангобом и лощением. Подобным же темно-серым до черного ангобом и лощением покрыты и относительно крупный двуручный горшок с резко отделанным от горла раздутым туловом и простым, чуть утолщенным отогнутым венчиком диаметром 30 см. К венчику верхним концом прикреплены две круглые в сечении ручки. Тулово тоже украшено прорезным растительным узором (рис. 20, 86).

Судя по отдельным фрагментам, таким же прорезным орнаментом украшены по тулову и кувшины; иногда они бывают с одной петлеобразной вертикальной ручкой (рис. 20, 42, 83). Часто кувшины на противоположной от ручки стороне снабжены одним глубоким сливом на краю. С внутренней стороны сливы сопровождался наклонно расположенными выступами (рис. 21, 18, 24—27). Подобные сосуды полностью аналогичны найденным на Сарлы-асаре и одновременным ему

¹⁶⁷ Надо отметить также, что и на самой территории джетыасарского урочища на этапе Джетыасар III наблюдается огрубение сосудов, когда по выделке некоторые из них — типа мисок, тагара и других — могут быть отнесены к первой группе.

¹⁶⁸ Отметим, что прорезной елочный орнамент широко распространен в Семиречье в VI—VIII вв. См.: А. Н. Бершигам. Чуйская долина, табл. LIV, LVI.

¹⁶⁹ К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.), стр. 13.

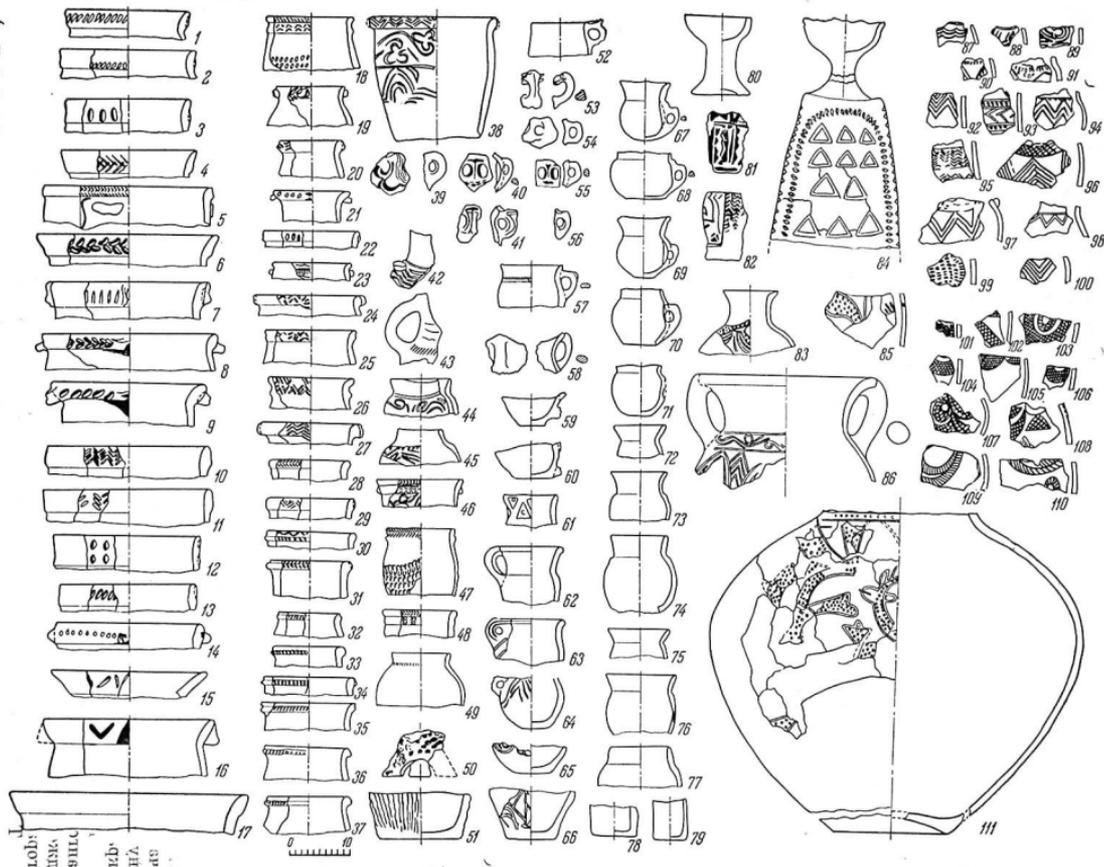

Рис. 20. Керамика городища Кескен-Куюк-кала

джетыасарских городищах. Там же находим и уже подтреугольные в плане симметрично расположенные по краю сливы-выступы, обращенные внутрь сосуда. Край кувшина резко отогнут наружу и представляет собой простое, иногда чуть утолщенное продолжение стенки (рис. 21, 3, 22, 23, 66). Не только форма, но и качество этих кувшинов тождественны джетыасарским третьего этапа. Эти сосуды тоже хорошей ручной лепки с густым коричнево-красным ангобом и лощением. Новым в определенной степени можно считать орнаментацию на петлеобразной, овальной в сечении ручке, прикрепленной верхним концом к краю сосуда или чуть ниже края. По спинке ее идут насечки или несколько выступов (рис. 21, 28, 32).

Часть кувшинов — без ручек. Вместо них под горлом помещены симметричные налепы-выступы, чрезвычайно характерные для джетыасарской культуры. Они овальной или подтреугольной формы с обращенной вверх наиболее высокой частью. Овальные налепы часто сжаты с боков, а иногда и украшены продольным центральным гребнем с насечками или ямочными вдавлениями не только с боков, но и снизу и сверху (рис. 21, 69—79). Некоторые из таких подтреугольных или овальных налепов украшены как бы продолжающимися их тяжками, оканчивающимися тремя налепными кругами (рис. 21, 80, 81). Иногда подобные ложные ручки-налепы сочетались с налепным же украшением на тулове в виде валика с насечками и шпичечек (рис. 21, 65, 66). Такое сочетание отметим, например, на одном из найденных целых кувшинов с крупным, типичным для поздних этапов джетыасарской культуры отогнутым раструбом утолщенным и резко удлиненным венчиком, с высоким горлом, расширяющимся к тулову и отделенным от него традиционным для джетыасарского комплекса уступом. К последнему прикреплены два симметрично расположенных подтреугольных выступа, соединенных между собой горизонтальным плоским налепным валиком с насечками (рис. 21, 66). Тулово этого кувшина низкое, призматическое, но наиболее широкая часть также приходится на верхнюю половину, а диаметр плоского дна равен диаметру края.

И по отделке (густой коричнево-красный ангоб и лощение) этот кувшин тождествен джетыасарским, но качество теста и выделка гораздо грубее.

Те же пропорции, отделку и качество имеет и другой кескенкуяккалинский кув-

шин с простым, отогнутым раструбом краем, резко расширяющимся к тулову, и горлом, отделенным от него уступом. Тулово его раздуто, призматическое; дно плоское, диаметр его меньше края, к которому прикреплен верхний конец овальной в сечении ручки. На противоположной стороне от ручки прикреплен к плечикам и горлу невысокий цилиндрический носик (рис. 21, 34). Подобная находка единична в данном комплексе, для джетыасарской культуры она не характерна. Но такие цилиндрические сливы типичны для каунчинской культуры Ташкентского оазиса и прилегающих районов Средней Сырдарьи в первой половине I тысячелетия н. э. В VI—VIII вв. они встречаются в районах Западного Семиречья, по сообщению К. М. Байшакова. Но, как уже говорилось, по форме и отделке этот кувшин не отличается от джетыасарских. То же нужно сказать и о крупном кувшинообразном сосуде с плоским дном, диаметр которого меньше диаметра горла (к сожалению, венчик и верхняя часть горла не сохранились), отделенного от корпуса уступом и валиком. Сам корпус сильно раздут, причем наибольшая ширина его, приходящаяся на верхнюю половину корпуса, большие высоты, более чем в три раза превышает диаметр дна и в 2,5 раза диаметр горла. Кувшин почти до дна украшен, кроме густого коричнево-красного ангоба и лощения, прорезным орнаментом в виде изображения оленя среди каких-то рыб, цветов и т. п. (рис. 20, 111). Само изображение внутри заполнено точечными вдавлениями. Подобный прием внутреннего заполнения прорезного растительного орнамента встречен и на других сосудах данного комплекса, в первую очередь на кувшинах с темно-серым до черного ангобом и лощением (рис. 20, 83, 85, 101—110).

Подобный прорезной волнистый растительный орнамент, иногда с заполнением внутри и точечными вдавлениями, встречен на раздутом, близком к шаровидному, корпусе кувшина и на небольших по размерам лощенных кружках с маленькими кольцевидными или петлеобразными ручками (рис. 20, 63—66). Кружки покрыты густым темно-серым до черного ангобом и лощением; у них отделенный уступом от тулова удлиненный, отогнутый наружу простой край, к которому крепилась ручка. Иногда по верхней части подобной ручки идет орнамент в виде прорезных рядов елочек, но чаще ручки прикреплены к тулову или горлу и имеют чуть намеченный выступ в верхней части (рис. 20,

Рис. 21. Керамика городища Кескен-Куюк-кала

53—57). Встречены кружки с кольцевидной ручкой, с выступающей плоской многогранной в плане площадкой. Такие ручки полностью идентичны найденным на Сарлы-асаре. На городище Кескен-Куюк-кала найдены и невысокие усеченно-конической формы кружки с прикрепленной к краю и поднимающейся над ним петлеобразной ручкой (рис. 20, 58—60). Встречены и цилиндрические кружки, покрытые густым ярко-красным ангобом и лощением и тождественные найденным на джетыасарских городищах третьего этапа (рис. 20, 78, 79).

Но абсолютное большинство кружек с Кескен-Куюк-калы составляют также тщательно изготовленные ручной лепкой, часто толстостенные, с густым красным, красно-коричневым, иногда до черного ангобом и лощением сосудики с простым отогнутым, лишь чуть утонченным краем, который является продолжением стенки горла и отделен от тулова резким уступом. На верхней части тулова ручка как бы глубоко вдавлена внутрь стенки. Ручка, овальная или подтреугольная в сечении, часто имеет выступ на верхней части. Эти кружки полностью повторяют формы, характерные для позднего этапа джетыасарской культуры (рис. 20, 40, 56, 67—76).

Миски, большей частью изготовленные грубой ручной лепкой из плохо промешанной и отмученной глины с примесью крупнодробного шамота в тесте, покрыты коричневатым или сероватым ангобом и часто подлощены. По форме они близки мискам джетыасарского урочища, особенно последнего этапа. Это открытые сосуды усеченно-конической формы с почти прямыми стенками, часто украшенные но простому округлому борезку насечками или защипами (рис. 21, 60—64). У одной из мисок на верхней части стенок — отверстие, сделанное при формовке, окаймленное снизу и с боков внутри наленным валиком с защипами (рис. 21, 61). У другого сосуда типа крупной миски или таза также на внутренней стороне идет наленный горизонтальный валик с защипами, а снаружи сделаны полуовальные ручки-упоры. Такие же симметрично расположенные ручки-упоры, но подтреугольной формы были и у другой миски. Все отмеченные сосуды крупного размера (диаметр простого края 28—40 см, высота не меньше 6—7 см). В материалах этапа Джеты-асар III находим миски не только такой же формы и отделки, но и с такой же орнаментацией в виде насечек или защипов по краю. Надо отметить,

что подобные миски известны в памятниках VII—VIII вв. в Семиречье¹⁷⁰.

В кескенкуюккалинском материале отметим также блюда большого диаметра (36—40 см) с выделенным плоским борезком или с простым, чуть поднимающимся краем, но с богатым орнаментом в виде прорезного елочного узора, нанесенного по волнистой линии (рис. 21, 59).

Найдены также отдельные экземпляры крупных мисок хорошей ручной лепки с широким плоским борезком — формы, также известной по материалам джетыасарских памятников (рис. 21, 10). Встречены и небольшие мисочки, изготовленные тщательно ручной лепкой. Одна из них широко открытая с простым краем, плавно округлыми стенками, внутри — вертикальные полосы темно-коричневой краски, черенок ее в изломе кремового цвета; другая — красноглиняная с густым красным ангобом и лощением, также открытая, с простым утонченным краем, отличается перегибом в нижней части стенок. По форме и качеству эти миски тождественны найденным в памятниках этапа Джеты-асар III (рис. 21, 35, 36).

В керамическом комплексе Кескен-Куюк-калы встречены фрагменты станковой работы достарханов (диаметром до 35 см), красноглиняных, с красноватым ангобом. Часть из них без орнамента, у других — пальцевые вдавления по внутренней стороне края и наленной валик с защипами по нижней части наружной стороны его (рис. 21, 11, 12). Аналогичные глиняные столики широко распространены в Семиречье на городищах Чуйской долины в VIII—IX вв.¹⁷¹, в районах Западного Каратау и Отрара на Средней Сырдарье в VIII—X вв.¹⁷² Но на более поздних достархах имеется уже чрезвычайно богатый и разнообразный штампованный и резной орнамент, отсутствующий на Кескен-Куюк-кале. Обломки достарханов без орнамента есть и в материалах Сарлы-асара.

Довольно многочисленны крышки, изготовленные грубой ручной лепкой, но качеству черепка и технике обжига могут быть отнесены к первой группе керамики (рис. 21, 41—57). Все они округло-конические (встречен лишь один экземпляр плоской крышки), у них простой край, изредка выделенный

¹⁷⁰ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые поселения и города Чуйской долины, стр. 29, табл. 3, 1, 2.

¹⁷¹ А. Н. Вернштам. Чуйская долина, стр. 129—130, табл. LXXI—LXXIV; П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 42, 44, табл. VIII.

¹⁷² Е. И. Агеева. Указ. соч., стр. 151, 181, рис. 90.

венчик диаметром от 13—15 до 35 см (крупные встречаются реже). Большая часть таких крышек снабжена округлым выступом-упором диаметром до 5 см и высотой до 3 см. Все крышки покрыты темно-серым, сероватым, реже — коричневатым ангобом и большинство подлощено. Найдена одна коническая крышка с шишечкой наверху, с округлым краем и четырьмя симметрично расположенными выступами по краю, аналогичными выступам на «кухонных» горшках (рис. 21, 43). Абсолютное большинство крышек по внутренней и внешней сторонам покрыто богатым резным растительным, а иногда и геометрическим орнаментом, другие же имели узоры-выступы. Аналогичные крышки с таким же орнаментом особенно характерны для памятников Семиречья VII—X вв.¹⁷³ Есть они и в районах Средней Сырдарьи на городищах Отрарского оазиса и предгорий Каратау VIII—X вв.¹⁷⁴ Такие же крышки встречаются на соседней территории на памятниках этапа Джеты-асар III.

Необходимо отметить также своеобразные курильницы или светильники, встречающиеся на «болотных городищах» Кескен-Куюк-кала и Куюк-кала (рис. 20, 80, 84). По форме, качеству и размерам они повторяют известные по материалу «Большого дома» Джеты-асара № 3 светильники с открытым резервуаром-чашечкой, законченной внутри, на толстой конической ножке. По краю чашечки идут фестоны. Одна из них, найденная вместе с указанным выше крупным трехручным горшком в слое с тюргешской монетой VIII в. на городище Кескен-Куюк-кала, отличается от известных джетыасарских. По краю ее резервуара наряду с фестонами с одной стороны имеются утолщения — имитации слива (такие же, как подтреугольные выступы на кувшинах этапа Джеты-асар III). Сама же эта курильница (или светильник) укреплена на высокой полтой подставке, украшенной сквозными подтреугольной формы отверстиями и насечками по краям их и по углам подставки (рис. 16, 25; 20, 84)¹⁷⁵. По качеству они должны быть отнесены к

первой группе сосудов. Вероятно, курильнице или светильнику могли принадлежать относительно высокие поддоны на трех ножках. Курильницы орнаментированы насечками и вдавленными, сделанными концом палочки до обжига (рис. 20, 50). Подобные светильники на высоком поддоне с резервуаром-чашечкой (иногда с фестонами по краю) наверху и иногда дополнительно на трех ножках, часто украшенные прорезным геометрическим елочным орнаментом на ножке, или же светильники в виде чашечки на трех низких ножках неоднократно встречены на городищах VI—VIII вв. в Семиречье¹⁷⁶. Вообще же светильники на высокой цилиндрической, реже — конической ножке встречены, кроме джетыасарской культуры, в Ташкентском оазисе, на Средней Сырдарье, в Согде с середины I тысячелетия до VIII в. н. э.¹⁷⁷

Подводя итоги анализа керамического комплекса с городища Кескен-Куюк-кала, видим, что все виды и основные типы сосудов чрезвычайно близки, точнее тождественны, джетыасарским этапа Джеты-асар III. Отличительным признаком в керамике (кроме общего округления техники изготовления и качества теста, отмеченных в определенной степени и на городищах Сарлы-асар, Ак-тобе) кескенкуюккалинского комплекса надо считать семиреченские элементы, четко выявившиеся и на памятниках джетыасарского урочища последнего этапа, но представленные на Кескен-Куюк-кале более ярко и разнообразно. Возможно, многообразный прорезной елочный и растительный орнамент на кескенкуюккалинских сосудах, джетыасарских по форме и качеству, явился результатом синтеза местной джетыасарской традиции и семиреченской струи. Отдаленные истоки такого орнамента могут быть в материалах гуннских памятников Монголии и Алтая (на тканях, металле и т. п.)¹⁷⁸.

В этот же период развиваются и тесные

¹⁷³ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, табл. LIX, 4—10, 13; П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 40, табл. VII; М. А. Бубнова. Указ. соч., стр. 133, рис. 9, 55—96, 107—113.

¹⁷⁴ Е. И. Асеева, Г. И. Палевич. Указ. соч., стр. 95.

¹⁷⁵ Близкой формы светильники на высоком полом коническом поддоне с подтреугольной формы прорезями в нем найдены в Саркеле в материалах, относящихся к салтово-майской культуре. См.: С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 120, рис. 30, 1; стр. 122.

¹⁷⁶ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, табл. LVI; П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 33, табл. IV, 8; К. М. Байпаков. Раскопки раннеиредневековой заимки в Семиречье..., стр. 65, рис. 3.

¹⁷⁷ М. С. Мерцич. Городище Ак-тобе 1 (IV—нач. XIII в.). Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерцич, В. И. Вайсберг, Л. М. Левина. Древности Чардарьи, стр. 22, 25; И. Б. Венгоч. Керамика Пенджикента. МИА, № 37, 1958, стр. 145, рис. 10; И. Кожомбердыев. Катакомбные памятники Таласской долины, рис. 13, стр. 47.

¹⁷⁸ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноннулинские курганы, табл. XXXIV—XXXV, XI и др.; С. В. Киселев. Указ. соч., табл. XXX. Это было отмечено С. П. Толстовым еще в 1947 г. См.: С. П. Толстов. Города гузов, стр. 70.

связи низовой Сырдарьи с афригидским Хорезмом. Единичные находки афригидских хумов, кувшинов обнаружены и на некоторых памятниках поздних этапов в джеты-асарском урочище. На Кескен-Куюк-кале отмечаем гораздо большее количество станковой работы красноглиняных широкогорлых кувшинов с выделенной шейкой, треугольным в сечении венчиком и плоской ручкой, одним концом прикрепленной к горлу¹⁷⁹, и ручной лепки толстостенных массивных хумов с краем, обрамленным массивным валиком-венчиком, украшенным внизу ямками пальцевых вдавлений в один ряд, или же с горизонтальным валиком с пасечками или защитами, прикрепленным под венчиком (рис. 21, 6—9, 13, 14)¹⁸⁰.

«Кердерская» керамика. В дельте Амударьи встречена своеобразная керамика, названная А. В. Гудковой и В. Н. Ягодным «кердерской»¹⁸¹. Памятники «кердерской» культуры впервые были обследованы С. П. Толстовым в 1946 г. и подверглись раскопкам в 1956 г. (городище Куюк-кала, расположенное в Чимбайском районе Кара-Калпакской АССР, в 30 км от Аральского моря)¹⁸². В 1958 г. были начаты многолетние работы на городище Ток-кала, в 14 км к северо-западу от г. Нукуса. Как и на Куюк-кале, на Ток-кале раскопкам подверглись не только само городище, но и некрополь, давший интереснейший материал. Кроме городищ Куюк-кала и Ток-кала аналогичная керамика обнаружена и на других поселениях, как, например, на городище Курганча¹⁸³, Кырк-жигит-кала, Багдат¹⁸⁴. Памятники расположены в правобережье дельты Амударьи. По-

скольку керамика «кердерской» культуры значительной степени получила освещение печати, в данной работе даем лишь краткую характеристику ее. Слои, в которых она найдена, датируются авторами раскопок VII—VIII вв.¹⁸⁵ Основанием для даты послужил находки монет конца VII—VIII вв.¹⁸⁶, а также некоторых серым железных и костяных предметов, а также аналогии в керамике Джеты-асар и «болотных городищ».

Для всей «кердерской» посуды характерны грубость внешнего облика, ручная лепка и плохой обжиг. По качеству теста и изготовления, по внешнему облику почти все сосуды могут быть отнесены к первой группе. Подобное явление, но менее резко выраженное, наблюдалось в джетыасарском урочище на памятниках третьего этапа. Ярче эта черта проявлялась в керамике городища Кескен-Куюк-кала, а еще четче — в памятниках правобережья дельты Амударьи. И по форме, по пропорциям, так же как по качеству внешней отделке, «кердерская» керамика чрезвычайно близка джетыасарской третьего этапа (а соответственно — и кескенкуюкской).

Значительный процент ее составляют «кухонные» горшки, идентичные по форме джетыасарским времени второго и третьего этапов. Они отличаются широким устьем и относительно маленьким дном (рис. 22, 30). Отогнутые наружу простые края или небольшие подтреугольные в сечении венчики украшены снаружи рядами вертикальных или наклонных пасечек, округлыми вдавлениями налепными выступами, а также налепным венчику валиком с пасечками (рис. 22, 22—29). Подобный орнамент (валик с пасечками), как и форма венчика, характерны для третьего этапа джетыасарской культуры. В тот же период получает дальнейшее оформление прием отделки сосуда нарочито грубой обмазкой глиной нижней части тулова. Появившись в джетыасарской культуре конце второго этапа, этот прием на третьем этапе распространяется очень широко и характеризуется наклонными и вертикальными каннелюрами по обмазке. Отмеченный и памятниках типа Сарлы-асар, Ак-тобе, Кескен-Куюк-кала, этот прием отделки весьма характерен и для «кердерской» керамики (рис. 22, 29, 30). Причем, если на сосудах и верхних слоях Алтын-асара подобная обмазка занимает лишь нижнюю треть или полс-

¹⁷⁹ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 38, рис. 19, 64, 38—41.

¹⁸⁰ Е. Е. Неразик. Сельские поселения..., стр. 35, рис. 18, 6; она же. Керамика Хорезма..., рис. 12, 27; 5, 10.

¹⁸¹ А. В. Гудкова, В. Н. Ягодни. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г.; она же. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг.; В. Н. Ягодни. К вопросу локализации Кердера...; она же. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи...; А. В. Гудкова. Ток-кала.

¹⁸² Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 128.

¹⁸³ А. В. Гудкова, В. Н. Ягодни. Некоторые итоги археологических работ сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН Узб. ССР в 1958 г. «Известия АН Узб. ССР», серия общественных наук, 1960, № 1, стр. 46.

¹⁸⁴ В. Н. Ягодни. К вопросу локализации Кердера..., стр. 8.

¹⁸⁵ А. В. Гудкова. Ток-кала, стр. 42, 53.

¹⁸⁶ Там же, стр. 112.

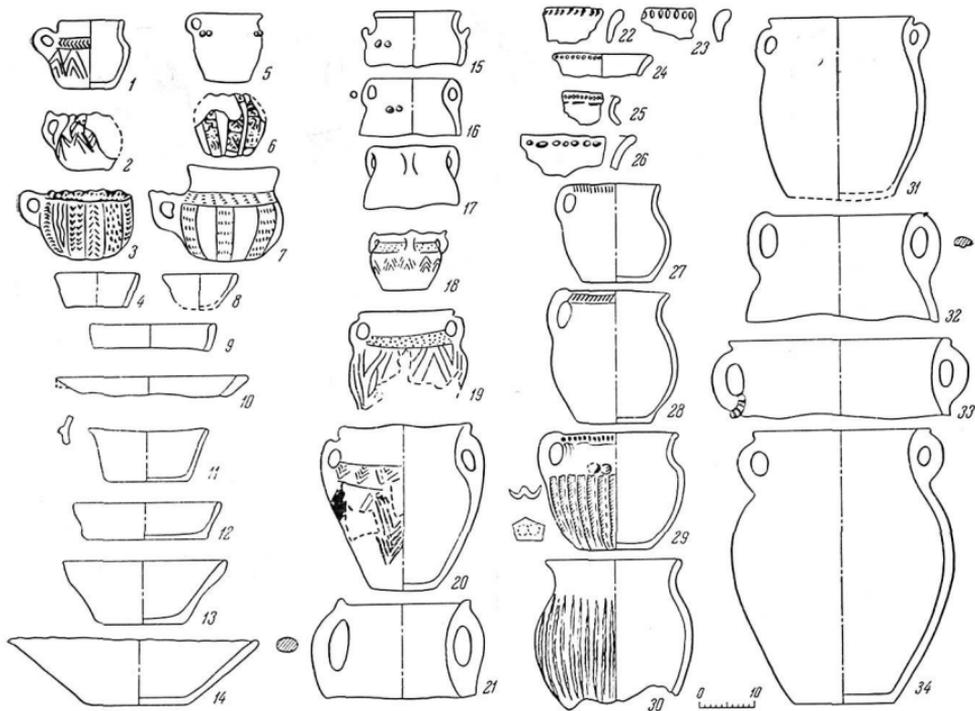

Рис. 22. Керамика городищ Ток-кала, Куюк-кала

вину корпуса, а на Сарлы-асаре и Кескен-Куюк-кале — иногда до двух третей, то на Ток-кале она покрывает часто уже целиком весь корпус и имеет вид строгих вертикальных каннелюр. Некоторые из подобных сосудов дополнительно украшены парными шишечками или Δ -видными налепами (рис. 22, 29, 30). Подобный орнамент характерен для джетысарской культуры на протяжении всего ее существования в урочище. Часть горшков — без ручек, как и джетысарские, но некоторые небольшие сосуды, по форме и отделке не отличающиеся от других горшков, снабжены одной петлеобразной ручкой, верхним концом прикрепленной к краю (рис. 22, 27—29).

Аналогичные «кухонным» горшкам форма и качество характерны и для горшкообразных сосудов, но без следов копоти. Обыч-

но они снабжены двумя, реже — тремя ручками, верхним концом прикрепленными к краю или несколько ниже края сосуда (рис. 22, 16, 17, 31—34). Поверхность их преимущественно темно-серого цвета, иногда подполирована. Тождественные по форме двуручные горшки характерны для второй группы джетысарской керамики (рис. 15, 40, 41, 198—201), особенно для ее последнего этапа, на котором, как уже отмечалось, по качеству теста сосуды второй и первой группы неотличимы. Размеры сосудов с городища Токкала различны. Часть из них украшена налепным орнаментом; другая часть — прорезным геометрическим в виде параллельных широких зигзагообразных линий (рис. 22, 16, 17—20). Ближайшие аналогии такому орнаменту находим в джетысарской культуре на памятниках третьего этапа в Джетысарском уро-

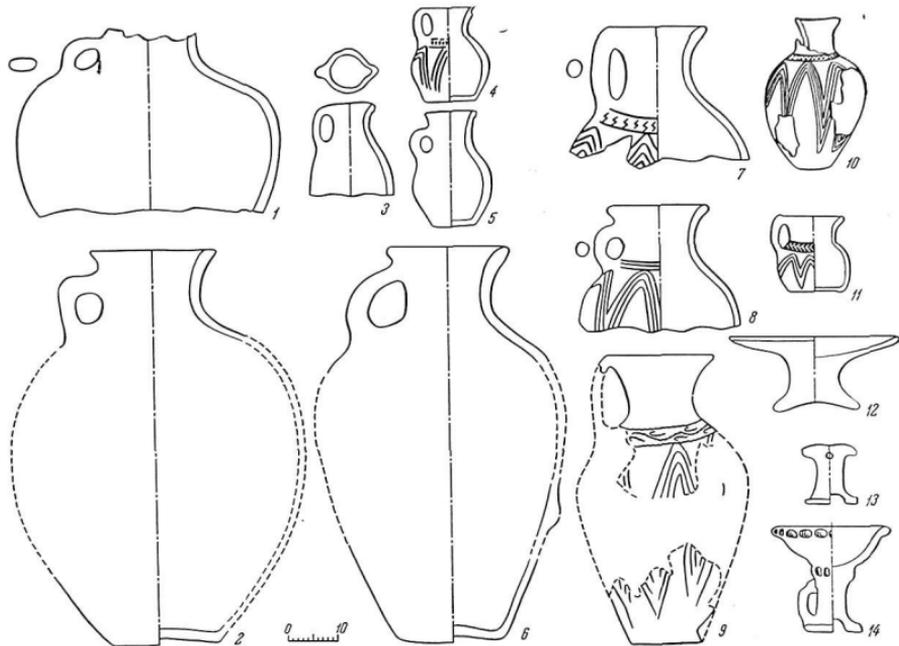

Рис. 23. Керамика городищ Ток-кала, Куюк-кала

чище (рис. 15, 366) и на «болотном городище» Кескен-Куюк-кала (рис. 20, 86, 92, 96, 97).

Кувшины (рис. 23, 1—11) такого же качества, как и горшки, но большинство их приготовлено из лучшего теста, иногда залощены по темно-серой, корячковой или черной поверхности (реже встречаются с пятнистой поверхностью и без лощения). Кувшины различны по размерам, но все имеют маленькое плоское дно, диаметр которого равен, а чаще меньше диаметра венчика; горло относительно высокое с раструбообразным простым краем или несколько удлиненным и утолщенным венчиком (рис. 23, 2, 6—9). Множество кувшинов снабжено круглой или овальной в сечении петлеобразной ручкой, верхним концом прикрепленной к краю или чуть ниже его. У некоторых кувшинов на противоположной от ручки стороне — один небольшой слив, расположенный на краю сосуда (рис. 23, 3). Как и джетысарские кувшины, «кердерские» по форме тулова могут

быть разделены на два типа: с сильно вытянутым туловом, наибольший диаметр которого падает на верхнюю треть корпуса (рис. 23, 6, 8), и с очень раздутым, почти шаровидным туловом и резко крупными плечиками (рис. 23, 1). Обе эти формы тулова, как и все общие пропорции, чрезвычайно характерны для джетысарской культуры, где они, возникнув ранее, получили оформление ко времени третьего этапа (рис. 15, 208—222, 358; 20, 111). Как и на джетысарских и кескенкуюкалинских сосудах, тулово описываемых кувшинов часто украшено однообразным геометрическим орнаментом, отделенным от горла полосой прорезного же орнамента, но несколько иного характера (рис. 23, 4, 7—11). Полные аналогии такому орнаменту дают опять же памятники джетысарского урочища и «болотных городищ» (рис. 15, 227—230, 366; 20, 92, 97).

Многочисленные кружки (рис. 22, 1—3, 6—7) характеризуются резко отделенным от

округлого тулова горлом с простым отогнутым краем, плоским дном, диаметр которого лишь немного меньше диаметра края. На верхней части тулова прикреплена петлеобразная или кольцевидная ручка, иногда с выступом или площадочкой на верхней части. Ведущие формы кружек джетыасарского урочища отличаются значительно меньшим диаметром дна, большей вытянутостью тулова. Наиболее близки этим сосудам кружки каушчиской культуры. Однако отметим, что и в Джетыасарском урочище, особенно на этапе Джеты-асар III, и на городище Кескен-Куок-кала есть единичные экземпляры таких кружек. Прорезной геометрический орнамент, которым покрыто тулово токкалинских кружек (рис. 22, 1—3, 6—7), ближайшие и пока единственные аналоги имеет в тех же материалах (рис. 20, 63—65).

Токкалинские миски по качеству изготовления напоминают сосуды первой группы. Все они открытые, усеченно-конические с почти прямыми стенками, иногда с наленными выступами по краю (рис. 22, 9, 11—14). Встречены и сосуды с уплощенным краем (рис. 22, 10). Все они находят аналоги в материалах этапов Джеты-асар II и III (рис. 15, 273—278, 414—421).

Среди «сковород» есть и сосуды с выступами на одной стороне стенок и с отверстием на противоположной их части. Аналогичные известны на Джеты-асарах № 9, 11 и др.

Часто встречаются сосуды типа курильниц или ваз с округлой чашечкой-резервуаром на сплошной цилиндрической ножке с конической или трехлапчатой опорой (рис. 23, 12, 14). Иногда резервуар снаружи по краю и на верхней части ножки имеет защиты по наленному валику. Близкой формы курильницы с подобным орнаментом неоднократно отмечались в джетыасарской культуре и на Средней Сырдарье с середины I тысячелетия до VIII в. н. э. включительно. Некоторым отличием токкалинской курильницы служит вертикальная ручка, прикрепленная к ножке. Находки подобных целых курильниц отмечены в Согде (Мудинтепе) ¹⁸⁷.

Итак, видим, что все виды и типы «кердерской» керамики очень близки, а во многих случаях и полностью идентичны керамике джетыасарской культуры этапа, главным образом, Джеты-асар III. Но «кердерская» значительно беднее и по набору форм, отделке, и по орнаментации не только по сравнению с керамикой «болотных городищ», но и по сравнению с керамикой поздних городищ джетыасарского урочища.

Некоторым отличием «кердерской» керамики правобережной дельты Амударьи является и присутствие в одном комплексе весьма большого числа чисто афригидской керамики, которая и здесь, как и в дельте Сырдарьи, однако, не смешивается с описанной выше. Что касается самого афригидского комплекса, то и С. П. Толстов, и Е. Е. Неразик в своих исследованиях неоднократно отмечали значительное влияние джетыасарской керамики на афригидскую правобережного Хорезма VII—VIII вв. ¹⁸⁸ Это проявлялось главным образом в присутствии отдельных характерных джетыасарских форм в афригидском комплексе.

Таким образом, констатируем, что на протяжении тысячелетия в низовье Сырдарьи развивается своеобразная, но очень устойчивая культура. На этапах Джеты-асар I и II четко прослеживаются тесные связи ее с культурой районов Средней Сырдарьи и других соседних областей. Но основная масса населения ее в то время, вероятно, оставалась на месте. В начале же этапа Джеты-асар III большинство памятников урочища Джеты-асар прекращает существование, в то же время значительно расширяется вся территория распространения джетыасарской культуры, охватив районы правобережья дельты Амударьи и дельты Сырдарьи, очевидно, за счет передвижения туда большой массы джетыасарского населения. К концу третьего этапа отмечаем затухание жизни в урочище Джеты-асар и исчезновение джетыасарской культуры из низовий Сырдарьи.

¹⁸⁷ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. ТИИА АН Узб. ССР, т. II. Ташкент, 1950, стр. 88, 89, рис. 2.

¹⁸⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 132; Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 125—127, рис. 56.

ЧАСТЬ II

КЕРАМИКА СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Эта часть работы посвящена анализу комплексов керамики памятников района Средней Сырдарьи I тысячелетия н. э. (по VIII в. н. э. включительно) ¹.

¹ Верхняя дата диктуется самим развитием культуры, резким изменением характера материала, что непосредственно отражает крупные исторические сдвиги в этом районе.

Многолетние (с 1867 г.) и многочисленные исследования выявили в районах южнее г. Кызыл-Орды, в Отрарском оазисе, на склонах Каратау, в долинах Ангреша, Чирчика, Келесса и прилегающих областях сотни крупных поселений и городищ и тысячи курганов, относящихся к чрезвычайно близким, весьма своеобразного облика культурам.

ГЛАВА I

КЕРАМИКА КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Немалое значение для развития среднеазиатской археологии имели исследования Г. В. Григорьева в долине Чирчика, Ангрена, Келесса и на Сырдарье ². Разведки и раскопки на некоторых памятниках этих районов дали ему возможность выделить целый ряд характерных признаков поселений и могильников Ташкентского оазиса. Г. В. Григорьев открыл значительное число городищ в бассейне р. Чирчика и по Сырдарье, множество курганов могильников в степи вдоль Чирчика и по Ангрени ³. Им отмечено, что городища расположены в поймах рек, главным образом

по их окраинам, на возвышенных мысах ⁴. Часть этих поселений и городищ была зарегистрирована и ранее ⁵, но Г. В. Григорьев подметил своеобразный характер их расположения и планировки. Он пишет, что почти обязательно на самой оконечности мыса есть значительный бугор — руины здания, сложенного из сырцового кирпича и комков глины, включающее ряд параллельных сводчатых коридоров. Вокруг здания располагалось поселение (часто полукольцом) со следами стен, ограничивающих его со стороны степи.

² Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгильском районе Узб. ССР в 1934 г. Ташкент, 1935; *он же*. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940; *он же*. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; *он же*. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН Каз. ССР», № 46, серия археологическая, вып. 1, 1948.

³ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 47.

⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., стр. 3; *он же*. Краткий отчет..., стр. 3; *он же*. Келесская степь..., стр. 50, 57.

⁵ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях г. Ташкента. ПТКЛА, I, 1896, стр. 7—17; *он же*. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарьи, ПТКЛА, II, 1897, стр. 11; И. С. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, ПТКЛА, I, 1896, стр. 47.

Иногда жилища были и за пределами стен⁶. Подобное городище — Каунчи-тепе, самое

⁶ Г. В. Григорьева. Каунчи-тепе..., стр. 3; *он же*. Келесская степь..., стр. 50.

ГОРОДИЩЕ КАУНЧИ-ТЕПЕ

Городище расположено в 17 км от Ташкента, в центре города Каунчи, на берегу арыка Куркульдак⁷. Еще до раскопок была отмечена сильная разрушенность памятника.

Исследование городища Г. В. Григорьев начал в 1933 г., а в 1935 и 1937 гг. были проведены довольно широкие раскопки в разных частях городища⁸.

Раскоп 1 площадью 60 м² находился на северном обрыве тепе и спускался уступами до лесового материка⁹, который пошел на глубине 9,5 м. Материал фиксировался по квадратам и штыкам (55 штыков). Верхние штыки наряду с керамикой, типичной для всех остальных раскопок и отнесенной Г. В. Григорьевым к стадии или «культуре» Каунчи II, дали и позднесредневековую поливаную керамику XV—XVI вв. По отчету Г. В. Григорьева, эта «тимуридская» керамика идет на глубину до 1 м, однако отдельные фрагменты ее встречаются и в 7—9-м штыках. Глубже (до 5,5 м) шли сплошные глинобитные кладки, изредка переслаивающиеся зольными прослойками. Материал этого слоя Г. В. Григорьев считает характерным «для культуры Каунчи II»¹⁰. Ниже 5,5 м шли такого же характера сплошные разрушенные и оплывшие глинобитные кладки, но материал, по мнению Г. В. Григорьева, пошел уже иной. Автор отнес его к «культуре или стадии Каунчи I». Кроме керамики, в этом слое встречены бронзовый шлак и обломки бронзовых поделок.

На той же центральной части городища, но несколько западнее раскопа 1, на обрыве в 1937 г. был заложен раскоп 6 общей глубиной до 10 м (всего 43 штыка). Здесь также встречены многочисленные глинобитные на-

пластования, а в верхней четверти раскопа — мусорная яма с материалом, несколько отличным от основной массы керамики. Г. В. Григорьев отмечал, что материала для датировки этого слоя недостаточно — лишь состав теста да обработка поверхности (тщательное заглаживание)¹¹, — все же автор выделил его в слой Каунчи III¹² и сопоставлял керамику этого слоя с находками некоторых курганов, раскопанных Н. П. Остроумовым под Ташкентом.

Под этим слоем найдены многочисленные фрагменты сосудов, характерных для Каунчи II. На глубине с 3,2—3,5 м до 9,5 м встречены сплошные кладки с редкими включениями мелкодробленной керамики. А ниже, на материковом лессе, залегал зольный слой толщиной 10—15 см, который дал материал, отличный от каунчинского. Автор раскопок говорит лишь о 10—15-сантиметровой толщине слоя, но фрагменты круглодонных сосудов с отпечатками ткани на внутренней стороне найдены в штыках 39—43, однако выше — от 23-го до 39-го — встречен лишь один сосуд (28-й штык). К определению и характеристике находок этого слоя мы вернемся ниже.

На центральной части городища Каунчи-тепе в том же 1937 г. Г. В. Григорьевым заложен и раскоп 7, расположенный на южном склоне «главной вышки», на высоте 20 см. На глубине до 1 м встречены фрагменты позднесредневековой керамики, среди которой есть и типичная «тимуридская» полва¹³, и фрагменты характерных кувшинов, котлов и других сосудов. Ниже, как и в других раскопах на центральной части, шли сплошные кладки из сырового кирпича размером 52 × 57 × 8 см (выше встречены были стены из сырового кирпича размером 42 × 12 × 10 см) с толстыми швами между рядами. В этом раскопе открыто помещение шириной около 2,5 м с оштукатуренными стенами,

⁷ Г. В. Григорьева. Каунчи-тепе..., стр. 3.

⁸ Г. В. Григорьева. Архангелские городища нижнего течения р. Чирчика (отчет о раскопках на городище Каунчи в 1933 г. и разведке 1934 г.). Рукопись. Архив Музея г. Самарканда, № 243, стр. 21; *он же*. Каунчи-тепе..., стр. 4—5.

⁹ Г. В. Григорьева. Краткий отчет..., стр. 4.

¹⁰ Там же, стр. 4—5.

¹¹ Там же, стр. 5—6.

¹² Там же, стр. 6; Г. В. Григорьева. Келесская степь..., стр. 59.

¹³ Г. В. Григорьева. Краткий отчет..., стр. 7.

оканчивающимися на глубине 6 м, а ниже охват глинобитная кладка. В завале поселения найден железный трехгранный накопчик стрелы с длинным стержнем¹⁴. Других материалов раскоп не дал.

Таким образом, три раскопа на центральной, наиболее высокой части городища показали, что здесь существовали мощные сырцовые строения. Основной материал относится к «культуре (или стадии) Кауччи II». Остальные пять раскопов расположены на поселении, к востоку от центральной части городища, за древним руслом арыка Куркульдак. Часть из них раскапывалась в 1935 г., другая часть — в 1937 г.

Раскоп 2 заложен на восточном берегу арыка Куркульдак в 1935 г. Площадь его 18 м², глубина культурного слоя 6 м. В 1937 г. он был расширен к западу и востоку до 40 м². Глубина осталась прежней. Еще в 1935 г. на материалах этого раскопа Г. В. Григорьев выделил два основных слоя или две культуры (стадии) Кауччи — нижнюю и верхнюю. Материал раскопок 1937 г. совпал с предыдущим: до глубины 4,5 м залегали перемежающиеся слои золы, строительного материала и прочих культурных остатков, давшие однородный слой, отнесенный Григорьевым к «культуре Кауччи II». Он подстилался массивом плотного лесса, почти не содержавшего культурных остатков¹⁵, ниже которого залегал слой толщиной в одном месте до 1,2 м, состоящий из зольных прослоек, остатков очажных ям, перегорелого навоза, обломков костей и фрагментов керамики, отнесенной Г. В. Григорьевым к «культуре Кауччи I»¹⁶.

Раскоп 3, начатый в 1935 г., глубиной до 5 м, относится к одному из наиболее крупных — площадь его более 40 м². Небольшой раскоп 4 дал единичные невыразительные фрагменты керамики. Несколько большее количество материала получено из раскопа 5, расположенного на восточном склоне поселения. В 1937 г. был заложен раскоп 8, находящийся на восточном берегу арыка Куркульдак.

Все эти раскопы, доведенные до материкового лесса, дали однородный материал, отнесенный к «культуре Кауччи II». Жилищами на поселении, по определению Г. В. Григорьева, служили шалаши, землянки (раскопы 2, 3, 1) и пещеры, вырытые в лессе (раскопы

4, 5)¹⁷. В действительности же В. Г. Григорьев ошибся, приняв за землянки и пещеры многочисленные строительные и прочие ямы, вырытые в материковом лессе и в культурном слое на городище Кауччи-тепе и на некоторых других подобных городищах (так, например, Г. В. Григорьев отмечает на городище Куаит-тепе 12 пещер, в Шаш-тепе — 1, в Алимбай-тепе — 4)¹⁸. Вскоре после предварительной публикации Григорьева некоторые исследователи увидели его ошибку. Так, А. И. Тереножкин считает, что за пещеры, землянки и шалаши Г. В. Григорьев принимал полубесформенные ямы в грунте, вырытые в древности для добычи глины¹⁹. Последующие исследования подтвердили это мнение, открыв на аналогичных поселениях постройки из сырцовых кирпичей, паховых блоков и т. п.²⁰

Приступая к описанию керамического материала Кауччи-тепе, необходимо отметить, что в таблицах он дан по раскопам и штыкам (учитывая, конечно, и типологию), а также сведен и в отдельные типологические таблицы (рис. 24—32). Но если в таблицы керамики, составленные по раскопам и штыкам, попал лишь материал, непосредственно обработанный мною, то в типологические таблицы помещены (кроме подъемного материала) некоторые фрагменты и сосуды, известные по опубликованным отчетам Г. В. Григорьева и отсутствующие в основной коллекции. Обработка кауччинской керамической коллекции проводилась мною спустя 25 лет после раскопок Г. В. Григорьева. Естественно, что единичные фрагменты и сосуды коллекции были утрачены или попали в другие коллекции. Это относится прежде всего к материалам раскопа 1.

Наше деление керамики в большой степени соответствует делению Г. В. Григорьева, который подразделяет ее (по своему назначению и составу глины на две части: 1) для питья, переноски и хранения жидкостей и 2) для варки пицци. Первая... приготовлена из чистой лессовой глины, вторая же обязательно имеет в составе глины большой процент толченого камня (дресвы)²¹.

Мы делим всю керамику на 1) сосуды грубой лепки с плохо промешанным и слабо

¹⁷ Г. В. Григорьев. Кауччи-тепе..., стр. 5.

¹⁸ Г. В. Григорьев. Архаические городища..., стр. 4.

¹⁹ А. И. Тереножкин. Согд и Шаш. Канд. дисс. Л., 1948, стр. 221.

²⁰ Например, раскопки на городищах Минг-Урюк, Чаш-тепе, Ак-тобе 2, Шаушкун-тобе.

²¹ Г. В. Григорьев. Кауччи-тепе..., стр. 13.

¹⁴ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. В. Григорьев. Кауччи-тепе..., стр. 9; *он же*. Краткий отчет..., стр. 8.

отмученным тестом, обычно с рыхлым черепком, с большим количеством примесей древесины или шамота, напольного обжига, предназначенные для варки пищи, и 2) сосуды, изготовленные тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки (или же на станке), с хорошо промешанным и отмученным тестом, горнового обжига. Последние предназначены для хранения и переноски воды, зерна и т. д. и использовались в качестве столовой посуды.

Г. В. Григорьев разделил весь керамический комплекс городища Каунчи-тепе на два основных, связанных между собой слоя, или, как он назвал, две культуры — Каунчи I и Каунчи II²². Кроме того, Григорьев отмечает, что раскоп 6 дал еще два²³ дополнительных слоя²⁴.

Здесь под почти 10-метровым слоем (9,5 м) обывных для центральной части городища глинобитных кладок с характерной для слоя Каунчи II керамикой на материковом лессе обнаружен тонкий зольный слой, в котором найдено несколько обломков сосудов, отличных от типичных каунчинских — круглодонные сосуды небольшого размера (20—22 см в самой широкой части), очень толстостенные (до 2 см толщины), с заглаженной поверхностью, без следов копоти, с прямым острым и неровным венчиком. Отличительная особенность их — отпечатки материи внутри сосуда. По предположению Г. В. Григорьева, сосуды изготовлялись посредством обмазывания глиной матерчатого шара. Эта техника отличается от применявшейся в остальных слоях Каунчи — ленточной²⁵. Автор раскопок не датирует эти сосуды, хотя и говорит о сходстве техники изготовления описываемой керамики с усуньской, открытой М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в долине р. Чу²⁶, подчеркивая в то же время их отличие.

А. И. Тереножкин же, указывая на непосредственную связь этой керамики с усуньской, отнес ее к бургулюкской культуре²⁷,

открытой им во время работ на строительстве Ташкентского канала в 1940 г., когда был найден ряд глиняных сосудов и бронзовых предметов — топоры, ножи тагарского типа, кельты того же времени, дулопастные наконечники стрел²⁸, а в южной части Ташкентского канала на правобережье Ангрена — шесть мест древних поселений, получивших свое наименование по первому открытому поселению на левом берегу оврага Бургулюк в урочище Уйшуу. Эти поселения иногда занимают довольно значительную площадь — до 200 м в поперечнике, с остатками землянок, культурные слои их с обломками костей животных, каменными зернотерками, пестами, фрагментами глиняной посуды, бусами²⁹. Характерным признаком поселений бургулюкского типа А. И. Тереножкин считает круглодонную керамику, изготовленную без применения гончарного круга на матерчатом шаблоне, от которого на внутренней стороне дна остается иногда четкий отпечаток переплетения ткани. По форме сосудов автор раскопок отмечает чаши или миски, жаровни, кухонные котлы и крышки от них.

Полусферической формы с вогнутыми краями чаши или миски были изготовлены из тщательно отмученной глины с небольшой примесью мелкоотколотой древесины красноватого или светло-желтоватого обжига, с хорошо заглаженной поверхностью, изредка покрытой полосками красного ангоба. Котлы не вполне правильной шаровидной формы с широким устьем, обрамленным отогнутым наружу венчиком, с расположенным ниже края (на 3 см) и поднимающимся до него цилиндрическим носиком, на противоположной стороне которого примазывалась длинная сплошная поперечная ручка с приподнятым внешним краем. Котлы, как и жаровни и крышки, изготовлялись из глины с большим количеством примеси древесины и часто имели рыхлый черепок³⁰. Плоские массивные крышки имели гладкую поверхность и простую дуговидную ручку в середине. Открывший эти поселе-

²² Там же, стр. 3—4; Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 4; *он же*. Келесская степь..., стр. 49.

²³ «Тимуридский» слой, зафиксированный в раскопах 4 и 6 (1937 г.), в эту классификацию не вошел.

²⁴ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 56; *он же*. Келесская степь..., стр. 48.

²⁵ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 6.

²⁶ М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, № 5—6; *они же*. Усуньские могилы на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 162—179.

²⁷ А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе». «Известия Узб. филиала

АН СССР», 1940, № 8, стр. 84—86; *он же*. Согд и Чач. КСИИМК, 1950, вып. 33, стр. 153, 155.

²⁸ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия Узб. филиала АН СССР», 1940, № 9, стр. 31—32.

²⁹ Там же, стр. 32—38.

³⁰ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 32—38. Кроме указанных сосудов, были найдены глиняные фигуры; одну из них, с широким основанием и закругленным верхом, параллельно дуге которого по обеим сторонам прочерчено по одному неглубокому напольному желобку, А. И. Тереножкин сопоставляет с

ния А. И. Тереножкин, указывая на их аналогии памятникам усуней Семиречья и датирова их IV или III вв. до н. э., непосредственно связывал их с расматриваемым нами нижним слоем раскопа Б³¹.

При обработке коллекций каучинской керамики в фондах Самаркандского музея нами обнаружено несколько фрагментов сосудов грубой лепки с примесью дресвы в тесте, с отпечатками ткани внутри (например, фрагменты сосудов с пивентарным № 552 из слоя 42-го штыка), но ни одного более или менее полного профиля подобного сосуда не зарегистрировано. В то же время в этом слое (очевидно, штыки 43—40, может быть, 39) найдено несколько фрагментов венчиков и стенок сосудов без таких отпечатков (можно предположить, что это верхние части сосудов, да, очевидно, и на нижних не всегда остаются отпечатки ткани). По форме они (их 6 или 7 экз.) несколько отличны от широко распространенных во всех остальных слоях. В слое штыка 40 встречено несколько фрагментов от двух сосудов типа «кухонных» горшков или котлов с раздутым туловом, с устьем диаметром 20—21 см и плоским бережком. Один из этих сосудов покрыт светлым ангобом с обеих сторон, а второй — лишь снаружи (рис. 24, 33, 34). Полной аналогий им в остальных слоях Каучин нет. Скорее они похожи на описанные выше сосуды бургулюжского типа.

Из штыка 42 (кстати, в этом же слое найдены и фрагменты с отпечатками ткани на внутренней стороне) происходит несколько венчиков и стенок сосудов «кухонного» типа с примесями крупнодробленой дресвы. Один из них с раздутым, вероятно, шаровидным туловом, простым, чуть отогнутым утонченным краем диаметром 20 см (рис. 24, 37); другой — также с раздутым туловом, простым краем, с плоским бережком того же диаметра и ручкой-упором чуть ниже края (рис. 24, 36). Третий же сосуд был с почти прямыми толстыми стенками и широким устьем, с простым краем диаметром 22 см (рис. 24, 35). Прямых аналогий в других слоях Каучин-тепе эта керамика не находит. К тому же штыку относится и фрагмент венчика и стенок сосуда с раздутым туловом, широким устьем и чуть отогнутым простым краем. Сосуд этот по форме перекликается с описанными «кухонными», но изготовлен он тщательной ручной лепкой, ровного обжига, покрыт снаружи свет-

лым ангобом; в тесте его имеются примеси дресвы (рис. 24, 9).

Таким образом, видим, что в слое штыка 42 и 40 обнаружены фрагменты сосудов, которые, отличаясь по форме и технике изготовления от характерных каучинских, близки бургулюжским. Однако отсутствие целых форм не дает возможности утверждать это с полной уверенностью.

Подобные котлы или горшки близкой им формы — с широким устьем, иногда с такими же ручками-упорами, и цилиндрическим носиком — встречаются в Восточном Приаралье на поселениях так называемых шлаковых курганов (VI—V вв. до н. э.) и в курганах могильника Уйгарак VII—V вв. до н. э.³² Чрезвычайно близки вышеописанным по форме и сосуды из Дальверзина. Похожие сосуды с такими же носиками найдены в Беркаринском могильнике³³.

В настоящее время и сосуды так называемого бургулюжского типа не могут быть типологически увязаны с каучинскими, хотя отдельные их черты, например цилиндрические носики, заставляют продолжать поиски связующих звеньев между ними и каучинскими³⁴.

Как уже указывалось, почти 10-метровую толщу культурных напластований Г. В. Григорьев разделил на две основные стадии или «культуры» — Каучин I и Каучин II.

Нижний слой — «культура Каучин I» — был выделен в раскопах 2 (1935 и 1937 гг.) под 3, 5—4-метровой толщей культурных слоев стадии Каучин II и подстилающего его сплошного слоя плотного лесса и 1 (1937 г.) на глубине с 5,5 до 9,5 м³⁵.

Культурные слои раскопов 1 и 2 насыщены золистыми прослойками, остатками

³² «Низовья Сырдарьи (проблемы палеогеографии, этнической истории и освоения)». Рукопись. ИЭ АН СССР. Т. 4, разделы: «Могильник Уйгарак» и «Шлаковые курганы». О. А. Вишневецкая. Культура сакских племен низовий Сырдарьи VII—V вв. до н. э. (по материалам могильника Уйгарак) (в печати).

³³ Г. В. Бабанская. Беркаринский могильник. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 199, табл. V, 7; Ю. А. Заднерский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 266, табл. XIX.

³⁴ В последние годы Ю. Ф. Бурьяковым были проведены разведочные работы на ряде памятников каучинского типа, в том числе и на самом городище Каучин-тепе. На многих из них (Каучин-тепе, Чун-тепе, Чап-тепе, Чулюккин-тепе и др.) под слоями, давшими каучинские материалы, — слои с керамикой бургулюжского типа.

³⁵ Г. В. Григорьев. Каучин-тепе..., стр. 9, 33; *он же*. Краткий отчет..., стр. 3—5; *он же*. Келеская степь..., стр. 48.

очажными подставками, оформленными головками баранов (А. И. Тереножкин. Согд и Шаш, стр. 215).

³¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 155.

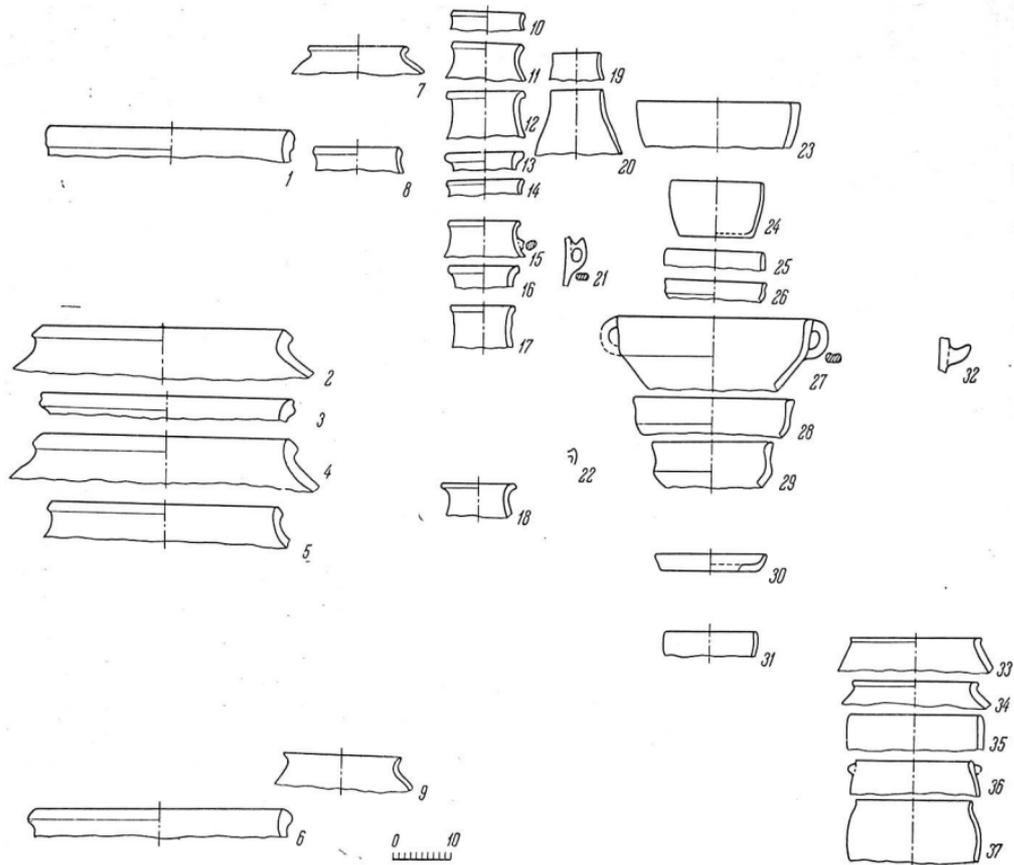

Рис. 24. Керамика городища Каучит-тепе. Раскоп 6, 6а

очагов, костями животных, каменными, бронзовыми и костяными предметами и фрагментами керамики обеих групп.

Керамика первой группы в этом слое часто имеет розоватый в изломе черепок и тщательно заглаженную поверхность (иногда слегка залощенную). Большинство сосудов относится к горшксообразным (или котлообразным). Для них характерны слегка раздутые тулово, покатыми плечиками, прямой простой край диаметром 8—16 см. Хотя керамика первой группы в слое Кауччи I весьма фрагментирована, однако и по имеющимся фрагментам можно заключить, что по форме найденные здесь сосуды близки обнаруженным в слоях Кауччи II (но последние хуже по качеству; рис. 25, 38—44).

Несколько отличаются от остальных сосудов той же группы, найденные на полу одной из «землянок». К сожалению, собраны лишь единичные фрагменты стенок, поэтому говорить о форме нельзя. Но по качеству они резко отличны от сосудов «культуры» Кауччи I и Кауччи II. Для них характерен очень плотный черепок с темно-серо-черной поверхностью, с примесью большого количества толченных раковин. Аналогичная керамика встречается на поселении Ак-тобе 2 (в районе Чардара ГЭС) в обоих строительных периодах, но также в весьма незначительном количестве.

Керамика второй группы включает сосуды, изготовленные ручной лепкой (иногда с помощью вращающейся подставки) из тщательно промешанной и отмученной глины, горнового обжига. Хумы найдены в виде отдельных фрагментов, их не более 12 сосудов (рис. 25, 1—10). По ним можно представить себе сосуды с округлым, лишь слегка раздутым туловом, покатыми плечиками, плавным переходящими в короткую, иногда почти не выражающую шейку, и простой слегка утолщенный подтреугольный в сечении венчик, прямой или чуть отогнутый наружу. В раскопе 1 встречен простой, даже не утолщенный край сосуда, чуть отогнутый наружу (рис. 25, I; 26, 11), подтреугольные в сечении венчики (в самых нижних штыках раскопа 2 и других; рис. 25, 5, 7, 9; 27, 2, 3; 28, 14) и венчик с плоским, чуть утолщенным бережком (рис. 25, 2). Все сосуды второй группы красноглиняные, покрытые жидким беловатым ангобом, поверх которого на некоторых сохранились следы идущих от венчика мазков и вертикальных потеков красно-коричневой краски.

В нижнем слое отмечено несколько экземпляров горшков (фрагменты стенок и верхних частей) того же качества, что и хумы, с

покатыми плечиками, небольшим подтреугольным в сечении и чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 25, 16, 17, 19).

Кувшины (можно говорить лишь о 4 экз.) покрыты беловатым ангобом. Венчики их диаметром 10—12 см подтреугольные или круглые в сечении, лишь чуть отогнуты наружу. Горло относительно прямое; на одном из сосудов почти по середине горла проходит горизонтальный валик. У другого на венчике сделан небольшой округлый в плане слив (ввиду фрагментарности сосуда нельзя установить количество сливов по краю; рис. 25, 18, 20).

Можно говорить и о кружках из этого слоя (вероятно, о 4—6 экз.), известных по фрагментам венчиков и ручкам. Венчик (диаметр 6,5 см) простой, чуть отогнутый наружу, плавно переходит в покатые плечики. Ручки относятся к типу зооморфных: одна из них — с выступом в верхней части в виде головы барана, у которого рога даны напелами-спиралью (рис. 25, 32—34).

Более 30% всех сосудов, найденных в слоях Кауччи I, составляют миски и чаши того же качества, изготовленные так же, как и другие сосуды второй группы (рис. 25, 11—15, 22—31). Большинство их покрыто жидким беловато-розоватым ангобом, но встречено несколько экземпляров с красным и красно-коричневым ангобом по хорошо заглаженной поверхности (рис. 25, 22, 24). Все они плоскдонные с чуть приостренным или, наоборот, плоским краем, обычно слегка вдавленным внутрь или прямыми. Характерен резкий перегиб верхней части стенок (рис. 25, 27—29, 31). Есть также несколько чаш с плавно округлыми стенками (рис. 25, 25). Некоторые из мисок достигают значительных размеров (рис. 25, 31). Одна из них снабжена двумя симметричными вертикальными петлеобразными ручками (рис. 25, 30).

Вся эта керамика аналогична сосудам из материалов поселений района Средней Сырдарьи, Ташкентского оазиса. Так, аналогичные хумы найдены на поселении Ак-тобе 2, где встречены все варианты венчиков хумов, известных в слое Кауччи I (рис. 35—37). В слоях Кауччи II наряду с другими находим хумы, аналогичные по форме хумам из Кауччи I. Хотя отсутствие целых форм затрудняет подбор аналогий, безусловно, можно говорить о тождественных по качеству и по форме верхних частях горшков и кувшин и на поселении Ак-тобе 2. и в материалах слоя Кауччи II (рис. 31, 38—42), и на других памятниках этого района. Более определенно можно сказать о фрагменте кувшина со сли-

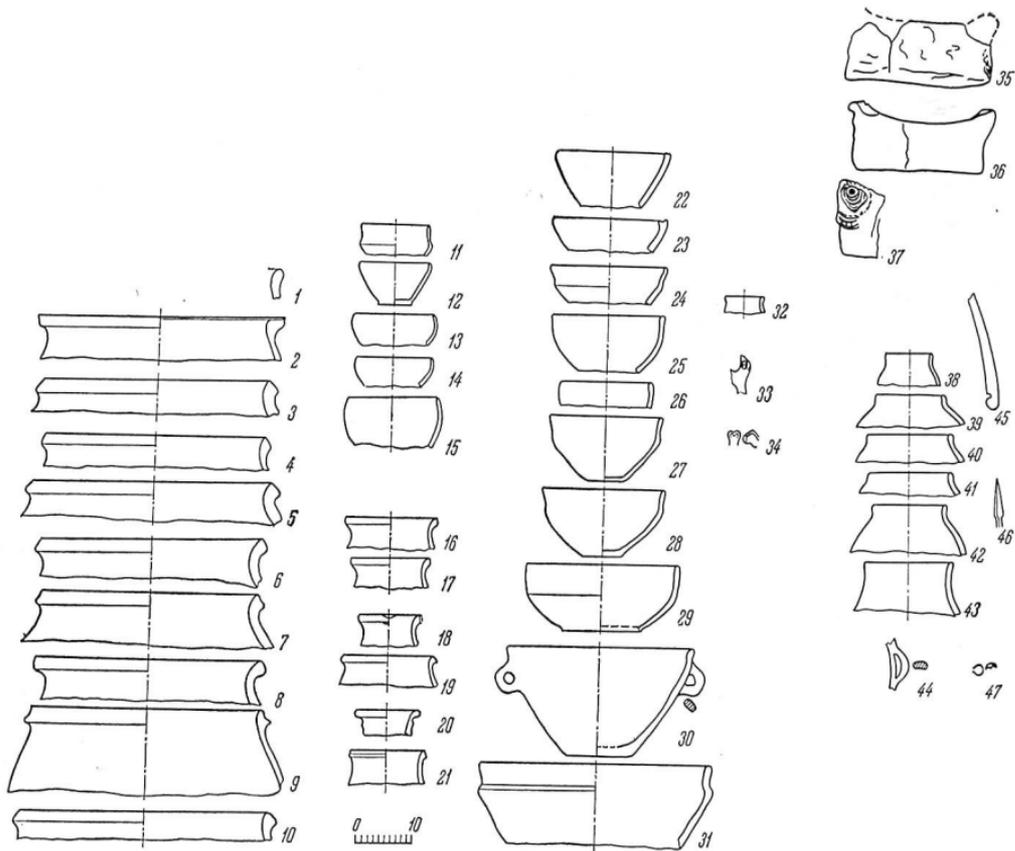

Рис. 25. Керамика «культуры Кауччи 1» (по классификации Г. В. Григорьева)

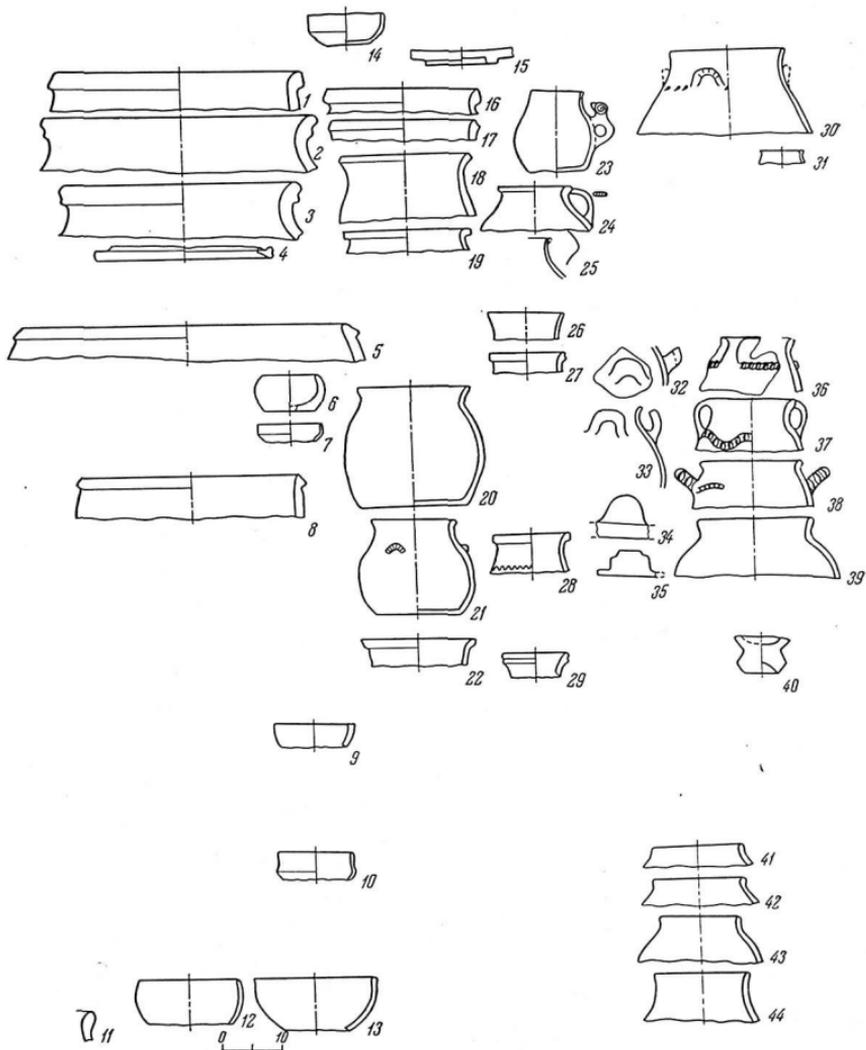

Рис. 26. Керамика городища Каунчи-гене. Раскоп 1 (1937 г.)

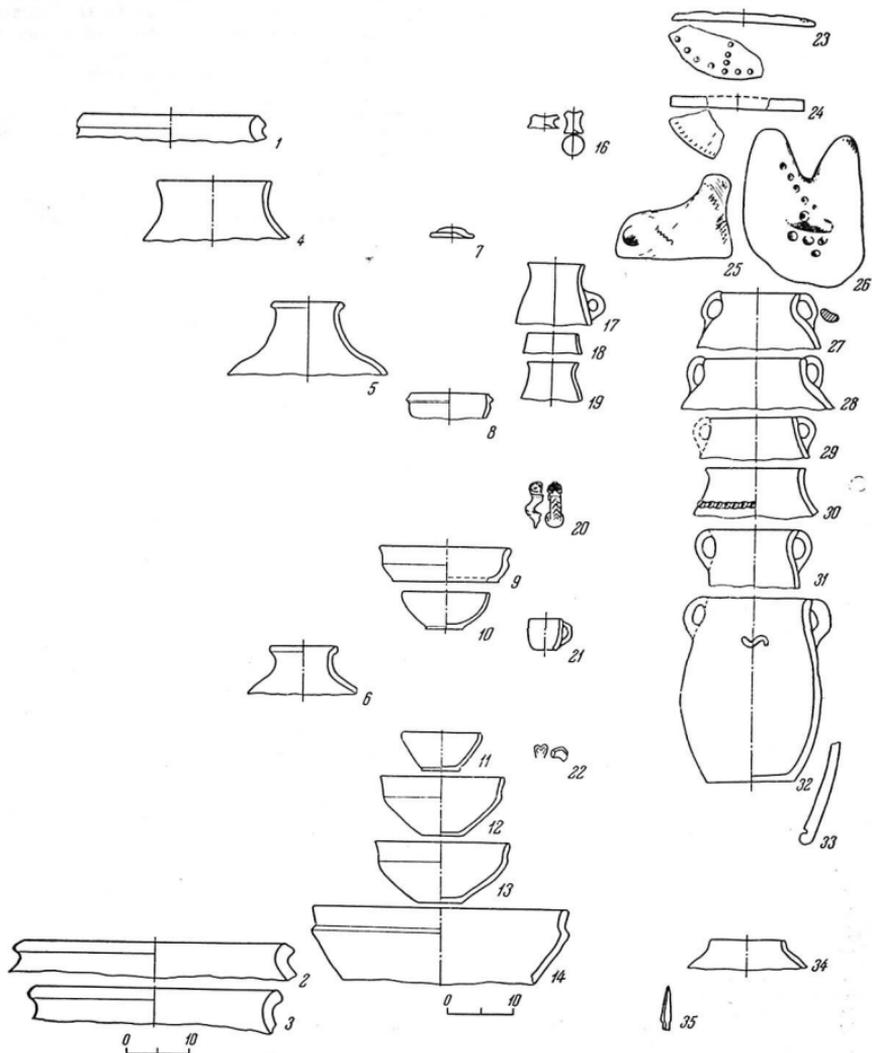

Рис. 27. Керамика городища Каунчи-тепе. Раскоп 2 (1935 г.)

вом (или сливами) на краю венчика из раскопа 2 (рис. 28, 33). Аналогичные горла есть и в верхних слоях Каунчи-тепе (культура Каунчи I). Единичные экземпляры подобных кубышков со сливом на краю венчика найдены в верхнем строительном периоде поселения Ак-тобе 2 (рис. 42, 27). Они довольно часто встречаются в материалах городища Шаушукум-тобе (рис. 50, 17—19). Подобные зооморфные ручки кружек характерны для многих поселений и могильников Ташкентского оазиса и района Средней Сырдарьи.

Ближайшие аналогии мискам и чамам из слоя Каунчи I по форме и качеству находим на поселении Ак-тобе 2 — в нижнем и в верхнем строительных периодах (рис. 34, 35, 36; 44, 54—56). Исключение составляет двуручная миска: подобной нет в материалах упомянутого поселения. Двуручные миски близкой формы есть в слое «культуры Каунчи II» (рис. 31, 30), на городище Чап-тепе (рис. 54, 19, 20)³⁶, но они несколько более приземистые по форме, и ручки их прикреплены верхним концом непосредственно к краю сосуда, а не ниже его к стенкам, как у данной миски. На городище Шаушукум-тобе найдены похожие сосуды с парными ручками, верхним концом прикрепленными ниже края сосуда, но у них несколько иные форма стенок (рис. 51, 44) и качество выработки.

Кроме керамики, в слоях «культуры Каунчи I» найдены плоские пряслица, сделанные из стенок сосудов, несколько каменных зернотерок, терочников, лопил, кусочки медных шлаков, бронзовых неопределенных предметов³⁷, обломок бронзовой бляшки, множество изделий из кости и рога животных. Среди последних необходимо отметить мотыгу, черепковый наконечник стрелы из 18-го штыка раскопа 2³⁸ и концевую обкладку сложного лука «гунского» типа³⁹.

Г. В. Григорьев датировал «культуру Каунчи I» концом бронзового века, т. е. концом II — началом I тысячелетия до н. э., основываясь на отсутствии в слое железных орудий: «культура Каунчи II» была отнесена к сакскому времени⁴⁰.

³⁶ Н. И. Крашенинников. Археологические наблюдения на Чап-тепе. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», вып. V. Ташкент. 1960. стр. 154. рис. 4, 12, 14.

³⁷ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 36; *он же*. Келесская степь..., стр. 48.

³⁸ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, стр. 35, рис. 42.

³⁹ Г. В. Григорьев. Арханжельское городище..., стр. 15; *он же*. Каунчи-тепе, стр. 36, рис. 42.

⁴⁰ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, стр. 39; *он же*. Краткий отчет..., стр. 9; *он же*. Келесская степь..., стр. 49.

Эти датировки были пересмотрены А. И. Тереножкиным, а затем С. П. Толстовым. А. И. Тереножкин на основании слоя в раскопе 6, отнесенного им к бургулюкской культуре, и других данных, датировал «культуру Каунчи I» примерно II—I вв. до н. э., а «Каунчи II» — рубежом н. э.⁴¹ С. П. Толстов датировал «культуру Каунчи I» I—II вв. н. э.⁴²

Новые материалы, в частности результаты раскопок на поселениях, давших аналогии ко всем типам керамики «культуры Каунчи I» (например, Ак-тобе 2), позволяют пересмотреть указанную дату в сторону ее дальнейшей омоложения. Этому не противоречат и другие находки из слоев «культуры Каунчи I», например костяные концевые обкладки сложного лука «гунского» типа. Появление такого лука на территории Средней Азии вряд ли можно датировать временем раньше рубежа нашей эры, а распространение — первыми веками н. э.⁴³

Как уже говорилось выше, материал «верхней культуры Каунчи II» был обнаружен во всех раскопах в большом количестве. Основную массу находок составила керамика.

Сосуды первой группы (42% всех обнаруженных в этом слое) отличаются большой насыщенностью в тесте дробленой дресвы и рыхлым черепком. Почти половину «кухонных» сосудов составляют горшки (можно их называть плоскостенными горшковидными котлами). Все они имеют покатые плечики, плавно переходящие в невысокое, иногда почти не выраженное горло; край — простой прямой или чуть отогнутый наружу. Диаметр дна обычно равен диаметру устья или несколько меньше его. По форме тулова можно различать два варианта: 1) довольно резко вытянутое вверх и 2) приземистое, почти шаровидное. Сосуды второго варианта, насколько можно судить по собранным фрагментам, составляют большинство.

Боле двух третей горшков снабжено двумя петлеобразными ручками, прикрепленными верхним концом к краю сосуда. Есть сосуды и с горизонтальными петлеобразными или сплошными ручками, обычно прикрепленными к плечикам.

⁴¹ А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе», стр. 84—86; *он же*. Согд и Чап, стр. 158.

⁴² С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи-тепе. ВДИ, 1946, № 1, стр. 175—176.

⁴³ А. М. Хаалов. Сложные луки евразийских степей в скифо-сарматскую эпоху. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 39.

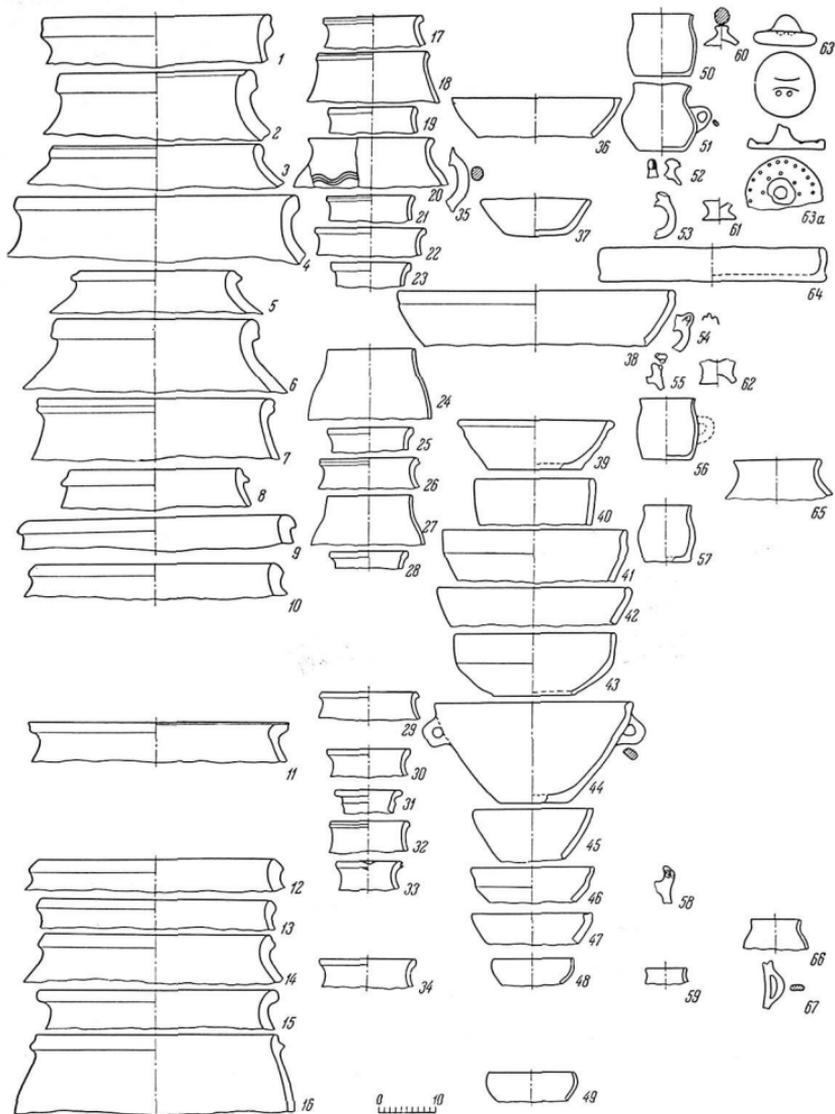

Рис. 28. Керамика городища Каунчи-тепе. Раскол 2 (1937 г.)

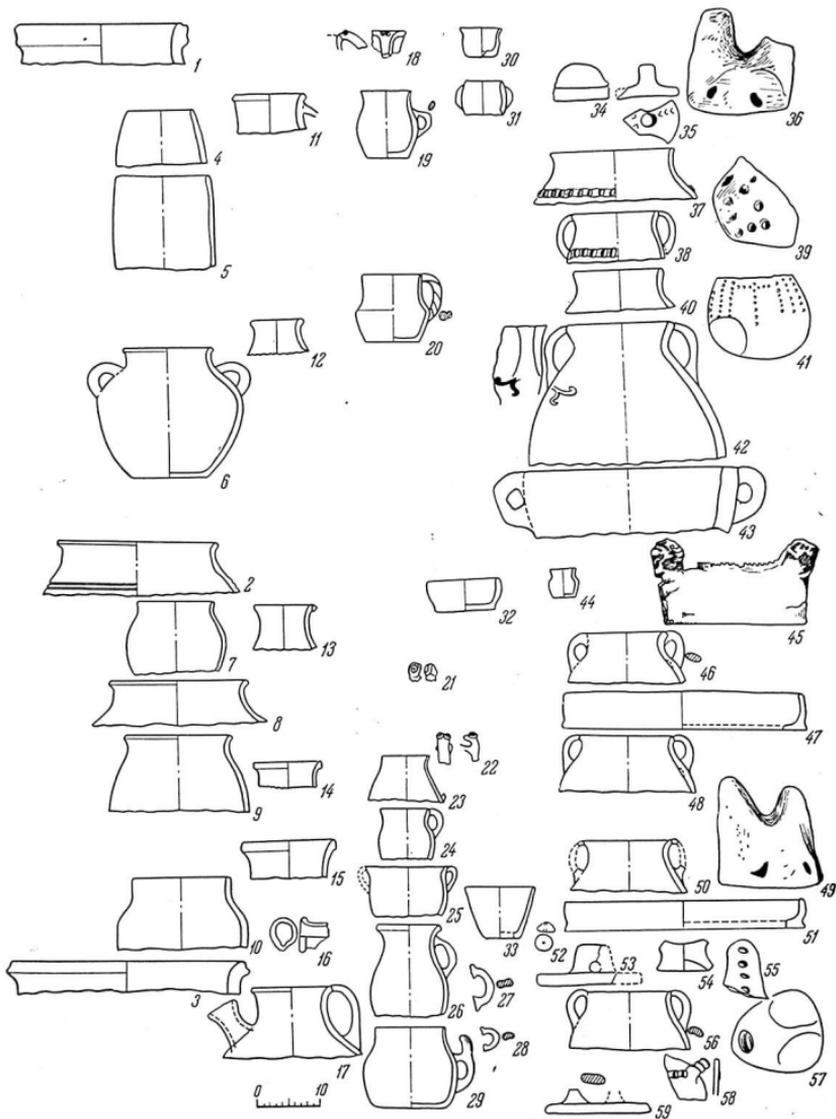

Рис. 29. Керамика городища Каунчи-гене. Раскоп 3 (1937 г.)

Горшки без ручек составляют незначительный процент (рис. 30, 2, 22, 23), но, к сожалению, фрагментарность их не дает полной уверенности в отсутствии ручек. По форме и качеству они ничем не отличаются от двуруччных.

Сосуды с двумя вертикальными петлеобразными ручками, составляющие две трети этого вида, различны по размерам (рис. 30, 1, 3—12, 18—21, 24, 25). Диаметры венчиков колеблются от 12 до 18—20 см (наиболее часто 12, 16 см). У некоторых высота вдвое или даже более превышает диаметры края и дна. Например, сосуд из самых нижних ярусов раскопа 2 при диаметре дна 15 см, а венчика — 16 имеет наибольший диаметр тулова 22 см, высота сосуда более 31 см (рис. 27, 32). Как мы уже говорили, у большинства же таких горшков высота лишь в 1,2—1,5 раза превышает диаметр устья, а наибольший диаметр тулова обычно несколько превышает высоту. Ручки этих горшков петлеобразные, овальные, подтреугольные, круглые в сечении, иногда чуть сжаты с боков, и поэтому на спинке ручки образывается продольная ложбинка. Часть ручек как бы слегка приподнята над устьем (рис. 30, 5, 8). У некоторых на верхнем конце ручек — небольшая круглая ямка от вдавления пальцем (рис. 30, 9, 10, 12, 43); подобный прием ornamentации отмечен для 35% горшков.

Более 65% горшков украшено идуцими между нижними концами ручек напелными валиками, на которых концом палочки или пальцами по еще сырой глине нанесены глубокие нарезки или зацепы (рис. 30, 2, 13—25, 43, 55—59). Эти валики горизонтальной или волнистой полосой как бы опоясывают сосуд, иногда валики имеются лишь с одной стороны, а с другой, от пиза ручек, — опускаются волнообразными жгутиками вниз. Иногда S-образные напелы помещены на тулове между ручками или же непосредственно под ручками. Такой орнамент Г. В. Григорьев связывал с имитацией рогов барана⁴⁴.

Аналогичные сосуды найдены в материалах поселений и катакомбных могильников Ташкентского оазиса, Чаткальской долины, Средней Сырдарьи. Полные аналогии, доходящие до тождества, встречаются на поселении Ак-тобе 2, где среди находок преобладают такие же сосуды с вытянутым туловом, тех же пропорций, с такими же вертикальными ручками. В верхнем строительном периоде Ак-тобе 2 встречены единичные экземпляры со-

судов и с шаровидным туловом, но они не характерны для этого поселения. Типичны же они для соседнего с Ак-тобе 2 городища Шаушукум-тобе. То же самое надо сказать и о приеме ornamentации в виде ямок у верхних концов ручек. На Ак-тобе 2 горшки с такими ручками найдены в единичных экземплярах в верхнем строительном периоде, но они типичны для городища Шаушукум-тобе (рис. 49, 6, 12). На этом же городище часто находим и круглые или овальные в сечении ручки с продольной ложбинкой по спинке (рис. 49, 3); на Ак-тобе 2 такие ручки встречаются лишь в единичных случаях на сосудах шаровидной формы с напелным пояском на тулове. Ornamentация сосудов напелными валиками и жгутиками, аналогичная описанной кауничинской, также характерна для подобных сосудов с городища Шаушукум-тобе, а на Ак-тобе 2 она найдена лишь на единичных экземплярах (рис. 33, 18). Здесь отсутствуют и горшки с ручками, приподнятыми над устьем, тогда как на Шаушукум-тобе они встречаются неоднократно (рис. 49, 12). Горшки с горизонтальными ручками на плечиках составляют лишь пятую часть таких сосудов в слое Кауंची II (рис. 30, 13, 38—42). Среди них преобладают сосуды с туловом, близким к шаровидному. Большинство их с петлеобразными ручками, поднимающимися к устью и часто украшенными по спинке тонкими вертикальными насечками или зацепами. Подобный орнамент часто переходит и на тулово (рис. 26, 30, 36; 29; 58). Аналогичные горшки с петлеобразными ручками находим на Ак-тобе 2 (но с более вытянутым туловом и без подобной ornamentации), на Шаушукум-тобе и др.

Почти во всех раскопах Кауंची-тепе встречены фрагменты скорород или жаровень (по определению Г. В. Григорьева) (рис. 30, 61—64). Они плоскостенные, с низкими вертикальными стенками высотой 5—6 см, диаметр их в среднем около 40 см. На стенках одной из них имеются сосковидные выступы, напротив выступов стенки понижаются⁴⁵. Вообще скоророды широко распространены на территории Средней Азии и Казахстана, но скоророды или жаровни с подобными выступами встречены лишь на нескольких городищах на Нижней Сырдарье в памятниках джегтысарской культуры⁴⁶.

⁴⁵ Г. В. Григорьев. Кауंची-тепе..., стр. 25, рис. 26; см. же. Келесская степь..., рис. 42.

⁴⁶ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джегтысарской культуры. «Матери-

⁴⁴ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 54.

Среди первой группы керамики найдены единичные экземпляры открытые неглубокие миски (рис. 30, 37). Отличается от других крупный сосуд типа тазы с двумя петлеобразными ручками, прикрепленными верхним концом к краю, диаметр которого 30 см. Сосуд этот (толщина стенок его 2,5—3 см) покрыт белым ангобом (рис. 30, 60). Аналогичные сосуды, но меньшего размера и более тонкостенные находим в керамике второй группы.

Среди посуды первой группы отметим маленькую низкую кружку с петлеобразной ручкой из раскопа 1 (рис. 30, 67) и полые поддоны от каких-то вазообразных сосудов типа курильниц или светильников (рис. 30, 52, 53).

Почти во всех раскопах найдены плоские крышки, иногда довольно массивные, с петлеобразной, овальной в сечении ручкой в центре или ручкой-упором различной формы. Встречены отдельные экземпляры, у которых ручка прикреплена к краю крышки (раскоп 3, штык 5 и др.; см. рис. 30, 68). Сверху крышки орнаментированы насечками, ямочными и погтевыми вдавлениями по радиусу ручек (рис. 30, 44—51, 65, 66, 68). Аналогичные крышки широко известны в Ташкентском оазисе⁴⁷, на Средней Сырдарье⁴⁸ и на Нижней Сырдарье⁴⁹.

Среди керамики второй группы необходимо отметить большое разнообразие форм. Хуми, хумчи и крупные корчаги, как и вся керамика этой группы, изготавлились преимущественно ручной лепкой с помощью вращающейся подставки; глина тщательно промешана и отмучена, обычно с примесью мелких известковых включений, песка, реже — мелкодробленой дресвы или шамота. Снаружи сосуды покрыты жидким беловатым ангобом, поверх которого на некоторых, начиная с венчика или же с горла, нанесены густой краской коричневато-красноватые, иногда до черного цвета как бы нарочито небрежные мазки. Вследствие незначительного количества в коллекции стенок сосудов трудно сказать, насколько широко был здесь распространен этот прием. Сосуды формовали ленточным спосо-

бом из отдельных полос шириной 8—10 см; плечики и дно лепились отдельно. Часто днища формовались на песчаной подсыпке, но встречаются (в меньшем количестве) и днища с отпечатками ткани. Зафиксированы 7 видов отпечатков ткани, в том числе образцы с основой из двойных ниток, довольно тонкая материя и несколько образцов из более толстых ниток — вплоть до толстой паласной ткани⁵⁰. Целых сосудов в коллекции нет, поэтому определить полную форму тулова и размеры сосудов невозможно. Отметим лишь, что в подавляющем большинстве случаев встречаются резко покатые плечики (изредка и выраженные плечики). Диаметр венчиков колеблется от 32—34 до 45—50 см. По их форме можно условно выделить несколько подтипов сосудов первого вида.

Более двух третей составляют подтреугольные в сечении венчики, обычно несколько отогнутые наружу, но встречаются и прямые (рис. 31, 4, 8, 18, 20; раскоп 2 1935 и 1937 гг.; рис. 31, 2, раскоп 8). Аналогичные по форме и качеству сосуды находим во всех раскопах Ак-тобе 2 (рис. 35, 2, 8, 9, 11), а также на памятниках более позднего времени того же района, что и Ак-тобе 2 — Шаушукум-тобе (рис. 49, 51) и Ак-тобе 1, на левом берегу Сырдарьи, в первом (IV—V вв., по М. С. Мерциеву) и во втором (VI—VII вв.) горизонтах (рис. 52, 4, 9) и на городище Минг-Урюк в Ташкенте⁵¹, Чаш-тепе⁵².

Другой подтип — хумы и хумчи с незначительно отогнутым или прямым подпрямоугольным, иногда округло-подпрямоугольным в сечении венчиком с горизонтальным желобком снаружи (рис. 31, 7, 15, 19). Аналогичные сосуды находим на городище Ак-тобе 2, где подобные венчики имеют почти две трети сосудов этого вида, на Шаушукум-тобе, где они преобладают, но большинство из них в отличие от актобинских и каувчинских — с довольно широким плоским березком. Впрочем, на Каучни в двух случаях — в верхних штыках «культуры Каучни I» (по Г. В. Григорьеву, раскоп 2, штык 16) и в раскопе 8 встречаются сосуды этого типа с отогнутым наружу подпрямоугольным в сечении, но коротким венчиком с широким плоским березком (рис. 28, 11; 31, 16). Аналогичные сосуды известны из верхнего строительного периода Ак-тобе 2, из Шаушукум-тобе и из второго

альная культура народов Средней Азии и Казахстана» М., 1966, рис. 15, 7; 22, 21.

⁴⁷ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды Таш. ГУ», вып. V. Ташкент, 1960, стр. 134, табл. 3.

⁴⁸ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Ак-тобе 2. Сб.: А. Г. Максимов, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардарьи. Алма-Ата, 1968, стр. 37, рис. 15, 37.

⁴⁹ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии..., стр. 49, рис. 3, 22; 25, 31, 32.

⁵⁰ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 51.

⁵¹ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Указ. соч., стр. 134, рис. 3.

⁵² И. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения..., стр. 154, рис. 4, 21—24.

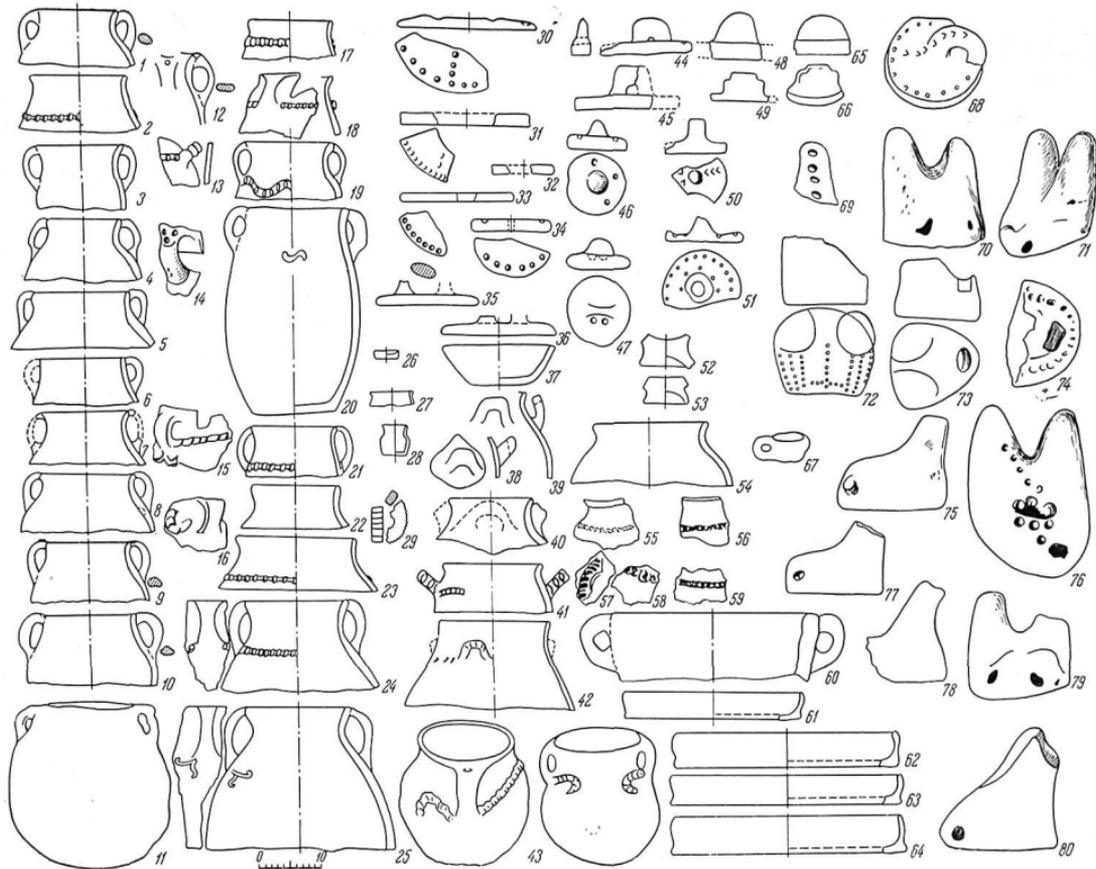

Рис. 30. Городище Каучичене. «Культура Каучичи II» (по классификации Г. В. Григорьева). Керамика первой группы

горизонта Ак-тобе 1. В нижнем ярусе раскопа 8 найден сосуд с простым, чуть утолщенным венчиком и плоским бережком. Подобные венчики характерны для Шаушукум-тобе, для второго горизонта Ак-тобе 1.

Горшки (рис. 31, 9—12, 21—27, 54—66) найдены во всех раскопах и составляют чуть более 16% второй группы сосудов. Изготовлены они ручной лепкой, очевидно, с помощью вращающейся подставки. Для них характерны покатые плечики, плавно переходящие в невысокую шейку, иногда чуть намеченную, с отогнутым или прямым округлым или слегка утолщенным краем. Примерно у одной шестой части горшков — профилированный венчик с горизонтальным желобком по наружной стороне. Диаметр венчика равен диаметру дна или несколько меньше его, а высота сосуда равна или меньше наибольшего диаметра тулова (например, горшок из раскопа 1 имеет диаметр венчика и дна 17,5 см, высота сосуда 19,5 см, а наибольший диаметр тулова 22 см; рис. 31, 22). Поверхность горшков покрыта жидким беловатым, беловато-розоватым ангобом, поперх которого на некоторых из них есть небрежные красноватые мазки и потеки. Подобный орнамент широко распространен на памятниках Средней Сырдарьи.

Часть горшков украшена прорезным или прочерченным палочкой или щепкой (чаще еще по сырой глине) волнистым орнаментом — обычно в один ряд по плечикам (рис. 31, 27, 54, 66). Аналогичные горшки отмечены в Ташкентском оазисе в катакомбных погребениях и на поселениях (например, на городище Чаш-тепе)⁵³, в могильнике Ширин-сай⁵⁴, в катакомбах Таласской долины⁵⁵, на Средней Сырдарье, на поселении Ак-тобе 2⁵⁶. Часть горшков украшена прорезными горизонтальными линиями по плечикам, на других есть и дополнительный орнамент из насечек (рис. 31, 9, 60), а на некоторых отмечен напелной орнамент в виде валика с насечками по нему (раскоп 1, рис. 31, 26).

Отдельные горшки, имея ту же форму,

очевидно, были снабжены двумя симметрично расположенными на плечиках вертикальными петлеобразными ручками (раскоп 3; рис. 31, 23). Аналогичные двуручные горшки находим на Ак-тобе 2 (рис. 39, 1—13). Обнаруженные мелкие фрагменты ручек дают возможность предположить и существование горшков с горизонтальными ручками.

Кувшины составляют 30% керамики второй группы (рис. 32, 1—31, 33—39, 53). Они того же качества, что и горшки, так же покрыты ангобом, на стенках некоторых из них — такие же мазки и потеки. У них округлое, но не слишком раздутое тулово, в подавляющем большинстве покатые плечики, явно выраженное, относительно высокое горло, прямое или расширяющееся книзу, с отогнутыми круглыми, подтреугольными или профилированными в сечении венчиками. Диаметр дна резко превышает диаметр венчика, а высота сосуда — много больше диаметра тулова. Часть кувшинов украшена прорезным линейным или волнистым орнаментом, который состоит иногда из пересечения прямых линий или сочетания горизонтальных и вертикальных полос, изредка сопровождающихся насечками или наколами концом камышинки (рис. 32, 1, 47—52).

Большинство кувшинов снабжено петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом к венчику или к середине горла, часть — к небольшому горизонтальному валику. Ручки — овальные или подпрямоугольные в сечении, некоторые (например, из раскопа 3, штйки 9, 10) сжаты с боков, отчего на спинке образовалась ложбинка. На наружной стороне некоторых ручек имеются следы орнаментального характера от нажатия пальцем. У некоторых кувшинов на плечиках, на противоположной от ручки стороне сделан цилиндрический носик (раскоп 3, рис. 32, 18, 19, 33—36), причем большинство их из слоя Каучик II снабжено небольшим сливом по краю (рис. 32, 33, 35—36). В нескольких случаях сливы, округлые в плане, отмечены и по краю сосуда. Аналогичные кувшины есть во многих катакомбных могильниках и поселениях Ташкентского оазиса (рис. 56, 31; 58, 23), на поселении Ак-тобе 2, Алимбай-тепе, Шаушукум-тобе и т. п. (рис. 42, 27; 50, 17—19; 53, 61), но для кувшинов из Ак-тобе 2 характерны цилиндрические носики без смятого слива (последние типичны для Шаушукум-тобе, как и сливы по краю сосуда и ручки с желобком на спинке).

Около четверти сосудов второй группы составляют кружки — одна из характернейших

⁵³ А. Я. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 158; И. И. Крашенинникова. Указ. соч., стр. 156, рис. 5, 16.

⁵⁴ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 338, рис. 7, 2—4; стр. 345, рис. 13; 5; 14; 16, 4.

⁵⁵ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, табл. XIII; И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 42, рис. 8, 12.

⁵⁶ Б. И. Вайберг, Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 42—49, рис. 40, 21—26.

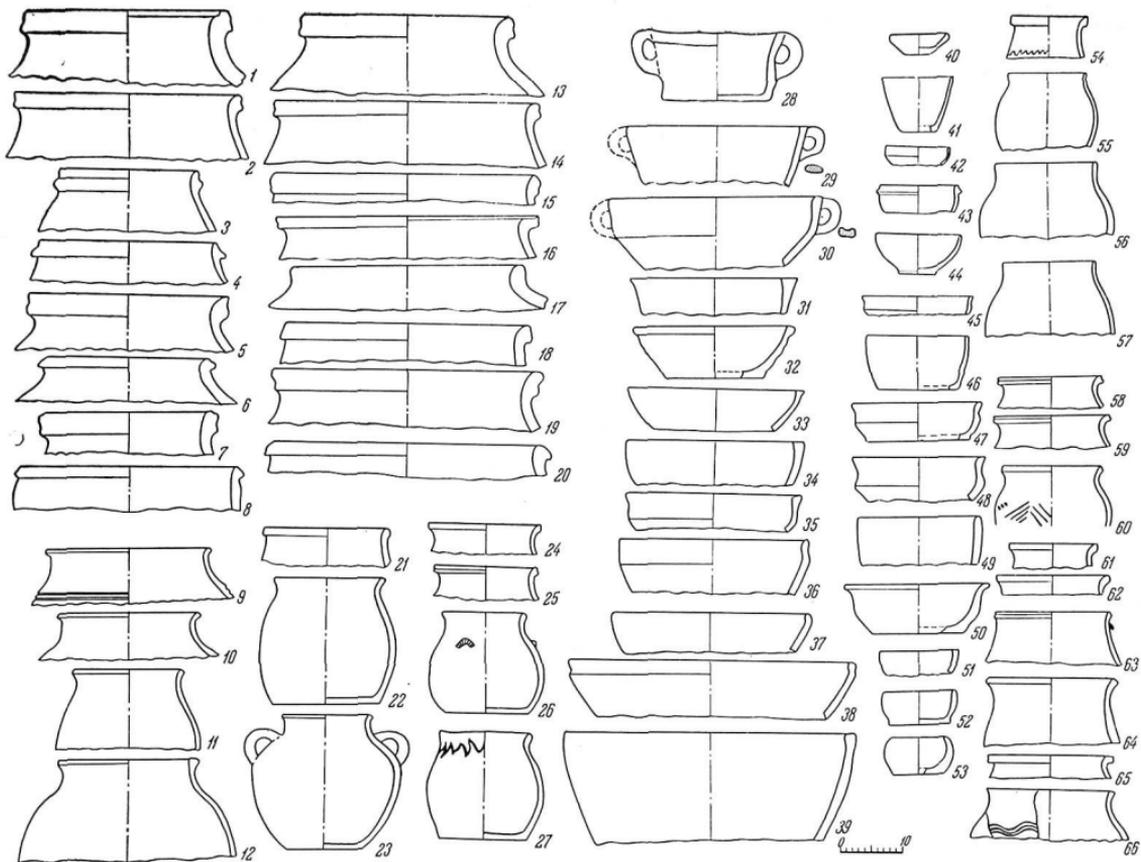

Рис. 31. Городище Каучичи-тепе. «Культура Каучичи II» (по классификации Г. В. Григорьева). Керамика второй группы (хумы, горшки, миски)

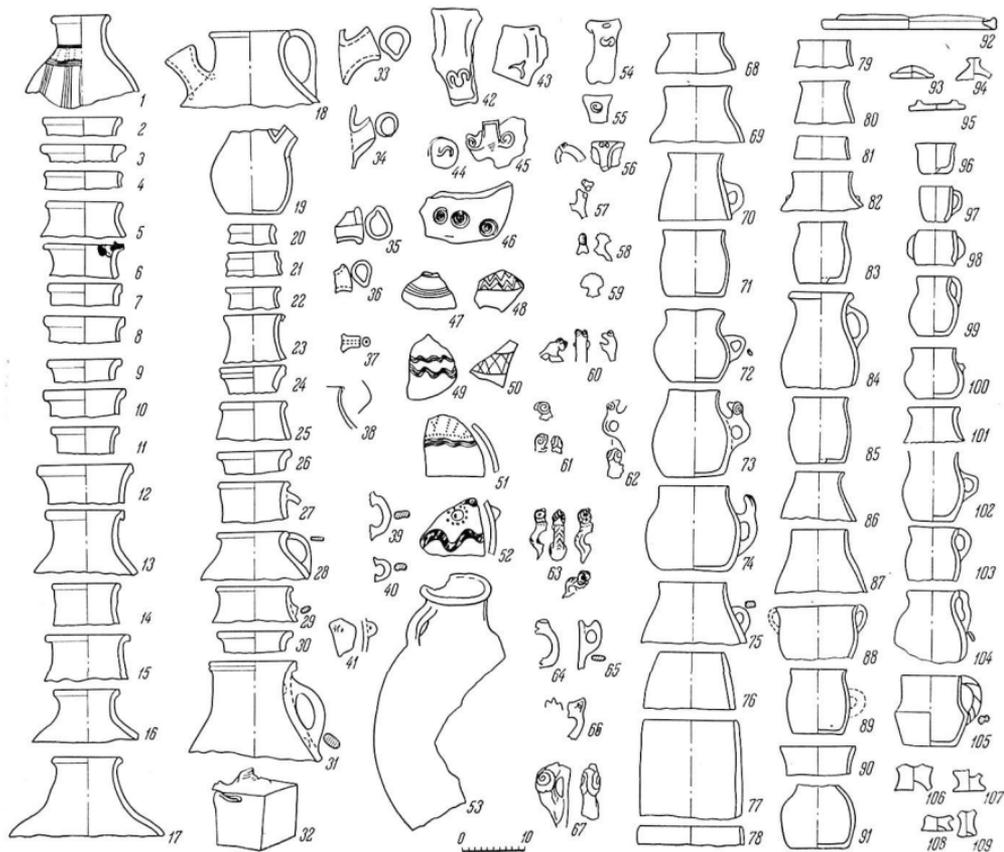

Рис. 32. Городище Каучит-тепе. «Культура Каучит II» (по классификации Г. В. Григорьева). Керамика второй группы (кувшины, кружки)

форм каучинской керамики. Они покрыты снаружи жидким беловато-розоватым ангобом (иногда поверх него — темно-красные мазки и потеки), некоторые — красноватым ангобом и иногда лощеные (например, из раскопа 1 и 3; рис. 32, 56—105). Основная масса кружек — с округлым туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в выделенную, довольно высокую шейку, с простым закругленным или приостренным, отогнутым наружу или прямым краем. У них кольцевидные или петлеобразные ручки, овальные или подпрямоугольные в сечении. Большинство ручек прикреплено к тулову и плечикам сосуда; у многих на верхней части имеется выступ в виде головы животного, обычно барана.

Степень схематизации животных различна, но на многих ручках рога показаны в виде закругленных в разные стороны плоских напелных валиков с насечками по ним и по наружной стороне ручки (очевидно, имитировалась шерсть). Кроме барана, можно предположить изображение петуха (в двух случаях, например, в раскопе 2, верхние штыки; рис. 28, 52; 32, 58, 59) и, возможно, собаки или лисы (рис. 32, 57). Но изображение барана преобладает. На некоторых сосудах — это круглый или закругленный S-видный напел, имитирующий рога. Такие плоские кружки-напелы (раскоп 3, штыки 9, 17) или S-видные закрученные напелы (раскоп 3, штык 1) есть и на ручках, прикрепленных к тулову или верхним концом к краю. Количество последних весьма значительно в слоях Каучи II. В раскопе 3 была обнаружена красноангобированная лощеная кружка с идущей от края витой ручкой. В этих же слоях встречены сосуды, очевидно, также относящиеся к кружкам, с прямыми стенками или с наклонными прямыми стенками внутрь. Они также покрыты красноватым ангобом.

Аналогии кружкам находим на тех же памятниках, где зафиксированы аналогии купшаникам и другим формам, прежде всего — в материалах Ак-тобе 2 (правда, здесь отсутствуют кружки с ручками с плоскими и S-видными напелами сверху. В то же время кружки с такими напелами на ручках найдены на городище Шаушукум-тобе; рис. 51, 18).

Миски и чаши (рис. 31, 28—53) составляют более 11% сосудов второй группы. Они также изготовлены ручной лепкой с помощью вращающейся подставки. Среди мисок преобладают те же формы, что и в слоях «культуры Каучи I», но они имеют менее выраженное ребро, но такой же круглый, приостренный

или уплощенный край. Найдены здесь миски и чаши с округлыми стенками. Некоторые из мисок достигают больших размеров — до 50 см в диаметре. Часть из них снабжена двумя петлеобразными ручками, овальными или подпрямоугольными в сечении, верхним концом прикрепленными к краю сосуда (раскоп 6). Аналогичные миски и чаши находим в материалах тех же памятников, что и другие формы керамики слоев Каучи II. Двуручные миски есть на поселениях Чаш-тепе, Шаушукум-тобе, причем в первом случае аналогии абсолютны⁵⁷, а на Шаушукум-тобе миски и чаши отличаются и местом прикрепления ручек, и формой самих сосудов. Необходимо отметить мисочку с округлыми стенками и с выделенным, подтреугольным в сечении венчиком, чуть загнутым внутрь и как бы бандажиком опоясывающим край снаружи (раскоп 2; рис. 31, 43). Аналогичные сосуды встречаем в материалах Чаш-тепе⁵⁸. Большинство мисок и чаш покрыто жидким беловатым ангобом, реже — густым красным.

Общая форма сосудов типа миски с прямыми стенками и со следами трех ножек (раскоп 2)⁵⁹. Аналогичные сосуды встречаются на Шаушукум-тобе⁶⁰, в низовьях Сырдарьи на городище Кескен-Куюк-кала⁶¹. Отметим фрагменты плоских и конической форм крышек различного размера, обычно покрытых светлым жидким ангобом (рис. 32, 92—95). Часть из них снабжена петлеобразной ручкой или упором-пшмечкой в центре. Вероятно, сосудам типа бокалообразных и вазообразных чаш принадлежит небольшие сплошные или полые конической формы поддоны, покрытые густым красно-коричневым ангобом (рис. 32, 106—109). Интересны фрагменты двух сосудов квадратной формы с красным ангобом⁶². В слоях «культуры Каучи II» обнаружены фрагменты фляг⁶³, распространенных для Ташкентского оазиса форм.

В раскопе 6 в верхних штыках в яме встретилась керамика, которую Г. В. Григорьев попытался на основании качества теста и обработки (тщательное заглаживание) выделить в стадию Каучи III. Из форм опреде-

⁵⁷ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения..., рис. 4, 13, 14.

⁵⁸ Там же, рис. 4, 5.

⁵⁹ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., рис. 39.

⁶⁰ Подземный материал, хранится в фондах ХАЭЭ АН СССР.

⁶¹ Сборы 1963 г., хранится в фондах ХАЭЭ АН СССР.

⁶² Г. В. Григорьев. Кельская степь..., рис. 62.

⁶³ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 6.

ляются лишь сковороды-жаровни первой группы и фляги, которые автор сам сравнивает с флягами «культуры Каунчи II». При обработке каунчинской керамики и, к сожалению, не пашла возможности ничем выделить керамику этих штыков, во всем чрезвычайно сходную с остальной, так как подобную обработку поверхности пришлось наблюдать на сосудах и из других раскопок. Опубликованной Г. В. Григорьевым фляге находим аналогии в тех же памятниках, что и другим формам «культуры Каунчи II».

Кроме разобранной выше керамики, для слоев «культуры Каунчи II» чрезвычайно характерны грубо выполненные своеобразные глиняные подставки под котлы или для вертелов в виде головы быка с большим количеством примесей дресвы и шамота в тесте. Лишь в раскопах 1935 г. их встречено более 25 экз.⁶⁴ По рогам сверху и спереди они орнаментированы несколькими рядами пальцевых вдавлений. Спереди у них одна или две глубокие ямки, возможно, для жира и фитиля. Подобные подставки на Каунчи-тепе встречаем начиная с нижних штыков «культуры Каунчи II» (рис. 30, 69—80; 27, 25, 26; 29, 36, 39; 41, 55, 57), на поселении Алимбай-тепе, Шаушукум-тобе (рис. 49, 16, 17, 20, 31; 53, 53), на городищах Отрарского оазиса⁶⁵.

В раскопе 3 и в подъемном материале были встречены подставки в виде изображения двух голов барана на одном туловище⁶⁶ (рис. 29, 45). Среди них имеются и весьма схематические, и реалистичные изображения; валик с насечками идет по гребню подставки и переходит в спиралевидные налены, изображающие рога. Аналогичные подставки найдены на городище Кызыл-кыр под Бухарой⁶⁷, в Ташкентской области⁶⁸, на поселении Ак-тобе 2⁶⁹.

Как говорилось выше, Г. В. Григорьев датировал «культуру Каунчи II» сакским временем — с начала VI в. до н. э.⁷⁰, основыва-

ясь прежде всего на материалах из слоев этой стадии. Кроме рассмотренной выше керамики, здесь найдены зернотерки ладьевидной формы, каменные ступки, молотки, костяные скобели, железные шлаки, шила, однолезвийные ножи с изогнутой спинкой, круглые пряжки, железный крючок, трехперые железные наконечники стрел, множество пряслиц биконической формы, бусы стеклянные, из раковин-каури и глиняные и т. д.⁷¹ Все эти предметы не датируются точно. Лишь железные наконечники стрел, среди которых есть довольно крупные (например, из раскопов 3, 7), можно датировать временем не ранее первых веков н. э. — серединой I тысячелетия н. э. включительно.

А. И. Тереножкин датировал слой Каунчи I—II—I вв. до н. э., а Каунчи II — рубежом н. э.⁷², обосновывая верхнюю границу последнего датой Джунских курганов II—IV вв. н. э., относящихся, по мнению Т. Г. Оболдуевой, к более поздней стадии этой же каунчинской культуры⁷³. С. П. Толстов в 1946 г. на основании некоторых хорезмийских аналогий датировал Каунчи II—IV вв. н. э., сомневаясь, однако, в однородности этой стадии⁷⁴.

За 35 лет, прошедших со времени раскопок Г. В. Григорьева, накоплено много материала по этой культуре, раскопаны множество курганов и новые городища. Тщательный анализ старых данных, а особенно появление новых позволило уточнить датировки слоев Каунчи-тепе. В этом плане важны раскопки на городищах Минг-Урюк и Чаш-тепе под Ташкентом, на поселении Ак-тобе 2 близ Чардара ГЭС в 1961—1962 гг., раскопки А. Г. Максимова курганов вблизи этого поселения и около городища Шаушукум-тобе в 1958—1962 гг., а также раскопки Г. И. Пацевича на Шаушукум-тобе⁷⁵.

⁷¹ Г. В. Григорьева. Каунчи-тепе, стр. 25; он же. Краткий отчет..., стр. 7; он же. Келесская степь..., стр. 51.

⁷² А. И. Тереножкин. Рецензия..., стр. 84—86; он же. Согд и Чач, стр. 158.

⁷³ Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 23, 1948, стр. 202.

⁷⁴ С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи-тепе..., стр. 174—176.

⁷⁵ См. разделы, написанные В. И. Вайнберг, Л. М. Левиной, А. Г. Максимова и Г. И. Пацевичем в кн.: А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардара. Алма-Ата, 1968, а также: Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Указ. соч.; Н. И. Крашенинникова. Указ. соч.

⁶⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., стр. 27.

⁶⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «ТНИИАЭ АН Каз. ССР», т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 176, рис. 43.

⁶⁶ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, стр. 26.

⁶⁷ В. Л. Ильясов. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 72—73.

⁶⁸ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 34, рис. 9.

⁶⁹ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 63, рис. 27.

⁷⁰ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, стр. 33.

Поселение Ак-тобе 2 расположено на правом берегу Сырдарьи, в 15 км выше по реке от поселка Чардарастрой Кировского района Южноказахстанской обл. Оно открыто в 1958 г. А. Г. Максимовой и определено как «тепе с площадкой». В 1961—1962 гг. на поселении проводил раскопки отряд Чардаринской экспедиции⁷⁶. Подробное описание памятника и раскопок уже публиковалось⁷⁷, поэтому ограничимся лишь краткой характеристикой его. Поселение находится над руслом Сырдарьи, в настоящее время ставшим боковым протоком. Площадь его (325 × 115 м) делится на три постепенно возвышающиеся части, условно названные город, цитадель и небольшой дворец. Почти в середине южной части городища, вдоль стены над рекой, на 2—3 м над остальной частью возвышается цитадель (площадь 75 × 90 м). Внутри нее у юго-восточной стены, выше цитадели на 4,5 м расположены развалины дворцового здания. В результате раскопок выяснилось, что дворцовое здание, цитадель и город возведены одновременно на естественном возвышении и само поселение Ак-тобе 2 однослойно, хотя постройки дворцового здания и цитадели пережили два строительных периода, но они не всегда сопровождался перепланировкой поселения и его зданий, а скорее носили характер ремонтов и частичных перестроек.

Дворцовое здание и по расположению, и по характеру непосредственно относится к так называемым вьшкам, отмеченным Г. В. Григорьевым на всех городищах «архаического» типа по рекам Келессу, Курук-Келессу, Ангрену, Чиринку и Сырдарье⁷⁸, к «вьшкам», которые скрывают внутри остатки большого архитектурного комплекса со сводчатыми перекрытиями, двухметровыми стенами и т. д.⁷⁹

Поселение Ак-тобе 2 было сильно укреплено двойной системой обороны⁸⁰. С трех сторон (со стороны степи) оно было обнесено валом-стенной, а со стороны реки — мощной паховой стеной. В северной, северо-западной и восточной частях «города» культурные зольные слои прослеживаются лишь у крепост-

ных стен цитадели и «города». Возможно, что эти наиболее низкие части поселения использовались как загоны для скота и для легких переносных жилищ. Крепостная стена цитадели сложена из сырцового кирпича квадратной (40 × 40 × 10) и прямоугольной форм (50 × 30 × 10). Вся площадь цитадели покрыта постройками, примыкающими к крепостной стене и к дворцовому комплексу. Стены помещений сложены из сырцового кирпича на толстом слое раствора с золой, угольками, гумусными остатками. Помещения нижнего строительного горизонта гораздо больших размеров, чем верхнего. Перекрытия плоские — из деревянных балок, слоев камыша и соломы, обмазанных глиной. Встречено три типа очагов и суфы вдоль стен. Как показали раскопки на цитадели, за время существования поселения была лишь одна существенная перестройка, в результате которой, например, большое помещение № 1 было разгорожено на два. Очевидно, к этому времени крепостная стена цитадели утратила фортификационное значение и полы помещений верхнего строительного периода перекрыли ее. Сгоревшие балки, камыш, солома и обгорелые куски глины с отпечатками перекрытия лежат по всей площади раскопов на цитадели (слой пожара от 0,3 до 0,6 м)⁸¹.

Дворцовое здание, раскопанное деликом в 1961—1962 гг., было построено из сырцового кирпича на материковом бугре. В кладке стен помимо квадратных (40 × 40 см) есть и прямоугольные (в среднем 50 × 30 см) кирпичи. В плане дворцовое здание представляло собой прямоугольник со скругленными углами (28 × 18,5 м). Внутри — входной комплекс и два коридорообразных помещения, дугой отгибавших с запада и востока пять крестообразно расположенных небольших помещений. С юго-запада к входному комплексу примыкала потайная лестница с колодезем. В центре здания — квадратное помещение (№ 6) с плоским перекрытием, сообщавшееся арочными проходами со всеми остальными. Расположенные к югу и северу от центрального помещения № 1 и 5 были перекрыты сводами. К западу находилось также сводчатое помещение № 2 — своеобразная «лестничная клетка», через которую попадали в здание и спустились по трехмаршевой лестнице на шестиметровую глубину

⁷⁶ Начальник отряда к. и. н. Б. И. Вайнберг.

⁷⁷ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч.

⁷⁸ Г. В. Григорьев. Келесская степь... стр. 47.

⁷⁹ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке... стр. 15; он же. Краткий отчет... стр. 3; он же. Келесская степь... стр. 47.

⁸⁰ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 13—17.

⁸¹ Там же, стр. 17—21.

к потайному колодцу, скрытому в толще крепостной стены, а также поднимались на крышу. К востоку от центрального было расположено помещение № 7, перекрытое куполом на примитивных трюпах⁸². Помещения освещались через окна (№ 5) или световые проемы шириной 18—20 см (№ 1, 2), иногда пропагавшиеся в шахматном порядке.

Для стратиграфии и датировки поселения Ак-тобе 2 особое значение имеет купольное помещение № 7, в котором после гибели поселения было произведено захоронение.

Постройки на цитадели и часть дворцовых имеют следы интенсивного пожара и сильного разрушения, указывающего на гибель памятника в результате, вероятно, военной катастрофы. Очевидно, с этим же связана и заброшенность дворцового здания, где над культурным слоем над полом есть перекрывающий слой запустения, состоящий из мелкозернистой рыхлой глины с мусором и мелкими фрагментами штукатурки. Судя по отсутствию завалов и намывов на полу и в этом слое, перекрытия тогда еще не были существенно повреждены. В тот период помещение № 7 и было использовано для захоронения. Вдоль западной стены на слой запустения был поставлен деревянный гроб. Так как помещение, очевидно, рассматривалось производившими захоронение как погребальная камера типа катакомбы, то гроб не засыпали, зато в соседнем центральном помещении, вероятно, сразу после погребения была обрушена кровля и образовавшийся завал закрыл доступ в помещение № 7. Под действием намывных слоев завал уплотнился, открыв верхние части арочных проходов, и намывы глины с песком распространились во все остальные помещения, заполнив и помещение № 7 на высоту 45—47 см над слоем запустения, включая и гроб. Позднее обрушились частично купол и стены. В слое намывов, плотно закрытых кирпичным завалом, на месте сгнившего дерева хорошо сохранились пустоты. Гроб был решетчатой конструкции. Подобные на территории Средней Азии найдены в Кенкельском могильнике⁸³ и в Восточном Приаралье в комплексах последних веков до н. э.⁸⁴

⁸² Подробно о конструкциях и строительных приемах дворцового здания см.: *Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина*. Указ. соч., § 4 (написан Б. И. Вайнбергом), стр. 21—32, рис. 8—14.

⁸³ *А. И. Берштам*. Кенкельский могильник, табл. XXIII.

⁸⁴ *Л. М. Левина*. Об одном из типов погребальных памятников в бассейне Жаныдырья. Рукопись. Архив ХАЭЭ АН СССР. Но на Жаныдырье решет-

В Ак-тобе 2 внутри гроба лежал вытянуто на спине непогребенный покойник. Инвентарь сохранился полностью. Справа у головы были поставлены два деревянных сосуда: высокая кружка и чашечка без ручки с медными заклепками на венчиках⁸⁵. Эти сосуды близки по форме керамическим усуньским⁸⁶ и находят аналогию в деревянных сосудах Кенкельского могильника и на Тянь-Шане, в Туве⁸⁷. Кроме сосудов, у самого черепа лежала «серьга» из сплава серебра и золота, с зернью и стеклянными овальными вставками, относящаяся к кругу находок по-лихромного стиля из Казахстана середины I тысячелетия н. э.⁸⁸

А. Н. Берштам рассматривал такие находки как принадлежащие культуре гушнов, в которой значительную роль играли местные среднеазиатские племена⁸⁹. Нижнюю половину покойника прикрывал большой берестяной футляр, внутри которого лежал деревянный лук с костяными обкладками «тунского» типа⁹⁰, железный однолезвий-

чатые гробы носят более парадный характер из-за резных вертикальных плашек. См.: «Низовья Сырдарьи (проблемы палеогеографии, этнической истории и освоения)». Гл. II, раздел «Рядовые погребения Чиркирабатской культуры». Рукопись ИА АН СССР.

⁸⁵ *Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина*. Указ. соч., стр. 76, рис. 32, 19, 20.

⁸⁶ *К. А. Акишев*. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 4. Алма-Ата, 1956, стр. 23; рис. 20; *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев*. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, табл. VIII, 2, 4; IX, 9.

⁸⁷ *А. Н. Берштам*. Кенкельский могильник, стр. 6, 7, 10, 12; *А. К. Кибиров*. Археологические работы в Центральной Тянь-Шане, «ТКЭ», т. II, М., 1959, стр. 116, 129, 133; *В. П. Дьяконова*. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль. ТТКЭ, т. III, М.—Л., 1970, стр. 235, табл. 4, 13.

⁸⁸ Сподку находок этого типа в Казахстане см.: *М. К. Кадырбаев*. Памятники ранних кочевников Центральной Казахстана. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 193—198.

⁸⁹ *А. Н. Берштам*. Находки у озера Борового в Казахстане. «Сборник Музея этнографии и этнографии», т. XIII, 1951, стр. 228—229; *он же*. Этнич. истории гушнов. Л., 1951, стр. 199—200.

⁹⁰ Ближайшие аналогии таким лукам находим в Талаской долине, в Туве (*А. Н. Берштам*. Кенкельский могильник, стр. 12; *С. И. Вайнштейн*. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. ТТКЭ, т. III, стр. 39, рис. 52, 1—7; стр. 70, рис. 111, 1—5; *В. П. Дьяконова*. Указ. соч., стр. 235, табл. 1, 32—38). Концевые накладки такого типа лука широко представлены в памятниках различных районов Средней Азии, в Забайкалье, на Алтае, в Монголии, в позднесарматских памятниках Нижнего Поволжья и в других местах (*А. К. Кибиров*. Указ. соч., стр. 116; *А. Н. Берштам*. Историко-ар-

ный нож, крестец барана и берестяной колчан со стрелами с камышовыми древками. Железные трехперые наконечники стрел имели длину от 5,5 до 7 см. Две стрелы были вытиснуты из колчана. Наконечник одной из них был с опущенными жальцами, наконечник другой — плоский дуплерый со слегка подрезанными вверх краями лопастей. Вне футляра, ниже пояса погребенного лежал железный двулезвийный кинжал без перекрестия со следами деревянных ножен и две железные пряжки: одна — с подвижным язычком и круглым щитком, другая — без сохранившегося язычка с подпрямоугольной площадкой. На ногах — по два ряда медных круглых бляшек со штырьком, служивших, вероятно, украшением обуви.

Инвентарь данного погребения подробно рассмотрен в работе В. И. Вайнберг и Л. М. Левинной⁹¹. Анализ его позволил датировать данное погребение концом IV — рубежом IV—V вв. н. э.⁹²

В слоях самого поселения Ак-тобе 2 также собрано некоторое количество каменных, бронзовых, железных, глиняных и других предметов быта, украшения, оружие. Встреченные в нижнем строительном периоде би-

конические, конические и плоские глиняные пряслица принципиально ничем не отличаются от найденных в верхнем. В верхнем строительном периоде встречаются также отдельные железные предметы (прямоугольная пластинка, возможно, от панциря, крючки, одностебельные ножи с прямой и со скругленной спинкой, небольшие трехперые черепковые наконечники стрел), каменные грузила, ладьевидные кварцевитовые зернотерки, кварцевитовые жернова, лопица, бронзовые кольца, золотая бляшка с зернью и с овальной стеклянной вставкой, золотая же серьга с бронзовой дужкой, стеклянные и каменные бусы и другие предметы украшения и быта. Все эти находки также проанализированы в работе В. И. Вайнберг и Л. М. Левинной⁹³, поэтому упомянем лишь некоторые. Так, найденные железные наконечники стрел по аналогии с сарматскими⁹⁴ и среднеазиатскими⁹⁵ находками могут датироваться первыми веками н. э. Встреченный в материалах поселения Ак-тобе 2 косметический набор, состоящий из каменной палочки и кусочка графита («сурмама»), — довольно частая находка в районе Ташкентского оазиса и в прилегающих районах в подбойно-катакомбных погребениях, в мугхона, курумах⁹⁶. Бронзовая застежка-пуговица в виде палочки с четырьмя круглыми утолщениями на концах и посредине⁹⁷ аналогична найденным в кургане № 11 могильника Уйгарак⁹⁸, что позволяет предположить длительное существование этих предметов, есть они и в

хеологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Намиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 73, рис. 27; Ю. Д. Варушин. Кара-Булакский могильник. «Известия АН Киргиз. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961, стр. 62; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 34; Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 53, рис. 5. 10—13; С. Сосновский. Раскопки Ильмовой пяди. СА, VIII, 1946, стр. 39, 62, рис. 13; А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956, стр. 291, рис. 21; С. И. Руденко, А. Л. Глузов. Могильник Кудырге на Алтае. «Материалы по этнографии», т. II, вып. 2, 1927, стр. 12—18; С. И. Руденко. Культура хуннов и Юннуцкие курганы. М., 1962, табл. IV, гл. VII; Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 1, 1956, стр. 72—74, рис. 44; Хуан Вэнь-би бань. Гаочанская керамика. «Материалы Северо-Западной экспедиции (1930—1931)», т. II, Хэбэй, 1933, табл. 8, 17; «Scola народа. Archeoloski palazi jugoslovenskog podunavlja». Zemun, 1962, стр. 12, рис. 10; стр. 36, рис. 1. Вернер считает наиболее ранними забайкальские лунки (U. Werner. Bogenfragmente aus Carnuntum. «Eurasia Septentrionalis Antiqua», VII, 1932, стр. 50). Сводки находок таких луков см.: А. М. Хазанов. Указ. соч., стр. 33—42; В. А. Лигачевский. Слоянско-сарматской лунки в древней Средней Азии. СА, 1966, № 4, стр. 51—69.

⁹¹ В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 74—79, рис. 30—33.

⁹² Там же, стр. 79.

⁹³ Там же, стр. 63—70, рис. 28—29.

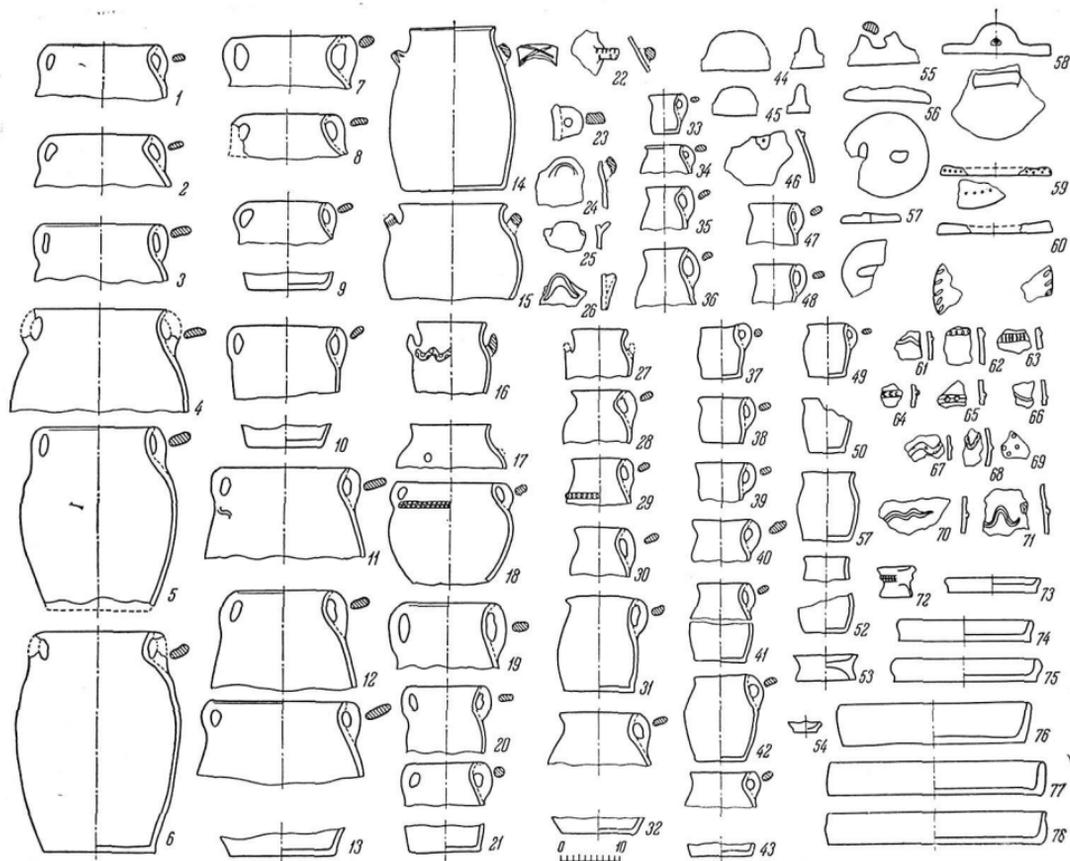
⁹⁴ В. И. Шилов. Калининский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 432, 461, рис. 50; стр. 496—497.

⁹⁵ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенколского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 11—12; он же. Боркорбазский могильник. ТОВЭ, т. V, Л., 1961, стр. 124, табл. II, XV; он же. Железные изделия из Кенколской коллекции «Сообщения ГЭ», вып. XX, Л., 1961, стр. 51—54; Ю. Д. Варушин. Указ. соч., стр. 63, рис. 12; И. Кожомбердиев. Новые данные о Кенколском могильнике. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 74, рис. 15; М. Ф. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Узб. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вреспской в 1947 г. «Труды Музея истории Узб. ССР», вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 59; В. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 75 и сл.

⁹⁶ См. сводку этих находок: В. С. Сорокин. Боркорбазский могильник, стр. 123, табл. V, стр. 148—149.

⁹⁷ В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 67, рис. 29, 19.

⁹⁸ О. А. Вишневецкая. Культура сакских племен низовья Сырдарьи VII—V вв. до н. э. (по материалам могильника Уйгарак). В печати.

33. Поселение Ак-тобе 2. Керамика первой группы

катакомбом погребении, раскопанном Н. И. Крашенинниковой в 6 км от Ташкента⁹⁹. Близкие бронзовые застёжки известны в сарматских погребениях Поволжья, а костяная — в могильнике Большие Елбаны (III—IV вв. н. э.)¹⁰⁰. Округлая уплощенная по форме подвеска из черного полированного камня подобна найденным на Нижней Сырдарье в материалах джетысарской культуры¹⁰¹. Луничной формы золотая серьга с припаянными снизу золотыми шариками в виде виноградной грозди, каждый из которых украшен строеной зерно, по аналогии с серьгами из Сибирской коллекции Петра I, с. Бори, могильника Таш-тобе, в определенной степени из Ашхабадского и из Харинского могильников¹⁰² может быть датирована также первыми веками н. э., но не позже III в. н. э.¹⁰³ Костяная прямоугольной формы пряжка с неподвижным язычком аналогична найденным в погребениях второй половины I тысячелетия до н. э. в Поволжье, на Северном Кавказе и на Алтае. По мнению М. Г. Мошковой, такие костяные пряжки перестают встречаться в археологических памятниках позже I в. до н. э.¹⁰⁴

На основании приведенных аналогий различным группам находок можно датировать поселение Ак-тобе 2 в пределах I—IV вв. н. э. Но, учитывая единичную пока находку более раннего времени — костяную пряжку, можно предположительно отнести начальную дату памятника к I в. до н. э. Что касается верхней его границы, то датировка погребения в купольном помещении № 7 дворцового здания концом IV — рубежом IV—V вв. н. э., погребения, совершение которого безус-

ловно отделено от момента гибели памятника некоторым промежуточком времени, позволяет отнести время гибели поселения к концу III — началу IV в. н. э.

Так как поселение Ак-тобе 2 погибло в результате катастрофы, удалось склеить полностью или определить полную форму многих сосудов (более 300 экз.)¹⁰⁵. Основная масса керамики изготовлена ручной лепкой, встречены лишь единичные сосуды станковой работы. Всю керамику можно разделить на две большие группы.

Первую группу составляют «кухонные» сосуды очень грубой лепки, изготовленные из плохо промытого и слабо отмученного теста с примесью крупнодробленной дресвы или шамота, с рыхлым черепком, напольного обжига. Ко второй группе керамики относим сосуды ремесленного изготовления, в подавляющем большинстве выполненные тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки, с хорошо промытым и отмученным тестом, горнового обжига. К этой группе принадлежат сосуды для хранения и переноски воды, зерна и так называемые столовые сосуды.

Сосуды первой группы (около 30% всей керамики) найдены во всех раскопах цитадели и города (в обоих строительных периодах). Их можно подразделить на несколько видов. Горшки составляют более 73% в первой группе (рис. 33, 1—27). Они изготовлены ручной лепкой, ленточной техникой (ширина полос не превышает 8—9 см) из небрежно промытой и слабо отмученной глины с большим количеством примесей крупнодробленной дресвы, кварцитового песка, реже — известковых включений и шамота. Поверхность горшков покрыта сероватым, реже — серовато-беловатым ангобом. Встречено несколько экземпляров горшков (например, в центральном помещении дворцового здания), у которых по светлому ангобу имеются следы темно-серого цвета мазков и потеков, что перекликается с приемом ornamentации керамики второй группы. По форме горшки делятся на несколько типов. У всех горшков вытянутое тулово с покатыми плечиками, несколько отогнутый наружу простой край, диаметр которого большей частью равен диаметру дна. Большинство сосудов снабжено двумя ручками, прикрепленными к краю горшка верхним кондом (но они не поднима-

⁹⁹ Н. И. Крашенинникова. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. «Труды Таш. ГУ». «Археология Средней Азии», вып. VII. Ташкент, 1966, стр. 28, 29, рис. 4.

¹⁰⁰ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 1956, № 48, табл. XXI, 12.

¹⁰¹ Л. М. Левина. Указ. соч., рис. 16, 18, 36, 49.

¹⁰² С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, ДЗ-9, М.—Л., 1962, стр. 22—23, 36, табл. II, 1, 3; XX, 20, 26—29; стр. 37; И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины... стр. 53, 68, рис. 7, 5; Е. М. Придик. Новые кавказские клады. МАР, № 34, СПб., 1914, стр. 98, табл. II, 10; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1962, стр. 80, табл. XVII, 11; Р. В. Кижалов. Ашхабадский могильник. ТОВЭ, т. V, Л., 1961, стр. 52—53, рис. 1.

¹⁰³ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 68—69, рис. 29, 24.

¹⁰⁴ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, М., 1963, стр. 40, табл. XXV.

¹⁰⁵ Таблицы керамики составлены типологически с учетом стратиграфии и по строительным периодам.

ются над краем). Есть горшки и с горизонтальными ручками, чаще петлеобразными, а иногда в виде сплошных выступов-ушек, с отверстием или без него.

Небольшой процент составляют горшки без ручек (можем говорить точно лишь о 1,5%). В качестве примера можно привести горшок из помещения № 5 дворцового здания (рис. 33, 51). Вероятно, к этому же типу можно отнести фрагментированный сосуд, найденный в помещении № 1 дворцового здания. Это сосуд с плотным черенком, большим количеством примесей дробленых раковин в тесте, с поверхностью, покрытой темно-серым ангобом и слегка подлощенной и заокоченной¹⁰⁶.

Сосуды с двумя ручками, прикрепленными верхним концом к краю, а нижним — к плечикам, составляют около 87% всех горшков. Размеры их различны. Так, диаметры венчиков и донышек колеблются от 12 до 20 см (но есть и сосуды с диаметрами венчиков 21—23 см, а днищ — 24—30 см). Наиболее часто встречаются венчики диаметром 13, 16, 20 см, а днища — 13, 15 и 20 см. Высота некоторых сосудов превышает 40 см (при диаметре дна и венчика 17 см, а диаметре тулова 23 см). Другие сосуды при диаметре дна и венчика 17 см достигают высоты 30 см и диаметра тулова 25,5 см (рис. 33, 1—13, 18—21). Все петлеобразные ручки сравнительно невелики, удлиненно-овальные, реже — круглые в сечении.

Ближайшие и полные аналоги подобным горшкам находим в материалах Ташкентского оазиса, на городище Каунчи-тепе¹⁰⁷. Такие сосуды есть в катакомбах первых веков н. э. в Чаткальской долине (Узук-Булак, Миянкол и Чукурчак) и в Центральном Тянь-Шане (Айгырдак)¹⁰⁸.

Небольшая часть горшков, имеющих две вертикальные ручки, снабжена круглой ямкой у места прикрепления верхнего конца ручки (рис. 33, 7, 21). Подобные горшки найдены лишь в верхнем строительном периоде и отсутствуют в нижнем. Но аналогичный

прием орнаментации часто встречался на сосудах из слоев «культуры Каунчи II», где они составляют около 35% среди горшков. Этот прием типичен для Шаушукум-тобе, на «кухонных» же сосудах, с круглыми или овальными в сечении ручками, часто сжатыми с боков, что еще пехарактерно для «кухонных» сосудов Ак-тобе 2. Такие ручки также неоднократно встречаются на Каунчи-тепе в слоях «культуры Каунчи II».

На поселении Ак-тобе 2 найден единственный экземпляр подобного сосуда на верхнем полу помещения № 6 дворцового здания. Он несколько иных пропорций, чем обычные актобинские (рис. 33, 18; 45, 22). У него шаровидное тулово, прямое горло и две вертикальные ручки, чуть сжатые с боков, отчего образовалась продольная ложбинка вдоль ручки. Диаметр венчика 15 см, дна — не более 12 см, тулова — 20,5 см, высота сосуда 17 см, т. е. диаметр тулова больше высоты сосуда. Между нижними концами ручек тулово опоясано налечным валиком, на котором палочкой сделаны глубокие нарезки. Подобный орнамент в виде гладких или с насечками налечов, прямых или волнистых, идущих по тулову от низа ручек, на двуручных горшках и кружках верхнего строительного периода встречен несколько раз (рис. 33, 16, 18, 29, 61—71).

На некоторых горшках от нижней части ручек по тулову или просто на тулове есть небольшие волнообразные жгутики, вероятно, имитирующие рога барана (рис. 33, 11). Иногда они сопровождаются шишечками, иногда встречаются на тулове сосудов одни шишечки (рис. 33, 17, 46). Сосуды первой группы (чаще всего горшки) с орнаментом в виде налечных валиков в большом количестве найдены в Каунчи-тепе, начиная с нижних штыков слоя Каунчи II во всех раскопах (рис. 28). Аналогичный орнамент на «кухонных» сосудах, типологически, безусловно, связанных с актобинскими, широко представлен на Шаушукум-тобе. В то время как на Ак-тобе 2 подобный орнамент отмечен на небольшом числе находок (сосуды эти составляют лишь 6,5% горшков) и довольно однообразен, на городище Каунчи-тепе с самого низа слоев «культуры Каунчи II» и на Шаушукум-тобе он очень характерен и дает многочисленные варианты (например, начиная с нижних штыков слоя Каунчи II аналогично орнаментированные горшки составляют более 65%). Орнамент в виде шишечек на тулове встречается и на многих памятниках среднего течения Сырдарьи в районе От-

¹⁰⁶ Сосуды с подобной примесью раковин встречены в обоих строительных периодах Ак-тобе 2 и найдены на полу одной из «землянок» Каунчи-тепе.

¹⁰⁷ Т. В. Григорьев. Келеская степь..., стр. 63, табл. II, 15.

¹⁰⁸ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткалы. ТИЯЛИ АН Кирг. ССР. т. 5. Фрунзе, 1956, стр. 7, рис. 2; он же. Археологические памятники Чаткалы. ТКЭ, т. II, М., 1959, стр. 10, рис. 6; он же. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане..., стр. 120, рис. 22.

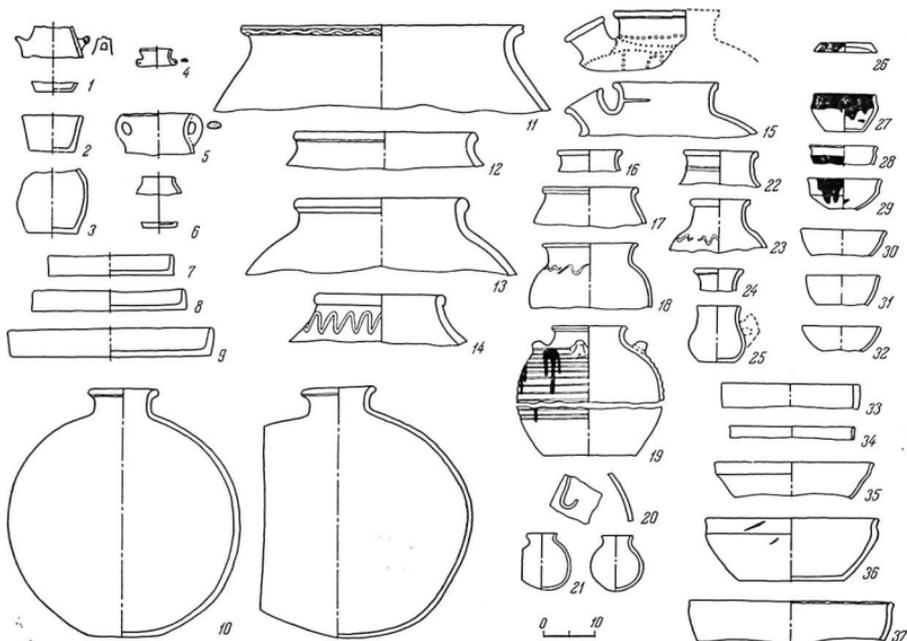

Рис. 34. Поселение Ак-тобе 2. Керамика нижнего строительного периода

рара¹⁰⁹. Валики с защипами по ним, иногда сопровождающиеся шишечками, на «кухонных» сосудах найдены и на городище Кызыл-кыр¹¹⁰.

Гораздо меньше горшков с двумя горизонтальными ручками на плечиках (около 10%). Среди них наряду с сосудами с несколько вытянутым туловом (как, например, с верхнего пола помещения № 1 раскопа 4 — см. рис. 33, 14; 45, 25, — у которого высота 27 см, диаметр венчика 15 см, дна — 18 см, тулова — 22,5 см) есть и горшки с приземистым, более сферическим туловом, напоминающим котлообразные (например, из того же раскопа 4 — см. рис. 33, 15, высота сосуда не более 18—19 см, диаметр венчика 18 см, а тулова — 23,5 см). Ручки подобных сосудов

часто украшались насечками (рис. 33, 15), нарезками по краям (рис. 33, 22), нарезками по спинке, иногда образующими крест (рис. 33, 14). Часть этих сосудов была с парными ручками-ушками, слегка приподнятыми вверх, сплошными (рис. 33, 24—26) или с небольшим отверстием. Таков горшкообразный сосуд из помещения № 7 дворцового здания (рис. 33, 16; диаметр венчика его — 12 см, высота — около 15 см). Сосуд украшен волнистым валиком с насечками.

Несколько отличается от последнего горшок из нижнего строительного периода в помещении № 9 раскопа 1 (рис. 34, 1). Это небольшой горшок с двумя фигурными ручками-ушками с довольно крупным отверстием в каждой. Покрыт он темно-серым, местами до черного ангобом и лощеным по наружной стороне. Пока не имеет точных аналогов. В том же слое в помещении № 8 был найден фрагмент сосуда с двумя очень маленькими ручками с отверстиями в них (рис. 34, 4).

¹⁰⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 165, рис. 84.

¹¹⁰ В. А. Нильсен. Указ. соч., стр. 60—78; «Экспозиция Музея истории народов Узбекистана (Ташкент)». Инв. № 43/265/173 и И. И. 9200/V.

Горшкам с парными горизонтальными ручками, петлеобразными или сплошными, также находим аналогии в материалах городища Каунчи-тене.

Кружки (рис. 33, 28—43, 47—49; 45, 18—21) составляют около 20% сосудов первой группы. Они изготовлены той же техникой и из такой же глины, что и горшки. Все кружки снабжены овальными или округлыми в сечении ручками, прикрепленными верхним концом к краю устья, но, как и у горшков, не поднимающимся над краем. Изредка ручки на верхнем конце имеют неглубокие ямки (подобно горшкам). Такие кружки (их лишь 3 экз.) найдены исключительно в верхнем слое верхнего строительного периода Ак-тобе 2. Размеры кружек варьируют. Так, диаметры венчиков и донышек, обычно равных между собой или же близких по размерам, колеблются от 6 до 12 см, высота кружек — от 6 до 16 см. Чаще всего встречаются кружки, имеющие диаметр венчиков и донышек 7—9 см (высота 9—12 см).

У сковород (рис. 33, 73—78; 34, 7—9), найденных во всех раскопах, чрезвычайно рыхлый черепок, примеси крупнодробленой дресвы, песка, иногда шамота или известковых включений в тесте, беловатый или светло-серый ангоб. Диаметр сковород от 22 до 31,5 см, высота — от 3,7 до 6,5 см (есть 1 экз. из верхнего строительного периода помещения № 1 раскопа 4 с диаметром 15 см при высоте 2,1 см). Такие сковороды распространены были в Средней Азии во многих районах, в том числе на Нижней и Средней Сырдарье, на склонах Каратау и в Ташкентском оазисе.

Чаши (рис. 34, 2) представлены единственным экземпляром (из нижнего строительного периода помещения № 9). Она усеченно-конической формы с простым краем, диаметр которого 11,5 см, диаметр дна 8,8 см, высота чаши 7 см.

Среди других видов керамики первой группы вследствие фрагментарности материала можем лишь предположить наличие котлообразных и вазообразных (вероятно, типа курильниц) сосудов. Последним могли принадлежать два поддона, найденные в дворцовом здании. Оба полые, покрыты светлым сероватым ангобом; следов горения нет, у меньшего из них в верхней части — налестный валик с насечками по нему (рис. 33, 53, 72).

Крышки встречены исключительно в верхнем строительном периоде. Все они плоские диаметром от 10,5 до 20 см, толщина стенок

от 1 до 2,5 см; по центру — петлеобразная или сплошная ручка (рис. 33, 44, 45, 55—60). Некоторые орнаментированы насечками около края сверху или же ямками, вдавленными также по еще сырой глине концом палочки сверху или по бокам (рис. 33, 59).

Аналогичные крышки типичны для городища Каунчи-тене и других поселений Ташкентского оазиса¹¹¹, такие же крышки встречаются и на Нижней Сырдарье (например, в нижнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3)¹¹², и в Фергане в материалах первых веков н. э.¹¹³

Керамика второй группы в свою очередь может быть разделена по назначению и форме сосудов на несколько видов и типов.

Хумы, хумчи и крупные корчаги (рис. 35—37, 46) предназначались для хранения запасов зерна, вина, воды и т. п. Как и вся керамика второй группы, они изготовлены тщательной ручной лепкой. Снаружи сосуды покрыты жидким беловатым ангобом, поверх которого густой красной, красно-коричневой, местами до черного краской нанесены как бы нарочито небрежные мазки, идущие часто по венчику и горлу, от них вниз по тулову. Иногда капли и потеки достигают дна. Сосуды формировались ленточным способом из отдельных полос шириной 8—10 см; плечики, венчик и дно лепились отдельно. Полосы скреплялись таким образом, чтобы верхняя суженная часть одной из них соединялась с суженным нижним концом другой¹¹⁴. Сосуды снаружи заглажены, но внутри хорошо заметны места скрепления полос. Дно лепилось одним плоским куском иногда с выпуклой внутри средней частью. Стенки примазывались внутрь дна. Чаще всего дно лепилось на песчаной подсыпке, но встречается и дннца (более 20 экз.) с отпечатками тканей, изготовленных на ткацком станке.

У хумов и хумчей — вытянутое яйцевидное тулово, обычно резко покатые плечики, диаметр дна равен или несколько меньше диаметра венчика, наиболее широкая часть тулова приходится на верхнюю четверть сосуда. Размеры различны. Так, высота колеблется от 85 до 130 см и более, диаметры вен-

¹¹¹ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильбер. Указ. соч., стр. 134, табл. 3.

¹¹² Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии..., стр. 49, рис. 3, 32; стр. 50, 87, рис. 25, 31.

¹¹³ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. ТКЭ, т. IV, М., 1960, стр. 197, рис. 28, 9, 11.

¹¹⁴ Подробное описание этого приема см.: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ, т. IV, М., 1959, стр. 184—185, рис. 40, 1.

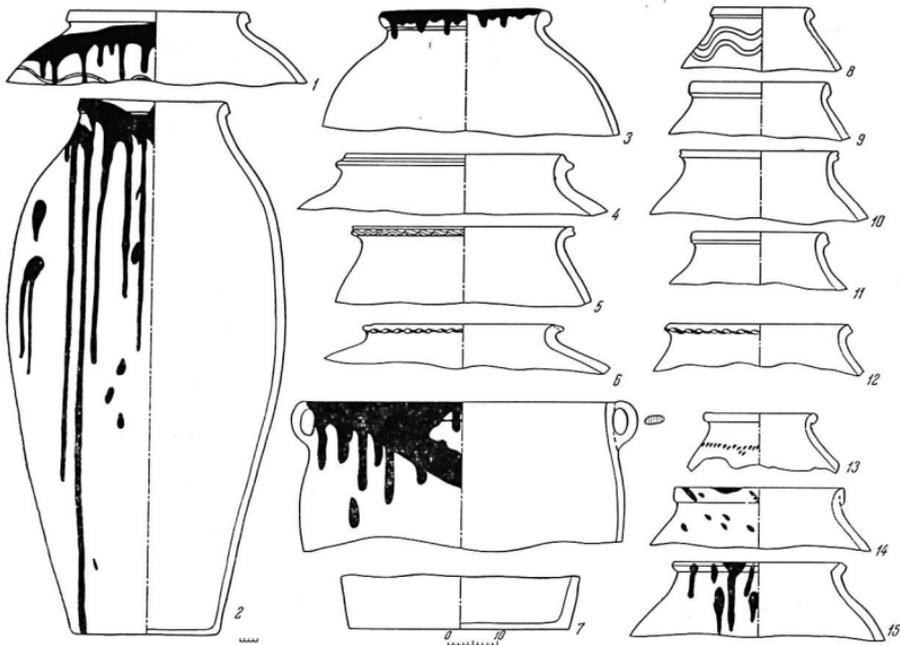

Рис. 35. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (хумы)

чиков и дниц — от 25—26 до 44—46 см (но встречаются отдельные экземпляры с диаметрами венчиков 51 и 54 см). Наиболее часты диаметры дниц — 34 см (более 30% этих сосудов), 36 и 40 см; диаметры венчиков — 40, 34, 30 см. Пропорции этих сосудов весьма вытянутые. Так, при высоте 90 см, диаметре венчика и дна 30—32 см диаметр тулова равен 54 см, а при высоте 130 см, диаметре венчика и дна 34 см диаметр тулова — 62 см. Иногда при диаметре венчика 42—43 см диаметр тулова достигает 72 см и более.

По форме венчика данные сосуды можно условно разделить на несколько подтипов.

Первый подтип — хумы с резко отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком (от 38 до 54 см диаметром), наружная часть которого лепилась отдельно, нижняя часть его орнаментирована волнистыми заплатами, сделанными пальцами (рис. 35, 5, 6, 12). Хум с наружной стороны покрыт щеликом, а внутри — лишь по горлу белым, довольно

плотным ангобом. Близкие по форме венчика хумы бывали в некоторых районах Средней Азии до настоящего времени. На поселении Ак-тобе 2 подобные хумы найдены и в верхнем строительном периоде (в дворцовом здании, в верхнем слое цитадели), и в нижнем (например, в помещении № 8, под стенами верхнего строительного периода — рис. 34, 11).

Другой подтип (рис. 35, 10; 36, 3) — хумы и хумчи с резко отогнутым подтреугольным в сечении венчиком, снаружи также покрыты белым ангобом. Они составляют треть сосудов этого вида и встречаются во всех слоях.

Остальные почти две трети сосудов описываемого вида имеют прямой или лишь незначительно отогнутый венчик, подтреугольный, круглый или подпрямоугольный в сечении. Поверх беловатого ангоба — красно-коричневые до черного мазки и потеки. Чаще других встречаются хумы с подпрямоугольным в сечении венчиком; большинство из

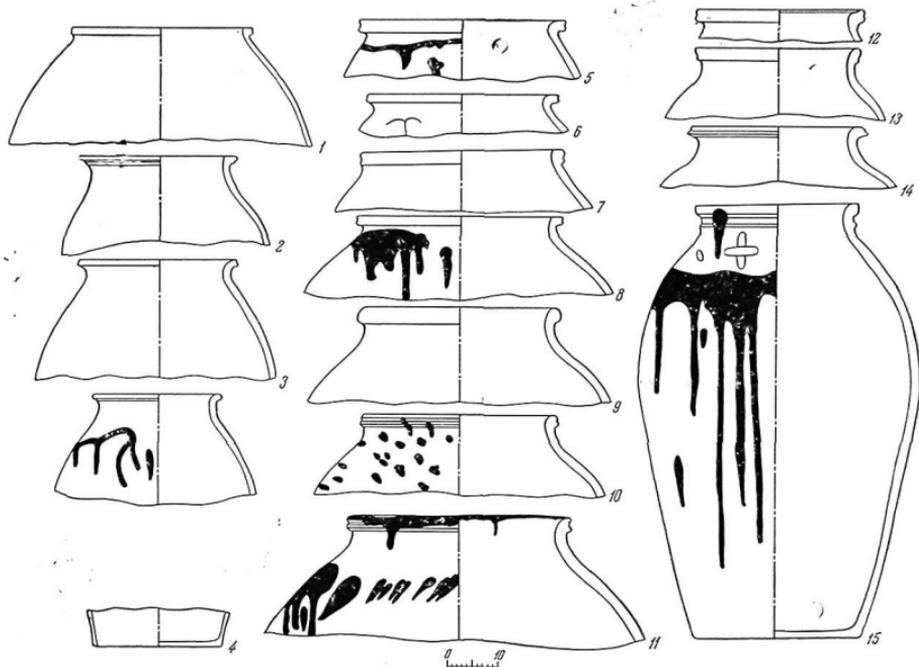

Рис. 36. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (хумы)

них — с плоским и относительно широким березком (рис. 36, 1, 2, 6, 7; 37, 1—3, 5—8; 46, 2—7). Найдено несколько сосудов с подпрямоугольным в сечении венчиком, разделенным снаружи горизонтальным желобком на две половины (рис. 37, 11—13). Среди хумов и хумчей дворцового здания обнаружен сосуд с диаметрами венчика и дна, равными 31 см, с плоским широким березком, орнаментированным неглубокими вдавленными овальной формы (рис. 36, 12). Лишь в верхнем строительном периоде встречены единичные экземпляры хумов с простым, лишь чуть утолщенным венчиком и плоским березком.

Интересно, что хумы с подобным венчиком, но чуть более развитой формы и иногда орнаментированные, широко распространены в более поздний период в районе Средней Сырдарьи, Ташкентского оазиса, как, например, на городище Шаушукум-тобе, в верхнем слое Каунчи-тепе, на городищах Шурали-

сай-тепе¹¹⁵, Чаш-тепе¹¹⁶ и др. Подобный чуть утолщенный венчик диаметром 63 см (рис. 35, 7; 46, 1) отмечен у единственной пока на поселении Ак-тобе 2 (центральное помещение дворцового здания) корчаги с двумя крупными вертикальными, овальными в сечении ручками, прикрепленными к краю сосуда. Корчага снаружи орнаментирована темно-коричневыми мазками и потеками по беловатому ангобу, а изнутри — красноватыми мазками по бежеватой поверхности. На некоторых хумах и хумчах по плечикам слабо прочерен по еще сырой глине волнистый орнамент (рис. 35, 1, 8), на других — ряд насечек (рис. 35, 13). На одном из хумов (помещение № 2 дворцового здания) под венчиком проведены пальцем три вертикальные

¹¹⁵ Материал хранится в Самаркандском музее. инв. № 51, шифр «ПС».

¹¹⁶ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, стр. 154, рис. 4, 20.

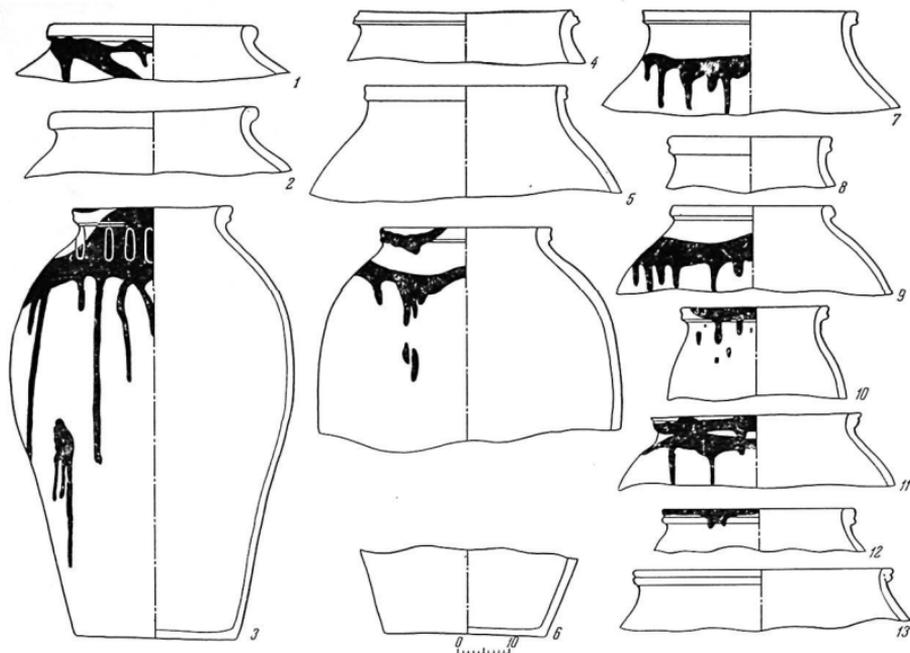

Рис. 37. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (хумы)

полосы (рис. 37, 3), а на другом (верхний слой помещения № 8) — прямой крест на плечике (рис. 36, 15).

Основная масса сосудов этого вида имеет аналогии в материале городищ Ташкентского района, таких, как Каунчи-тепе¹¹⁷, Минг-Урюк¹¹⁸, Чаш-тепе¹¹⁹ и др. Наиболее близкие аналогии дают материалы нижних слоев Каунчи-тепе (рис. 25).

Горшки составляют около 20% во второй группе сосудов. Они все выполнены той же техникой и из такой же глины, что и сосуды первого вида. Мелкие горшки изготавливались из трех полос, более крупные — из четырех-пяти. Дно изготовлялось отдельно. Полоса горла и нижней части тулова, как и две верхние ленты тулова, были равны по

ширине. Внутри сосуда хорошо видны следы вертикальных заглаживаний пальцами (третья и четвертая полосы, считая сверху) и горизонтальных — по самой нижней полосе. На дне заметны следы песчаной подсыпки. Подавляющее большинство сосудов асимметрично. Диаметры венчиков и донышек, часто равных или близких по размеру друг другу (разница между ними не превышает 1—2 см), — от 11 до 23 см, причем наиболее часты диаметры венчиков 14—15 и 18—20 см, а донышек — 14—15 и 18, 20, 22 см, диаметр тулова — от 14,5 до 29 см, высота — от 12,5 до 36 см. У многих горшков размеры высоты сосуда и диаметра тулова равны или близки друг другу.

По форме горшки можно разделить на несколько типов. К первому отнесем горшки, напоминающие сосуды типа кринок, с плоским дном, невысокой шейкой и отогнутым наружу краем (рис. 38; 47, 6—7, 11—12, 15—16). Они составляют более половины всех

¹¹⁷ Г. В. Григорьева. Каунчи-тепе..., стр. 40, рис. 50.

¹¹⁸ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильбер. Указ. соч., стр. 134, табл. 3.

¹¹⁹ И. И. Крашенинникова. Указ. соч., стр. 154, рис. 4, 21—24.

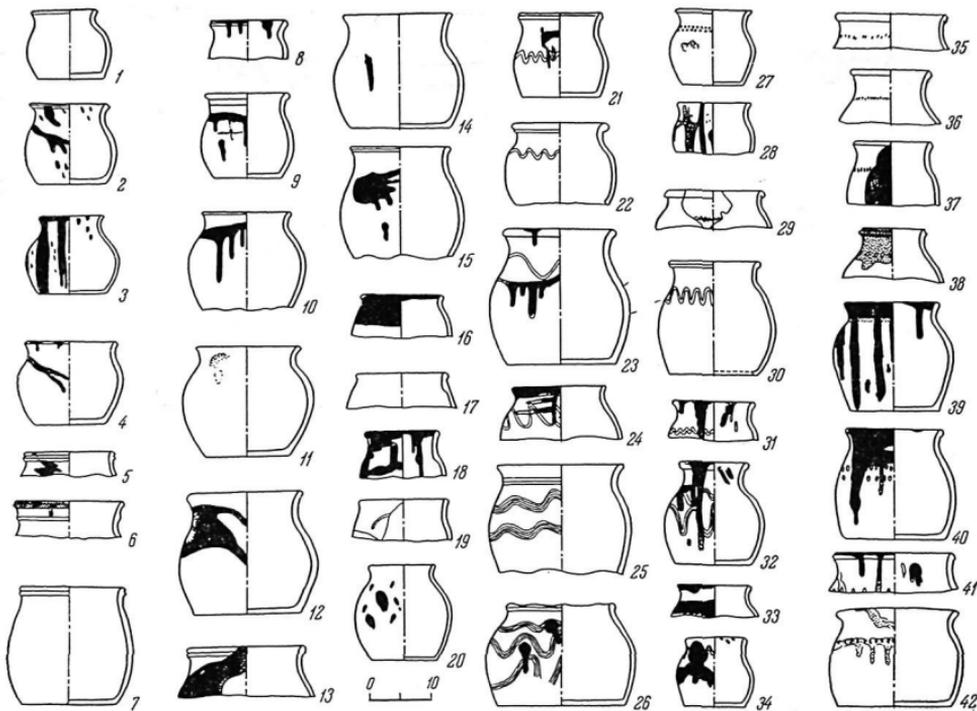

Рис. 38. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (горшки)

горшков. Почти две трети горшков этого типа — с простым округлым или утолщенным краем или (что встречается реже) округлым в сечении венчиком. Остальные — с профилированным венчиком, с желобком по наружной стороне. Наряду с небольшими горшками (высота 12,5—14 см, диаметр дна и венчика 11 см) встречаются сосуды высотой 25 см с диаметром венчика и дна 19 см, диаметром тулова 25 см (рис. 38, 23). На некоторых горшках с внутренней стороны хорошо видны места соединения полос и следы намазывания верхних полос на нижние (рис. 38, 16, 17).

Горшки целиком снаружи и внутри по горлу покрыты жидким белым или беловато-розоватым ангобом, поверх которого нанесены густые красные, красно-коричневые и темно-коричневые как бы нарочито небрежные мазки, с каплями и потеками, но есть

горшки и с потеками в виде параллельных вертикальных полос (рис. 38, 2—6, 8—16, 18, 21, 23, 24, 26—42). Подобный прием орнаментации, имеющий определенное магическое значение, как отмечает Е. М. Пещерева, сохранился в некоторых районах Средней Азии до настоящего времени¹²⁰. На поселение Ак-тобе 2 такой прием использован на подавляющем большинстве сосудов всех видов второй группы и на некоторых — первой группы. В первой половине I тысячелетия н. э. этот прием орнаментации был широко распространен в районе Ташкентского оазиса (на родине Каунчи-тепе) в его нижних слоях¹²¹,

¹²⁰ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959, стр. 80.

¹²¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 158—159.

в Фергане¹²², реже — в районе Согда¹²³ и других местах¹²⁴. Четвертая часть горшков дополнительно украшена прорезным или прорезанным тонкой палочкой или маленькой дощечкой чаще всего по еще сырой глине, реже — по слегка подсушенной, волнистым орнаментом. Обычно он расположен в один ряд по плечикам сосуда, но есть горшки и с несколькими рядами волнистого орнамента, идущего спирально по плечикам и по тулову (рис. 38, 21—26, 29—32). Среди подобных горшков с волнистым орнаментом по плечикам — несколько экземпляров отличны по форме от основной массы. Они — с резко выраженным прямым горлом и относительно крупными плечиками (рис. 38, 30, 32; 47, 5). Актобинские горшки с такой орнаментацией находят аналогию в материалах Ташкентского оазиса (Каунчи-тепе, Чап-тепе и многих других)¹²⁵, на склонах Карагау, в материалах поселения Ак-тобе¹²⁶, в Таласской долине в катакомбах Кенкола¹²⁷, в могильнике Ширинская¹²⁸.

Около пятой части сосудов этого типа украшено по плечикам одним или двумя горизонтальными рядами насечек или паколов, сделанных концом палочки или пунсоном с двумя симметрично расположенными острыми выступами (рис. 38, 27, 28, 35—42; 47, 15).

Особый подтип 1-го типа составляют горшки (их около 5—6%) с относительно высоким горлом, отделенным от тулова уступом или валиком (рис. 39, 17, 18). Вероятно, к ним же можно отнести и горшок из верхнего строительного периода цитадели. У него выделенное высокое горло, отогнутый край, подтреугольный в сечении венчик, крутые плечики и шаровидное тулово, наибольший диаметр которого почти в два раза превышает диаметр венчика. На плечиках его прорезан

ряд волнистого орнамента и тамга (рис. 39, 24; 47, 5). Надо отметить, что близкий по форме горшок с подобным же волнистым орнаментом найден и в нижних слоях цитадели (рис. 34, 18).

Ко второму типу относим горшки (их более 30%) с двумя вертикальными ручками (рис. 39, 1—13; 47, 1—4), подпрямоугольной, трапециевидной или овальной в сечении формы. Это довольно крупные сосуды. Диаметры венчиков и днищ колеблются от 17—18 до 24 см, тулова — от 26 до 32 см, высота горшков — от 26—27 до 36 см. Наиболее часто встречаются: диаметр венчика и днища — 20—22 см, тулова — 27—29, высота — 27—30 см.

Второй тип в свою очередь можно разделить на несколько подтипов. К первому (рис. 39, 1—9) относятся горшки с ручками, прикрепленными верхним концом к краю сосуда, а нижним — к покатым плечикам (их более 64%). Большинство горшков снаружи покрыто красно-коричневым густым ангобом и слегка подлощено. У всех профилированный венчик, а большинство имеют валик посредине горла (рис. 39, 3—6, 8). У некоторых горшков поверх ангоба нанесены темно-коричневые мазки и потеки по горлу, тулову, ручкам. Поверх них — лощение (рис. 39, 5, 8, 9). У других — на ручках орнамент в виде вертикальных рядов пальцевых ямок, вероятно, передающий завитки шерсти животного (рис. 39, 2). Небольшая часть горшков этого подтипа с простым круглым или подтреугольным в сечении венчиком, гладким горлом. Снаружи, поверх белого ангоба идут темно-коричневые мазки, а иногда и прорезной линейный орнамент (рис. 39, 6, 7). Ко второму подтипу (34%) относим горшки с ручками, прикрепленными верхним концом к нижней части горла или к плечикам сосуда (рис. 39, 10—13). У них округлый или подтреугольный в сечении, а иногда и профилированный венчик, чаще покатые плечики. Поверхность покрыта белым ангобом, по которому нанесены красно-коричневые мазки и потеки, иногда дополнительно — ряд горизонтальных насечек (рис. 39, 12; 47, 1). Аналогичные второму типу горшки имеются на городище Каунчи-тепе¹²⁹, на Нижней Сырдарье в джетысарских памятниках в слоях первой половины I тыс. н. э.¹³⁰

Третьим типом горшков можно считать

¹²² Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. № 118, 1962, стр. 191—192.

¹²³ Т. Н. Кишпович. Некоторые вопросы датировки среднеазийской керамики домусульманского периода. КСИИМК. вып. 28, 1949, стр. 75, рис. 16, 1—3.

¹²⁴ Например, в Кызыл-Кыре. См.: В. А. Нильсен. Указ. соч., стр. 68—69.

¹²⁵ Т. Н. Кишпович. Указ. соч., стр. 74; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 158; Н. И. Крашенинникова. Указ. соч., стр. 156, рис. 5, 16; Г. В. Григорьев. Краткий отчет... рис. 10.

¹²⁶ Т. В. Сенигова. Поселение Ак-тобе. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 73, рис. 15, 7, 8.

¹²⁷ А. Н. Верштам. Кенкольский могильник, табл. XIII.

¹²⁸ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 338, рис. 7, 2, 4; стр. 345, рис. 13, 5; 14; 16, 4.

¹²⁹ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 69, табл. 8, рис. 66.

¹³⁰ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии..., стр. 51, рис. 4, 5.

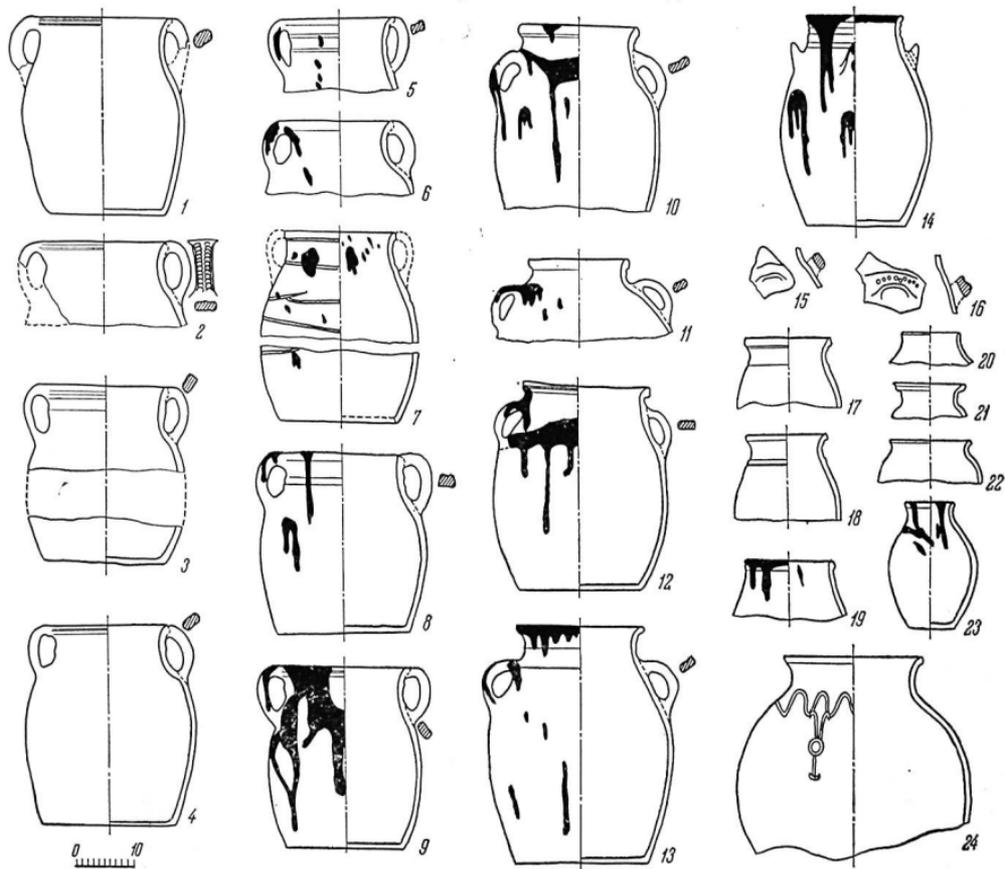

Рис. 39. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (горшки)

сосуды с горизонтальными петлеобразными ручками и со сплошными ручками-ушками или шишечками. Подобных сосудов очень мало (не более 8 экз.), причем у горшков с петлеобразными ручками форма полностью не восстановлена. Поэтому можно лишь констатировать наличие подобных сосудов в верхнем строительном периоде и отметить, что на ручках иногда встречается орнамент в виде насечек по краю ручки и пупсонный. Горшков с ручками-ушками и ручками-шишечками найдено несколько экземпляров, и в некоторых случаях удалось восстановить их форму. У этих сосудов имеется по четыре шишечки или ушка с небольшим круглым отверстием. Встречены они в обоих строительных периодах, но по форме они различны. Например, горшок из верхнего строительного периода (рис. 39, 1А; 47, 9) имеет довольно вытянутые пропорции (высота сосуда 33,5 см, диаметр венчика 17, диаметр тулова — 27 см), покаты плечики, сравнительно высокое горло со слабым рифлением и прямой край с плоским березком. На плечиках симметрично расположены четыре ручки, поднятые округлым концом вверх, с вертикальным отверстием. Снаружи горшок был покрыт беловатым ангобом, по которому нанесены красновато-желтые мазки и потеки. Найденный в нижнем строительном периоде горшок (рис. 34, 19; 47, 8) был несколько иных пропорций (высота его не менее 28 см, диаметр венчика 14, диаметр тулова — 28 см). У него широкое дно, раздутое тулово, крутые плечики, выделенное горло и отогнутый подтреугольный в сечении венчик. Верхние две трети тулова с хорошим двусторонним горизонтальным рифлением, поверх которого на плечиках прикреплены расположенные попарно четыре налета округло-подквадратной формы с вертикальными отверстиями. Сосуд изготовлен из тщательно промытой глины с примесями песка и мелкодробленного шамота в тесте. Поверхность хорошо заглажена с обеих сторон, на наружной стороне беловатом ангобе имеются желтовато-розовые потеки. Близких аналогий этому горшку мы не знаем, сосуды же такого типа из верхнего строительного периода находят аналогии в материалах Ферганы (городище Шурабашат)¹³¹, северных скло-

нов Каратау¹³², Таласской долины (Кенкольский могильник)¹³³ и, конечно, в Ташкентском оазисе, в материалах городищ Кавчи-тене, Минг-Урйок и др.¹³⁴

Фляги на Ак-тобе 2 отмечены в небольшом количестве в обоих строительных периодах. Тулово их шаровидной формы с одним плоским боком, выделенным из отдельного куска подобно днищам сосудов. Величина фляг различна. Так, в нижнем слое помещения № 1 раскопа 4 встречены рядом две фляги. Размеры одной из них (в см): высота — 50, высота горла — 6, диаметры венчика — 13, широкой части фляги — 45, плоского бока — 37; размеры другой фляги (в см) высота — 11, высота горла — 1, диаметры венчика — 5,5, широкой части — 10, плоского бока — 6 (рис. 34, 10, 21; 45, 26, 27). Вторая фляга, вероятно, служила игрушкой. Обе они были в огне, причем в особенно сильный огонь попала большая фляга (сохранился лишь незначительный участок поверхности с первоначальным цветом беловатого ангоба).

Близкие по форме фляги, но меньших размеров и также покрытые белым ангобом снаружи найдены в верхнем слое поселения и в центральном здании и в раскопе на цитадели (рис. 40, 26—29). На стенках некоторых из них прочерчены по слегка подусушенной поверхности знаки и тамги. Аналогичные фляги неоднократно встречались в материалах первых веков н. э. в районе Средней Сырдарьи, в катакомбных могильниках в районе Ташкента¹³⁵, Ферганы¹³⁶, Таласской доли-

¹³⁴ Г. В. Григорьева. Отчет об археологической разведке... стр. 17, рис. 19, 2; Ю. Ф. Буракова, Д. Г. Зильбер. Узак. соч., табл. 3.

¹³⁵ Г. В. Григорьева. Келеская степь... рис. 87; М. Э. Воронев. Узак. соч., стр. 49, рис. 4, 2; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, табл. XX, 10.

¹³⁶ Т. Г. Обождуева. Археологический надзор на Северном Ферганском канале. «Известия Узб. филиала АН СССР», № 10. Ташкент, 1940, стр. 15; она же. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТИИА АН Узб. ССР», т. IV. Ташкент, 1951, стр. 12, табл. 1, рис. 25, 8; Я. Г. Гулянов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТИИА АН Узб. ССР», т. IV, стр. 92; С. С. Сорочкин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 136, рис. 4, 23; он же. Среднеазиатские подобные и катакомбные захоронения. СА, XXVI, 1956, стр. 103, рис. 2, 3, 15; стр. 105; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960, стр. 97, рис. 56, 4; он же. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 236, табл. XIX, 16.

¹³¹ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии, стр. 189, рис. 22.

¹³² Т. П. Селигова. Поселение Ак-тобе, стр. 73, рис. 15, 6.

¹³³ А. И. Верштам. Кенкольский могильник, табл. XIV.

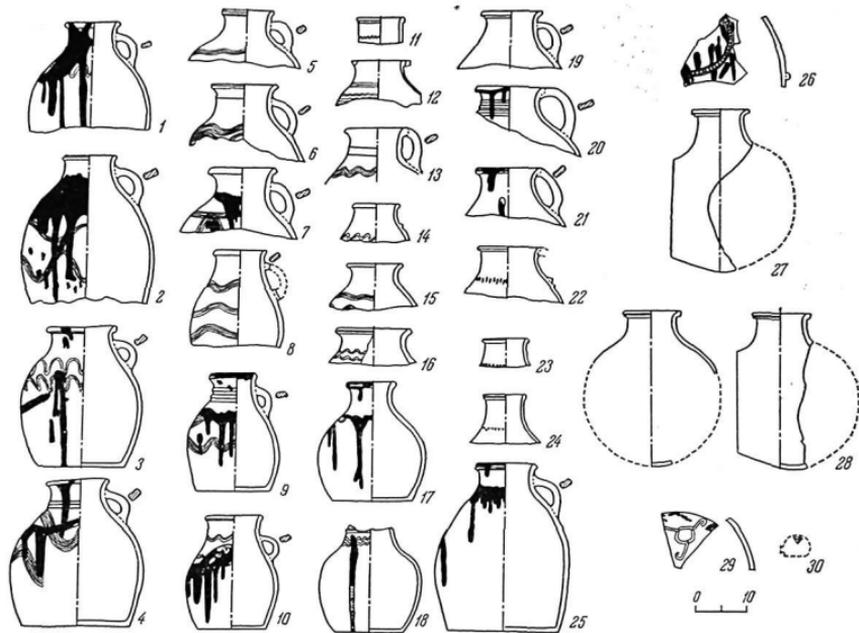

Рис. 40. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (кувшины, фляги)

ны¹³⁷, Бухары¹³⁸, низовьев Сырдарьи¹³⁹ и в других местах¹⁴⁰.

Кувшины (рис. 40—43, 45, 48) составляют около 35% всех сосудов второй группы (можем говорить о 130 экз.). Поверхность их снаружи целиком, внутри — по горлу покры-

¹³⁷ А. Н. Бернштам. Кепкольский могильник. табл. XIV; И. Кожомбердиев. Могильник Акий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. «Известия АН Киргиз. ССР», серия общественных наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 113, рис. 2, 3; он же. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 42, рис. 8, 6; Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918, Taff. VII. I.
¹³⁸ В. А. Шишкин. Археологическая разведка на Баш-тепе. «ТИИА АН Узб. ССР», т. 8. Ташкент, 1956, стр. 168, рис. 3, 13; стр. 171.
¹³⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 245, рис. 119, 6; Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии, стр. 85, рис. 17, 37; 24, 12.

¹⁴⁰ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 342, рис. 11. I; Н. Негматов, Е. Д. Салтоевская, Т. П. Рияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. «ТИИ им. А. Довнича

та белым, реже — беловато-розовым или беловато-желтоватым ангобом, поверх которого нанесены мазки и потеки от красного до темно-коричневого и черного цвета. Изготовлены кувшины ленточным способом из 4—5 полос и отдельно — днища (обычно ширина полосы плечиков и нижней полосы тулова одинакова и не превышает 7,5—8 см, вторая и третья полосы также одинаковы и не шире 11 см), наружная часть венчика, ручка и цилиндрический носик лепились отдельно. На днищах некоторых сосудов сохранились следы песчаной подсыпки, на наружной стороне других — следы заглаживания каким-то твердым орудием, следы подреза ножом, затирки нижней части. Горло кувшинов хорошо выраженное, прямое или расширяющееся книзу; чуть отогнутой наружу венчик, округлый, подтреугольный или профилиро-

АН Тадж. ССР», т. XXVII. Душанбе, 1961, стр. 141, рис. 2; О. В. Обельченко. Миранкульские курганы. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969, стр. 86—89, рис. 3, 3.

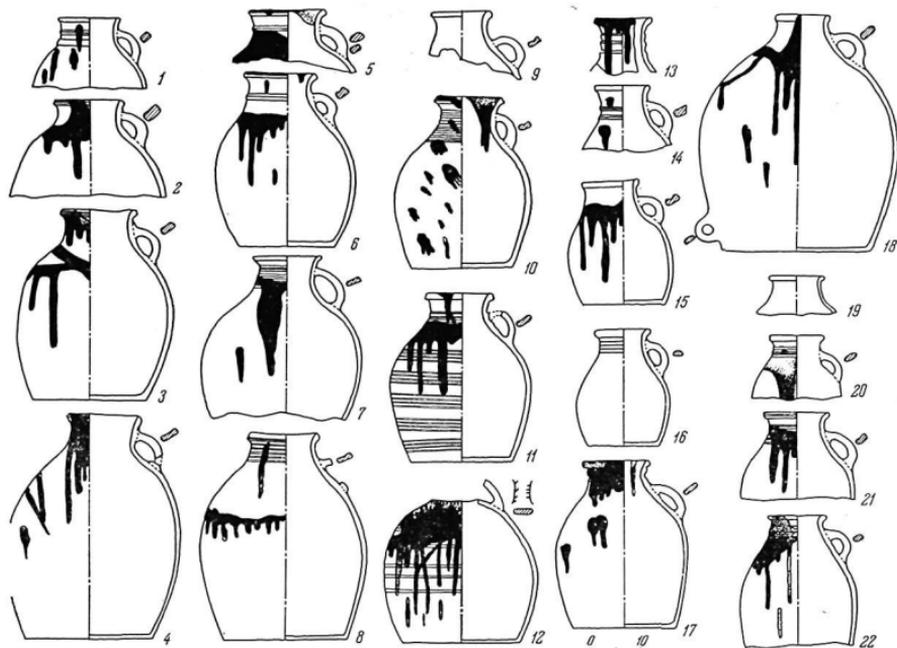

Рис. 41. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (кувшины)

ванный; плечики большей частью покатые, тулово округлое, чаще несколько удлиненное; диаметр дна обычно резко превышает диаметр горла и венчика (иногда в два, реже — в три раза), высота сосуда всегда больше наиболее широкой части тулова. Размеры кувшинов следующие (в см): диаметр венчика — от 8 до 17 (наиболее часто 11—14), диаметр дна — от 13 до 26 (чаще — 22, 20, 16 и 18), диаметр тулова — от 18 до 38 (чаще — от 22 до 33), высота — от 23 до 45 (по есть и 57).

Более 20% кувшинов украшено волнистым орнаментом (с различной длиной и высотой волны; рис. 40, 41, 42), глубоко прорезанным концом твердого орудия или палочкой по еще сырому сосуду, реже линейный или волнистый узор наносился по слегка подсушенному сосуду. Среди орнаментальных мотивов есть и линейный, идущий по тулову по спирали. Начинается этот узор слева от ручки и до семи раз опоясывает сосуд (про-

черчен он или тонкой палочкой, или дощечкой; рис. 41, 11, 12; 42, 16; 48, 28, 34, 35); волнистый орнамент, идущий по спирали, тоже обычно начинается слева от нижнего конца ручки и заканчивается также чуть левее ручки, опоясывая от одного до семи раз тулово кувшина. У сосудов с цилиндрическим носиком существует еще и дополнительный, не связанный с остальными ряд волнистого орнамента по обе стороны от носика по плечикам сосуда. Другим видом украшения служат идущие в один ряд по плечикам, а иногда и под носиком прорезанные по еще сырому сосуду насечки (рис. 40, 22—25; 42, 23—26). В нескольких случаях на сосудах встретился налешной орнамент в виде отходящих полукругом от нижнего конца ручки двух валиков с насечками, безусловно, имитирующих бараньи рога (рис. 42, 16, 17; 45, 28).

По форме кувшины делятся на несколько типов. К первому относим кувшины без ручки со сферическим туловом, высоким гор-

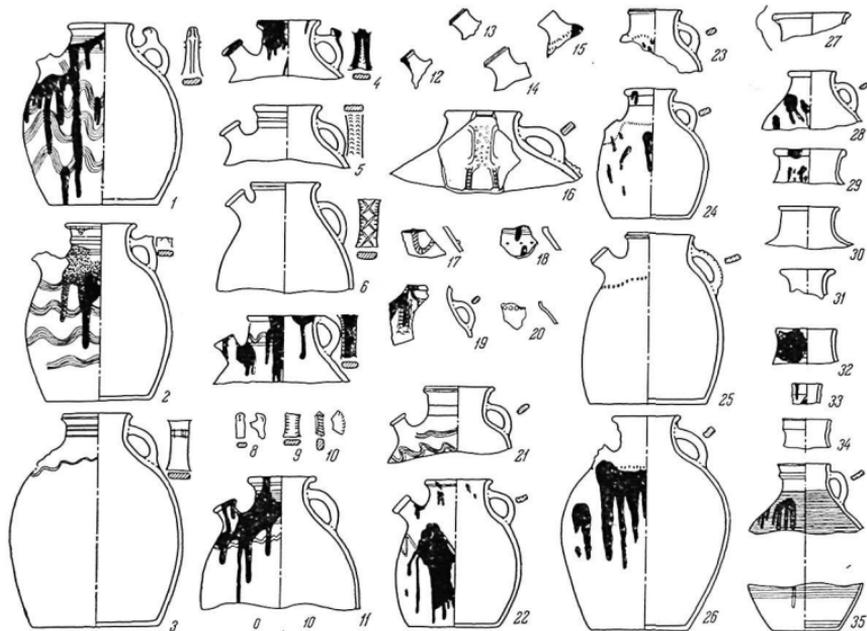

Рис. 42. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (кувшины)

лом, диаметр которого более чем в 2,5 раза меньше диаметра тулова, и чуть отогнутым наружу, подтреугольным в сечении венчиком. На плечиках иногда прорезан волнистый орнамент (рис. 40, 15—18; 47, 10). Этот тип представлен единичными экземплярами.

Второй тип составляет более 60% всех кувшинов. Это сосуды с одной ручкой, прикрепленной верхним концом или к краю сосуда (такие кувшины обнаружены лишь в верхнем слое; их немногим более 3% сосудов данного типа; рис. 40, 12, 13, 20—22), или к его горлу (рис. 40, 1—10, 19, 25; 41; 42, 28; 45, 29—30, 31—36; 47, 13, 14; 48, 2—3). Третья часть этих кувшинов — с профилированным венчиком, остальные — с круглым или же подтреугольным в сечении. Около 20% их снабжено в той или иной степени выраженным валиком, к которому часто и прикреплен верхний конец ручки. Немногим более 3% сосудов имеют рифление на горле в результате его обработки пальцами на дви-

жущейся основе (рис. 41, 6—8, 10, 11, 13, 16, 20, 22).

Подавляющая масса кувшинов снаружи по белому ангобу орнаментирована мазками и потеками. Дополнительно имеют прорезной, прочерченный волнистый и линейный орнамент более 26% кувшинов этого типа и более 12% — насечки по плечикам (рис. 40, 22—24). Особенно интересны крупные кувшины с налезным орнаментом в виде рогов барана (их около 3%; рис. 42, 16).

К третьему типу (более 35% кувшинов) относятся сосуды с цилиндрическими носиками-сливами, прикрепленными к плечикам (рис. 42, 1—14, 21—26; 43; 48). Обычно носик расположен на одной оси с ручкой, на противоположной стороне от нее, но встречаются кувшины, у которых носик несколько смещен в сторону от оси. Величина носиков различна. Диаметр простого или с венчиком края колеблется от 3 до 6 см. Форма и орнаментация аналогичны сосудам второго типа

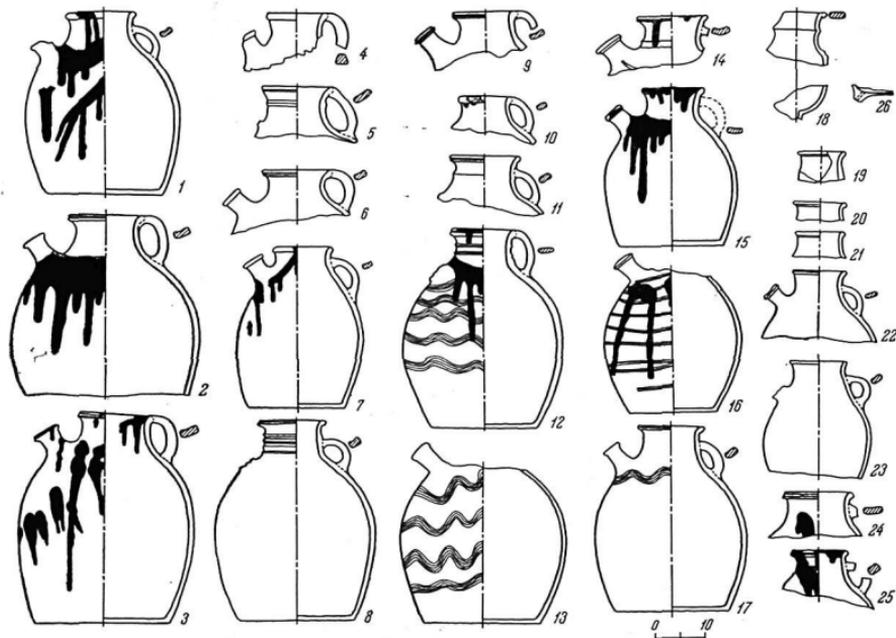

Рис. 43. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (кувшини)

(за исключением налпного орнамента), т. е. имеются прорезной линейный и волнистый узор, насечки на тулове, насечки, прорезной и вдавленный орнамент на ручке. Отличие же их в том, что среди сосудов третьего типа встречается кувшины с ручками, снабженными выступом на верхней части в виде схематизированной головы барана (рис. 42, 1, 2, 4; 48, 18) подобно ручкам кружек. На некоторых (рис. 42, 4) есть ногтевые вдавления, вероятно, имитирующие завитки шерсти барана. Подобный орнамент отмечен на горшках и кувшинах, ручки которых не украшены головками баранов (рис. 39, 2).

Резко отличается от других фрагмент кувшина из нижнего строительного периода (рис. 34, 15; 48, 2) с подтреугольным венчиком диаметром 20 см, крутыми плечиками и широким цилиндрическим носиком диаметром 8 см, высоко поднятым к краю сосуда. На внутренней стороне горла со стороны носика имеется налп длиной 11 см, предназначенный для удержания жидкости при на-

клоне сосуда. Кувшин был покрыт красноватого цвета ангобом и украшен по борозку, вокруг горла, носика и по тулову идущими в различных направлениях насечками и пунсоным орнаментом. Точных аналогий данных кувшин пока не находит.

Уже говорилось, что носики на плечиках кувшинов имеют цилиндрическую форму. Лишь в одном случае обнаружен зачаток слива на подобном носике (верхний строительный период). Зачаток слива обнаружен в двух случаях по краю сосудов (рис. 42, 27, 32) в тех же верхних слоях поселения. Подобные сливы на краях сосудов распространены в слоях городища Кауичи, на городище Шаушукум-тобе.

Несколько особняком стоит крупный кувшин с двумя ручками — на горле и у дна (рис. 41, 18; 48, 1). Все упомянутые выше кувшины изготовлены тщательной ручной лепкой. Но в материале верхнего строительного периода Ак-тобе 2 обнаружены фрагменты двух кувшинов станковой работы

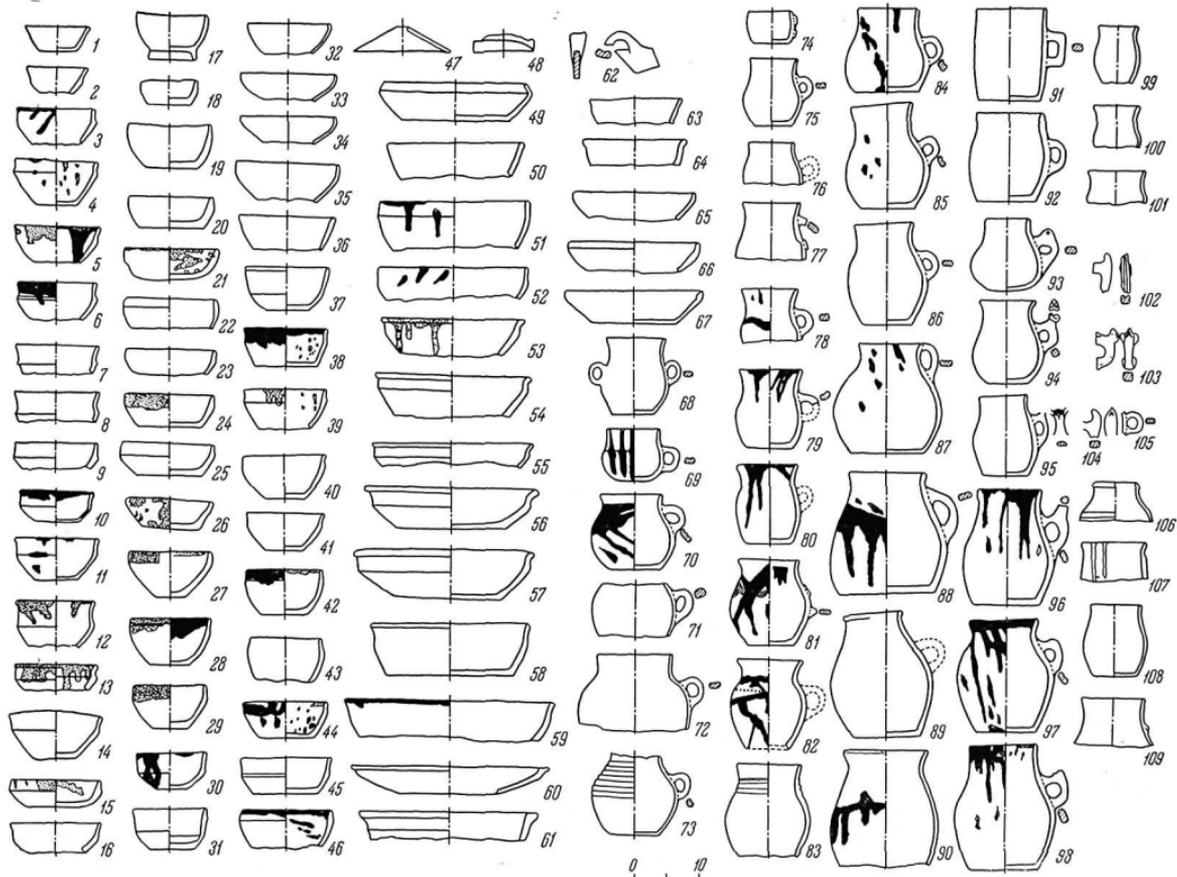

Рис. 44. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (чашы, миски, кружки, крышки)

Рис. 45. Поселение Ак-тобе 2 и Шаушукум-тобе. Керамика первой и второй групп
 1—12 — Шаушукум-тобе; 13—36 — Ак-тобе 2

(рис. 42, 34, 35; 48, 4), вероятно, одинаковой формы с высоким горлом и валиком в его верхней части, покатыми плечиками, удлиненно-округлым туловом с двусторонним горизонтальным рифлением почти по всей его поверхности и ручкой, верхним концом прикрепленной к валуку на горле. Близкие по форме горла и венчика кувшины найдены на городище Минг-Урюк¹⁴¹. Характерны они для района верховьев Арыси и долины Таласа¹⁴² (рис. 60, 11).

Для кувшинов всех трех типов находим ближайшие аналогии в материалах первых веков Ташкентского оазиса (городища Каунчи, Чаш-тепе, в катакомбных могильниках Ташкентского района)¹⁴³. Кувшины, аналогичные сосудам первого и второго типа, иногда и с прорезным волнистым орнаментом, были найдены в Кенкольских катакомбах, в могильниках Джангаил, Бор-Корбаз¹⁴⁴.

Кружки (около 12% керамики второй группы) изготовлены из такого же качества глины, что и вся керамика второй группы, ленточным способом (рис. 44, 88—109; 47, 21—35). Ручка прикреплялась к слеска подсушенному сосуду, у дна сохранились следы подрезов ножом и дальнейшей затирки поверхности на нижней части тулова щеткой или дощечкой, часто, вероятно, эта затирка заменяла орнамент. Диаметры венчиков и днищ кружек колеблются от 4—5 до 14 см (чаще 11—15 см), диаметр тулова 9—13 см. Более 75% кружек имеют прямое или расширяющееся книзу высокое горло, простой закругленный, иногда чуть утончающийся край, покатые плечики и округлое тулово, наибольший диаметр которого обычно меньше высоты кружки; диаметры венчика и днышка большей частью равны или близки

друг другу. Более двух третей кружек покрыто жидким беловатым ангобом, поверх которого нанесены как бы нарочито небрежные темно-красные, местами переходящие в темно-коричневые мазки и потеки. На некоторых сосудах эти потеки идут строго вертикально. Меньшая часть кружек снаружи целиком покрыта красным или красно-коричневым ангобом и подлощена. Некоторые украшены прочерченным волнистым или наколотым орнаментом (рис. 44, 81, 82, 90). Ручки обычно петлеобразные или кольцеобразные. Более 10% кружек имеют выступы на верхней части ручки в виде изображения головы барана, часто весьма стилизованного (рис. 44, 93—98, 102—104; 47, 24, 28). Подобные кружки есть во всех раскопах. Небольшое их количество несколько отличалось от основной массы по форме: укороченное горло, более обычного раздутое тулово, прикрепленная верхним концом к краю сосуда петлеобразная ручка (рис. 44, 87). Выделяется и кружка, покрытая белым ангобом, со слабым рифлением на горле (рис. 44, 83). На некоторых экземплярах заметен небольшой уступ, отделяющий горло от сферического тулова (рис. 44, 69).

Разновидностью основной формы большинства актобинских кружек можно считать найденные в верхнем строительном периоде сосуды с резко покатыми плечиками и небольшим горлом (рис. 44, 88—90). У некоторых из них — подквадратная ручка. Все описанные выше кружки, включая и с зооморфными ручками, находят ближайшие аналогии в материалах Ташкентского оазиса и Средней Сырдарьи. Аналогичны им кружки из нижнего слоя Каунчи-тепе и часть найденных в верхнем слое¹⁴⁵, из катакомбных могильников и поселений под Ташкентом¹⁴⁶. Кружки аналогичной формы с зооморфными и петлеобразными ручками есть в Ширинсайском могильнике¹⁴⁷, в предгорьях Ферганы в погребениях типа мугхона¹⁴⁸, в курмазах

¹⁴¹ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Указ. соч., стр. 135, табл. 4.

¹⁴² И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, рис. 16, 4; Н. П. Лодукин. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верхней реки Арысь (I—IV вв.). «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 95, табл. 1, 13; стр. 98.

¹⁴³ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 22, рис. 13; *он же*. Келесская степь..., стр. 64, табл. 111, 29—31; Н. И. Крашениникова. Археологические наблюдения, стр. 159, рис. 6; М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 47, рис. 1—3; стр. 51, рис. 4, 3; Т. Азгазходжаев. Погребение IV—V вв. н. э. в Катаргале. «Научные работы и сообщения АН Узб. ССР», кн. 3. Ташкент, 1961, стр. 243, рис. 3.

¹⁴⁴ А. В. Бернштам. Кенкольские могильник, табл. XII; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики..., стр. 142, рис. 8; *он же*. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, стр. 103, рис. 2.

¹⁴⁵ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 16, рис. 16; *он же*. Краткий отчет..., рис. 52; *он же*. Каунчи-тепе..., рис. 14, 15, 50; *он же*. Келесская степь..., стр. 58—59, 110—111.

¹⁴⁶ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 30—36; Т. Н. Климович. Указ. соч., стр. 73, рис. 14, 2; М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 47, рис. 1; Т. Азгазходжаев. Погребение IV—V вв. н. э. 3; Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Указ. соч., табл. 3; Н. И. Крашениникова. Археологические наблюдения..., стр. 34.

¹⁴⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 46, рис. 15, 2.

¹⁴⁸ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН Узб. ССР на территории Ферганы в

Рис. 46. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (хумы)

Ашта¹⁴⁹. Кружки с кольцеобразными и петлеобразными ручками на плечиках найдены в могильниках предгорьев Ферганы¹⁵⁰, на се-

1950—1951 гг. «Труды Музея истории АН Узб. ССР», вып. II. Ташкент, 1954, стр. 70, рис. 18; Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. «ТИАЭ АН Тадж. ССР», т. LXIII. Душанбе, 1958, стр. 42, рис. 3.

¹⁴⁹ Б. А. Литвинский. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. «ТИАЭ АН Тадж. ССР», т. СIII. Душанбе, 1959, стр. 123, рис. 7, 18, 8; он же. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. «ТИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР», т. XXVII, рис. 8, VI.

¹⁵⁰ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Известия АН Киргиз. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961, стр. 76, табл. XII, 18, 21—22; стр. 79, табл. XIII, 34; В. А. Литвинский. Исследование могильников,

верных склонах Каратау¹⁵¹; единичные сосуды подобной формы с зооморфными и петлеобразными ручками на плечиках обнаружены в Южном Таджикистане, в слое Кобадан III¹⁵². Интересно отметить находки близкой формы кружек в районах правобережья Средней Сырдарьи, где встречены и кружки с петлеобразными, низко на тулове посаженными ручками часто в виде схематического изображения барана¹⁵³.

рис. 8, VI; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики.... стр. 132, рис. 2; стр. 136, рис. 4; он же. Боркорбазский могильник, стр. 123, табл. IV; стр. 137, табл. VI, 6.

¹⁵¹ Т. Н. Секигова. Указ. соч., рис. 15, 12, 13.

¹⁵² М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана. МИА, № 37, 1953, стр. 287, рис. 22.

¹⁵³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 163, рис. 82.

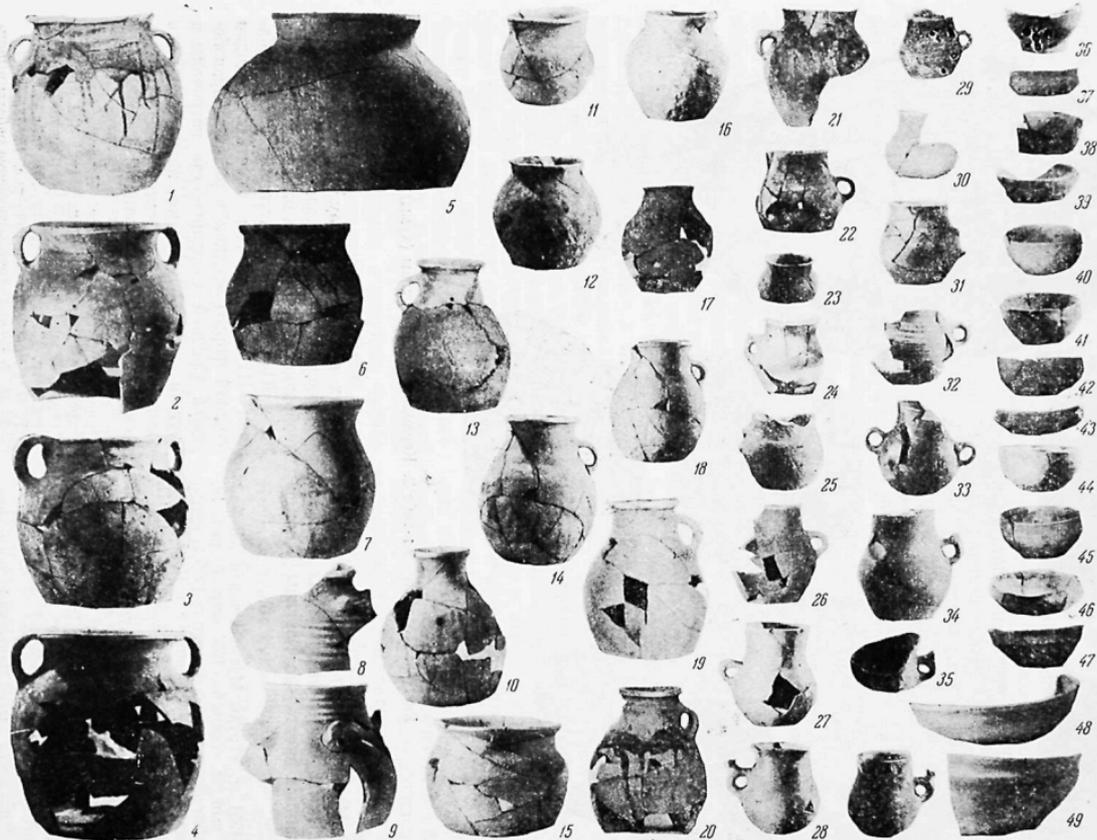

Рис. 47. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы

На поселении Ак-тобе 2 в верхнем строительном периоде найдены две кружки с почти прямыми стенками, с подпрямоугольной ручкой и с такой же формы сечением ручки, покрытые красным ангобом и слегка подлощенные (рис. 44, 91, 92). Интересна и кружка с высоким, чуть отогнутым наружу горлом, двумя кольцевидными ручками, прикрепленными к верхней части раздутого тулова. Она покрыта красно-коричневым ангобом и лощением (рис. 44, 68; 47, 33). К кружкам же, вероятно, относятся и серо-лощеные небольшие сосудики с очень тонким черепком, близкие по форме к основной массе актобинских; один из них — с прорезным линейным орнаментом (рис. 44, 101, 106). Выделяется станковой работы кружка (из помещения № 2 дворцового здания) с тонким черепком, снаружи покрытая красным ангобом; к сферическому тулову с тонким горизонтальным рифлением прикреплена кольцеобразная ручка, подпрямоугольная в сечении, с углублением по наружной стороне (рис. 44; 73; 47, 32).

Чашы изготовлены ленточным способом из двух полос: дно иногда со следами несчаной подсыпки, с частью стенок, на которых видны небрежные следы срезов ножом и вертикально и наклонно идущие следы затирки лопаточкой, и более тщательно отделанная верхняя часть с горизонтальными полосами по внутренней стороне. Верхняя полоса прикреплялась внутри нижней, места соединения их обычно заглажены небрежно и хорошо заметны. Подавляющее большинство чаш снаружи покрыто белым или беловато-розоватым жидким ангобом, поверх которого нанесены нарочито небрежные темно-красные мазки и капли. Все чаши (как и кружки) резко асимметричны. Размеры их различны. Диаметр края колеблется от 10 до 16 см, дна — от 5,5 до 10, высота чаш — от 4 до 7,5 см (причем наиболее часты чаши с диаметром края в 12,5—14 см, дна — 6,5—8, высота их 6,5 см; рис. 44, 1—46; 47).

По форме чаши условно можно подразделить на несколько типов:

- 1) с округлыми стенками,
- 2) с перегибом и ребром обычно в верхней трети или на половине высоты.

Оба типа встречены и в верхнем и в нижнем слоях, но второй количественно преобладал. Аналогичные чаши находим в памятниках тех же районов, что и остальным видам сосудов, т. е. в Ташкентском оазисе (на городище

Каунчи, прежде всего в нижнем слое)¹⁵⁴ в могильниках этого же района¹⁵⁵.

Можно отметить чашу на кольцевидном поддоне, покрытую беловато-розоватым ангобом (рис. 44, 17; 47, 36). Небольшая часть чаш, обычно покрытых розоватым ангобом, имеет легкое лощение с обеих сторон.

Несколько экземпляров можно выделить в особый подтип: широко открытые чаши полусферической формы с очень тонкими стенками (0,3—0,5 см), с диаметром края 13, 15 см, с двусторонним лощением по серому или темно-серому ангобу. Один из таких сосудов найден в нижнем строительном периоде на цитадели (рис. 34, 32), другой — в верхнем слое, в помещении № 10 раскопа 1.

Миски (рис. 34, 33—37; 44, 49—60; 47), как и чаши, изготовлены из двух частей, причем верхняя полоса прикреплялась к внутренней стороне нижней. Миски можно подразделить на те же типы, что и чаши: 1) с округлыми стенками, простым краем или чуть утолщенным бережком; 2) с ребром на верхней части стенок, иногда со слегка отогнутым наружу краем, изредка с желобком для крышки по бережку. У части мисок — чуть утолщенный внутри венчик и слегка загнутый внутрь край; встречены миски, напоминающие по форме тарелки, с выделенным венчиком и широким плоским бережком. У большинства мисок снаружи по беловатому ангобу и внутри сплошь — красно-коричневого цвета мазки и потеки. Размеры мисок (в см): диаметр края колеблется от 20 до 32, дна — от 12 до 20, высота — от 5 до 12,5. Ближайшие аналоги мискам первого и особенно второго типа — в том же Ташкентском оазисе, прежде всего в нижних слоях Каунчи-тепе (рис. 32)¹⁵⁶.

Крышки (рис. 34, 26; 44, 47, 48) представлены на поселении Ак-тобе 2 в единичных экземплярах. Они конической или усеченно-конической формы с диаметром от 10 до 15 см. В тесте — примесь мелких известковых включений. Крышки имеют беловато-розоватый ангоб (рис. 44, 47). Аналогичной формы крышки встречаем в материалах Каунчи-тепе.

¹⁵⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе... рис. 50; *он же*. Келеская степь... стр. 63, рис. 12, 27.

¹⁵⁵ Т. Азламовджеев. Погребение IV—V вв., рис. 3, 1—2; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбояние и катакомбные захоронения... рис. 2.

¹⁵⁶ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе... рис. 50, *он же*. Келеская степь... стр. 63, рис. 11, 28; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 345, рис. 13, 4.

Рис. 48. Поселение Ак-тобе 2. Керамика второй группы (кувшины)

Вероятно, к особому типу относятся и фрагменты двух сосудов из дворцового здания, покрытые ярко-красным ангобом. Сосуды эти с высоким горлом и ребром на нем, относительно крупной овальной в сечении ручкой, верхним концом прикрепленной к простому краю, с округлым туловом и округлым же или уплощенным дном, с отверстием в центре или у края дна (рис. 43, 18, 26). Очевидно, подобные сосуды можно связать с молочным хозяйством.

Необходимо отметить также найденный в нижнем строительном периоде обломок подставки для вертела в виде головы барана на конце, рога которого изображены в виде латинского «V» с загнутыми концами и украшены косыми насечками (рис. 45, 23). Аналогичные подставки известны из Каунчи-тепе¹⁵⁷, Кызыл-кыра¹⁵⁸, с Ташкентского канала¹⁵⁹. Близкие им по типу очажные подставки с головами баранов на концах известны из позднепесифских городищ Нижнего Днепра, где они датируются со II в. до н. э.—по II в. н. э. и связываются исследованиями с распространением гето-дакийского влияния¹⁶⁰.

Таким образом, видим, что керамика нижнего и верхнего строительных периодов

Ак-тобе 2 не обнаруживает пока принципиальной разницы ни в наборе форм, ни в технике изготовления (лишь в верхнем строительном периоде появляются отдельные элементы, получившие развитие в керамике более позднего времени), что не позволяет дать более подробное деление его в настоящее время (скорее всего, это объясняется малыми размерами вскрытых площадей в нижнем строительном периоде).

Таким образом, ближайшие аналоги, доходящие до тождества, для обеих групп и всех видов и типов керамики Ак-тобе 2 находим в материале поселений и катакомб Ташкентского оазиса, принадлежащих к каунчинской культуре. Это дает возможность отнести и наш комплекс керамики к той же культуре, подчеркнув в то же время идентичность многих форм из Ак-тобе 2 с материалами нижнего слоя городища Каунчи-тепе — культуры Каунчи I (по Г. В. Григорьеву) и частично верхнего слоя — культуры Каунчи II. В то же время многие формы и типичные элементы культуры Каунчи II, чрезвычайно близкие керамике Шаушукум-тобе, полностью отсутствуют или лишь зарождаются в Ак-тобе 2 (подставки в виде головы быка, некоторые варианты кувшинов, кружек, орнаментальные мотивы и т. п.). Все это дает возможность датировать слои культуры Каунчи I тем же временем, что и Ак-тобе 2, т. е. рубежом нашей эры (возможно, I в. до н. э.) по III в. н. э.

Отсутствие же в слоях культуры Каунчи I некоторых форм, широко распространенных в Ак-тобе 2, может быть объяснено и незначительностью площади раскопа в этих слоях (несколько квадратных метров нижнего слоя Каунчи по сравнению с сотнями — 1250 кв. м — Ак-тобе 2), и спецификой помещения, которое раскапывают Г. В. Григорьев («парадным» характером его, поэтому резко преобладала «столовая» посуда). Вероятно, часть форм сосудов, а возможно, и некоторые слои культуры Каунчи II можно отнести к тому же первому периоду (Каунчи I). Однако наличие в нижних слоях культуры Каунчи II форм, характерных для памятников более поздних, чем Ак-тобе 2, заставляет отнести к этому предположению с осторожностью. Скорее всего культура Каунчи II в свою очередь может быть разделена на несколько периодов и в нижнем из них наряду с некоторым количеством сосудов, появившихся, очевидно, еще в предыдущий

¹⁵⁷ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., рис. 9, стр. 26. Г. В. Григорьев отнес эти подставки к слою культуры Каунчи II. Однако они полностью отсутствуют в памятниках, материал которых в большой степени синхронен культуре Каунчи II, таких, например, как Шаушукум-тобе, Чаш-тепе и другие, где встречаются подставки для котлов (вероятно, и для вертелов) в виде головы быка; последние — очень частая находка и в слоях культуры Каунчи II. Все это, а также отсутствие подставок в виде головы быка в слоях Каунчи I и в Ак-тобе 2 дает основание отнести подставки в виде головы барана к слою Каунчи I, а в виде головы быка считать характерными для Каунчи II.

¹⁵⁸ В. А. Ильсен. Указ. соч., стр. 72—76. Датировка материалов Кызыл-Кыра (в том числе и слоев, где встречены эти подставки), произведенная на основании аналогий с неточно датированными комплексами Каунчи-тепе и Тали-Баруз, к сожалению, явно заглублена. Л. М. Рутковская датирует Кызыл-Кыр до II—III вв. н. э. См.: Л. М. Рутковская. Об одной группе среднеазийских культовых сосудов, «Труды САГУ», «Археология Средней Азии», т. IV. Ташкент, 1957, стр. 137.

¹⁵⁹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале..., стр. 34, рис. 9.

¹⁶⁰ И. И. Погребов. Позднепесифские городища на Нижнем Днестре. МИА. № 64. 1958, стр. 229; М. И. Визьмитина. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969, стр. 129—132, рис. 6.

период, есть уже и новые элементы и формы. В таком случае дата нижних слоев «культуры Каунчи II» совпадает с последним периодом жизни Ак-тобе 2 (вероятно, III—IV вв.).

Что же касается дальнейшего уточнения датировки указанной «культуры Каунчи II», то здесь большое значение имеют раскопки таких городищ, как Шаушукум-тобе, Минг-Урюк, Чаш-тене и т. п.

В ближайшем к поселению Ак-тобе 2 районе небольшая археологическая разведка позволила обнаружить более десятка городищ лишь на правом берегу реки, вверх от Ак-тобе, и вниз по течению по направлению к поселку Чардара. Эти разведки показали, что почти на каждом мысу высокого правого берега Сырдарьи влоть до Курук-Келесса (выше разведки не были проведены) находятся древние поселения и городища, окруженные курганными группами. Сильная задернованность их и — как результат ее — почти полное отсутствие подъемного материала весьма затрудняют определение этих поселений и городищ. Однако и незначительный подъемный материал позволяет характеризовать некоторые из них как одновременные Ак-тобе 2 (кстати, у этих городищ и аналогичное трехчленное деление, расположение и соотношение частей). Вниз же по реке от Ак-тобе 2 обнаружены лишь два древних городища, причем одно из них (Ажем-сенгир) частично перекрыто городищем IX—X вв. Затем берег резко понижается, и лишь за поселком Чардара холмы вновь приближаются к реке. На последнем высоком мысу расположено Шаушукум-тобе.

Городище Шаушукум-тобе находится в 1,5—2 км ниже поселка Чардарастрой. Оно открыто в 1958 г. А. Г. Максимовой, а в 1960 г. на нем были проведены Г. И. Пацевичем небольшие раскопки. Результаты этих раскопок, а также описание памятника дано в книге «Древности Чардара»¹⁶¹, поэтому ограничимся лишь краткой характеристикой городища. Оно расположено на высоком мысу в непосредственной близости к современному руслу Сырдарьи и с трех сторон со стороны степи ограждено стеной из сырцового кирпича. Городище

подквадратных очертаний (площадь 250×250 кв. м) и возвышается на 4—5 м над окружающей местностью. Оно члениится на «город» и расположенную внутри него, в южной части, цитадель, также обнесенную стеной и непосредственно примыкающую к обрыву. Как показали раскопки, Шаушукум-тобе — многослойный памятник. Г. И. Пацевич разбил культурные слои городища на два периода: нижний — III—V вв. (по аналогии с Тали-Барзу и Каунчи II) и верхний¹⁶², «тюркский», по его определению, — VI—VIII вв.¹⁶³

Датировки верхнего периода, в материалах которого встречены бронзовые накладки от поясного набора и определенный комплекс керамики, не вызывают сомнений. Что же касается нижнего периода, то его начальная дата требует некоторого уточнения. О датировке «культуры Каунчи II» (по Г. В. Григорьеву) уже говорилось; что же касается дат слоев Тали-Барзу, то, как показали последние исследования, они также значительно заглублены¹⁶⁴. К сожалению, небольшие площади раскопок и малое количество найденной керамики заставляют нас обратить особое внимание на подъемный материал. Много керамики найдено на всей площади городища. Кроме того, огромное количество ее было в прорезанной бульдозером через городище глубокой и широкой траншее. Во время полевых сезонов 1961 и 1962 гг. нам удалось неоднократно бывать на городище и на месте провести отбор материала. Однако при характеристике керамики по горизонтам в основу положен раскопанный материал¹⁶⁵.

В нижнем горизонте среди керамики первой группы отметим прежде всего горшки. Они с широким устьем, слегка отогнутым

¹⁶² Постройки верхнего периода характеризуются наличием стен из гуаялка наряду со стенами, сложенными из сырцового кирпича.

¹⁶³ Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 90.

¹⁶⁴ Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VI вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, стр. 22. К значительному омоложению нижних слоев Тали-Барзу приводит в своих выводах и Б. Я. Ставский (Б. Я. Ставский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА. 1967, № 2, стр. 22—28).

Е. И. Агеева датировку нижнюю границу бытования шаушукумской керамики IV в. (Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерциса, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардара, стр. 415).

¹⁶⁵ При описании керамики из раскопок прежде всего учитывалась ее характеристика, данная в статье Е. И. Агеевой.

¹⁶¹ Г. И. Пацевич. Городище Шаушукум-тобе. Описание раскопок. Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерциса, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардара, стр. 80—92.

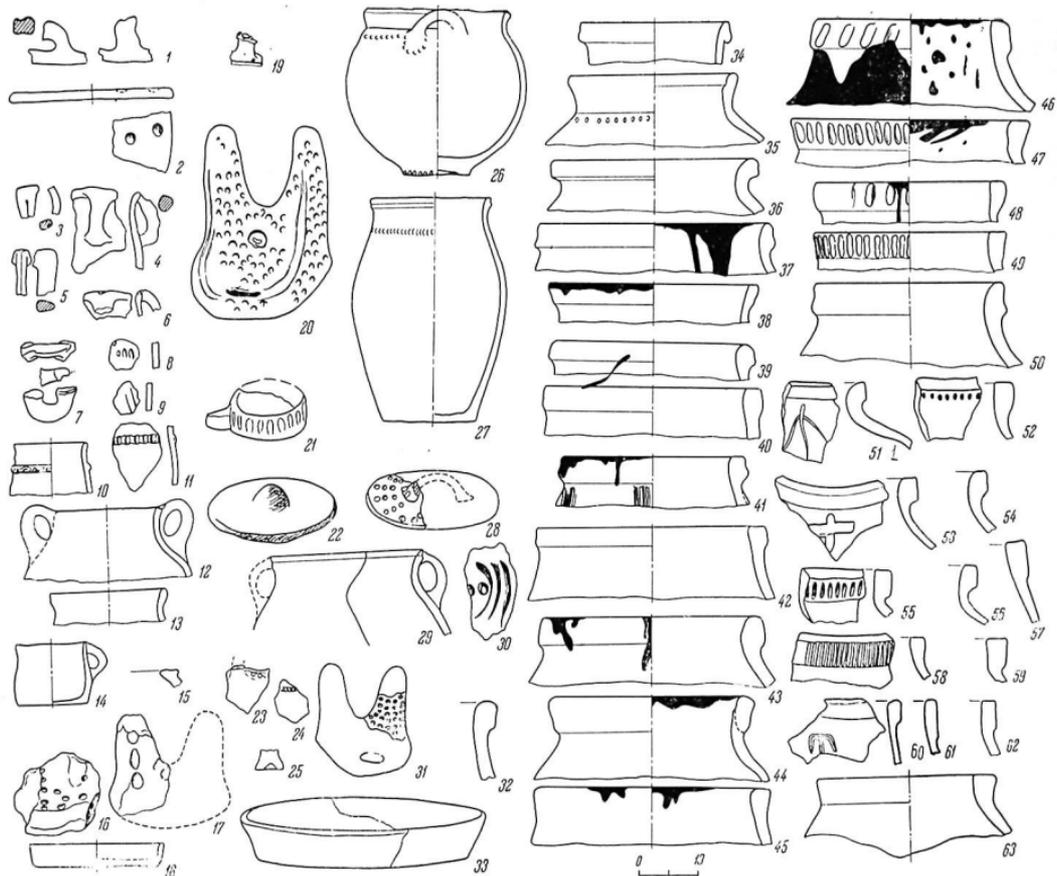

Рис. 49. Городище Шаушукум-тобе. Керамика первой (1-33) и второй (34-63) групп

наружу простым краем, реже встречается подтреугольный в сечении венчик с продольным углублением по наружной стороне. Невысокая шейка переходит в круглые плечики и раздутое тулово. Горшки снабжены двумя вертикальными петлеобразными ручками, овальными, реже — круглыми или подтреугольными в сечении. Большинство ручек сильно сжато с боков, вследствие чего по наружной стороне их образовалась глубокая вертикальная ложбинка. Верхний конец ручек прикреплен к краю, а у некоторых горшков и несколько приподнят над уровнем края сосуда (рис. 49, 4, 12). Часто по краю на верхнем конце ручек имеется украшение в виде неглубокой пальцевой ямки (рис. 49, 6, 12), а от нижнего конца ручек по тулову сосуда идет налепной орнамент в виде расеченного защипами или насечками валика, отходящего в обе стороны по тулову или же опускающегося вниз и вбок короткими изогнутыми отрезками (рис. 49, 10, 11, 23, 24). Ближайшие аналогии подобным горшкам находим на Каунчи-тепе в слоях «культуры Каунчи II», в нижнем слое Минг-Урюк, на Чаш-тепе и др. У аналогичных горшков с соседнего городища Ак-тобе 2 гораздо меньше раздут корпус и весь сосуд больше вытянут. Кроме того, ручки никогда не поднимаются над уровнем края.

Хотя в верхнем строительном горизонте Ак-тобе 2 мы отметили аналогичные шаушукумским горшки и с ямкой у основания верхнего конца ручки, и с валиком на тулове, и даже в одном случае со сжатой с боков ручкой, все эти элементы, как выше указывалось, представлены были лишь единичными экземплярами и, очевидно, лишь зарождались. На Шаушукум-тобе встретилась керамика с подобными чертами в массовом количестве и с большим разнообразием их. Так, отметим здесь повсеместное распространение сжатых с боков ручек с ложбинкой и на горшках, и на кружках первой группы, а также на многих сосудах второй группы¹⁶⁶. Наряду с этим подобные ручки различаются длиной и глубиной ложбинки. Та же картина наблюдается и на городище Каунчи-тепе в слоях «культуры Каунчи II».

Как и на упомянутых выше городищах, на Шаушукум-тобе есть кухонные горшки (или котлы) с горизонтальными петлеобразными ручками, причем часто эти ручки, как и вертикальные, сильно сжаты с боков (рис. 49, 7).

Кружки первой группы типологически, как и горшки, составляют прямое продолжение и развитие форм кружек Ак-тобе 2. Они также широко открыты, с выделенной шейкой, с простым чуть уточненным краем и прикрепленной к нему вертикальной петлеобразной ручкой. Отличем шаушукумских кружек от актобинских служит, как и у горшков, гораздо большая ширина и приземистость тулова (рис. 49, 14).

В этом слое представлены и обычной формы сковороды с большим количеством примесей крупнодробленой древесины (рис. 49, 18, 33).

Встреченные в нижнем слое крышки первой группы — плоские, с петлеобразными ручками в центре — орнаментированы сверху ямочными вдавлениями, радиально расходящимися от центра вмятинами и насечками (рис. 49, 1, 22, 28)¹⁶⁷. Аналогичные крышки широко распространены в районах Нижней и Средней Сырдарьи.

В этом же слое найдены фрагменты своеобразных сосудов типа светильников или курильниц. Один из них имеет форму маленькой чашечки с ручкой и с замятиями краями (рис. 49, 21). Другие представляют собой небольшую на цилиндрической ножке чашечку-резервуар, края которой украшены волнистыми замятинами или насечками¹⁶⁸. Диаметр чашечек 9—11,5 см, глубина 3—4 см. Большинство светильников встречено во фрагментированном виде. Аналогичные светильники-курильницы найдены на расположенном на левом берегу Сырдарьи городище Ак-тобе 1, в нижнем слое Минг-Урюка, на Кызыл-Кыре под Бухарой. Широко распространены подобные курильницы в катакомбах Таласской долины и на Нижней Сырдарье.

Уже в самых нижних слоях Шаушукум-тобе были встречены подставки в виде грубых изображений голов быка с двумя рогами и ямкой спереди (рис. 49, 31). Они орнаментированы сверху и спереди рядами глубоких ямочных вдавлений и насечек. Полностью аналогичные подставки есть на городищах Алимбай-тепе, в Отгарском оазисе¹⁶⁹, но особенно широко они представлены на городище Каунчи-тепе, начиная с нижних штыковых стадий Каунчи II.

В керамике второй группы, изготовленной в основном ручной лепкой, по назначению и

¹⁶⁷ Там же, стр. 97.

¹⁶⁸ Там же, стр. 100.

¹⁶⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 106, рис. 86.

¹⁶⁶ Е. И. Агеева. Указ. соч., стр. 93.

форме выделяются те же виды и типы сосудов, что и на разобранных выше памятниках.

Сосуды типа хумов, хумчей в нижнем слое представлены в основном фрагментами стенок и венчиков, по которым трудно восстановить полную форму. Однако и по фрагментам можно судить, что это толсто-стенные сосуды с плоским широким дном, вытянутым туловом, покатыми плечиками, горло часто лишь намечено. У них прямой утолщенный подпрямоугольный в сечении край с широким плоским бережком или же подпрямоугольный в сечении венчик также с плоским бережком и изредка с горизонтальными неглубоким желобком снаружи (рис. 49, 32). На горле и тулове поверх жидкого беловатого и с различными оттенками ангоба — мазки и потеки красно-коричневого и черного¹⁷⁰. Изредка хумы украшены резным орнаментом под венчиком (рис. 49, 47).

Форму горшков, среди которых также нет ни одного целого экземпляра, можно представить по многочисленным фрагментам. Подавляющее большинство их поверх жидкого беловатого ангоба, реже — по неангобированной поверхности, украшено как бы нарочито небрежными мазками и идиущими от них густыми коричнево-красными, темно-коричневыми или черными потеками (рис. 50, 65, 69, 71). По форме надо отметить баночные горшки с прямыми или чуть отогнутым наружу простым краем, реже — с округлым венчиком, иногда с продольным горизонтальным желобком по наружной стороне венчика, с невысоким, иногда лишь намеченным горлом, плавно переходящим в округлое тулово. В отличие от подобных сосудов Ак-тобе 2 у шаушукумских несколько более раздутое тулово, хотя продолжают, очевидно, существовать и сосуды с узким туловом.

На Шаушукум-тобе встречено значительное количество горшков с относительно высоким прямым горлом, что нельзя считать характерным для Ак-тобе 2, хотя некоторое число горшков с прямым горлом, отделенным от раздутого тулова, выраженным уступом, с профилированным венчиком найдено в материалах обоих строительных периодов (рис. 34, 18; 39, 24). На Шаушукум-тобе на горшках с высоким прямым горлом появился валик или врезная линия под венчиком (рис. 50, 67, 77, 81). Некоторые горшки кроме мазок и потеков украшены прорезанной до об-

жига на горле или плечиках волнистой линией или же рядом неглубоких насечек на плечиках (рис. 50, 64, 75, 79). Аналогичная орнаментация горшков типична для Ак-тобе 2. На Шаушукум-тобе такие украшения встречены гораздо реже, но зато здесь найдены близкой формы горшки, орнаментированные по горлу и плечикам неровно прорезанными рядами горизонтальных линий (рис. 50, 63). Аналогичные горшки с подобным орнаментом не встречались на поселениях Ак-тобе 2, Каучичи-тепе, Чаш-тепе, на городище Минг-Урюк. В то же время аналогичным образом украшенные горшки неоднократно найдены в более северных районах Сырдарьи.

Очень характерные для Ак-тобе 2 горшки с двумя вертикальными петлеобразными ручками представлены и на Шаушукум-тобе, но лишь во фрагментах и в значительно меньшем числе. Часть их имеет ручки, верхним концом прикрепленные к краю или чуть ниже края, другие же снабжены ручками, верхний конец которых прикреплен к горлу или чаще к плечу. Они небольшие, овальные в сечении, с чрезвычайно характерной в этом слое и для ручек других видов и типов сосудов глубокой вертикальной, иногда довольно широкой ложбинкой по спинке от сжатия с боков (рис. 50, 38—48). Такая же глубокая ложбинка есть и на горизонтальных ручках, в виде петли прикрепленных к верхней части плечиков горшкообразных сосудов (такие сосуды можно в определенной степени считать и котлообразными, хотя форма их чрезвычайно близка разобранным выше горшкам — рис. 51, 84, 87). Последние по форме почти не отличаются от описанных выше горшков. Часть сосудов снабжена горизонтальными петлеобразными ручками, овальными или круглыми в сечении. У других горшков — обращенные средней частью кверху ручки-ушоры, сплошные или с отверстием (рис. 51, 85, 86, 92). Сосуды с аналогичными ручками найдены на всех упомянутых выше городищах.

Широко представлены в нижнем слое Шаушукум-тобе кувшины, по форме также напоминающие найденные на Ак-тобе 2. Для них характерны яйцевидное тулово, высота которого резко превышает диаметр, плоское широкое дно, диаметр которого обычно в 1,5—2,5 раза больше диаметра края, покатые плечики, плавно переходящие в высокое, расширяющееся к низу горло с отогнутым наружу венчиком диаметром 10—16 см. Венчики круглой или подтреугольной в

¹⁷⁰ Е. И. Агеева. Указ. соч., стр. 96.

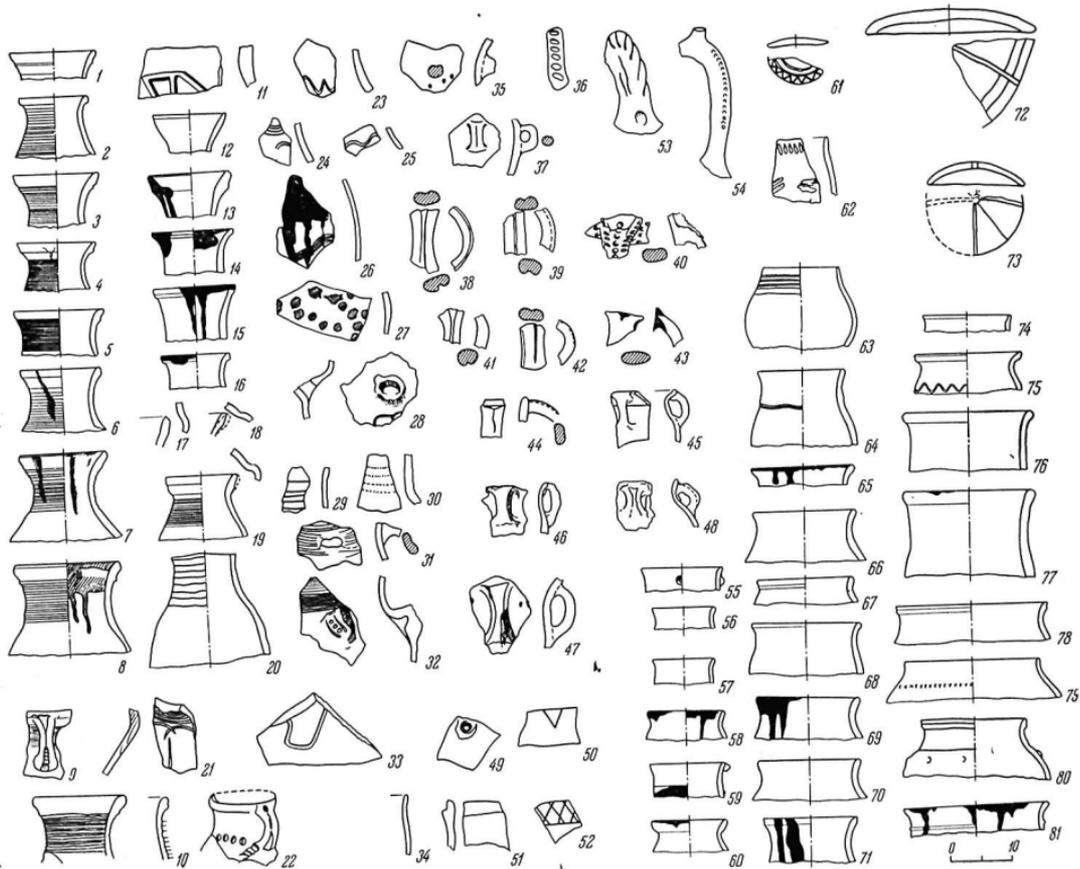

Рис. 50. Горodiще Шаушукум-тобе. Керамика второй группы

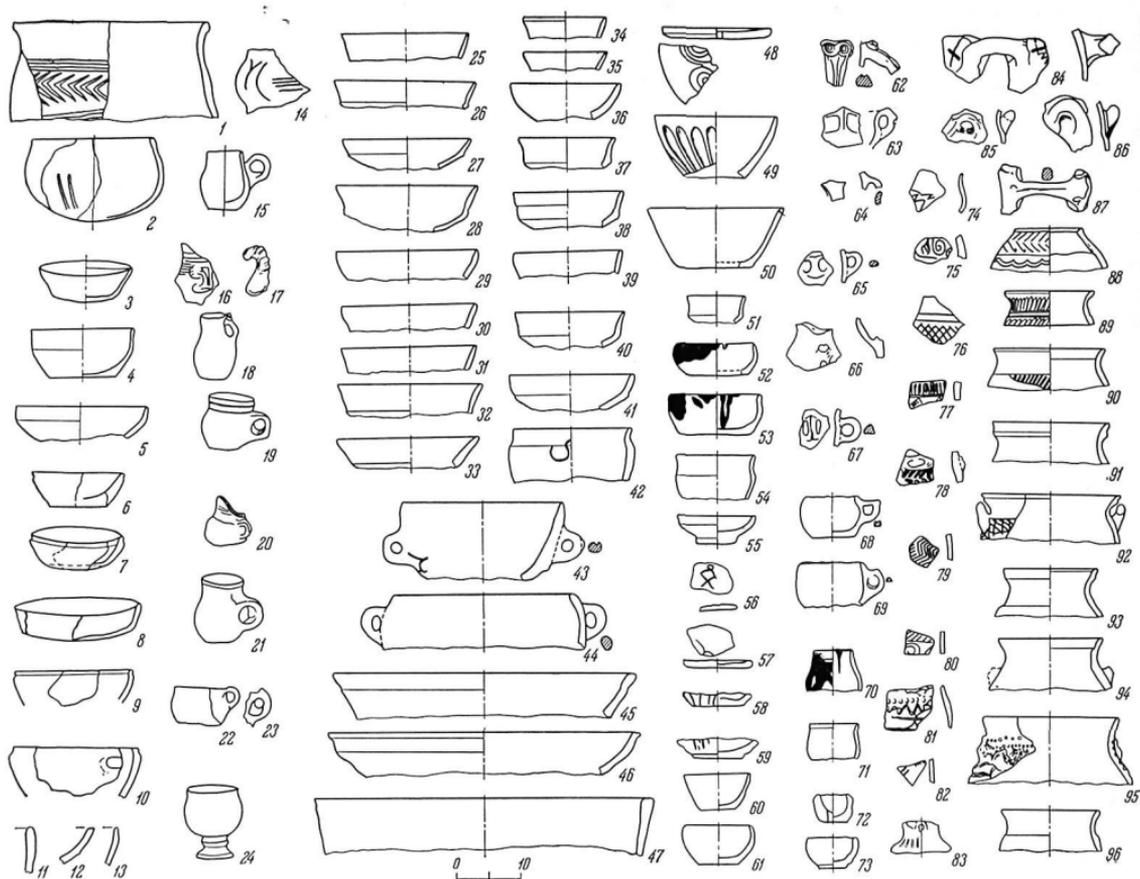

Рис. 51. Городище Шашукум-тобе. Керамика второй группы

сечени формы, иногда с горизонтальным желобком по наружной стороне (рис. 50, 6, 14—16). Но преобладают в нижнем слое Шаушукум-тобе более крупные и несколько удлиненные венчики, отделенные от горловины резким валиком и уступом (рис. 50, 4, 5, 19). У некоторых из таких венчиков снаружи имеется дополнительная врезная полоса под закраиной. Большинство кувшинов покрыто жидким беловатым с различными оттенками ангобом, поверх которого идут мазки, капли и потеки темно-коричневого или черного ангоба. Встречается некоторое количество сосудов с более густым розоватым ангобом. Часть кувшинов украшена по плечикам и тулову прорезной волнистой линией, иногда опоясывающей тулово по спирали, или рядом насечек по плечикам. Абсолютное же большинство кувшинов орнаментировано прорезанными по горлу параллельными горизонтальными линиями¹⁷¹. На меньших кувшинах эти линии опускаются и на плечики сосуда. Характер таких линий разнообразен — от неглубоких и неровно прочерченных концом палочки линий до нанесенных мелкозубчатым (реже — крупнозубчатым) штампом глубоких и ровных полос, как бы подражающих рифлению (рис. 50, 2—6, 9, 10, 19, 21).

Некоторые кувшины имеют петлеобразные ручки, верхним концом прикрепленные к горлу или к краю сосуда. Ручки, обычно овальные в сечении, с характерным для этого слоя продольным желобком по спинке (рис. 50, 22, 31, 41, 42). Такой желобок есть и у массивных горизонтальных ручек, которыми снабжена часть кувшинов (рис. 50, 32; 51, 87). Найдены кувшины с ручками, орнаментированными снаружи насечками и вдавлениями (рис. 50, 32, 40), или валиком и пальцевыми заматинами на нижней части и у основания ручки (рис. 50, 9, 22).

У части кувшинов на плечиках с противоположной от ручки стороны есть цилиндрической формы носик (с небольшим сливом на краю), типичный для кувшинов Каучи-тепе. Ак-тобе и других подобных памятников (рис. 50, 28, 49). Небольшое количество таких сосудов покрыто черным ангобом. Но в отличие от Ак-тобе 2 в нижнем слое Шаушукум-тобе у многих кувшинов (большинство с горизонтальными полосами на горле) округлый в плане слив по краю, образованный отжатием части венчика пальцами (рис. 50, 17—19). Аналогичные сливы, как

и горизонтальное рифление на горле, чрезвычайно характерны для джетыасарской культуры.

Вероятно, к кушинам относятся и тонкостенные сосуды с резко отогнутой наружу значительной по длине частью горла, с закраиной, выделенной лишь неглубоким врезным пояском снаружи (рис. 50, 12). Эти единичные сосуды с густым красно-коричневым ангобом и лощением. Кувшины с аналогичной отделкой поверхности, с раструбованным венчиком (но несколько иной формы) чрезвычайно характерны для джетыасарского комплекса.

Неоднократно встреченные в этом слое различного размера миски могут быть разделены на типы, также тесно связанные с актобискими по форме (рис. 51): 1) неглубокие открытые с простым округлым или слегка утонченным краем, с прямыми стенками, образующими резкий перегиб при переходе к слегка уплощенному дну; 2) открытые полусферической формы миски с округлым или уплощенным дном, простым краем, часто выделенным снаружи заметным уступом или полосой (рис. 51, 9), с двух сторон они покрыты густым красным ангобом и лощением¹⁷². Сосуды первого типа обычно покрыты двусторонним густым темно-коричневым, местами до черного и черным ангобом и часто подлощены (рис. 51, 8, 10, 37—40). Близки к этому типу миски с плавно-округлыми стенками в верхней части и выделенным резким перегибом — переходом к слегка уплощенному дну. Они покрыты густым коричнево-красноватым внутри и ярко-красным снаружи ангобом и лощением (рис. 51, 41).

Неглубокие большого размера миски, или тагора (диаметр края их 48—50 см) могут быть отнесены к первому типу и по форме, и по отделке поверхности. Отличаются они наличием небольшого венчика с плоским бережком и тем, что перегиб стенок приходится на верхнюю половину тулова, а нижняя часть имеет не округленные, а прямые стенки; дно плоское большого диаметра (рис. 51, 46). Форма таких сосудов (но не отделка поверхности) полностью аналогична форме значительной части мисок Ак-тобе 2.

Чаши (рис. 51, 6, 7, 51—54) представлены в этом слое теми же двумя основными типами, что и миски: 1) полусферической формы с округлыми, плавно идущими к плоскому дну стенками (рис. 51, 52, 61); 2) с почти

¹⁷¹ Е. И. Агеева. Указ. соч., стр. 92—93.

¹⁷² Там же, стр. 96.

прямыми стенками, чуть отогнутым наружу краем и резким перегибом стенок в нижней части тулова при переходе к плоскому дну (рис. 51, 51, 53). Некоторые чаши покрыты беловатым ангобом, поверх которого нанесены красно-коричневые и темно-коричневые мазки и потеки. Нижняя часть этих сосудов несет следы обработки лопаточкой. Найдено и несколько чаш второго типа, покрытых густым красным, красно-коричневым ангобом и лощением. Форма чаш и отделка многих из них полностью повторяют подобные сосуды из Ак-тобе 2.

Типологически непосредственно связаны с актобскими и кружки из нижнего слоя. Для них характерно относительно высокое прямое горло, плавно переходящее в округлое тулово, широкое дно, петлеобразная, а чаще кольцевидная ручка, прикрепленная к верхней части тулова (рис. 51, 20, 21, 23). Изредка на сосудах с раздутым, почти сферической формы туловом и низким прямым горлом ручки прикреплены на верхней части тулова, но под краем сосуда (рис. 51, 22). У некоторых на верхней части ручек имеется выступ в виде схематического изображения животного. Есть ручки, сжатые с боков, у которых по спинке проходит продольная канавка. Большинство кружек покрыто светлым ангобом, а поверх него идут потеки темно-коричневого и черного ангоба.

Встречено также некоторое количество кружек с низким раздутым туловом, прямым горлом и кольцевидной ручкой, покрытых снаружи и по верхней части внутри густым красным, красно-коричневым ангобом и лощением. Место перехода горла к тулову подчеркнуто врезными полосами (рис. 51, 20, 70). Подобные прорезанные горизонтальные полосы украшают горло и других сосудов, покрытых густым красным ангобом и лощением.

Часть кружек с низким раздутым туловом и прямым горлом имели густой черный ангоб и легкое лощение. Такая же отделка и у кружек с округлым туловом и отделенным от него врезной полосой круглым в сечении маленьким венчиком (рис. 51, 71). Описанные выше кружки с темным ангобом и лощением и с раздутым туловом и четко отделенным от него горлом и с маленьким круглым в сечении венчиком характерны для джетысарской культуры.

Интересен сосуд в виде кубка с раздутым сферической формы корпусом на фигурной ножке, покрытый красным ангобом и слегка подлощенный (рис. 51, 24). Близкой формы

кубки известны в джетысарском комплексе (рис. 3, 73) в материалах предгорий Ферганы¹⁷³.

Е. И. Агеева при разборе шаушукумской керамики выделяет промежуточный горизонт, где наряду с продолжающимися бытовать старыми формами иногда проявляются новые элементы¹⁷⁴.

В керамике первой группы отметим те же горшки, что и в нижнем горизонте. Найдены два сосуда баночной формы с орнаментом из косых насечек в месте перехода тулова к горлу (рис. 49, 27) и один котлообразный сосуд со сферическим туловом, двумя горизонтальными петлеобразными ручками, низкой широкой горловиной¹⁷⁵. Вокруг основания ручек и по верхней части тулова проходит орнаментальная полоса из овальных ямок. Кольцевидный поддон этого котла, диаметр которого в два раза меньше диаметра горла, орнаментирован по краям волнообразными замятинами (рис. 49, 26). Если вышеупомянутые сосуды баночной формы могут быть сопоставлены с аналогичными сосудами из нижнего горизонта, то подобных указанному котлу там найти нельзя. Аналогичные котлообразные сосуды известны из раскопок А. И. Тереножкина замка Ак-тене под Ташкентом¹⁷⁶.

Встреченные в среднем горизонте крышки — плоские с петлеобразными ручками или ручками-выступами в центре — подставки в виде головы быка, орнаментированные ямочными вдавлениями впереди и сверху, также аналогичны найденным в нижнем горизонте.

В керамике второй группы подавляющее большинство форм повторяет обнаруженные в нижнем горизонте. Возможно, в этом слое появляются хумы с такими же подпрямоугольными в сечении венчиками с широким плоским бережком, как в нижнем горизонте, но с орнаментом в виде удлиненных пальцевых вдавлений по наружной стороне венчика (рис. 49, 47).

В этом слое обнаружены горшки, чаша с горизонтальными ручками на плечиках, по форме тулова и венчика аналогичные найденным в нижнем горизонте, со своеобразным прорезным орнаментом (вероятно, отдельные экземпляры таких сосудов появились еще в

¹⁷³ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников..., стр. 63, рис. 11, 61; С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник..., стр. 134, табл. 12г.

¹⁷⁴ Е. И. Агеева. Указ. соч., стр. 92, 110. К сожалению, автор не называет даты этого слоя.

¹⁷⁵ Там же, стр. 99, табл. IV, стр. 100.

¹⁷⁶ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тене близ Ташкента. «ТИА АН Узб. ССР», т. 1. Ташкент, 1948, стр. 116.

нижнем горизонте, судя по материалам из траншеи, прорезанной бульдозером (о цитадели во время строительных работ 1958 г.). На плечиках, а иногда и на горле сосуда по сырой или слегка подсушенной поверхности нанесен прорезной орнамент в виде широкой полосы косой сетки, незамкнутых треугольников, сочетающихся с ними полуovalов, елочек (рис. 54, 80, 81, 92). Большинство таких сосудов покрыто густым коричнево-красным, темно-коричневым или черным ангобом и слегка подлощено. Аналогичный прорезной геометрический орнамент не характерен для других памятников Ташкентского оазиса, где широко распространены сосуды подобной формы. В то же время такой прорезной геометрический орнамент (особенно в виде незамкнутых треугольников, косой сетки) типичен для иной формы сосудов, покрытых густым темно-коричневым или черным ангобом и лощением и характерных для джетысарской культуры Нижней Сырдарьи. В значительной степени краслощенные сосуды с прорезным орнаментом в виде косой сетки сопоставимы с таковыми же и из ферганских памятников. Среди шаушукумских сосудов отметим также небольшой кувшинчик (или кружку) с петлеобразной ручкой, с густым черным ангобом и лощением, у которого на тулове расположен горизонтальный пояс прорезанного по сырой глине елочного орнамента.

В этом слое обнаружены миски с округлыми стенками, с двумя вертикальными кольцевидными ручками, прикрепленными на средней части тулова. Ручки — овальные в сечении, с характерным желобком по спинке, иногда глубоко прорезанным и имевшим лишь орнаментальное значение. Часть таких сосудов — открытые, подусферической формы с простым краем (рис. 54, 43); другие — с такими же округлыми стенками и простым краем, но последний слегка загнут внутрь сосуда (рис. 54, 44). Миски покрыты густым черным ангобом и слегка подлощены. Под ручкой одного из сосудов прорезан тамгообразный знак. Близкой формы двуручные миски найдены на поселении Чаш-тепе, в верхнем слое Кауңчи-тепе.

Среди кружек отметим сосуд с приземистым округлым туловом и коротким горлом, по которому проходит горизонтальный валик. К верхней части тулова прикреплена петлеобразная ручка с площадочкой наверху (рис. 54, 19). Судя по фрагментам, такие кружки характерны для верхнего слоя Шаушукум-тобе. Аналогичные сосуды известны из

верхнего слоя городища Минг-Урюк, из слоя VI—VII вв. Ак-тепе близ Ташкента.

К кружкам же можно отнести кувшинообразный сосудик с высоким прямым горлом, с простым краем. К краю и плечикам прикреплена петлеобразная овальная в сечении ручка с опушенным верхом, на котором помещен палец в виде закрученных в разные стороны витков, имитирующих рога барана (рис. 54, 18)¹⁷⁷. Кружки с такими орнаментированными ручками найдены в верхних слоях городища Кауңчи-тепе¹⁷⁸.

В верхнем слое Шаушукум-тобе в керамике первой группы можно выделить прежде всего горшкотообразные сосуды. У некоторых из них — овальный в сечении венчик, но у большинства — лишь простой край, иногда подчеркнутый с наружной стороны врезным пояском. Невысокое горло плавно переходит в корпус. Верхняя часть тулова горшков украшена косыми насечками или наленными волнистыми валиками в месте перехода к горловине. Эти горшки также снабжены двумя петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к краю сосуда. В отличие от встречавшихся в нижнем слое большинство ручек гораздо тщательнее заглажены сверху и на них нет вертикальной ложбинки.

В верхнем слое (горизонте) были встречены фрагменты котлообразных сосудов с шаровидным туловом, низкой широкой горловиной, выделенным маленьким венчиком, с расположенными на плечиках двумя горизонтальными круглыми в сечении ручками, поднимающимися к венчику (судя по материалам из траншеи, прорезавшей цитадель). Находка такого котлообразного сосуда отмечена для среднего горизонта городища. Как указывалось выше, подобные сосуды известны из раскопок А. И. Терепожкина замка Ак-тепе под Ташкентом, раскопок М. С. Мерцьева на городище Ак-тепе 1, расположенном на противоположном от городища Шаушукум-тобе левом берегу Сырдарьи.

Некоторые котлообразные сосуды из верхнего горизонта Шаушукум-тобе имели венчик с резко уплотненным бережком.

Сковороды «жаровни» изготовлялись из еще более рыхлого теста, чем остальная керамика первой группы, с еще большим количеством примесей крупнодробленой древесины.

Крышки первой группы верхнего слоя можно разделить на два типа: массивные пло-

¹⁷⁷ Е. Л. Агеева. Указ. соч., стр. 101.

¹⁷⁸ Г. В. Глигорьев. Келесская степь..., стр. 54, табл. XIV, 96, 97.

ские, часто орнаментированные вмятинами, с ручками в виде петли или в виде сплошного выступа и конические с резным орнаментом по краю.

В верхнем слое Шаушукум-тобе встречаются фрагменты прямоугольной и цилиндрической формы подставок.

В керамике второй группы в верхнем горизонте Шаушукум-тобе отмечается большое количество сосудов станковой работы.

Продолжают существовать те же формы хумов и хумчей, изготовленных ручной лепкой. Поверхности их покрывались жидким беловато-розоватым или беловато-желтоватым ангобом, поверх которого наносились небрежные мазки с каплями и потеками более густого темно-коричневого и черного ангоба.

Встречены единичные экземпляры хумов с подтреугольным или круглым в сечении венчиком с плоским бережком (рис. 49, 50). Но абсолютное большинство сосудов имело резко утолщенный подпрямоугольный в сечении край с широким плоским бережком или же подпрямоугольный в сечении венчик также с плоским бережком (рис. 49, 52—62). Снаружи закраины и венчики орнаментированы рядом удлиненных пальцевых вдавлений (рис. 49, 46, 48, 49, 55, 58). Сосуды аналогичной формы с такой же орнаментацией встречаются на Чаш-тепе, Кадовад-тепе, но особенно они характерны для замка Ак-тепе под Ташкентом, для второго горизонта городища Имлак (Тувкент) ¹⁷⁹.

Отдельные сосуды этого типа с Шаушукум-тобе украшены по плечикам вдавлениями, прорезными полосами (рис. 49, 35).

И в верхнем слое продолжают бытовать горшки, характерные для нижнего горизонта. Но наряду с ними отмечаются и некоторые новые черты и формы. Так, большинство горшков верхнего слоя покрыто легким лощением поверх густого красновато-коричневого, темно-коричневого и черного ангоба. Значительное количество горшков имеет чуть удлиненный венчик с валиком на нижней части (рис. 50, 78; 51, 91). Многие широко открытые горшки с раздутым туловом, невысокой шейкой, простым отогнутым наружу краем, часто подчеркнутым снаружи врезной линией, с густым красным, красновато-коричневым ангобом, украшены по плечикам и тулову поясом орнамента, образованного неглубокими и широкими вдавленными штам-

пом полосками в виде елочек, сплошных или сочетающихся с поясом незамкнутых треугольников, фестонов (рис. 51, 1, 77—79, 88—90). Такой орнамент особенно часто встречается в верхнем слое Шаушукум-тобе. В то же время значительно и количество горшков с орнаментом, прорезанным концом палочки по сырому сосуду, в виде елочек, косяк сетки, незамкнутых треугольников, спиральных полос, волнистых линий, рядов насечек, часто сочетающихся между собой, а иногда и с налезным волнистым валиком (рис. 51, 95). Часто эти сосуды покрыты густым черным ангобом и лощением. Многие из них снабжены двумя горизонтальными петлеобразными ручками (рис. 51, 94, 95).

Густой ярко-красный, красно-коричневый ангоб и лощение встречаются также на близкой форме сосуда с выделенным венчиком с изгибом края внутри сосуда для крышки, с высоким горлом, отделенным от тулова резким уступом (рис. 51, 93). Отмечены также горшкообразные сосуды со сферическим туловом, сравнительно небольшим устьем, наклонными внутрь стенками со слегка уплощенным бережком. Начиная от края, тулово покрыто поясом неглубокого врезанного елочного орнамента, ниже проходит полоса фестонов (рис. 51, 88). На поверхности сосуда нанесены густой черный ангоб и легкое лощение.

Наряду с разобранными формами продолжают бытовать горшки, особенно характерные для нижнего слоя, со светлым ангобом и потеками темно-коричневого и черного, часто с желобком по наружной стороне венчика, орнаментом по горлу или плечикам в виде пояса насечек или прорезной волнистой линии. Некоторые горшки снабжены вертикальными ручками, иногда орнаментированными по спинке вдавлениями или подражающие витым (рис. 50, 36, 53, 54). Подобные ручки часто принадлежали кувшинам.

Кувшины верхнего слоя Шаушукум-тобе в основном повторяют форму и отделку кувшинов предшествующего периода и отличаются лишь отдельными элементами. Господствуют сосуды с резко отогнутым наружу чуть утолщенным по сравнению со стенками и удлиненным венчиком, отделенным от горла валиком и уступом (рис. 50, 1, 7, 8); горловины орнаментированы подражающими рифлению горизонтальными полосами, но в ряды этих полос одинаково ровные и глубокие. Встречаются вертикальные и горизонтальные ручки, как бы смятые с боков, с глубокой продольной канавкой по спинке, но найдено много ручек уже без канавки, с тща-

¹⁷⁹ Ю. Ф. Бураков. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (к истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Рукопись канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 55.

тельно заглаженной наружной поверхностью. Кувшины покрыты жидким беловатым ангобом, иногда поверх него — мазки и потеки коричневого и черного ангоба; почти полностью отсутствуют сосуды с розоватым ангобом. Встречены фрагменты кувшина с красным ангобом и лощением, с круглым в сечении маленьким венчиком, подчеркнутым снаружи врезной линией. Такой же линией подчеркнuto место перехода тулова к горловине. Плечики орнаментированы выступающими шишечками. Аналогичные по форме, отделке и орнаментации сосуды характерны для диеты асарской культуры.

Существуют в этом слое и все основные формы мисок и чап. Преобладают миски с прямыми или слегка округлыми стенками с резким перегибом тулова при переходе его ко дну. В месте перехода образуется как бы небольшой наплыв нижней части на верхнюю (рис. 51, 25—28, 41). Эти сосуды покрыты густым темно-коричневым и черным (с прямыми стенками) или красным (с округлыми стенками) ангобом и лощением. Аналогичная форма мисок известна помимо памятников Ташкентского оазиса (Чап-тепе, Ак-тепе близ Ташкента, Каунчи-тепе и т. д.) в Согде, в Семиречье в слоях VII—VIII вв.¹⁸⁰ В VII—VIII вв. н. э. в Согде бытуют и миски, аналогичные некоторым из шаушукских мисок полусферической формы с орнаментом в виде идущих с наклоном по тулову вертикальных широких вдавленных по еще сырой глине сосуда полос, имитирующих разделку поверхности металлических сосудов (рис. 51, 2, 49)¹⁸¹. Такие миски покрыты густым черным ангобом.

Среди чап, относящихся к тем же двум основным типам, что и чапы нижнего горизонта, полностью преобладают сосуды с густым ярко-красным, красно-коричневым ангобом и лощением. У некоторых из них — вертикальные прорезные полосы по тулову (рис. 51, 58, 59), другие имеют снаружи на дне прорезанные по сырому или слегка подсушенному сосуду знаки-тамги или какиелибо изображения (например, примитивное изображение человеческой фигурки; рис. 51, 56, 57). Среди чап с прямыми стенками и перегибом в нижней части отметим сосуд на

дисковидном поддоне (рис. 51, 55). Вероятно, к чапам или мисочкам можно отнести фрагменты сосуда с полусферическим туловом, простым краем, отделанным снаружи врезным пояском, диаметром 13 см. Сосуд этот имел три цилиндрические ножки и был покрыт беловатым ангобом. Он находит аналогию в материалах верхнего горизонта Каунчи-тепе, второго слоя Ак-тобе (чардаринского). Подобной формы сосуды, служившие светильниками, найдены на Нижней Сырдарье на городище Кескен-Куюк-кала, в Семиречье и Согде в слоях VI—VIII вв.¹⁸²

Вероятно, к крышкам можно отнести фрагменты с прорезанным спиральным орнаментом по верхней, слегка вогнутой стороне, густым красно-коричневым, местами до темно-коричневого и черного ангобом и лощением, с отверстием в центре (рис. 51, 48).

Кружки этого слоя типологически связаны с такими же сосудами нижнего горизонта. Для них характерно овальной формы тулово, плавно переходящее в высокое прямое горло с простым краем. К краю и плечикам прикреплена петлеобразная круглая в сечении ручка. На прикрепленной к краю сосуда (возможно, типа кувшина) ручке, овальной в сечении с глубокой продольной бороздой по спинке, встречен наплыв, имитирующий бараньи рога (рис. 51, 62). Другая форма, очень близкая первой, — кружки с приземистым раздутым туловом, высоким горлом со слегка отогнутым простым краем и кольцевидной ручкой, прикрепленной на верхней части тулова. У некоторых сосудов с подобным туловом горло короткое, часто лишь слегка выраженное (рис. 51, 15). У отдельных сосудов с Шаушукум-тобе по горлу проходят черчерные горизонтальные полосы, как и на кувшинах (рис. 51, 14). Часто и ручки кружек сжаты с боков и по спинке идет глубокий вертикальный желобок (рис. 51, 14, 62, 68). Найдены фрагменты кружек с ручками, имитирующими витые (рис. 51, 17). Аналогичные ложновитые ручки встречены в верхнем слое Каунчи-тепе, на Алимбай-тепе, они характерны для районов Согда и Семиречья VI — начала VII в.¹⁸³

¹⁸⁰ В. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. ТООЗ, т. V, Л. 1961, стр. 179, табл. 1, 3, 12; В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. ТРЭ, т. IV, М. 1960, стр. 152, стр. 4.

¹⁸¹ В. И. Маршак. Влияние торевтики..., стр. 179, табл. 1, 10.

¹⁸² А. П. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. LVI; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые поселения в городе Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 33, табл. IV, 3; К. М. Байнаков. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН Каз. ССР», 1966, № 8, Алма-Ата, стр. 65, рис. 3; В. И. Распопова. Указ. соч., стр. 154, рис. 5, 1, 16.

¹⁸³ В. И. Распопова. Указ. соч., рис. 5, 13, 21.

Иногда у кружек с раздутым приземистым туловом и коротким горлом на верхней части кольцевидной ручки, прикрепленной к верху тулова, есть уплощенная площадка. Такая кружка встречается и в среднем горизонте. Как говорилось, аналогичные сосуды известны из верхнего слоя городища Минг-Урюк, из слоев VI—VII вв. Ак-тепе близ Ташкента, из слоев VII—VIII вв. Согда¹⁸⁴ и Семиречья¹⁸⁵. Таких кружек немало в верхнем слое Шаушукум-тобе. Встречены кружки аналогичной формы с кольцевидной ручкой на тулове или у края. Ручка имеет сечение в виде треугольника с широким основанием и резко расширяется у обоих концов у места прикрепления (рис. 51, 63, 67—69). Тожественные кружки характерны для джетысарской культуры, в которой на позднем этапе отмечены и сосуды с кольцевидными ручками с площадочкой сверху. Все они, как и другие формы кружек этого слоя Шаушукум-тобе, покрыты густым красным, красно-коричневым ангобом и сплошным лощением. Поверхности некоторых из них украшены прорезным орнаментом в виде закрученной спирали, зигзагообразных линий, елочек (рис. 51, 66, 74, 75, 80).

Возможно, часть сосудов с таким орнаментом можно отнести к типу небольших горшочков. Вероятно, крупной кружке или горшочку принадлежат фрагменты сосуда, по плечикам и тулову которого нанесены штампом неглубокие широкие вертикальные полосы, образующие видимость металлической поверхности (рис. 51, 89). Аналогичные сосуды известны из верхнего слоя Минг-Урюка и из других мест Ташкентского оазиса и Согда¹⁸⁶.

Таким образом, мы должны констатировать, что комплекс керамики Шаушукум-тобе, безусловно, принадлежит к характернейшим комплексам каучинского типа, но одновременно в нем, начиная с нижнего горизонта, четко прослеживаются многочисленные джетысарские элементы.

Городище Ак-тобе 1 (чардаринское) расположено недалеко от Шаушукум-тобе, на противоположном левом берегу Сырдарьи, в 3 км на юго-запад от поселка Чардарстрой, на старой протоке. Оно открыто и обследовано Г. И. Пацевичем в 1951 г.¹⁸⁷, за-

тем Н. Н. Вактурской в 1959 г.¹⁸⁸ В 1960—1962 гг. М. С. Мерциев на нем произвел раскопки¹⁸⁹. Городище имеет форму трапециевидной площадки, высота ее — от 2 до 7 м, длина 300 м, ширина с восточной стороны 50 м, с западной — 170 м. В центре, ближе к южному краю, находится цитадель (площадь 60×70 м, высота до 10 м). В северо-западном углу площадки возвышается 14-метровый холм размером 25×25 м. С трех сторон цитадель была окружена рвом и стеной с башнями¹⁹⁰.

В результате раскопок, которые были заложены на шахристане, цитадели и на дворцовом здании, выявились, что Ак-тобе 1 — многослойный памятник¹⁹¹. Культурные напластования общей мощностью 8,5 м делятся на четыре горизонта. Между первым (нижним) и вторым горизонтами не выявлено никакого перерыва. По сравнению с первым второй горизонт дал значительно более мощные культурные слои. С ним связано строительство крепостной стены и двухэтажного дворцового комплекса. Между вторым и третьим горизонтами прослеживается длительный период запустения и полного прекращения жизни, который, по предположению автора раскопок, охватывал более ста лет¹⁹². Планировка третьего горизонта не совпадает с предыдущей. И хотя в керамике находим немало форм, типологически непосредственно связанных с формами сосудов второго горизонта, в целом нужно констатировать значительное отличие ее. Поливной посудой, законечниками стрел, а главное — медными и серебряными монетами третий горизонт датируется второй половиной IX—XI в. Четвертый слой автор раскопок отнес к XI—XIII вв.¹⁹³

Для керамики первого и второго горизонтов находим ближайшей аналогии в материкалах поселений и погребений Ташкентского

¹⁸⁸ Н. Н. Вактурская. О поездке в южные Кызыл-Кумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 58.

¹⁸⁹ М. С. Мерциев. Городище Ак-тобе 1 (IV — начало XIII в.). Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайсберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 120—173.

¹⁹⁰ М. С. Мерциев. Городище Ак-тобе 1.... стр. 120; *он же*. К истории возникновения и развития оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967, стр. 6.

¹⁹¹ М. С. Мерциев. Городище Ак-тобе 1.... стр. 121—149.

¹⁹² М. С. Мерциев. К истории возникновения и развития оседлых поселений.... стр. 12; *он же*. Городище Ак-тобе 1.... стр. 139, 149.

¹⁹³ М. С. Мерциев. К истории возникновения и развития оседлых поселений.... стр. 13, 14; *он же*. Городище Ак-тобе 1.... стр. 165, 172.

¹⁸⁴ И. Б. Бенгювич. Керамика верхнего слоя Пенджикента. МИА, № 124, 1964, рис. 21, 2; Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 181, табл. 2, 30.

¹⁸⁵ В. И. Располова. Указ. соч., рис. 2.

¹⁸⁶ В. И. Располова. Указ. соч., рис. 2, 19; Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 181, табл. 2, 6.

¹⁸⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч., стр. 116, 117.

оазиса типа Каунчи-тепе, Минг-Урюк, Чаш-тепе, Алимбай-тепе и т. п. и, конечно, в наиболее близко расположенных к рассматриваемому памятнику Ак-тобе 2 и Шаушукум-тобе.

В нижнем горизонте комплексы посуды весьма ограничены. Как указывает М. С. Мерцисев, вся она изготовлена ручной лепкой¹⁹⁴. Среди «кухонной» керамики с примесью кварца или шамота в тесте, с темно-серой поверхностью отметим горшкообразные широкогорлые сосуды с простым, песчонком отогнутым наружу краем, невысоким горлом, покатыми плечиками¹⁹⁵. Эти горшки снабжены двумя петлеобразными круглыми в сечении ручками, верхним концом прикрепленными к краю и иногда чуть приподнятыми над ним (рис. 52, 37, 38). На верхней части некоторых ручек, на месте их прикрепления к венчику — три круглых углубления. Подобные двуручные «кухонные» горшки типичны для всех упомянутых памятников Ташкентского оазиса, но аналогичные сосуды с такими ямками на верхней части ручек, а также сосуды с чуть приподнятыми над краем ручками встречены лишь на таких городищах, как Алимбай-тепе, верхний горизонт Каунчи-тепе, Шаушукум-тобе.

Среди второй группы есть сосуды типа хумов, горшков, кувшинов, мисок (рис. 52, 7—10, 17—20, 27—29). Поверхность абсолютного большинства их покрыта жидким беловатым ангобом, поверх которого на верхней части многих сосудов — мазки и потеки коричневого и черного ангоба. Хотя по имеющимся фрагментам сложно судить о полной форме сосудов, но можно отметить, что верхние части хумов, горшков и особенно кувшинов близки встреченным на городищах Ак-тобе 2, Каунчи-тепе, Чаш-тепе, в нижнем слое городища Минг-Урюк, в определенной степени и в нижнем слое Шаушукум-тобе. Не только формы плечиков, горла, плечиков, верхней части тулова, ручки горшков и кувшинов из Ак-тобе 1 находят аналогии в керамике упомянутых памятников, но и прорезной волнистый или линейный орнамент на горле горшков и кувшинов, нанесенный концом палочки или дощечки по еще сырой или слегка подсушенной поверхности (рис. 52, 7, 17). То же можно сказать и об орнаменте из горизонтального ряда насечек (рис. 52, 8, 27) и в виде S-образного знака или креста на ручках. Аналогичные ручки, иногда сжатые с боков и имеющие продольный желобок по

спинке, особенно характерны для памятников типа верхнего слоя Каунчи-тепе, Чаш-тепе, нижнего слоя Шаушукум-тобе. Миски нижнего горизонта Ак-тобе 1 (чардаринского) в основном относятся к широко распространенному на отмеченных выше памятниках типу — с простым приотстрепленным краем и с перегибом стенок в верхней части или на середине высоты сосуда. Встречена широко открытая подлощенная миска с чуть отогнутым краем, с легким горизонтальным рифлением верхней части стенок¹⁹⁶. Подобная форма мисок не характерна для памятников Ташкентского оазиса, но встречается в более северных районах Сырдарьи.

По некоторым аналогиям в керамике, отталкиваясь от даты верхней границы Ак-тобе 2, М. С. Мерцисев датирует нижний горизонт Ак-тобе 1 IV—V вв. н. э., с чем нужно согласиться.

Второй горизонт дал значительно большее количество керамики. Автор раскопок указывает, что в этом горизонте около 10% сосудов уже станковой работы¹⁹⁷. Почти все формы сосудов второго периода типологически теснейшим образом связаны с формами первого горизонта.

Среди керамики первой группы второго горизонта представлены такие же горшки с вертикальными петлеобразными ручками, овальными или подпрямоугольными в сечении, часто сжатыми с боков и иногда дополнительно украшенными пальцевыми ямками в месте прикрепления верхнего конца к краю (рис. 52, 32, 33). Некоторые горшки орнаментированы издупом по широкой части тулова вальным валиком с защипами (рис. 52, 34). Аналогичные сосуды типичны для верхнего горизонта поселения Каунчи-тепе, Чаш-тепе, нижнего слоя городища Минг-Урюк, Шаушукум-тобе, Шурали-сай. Характерны для городищ Ташкентского оазиса и плоские крышки диаметром от 10—12 до 20—30 см, часто имеющие ручку-упор в центре (рис. 52, 30, 31) или ручку, смещенную к краю крышки¹⁹⁸. Иногда такие крышки орнаментированы рядом ямочных вдавлений (рис. 52, 30).

К этой же группе керамики по качеству надо отнести и небольшую курильницу-светильник в виде полусферической чашечки-резервуара на цилиндрической ножке (рис. 52, 35). Аналогичные курильницы широко распространены в памятниках джетысарской

¹⁹⁴ М. С. Мерцисев. Городище Ак-тобе 1.... стр. 150.

¹⁹⁵ Там же, рис. 22, 7, 8.

¹⁹⁶ Там же, стр. 151.

¹⁹⁷ Там же, стр. 154.

¹⁹⁸ Там же, стр. 156.

Рис. 52. Городище Ак-тобе 1 (чардаринское). Керамика

культуры, в Ташкентском оазисе, в Таласской долине. Характерны для этого горизонта Ак-тобе 1 подставки в виде изображения головы быка (рис. 52, 36)¹⁹⁹. Подобные известны из верхнего слоя Каучичи-тепе, Чаш-тепе, Шаушукум-тобе.

Среди керамики второй группы — сосуды типа хумов, хумчей, горшков, кувшинов, мисок, чаши.

Хумы, хумчи, горшкообразные сосуды (рис. 52, 1—4) имеют ту же форму, качество и отделку, что и сосуды первого горизонта. Так, здесь найдены верхние части хумов, хумчей с такими же покатыми плечиками, невысоким, иногда лишь намеченным горлом, прямым, чаще слегка отогнутым наружу краем. Но наряду с сосудами с подтреугольным в сечении венчиком встречены сосуды с простым, угольным, подпрямоугольным в сечении краем с широким плоским бережком и с подпрямоугольным в сечении венчиком, с широкой горизонтальной площадкой по краю (рис. 52, 1, 3)²⁰⁰. Подобный венчик и такой утолщенный край особенно характерны для памятников типа Шаушукум-тобе начиная с его нижнего слоя. На Шаушукум-тобе встречен на сосудах аналогичный орнамент в виде прорезанных по плечикам вертикальных полос (рис. 52, 3).

Представленные в этом слое горшки, часть из которых — с двумя вертикальными петлеобразными ручками, имеют в принципе те же отделку, форму и орнамент (в виде прорезанных горизонтальных полос, что и в нижнем горизонте (рис. 52, 11—14).

Кувшины, давшие те же формы плечиков, горла, ручек и венчиков, что и в нижнем горизонте, в то же время несколько отличаются от них отделкой горловины. Во втором горизонте преобладают кувшины, у которых по горлу проведены различного качества горизонтальные полосы — от слегка прочерченных, иногда неровных линий до глубоких горизонтальных каннелюр (рис. 52, 15, 21—22). Аналогичные сосуды характерны для Шаушукум-тобе, начиная с его нижнего горизонта.

Миски и чаши представлены формами, широко распространенными на памятниках Ташкентского оазиса типа Каучичи-тепе, т. е. они с простым краем и перегибом стенок (рис. 52, 23—25). Найдена миска со слегка намеченным перегибом верхней части стенки и со следами ручек, верхним кондом прикрепленных у края. Подобные миски встречены в

верхнем горизонте Каучичи-тепе, на городищах Чаш-тепе, Шаушукум-тобе. В верхнем слое Шаушукум-тобе и Каучичи-тепе найдены и сосуды типа открытых мисочек или чаши на трех цилиндрических ножках (рис. 52, 26)²⁰¹.

Сравнивая архитектурные остатки, связанные со вторым горизонтом (двухэтажный замок со сводчатыми коридорами и помещениями), с замком Ак-тепе близ Ташкента, а также по аналогиям в керамике М. С. Мерциев отнес этот горизонт к VI — первой половине VIII в.²⁰² Соглашаясь в принципе с этой датировкой, мы должны отметить, что при значительном количестве форм, типичных прежде всего для нижнего слоя Шаушукум-тобе, во втором горизонте Ак-тобе 1 отсутствуют многие формы горшков, кувшинов, мисок и т. п., особенно характерных для верхнего слоя Шаушукум-тобе. Это дает возможность предложить несколько более раннюю дату второго горизонта Ак-тобе 1. Отнеся начало его, вероятно, к V в. н. э.

Таким образом, рассмотренная выше керамика трех памятников — Ак-тобе 2, Шаушукум-тобе, Ак-тобе 1 (чардаринского) — показывает, что и на самой северо-западной окраине обширного района Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна — непрерывно развивается устойчивая культура типа Каучичи-тепе — та же культура, что и в центре Ташкентского оазиса.

К сожалению, надо отметить, что в бассейне Чирчика и Ангрена раскопкам, носившим большей частью рекогносцировочный характер, подверглось до настоящего времени весьма незначительное число памятников.

Городище Минг-Урюк. Для уточнения датировки Каучичи большое значение имеют раскопки на городище Минг-Урюк, расположенном в привокзальной части Ташкента, на правом берегу р. Салар. В настоящее время это небольшой холм, а раньше городище занимало площадь до 7 га и еще в 20-е годы было окружено валами. Это памятник с конца XIX в. неоднократно посещался археологами²⁰³, но до 50-х годов раскопок не производилось. В 1955 г. археологический надзор за строительством, которое вело к интенсивному разрушению памятника, был осуществлен Ю. Ф. Буряковым²⁰⁴. В 1957 г. в

¹⁹⁹ Там же, стр. 155.

²⁰² М. С. Мерциев. К истории возникновения и развития оседлых поселений... стр. 12; он же. Городище Ак-тобе I..., стр. 158.

²⁰³ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильбер. Указ. соч., стр. 128.

²⁰⁴ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды САГУ, вып. XXXI. Ташкент. 1956, стр. 126.

¹⁹⁹ М. С. Мерциев. Городище Ак-тобе I..., рис. 22, 25.
²⁰⁰ Там же, стр. 158.

северо-западной части цитадели проведены разведочные раскопки²⁰⁵. В 1962 г. Ю. Ф. Буряков продолжил раскопки, но, к сожалению, материал их пока не опубликован и описание керамического комплекса дано в основном по публикациям первых работ. Раскопки показали, что городище — памятник многослойный. Верхние слои, в которых вскрыто несколько помечений, керамикой и монетами датируются XI—XIII вв. Ниже шел мощный слой пахсы, чередовавшийся с кладкой из сырцового прямоугольного кирпича; под ним — мощные зольные слои до 5 м толщиной, представлявшие три периода жизни этого участка с единым комплексом керамики. Верхний слой относится ко времени развитого средневековья, анализ его керамики не входит в нашу задачу. Мы рассмотрим лишь материал первого и второго периодов.

Нижний связан с периодом обживания городища. Среди «кухонной» керамики этого комплекса преобладают горшки (или, как их называют авторы раскопок, котлы горшкообразной формы). По форме различаются два типа их. Первый близок банкообразным сосудам со слегка отогнутым наружу, чаще простым краем, широким устьем и несколько более узкой горловиной, округлым туловом и плоским дном. Такие сосуды снабжены двумя прикрепленными верхним концом к краю крупными петлеобразными ручками. Второй тип — с раздутым, почти шаровидным туловом, очень короткой шейкой, широким устьем, со слегка отогнутым наружу простым краем и горизонтальными петлеобразными ручками — «крендельком» (рис. 53, 11). Аналогичные горшкообразные сосуды обоих типов очень характерны для поселения Ак-тобе 2 и других городищ каунчинской культуры, охватывающих довольно широкий хронологический период. Часть горшков из Минг-Урюка имела налестной орнамент в виде волнистого с зашипами горизонтального валика на тулове сосуда от ручки до ручки с одной стороны, а с другой — спускающегося от ручек вниз. Аналогичные сосуды типичны для верхнего горизонта Каунчи-тепе²⁰⁶.

Встречены различного размера кружки такого же качества, что и горшки, по форме близкие первому типу горшков — с простым, чуть отогнутым краем, невысокой шейкой, округлым туловом, с плоским дном и петлеобразной овальной в сечении ручкой, верхним

концом обычно прикрепленной к краю сосуда (рис. 53, 25). Обнаружены кружечки с вертикальной петлеобразной ручкой на тулове и с напелом-пуговкой на верхней части ручки (рис. 53, 26). Если для кружек с прикрепленной к краю ручкой аналогии есть почти на всех городищах и поселениях Ташкентского оазиса, то сосуды с таким напелым орнаментом на верхней части ручек находим лишь в материалах Шаушукум-тобе и одновременно ему памятниках.

В нижнем слое найдены и плоскостонные с почти прямыми стенками «сковороды» также с большим количеством крупнодробленого шамота в тесте (рис. 53, 13). Ареал и время распространения этих «сковород» чрезвычайно широки.

Интересна курильница в форме плоской с профилированным венчиком чаши на высокой цилиндрической ножке, орнаментированной стреловидными прорезями, перемежающимися с врезанным крестообразным знаком, концы которого оформлены круглыми вдавлениями; переход от чаши к ножке украшен полосой фестончатого напела²⁰⁷. Ю. Ф. Буряков сравнивает эту курильницу с найденными в Южной Туркмении, с более поздними из Хайдарбад-тепе и в росписях Балалык-тепе Сурхавдаринской области. К этому перечню можно добавить и курильницы из района Нижней Сырдарьи (с городищ джетысарского урочища и особенно с «болотного городища» Кескен-Куок-кала). Курильницы на высокой ножке с полосой фестончатого напела под чашей были найдены на городище Ток-кала в низовьях Амударьи²⁰⁸.

Крышки этого слоя — плоские, с петлеобразной, овальной в сечении ручкой или ручкой-упором. Орнаментированы они сверху вытипами и пропарапанными линиями (рис. 53, 1—3).

Среди сосудов второй группы значительный процент принадлежит станковой керамике, обычно весьма тонкостенной. Сосуды типа хумов и хумчей изготовлялись ручной лепкой с частичной подправкой на круге. Венчики их диаметром 28—40 см обычно подтреугольные в сечении, слегка отогнуты наружу, горло невысокое, иногда лишь намеченное (рис. 53, 4—8). Но встречаются сосуды и с «клювовидным» венчиком, обращенным внутрь сосуда, с плоским, довольно широким бережком (рис. 53, 9). Сосуды с аналогичны-

²⁰⁵ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильнер. Указ. соч., стр. 128—146.

²⁰⁶ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 4.

²⁰⁷ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильнер. Указ. соч., стр. 137.

²⁰⁸ А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 66, рис. 16, 10.

ми венчиками и верхней частью встречаем на многих городищах этого района — Чаш-тепе, в верхних слоях Кауңчи-тепе, Шаушукум-тобе и т. п.

Широкогорлые горшки снабжены чаш прямыми подтреугольными в сечении венчиками.

Значительное количество кувшинов изготовлено на гончарном круге. Среди них (тонкостенных, с тщательной отделкой поверхности) отметим две формы: с прямым тонким венчиком диаметром 11—13 см, в нижней части с изгибом и соответственно выпуклостью с наружной стороны стенки, с грушевидным туловом (рис. 53, 15, 16); с высоким горлом, слегка отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком диаметром 13—15 см (рис. 53, 17—20). Аналогичные второй форме кувшины встречаем на многих поселениях типа Кауңчи-тепе, Чаш-тепе, Ак-тобе 2, Алимбай-тепе, нижнего горизонта Ак-тобе 1 (чардаринского). Аналогии кувшинам первой формы находим в единичных экземплярах в верхних слоях верхнего строительного периода Ак-тобе 2 (рис. 42, 34, 35), в Чаш-тепе²⁰⁹ и в массовом материале погребений и поселений Таласской долины и верховьев р. Арсыч, где подобная форма кувшинов — одна из характерных²¹⁰.

Многочисленные высокогорлые с округлым туловом кувшины ручной лепки по форме часто повторяют кувшины станковой работы. Часть из них снабжена петлеобразной вертикальной уплощенной в сечении ручкой. Некоторые из широкогорлых горшкообразных кувшинов с грушевидным туловом имеют слив на краю венчика, другие — наленной орнамент в виде расходящихся в разные стороны небольших полукруглых валиков, имитирующих рога барабана (рис. 53, 10). Как указывалось выше, единичные находки кувшинов со сливом по краю венчика появляются в верхних слоях «культуры Кауңчи I» на Кауңчи-тепе, в верхних слоях верхнего строительного периода Ак-тобе 2, по особенно широко они представлены в слоях «культуры Кауңчи II» на Кауңчи-тепе и Шаушукум-тобе. То же нужно сказать и относительно указанного наленного орнамента под ручкой.

В керамике первого периода представлены также станковой работы тонкостенные чаши с простым, чуть утонченным прямым краем,

с резким перегибом нижней части стенок — форма, широко известная и характерная для поселений и могильников первой половины и середины I тысячелетия н. э. долины Чирчика, Агренга, Келесса, соседнего участка Средней Сырдарьи (рис. 53, 24).

Кружки (к сожалению, пока еще не опубликованные) тщательно изготовлены ручной лепкой, у них широкое плоское дно и почти такое же устье с простым, несколько утонченным и лишь слегка отогнутым наружу краем, округлое тулово, плавно переходящее в высокое, почти прямое горло. К тулову (ближе к верхней части его) прикреплена небольшая петлеобразная или кольцевидная ручка, иногда с зооморфным выступом в верхней части. Полные аналогии этим кружкам находим в материалах Кауңчи-тепе, Ак-тобе 2, Чаш-тепе, Кугаит-тепе и многих других, а также могильников указанных районов.

Рассмотренный комплекс датирован Ю. Ф. Буряковым IV—V вв. н. э. (После поправки, внесенной автором в результате последних работ на памятнике и сообщенной мне Ю. Ф. Буряковым.)

Во втором комплексе Минг-Урюка появляются некоторые новые формы керамики и резко преобладает станковая посуда. Небольшое количество керамики не дает возможности характеризовать некоторые виды и типы сосудов. Так, мы ничего не можем сказать о форме «кухонных» горшков и других видов сосудов этой группы. Отметим лишь наличие среди них небольших кружек²¹¹.

Хумы и хумчи имеют несколько разновидностей форм: с подтреугольным в сечении профилированным венчиком, чуть отогнутым наружу, высоким прямым горлом; с обращенными внутрь сосуда подпрямоугольными в сечении венчиками и короткой, чуть выделенной шейкой. На крутых плечиках одного из хумов помещена тамга в виде треугольника, от вершины которого вниз прочерчены линии (рис. 53, 34—36).

Красноглиняные кувшины станковой работы могут быть разделены на узкогорлые²¹² и широкогорлые. Среди последних выделяются кувшины с яйцевидным туловом, прямой шейкой, со слегка оттянутым и сплюснутым венчиком-сливом. На противоположной от слива стороне к тулову и горлу непосредственно под венчиком прикреплена изогнутая почти под прямым углом ручка (рис. 53,

²⁰⁹ И. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, рис. 5, 25.

²¹⁰ И. И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники..., рис. 10, 2; рис. 16, 4; Н. П. Подушкин. Указ. соч., табл. 1, 12, 13.

²¹¹ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильбер. Указ. соч., стр. 14.

²¹² Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк..., стр. 127.

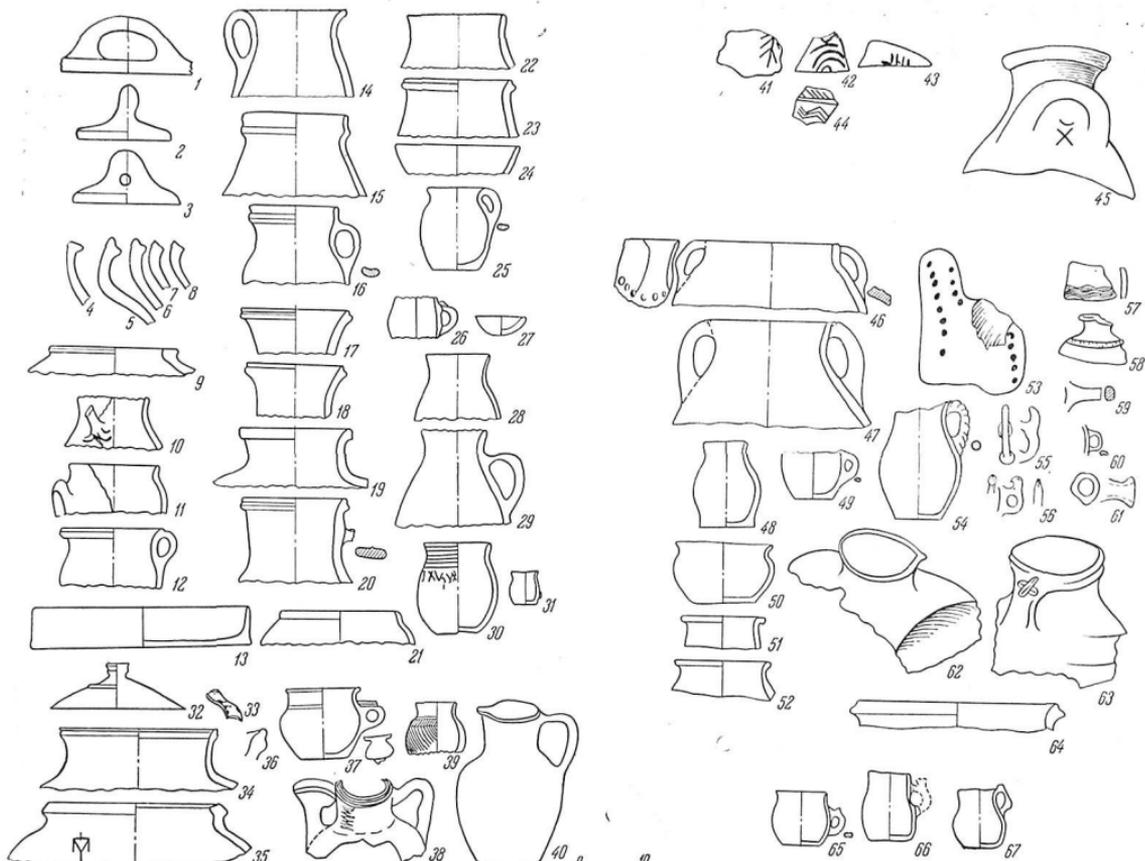

Рис. 53. Городица Минг-Урюк (1—40), Шурали-сай-тере (41—45), Алимбай-тере (46—64), Кугайт-тере (65—67), Германия

40) ²¹³. Такие кувшины были распространены в Согде в VII—VIII вв. н. э. (в Пенджикенте, Тали-Барзу) ²¹⁴, в Усрушане (Мушчак-тене), Семиречье (Ак-Бешим) ²¹⁵. На территории собственно Чача кроме Минг-Урюка мы находим также кувшины в слое VI—VIII вв. городища Ак-тене под Ташкентом ²¹⁶.

Отметим также широкогорлые кувшины близкой перечисленным формы, с профилированным венчиком и с помещенным на плечике на противоположной от ручки стороне цилиндрическим раструбообразным носиком (рис. 53, 38). Сдавленный с боков край этого слива поднят к венчику сосуда и прижат к нему. Подобные кувшины типичны для Чача VI—VIII вв. (Ак-тене под Ташкентом) ²¹⁷. Встречаются они в Усрушане, Семиречье (Ак-Бешим) ²¹⁸.

Из других видов сосудов второго комплекса отметим горшкообразный чернолощенный сосудик тщательной ручной лепки с туловом, орнаментированным рифлением и косыми насечками.

Представлены в комплексе и несколько красноглиняных кружек. Одна из них — широкая и приземистая с маленьким, чуть отогнутым наружу венчиком, прямым горлом, четко отделенным от раздутого тулова, и прикрепленной к верхней части тулова кольцевидной ручкой с плоским фигурным напелом сверху (рис. 53, 37). Аналогичные по форме кружки и фигурные плоские напелы на ручках известны из слоя VI—VIII вв. Ак-тене ташкентского ²¹⁹, из комплексов VII—VIII вв. Согда ²²⁰ и Семиречья ²²¹.

Небольшая кружечка близкой формы с

раздутым туловом и отделенным от него резким уступом прямым горлом и простым утонченным краем орнаментирована по тулову двумя рядами прорезных параллельных друг другу наклонных полос, вероятно, изображающих наклонное рифление (рис. 53, 39). Близкой формы сосуда с таким рифлением есть в Шаушукум-тобе (рис. 51, 89, 90). Подобные кружки найдены в слоях VII—VIII вв. Согда ²²².

Крышки второго слоя имеют коническую форму и ручки-напелы в центре (рис. 53, 32).

Анализ материала позволяет датировать этот комплекс Минг-Урюка VI—VII, возможно, и VIII вв. н. э.

Городище Алимбай-тене расположено в кипчаке Зенги-Ата, в 10 км от города Янги-Юля, на мысу в пойме реки. Оно имеет характернейшие для городищ этого типа очертания — с «вышкой» на мысу. Г. В. Григорьев зафиксировал Алимбай-тене во время разведки 1934 г., а в 1937 г. провел небольшие раскопки в северовосточной части поселения на площади 5 × 4 кв. м, на глубину до материкового леса (на 5,2 м) ²²³.

Керамика Алимбай-тене очень близка комплексу «культуры Каунчи II». Одновременно Г. В. Григорьев отметил находки здесь сосудов и станковой работы, появление некоторых новых элементов в прочерченном орнаменте, большую схематизацию зооморфных ручек, а главное — большое количество железных поделок. Все это заставило Г. В. Григорьева датировать Алимбай-тене более поздним временем, чем Каунчи-тене, — около рубежа новой эры, отнеся его к «культуре Каунчи III» ²²⁴.

Среди керамики городища находим те же виды и формы сосудов, что и в верхних слоях Каунчи-тене. Так, в «кухонной» керамике встречаем те же «жаровни» диаметром до 60 см и высотой до 5—6 см. Идентичны каунчинским кружки и формы крупных двуручных горшков (или котлов, по Г. В. Григорьеву) с широким устьем, раздутым туловом, простым прямым краем, к которому прикреплены верхним концом массивные уплощенные петлеобразные ручки. У места прикрепления верхнего конца ручек они украшены сверху неглубокими вдавлениями-ямками. На некоторых подобных сосудах пальцевые вдавления-ямки украшают и тулово сосуда у основания нижнего конца ручек и между ручками

²¹³ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильбер. Указ. соч., стр. 134, табл. 5, 10.

²¹⁴ А. М. Беляницкий. Общие результаты раскопок дренажного Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 133, рис. 30; В. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, № 124, 1964, рис. 23, 7; Н. Б. Венгочич. Керамика верхнего слоя..., стр. 272, рис. 6, 2, 3; С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каргинском оазисе. ТИИА АН Узб. ССР, т. II, Ташкент, 1950, рис. 16; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, X.

²¹⁵ В. И. Располова. Указ. соч., стр. 149, рис. 3, 4; 3, 1, 2.

²¹⁶ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тене близ Ташкента, стр. 148; *он же*. Согд и Чач, рис. 69, XXI.

²¹⁷ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тене близ Ташкента, стр. 143—144.

²¹⁸ В. И. Располова. Указ. соч., стр. 161, рис. 3, 3, 5.

²¹⁹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тене близ Ташкента, стр. 143—144, 147, 148.

²²⁰ Н. Б. Венгочич. Керамика верхнего слоя..., стр. 21, 2; В. И. Маршак. Влияние торевтики..., стр. 181, табл. 2, 2—5.

²²¹ В. И. Располова. Указ. соч., стр. 145—146, рис. 2, 1—10.

²²² А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, X, 6; В. И. Маршак. Влияние торевтики..., табл. 2, 6, 8.

²²³ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 12, 13.

²²⁴ Там же, стр. 13.

(рис. 53, 46, 47). Аналогичные горшки, как указывалось выше, кроме верхних слоев Каунчи, характерны и для Шаушукум-тобе. Там же отмечаем и сосуды с горизонтальными сплошными или арочной формы ручками, и характерные подставки в виде голов двурогих быков с выемкой спереди и ямочным орнаментом (рис. 53, 53).

Тожественны керамике верхних слоев Каунчи-тепе и сосуды второй группы с Алимбай-тепе. Таковы хумы, хумча со слегка отогнутым наружу подтреугольным или круглым в сечении венчиком (рис. 53, 64), крупные и мелкие горшки с приземистым туловом (рис. 53, 50), открытые миски с простым краем и перегибом нижней части стенок. Кувшины с широким дном, грушевидным туловом, с прямой часто узкой шейкой, с подтреугольным в сечении и иногда профилированным венчиком также аналогичны кувшинам верхнего слоя Каунчи-тепе. Они снабжены овальной или подпрямоугольной в сечении ручкой, верхним концом прикрепленной к краю сосуда (рис. 53, 63). Часть из них украшена простыми орнаментом или тамгой; другие — полосой прорезного орнамента по плечикам сосуда (рис. 53, 58). У некоторых кувшинов на плечике помещен цилиндрический носик-слив, внизу чуть сжатый по краю (рис. 53, 61). Тожественные сосуды находим на Шаушукум-тобе, в верхнем горизонте Каунчи-тепе.

Форма красноглиняных, покрытых густым красным ангобом и лощением кружек полностью повторяет форму кружек верхнего слоя Каунчи-тепе. Прикрепленные на тулове петлеобразные или кольцевидные ручки часто с зооморфным выступом (рис. 53, 55—56) также аналогичны каунчиским. Г. В. Григорьев отмечает значительную схематизацию зооморфных ручек Алимбай-тепе по сравнению с Каунчи-тепе, но мы должны отметить ту же степень схематизации на кружке из нижних штыков раскопа 3 (культура Каунчи II, по Г. В. Григорьеву). В том же раскопе Каунчи-тепе есть и красноангобованная лощеная кружка с витой ручкой, аналогичная найденной на Алимбай-тепе (рис. 53, 54).

Из других форм сосудов упомянем крупную флягу, очевидно, с яйцевидным туловом, прямой шейкой и небольшим сливом по краю венчика (рис. 53, 62). Подобной формы фляги характерны для других памятников этого района. Так, в верхних штыках раскопа 6 на Каунчи-тепе, отнесенных Г. В. Григорьевым к культуре Каунчи III, был найден фрагмент такой фляги. Близкой формы фляги находим и в катакомбных могильниках Таш-

кентского оазиса²²⁵. Тожественная по форме и с таким же сливом фляга обнаружена при раскопках курганов в окрестностях Джеты-асара № 3²²⁶.

Таким образом, анализ керамики Алимбай-тепе показывает полную принадлежность этого городища к каунчиской культуре и, очевидно, одновременность его культурных слоев некоторым слоям верхнего горизонта Каунчи-тепе («культура Каунчи II», по Г. В. Григорьеву). Вероятно, значительное количество находок более схематизированных зооморфных ручек на Алимбай-тепе, более разнообразных прорезной геометрической орнамент в керамике городища и большой процент станковой керамики могут свидетельствовать в пользу несколько более молодого возраста комплекса Алимбай-тепе, но вряд ли верхняя граница жизни городища значительно отрывается от времени жизни Каунчи-тепе.

Городище Шурали-сай, обследованное одновременно с Алимбай-тепе, расположено на левом берегу сброса Исса, в 6 км северо-западнее Каунчи-тепе, в 1,5 км от впадения сброса Исса в арык Боз-су. В плане это четырехугольник со сторонами 60 м²²⁷. Шурфы (всего 10) глубиной до 2,5 м, заложены в 1937 г., дали керамику, которая, как отметил Г. В. Григорьев, отличается от известной по раскопкам Каунчи-тепе и Алимбай-тепе.

Среди «кухонной» керамики найдены фрагменты котлов (или горшков) с моделированными венчиками и с орнаментом на плечиках в виде коротких напленных полосок с защипами или насечками. Крупные сосуды, изготовленные без применения гончарного круга, по описанию Г. В. Григорьева, — яйцевидной формы, с массивными венчиками. Найдены также мелкие сосудики типа горшков или кружек, они станковой работы, со сферическим туловом, покрытым красным или черным ангобом. Подобные сосуды встречаются на Шаушукум-тобе.

Кувшины — широкогорлые, с массивным венчиком, яйцевидным туловом, покатыми плечиками и крупной петлеобразной горизонтальной ручкой на плечиках, с прорезным знаком под ручкой. Горло покрыто мелкими горизонтальными как бы прочерченными линиями (рис. 53, 45). Тожественные сосуды

²²⁵ Т. Азгамходжаев. Погребение IV—V вв. в Катар-тале, стр. 243, рис. 3.

²²⁶ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии..., рис. 24, 12.

²²⁷ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 13, рис. 75.

найденны на Шаушукум-тобе (рис. 50, 7, 8, 10, 32).

Сосуды второй группы городища Шуралсай украшены различными вариантами прорезанного и прорезного геометрического орнамента в виде различных сочетаний рядов зигзагообразных линий, слочек, прямых и волнистых полос (рис. 53, 41—44).

Г. В. Григорьев датировал Шуралсай временем более поздним, чем городища типа Каучи-тепе и Алимбай-тепе, но до периода развитого средневековья — между I—VII вв. н. э.²²⁸ Анализируя керамику городища, можно согласиться с местом, выделенным Г. В. Григорьевым для городища Шуралсай, но резко ограничить хронологические рамки этого материала, учитывая аналогию с керамикой Шаушукум-тобе, — V—VIII вв.

Городище Кугаит-тепе расположено на правом берегу реки Салара, в 4,5 км западнее Ташкентского текстильного комбината, к югу от Ногай-Кургана, с которым прежде, очевидно, составляло единое целое²²⁹. Городище впервые обследовано Н. Н. Верещагиним в 1867—1868 гг., а затем неоднократно посещался исследователями²³⁰. В 1934 г. здесь побывал Г. В. Григорьев, отнесший Кугаит-тепе к типичным «архаическим» поселениям «с вышкой»²³¹. Так как городище интенсивно разрушалось, в 1954 г., по поручению кафедры археологии Среднеазиатского гос. университета, на нем проведены археологические исследования²³². Было установлено, что культурные напластования общей мощностью 10—12 м относятся к нескольким эпохам вплоть до XIV—XV вв. Нет на городище раннесредневекового слоя, но от этого времени здесь известно множество оссуариев. Наиболее ранний керамический материал, очевидно, связанный с периодом обживания городища, аналогичен керамике Каучи-тепе времени «культуры Каучи II». На Кугаит-тепе найдены подобные каучинским «кухонные» горшки, а также фрагмен-

ты сосудов второй группы типа каучинских хумов, горшков, кувшинов и особенно характерных кружек с широким устьем и дном, диаметр которого равен или несколько больше диаметра устья, округлым туловом, плавно переходящим в высокую шейку с простым, чуть утонченным, слегка отогнутым краем. К верхней части тулова или к краю сосуда прикреплена ручка с зооморфным, иногда весьма схематическим изображением (рис. 53, 65—67). Эти кружки покрыты густым красно-коричневым ангобом и поддощены.

Городище Чаш-тепе находится в 12 км от сквера Революции в Ташкенте и примыкает с юго-восточной стороны к Термезскому тракту. Оно расположено на обресе третьей Чирчикской террасы и состоит из бугра в пойме высотой до 18—19 м, господствующего над долиной Чирчика, и поселения, расположенного на террасе. Между ними вдоль обреза террасы протекает арык Джун, теряющийся одной ветвью в Келесской степи, другой впадающий в арык Боз-су. Бугор в плане имеет округлые очертания, площадь его 117×102 м, окружен он полукольцом вала²³³. В 1896 г. на холме производил раскопки Н. П. Остроумов. В 1934 г. Г. В. Григорьев при археологических разведках правобережья нижнего течения Чирчика посетил и Чаш-тепе (иначе Шаш-тепе). Он отнес Чаш-тепе к типичным «архаическим» поселениям «с вышкой», внутри которой находятся галереи со сводчатыми потолками²³⁴.

Ввиду продолжающегося интенсивного разрушения городища, особенно кирпичным заводом, расположенным на его территории, в 1956 г. Н. И. Крашенинниковой произведены небольшие раскопки на поселении. Было встречено большое количество каменных предметов (азсротерок, терок, пестов) и керамики²³⁵. Среди «кухонной» посуды большую часть составляют плоскостонные горшки (или котлы, по терминологии Н. И. Крашенинниковой) небольшого размера с выделенным горлом и двумя петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к краю. Иногда сверху на ручках сосудов имелся сопочкообразный налп. Встречаются горшки с горизонтальными петлеобразными ручками,

²²⁸ Г. В. Григорьев. Краткий отчет... стр. 14.

²²⁹ Это было отмечено еще И. А. Кастанье. С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Керамика поселения Ногай-Курган близ Ташкента. Труды Таш. ГУ, вып. 72. Ташкент, 1960, стр. 167.

²³⁰ Подробнее см.: С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Указ. соч., стр. 164—168.

²³¹ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке... стр. 43.

²³² С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Из археологических наблюдений на Кугаит-тепе близ Ташкента. Труды САГУ, вып. XXXI. Ташкент, 1956, стр. 144—147; они же. Керамика поселения Ногай-Курган..., стр. 164—178.

²³³ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, стр. 147—149.

²³⁴ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 20—24, 33—36, 38—43.

²³⁵ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, стр. 147—163. Описание керамики городища дается главным образом на основании этой публикации.

чуть приподнятыми вверх. Аналогичные сосуды чрезвычайно широко представлены на таких памятниках, как Ак-тобе 2, Каунчи-тепе, Минг-Урюк (нижний горизонт), Алимбай-тепе и т. п. Но подобные налеты на верхней части ручек встречены лишь в памятниках типа Минг-Урюк и Шаушукум-тобе.

Найдены фрагменты сквороды «жаровен». Они были небольшого размера с низкими прямыми или наклонными стенками.

Крышки все плоские (толщина 1—1,5 см), ориентированные сверху пальцевыми вмятинами, полосами и ямками, сделанными концом камышинки. Часть этих крышек снабжена выступом-упором в центре в виде плоского «гребня», другие имели петлеобразные ручки, прикрепленные к центру и краю крышки. Полностью аналогичные крышки встречаются в верхнем слое Каунчи-тепе.

На поселении найдены и фрагменты подставок под котлы и вертела в виде головы быка с рогами и вмятинами спереди.

Керамика второй группы представлена сосудами хорошего качества, изготовленными тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки на круге медленного вращения. Лишь отдельные (более поздние, по мнению Н. И. Крашенинниковой) сосуды сделаны на ножном круге.

Хумы, хумчи встречены в сильно фрагментированном виде. Венчики их подтреугольные, реже — подпрямоугольные в сечении (последние с широким плоским бережком), иногда в виде простого чуть утолщенного края диаметром 34—52 см (чаще 44—46 см), изредка украшены снаружи пальцевыми вдавлениями (рис. 54, 40—46). Короткая, часто лишь намеченная шейка переходит в покатые плечики. Наибольшая ширина тулова превышает диаметр края не более чем в 2 раза, высота значительно больше максимальной ширины. Днища плоские, большого диаметра (46 см и более), с наружной стороны на них имеются отпечатки ткани или песка. Аналогичные хумы встречены на всех перечисленных выше памятниках. Такой прием ornamentации на внешней стороне венчиков широко представлен в керамике с Шаушукум-тобе, Кадовад-тепе. (Фонды Музея истории народов Узб. ССР, Ташкент.)

Горнки (рис. 54, 28—30, 34—35) — широкогорлые с круглым, подтреугольным, реже профилированным в сечении венчиком, выделенной прямой шейкой — обычно изготовлены на круге. Часть из них украшена по шейке полосой прочерченного до обжига волнистого орнамента. Встречены фрагменты

горшка станковой работы, покрытого красным ангобом. У него маленький, подтреугольный в сечении венчик диаметром 20 см, намеченное горло. Верхняя часть раздутого тулова, к которой прикреплены две кольцевидные ручки, украшена двумя рядами прорезного волнистого орнамента, ниже которого проходит горизонтальные каннелюры. Подобные сосуды (иногда с прорезным волнистым орнаментом на плечиках) встречены на городище Ак-тобе 2. Близкие по форме сосуды с двумя ручками и горизонтальными каннелюрами на верхней части тулова известны из более северных районов Средней Сырдарьи.

Кувшины представлены в основном фрагментами верхних частей, чаще с маленьким подтреугольным, округлым или профилированным в сечении венчиком диаметром 11—16 см (рис. 54, 31—33, 36—39). Найден фрагмент горла кувшина с прямым тонким венчиком, в нижней части которого проходит валик, образующий изгибом стелки. Аналогичные были встречены в нижнем слое городища Минг-Урюк. На некоторых кувшинах под прямым простым краем проходит и наложенный валик. Часть кувшинов снабжена одной ручкой, верхним концом прикрепленной к краю или на 3—4 см ниже края. Ручки подпрямоугольные в сечении, иногда скатые с боков и с ложбинкой на спинке. У некоторых кувшинов по краю — слегка вытянутый слив. Аналогичные сосуды, как и ручки, характерны для городища Каунчи-тепе времени «культуры Каунчи II». Шаушукум-тобе, есть они и в нижнем слое Минг-Урюка. Некоторые кувшины Чап-тепе, как и часть сосудов Минг-Урюка и Шаушукум-тобе, украшены лепешкообразными налетами на ручке.

Среди мисок выделяются крупные глубокие сосуды типа корчаг (рис. 54, 1—12, 17—21) с простым краем, реже — с профилированным венчиком диаметром 40—70 см, иногда с двумя уплощенными ручками, верхним концом прикрепленными к краю. Сверху ручки иногда украшены тремя штампованными ямками со спиралевидными завитками (тождественный штампованный орнамент встречен на стенке сосуда из верхнего слоя Каунчи-тепе) или двумя маленькими лепешками глины (рис. 54, 19, 20). Найдены фрагменты подобных сосудов и с горизонтальными ручками. Многочисленны миски с диаметром края 18—26 см (чаще 24—26 см). Часть из них — с мягким перегибом стенки чуть ниже закрапы и резким изгибом подтреугольного в сечении профилированного венчика внутрь сосуда (рис. 54, 3, 4).

У других мисок — плоский бережок и тулово с мягким перегибом стенок посередине или в нижней части. Большинство — с простым, чуть утонченным краем и с более резким перегибом в средней части стенок, иногда сопровождающимся небольшим нахлывом нижней части на верхнюю в месте перегиба (рис. 54, 5, 7). Близкой к этим последним сосудам формы чаши, встреченные на городище, имеют простой край и перегиб стенок в средней части.

Кружки (рис. 54, 22, 25—27) по форме не отличаются от известных по материалам верхнего слоя Каунчи-тепе, Алмбай-тепе и других городищ и многочисленных катакомбных могильников Ташкентской области. Для них характерны широкое устье и не менее широкое дно, округлое тулово, плавное переходящее в выделенное относительно высокое горло и слегка отогнутый наружу простой край. Кольцевидная утолщенная ручка крепилась к верхней части тулова (рис. 54, 22). Среди материала Н. И. Крашенинниковой не было зооморфных ручек, но, судя по отчету о раскопках 1896 г., такие ручки с изображением голов собаки и барана встречались на городище.

На Чаш-тепе найдены также фрагменты неболтой фляги.

Отметим и несколько фрагментированных светильников или курильниц. Один из сосудов представляет собой неглубокую чашечку диаметром по краю 13 см, толщина ее стенок 1,3 см. Светильник имел, очевидно, цилиндрическую подставку со стреловидными проемами²³⁶. Аналогичный сосуд известен из нижнего слоя Минг-Урюка.

В керамике, собранной на холме Чаш-тепе за Джун-арыком (рис. 54, 47—57), Н. И. Крашенинникова отмечает станковой работы кухонные котлы лучшего качества, чем котлы с поселения, горшки, фрагменты керамики со светлым ангобом и потеками коричневой краски, подложенную сероглиняную и красноглиняную керамику с темно-серым и ярко-красным ангобом. Сравнивая найденную керамику с сосудами из Ак-тепе близ Ташкента, автор датирует ее VI—VII вв.²³⁷

В то же время керамический комплекс с Чаш-тепе датируется Н. И. Крашенинниковой прежде всего по аналогим с находками нижнего слоя Минг-Урюка IV—V вв. н. э.

(учитывая поправки последнего времени), с чем мы полностью согласны.

З а м о к А к - т е п е. Холм Ак-тепе расположен в 4 км к северо-востоку от Ташкента по Чимкентскому тракту, близ арыка Боз-су. Он имеет форму четырехугольника (в основании 30×90 м, высота 21 м). К холму (догону) с севера примыкает двор.

Очертания городища характерны для отмеченных Г. В. Григорьевым «архаических» городищ «с вышкой» и примыкающим к ней поселением. В 1940 и 1941 гг. А. И. Тереножкин провел раскопки этого комплекса. В результате выявилось, что замок и примыкающий к нему двор пережили несколько периодов застройки²³⁸. Так, например, первоначально на естественном возвышении был возведен глинобитный стилобат, на нем — два этажа сооружения крепостного типа из пахсы и сырцовых кирпичей, облицованных декоративными терракотовыми плитами. По периметру замок был окружен кольцевой галереей со сторожевыми башнями на углах. Замок второго яруса возведен частично на засыпанных помещениях первого этапа первого яруса. Планировка его в принципе повторяла прежнюю конструкцию, но занимал он меньшую площадь. В плане замок первоначально имел прямоугольную форму с длиной сторон 55 м; замок второго яруса — квадрат (20×20 м) и также обведен коридором. Внутри помещений и замка, и дворовой застройки А. И. Тереножкин отметил суфы и каминнообразные очаги. Большое значение для датировки замка Ак-тепе имели довольно многочисленные находки: железные ножи с чуть выгнутым клинком и тупой широкой спинкой, железные наконечники стрел, среди которых преобладали крупные трехлопастные с порожком и круглым черешком, но есть и трехгранные, реже встречены четырехгранные гвоздевидные с круглым насадом. Найдены костяной многогранный наконечник стрелы. Следует упомянуть железный проушной топорик алано-хазарского типа, крупные, плохо отшлифованные сердоликовые бусы, обломки стеклянных сосудов с рельефными узорами. Все эти находки могут быть датированы в пределах V—VIII вв.,

²³⁸ Подробно о результатах раскопок см.: А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента...; В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента. ТИИА АН Узб. ССР, т. IV. Ташкент, 1948. Описание керамического комплекса замка Ак-тепе дано на основании указанной публикации А. И. Тереножкина.

²³⁶ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, стр. 157.

²³⁷ Там же, стр. 158.

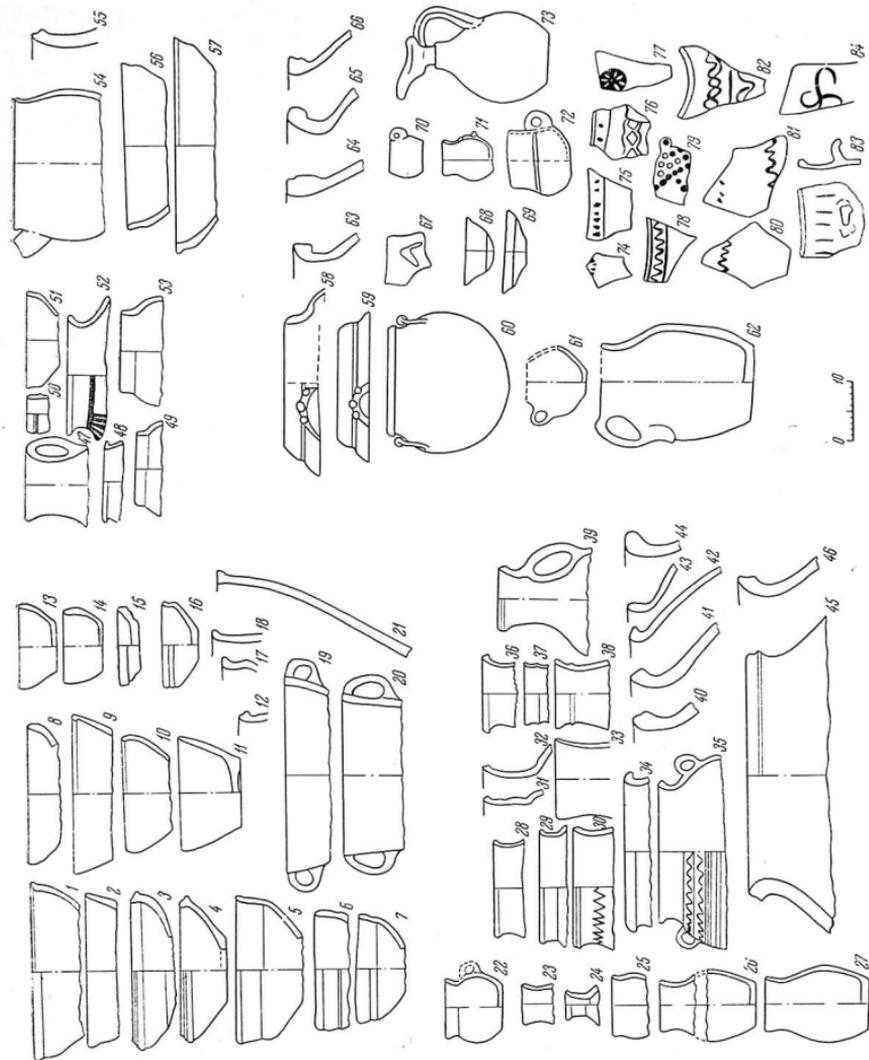

Рис. 54. Городища Чирчиқ (1—57), Ак-тебэ близ Ташкента (58—84). Керамика

что подтверждается и уточняется находкой монет — сасанидских драхм Ездигерда и Пероза и медных монет, очевидно, местной пашской чеканки с согдийскими надписями конца VII — начала VIII в. На основании анализа указанного материала А. И. Тереножкин датировал замок Ак-тепе началом VI в. — серединой VIII в. н. э.²³⁹

Керамика Ак-тепе не различается по ярусам. И верхний, и нижний ярусы дали одинаковые виды и типы. Автор раскопок отметил тщательность выделки всей посуды независимо от ее назначения.

Среди «кухонной» керамики выделяются котлообразные сосуды ручной лепки, тонкостенные, круглодонные, уплощено-полусферической формы с выгнутым краем (рис. 54, 60). Венчики их обычно большого диаметра (20—22 см); имеют форму широкого гладкого, а чаще слегка выпуклого пояса с наклоном внутрь и часто снабжены непосредственно ниже березка двумя ложными горизонтальными ручками в виде напелной крутой дугообразной полоски с тремя вдавлениями пальцами вверху (рис. 54, 58, 59, 67). Иногда напелы имеют форму маленьких треугольников. Изредка встречались котлы с дуговидными ручками на плечиках. Из других форм «кухонной» посуды отметим небольшой кружкообразный сосудик (котелок, по определению А. И. Тереножкина) шаровидной формы с простым, обращенным внутрь краем, маленьким дном и вертикальной кольцевидной ручкой (рис. 54, 61); фрагменты сковород, или «жаровен», толстостенных, с низкими прямыми или слегка отогнутыми наружу стенками, и три светильника-курильницы: один — на высокой конической ножке, а другие — на трех коротких круглых ножках. Аналогичные котлы встречены на Шаушукум-тобе. О подобных светильниках-курильницах, известных в это время на широкой территории (районы Средней и Нижней Сырдарьи, Согд, Семиречье), уже говорилось.

В керамике второй группы значительное место занимают фрагменты хумов, изготовленных ленточным способом в основном тщательной ручной лепкой с помощью вращающейся подставки. Дно их обычно широкое, плоское, тулово средней выпуклости, покатые плечики, невысокое широкое, иногда лишь намеченное горло и прямой или слегка отогнутый наружу венчик. Форма этих сосудов характерна для поселений и городищ

данного района, начиная с таких, как Каунчи-тепе, Ак-тобе 2, нижний слой Минг-Урюка, Чаш-тепе и т. п. Как и для керамики с упомянутых памятников, для Ак-тепе характерен прием украшения этих сосудов в виде обливки верха жидким красноватым ангобом, дающим струйчатые потеки до дна. На Ак-тепе резко преобладают венчики хумов — подпрямоугольных, чаще вытянутых в сечении, с плоским бережком, а иногда и разделенных снаружи горизонтальным желобком, аналогичных встреченным в верхних слоях Каунчи-тепе, но особенно характерных для Шаушукум-тобе. Именно для Шаушукум-тобе типичен и отмеченный здесь орнаментальный прием в виде силошного пояса удлиненных пальцевых вдавлений по наружной стороне венчика. На Ак-тепе встречен фрагмент стенки хума, украшенный оттисками круглого штампа (рис. 54, 77).

Более редкая находка по сравнению с хумами — горшкообразные сосуды («скорчаги», по А. И. Тереножкину), также плоскодонные, но с более раздутым туловом и выгнутым внутрь венчиком, форма которого близка форме венчиков хумов, но с дополнительным желобком внутри для крышки. Верхние части таких горшков украшены несколькими рядами волнистого орнамента, иногда рядом косых вдавлений. Аналогичные сосуды встречены на многих городищах Ташкентского оазиса (Чаш-тепе, верхний слой Каунчи-тепе, Шаушукум-тобе и т. п.).

Кувшины, найденные на Ак-тепе, представлены в основном во фрагментах. Они делятся на три типа. Первые два — это широкогорлые сосуды с широким дном, средней выпуклости высоким туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в высокое горло с подтреугольным в сечении венчиком, иногда разделенным снаружи горизонтальными желобками. Они снабжены сильно изогнутой петлеобразной ручкой, верхним более широким кондом прикрепленной к венчику ниже обреза края, а нижним — к плечу сосуда. Кувшины первого типа имеют на противоположной от ручки стороне цилиндрический носик, поднимающийся прямо вверх и заканчивающийся большим раструбом, сильно сдавленным с боков и упирающимся внутренним краем в венчик. Второй тип отличается помещенным на противоположной от ручки стороне края оттянутым и слегка сдавленным с боков сливом. Третий тип кувшинов — с широким плоским дном, слегка раздутым и довольно высоким туловом. У них резко покатые плечики,

²³⁹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента..., стр. 126.

плавню переходящие в сильно суживающееся горло, и раструбообразный венчик с длинным, резко выдающимся сливом. На противоположной от слива стороне под венчиком и к корпусу прикреплен ручка, образующая идущую почти под прямым углом петлю (рис. 54, 73). Горло иногда украшено горизонтальным валиком. Все кувшины орнаментированы обычно обмазкой и потеками коричневого ангоба. Встречаются кувшины, украшенные рядом косых насечек вокруг носика и на ручке. Часть широкогорлых кувшинов орнаментирована сплошными горизонтальными линиями на горле. У других — на верхней части тулова один или несколько рядов прорезного волнистого орнамента (рис. 54, 76, 78, 80—83). Узкогорлые кувшины иногда подлощены и часто украшены напелом на ручке.

Аналогичной формы и орнаментации широкогорлые кувшины со сливом на краю венчика или со слегка оттянутым краем цилиндрического носика чрезвычайно характерны для таких памятников, как верхние слои Каунчи-тепе, Алимбай-тепе, Шуралисай, нижний слой Минг-Урюка, Шаушукум-тобе. Кувшины той же формы с носиком, заканчивающимся раструбом, смятым с боков, являются типологически непосредственным развитием указанных кувшинов с цилиндрическим носиком и со сливом на краю его. Подобные встречаются во втором слое Минг-Урюка, известны они в VII—VIII вв. в Семиречье (на городище Ак-Бешим)²⁴⁰ и в Согде²⁴¹.

Аналогичные узкогорлые кувшины с длинным сливом, а иногда и с напелом-шпичечкой на ручке особенно характерны для Согда VII—VIII вв.²⁴² Б. И. Маршак счи-

²⁴⁰ В. И. Распопова. Указ. соч., стр. 149, рис. 3, 4.

²⁴¹ Б. И. Маршак. Отчет о работах.... стр. 232, рис. 23, 5.

²⁴² Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзук. ТОВЭ, т. I, Л., 1940, стр. 101, рис. 6, с; Б. И. Маршак. Влия-

ет эту форму подражанием металлическим²⁴³.

Миски и чаши одинаковой формы, неглубокие, открытые, с маленьким дном, с перегибом нижней части стенок, с простым приостренным краем, обычно покрыты густым ярко-красным ангобом и лощением. Подобная форма характерна для поселений и городищ каунчинского типа. На городищах типа Шаушукум-тобе встречены такой же формы миски и чаши, также покрытые красным ангобом и зеркальным лощением (рис. 54, 68, 69).

Кружки — типичная для Ак-тепе форма керамики (рис. 54, 70—72). Для них характерны призматическое, широкое, раздутое тулово и довольно высокое горло (почти равное по высоте тулову) с чуть отогнутым наружу венчиком и кольцевидной ручкой на верхней части тулова или же при подобном днище и корпусе — плохо выраженная шейка, утонченный край и кольцевидная ручка ниже края венчика. Часть таких кружек — станковой работы, другая — тщательной ручной левки. Большинство кружек покрыто густым красным ангобом. Некоторые орнаментированы в месте перехода корпуса в шейку рядом клиновидных вдавлений. Подобные кружки типологически связаны, несомненно, с кружками, имеющими кольцевидные ручки (верхний слой Каунчи-тепе, нижний слой Минг-Урюка, Чаш-тепе, Шаушукум-тобе). Аналогичные актепинским кружки характерны для Согда и Семиречья VII—VIII вв.²⁴⁴

ние торевтики..., стр. 190, табл. VIII, 1—3, 5—8, стр. 191.

²⁴³ Б. И. Маршак. Влияние торевтики..., стр. 191.

²⁴⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, XI, I; О. Г. Большаков. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. МИА, № 124, 1964, стр. 101, рис. 8; Б. И. Маршак. Влияние торевтики..., стр. 180; В. И. Распопова. Указ. соч., стр. 145—146, рис. 2, 1—10.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

Почти около каждого поселения или городища каунчинского типа в районе Ангренно-Чирчикско-Келесского бассейна расположены обычно один или несколько курганных могильников²⁴⁵. По насыщенности

ими этот район занимает одно из первых мест в Средней Азии.

Впервые раскопки курганных могильников были проведены в 1887 г. на «Никифоровских землях», под Ташкентом,

²⁴⁵ Курганные могильники отсутствуют лишь в том случае, если поселение окружено распаханными или застроенными землями. Обычно же, как по-

казали разведки (и напч собственные наблюдения в том числе), курганы всегда располагались вблизи городищ.

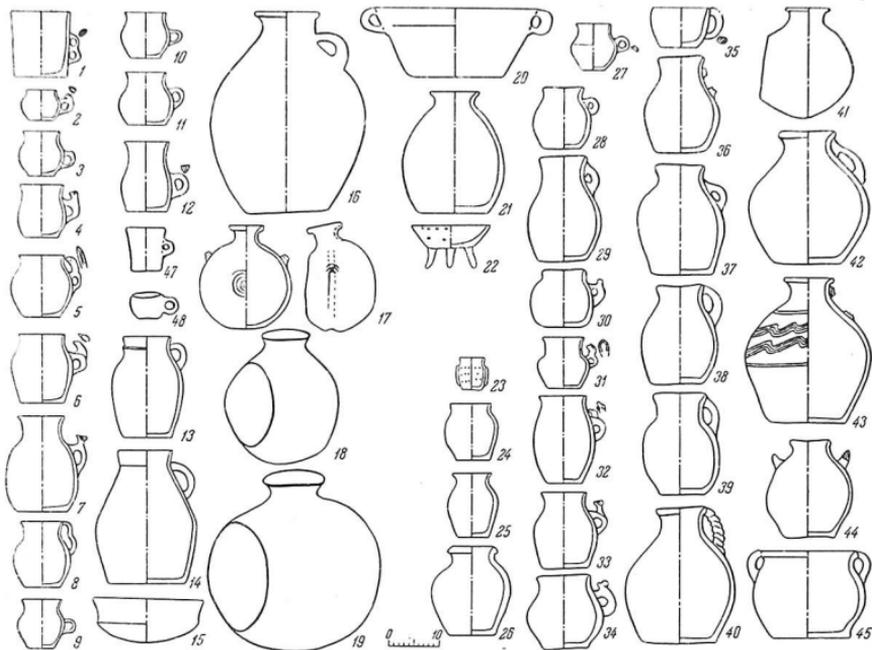

Рис. 55. Керамика из могильников района Ташкента

2—12, 36, 47 — из могильников на «Никифоровских землях», у сел. Никольское и др.; 23—45 — из могильников к востоку от сел. Беш-бай и Ореховское

Н. П. Остроумовым на довольно высоком для того времени научном уровне. Вдоль правобережного чирчицкого арыка Гарасу открыто около двух десятков курганов²⁴⁶, заключивших в себе глубокую катакомбу с дромосом, перпендикулярным длинной оси катакомбы. Дополнительные сборы материала из погребений на этом и близлежащих участках были сделаны в 1893, 1907 и 1917 гг. Н. П. Остроумовым, а в 1913 г. И. Р. Кастанье раскопал такую же катакомбу на участке Маллицкого.

Почти во всех катакомбах обнаружены коллективные захоронения (до 5—6 скелетов), сопровождавшиеся керамикой: круж-

ки, кувшины, миски, чаши, фляги (рис. 55, 1—21, 46, 47). Для кувшинов, покрытых беловатым ангобом, характерны плоское широкое дно, довольно высокие яйцевидное тулово, покатые плечики, плавно переходящие в широкую горловину с чуть отогнутым наружу небольшим венчиком. К горлу и плечикам прикреплена петлеобразная вертикальная ручка. У некоторых в верхней части тулова — цилиндрический носик-слив. Беловатым ангобом покрыты крупные фляги с одним плоским боком и почти шаровидным вторым (рис. 55, 18, 19). Миски и чаши открытые с простым, чуть утонченным краем, с перегибом стенок в верхней части или на середине тулова, с красноватым ангобом. У отдельных сосудов есть ручки, прикрепленные к краю (рис. 55, 20). У кружек, составляющих самый массовый вид посуды в погребениях, широкое плоское дно, тулово,

²⁴⁶ Н. П. Остроумов. Отчет о раскопках курганов на Никифоровских землях в окрестностях Ташкента. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. СХСIII—СХСIX (Архив ИА АН СССР, д. 34, 1887 г.).

плавню переходящее в прямое горло с чуть отогнутым простым, слегка утонченным краем. К верхней части тулова прикреплена петлеобразная, реже кольцевидная ручка. Часто на верхней части ручки находится в виде выступа реалистическое изображение головы барана с закрученными рогами или (гораздо реже) какого-то другого животного, возможно, собаки или лисы. Встречены ручки с сильно схематизированными зооморфными изображениями (рис. 55, 2, 4—7). Многие кружки покрыты красноватым ангобом, некоторые и подлощены. Красноватым ангобом и легким лощением покрыта и кружка почти цилиндрической формы с вертикальной ручкой на тулове в виде двух сомкнутых петель (рис. 55, 1).

Авторы раскопок не датировали эти курганы. Г. В. Григорьев отметил разновременность погребений и сходство части их с материалами Кауччи-тепе²⁴⁷. Большинство керамических находок имеет аналогии, доходящие до тождества, в материалах таких городищ, как Ак-тобе 2, Кауччи-тепе. Это кувшины указанного типа, миски, чаши, кружки, фляги. Даже цилиндрическая кружка аналогична таковой из верхнего строительного периода Ак-тобе 2, но с иной ручкой. В то же время часть сосудов с «Никифоровских земель» и соседних участков (кружки с петлеобразными и кольцевидными ручками, с зооморфными выступами, покрытые густым красным ангобом и лощением; миски, в том числе с двумя петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к краю; кувшины с почти той же формой тулова, но с утонченным простым венчиком с валиком в нижней части его, образованным изгибом стенки) тождественны сосудам из материалов городищ типа верхнего слоя Кауччи-тепе, нижнего слоя Минг-Урюка, Чаш-тепе, нижнего слоя Шаушукум-тобе. Таким образом, можем предложить датировать часть курганов «Никифоровских земель» и соседних участков первыми веками нашей эры, а часть — IV—V вв. н. э.

В 1928 г. М. Е. Массон на среднем течении р. Ангрен раскопал два кургана в той-тинской группе на правом берегу арыка Ислахат²⁴⁸. В одном из курганов оказалась катакомба с дромосом, перпендикулярным

ее длинной оси. Внутри катакомбы находилось четыре разновременных захоронения, сопроваждавшиеся в основном сосудами; в некоторых из сосудов были найдены ребра барана и зерна пшеницы. Все сосуды изготовлены ручной лепкой. Среди них — кружечка с ручкой и выступом в виде головы барана (без рогов) или собаки, кувшин, чаша и крышка, аналогию которым находим в тех же материалах поселения Ак-тобе 2, Кауччи-тепе (прежде всего нижнего горизонта), что позволяет датировать курган первыми веками новой эры.

В той же группе вскрыт и другой курган, под насыпью которого оказалось сводчатое помещение, отделенное от широкой спусковой ямы мелкими комьями глинны (гувалаками). Внутри камеры лежал один скелет. В погребальном инвентаре было оружие (большой двусторонний меч, короткий прямой двусторонний кинжал, железные наконечники стрел двух типов), железные пряжки, бляшки, каменные зернотерки, глиняные сосуды. Погребение было ограблено²⁴⁹. Судя по предметам вооружения, можно согласиться с предложенной автором раскопок датировкой кургана второй четвертью I тысячелетия н. э.²⁵⁰ (вероятно, не раньше IV—V вв. н. э.).

В 1929—1930 гг. Узбекстанский комитет по охране памятников старины и искусства провел раскопки Пекентского могильника также в бассейне р. Ангрен²⁵¹. Проводившие работы А. А. Потанов и М. В. Воеводский (в раскопках участвовали также И. Н. Луцкевич, В. Д. Якуков, Т. Г. Оболдуева) отметили три типа погребений. Из 77 вскрытых могил 2 оказались грунтовыми ямами с захоронениями, судя по найденным в них монетам, конца XIII — начала XIV в.; 8 — катакомбы типа «Никифоровских земель», той-тинских и 6 — надземные склепы. В катакомбах оказались одиночные и парные захоронения. Все склепы снаружи имели в плане круглую форму (диаметр 6,2—6,7 м) внутри — квадратное помещение. Как и погребения в склепах, катакомбные захоронения сопровождались разнообразным инвентарем: сосудами, бронзовыми сарматского типа и ханьскими зеркалами, коробочками с китайским лаком, туалетным

²⁴⁷ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 6.

²⁴⁸ М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 19—21.

²⁴⁹ Там же, стр. 21—24.

²⁵⁰ Там же, стр. 24.

²⁵¹ А. А. Потанов. Пекентский курганный могильник. Рукопись. Архив Управления по делам архитектуры при СМ Узб. ССР, № 31, 1930 г.

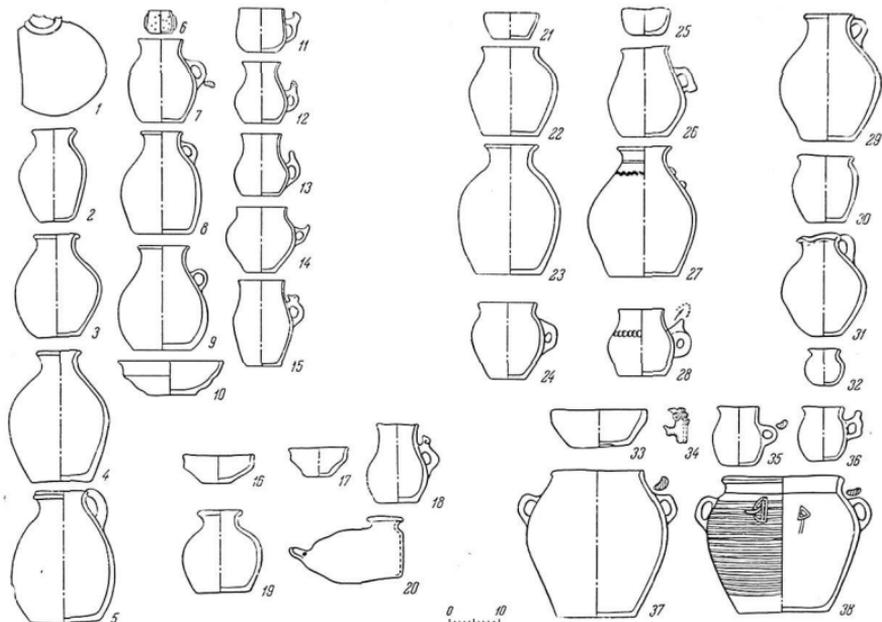

Рис. 56. Керамика из могильников: у г. Янги-Юль (1—15), у сел. Катаргал (16—20), у г. Пекент (21—32) в 6 км от г. Ташкента (33—38)

набором — сурматом, стеклянными, коралловыми, бирюзовыми бусами, железными пряжками. Керамика представлена широкогорлыми кувшинами с яйцевидным туловом и широким плоским дном и кружками (рис. 56, 21—32). Некоторые кувшины украшены прорезным волнистым орнаментом на тулове, они снабжены петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом к горлу или плечу. У части кувшинов по краю венчика — оттянутый пальцами слив. Наряду с кружками с широким дном, округлым туловом, прямой шейкой и петлеобразной ручкой на верхней части тулова встречены кружки с вытянутым туловом, чуть отогнутым краем и подпрямоугольной ручкой с зооморфным выступом в нижней части. Перечисленные выше формы сосудов аналогичны найденным в материалах памятников типа верхнего горизонта Каучи-тепе, нижнего слоя Шаушукум-тобе.

М. В. Воеводский отнес самые ранние из погребений Пскентского могильника к V—

VII вв. Вероятно, большинство катакомбных погребений этого могильника могут быть датированы временем не ранее IV—V вв. н. э. Лишь несколько катакомб (АТ:1; В1:1), судя по инвентарю, датируются первыми веками нашей эры. Этому не противоречит и форма широкогорлого кувшина, найденного в одной из них. Кувшин имеет широкое плоское дно, яйцевидное тулово и прикрепленную под венчиком и на плечиках петлеобразную ручку (рис. 56, 29). находка в одном из пскентских склепов однолезвийного меча и некоторые другие предметы (пряжки, бляшки гунно-аварского типа) позволяют датировать погребения в склепах несколько более поздним временем, чем катакомбные захоронения могильника.

В 1959—1960 гг. исследовался Тюябугузский могильник, расположенный на правом берегу р. Ангрец, в 11—12 км к северо-западу от Пскентского. Были зафиксированы курганные погребения и наземные склепы-

наусы. Последние исследованы Т. Агзамходжаевым²⁵². Им вскрыто 11 наусов, которые, как и икентские, имели в плане круглую форму (диаметр до 9,5 м). Сооружены они из нахсы и кирнич-сырца. Внутри склена — прямоугольное помещение, перекрытое сводом. В стенах камеры находились ниши. В наусах обнаружены различной формы оссуарии, на полу — человеческие кости или человеческие скелеты. Захоронения сопровождались инвентарем (сосуды, железные ножи, бронзовые блинчики и пряжки от поясного набора, бусы, сурматан и т. п.).

Сосуды, изготовленные на гончарном круге, представлены чашами, кувшинами и кружками. Чаша — с резким перегибом стенок при переходе ко дну, простым, чуть утонченным краем и прямыми стенками в верхней части корпуса. Они покрыты красноватым ангобом. Кувшины также с красноватым или коричневатым ангобом. Для них характерны широкое дно, раздутые, почти шаровидное тулово, покатые плечики, плавно переходящие в невысокую шейку с отогнутым краем. На некоторых кувшинах почти вся наружная поверхность с горизонтальным рифлением. Петлеобразные вертикальные ручки прикреплены к горлу или тулову. Кружка, покрытая красноватым ангобом и лощением, имеет широкое плоское дно и прикрепленную к раздуту тулову кольцевидную ручку.

По керамике, другим предметам — блинчики, пряжки и т. п., и монетным находкам (две шапские монеты конца VII — начала VIII в., бухарская VII в.) туюбугузские наусы автор датировал VII—VIII вв.²⁵³, с чем можно согласиться, отметив безусловную принадлежность находок к каунчинской культуре.

В 1960 г. в 2—3 км к северо-западу от г. Ангрен, в долине р. Ахангеран Т. Агзамходжаев обследовал 10 подземных скленов, расположенных на небольшом холме²⁵⁴. Это прямоугольные ямы размером 2,5 × 3—3,5 м и глубиной 2—3 м с горизонтальным входом-дромсом длиной от 4,5 до 6 м. Полы устланы плитками и засыпаны мелким гравием. Стены выложены довольно крупными плос-

кими плитками, скрепленными глиняным раствором. Сверху сооружение покрывалось несколькими рядами валунов и засыпалось землей. Внутри скленов на полу обнаружены коллективные захоронения и единичные оссуарии. Найдены богатый инвентарь: кожаные пояса с железными пряжками, небольшие железные ножи, золотые и серебряные серги, застегивки, железные и бронзовые кольца, косметические наборы — сурматан, бронзовые зеркала и большое количество сосудов. Оружие встречено лишь в одном случае — 6 железных наконечников стрел. Из 47 найденных в скленах сосудов более половины покрыто беловато-розоватым ангобом, поверх которого нанесены темные мазки и потеки. Большинство сосудов — широкогорлые кувшины с широким плоским дном, яйцевидным туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в прямое горло с чуть отогнутым наружу венчиком. К горлу и плечу сосуда прикреплена вертикальная петлеобразная ручка, а на противоположной стороне помещен цилиндрический носик-слив. Отметим также красноглиняные чаши и многочисленные кружки с петлеобразными ручками, на верхней части которых помещен налел в виде изображения головы животного — обычно барана с закрученными рогами и четко выраженными глазами и ртом. Все сосуды аналогичны найденным в памятниках типа Каунчи-тепе, Ак-тобе 2, нижнего слоя Шаушукумтобе. На основании находки одного прямоугольного оссуария Т. Агзамходжаев датирует ангресские каменные склены V—VI вв.²⁵⁵ Нам кажется, что аналогии керамике позволяют отнести основную массу погребений по крайней мере к IV в. н. э.

В 1937—1939 гг. Г. В. Григорьев при участии М. Э. Воронца и Т. Г. Оболдуевой раскопал вблизи Каунчи-тепе 13 курганов — 2 из них — в кирпиче Нау, остальные — на арыке Джун. Под курганной насыпью была обнаружена камера и перпендикулярный к ее длинной оси дромос.

В кургане, расположенном в 1 км от Каунчи-тепе, вскрыта подобная катакомба с четырьмя скелетами (один из них был сдвинут и сильно разрушен)²⁵⁶. Погребальный инвентарь состоял из железного ножа, пряжки и восьми сосудов (рис. 56, 8—12). У двух плоскодонных открытых мисок наблюдался пере-

²⁵² Т. Агзамходжаев. Туюбугузские наусы. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 71—79.

²⁵³ Там же, стр. 79; он же. Бронзовые украшения из Туюбугуза. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964, стр. 90—93.

²⁵⁴ Т. Агзамходжаев. Подземные каменные наусы около г. Ангрен. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 401—411.

²⁵⁵ Там же, стр. 111.

²⁵⁶ Г. В. Григорьев. Келеская степь..., стр. 55, табл. III, 22—31.

гиб стенок в верхней части тулова. Три широкогорлых кувшины имели широкое плоское дно, яйцевидное тулово, плавно переходящее в прямое горло с небольшим круглым в сечении венчиком. Петлеобразная ручка верхним концом прикреплялась к горлу или краю сосуда. Три кружки покрыты густым красноватым ангобом и слегка подлощены; у них плоское широкое дно и такое же широкое устье с простым слегка утонченным краем, округлое тулово, плавно переходящее в прямую шейку. На верхней части тулова прикреплена петлеобразная ручка с выступом на верхней части в виде головы барана с завернутыми рогами, а в одном случае, возможно, и собаки. Аналогии этим сосудам находим в материалах городища Каунчи-тепе и отчасти Ак-тобе 2. Г. В. Григорьев отнес погребение к типу каунчинских и датировал его VII—III вв. до н. э.²⁵⁷, но, учитывая поправки к датировкам Г. В. Григорьева и аналогию керамике, можно, вероятно, датировать первыми веками новой эры.

Курганы на арыке Джун также содержали катакомбу с глубоким дромосом, идущим перпендикулярно длинной оси камеры. В дромосе вдоль стенок — один или несколько уступов. Вход в камеру обычно заложен сырцовыми кирпичами. Внутри камеры вытянуто на спине, а иногда и на боку лежали один или несколько погребенных. Инвентарь состоял из сосудов, железного оружия (мечей, кинжалов, наконечников стрел), костяных обкладок сложного лука, предметов украшения. Часто в сосудах находили кости барана²⁵⁸. Керамика в основном станковой работы. Это кувшины с широким плоским дном, раздутым, несколько вытянутым туловом, плавно переходящим в широкое прямое горло с маленьким, подтреугольным в сечении венчиком, с петлеобразной ручкой на горле или плечике; фляги с широким плоским одним боком и сферическим другим; чаши с перегибом стенок (рис. 56, 1—7, 13—15). Многочисленные кружки изготовлены ручной лепкой. Они с широким дном и таким же широким устьем, округлым, невысоким туловом, плавно переходящим в прямое, иногда довольно высокое горло, с простым утонченным краем. Кружки имели петлеобразные или кольцевидные ручки со схематизированным зооморфным выступом (рис. 56, 13—15). Интересна небольшая курляница кубовидной формы с отверстиями в стенках

и вертикальными ребрами снаружи на тулове из кургана № 7 (рис. 56, 6)²⁵⁹. Той же формы кувшины, чаши, кружки находим в материалах Алимбай-тепе, нижнего слоя Минг-Урюка, нижнего слоя Шапукум-тобе, верхнего слоя Каунчи-тепе. Близкие по форме курлянице кубические сосуды встречаются в верхнем слое Каунчи-тепе. Аналогичные и по форме, и по отделке курляницы найдены в могильнике у сел. Беш-бай на трассе Ташкентского канала²⁶⁰, а также в катакомбном погребении могильника Акджар-тепе в Самаркандской области²⁶¹.

Специально исследовавшая курганы на арыке Джун Т. Г. Оболдуева выделила их в особую джунскую культуру, генетически связанную с «культурой типа Каунчи II», по Г. В. Григорьеву²⁶², и датировала их III—IV вв. н. э. Этим же временем их датировал и М. Э. Воронец²⁶³. А. И. Тереножкин отнес их ко II—IV вв. н. э.²⁶⁴ Г. В. Григорьев считал возможным отнести курганы к слою Каунчи III и в соответствии со своей хронологией датировать их I—III вв. н. э.²⁶⁵ Дальнейшее накопление материалов по этой культуре, уточнение датировок отдельных типов вещей (двулепестных мечей без перекрестья с характерным прямым углом в месте соединения черенка с клинком, бронзовое зеркало с боковой ручкой и т. п.) и керамики позволяют подтвердить датировку Т. Г. Оболдуевой, М. Э. Воронца и А. И. Тереножкина III—IV вв. н. э.

В 1940 г. при археологическом наблюдении на строительстве Большого Ташкентского канала А. И. Тереножкин открыл много курганных погребений²⁶⁶, принадлежащих к каунчинской культуре (рис. 55, 23—45). Особенно выделяются могильники к востоку от селений Беш-бай и Ореховского²⁶⁷.

²⁵⁷ Там же, стр. 60, 77, табл. XVI, 128.

²⁶⁰ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 158, табл. XX, 6.

²⁶¹ О. В. Обельченко. Могильник Акджар-тепе. ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 67, 68, рис. 7.

²⁶² Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур..., стр. 201—202.

²⁶³ М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1938 гг. в Узб. ССР. ВДИ, № 3-4, 1940, стр. 337.

²⁶⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 159.

²⁶⁵ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 59—60.

²⁶⁶ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 30—36.

²⁶⁷ На одном из участков строительства (№ 1 Сайского прорыва) обнаружены остатки поселения каунчинского типа, где вместе с фрагментами характерных хумов, кувшинов, мисок, кружек найдены подставки с изображениями голов

²⁵⁷ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 56.

²⁵⁸ Там же, стр. 59—60.

В курганных погребениях А. И. Тереножкин выделяет две генетически связанные между собой группы.

К более ранней группе относятся курганы № 1, 2, 7, расположенные к востоку от сел. Беш-бай, курган северо-восточнее сел. Беш-Бай, курган № 6 в пункте № 13 и т. п. Для таких погребений характерна глубокая (до 4 м) катакомба с длинным боковым дромосом, перпендикулярным ее длинной оси. Внутри камеры — несколько погребенных и сопровождающей погребальный инвентарь (сосуды, предметы украшения, железные пряжки, ножи). Найдены различные кувшины, кружки, миски и чаши, горшочки. Численно преобладают кувшины и кувшинчики с широким плоским дном, яйцевидным туловом с характерными покатыми (как бы обвислыми) плечиками, плавню переходящими в широкое горло с отогнутым наружу небольшим венчиком. К горлу и плечикам прикреплена вертикальная петлеобразная ручка. Иногда верхний конец ручки прикреплен к краю сосуда. Кувшины изготовлены тщательной ручной лепкой и покрыты жидким розоватым ангобом. Миски открытые с простым, лишь слегка утонченным краем и довольно широким плоским дном, с характерным перегибом стенок в верхней части корпуса. Кружки близкой к кувшинам формы с широким плоским дном, довольно раздутым туловом, покатыми плечиками, плавню переходящими в прямое горло, с простым, слегка утонченным и чуть отогнутым краем, снабжены петлеобразными или кольцевидными ручками на верхней части тулова. Они обычно покрыты красноватым ангобом и слегка подлощены. На ручках — выступ в виде головы барана со спирально закрученными рогами или с рогами, загнутыми вниз и концами лежащими на морде. В одном случае изображение напоминает голову собаки или лисы. Встречаются и довольно схематизированные изображения (рис. 55, 30—34). На наружной стороне ручки одного из кувшинов (из могилы № 2) — три пальцевых вдавления, возможно, имитирующие завитки шерсти.

Отмеченные выше сосуды тождественны найденным на поселениях типа Ак-тобе 2 и могут быть датированы, следовательно, первыми веками н. э. до III в. включительно (может быть, до начала IV в. н. э.). Первыми веками нашей эры датировал их и А. И. Тереножкин²⁶⁸.

Баранов (А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 34, рис. 9).

²⁶⁸ Там же, стр. 35; *он же*. Согд и Чач, стр. 159.

Можно выделить некоторые погребения, которые, судя по материалу, датируются самым концом этого периода. В курганах наряду с сосудами, аналогичными отмеченным выше, встречаем и керамику, отличающуюся некоторыми деталями. Таковы курганы № 1, 5, расположенные к востоку от сел. Беш-Бай, где были найдены покрытый густым красноватым ангобом и подлощенный кувшинчик-кружечка с маленькой подпрямоугольной в сечении ручкой, с налезом-лепешечкой на верхней части (могила 1); кувшин обычной формы, но с тщательно заглаженной поверхностью и с ручкой в виде скрученного жгута (рис. 55, 40). Подобные сосуды встречены в памятниках типа Алимбай-тепе, верхнего слоя Каунчи-тепе, нижнего слоя Минг-Урюка. Находки позволяют предположительно датировать эти погребения более поздним временем, вероятно, с конца III—IV—V вв. н. э.

Возможно, к этому времени надо отнести и погребение, расположенное к северо-востоку от сел. Беш-Бай на глубине 2,5 м. В керамике, составляющей погребальный инвентарь, были два горшкообразных сосуда, кувшин и кружка. Кружка имела широкое, низкое тулово, широкое дно. На верхней части ручки — изображение головы животного с тремя гребнями (рис. 55, 31). У крупного кувшина — широкое плоское дно, яйцевидное раздутое тулово и покатые плечики, плавню переходящие в широкое горло со слегка отогнутым наружу краем. Вертикальная ручка была прикреплена к горлу и плечикам. Средняя и верхняя части корпуса орнаментированы прорезным орнаментом, нанесенным концом широкой дощечки или же трехзубчатым штампом по еще сырому сосуду, в виде нескольких рядов волнистых линий, окаймленных сверху и снизу такими же прямыми полосами (рис. 55, 43). Средних размеров горшок с широким дном и устьем, с широким туловом был снабжен двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к краю (рис. 55, 45). Другой горшкообразный сосуд по форме близок кувшиновидным. У него широкое плоское дно, яйцевидное тулово, резко покатые плечики, короткая, лишь намеченная шейка и отогнутый венчик. На плечиках прикреплены две горизонтальные дуговидные ручки, орнаментированные косыми насечками (рис. 55, 44). Поверхность покрыта густым красным ангобом и тщательным вертикальным лощением. Хотя сосуды и из этого погребения имеют аналогии в тех же комплексах, что и керамика из основной

массы погребений, некоторые детали их (ангоб и лощение, раздутость тулова, форма корпуса сосуда с двумя горизонтальными ручками) похожи уже на массовый материал памятников типа нижнего слоя Шаушукум-тобе. Именно это и дает возможность сблизить по времени данное погребение с курганами № 1 и 5²⁶⁹.

К более позднему времени А. П. Тереножкин относил погребения с такими же катакомбой и дромосом, но отличающиеся по инвентарю. Это курган № 4, расположенный к востоку от сел. Беш-Бай, некоторые курганы к востоку от сел. Ореховское, курган у оврага Бургулюк и т. п. Они содержали одиночные или коллективные захоронения. В погребальном инвентаре богато представлено оружие: мечи, кинжалы, наконечники стрел. Большая часть оружия (двулезвийные и однолезвийные кинжалы и мечи с простым черешковым насадом), предметов украшения и быта (железные ножи, бронзовые зеркала с выпуклостью в середине и низким ободком по краю диаметром 10 см, железная круглая пряжка, бронзовые пряжки с прямым язычком, бронзовый бубенчик с ушком и т. п.) могут быть датированы IV—V вв. н. э. Керамика представлена такими же формами, что и в более ранних погребениях, и отличается лишь отдельными элементами. Так, некоторые сосуды изготовлены с помощью гончарного круга (кувшин, кружки). Большая часть керамики покрыта красноватым ангобом и лощением. У многих кружек более призматическое тулово и кольцевидные ручки, а у некоторых кувшинов — слив на краю венчика. В одном из курганов (№ 4, расположенный к востоку от сел. Беш-Бай) найден стоящий на гранитной плитке горшочек-курильница с четырьмя напеленными по бокам вертикальными гребнями и сквозными отверстиями на стенках (рис. 55, 23)²⁷⁰. Аналогичная курильница была встречена в кургане № 7 на арыке Джун. Вся эта керамика тождественна сосудам из поселений типа нижнего слоя Шаушукум-тобе, нижнего слоя Мпиг-Другока, верхнего слоя Кауячи-тепе. Как и остальной инвентарь курганов, она датируется IV—V вв. н. э.

В 1947 г. экспедиция Музея истории АН Узб. ССР под руководством М. Э. Воронца,

²⁶⁹ А. П. Тереножкин отмечает, что в погребении был еще кувшинчик, аналогичный кувшину из кургана № 5. А. П. Тереножкин, Согд и Шаш, стр. 228.

²⁷⁰ А. П. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 35.

продолжая работы на арыке Джун, раскопала 5 курганов около станции Вревская, в 56 км к юго-западу от Ташкента²⁷¹. Под курганной насыпью обнаружены катакомбы с дромосом, расположенными перпендикулярно к их длинной оси. В прямоугольной с закругленными углами камере находились одиночные или парные захоронения. В одном случае (курган № 2) встретились подстилка из циновки и покрытие умершей досками.

Погребальный инвентарь состоял из бронзовых ханьских зеркал (курганы № 2 и 4), золотых серег, бус, косметического набора — сурматаш, маленьких железных ножей, железных наконечников стрел (один из них трехлопастный, черешковый, длиной 6,5 см с уступом, другой — с развилкой в виде ласточкиного хвоста), железных шильев, обломка костяной рукоятки ножа с пуносоном орнаментом, железного кинжала и многочисленных сосудов (рис. 57, 30—40). Большинство сосудов изготовлено ручной лепкой, часть покрыта красноватым ангобом, у других же — потеки по светлому ангобу. Преобладают кувшины с плоским широким дном, вытянутым довольно узким туловом, плавно переходящим в прямую шейку с отогнутым наружу краем. Овальные или подпрямоугольные в сечении ручки верхним концом прикреплены к краю сосуда. У одного из кувшинов с широким плоским дном и раздутым туловом на противоположной от ручки стороне на плечике — цилиндрической формы носик (курган № 4), а на ручке по ее наружной стороне идут глубокие пальцевые вмятины (рис. 57, 33). На другом кувшине (курган № 1) небольшой слив сделан на краю, на противоположной стороне от массивной ручки (рис. 57, 36). Найдены кружка с широким дном и устьем, округлым туловом, плавно переходящим в прямое горло с простым утонченным краем, ручка с зооморфным выступом в верхней части. В богатом кургане № 2 находились курильница станковой работы и крупная фляга с широким плоским одним боком и сферической формы другим. Маленькая фляжка-пгруска, украшенная прорезным орнаментом, встречена в кургане № 5 (рис. 57, 30, 34, 39).

Эта керамика находит аналоги в материалах, некоторых курганных погребений около г. Янги-Юля, на «Никифоровских землях»,

²⁷¹ М. Э. Воронца. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Узб. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревской в 1947 г., стр. 43—76.

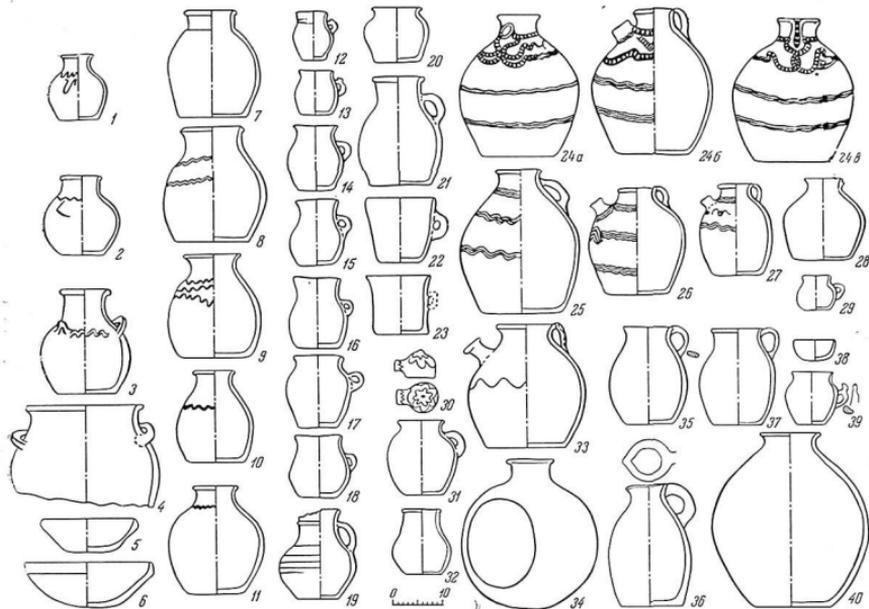

Рис 57. Керамика из могильников близ поселения Ак-тобе 2 (1—23) и у ст. Вревская (24—40)

к востоку от сел. Беш-Бай и поселений типа Ак-тобе 2. Но в то же время она подобна сосудам и из нижнего слоя Шаушукум-тобе и верхнего слоя Каушчи-тене (кувшини со сливом по краю венчика, кувшини с сильно раздутым шаровидным туловом и т. п.).

Керамика, как и другой погребальный инвентарь, позволяет датировать эти курганы с первых веков нашей эры, как это делает М. Э Воронец²⁷², по крайней мере по IV в. включительно (учитывая наличие двух наконечников стрел, форму одной из них, а также аналогии некоторых сосудов с посудой типа нижнего слоя Шаушукум-тобе).

В 1957 г. были возобновлены раскопки курганов близ станции Вревской²⁷³. Т. Агзамходжаев и Т. Г. Оболдуева раскопали 12 курганов: 9 из них — овальные в плане катакомбы с длинным дромосом, перпендикуляр-

ным длинной оси катакомбы. Вход в камеры заложен гувальями на глиняно-саманном растворе. Внутри камер — одиночные захоронения. В небогатом погребальном инвентаре отметим массивный однолезвийный кинжал, железные ножи, пряжки с подвижным язычком, косметический набор из каменной палочки и графита — сурматаш и керамику, представленную в основном различного (чаще крупного) размера кувшини-нами. У последних — широкое плоское дно, высокое, иногда несколько раздутое яйцевидное тулово с обвислыми плечами, плавно переходящими в прямую невысокую шейку с маленьким, несколько отогнутым венчиком. Петлеобразная ручка верхним концом прикреплялась к краю или к горлу сосуда. На противоположной от ручки стороне плечиков помещен цилиндрический носик. Тулово часто орнаментировано концентрическими или спиральными полосами волнистого прорезного узора. Иногда вокруг шейки, основания ручки, цилиндрического носика проходит более сложный прорезной волнистый

²⁷² Там же, стр. 68.

²⁷³ Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 223—235.

орнамент из полос, заполненных точечными вдавлениями, в виде переплетающихся змей (рис. 57, 24). На овальной в сечении ручке кувшины из кургана № 1, на ее спинке, прочерчен орнамент в виде плетения, а у верхнего конца сделана пальцевая ямка, как и у ручек, характерных для нижнего слоя Шаушукум-тобе, верхнего слоя Каунчи-тепе. На аналогичной формы кувшине из кургана № 3 на цилиндрическом носике намечен слив. Из других сосудов отметим кружку с широким дном и устьем, прямым горлом и округлым, призматическим туловом, к верхней части которого прикреплена кольцевидная ручка (рис. 57, 25—29).

Т. Агзамходжаев датирует эти курганы по аналогиям в керамике из замка Ак-тепе близ Ташкента и Бурджарского могильника VI—VII вв. н. э.²⁷⁴ Но детальный анализ найденной в курганах керамики показывает, что тождественные сосуды характерны для поселений типа верхнего строительного периода Ак-тобе 2, отчасти нижнего слоя Шаушукум-тобе и верхнего слоя Каунчи-тепе. Это позволяет датировать раскопанные курганы концом III—IV—V вв. н. э. (вероятно, не позднее V в.), но никак не VI—VII вв. н. э.

В Ташкентской области, в 1,5—2 км к северо-западу от городища Куаит-тепе, в 1960 г. Т. Агзамходжаев обследовал катакомбное погребение²⁷⁵. Прямоугольная камера размером 3,6×2,6 м и высотой 1,5 м с полусферическим перекрытием оказалась вырытой в лёссе. Вдоль северной стены расположена суфа высотой 0,5 м, а в противоположной стене — ниша длиной 0,8 м, глубиной и высотой 0,35 м. Вход в камеру был заложён гувалаяками. Перпендикулярно длиной ее оси шел на одном уровне с полом камеры подземный сводчатый коридор длиной 5 м, заканчивался он ступеньками у выхода на дневную поверхность. На суфе обнаружены один неотрехованный скелет (вытянуто на спине) и два разрозненных скелета. Вокруг них на суфе и на полу лежали сосуды, а у противоположной стены стоял прямоугольный в основании пустой оссуарий. В камере найдено пять сосудов (рис. 56, 16—20). Это две небольшие плоскостонные чаши, открытые, резко асимметричные с конической формой стенок нижней части, резким перегибом на уровне верхней

половины тулова и почти прямыми стенками верхней части, с простым округлым краем. Обе чаши покрыты розоватым ангобом. В чашах обнаружены виноградные косточки и шелуха проса. Третий сосуд — широкогорлый кувшинчик с плоским широким дном, раздутым туловом, плавню переходящим в невысокое горло с отогнутым наружу венчиком. Кувшинчик изготовлен ручной лепкой и покрыт беловато-желтоватым ангобом. На полу около суфы найдена и небольшая фляга с широким плоским одним боком и сильно вытянутым утконообразным другим. Около плоского бока — широкое воронкообразное горло. Пятый сосуд — невысокая кружка ручной лепки, покрытая розоватым ангобом и слегка залощенная. У нее широкое плоское дно и широкое же устье с простым краем. Округлое, слегка вытянутое тулово плавню переходит в довольно высокое горло. На верхней части тулова прикреплена петлеобразная ручка с выступом в виде головы барана с загнутыми рогами (рис. 56, 18).

Обе чаши, кувшин, кружка находят аналогию в материалах городищ Каунчи-тепе, отчасти Ак-тобе 2, нижнего слоя Шаушукум-тобе, Минг-Урюка и т. п. Фляга аналогична найденным Б. А. Литвинским в погребениях первой половины I тысячелетия н. э. в Ворухском могильнике²⁷⁶. Т. Агзамходжаев считает, что погребение принадлежит полукочевым тюркским племенам и датирует его IV—V вв.²⁷⁷ Соглашаясь в основном с этой датировкой и лишь несколько уточняя ее (вероятно, это III—IV или IV вв. н. э.), считаем погребение относимся к каунчинской культуре.

В 1963 г. в 6,5 км от Ташкента, в старом карьере кирпичного завода около Троицкого шоссе, был обнаружен могильник с несколькими типами захоронений²⁷⁸. Остановимся на одном из них — катакомбе с коллективным захоронением. Сохранившийся инвентарь состоял из нескольких сосудов, изготовленных частью ручной лепкой, частью — на гончарном круге, трех раковин-каури, шаровидной хрустальной бусины, продолгова-

²⁷⁴ Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе Исфаринского района. «Труды АН Тадж. ССР», т. 37, Душанбе, 1956, рис. 1, 3.

²⁷⁷ Т. Агзамходжаев. Погребение IV—V вв. н. э. в Катартале, стр. 245.

²⁷⁸ Н. И. Крашенинникова. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса, стр. 26—33.

²⁷⁴ Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской, стр. 235.

²⁷⁵ Т. Агзамходжаев. Погребение IV—V вв. н. э. в Катартале, стр. 240—245.

той стеклянной бусины, бронзовой пуговицы-застежки в виде двух соединенных удлиненных конусов с шариками на концах. В числе сосудов — плоскостонная чаша, открытая, с небольшим перегибом стенок в верхней части и простым прямым краем; два крупных горшка с вертикальными петлеобразными ручками, две целые кружки и ручка от третьей. Горшки имели широкое плоское дно, довольно высокое и слегка раздутое тулово и широкое устье. У одного из них невысокое прямое горло переходит в подтреугольный в сечении венчик с горизонтальной ложбинкой на наружной стороне. На плечиках — по две вертикальные петлеобразные улощенно-овальные в сечении ручки (рис. 56, 37, 38). Почти вся поверхность тулова одного из горшков орнаментирована прочерченной спирально расплещенной камышиной полосой. У кружек широкое дно и такое же устье с простым, слегка утонченным и чуть отогнутым краем. Несколько выгнутое тулово плавно переходит в прямое горло. На верхней части тулова прикреплена петлеобразная овальная в сечении ручка. У одной из кружек на верхней части ручки имелся схематизированный зооморфный выступ (рис. 56, 35—36). Сосуды покрыты густым темно-красным ангобом, но фрагмент ручки (третьей кружки) с зооморфным выступом наверху покрыт розоватым ангобом и лощением. Выступ представляет собой изображение животного с острым клювом и массивным девятизубчатым гребнем и налезными спиралями. Возможно, что это изображение помеси барана с петухом (рис. 56, 34). И тот и другой образ в отдельности представлен в каунической культуре, где и находят аналоги найденные сосуды (в материалах Кауничи-тепе, отчасти Ак-тобе 2). Н. И. Крашенинкова датирует погребение первыми веками н. э. до III в.²⁷⁹

В 1961 г. А. Г. Максимова раскопала около 20 курганов в трех курганных группах, расположенных в непосредственной близости к поселению Ак-тобе 2²⁸⁰. Одна из групп находится в 300 м к северу от стены, окружавшей поселение Ак-тобе 2 со стороны степи. Две другие группы расположены от поселения несколько дальше, но, безусловно, также тяготеют к городищу. Во всех

²⁷⁹ Там же, стр. 31.

²⁸⁰ А. Г. Максимова, Могильник Ак-тобе. Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерцис, Б. И. Вайнберг, Л. М. Леваина. Древности Чардары, стр. 193—201, рис. 7—9, табл. VIII—XI.

группах оказались катакомбы с дромосом, перпендикулярным их длинной осей. В одном из курганов под насыпью находились два дромоса, подходящие к катакомбе с противоположных сторон²⁸¹. В погребениях обнаружено по два и более скелетов. В некоторых случаях имелись четкие следы последующих захоронений. Для погребального инвентаря актобинских катакомб характерно отсутствие оружия. Во всех захоронениях встречено по одному, два и более сосудов (рис. 57, 1—23), различного рода бусы, косметические наборы — сурматаш, железные пряжки.

В керамике преобладают различного размера кружки с широким дном и устьем, округлым туловом, плавно переходящим в прямую, иногда довольно высокую шейку с чуть отогнутым краем (рис. 57, 12—18). На верхней части тулова сосудов — вертикальная ручка, иногда с зооморфным выступом на верхней части. Большинство кружек покрыто беловато-желтоватым ангобом, поверх которого нанесены мазки красно-коричневого ангоба²⁸². Некоторые сосуды украшены рядом идущих по горлу насечек. Встречены две кружки (курганы № 40 и 43) с прямыми, лишь, несколько расходящимися кверху стенками, с простым краем, вертикальной подпрямоугольной формы ручкой, розовато-красноватым ангобом (рис. 57, 22—23). Единичны открытые миски с простым, чуть утонченным краем, с резким перегибом стенок в верхней части тулова (рис. 57, 5, 6).

Многочисленны небольшие кувшины с широким дном, яйцевидным туловом, плавно переходящим в прямую шейку с круглым или подтреугольным в сечении венчиком, иногда с горизонтальным желобком по его наружной стороне. Плечики многих кувшинов украшены одним или несколькими рядами прорезного волнистого, а иногда линейного орнамента (помимо красно-коричневых мазков и потеков поверх беловатого ангоба). Большинство кувшинов напоминает кувшиновидные горшки с сильно раздутым корпусом (рис. 57, 1, 2, 7—11). Несколько кувшинчиков, близких по форме кружкам, снабжено вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной к горлу и плечикам. Один из таких кувшинов — с невысоким раздутым туловом, верхняя часть которого орнаментирована прорезными горизонталь-

²⁸¹ Там же, стр. 255.

²⁸² Там же, стр. 200, табл. X, 2, 6.

ными линиями, с широким и высоким горлом, с венчиком в виде простого края и резного валика снаружи, как бы отделяющего венчик от остальной части горла. К валику прикреплен верхний конец петлеобразной ручки (рис. 57, 19). Аналогичные кувшины в единичных экземплярах встречены в верхнем строительном периоде поселения Актобе 2, есть они и в нижнем слое Минг-Урюка, но особенно характерны для памятников Таласской долины и соседней с ней долины Арысы. В керамике поселения Актобе 2 находят аналоги и все остальные сосуды: чаши, кувшины, кружки, в том числе и крупный котловидный горшок с широким устьем, раздутым туловом и двумя горизонтальными петлеобразными ручками на плечиках, и небольшой кувшин (или горшок кувшиновидной формы) с широким дном, раздутым туловом, высоким горлом, с двумя горизонтальными петлеобразными ручками на плечиках (рис. 57, 3, 4). Можно говорить об абсолютном тождестве керамических форм и соответственно — одновременности могильника и поселения Актобе 2, присоединяя тем самым к мнению автора раскопок о времени бытования могильника в I—III вв. н. э.²⁸³

В 1959—1960 гг. А. Г. Максимова раскопала около 60 курганов в могильнике, расположенном рядом с городищем Шаушукумтобе²⁸⁴. Погребения делятся на несколько типов: подбойные и грунтовые и катакомбы первого и второго типов. Автор раскопок датировала все погребения могильника III—V вв. н. э.²⁸⁵, но детальный анализ материала показал, что различные погребения и даже типы их датируются весьма широко (от последних веков до н. э. до VIII в. н. э. включительно).

Вероятно, одни из наиболее ранних — погребения в катакомбах второго типа²⁸⁶. Это прямоугольная яма — дромос; в северной (реже — в южной) стене ее есть вход в сводчатую камеру, заложенный камнем, а иногда и камышом. На полу катакомбы, находясь на одном уровне с полом дромоса, лежал скелет (в одном случае, в кургане № 93, было парное захоронение).

Анализ погребального инвентаря — мелкие железные наколенники стрел (курганы № 44, 86), многочисленные каменные, частовые и позолоченные бусы, бронзовое сарматское зеркало с маленьким штырьком (курган № 9), железный книжал с продольным ребром (курган № 44), костяная прищипка с пунсоным орнаментом и со шпеньком (курган № 86) и т. п.²⁸⁷ — позволяет датировать погребения этого типа с III в. до н. э. по I в. н. э. Керамика, найденная в них, весьма невыразительна. Это маленькие круглые или подпрямоугольной формы низкие чашечки-курильницы, вылепленные от руки из плохо промешанной глины (рис. 58, 25, 26), банкообразные горшки первой группы (рис. 58, 13) и кувшинообразный сосудик станковой работы, покрытый снаружи светло-розоватым ангобом с полосами и мазками коричневой краски²⁸⁸. Аналогичные прямоугольные курильницы известны в Лявандакском могильнике в курганах подобного типа²⁸⁹. Пропорции кувшина несколько отличаются от характерных для каучинской культуры сосудов. У него небольшое плоское дно, диаметр которого почти равен диаметру венчика, низкое шаровидное тулово, отделенное от прямого, довольно высокого горла небольшим валиком. Венчик отогнут наружу (рис. 58, 28).

Погребения в катакомбах первого типа, т. е. с длинным и узким дромосом, перпендикулярным длинной оси катакомбы, имеют более широкую дату. Пол камеры на 0,15—0,3 м ниже пола катакомбы, вход заложен камышовыми матами²⁹⁰. В камерах были одиночные захоронения, часто сопровождавшиеся богатым инвентарем²⁹¹. Анализ его показывает, что среди погребений этого типа есть и более ранние (но не раньше рубежа или I в. до н. э.), и более поздние, чем середина I тысячелетия н. э. Так, например, в кургане № 4 найдено бронзовое зеркало сарматского типа, характерное для сусловского и более раннего времени²⁹². В подавляющем большинстве остальных погребений присутствует оружие. Например, в курганах № 5, 6, 12, 56, 60, 62, 72, 80, 81 и в одной из двух катакомб кургана № 50 встре-

²⁸³ Там же, стр. 259—260, табл. XXV—XXVII.

²⁸⁴ Там же, стр. 229, табл. XXIV.

²⁸⁵ О. В. Обвалченко. Лявандакский могильник.

ИМГУ вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 159, рис. 17.

²⁸⁶ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник.

стр. 202—204, рис. 11—12.

²⁸⁷ Там же, стр. 209—240, 257—258, табл. XII—XXIII.

²⁸⁸ А. М. Хазанов. Гезелие сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 64.

²⁸³ А. Г. Максимова. Могильник Актобе, стр. 201.

²⁸⁴ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник. Сб.:

А. Г. Максимова, М. С. Мерцшев, Б. И. Вайнберг,

Л. М. Левина. Древности Чардыя, стр. 201—240.

²⁸⁵ Л. М. Левина. Древности Чардыя, стр. 240.

²⁸⁶ Там же, стр. 205—206, рис. 13, табл. XXIV—XXVII; стр. 259—260.

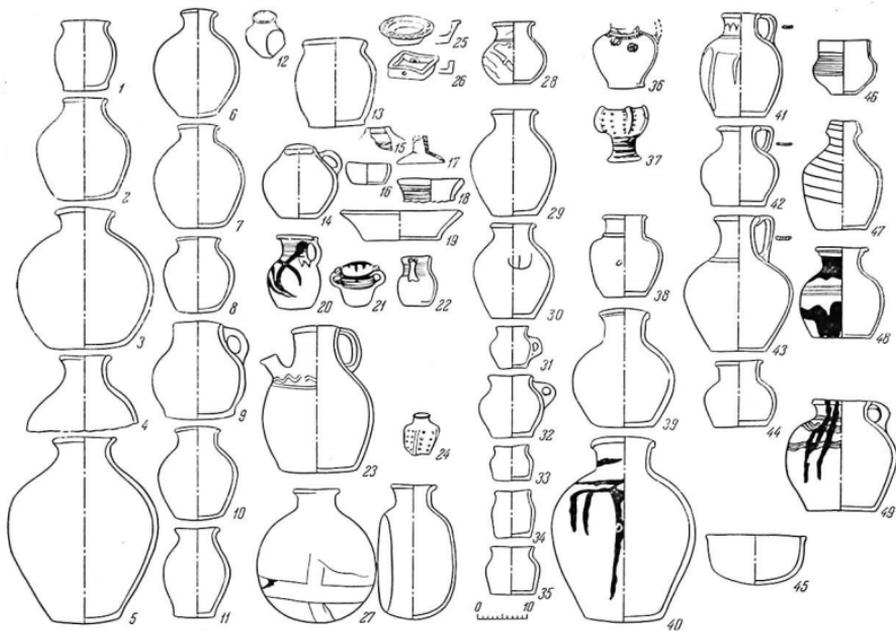

Рис. 58. Керамика из могильника у городища Шаушукум-тобе

чены железные двулезвийные мечи и княжины шпировского типа, железные крупные трехперые черешковые наконечники стрел с опущенными жалдыми и с подрезанными гранями, костяные накладки сложного лука, в том числе и срединные позднего типа²⁹³. Датировке этих вещей III—V вв. н. э. не противоречит и остальной инвентарь — железные пряжки, серьги, бусы и керамика²⁹⁴. Последняя представлена в основном средними и маленькими кувшинообразными и горшковидными сосудами с раздутым туловом и невысоким горлом, чаще без ручек, а иногда и с петлеобразной ручкой, прикрепленной к плечикам и горлу (рис. 58, 1—12, 23). Поверхность большинства сосудов украшена мазками и потеками красно-коричневого ангоба. В кургане № 80 найдена фиалга станковой работы с широким плоским одним боком и уплощенным другим (рис. 58, 27).

²⁹³ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник, стр. 217—223, табл. XVI—XVIII, XX, XXII.

²⁹⁴ Там же, стр. 210—217, 226—233, табл. XII—XV.

В этом же кургане встречена небольшая куврильница кубической формы с прямым широким горлом, выделенными гранями и сквозными отверстиями в стенках (рис. 58, 24). Форма и отделка ее близки найденным в кургане № 4 у сел. Беш-Бай на Ташкентском канале и в одном из курганов на арыке Джун. Кубической формы сосуды найдены и в верхнем слое Каучичи-тепе. Подобные сосуды могут быть датированы с III по V в. н. э.

Некоторые же курганы с катакомбами первого типа относятся, вероятно, к более позднему времени. Таковы, например, курганы № 106, 107, 110. В некоторых из них найдено и оружие в виде очень массивного и широкого меча с выступающим ребром, трехгранных крупных наконечников стрел²⁹⁵. Среди других вещей отметим разнообразные бусы (лазуритовые, коралловые из халцедона, агата, перламутра, стеклянной массы

²⁹⁵ Там же, табл. XVI, 1; XVIII, 2—4.

п т. п.), железные пойки, бронзовые колокольчики, железные кольчатые удила, бронзовые поясные накладки гуно-аварского типа, подвески из мелких косточек²⁹⁶, аналогичные найденным в джетиасарской культуре периода IV—VII вв. Встреченная в кургане № 106 монета Кавада датируется концом V—VI в.

Керамика из этих погребений тождественна сосудам из среднего слоя городища Шаушукум-тобе. Это кувшинообразный сосудик с небольшим округлым туловом, высоким прямым горлом и отогнутым наружу венчиком. К плечу и краю прикреплена ручка с напелом-шишечкой на верхней части. На противоположной от ручки стороне край венчика слегка оттянут и образует слив. Горло украшено сплошными прорезными горизонтальными линиями, имитирующими рифление (рис. 58, 20). На горле и тулове имеется дополнительное украшение в виде неровных наклонных и вертикальных коричнево-красных мазков и потеков. В кургане № 106 найдена кружка с широким плоским дном и таким же широким горлом, почти цилиндрическим корпусом и простым краем. На горле, плавно переходящем в тулово, — прорезные горизонтальные полосы. К краю кружки и к широкой части тулова прикреплены две вертикальные петлеобразные ручки с ложбинкой по наружной стороне и со спиралевидными напелами на верхней части (рис. 58, 21). Кружка снаружи и частично внутри украшена мазками и потеками красновато-коричневатого ангоба. Очень близкой формы кружка, но с более раздутым туловом и одной ручкой встречена в кургане № 107²⁹⁷. Она также украшена прорезными горизонтальными линиями по высокому горлу, а ручка имеет не только желобок на спинке, но и спиралевидный напел с концами, загнутыми в разные стороны (рис. 58, 22). Идентичной формы и орнаментации кувшины и кружки с горизонтальными полосами по горлу и со сливом на венчике характерны для Шаушукум-тобе, его нижнего и верхнего слоев. Подобные шишечки, спиралевидные и S-образные напелы встречены в среднем и верхнем слоях Шаушукум-тобе.

По инвентарю и керамике можно, очевидно, датировать эту группу погребений в катакомбах первого типа IV—VII вв. н. э.

²⁹⁶ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник, табл. XVII, 30; XXI, XXIII.

²⁹⁷ Там же, табл. XIV, 4; табл. XV, 1, 3.

Нельзя не упомянуть отдельно материал из кургана № 109²⁹⁸, где наряду с бронзовыми бляхами и разнообразными бусами найдены крупный кувшин с широким дном, яйцевидным туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в прямое широкое горло с валикообразным венчиком. К венчику и плечикам прикреплены петлеобразная ручка, а на противоположной от нее стороне плечиков находится цилиндрический носик с наменным сливом по краю. Верхнюю часть тулова опоясывает ниже ручки и носика прорезная волнистая полоса. Такие сосуды (рис. 58, 23) характерны для нижнего слоя Шаушукум-тобе, верхнего горизонта Каучичи-тепе и могут быть датированы IV—V вв. н. э. (появляются они, однако, еще в конце III в.).

Под небольшой частью курганных насыпей обнаружены грунтовые могилы²⁹⁹, из которых одни могут быть отнесены к последним векам до н. э., другие — ко второй четверти I тысячелетия н. э.

Так, погребение в кургане № 24, судя по инвентарю (костяной втульчатой трехгранной стреле, аналогичной стрелам, распространенным с IV в. до н. э. по II или I в. до н. э., золотой серьге из свернутой проволоки с подвеской из двух жемчужинок с алмазидном между ними и выгнутый пластинкой на конце, аналогичной серьгам, найденным на Бабичи-Мулле II³⁰⁰ и в погребальном сооружении Чирик 2; обломкам костяной пряжки со штырем и т. п.)³⁰¹ может быть датировано IV—II вв. до н. э. (скорее концом этого периода). Найденный в погребении кувшин³⁰² значительно отличается по форме от характерных каучичских. Изготовленный на круге и покрытый светлым ангобом, он имеет бутылеобразную форму, широкое дно, невысокое тулово, небольшой диаметр которого лишь немного превышает диаметр дна, резко покатые плечики его почти незаметно переходят в высокое, сильно расширяющееся к тулову горло с выгибом в верхней части наружу, что создает видимость венчика. Вся верхняя часть тулова и горла до самого края украшена прорезным линейным узором (рис. 58, 47).

Курган № 2, вероятно, содержал захоро-

²⁹⁸ Там же, стр. 259.

²⁹⁹ Там же, стр. 207—209, рис. 16; стр. 262.

³⁰⁰ С. Л. Толстова. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 168, рис. 94.

³⁰¹ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник, табл. XXXIV, 10—12, 14.

³⁰² Там же, стр. 238, табл. XXXIII, 5.

непне, произведенное частично в другом, разрушенном. В пользу этого свидетельствуют прежде всего два разновременных комплекса вещей, один из которых может быть датирован IV—II вв. до н. э., а другой — III—IV вв. н. э. (кинкал с нервюром, с прямым перекрестьем и серповидным навершием, аналогичный прохоровским кинжалам IV—II вв. до н. э., мелкие железные наконечники стрел, меч раннеишюевского типа и т. п.)³⁰³ Найденный в этом кургане небольшой кувшиновидный сосуд³⁰⁴ с широким плоским дном, с близким сферическому туловом и резко отделенным от него раструбообразным горлом, с ручкой, прикрепленной к краю и плечикам, и потеками темного ангоба по тулову, с прорезными линиями по плечикам и месту соединения горла с плечиками не может быть датирован точно (рис. 58, 48).

Другие погребения этого типа (например, курганы № 27, 28), судя по инвентарю (двулезвийные позднесарматского типа мечи, бляшки, сосуды), могут быть датированы периодом не раньше III (вероятно, конца его), а скорее IV—V вв. н. э. Среди сосудов из таких погребений отметим кувшин с одной ручкой, с прорезным орнаментом на плечиках, с потеками темного ангоба на тулове, а также станковой работы кружку, покрытую желтовато-розоватым ангобом, с подрезанным дном, диаметр которого более чем в два раза меньше диаметра края, округлым туловом и прямым широким горлом с простым краем. Тулово и часть горла украшены прорезным линейным узором. По форме сосуд напоминает один из типов кружек, характерных для дьятысарского комплекса (рис. 58, 46).

В некоторых курганах шаушукумского могильника были обнаружены погребения в подбоях, чаще в западной (реже — в восточной) стене дромоса. Подбой, пол которого расположен на одном уровне с полом входной ямы, заложен камнями или сырцовыми квадратной формы (39×39 см) кирпичами и камышом³⁰⁵. В подбое — по одному захоронению.

Большинство погребений этого типа, судя по находкам станковой работы кувшинов своеобразной формы и орнаментации, может быть датировано серединой и третьей четвертью I тысячелетия н. э. (V—VIII вв.).

³⁰³ Там же, стр. 239, табл. XXXIV, 1—5.

³⁰⁴ Там же, стр. 238, XXXIII, 4.

³⁰⁵ Там же, стр. 206—207, табл. XXVIII, XXXII, стр. 261.

У этих сосудов раздудое тулово, крутые плечики и отделенное от них валиком высокое прямое горло. На плечиках одного из таких кувшинов, из кургана № 16 (рис. 58, 36)³⁰⁶ нанесен штампованный орнамент, характерный для VII—VIII вв. н. э.³⁰⁷ Крупная ручка кувшина поднимается от плечиков к горлу почти под прямым углом. Такой же прямой угол образуют вертикальные пластинчатые ручки и других кувшинов близкой формы с раздудым туловом и высоким прямым горлом, отделенным от крутых плечиков валиком. Ручки прикреплены к венчику. Некоторые кувшины (рис. 58, 41—43) почти полностью сохранили традиционную форму яйцевидного тулова с широким дном и красновато-коричневые потеки на поверхности (курганы № 13, 47)³⁰⁸.

Большинство же сосудов из курганов № 52, 96 имеет характерные для поселений типа Каучи-тепе формы. Это кувшины, кружки. У кувшинов — яйцевидное тулово с широким дном, покатыми плечиками, плавно переходящими в невысокое прямое горло. У кружек — широкое дно и горло, слегка округлое тулово, часто довольно приземистое, плавно переходящее в прямую шейку с простым краем, петлеобразная ручка на верхней части тулова. Орнаментированы сосуды мазками и потеками красновато-коричневатого ангоба (рис. 58, 29—35, 39—40)³⁰⁹.

В кургане № 52 встречена курильница на высокой цилиндрическо-конической ножке (рис. 58, 37), напоминающая курильницы-светильники с открытой чашечкой-резервуаром из нижнего слоя Минг-Урюка, Шаушукум-тобе. Ак-тобе чардаринского и т. п. Но в отличие от них курильница из кургана № 52 имела закрытую чашу с четырьмя наленными вертикальными полосками на тулове и сквозными отверстиями в стенках, что напоминает курильницы кубической формы и курильницы, орнаментированные такими же наленными полосками из кургана № 80 шаушукумского могильника и

³⁰⁶ Там же, стр. 234, табл. XXVIII, 5.

³⁰⁷ В Семиречье штампованный орнамент такого типа изредка появляется в тюркско-согдийский период V—VIII вв., но особенно он характерен для карлукского периода (А. И. Бертиная. Чуйская долина, стр. 120). Такие штампованные розетки были и на керамике из замка Ак-тепе близ Ташкента (А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., стр. 118, рис. 19).

³⁰⁸ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник, стр. 234, табл. XXVIII, 3, 4, 6—7.

³⁰⁹ Там же, стр. 235, табл. XXIX, XXX.

могильника Акджар-тепе. Особенно близки рассматриваемой курильнице подобные сосуды из Кенкольского могильника³¹⁰.

Из сосудов подобной погребений шаушукумского могильника выделяется кувшин из кургана № 10³¹¹. У него — сравнительно неширокое плоское дно и равное ему горло, округлое тулово с почти прямыми плечиками резко отделено от высокого прямого горла валиком. Сосуд покрыт сероватым ангобом и залощен (рис. 58, 38). По виду и форме он напоминает некоторые сосуды джетысарского комплекса, но вместе с тем имеет сходные черты с сосудами из раннего кургана № 9 могильника Жаман-Тогай³¹².

Итак, шаушукумский могильник с его четырьмя различными типами погребений охватывает период с последних веков до н. э. по VIII в. н. э.

Погребения в катакомбах второго типа дали самый ранний по времени материал — с III в. до н. э. по I в. н. э., но керамика этих погребений при некотором чисто слу-

чайном сходстве в орнаментации с каунчинской все же отличается от нее своими пропорциями и формой.

Наибольшее число раскопанных курганов включало погребения с катакомбами, с длинным узким дромосом, перпендикулярным длинной оси катакомбы. Датировка их совпадает с периодом жизни городища Шаушукум-тобе, а керамика тождественна материалам городища.

Погребения в грунтовых ямах дали материал последних веков до н. э. и III—V вв. н. э., причем керамика ранних погребений отлична от типичной каунчинской, а сосуды из поздних, имеют общие черты с каунчинскими, напоминают и джетысарскую.

Подобные погребения, датируемые в основном V (некоторые IV) — VIII вв. н. э., содержали керамику, хотя и несколько отличающуюся по форме от каунчинской, но в большинстве случаев более близкую ей, чем керамика из ямных погребений.

Одновременно существующие различные типы погребений, хотя и с однородным в определенной степени материалом, говорят о смешанности населения этого района в период IV—VIII вв. н. э.³¹³

³¹⁰ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 47, рис. 13, 1, 2, 4.

³¹¹ А. Г. Максимова. Шаушукумский могильник, табл. XXVIII, 8.

³¹² А. Г. Максимова. Могильник Жаман-Тогай. Сб.: А. Г. Максимова, М. С. Мерцич, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 181, табл. 1, 3.

³¹³ Вывод об этнически смешанном характере шаушукумского могильника делает в своей работе автор раскопок (А. Г. Максимова, Шаушукумский могильник, стр. 240).

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Подводя итоги разбора керамического комплекса памятников Анрено-Чирникско-Келесского бассейна, мы в первую очередь должны отметить культурное единство всего этого района, проявляющееся в топографии и типе поселений, характере архитектуры, в погребальном обряде, но главным образом в керамике. И в центре бассейна, и на его крайних северо-западных границах встречаются одни и те же характерные виды и типы сосудов, одинаковые приемы их изготовления, орнаментации и т. п. Необходимо отметить необычайную устойчивость всех характерных форм керамики в течение длительного времени. Почти целое тысячелетие принципиально не меняются ни основные формы, ни пропорции, ни даже орнаментальные приемы керамики. Как показали исследования, эта культура на данной территории

существовала с рубежа или с I в. до н. э. до VII—VIII вв. н. э.

Но, очевидно, в VII—VIII вв. (точно установить границу пока нет возможности) происходит резкое изменение в комплексе керамики. И хотя и в дальнейшем продолжают встречаться здесь очень многие формы сосудов, орнаментальные приемы, типичные для более раннего времени, что говорит о продолжении существования культуры, сам характер керамической посуды меняется. Это позволило нам ограничиться при анализе керамики каунчинской культуры VIII в. н. э. Что касается нижней границы ее существования на данной территории, то полученные при раскопках предметы украшения, быта, оружие не могут в настоящее время быть датированы раньше рубежа или, возможно, I в. до н. э. Значит, и керамика

датируется временем не ранее I в. до н. э. Вероятно, накопление новых материалов и дальнейшая разработка датировок различных комплексов вещей позволят уточнить эту дату, может быть, и в сторону дальнейшего, но, очевидно, не очень существенного заглабления.

Существующий уровень наших знаний не позволяет непосредственно связывать каучинскую культуру с распространенной на этой же территории в более ранний период бургулюкской, но отдельные черты керамики последней отмечаются и на сосудах каучинского комплекса. Однако проблема происхождения каучинской культуры еще весьма далека от разрешения.

Рассмотренную керамику памятников каучинской культуры можно разделить по трем этапам.

Это деление не совпадает с предложенными предыдущими исследователями (Г. В. Григорьевым, Т. Г. Оболдуевой). Различие заключается не столько в названиях («джунский» этап), сколько в хронологии этапов, в отнесении тех или иных комплексов к определенным периодам и в самой археологической характеристике этих этапов.

Первый этап может быть условно назван «Каучи I». К нему относим керамику нижнего горизонта Каучи-тепе («культура Каучи I», по Г. В. Григорьеву), частично материал нижних штыков верхнего горизонта некоторых раскопов (раскопа 2, например) Каучи-тепе, поселения Ак-тобе 2 и курганных могильников у этого поселения, часть катакомбных захоронений у «Никифоровских земель», погребения в 1 км от Каучи-тепе, курганы № 2, 7 к востоку от сел. Беш-Бай, курган № 6 в пункте 13 Ташкентского канала, один из раскопанных М. Е. Массоном курганов в тойтобинской группе, большинство вскрытых М. Э. Воронцом курганов около станции Вревской, курган, исследованный Н. И. Крашенинниковой в 6,5 км от Ташкента, около Троицкого шоссе. Этот этап можно датировать с рубежа или с I в. до н. э. по III, возможно, начало IV в. н. э. Керамика первого этапа изготовлена ленточным способом в подавляющем большинстве случаев ручной лепкой, часто с помощью вращающейся подставки.

Среди сосудов первой группы господствующая форма — горшки. Для основной массы их характерно значительно вытянутое округлое тулово с покатыми плечиками

(гораздо реже встречаются с более раздутым и низким туловом), невысоким, иногда лишь намеченным горлом, несколько отогнутым наружу простым краем, диаметр которого большей частью равен или меньше диаметра дна.

Большинство горшков снабжено двумя вертикальными, круглыми или овальными в сечении петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к краю сосуда (но не выше уровня края). Встречаются горшки и с горизонтальными ручками, чаще петлеобразными, а иногда в виде выступов-ушек — сплошных или с отверстием. Незначительная часть горшков украшена налечными валиками с насечками, огибающими тулово, маленькими волнообразными ягугиками, расположенными у основания ручек. К концу первого этапа появляются отдельные экземпляры горшков с широким призмистым туловом, иногда с налечным орнаментом на корпусе, с вертикальными ручками, украшенными сверху в месте прикрепления к краю вдавленными ямками (рис. 59, 1—15).

Кружки имеют такое же широкое плоское дно, как и горшки, несколько вытянутое округлое тулово, слегка намеченную шейку и отогнутый наружу простой край, диаметр которого равен или немного меньше диаметра дна. К краю кружки на уровне его прикреплен верхний конец вертикальной петлеобразной круглой или овальной в сечении ручки. К концу первого этапа появляются единичные кружки с орнаментированной ямками ручкой на верхней ее части, на месте прикрепления к краю (рис. 59, 16—24).

Сковороды, отличающиеся особенно высоким черепком и наличием примесей крупнодробленной древесины или шамота в тесте, обычной формы — с плоским дном большого диаметра, с низкими прямыми или слегка отогнутыми стенками (рис. 59, 31—34).

Крышки — дисковидной формы с петлеобразной или сплошной полудушной формы ручкой в середине. Некоторые из крышек орнаментированы насечками или наколами сверху по краю (рис. 59, 25—29).

Вероятно, светильникам принадлежали небольшие конические поддоны, иногда украшенные на верхней части валиком с насечками (рис. 59, 30).

Характерны для этого типа длинные подставки для вертела или котлов с изображениями голов баранов на концах. Стенка, схематизации изображения различна — от реалистических с валиком по гребню и спи-

релевидными наленими в виде рогов барана до весьма схематических (рис. 59, 35—40).

Почти для всех видов и типов сосудов второй группы характерна отделка поверхности поверх белагового жидкого ангоба мазками, каплями и потеками более густого красно-коричневого ангоба.

Хумы, хумчи и крупные корчаги имеют вытянутое яйцевидное тулово, резко покатые плечики, плоское дно, диаметр которого равен или несколько меньше диаметра края. У некоторых сосудов есть короткая шейка, но у большинства она лишь намечена или вообще отсутствует. Венчики прямые или слегка отогнутые наружу. Обычно они сравнительно небольшие, подтреугольные, круглые или подпрямоугольные в сечении. Последние иногда закапчиваются плоской площадочкой. Встречены прямые, подтреугольные в сечении венчики с пристрешенными верхним и наружным краями. К концу периода появляются отдельные сосуды с простым, чуть утолщенным краем и плоским бережком (рис. 59, 41—48).

У горшков — также слегка вытянутое тулово, покатые плечики, часто лишь намеченная шейка и несколько отогнутый наружу небольшой круглый или подтреугольный в сечении венчик, иногда снаружи разделенный горизонтальным желобком. Диаметр широко открытого устья равен или несколько меньше диаметра плоского дна. Высота сосуда часто немного превышает или равна наибольшему диаметру тулова. Выделяются горшки типа кринок без ручек, но значительное количество горшков снабжено двумя петлеобразными, овальными или подпрямоугольными в сечении ручками, прикрепленными верхним концом к венчику на уровне края (такие сосуды обычно покрыты красовато-коричневым ангобом и слегка подшошены), реже они прикреплены к плечикам. На некоторых ручках снаружи нанесены ряды неглубоких вмятин, имитирующих завитки шерсти барана (рис. 59, 49—53). Небольшое число горшков имеет на плечиках горизонтальные петлеобразные или сплошные ручки, а иногда и наленишечки (обычно по четыре). У горшков отмечено в одном случае раздутое, близкое к сферическому тулово, разделенное снаружи (как и плечики) горизонтальным рифлением, или же обычное вытянутое тулово, редко с рифленным горлом (рис. 59, 55—57). Все горшкообразные сосуды богато украшены. Помимо нарочитых мазков и потеков (иногда идущих по тулову почти правиль-

ными вертикальными полосами) красно-коричневого, темно-коричневого до черного ангоба, плечики и тулово украшены рядами глубоких наковов, прорезанных по сырой еще глине, волнистых (гораздо реже прямых) горизонтальных линий (рис. 59, 49—64).

Для кувшинов характерно яйцевидное вытянутое тулово, высота которого много больше его ширины, диаметр плоского дна резко превышает диаметр края (в среднем в два или даже в три раза). Покатые плечики очень плавно переходят в четко выраженное, но не высокое горло. Слегка отогнутые наружу маленькие венчики, круглые или подтреугольные в сечении, часто снаружи разделены горизонтальным желобком. У некоторых кувшинов посередине горла — слабо выраженный валик. К концу первого этапа появляются единичные кувшины с горизонтальным рифлением по горлу (рис. 59, 65—78). Абсолютное большинство их снабжено вертикальной петлеобразной подпрямоугольной или овальной в сечении ручкой, прикрепленной верхним концом к горлу или (что бывает гораздо реже) к краю сосуда. Часть кувшинов на противоположной от ручки стороне на плечиках снабжена цилиндрическим носиком-рожком. В самом конце первого периода появляются кувшины с такой же формы цилиндрическим носиком, но со слабо оттянутым краем его — сливом. Такой же слив, но на краю венчика сосуда в это же время отмечен также на незначительном числе экземпляров. Подавляющее большинство кувшинов украшено помимо традиционных мазков и потеков красно-коричневого и черного ангоба рядами наковов, насечек, прорезных волнистых линий, часто спиралеобразно опоясывающих все тулово, начиная от плечиков. У некоторых ручек на верхней части — налени в виде схематического изображения головы барана. Есть ручки, снаружи украшенные вдавленными, имитирующими шерсть животного. На некоторых сосудах от ручек вниз и вбок по тулову спускаются налени расщепленные валики, изображающие рога баранов. На первом этапе найдены единичные сосуды станковой работы, тонкостенные, с рифленным туловом, чуть отогнутым наружу венчиком в виде простого края, ниже которого проходит образованный изгибом стенки горизонтальный валик.

Сосуды типа фляг с шаровидным туловом и широким плоским боком встречены в небольшом количестве (рис. 59, 133—136).

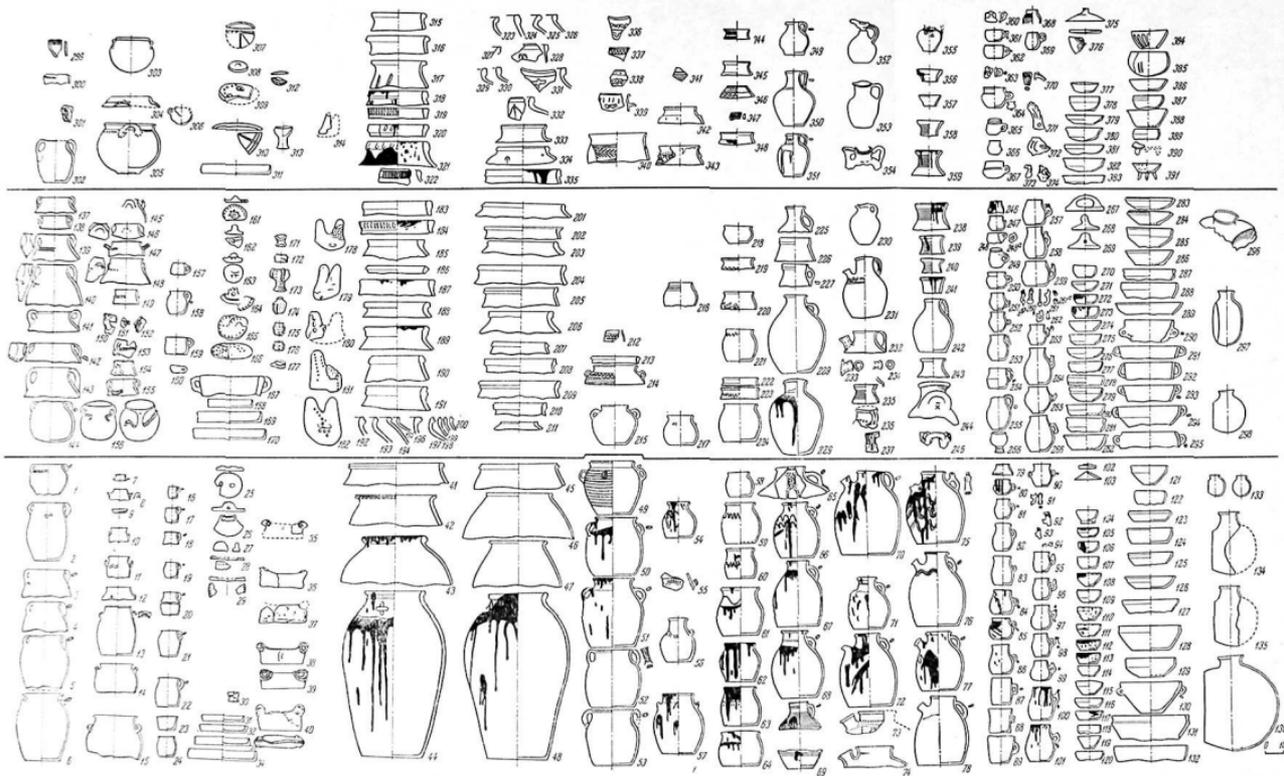

Рис. 59. Керамика каучинской культуры
 1-126 — стан Каучин I; 127-298 — стан Каучин II; 299-392 — стан Каучин III

Для кружек первого этапа Каучи I отмечено несколько типов. Абсолютное большинство их — с округлым раздутым туловом; покатые плечики плавно переходят в прямое или слегка расширяющееся к низу высокое горло с простым, чуть утончающимся краем. Диаметр края равен или чуть меньше диаметра дна. К верхней части тулова прикреплена петлеобразная или кольцевидная (изредка таких ручек две) овальная или подпрямоугольная в сечении ручка, часто с зооморфным выступом. Стенки схематизации их различны. Наряду с реалистическим изображением головы барана с закрученными рогами есть ручки с простым, лишь слегка сжатым выступом. Отмечено и несколько вариантов основной формы: более укороченное горло, раздутое тулово (рис. 59, 79—86, 90—101). Для кружек, как и для других видов сосудов, характерна отделка поверхности поверх жидкого беловатого и беловато-розоватого ангоба как бы нарочито небрежно нанесенными каплями и потеками красно-коричневого, местами переходящего в темно-коричневый и черный ангоба. В некоторых случаях эти мазки строго вертикальны. Нижняя часть большинства кружек затерта лопаточкой или ножом. Вероятно, следы этой затирки частично служили украшением. На единичных экземплярах отмечен орнамент в виде горизонтального ряда наколов или прочерченных по сырой еще глине волнистых линий. К концу этапа появляются отдельные кружки, покрытые красновато-коричневым ангобом и поддошенные. К этому же периоду относятся кружки почти цилиндрической формы с подквадратной формы ручкой. Поверхность их покрыта красноватым ангобом и слегка поддошена (рис. 59, 87—89).

Миски или тазы — все широко открытые со сравнительно небольшим дном и прямым простым, иногда лишь слегка приоткрытым краем или уплощенным бережком, несколько отогнутым наружу. По форме корпуса выделяются два типа: с резким перегибом верхней части стенок (рис. 59, 121, 123—131) — их большинство — и с плавно округлыми стенками близкого к полусферического формы тулова (рис. 59, 122, 132).

Встречены миски первого типа с прикрепленными на верхней части корпуса ниже края двумя вертикальными петлеобразными овальными в сечении ручками (рис. 59, 130). Основная масса мисок покрыта снаружи поверх жидкого беловатого ангоба и *внутри сплошь — красно-коричне-*

вого цвета мазками и потеками. Изредка встречались подобные сосуды с красноватым двусторонним ангобом.

Теми же двумя основными формами представлены и многочисленные чаши: с резким перегибом стенок и ребром, приходящимся на верхнюю половину или треть тулова, и с округлыми стенками полусферического тулова. В обоих случаях край простой, иногда слегка приоткрытый. Есть формы, как бы переходные между двумя основными. Абсолютное большинство чаш покрыто снаружи жидким белым или беловато-розоватым ангобом, поверх которого нанесены небрежные темно-красного цвета мазки, потеки и капли. Небольшое количество чаш, обычно покрытых розоватым ангобом, слегка поддошены с обеих сторон. Выделяются единичные экземпляры широко открытых полусферической формы чаш с очень тонкими стенками, с двусторонним сплошным лощением по серому или темно-серому ангобу (рис. 59, 104—120).

Немногочисленные крышки этого этапа имеют коническую или усеченно-коническую форму и типичную и для других видов сосудов данного периода отделку поверхности (рис. 59, 102—103).

Второй этап может быть условно назван «Каучи II». К нему относим керамику основной массы слоев верхнего горизонта Каучи-тепе, нижнего слоя городища Шаушукум-тобе, нижнего слоя городища Минг-Урюк, Чаш-тепе, Алимбай-тепе, нижнего горизонта Ак-тобе чардаринского, нижних слоев городища Имлак-Тункет, Туккет, Ташбулак на Ангрене, катакомбных захоронений могильника у г. Пекент, частично «Никифоровских земель», могильника на арыке Джун³¹⁴, неко-

³¹⁴ Возможно, часть курганов могильника относится к концу предыдущего этапа. Б. А. Литвинский в статье «Джунский могильник и некоторые аспекты кангойской проблемы» (СА. 1967. № 2, стр. 29—37) передатирует могильник II—III вв. н. э. на основании находок в кургане № 7 фибулы и зеркала с боковой ручкой и выпуклостью в центре. Однако, как нам кажется, этого недостаточно для передатировки всего могильника. Сейчас известно уже значительное количество подобных могильников с определенным инвентарем, типичным набором сосудов, с определенными элементами, характерными для второго этапа, с появлением оружия в погребальном инвентаре.

Такие предметы, как зеркало и фибулы, которые отмечает Б. А. Литвинский, живут долго и встречаются в могильниках позднешипонского времени. Для двулезвийного меча (из кургана

торые курганы из могильника у сел. Бен-Бай и Орехового, ангренские каменные сдлены, часть курганов из могильника у станции Вревской (№ 1 и 4 из раскопок М. Э. Воронца, некоторые курганы, раскопанные Т. Агзамходжаевым), катаргальское погребение к северо-западу от городища Гугаит-тене, часть курганов шаушукумского могильника (курганы, содержащие катакомбу с узким дросомом, перпендикулярным длиной оси катакомбы, — № 5, 6, 12, 50, 56, 60, 62, 72, 80, 81, 109; курганы с грунтовыми погребениями — № 27, 28; курганы с захоронениями в подбоях — № 52, 96 и др.).

Датировать этап Гаучи II можно IV (с конца III) по V в. н. э.

Для керамики его характерно значительно больше по сравнению с предыдущим этапом число станковой посуды, но и в этот период составляющей гораздо менее половины сосудов всего комплекса.

В керамике первой группы основную массу составляют горшки, форма и отделка которых чрезвычайно близки предыдущему этапу. Но наряду с продолжающими бытовать горшками с покатыми плечиками, вытянутым туловом с широким плоским дном полностью господствуют сосуды с таким же широким устьем, слегка отогнутым наружу простым краем, короткой шейкой, переходящей в крутые плечики и сильно раздутое тулово, с небольшим уплощенным или скругленным дном.

Основная масса горшков снабжена двумя петлеобразными вертикальными ручками (рис. 59, 137—144, 150—156). Верхний конец их прикреплен к краю сосуда, иногда слегка приподнимаясь над ним. В месте прикрепления верхнего конца ручек к краю сосуда часто находится украшение в виде ямочного вдавления. Ручки, овальные или подпрямоугольные в сечении, обычно сжаты с боков, отчего на спинке образуется продольная ложбинка. Такая же — и в горизонтальных петлеобразных ручках, помещенных на плечиках горшков аналогичной формы (рис. 59, 145—148). Большинство горшков орнаментировано по тулову между нижними концами ручек налепными рассеченными за-

щипами или насечками валиком, обычно опоясывающим тулово с одной стороны и опускающимся вбок и вниз от ручек по тулову с другой. Часто подобный рассеченный валик идет по тулову волнистой полосой, иногда же под ручкой или от ручки отходит короткие изогнутые полосы, гладкие или рассеченные, имитирующие бараныя рога, порой в виде S-видного налета или изогнутого в разные стороны. Часто ручки сплошь орнаментированы насечками или ямочными вдавлениями. Иногда этот орнамент есть и на тулове сосуда (рис. 59, 139, 140, 142, 146—156).

Кружки имели такие же вертикальные петлеобразные ручки, прикрепленные к краю сосуда, как и на первом этапе. Но в отличие от последних ручки эти — с продольной глубокой бороздкой на спинке, а верхний конец их украшен ямочными вдавлениями. Тулово отличается большей шириной и приземистостью. Оно часто орнаментировалось налепным горизонтальным линейным или волнистым рассеченным валиком. Вероятно, к концу периода появляются кружки с небольшим плоским налетом на верхней части ручек (рис. 59, 157—160).

Сковороды по форме и качеству аналогичны сковородам первого этапа (рис. 59, 168—170). Обнаружены того же качества, что и сковороды, широко открытые, толсто-стенные сосуды типа двуручных мисок со слегка округлыми стенками, простым краем с уплощенным бережком и двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к краю. Такая форма близка мискам второй группы керамики этого же этапа (рис. 59, 167).

Крышки первой группы керамики в основном плоские с петлеобразными ручками в центре или у края, а чаще с выступами-упорами в центре. Они различной формы: цилиндрические, полудунные, гребенчатые и т. д. Как и петлеобразные, сплошные ручки-выступы богато орнаментированы насечками, вдавлениями, нарезками и т. п. Разнообразно украшена и верхняя поверхность крышек: концентрическими или радиальными рядами вдавлений, насечек и т. п. (рис. 59, 161—166).

Светильники или курильницы представляют собой низкие плоские с замятыми краями с ручкой, полусферической формы чашечки-резервуары (порой также с замятыми краями) на цилиндрическо-конической ножке, которая может быть украшена налепами и различными прорезами. Иногда встречают-

№ 7) характерен прямой угол в месте скрепления черепка с клинком, отмечаемый для более поздних мечей этого типа (по крайней мере IV в. н. э.).

В керамике Джунеского могильника есть элементы, характерные для ламантиков типа нижнего слоя Шаушукум-тобе, нижнего слоя Минг-Урюка.

ся кубической формы курильницы, также с напелами и прорезями. Некоторые из них по качеству теста могут быть отнесены ко второй группе (рис. 59, 171—177).

Для этого этапа характерны подставки под котлы и вертела в виде грубых изображений голов быка с двумя выступами-рогами. Подставки украшены рядами ямочных вдавлений (рис. 59, 178—182).

Сосуды второй группы по форме и отделке типологически связаны с керамикой предыдущего периода. Большинство хумов, хумчей изготовлено ленточным способом ручной лепкой. Поверх жидкого беловатого с различными оттенками ангоба они покрыты мазками и потеками темного, красно-коричневого и черного. По форме они также напоминают сосуды первого этапа с широким устьем, покатыми плечиками, вытянутым яйцевидным туловом и широким плоским дном. Короткая, иногда лишь намеченная шейка переходит в прямой или слегка отогнутый подтреугольный или подпрямоугольный в сечении с широким плоским бережком венчик. Встречаются отсутствовавшие ранее клювовидные венчики с плоским бережком. Широкий плоский бережок характерен и для сосудов с простым, слегка утолщенным краем. На втором этапе на массивных подпрямоугольных в сечении венчиках или на простых утолщенных краях хумов снаружи появляется орнамент в виде ряда удлиненных пальцевых вдавлений (рис. 59, 183—211), который становится обычным на сосудах III этапа.

Основная часть горшков второго этапа имеет те же форму и отделку поверхности, что и горшки первого. Для них характерна та же баночная форма с широким устьем, слегка отогнутым наружу простым краем, округлым или подтреугольным в сечении венчиком с горизонтальным желобком снаружи. Но у большинства горшков на этом этапе — крутые плечики и сильно раздутое тулово. Встречаются и горшки с относительно высоким прямым горлом и таким же раздутым туловом. На некоторых подобных сосудах появился валик или врезная линия под венчиком. Такой же формы горшки снабжены двумя петлеобразными вертикальными или горизонтальными ручками на плечиках. Ручки часто имеют глубокий продольный желобок на спинке. Найдены и горшки с ручками-ушками. Многие горшки украшены рядами по плечикам и тулову кроме мазков и потеков темного ангоба горизонтальным рядом прорезных волнистых линий и насечек

(рис. 59, 212—224). Для горшков на данном этапе также характерно широкое распространение прорезных или прочерченных горизонтальных линий по горлу и верхней части тулова, иногда довольно глубоких и явно подражающих горизонтальному рифлению. На памятниках северо-западной окраины Ангрен-Чирчикско-Келесского бассейна, расположенных вблизи Сырдарьи, в горизонтах, соответствующих верхнему слою Каунчи-тепе, появляются горшки с густым коричнево-красным, темно-коричневым или черным ангобом и иногда подлощенными. Изредка на верхней части этих горшков, форма которых не отличается от описанной выше, по сырой еще глине нанесен прорезной геометрический орнамент.

Многочисленные кувшины второго этапа по форме и отделке поверхности чрезвычайно близки кувшинам первого этапа (рис. 59, 225—244). Большинство сосудов также покрыто светлым ангобом, поверх которого нанесены темно-коричневые и черные мазки и потеки. На памятниках Чирчикского бассейна (таких, как Миш-Урюк, Чаш-тепе) встречено значительное количество тонкостенных кувшинов станковой работы с прямыми тонкими венчиком, с валиком в нижней части, образованным изгибом стенки (рис. 59, 225—227). Для памятников северо-западной части указанного района особенно характерны крупные удлиненные венчики, отделенные от горловины резко выступающим валиком и уступом (рис. 59, 235, 238). На этом этапе часть кувшинов украшена по плечикам и тулову прорезными волнистыми линиями или рядами насечек; абсолютное же большинство украшено прорезными или прочерченными по горлу горизонтальными линиями, иногда спускающимися на плечиках. Характер этих линий различен: от неровных и неглубоко прочерченных концом палочки полосу до нанесенных штампом глубоких и ровных линий, явно имитирующих рифление (рис. 59, 235; 237—240). Многие кувшины снабжены вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной к краю или к горлу. Ручки, овальные в сечении, обычно имеют характерный продольный желобок на спинке. Такой же желобок — у горизонтальных ручек, прикрепленных на плечиках некоторых кувшинов. Часть ручек украшена насечками, пальцевыми вдавлениями (рис. 59, 236—237). И на этом этапе некоторые кувшины на противоположной от ручки стороне имели цилиндрический носик, но в отличие от предыдущего этапа носик больше припод-

нат к венчику сосуда и часть края его смята и несколько откинута, образуя небольшой слив (рис. 59, 231—234). Такие сливы, образованные простым отжатием части края пальцами, отмечены и на венчиках многих кувшинов данного периода (рис. 59, 230, 235).

Для мисок и чаш второго этапа по-прежнему характерны два основных типа: открытые полусферической формы с чуть утонченным краем, иногда выделенным снаружи полосой или уступом, обычно покрытые густым красным ангобом и слегка подлощенные, и открытые с таким же краем, с прямыми или слегка округлыми стенками, с резким перегибом тулова при переходе к уплощенному или округлому дну. Покрыты эти сосуды густым коричневым или черным (миски с округлыми стенками ярко-красным) ангобом и иногда подлощены (рис. 59, 283—295).

Встречены и крупные миски указанных типов. Они с двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к краю или на верхней части тулова. У ручек — характерный для этого этапа продольный желобок по спинке. Другие же ручки имели налест-шпильку на верхней части (рис. 59, 290—295). Надо отметить миски с более мягким перегибом стенок и с загнутым внутрь сосуда подтреугольным в сечении венчиком (рис. 59, 283—284).

Чаши встречаются тех же двух основных типов: полусферической формы с округлыми, плавно идущими к плоскому дну стенками и с прямыми стенками, чуть отогнутым наружу краем и резким перегибом стенок нижней части тулова. Некоторые чаши покрыты жидким беловатым ангобом, поверх которого идут красно-коричневые и темно-коричневые мазки и потеки (рис. 59, 270—282).

Единичны сосуды типа фляг с широким плоским боком, яйцевидным туловом, прямой шейкой и небольшим оттянутым сливом по краю венчика. Эти сосуды покрыты беловатым ангобом (рис. 59, 296—298).

Кружки второго этапа также типологически связаны с формами предыдущего. Для них характерны широкое дно, несколько раздутое тулово, плавно переходящее в высокое прямое горло, и простой, чуть утонченный край. Петлеобразная, а чаще кольцевидная ручка прикреплена к верхней части тулова. Встречены кружки и с более раздутым туловом сферической формы и низкой прямой шейкой, с кольцевидной ручкой, помещенной на тулове под краем сосуда. Значительное

число ручек снабжено выступом в верхней части в виде схематического изображения животного. Иногда на верхней части ручек есть налет в виде закрученных в разные стороны витков, имитирующих рога барана. Некоторые из кружек покрыты светлым ангобом, поверх которого нанесены темно-коричневые и черные мазки и потеки. Немало встречено подобной формы кружек с красноватым ангобом и лощением снаружи (рис. 59, 246—266).

На памятниках типа нижнего слоя Шаушукум-тобе найдены кружки с малейшим дном, низким раздутым туловом, прямым горлом и кольцевидной ручкой на тулове. Горло и место перехода к тулову украшены прорезанными горизонтальными линиями. Такие кружки покрыты густым красным, красно-коричневым или черным ангобом и легким лощением (рис. 59, 249).

Вероятно, к концу второго этапа появляются кружки также с густым красноватым ангобом и лощением, с петлеобразными ручками в виде жгута, скрученного из круглых колбасок. Верхний концы ручек крепились к краю сосуда (рис. 59, 254—255).

К третьему этапу, Кауначи III, относится керамика некоторых слоев верхнего горизонта Кауначи-тене³¹⁵, Шурали-сай, верхнего слоя Шаушукум-тобе, второго горизонта Ак-тобе чардаринского, второго горизонта Минг-Урюка, второго горизонта городищ Тункет, Туккет, Тамбулак, Кадовад-тене, Пскемского, нижнего горизонта Ак-тене близ Ташкента, керамика из некоторых могильников: погребений в наземных склепах Пскентского могильника, наусов Тюябузуского могильника, части курганов Шаушукумского могильника. Датировать этот этап, вероятно, можно VI — началом VIII в. н. э.

В керамике третьего периода, типологически непосредственно связанной с предыдущей, преобладают сосуды станковой работы. В первой группе керамики ведущей формой остаются горшки: с широким устьем, простым краем или округлым в сечении венчиком, короткой шейкой, покатыми плечиками и

³¹⁵ Вероятно, само городище Кауначи-тене прекращает существование в начале третьего этапа, так как в материале его при небольшом количестве сосудов, тождественных некоторым формам из верхнего слоя Шаушукум-тобе, полностью отсутствуют сосуды, характерные для VII—VIII вв. (например, кувшины, бытующие на последних типах второго слоя Минг-Урюка, нижнего слоя Ак-тене близ Ташкента).

несколько удлиненным округлым туловом с плоским дном, с двумя вертикальными петлеобразными ручками (часто с заглаженной продольной ложбинкой), прикрепленными к краю сосуда, с наленными расщепленными волнистыми валиками в месте перехода к горловине. Наряду с ними встречаются в несравненно большем количестве горшки с раздутым, уплощенно-полусферической формы туловом — типа котлов. Для них характерны низкое широкое горло и выделенный венчик в виде гладкого или слегка выпуклого пояса. Дно гораздо меньше устья. На плечиках прикреплены поднятые к устью горизонтальные круглые в сечении дуговидные ручки. Чаще встречаются котлы с ложными горизонтальными ручками в виде наленной дугобразной полоски, иногда украшенной пальцевыми вдавлениями сверху. Ямочный орнамент по верхней части тулова и вокруг основания ручек отмечен и на других подобных сосудах. Встречаются сосуды, у которых ложные ручки-налены имеют форму маленьких треугольников (рис. 59, 229—305).

Кружки первой группы на этом этапе представлены единичными экземплярами. Они шаровидной формы с простым обращенным внутрь краем, с вертикальной кольцевидной ручкой, прикрепленной на верхней части корпуса ниже его края (рис. 59, 306).

Сковороды или «жаровни» сделаны из такого же по качеству теста и имеют те же формы, что и на предыдущих этапах (рис. 59, 311).

Крышки делятся на два типа: плоские дисковидные, орнаментированные вмятинами сверху, с петлеобразными, а чаще со сплошными ручками в центре; и конические с резным орнаментом по краю, характерные лишь для этого этапа (рис. 59, 307—310, 312).

Продолжает жить и форма курльниц-светильников на высокой конической ножке. Вместе с тем в начале третьего или в конце предыдущего этапа появились светильники-курльницы с такой же чашечкой-резервуаром, но на трех коротких цилиндрических ножках. Некоторые из этих сосудов по выделке и качеству теста могут быть отнесены ко второй группе керамики (рис. 59, 313).

Как и в предыдущем, на этом этапе (вероятно, в VI в. н. э.) продолжают бытовать подставки в виде головы быка с двумя рогами, орнаментированные пальцевыми вдавлениями. Наряду с ними появились и цилиндрической и прямоугольной формы подставки (рис. 59, 314).

И на третьем этапе продолжают бытовать в принципе той же формы хумы и хумчи, покрытые жидким беловато-желтым ангобом, поверх которого нанесены небрежные мазки, капли и потеки более густого темно-коричневого и черного. У большинства сосудов — покатые плечики и короткая шейка, но встречаются сосуды с крутыми плечиками и выделенной шейкой. У хумов и хумчей — прямой или чуть отогнутый наружу довольно крупный венчик, изредка подтреугольный, иногда клювовидный в сечении, но особенно характерны для сосудов данного этапа простой утолщенный край с широким плоским бережком и с аналогичным же бережком, но с подпрямоугольным в сечении венчиком. Последние обычно снаружи украшены рядом удлиненных пальцевых вдавлений. Иногда по внешней стороне подпрямоугольных в сечении венчиков проходит горизонтальный желобок (рис. 59, 315—335).

Горшки типологически также связаны с горшками предыдущего этапа (рис. 59, 336—348). Продолжают бытовать широкогорлые сосуды с широким дном, покатыми плечиками, плавно переходящими в невысокое горло. Они имели слегка отогнутый круглый или подтреугольный в сечении венчик с горизонтальным желобком снаружи и были покрыты светлым ангобом и потеками темно-коричневого и черного. Иногда по горлу горшки украшались рядом насечек или наколов, прорезных волнистых линий. Некоторые снабжены вертикальными петлеобразными ручками, орнаментированными по наружной стороне пальцевыми вдавлениями. Большинство горшков отличается раздутым туловом. Многие из них, снабженные двумя дугобразными горизонтальными ручками, покрыты густым красным, красновато-коричневым, а иногда и черным ангобом и лощением. Большое количество горшков орнаментировано по тулову полосой врезного орнамента в виде елочек, косой сетки, незамкнутых треугольников, спиральных полос, волнистых линий, наколов (рис. 59, 336—344, 346). Часто подобные сосуды с красным или красно-коричневым ангобом и лощением украшены по плечикам и тулову поясом узора, образованного неглубокими и широкими штампованными вдавлениями в виде елочек, сплюснутых или сочетающихся с поясом незамкнутых треугольников, фестонов. Отмечены сосуды со сферическим туловом, наклоненными внутрь стенками и небольшим устьем (рис. 59, 344—348).

Кувшины третьего этапа (рис. 59, 349—359) могут быть разделены на несколько типов, непосредственно связанных с типами предыдущего. Продолжают встречаться широкогорлые кувшины с вытянутым яйцевидным туловом, широким дном, диаметр которого много больше диаметра устья. Покатые плечики плавно переходят в сравнительно высокое горло со слегка отогнутым наружу венчиком. Кувшины снабжены сильно оттянутым и сплюснутым сливом по краю венчика, а на противоположной от слива стороне к тулову и горлу непосредственно под венчиком прикреплена изогнутая почти под прямым углом ручка. Часть кувшинов покрыта беловатым ангобом и потеками темно-коричневого и черного поверх него (рис. 59, 349—351, 353). У других сосудов на противоположной от ручки стороне — цилиндрический раструбообразный носик. Сильно сдавленный с боков край носика-слива поднят к венчику и касается его (рис. 59, 354). Продолжают бытовать кувшины с венчиком, отделенным от шейки валиком и уступом, с прорезанными или же образованными непосредственно при формовке ровными горизонтальными каннелюрами на горле. Другие кувшины украшены прорезным волнистым орнаментом и накалами (рис. 59, 349—351, 355—359). Вертикальные и горизонтальные ручки часто тщательно заглажены снаружи. На третьем этапе отмечаем узкогорлые кувшины с резко выдающимся сливом по краю венчика. На противоположной от слива стороне под венчиком и к корпусу прикреплена ручка, идущая петлей почти под прямым углом. Слегка раздутое, довольно высокое тулово, резко покатые плечики плавно переходят в сильно суживающееся горло и раструбообразный венчик. Горло иногда украшено горизонтальным валиком, а на ручке помещен налел-шипечка (рис. 59, 352).

И на третьем этапе продолжают существовать два основных типа мисок. Преобладают миски с прямыми или слегка округлыми стенками, с простым, чуть приостренным краем и с резким перегибом тулова при переходе ко дну. В месте перехода образуется как бы небольшая папиль нижней части на верхнюю. Эти сосуды покрыты густым темно-коричневым и черным (миски с прямыми стенками) или красным ангобом (миски с округлыми стенками) и лощением (рис. 59, 379—383). Часть мисок имеет полусферическую форму, густой черный ангоб и орнаментирована по тулову вдавленными по еще сырой глине вертикальными широкими полоса-

ми, явно имитирующими поверхность металлических сосудов (рис. 59, 384, 385).

Среди чаш, относящихся по форме к тем же двум типам, что и чаши предыдущих этапов, преобладают сосуды с двусторонним красным, красно-коричневым ангобом и сплошным лощением (рис. 59, 377—378).

Типичны для третьего этапа конические крышки с выступами-упорами или петлеобразными ручками в центре. Немало крышек, украшенных прочерченным или резным узором (рис. 59, 375—376).

Кружки типологически также связаны с предыдущим периодом. Очевидно, к началу третьего этапа относятся кружки с округлым туловом, плавно переходящим в высокое прямое горло, с простым, чуть отогнутым наружу краем. К краю и плечикам прикреплена круглая в сечении ручка с опущенным верхом, на котором бывает помещен налел, иногда в виде завитков (рис. 59, 360—374). Характерны для третьего этапа кружки с приземистым раздутым туловом, плавно переходящим в высокое горло, и слегка отогнутый простой край. У некоторых кружек — той же формы тулово, но короткая, иногда лишь слегка выраженная шейка. Кольцевидная ручка прикреплена к верхней части тулова. На верхней части кольцевидной ручки у таких кружек встречается уплощенная площадка (рис. 59, 361—365). Вероятно, к началу этапа можно отнести и сосуды с ручками, имитирующими вытесы. Некоторые сосуды — обычной для кружек этого этапа формы с раздутым приземистым туловом и отделенным от него уступом прямым горлом — орнаментированы по тулову идущими с небольшим наклоном почти вертикальными полосами, имитирующими, вероятно, рифление металлических сосудов (рис. 59, 368). Большинство кружек покрыто густым красным и красно-коричневым ангобом и подлощено.

Таким образом, на первом этапе кауучинской культуры в Ташкентском оазисе отмечаем поселения и городища типа Ак-тобе 2, нижних слоев Каучин-тепе, обычно расположенных на высоких мысах в непосредственной близости к реке или к какому-либо другому водному источнику. Поселения эти со стороны стены окружены валом-стеной, за которой на близком расстоянии находится одна или несколько групп курганов. Под насыпью — овальная катакомба и перпендикулярный ее оси длинный узкий дромос. В катакомбе помещено обычно несколько погребенных, часто разновременных. Покойных

сопровождают различные предметы украшения и быта, в числе которых бусы, кольца, перстни, косметический набор — каменная палочка и кусочек графита, железные ножи, бронзовые зеркала и т. п. Несмотря на значительное количество раскопанных курганов этого периода, нигде не отмечено оружия, но обязательной принадлежностью погребально-го инвентаря являются глиняные сосуды. Чаще всего это небольшие кувшины, горшки, миски или чаши, реже — фляги. Все сосуды тождественны керамике близко расположенных поселений того же времени.

Керамика памятников Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна чрезвычайно однообразна. Лишь в деталях слабо улавливаются различия. Так, в центральной и южной частях оазиса встречено большее количество характерных для данного, первого, этапа кружек с зооморфными ручками, с более реалистическим изображением, чем в северных и в северо-западных районах бассейна.

Для второго этапа каучинской культуры известно значительно больше памятников (как поселений, так и могильников), чем для первого. Причем многие из них расположены в районах среднего и верхнего течения Ангрена, Чирчика, Келесса и т. п. и в южных областях бассейна. Так, в районе среднего течения р. Ангрэн открыто несколько городищ, в том числе и столица средневекового владения Илак-Тункет³¹⁶. Как показали последние исследования³¹⁷, городище Имлак (Тункет), расположенное на левом берегу р. Ангрэн, у подножья Карамазарских гор, в 15 км к северо-востоку от Алмалыка, возникло около середины I тысячелетия н. э. В нижнем слое городища встречены широко открытые двуручные горшки с плоским дном, с вытянутым и шаровидным туловом, с горизонтальными или же идущим от края вертикальными ручками. Последние, круглые или овальные в сечении, часто имеют продольный желобок на спинке и ямку у верхнего конца³¹⁸. Найдены кружки с кольцевидными ручками на плечиках или от края сосуда, плоские крышки, открытые миски с перегибом стенок, курлыницы на высокой конической,

расширяющейся вниз полой внутри ножке³¹⁹, кувшины с яйцевидным туловом, широким дном, вертикальной ручкой с продольным желобком и цилиндрическим носиком³²⁰ с раструбообразным смятым краем — все эти формы характерны для второго этапа каучинской культуры. Для второго этапа отмечаем и распространение красного лощения на небольших сосудах, и большее количество станковой керамики. Ю. Ф. Буряков датировал данный комплекс IV—V вв. н. э.³²¹ Такие же комплексы открыты на городищах Туккет (на юго-западной окраине с. Куль-Ата, севернее г. Алмалык), Ташбулак (на среднем течении Чон-атасаа) и др.

Поселения и городища второго этапа каучинской культуры Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна также располагаются на мысах и имеют такую же планировку, как и поселения первого этапа, они также окружены курганными группами. Но наряду с катакомбами с длинным узким дромосом, перпендикулярным длиной оси катакомбы, под насыпью встречаем и иные формы могильных сооружений — подбойные и грунтовые погребения, катакомбы иного типа, подземные склепы. Продолжают встречаться коллективные и парные захоронения, но часты и одиночные. В погребальном инвентаре помимо керамики, предметов украшения и т. п. часто встречается оружие, что характерно для второго этапа. Захоронения с оружием имеются и в типичных катакомбах с узким длинным дромосом, и в подбойных и грунтовых погребениях, и в подземных склепах.

В керамике, типологически продолжающей керамику предыдущего этапа, появляются некоторые новые черты и элементы. Например, найдены сосуды с призматическим туловом, хотя продолжают бытовать характерные вытянутые формы. Необходимо отметить новые элементы орнаментации, наличие большого числа сосудов станковой работы; курлыницы-светильники с налетными полосами и прорезями на стенках. На этом этапе появляются подставки под котлы в виде голов быка с двумя выступами-рогами.

На многих сосудах можно проследить черты и приемы, типичные для джетысарской керамики. Появляются такие элементы, как нарочито горизонтальное рифление на горле кувшинов, «джетысарское» лощение, отжатый и оттянутый пальцами слив на краю со-

³¹⁶ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 70—72.

³¹⁷ Ю. Ф. Буряков. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (к истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 6—7; *он же*. Археологические материалы по истории Тункета и Абрляка. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 78—123.

³¹⁸ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета..., стр. 96—99, рис. 5, б, 1—3.

³¹⁹ Там же, стр. 100—101.

³²⁰ Там же, стр. 101.

³²¹ Там же, стр. 102.

суда или на краю цилиндрического носика, типичного для каунчинской культуры. Кроме характерных джетыасарских элементов на сосудах каунчинского типа отмечали (правда, значительно реже) и джетыасарские формы: резко отличные от каунчинских кружки, кувшины с прямым высоким горлом, четко отделенным от крутых плечиков раздутого тулова, со своеобразным отогнутым раструбом венчиком. Но, как уже указывалось, вся керамика второго этапа была типичной каунчинской и имела все основные формы и приемы, характерные еще для первого периода, отличаясь лишь в деталях формы и элементах орнамента.

На втором этапе развития каунчинской культуры можно выделить большое число ее локальных вариантов. Так, например, на памятниках, расположенных на самой Сырдарье или в непосредственной близости от нее, находим большее количество джетыасарских элементов в керамике и разнообразие в погребальных обрядах, чем на памятниках центральной и юго-восточной части бассейна. Разнобой в погребальных сооружениях, появление оружия в погребальном инвентаре свидетельствуют об этническом смещении, о притоке нового населения. Судя по керамике, можно говорить о четкой джетыасарской волне. Но, вероятно, наряду с джетыасарцами сюда проникло и население более восточных районов, так как такое различие в погребальных сооружениях вряд ли можно объяснить притоком лишь одних джетыасарцев.

Датировать второй этап можно IV (возможно, концом III) — V вв. н. э.

Третий этап каунчинской культуры характеризуется дальнейшим ее развитием, хотя количество известных поселений сравнительно невелико. Несколько изменяется топография памятников и совершенствуется архитектура. Несравненно увеличивается количество посуды, изготовленной на гончарном круге. В принципе почти все сосуды сохраняют характерные каунчинские формы и пропорции, но отдельные их детали, элементы украшения и т. п. меняются. Так, типичные широкогорлые кувшины с цилиндрическим носиком на плечике на втором этапе каунчинской культуры приобретает такую деталь, как небольшой смятый слив на краю цилиндрического носика. На третьем этапе

при той же форме горла и тулова, тех же пропорциях и орнаментации сосуда, цилиндрический носик, поднятый почти вертикально вверх, имеет уже настолько сильно сжатый и оттянутый край, что часто касается им края кувшина, а вертикальная ручка изогнута почти под прямым углом. Вероятно, дальнейшее исследование позволит расчленить этот этап на два периода. Пока лишь можем отметить, что в начальный период третьего этапа, вероятно, могущего быть датированным VI в., полностью продолжают сохраняться традиции предыдущего этапа: формы и почти все детали сосудов, грубые подставки в виде голов быков с двумя выступами-рогами и т. п. В VII в. появляется значительное количество сосудов, формой и орнаментацией подражающие металлическим образцам, что характерно и для других районов Средней Азии. В Ташкентском оазисе подобная керамика преобладает на памятниках внутренних районов оазиса, в то время как на Сырдарье продолжает господствовать керамика с характерными джетыасарскими элементами.

Среди погребальных памятников продолжают встречаться катакомбы с узким длинным дромосом, перпендикулярным длинной оси катакомбы, подобные и грунтовыми погребения, курганы с трупосожжением на створе или на уровне дневной поверхности (как в районе Ак-тобе чардаринском), подземные склены и наземные наусы. Особенно широко распространяется оссуарный обряд захоронения, впервые отмеченный в этой культуре на втором ее этапе.

Слабая изученность памятников данного этапа не позволяет пока выделять четкие локальные варианты. Можем пока лишь отметить, что центральные и южные районы бассейна отличаются не только некоторыми элементами в керамике, но и тем, что и в архитектуре, и в терракоте этих районов отмечаем согдийское влияние, на что указывал еще А. И. Тереножкин³²². Очевидно, через Чач это согдийское влияние идет дальше в Семиречье, где появляется множество чисто согдийских элементов и деталей в архитектуре, терракотах, керамике и т. п. (наряду с керамикой, безусловно, непосредственно связанной с исконно каунчинскими сосудами).

³²² А. И. Тереножкин. Согд и Чач. стр. 162.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На всех трех этапах своего развития каунчинская культура не ограничена лишь рамками Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна или Ташкентского оазиса в широком смысле слова. Она была чрезвычайно тесно связана с соседними, прежде всего присырдарбинскими, районами и с окружающими ее горными долинами. В этом плане особенно интересны районы Карамазарских гор, Пскемской и Чаткальской долин и верховьев Таласса.

Горные долины Пскема и Чаткала тесно связаны с Ташкентским оазисом. К сожалению, в этих районах почти совсем не известно раскопанных памятников. Так, в долине Пскема лишь в последние годы начато изучение Пскемского городища. Материалы обследования пока не опубликованы и хранятся в Музее истории в Ташкенте. Керамика городища аналогична керамике из материалов второго и третьего этапов каунчинской культуры (например, хумы с характерными утолщенными прямоугольными в сечении венчиками, с широким плоским бережком, с орнаментом в виде удлиненных пальцевых вдавлений, определенные формы мисок).

Чаткальская долина — долина, вытянутая с северо-востока на юго-запад, окружена со всех сторон цепью гор: Таласским Алатау, Пскемским и Чаткальским хребтами. Археологическое обследование ее проведено в 1949—1951 гг. А. К. Кибировым³²³. Среди многочисленных курганов А. К. Кибиров выделит группы, расположенные в нижней части долины, на террасах. В курганах под земляной насыпью перпендикулярно длинной оси овальной или округло-овальной в плане катакомбы шел наклонный длинный дромос. В катакомбе — одно или несколько захоронений в сопровождении глиняных сосудов, обломков железных ножей, часто с остатками деревянной рукоятки, бусы, кольца, подвески, каменные палочки для сурмления и т. п. Сосуды ручной лепки изготовлены из теста с большим количеством примесей песка. Преобладают приземистые кружки с широким плоским дном и почти таким же широким горлом, с простым, лишь слегка утонченным краем и вертикальной петлеоб-

разной ручкой, прикрепленной на верхней части тулова или к краю сосуда (рис. 60, 50—51, 53). Встречены и небольшие кувшины близкой кружкам формы с широкой и невысокой горловиной и вертикальной петлеобразной ручкой, идущей от простого края (рис. 60, 52); низкие открытые миски с широким плоским дном и перегибом верхней части стенок (рис. 60, 54); широкодонные горшки с простым краем, диаметр которого меньше диаметра дна, с двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к краю или к горлу сосуда (рис. 60, 55—56). На верхней части ручек некоторых кружек и горшков имеется зооморфный выступ. Между нижними концами ручек выступы-шишечки украшали и тулово горшка. Такие курганы встречены А. К. Кибировым в могильниках Узунбулак, Миянкол и Чукурчак. По аналогии с Зревским и Кенкольским могильниками А. К. Кибиров датировал их первой половиной I тысячелетия н. э.³²⁴ (или первыми двумя-тремя веками н. э.)³²⁵. К сожалению, маловыразительность погребального инвентаря не позволяет датировать эти курганы более точно. Однако аналоги, которые они находят в каунчинской культуре не только в характере погребальных сооружений, но и в керамике первого этапа, позволяют относить данные курганы ко времени не позднее IV в. н. э. А. К. Кибиров, обследовавший и раскопавший подобные погребения, отмечает отсутствие в Чаткальской долине одновременных им поселений.

В период, одновременный второму этапу каунчинской культуры, в Чаткальской долине резко возрастает количество курганов могильников и появляются поселения — тепе. Последние обычно располагаются на возвышенных местах: почти у самых краев крутых склонов террас, у обрывистых высоких берегов рек, на мысах. Таково, например, тепе Айгырджал, тепе на берегу р. Тюзашу, на берегу речки Карасу, Чаарташское, Чандалашское и т. п. В нижнем слое городищ — строения из сырцового кирпича (в среднем 50×30 см), керамика, изготовленная в основном ручной лепкой, часто покрытая коричневатым или красноватым ангобом и лощением.

³²³ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткалы. «ТИЯЛИ АН Кирг. ССР», т. 5. Фрунзе, 1956, стр. 3—20; *оп. же.* Археологические памятники Чаткалы. ТКЭ, т. II, М., 1959, стр. 3—62.

³²⁴ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткалы. ТКЭ, т. II, стр. 47.

³²⁵ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткалы. ТИЯЛИ, т. 5, стр. 9.

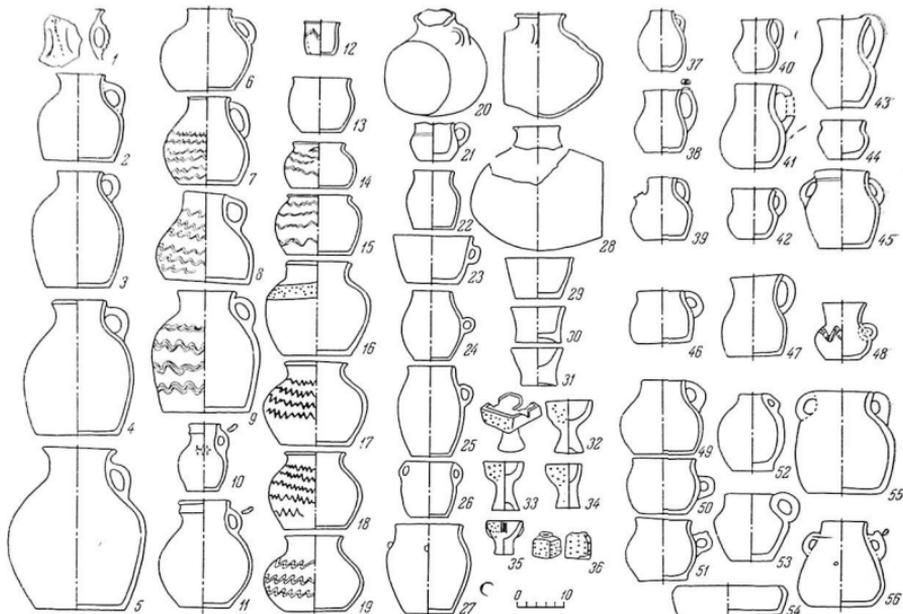

Рис. 60. Керамика могильников Таласской (1—36) и Чирчикской (37—56) долин

К сожалению, фрагментированность керамики не дает возможности восстановить формы. Однако можно констатировать, что подобное расположение, аналогичный размер кирпича, как и широкое распространение лощения по коричневатому и красноватому ангобу, характерны для второго этапа каунчинской культуры с самого начала его. Вполне вероятно, что наряду с носителями каунчинской культуры на развитие оседлых поселений этого периода Чаткала оказало немалое влияние и население соседней Ферганы.

Синхронные некоторым слоям этих поселений курганы вскрыты в Чамакуевском и Тюлебердинском могильниках, расположенных в верхней части Чаткальской долины. Под насылью из земли и камней находилась на уровне дневной поверхности овальная каменная выкладка, внутри которой было одно или несколько захоронений и глиняные сосуды (рис. 60, 46, 47), изготовленные от руки. Форма их — призмевидные и кубинovidные кружки с ручкой, верхним концом прикрепленной к простому краю сосуда, —

была распространена в тот период на довольно широкой территории и поэтому трудно сопоставить курганы этого типа с какой-то определенной культурой. А. К. Кибиров связывал их с памятниками кочевых племен западнотюркского каганата, появившихся со стороны Таласской долины, и соответственно датировал VI—VIII вв.³²⁶ К более позднему времени он отнес Джергетальский могильник, для которого характерны каменные ящики на дневной поверхности с захоронениями и с сосудами также ручной лепки (рис. 60, 37—45). В большинстве — это различных размеров широкодонные кружки с вертикальными ручками, прикрепленными к простому лишь слегка утонченному краю и иногда слегка поднимающимися над уровнем края. Встречены кубинovidные формы с вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной к краю или к невысокому горлу. Один из таких сосудов на плечиках на про-

³²⁶ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. ТИЯЛИ, т. 5, стр. 36—37.

твиположной от ручки стороне снабжен вертикальным цилиндрическим носиком. На верхней части ручки одной из кружек имелся налет в виде спирально загнутой полоски. Подобная керамика находит аналогию в каучинской культуре второго и третьего этапов (например, кружки со спиралевидными налетами).

Очень близка джержгальской керамика из курганов у городища Чанчархан, для которых характерна камера из сырцового прямоугольного кирпича. Сравнивая чанчарханские курганы с раскопанными в Чуйской долине, А. К. Кибиров датировал последние X—XII вв. н. э., а джержгальские — VIII—X вв.³²⁷ Определенная близость джержгальской керамики каучинской третьего этапа позволяет, как нам кажется, датировать их более ранним временем, т. е. VI—VIII вв. Соответственно можно заглубить дату части чанчарханских курганов, так как камера из подобного сырцового кирпича характерна в Средней Азии для погребений не только карлукского, но и более раннего времени (например, для джетысарских курганов).

Таласская долина. На северо-востоке Чаткальская долина сообщается с верховьями Таласа. Впервые в 1898 г. в верховьях Таласа Г. Гейкелем раскопаны курганы с катакомбными погребениями в могильниках Карбус, Коен-Токой, Джоон-Тобе, Чик-Тюе³²⁸. В 1936 г. этот район обследовал А. Н. Бернштам, а в 1938—1939 гг. им были раскопаны также же курганы в долине р. Кенкол³²⁹. С 1956 г. здесь работал Таласский отряд экспедиции АН Кирг. ССР. В 1956, 1957, 1960 гг. И. Кожомбердиев исследовал аналогичные курганы в могильниках Кенкольском, Таш-Тобе, Тош-Башат, Джоон-Тобе, Чеш-Тобе, Кызыл-Сай, Кулан-сай³³⁰. Как показали эти исследования, катакомбные погребения располагаются лишь в долине самого Таласа и в отличие от других типов погребений не встречаются выше в горах.

У этих катакомбных погребений³³¹ четко выражено однообразие и в характере земляной или каменно-земляной насыпи, и в кон-

струкциях погребения. Для всех характерен длинный узкий дромос, перпендикулярный длинной оси катакомбы. Изредка катакомбы располагаются под углом к дромосу. Протяжение дромоса — от 2 до 8 м, в длинных глубоких дромосах иногда устраивались ступеньки. Вход в катакомбу закрывался плитами, деревянными плахами или сырцовым кирпичом (в среднем 50×30 см). Внутри катакомб наряду с индивидуальными встречены и коллективные захоронения. Погребенные лежали на полу на подстилках из кошмы или циновках, на деревянных ложах или в деревянных гробах (ящиках на стойках-ножках или решетчатых), и сопровождалась богатым инвентарем (деревянные столики, низкие блюда, полусферической формы чаши и кружки, низкие с прямыми стенками и относительно высокие с широким устьем и дном и петлеобразной ручкой на верхней части тулова). Несмотря на то что большинство курганов было ограблено, обнаружено много бронзовых, железных и серебряных колец и перстней, бляшек, каменных и костяных подвесок, различных бус, каменных косметических палочек, кусочков графита, бронзовых зеркал. Некоторые зеркала аналогичны встреченным в могильниках Ташкентской области. Золотые серьги близки золотой серьге из поселения Ак-тобе 2.

Найденные в рассматриваемых погребениях бронзовые и железные пряжки широко представлены в материалах каучинской культуры Ташкентского оазиса, в могильниках предгорной Ферганы. Довольно много в катакомбах оружия: костяные накладки сложного лука, аналогичного луку, найденному в захоронении в решетчатом гробу на Ак-тобе 2; двулезвийные мечи, костяные и железные (их большинство), трехрепные наконечники стрел длиной от 4—5 см и до 8,3 см. В погребениях встречено по одному, а чаще — по несколько сосудов (горшков, кувшинов, фляг, кружек, курильниц). Большинство их ручной лепки, глина хорошо промытана и отмучена. Многие горшки баночной формы, у них широкое устье и еще более широкое плоское дно, слегка выпуклое тулово (рис. 60, 13, 22, 27). Часть горшков этого типа украшена налетными шишечками на плечиках, реже — горизонтальным поясом наковол по горловине и тулову. Некоторые из горшков с туловом той же формы снабжены двумя вертикальными петлеобразными ручками, прикрепленными к краю сосуда (рис. 60, 26). Другие при таком же широком устье и еще более широком дне имеют

³²⁷ Там же, стр. 47.

³²⁸ И. Heikel. Altertumer aus dem Tale des Talas in Turkistan. Helsinki, 1918.

³²⁹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., 1940.

³³⁰ И. Кожомбердиев. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК. 1960, вып. 80, стр. 70—75; он же. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 33—77.

³³¹ Описание дано по названным выше публикациям А. Н. Бернштама и И. Кожомбердиева.

прямую шейку и приземистое раздутое тулово, украшенное несколькими рядами прорезного волнистого орнамента или поясом наковов (рис. 60, 14—19). Аналогичный орнамент на подобной формы горшках типичен для каучинской культуры Ташкентского оазиса. У всех кувшинов широкое, сравнительно невысокое горло и почти в два раза более широкое плоское дно, покатые плечики, плавное переходящее к горлу, и слегка отогнутый край, иногда с небольшим сливом на противоположной от ручки стороне. У большинства кувшинов относительно высокое, яйцевидное тулово (рис. 60, 2—5); но наряду с ними встречаются сосуды и с приземистым раздутым туловом (рис. 60, 6—9). Вертикальные петлеобразные ручки прикреплены обычно к горлу, реже — к краю или на плечиках. Многие сосуды украшены несколькими рядами прорезных волнистых линий по тулову, иногда прочерчены горизонтальные линии на горле, реже — насечки и вдавления на ручке (рис. 60, 1, 7—9). Кувшины таласских катакомбных погребений аналогичны характерным каучинским сосудам первой половины I тысячелетия н. э. Распространены здесь кувшины с близким к шаровидному туловом и образованным изгибом стенки характерным валиком в верхней части горловины (рис. 60, 10—11). Кувшины эти покрыты красным ангобом. Ближайшие аналоги им имеются также в материалах каучинской культуры (в нижнем горизонте городища Минг-Урюк, в Пекентском могильнике, есть в Чаш-тепе, в верхнем строительном периоде Ак-тобе 2 и др.). Отметим также особенно широкое распространение таких кувшинов в соседней с долиной Таласа долине р. Арысь³³².

Кружки встречаются в единичных экземплярах. Оба типа их близки формам деревянных кружек: с широким устьем и такого же диаметра плоским дном, со слегка выгнутым туловом, с кольцевидной ручкой на корпусе (рис. 60, 24, 25); и широко открытые цилиндрической или усеченно-конической формы сосуды с прямыми стенками (рис. 60, 12, 23).

У фляг — раздутое яйцевидное тулово с плоским боком большого диаметра, невысокой горловиной и слегка отогнутым маленьким круглым в сечении венчиком. На одной из фляг по краю отжат небольшой слив, а с противоположной стороны под венчиком прикреплена вертикальная петлеобразная

ручка (рис. 60, 20, 28). Все фляги покрыты беловатым ангобом и изредка украшены прорезным волнистым орнаментом. Наиболее близкие аналоги эти сосуды находят в джетыасарской культуре.

Неоднократно встречаются в погребениях курильницы (рис. 60, 30—36). Преобладают курильницы на круглой сплошной или с выемкой ножке с прямоугольной или округлой чашей наверху (рис. 60, 32—35). Часто в стенках чаши имеются отверстия. У одной курильницы на стенках чаши помещены симметрично расположенные напелы (рис. 60, 35). Другого типа курильницы имеют усеченно-коническую форму с отлогими стенками и невысокой сплошной ножкой (рис. 60, 30—31). Курильница кубической формы со сквозными отверстиями в стенках (рис. 60, 36) находит аналогию в каучинской культуре второго ее этапа (в могильниках около арыка Джун, у сел. Беш-Бай, Шаушукумском и поселении Каучи-тепе).

А. Н. Бернштам датировал катакомбные погребения Таласа I в. до н. э. — II в. н. э.³³³, С. С. Сорокин — II—IV вв. н. э.³³⁴, И. Кожомбердиев — I—V вв. н. э.³³⁵ Мы склонны принять последнюю датировку. Как неоднократно отмечалось, конструкция погребений, погребальный инвентарь и в первую очередь керамика чрезвычайно близки каучинской культуре Ташкентского оазиса. В то же время в инвентаре наблюдается ряд отличий: обилие деревянной посуды, своеобразные формы кружек, детали курильниц, фляг, кувшинов, находки китайского лака, шелка, отсутствие характерных для Ташкентского оазиса кружек с зооморфными ручками, наличие оружия в могилах, безусловное одновременных памятникам первого этапа. Все это заставляет предполагать в данных районах Таласа культуры, родственной каучинской, хотя и дающей весьма локальный вариант ее. Причем район ее распространения не ограничивается лишь верхним Таласом, но охватывает долину Чаткала и Кетмень-Тюбе³³⁶, где встречаются аналогичные памят-

³³³ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. стр. 27—32.

³³⁴ С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 3—14.

³³⁵ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 76.

³³⁶ К сожалению, материал катакомбных памятников Кетмень-Тюбе опубликован частично (см. И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе, стр. 109—122), поэтому нам не удалось подробно разобрать его.

³³² Н. П. Подушкин. Указ. соч., стр. 95, табл. 1, 12.

ники. Возможно, в тот период в данных районах жило население, родственное каучинскому, но в отличие от последнего занимавшееся в основном скотоводством. В пользу этого предположения говорит полное отсутствие в указанных долинах поселений, одновременных Таласским катакомбам³³⁷.

Поселения и городища этого района, впервые обследованные А. Н. Бернштамом³³⁸, затем П. Н. Кожемяко,³³⁹ не дали слов раньше тюркского времени. Таковы, например,

³³⁷ Такие поселения, датирующиеся по крайней мере с рубежа, а скорее с последних веков до н. э., начали обследовать в соседней с Таласской долине р. Арыси (см.: *И. П. Подушкин. Указ. соч.*).

³³⁸ *А. Н. Бернштам. Таласская долина. «Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936—1939 гг.)», т. 1. Алма-Ата, 1949; рукопись. Архив ИИАЭ АН Каз. ССР, ф. 2, д. 62.*

³³⁹ *П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины», стр. 145—223.*

городища Садыр-Курган³⁴⁰, Ак-тобе у сел. Орловки³⁴¹, Джуван-тобе и др.

Нижние слои этих городищ авторы датируют VII—VIII вв.³⁴², изредка и VI в. н. э.³⁴³ Материал же в целом очень близок материалу Чуйских поселений, и лишь отдельные элементы говорят о связях с каучинской культурой (например, определенные формы котлов)³⁴⁴. В более поздней керамике этих поселений встречаем большое число форм, характерных для района Чача VI—VII вв. (например, определенные формы горшков, кувшинов, штампованный орнамент)³⁴⁵.

³⁴⁰ *А. Н. Бернштам. Городище Садыр-Курган. «Археологические памятники Таласской долины», стр. 115—123.*

³⁴¹ *М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. «Археологические памятники Таласской долины», стр. 125—143.*

³⁴² *А. Н. Бернштам. Городище Садыр-Курган, стр. 120; М. А. Бубнова. Указ. соч., стр. 128.*

³⁴³ *П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 171.*

³⁴⁴ *М. А. Бубнова. Указ. соч., стр. 138.*

³⁴⁵ Там же, стр. 141.

ГЛАВА 2

КЕРАМИКА ОТРАРСКО-КАРАТАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Керамика поселений, городищ и могильников Нижнего Таласа и северных склонов Каратау связана не столько с матерьялом верхнего Таласа, но главным образом с керамикой Отрарского оазиса и предгорий Каратау. Сам город Отрар, широко известный в средневековой историко-географической литературе, стоял к юго-востоку от современного г. Туркестана, «на узле многих дорог и на стыке различных географических ландшафтов»¹.

История археологического исследования этих районов начинается с 1867 г., со времени поездки П. И. Лерха². В 90-х годах прошлого века и в начале XX в. здесь побывали некоторые члены Туркестанского кружка любителей археологии (Е. Г. Смирнов, Н. П. Остроумов, В. А. Каллаур, В. Д. Руднев,

И. А. Кастанье), на городище Отрар принимали раскопки (А. К. Кларе и А. Черкасов)³.

В 1925 г. Сайрам посетил М. Е. Массон⁴, а в 1927 г. развалины Сыгнака обследовал А. Ю. Якубовский⁵. До 1936 г. эти районы продолжали эпизодически посещаться отдельными исследователями⁶. В 1936, 1938—1939 гг. начались работы Семиреченской археологической экспедиции, руководимой А. Н. Бернштамом, в Таласской долине и близлежащих районах⁷, развернул работы

1900—1901, стр. 6—16; *А. К. Кларе, А. Черкасов. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. ПТКЛ, IX. Ташкент, 1904, стр. 13—42.*

⁴ *М. Е. Массон. Старый Сайрам. «Известия Среднеазиатского музея», вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 23—42.*

⁵ *А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. «Сообщения ГАИМК», 1929, т. II, стр. 123—159.*

⁶ Подробно см.: *Е. И. Агеева. К истории изучения археологических памятников среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Известия АН Каз. ССР», № 67, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949, стр. 135—142; А. Н. Бернштам. Таласская долина». Тр. Семиреченской археологической экспедиции (1936—1939 гг.), т. 1. Алма-Ата, 1949; рукопись. Архив ИИАЭ АН Каз. ССР, ф. 2, д. 62, стр. 7—9.*

⁷ *А. Н. Бернштам. Таласская долина; он же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.*

Джамбулский музей. Особенно широко проводились исследования с началом работы Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама (1947—1951 гг.)⁸, а также Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством А. Х. Маргулана, работы которой затронули и районы Каратау⁹.

В работах А. Н. Бернштама, а также Г. И. Пацевича и Е. И. Агеевой, даны общая схема историко-археологического развития района, первая классификация поселений и керамики¹⁰. В 1953 г. возобновлены (1953—1954, 1957—1958 гг.) работы ЮКАЭ и Семиреченской экспедиции. В результате открыты и обследованы сотни поселений и могильников, а на некоторых из них проведены рекогносцировочные и стационарные раскопки (Баба-Ата, Тараз и т. п.)¹¹.

С 1966—1967 гг. отряды Семиреченской

археологической экспедиции под руководством К. А. Акишева возобновили работы в районе Отрарского оазиса, среднего течения Сырдарьи, Арсыи, в предгорьях Каратау¹². Если в 1966—1967 гг. эти работы носили рекогносцировочный характер, то в последующие годы археологические работы в данных районах развернулись особенно широко, концентрируясь вокруг городища Отрар и на самом Отраре, при этом в районах Отрарского оазиса, Средней Сырдарьи, Средней Арсыи, предгорьев Каратау были открыты и обследованы десятки и сотни крупных поселений и городищ, могильников и других археологических объектов. Среди них в долине Арсыи отметим городища Шор-тобе, Узун-тобе, Арсы-тобе I и II, Шубар-тобе I и II, Кызыл-тобе, Борондай-тобе I и II, Караул-тобе и др. (датированные исследователями с VII в. н. э.)¹³; на среднем течении Сырдарьи — группу городищ вокруг Яны-кургана (датированную предварительно I—VII вв. н. э.)¹⁴, городища Бестам и Нансай; на северных склонах Каратау — Беркутты I и II и др. Особенно подробно и тщательно обследованы городища Отрарского оазиса (некоторые из них датированы I—IV вв., другие — IV—VII вв. н. э.)¹⁵. В 1966 г. маршрутный отряд Хорезмской экспедиции посетил районы, прилегающие к Сырдарье от г. Кызыл-Орды до района Туркестана, открыл и обследовал более 70 поселений. Так как результаты работ ЮКАЭ и Семиреченской экспедиции освещены в печати, лишь очень кратко остановимся на некоторых памятниках, относящихся к интересующему нас периоду. Подробно рассмотрим лишь материал поселений, обследованных отрядом Хорезмской экспедиции в 1966 г.

⁸ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН Каз. ССР», № 67, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949, стр. 59—99; *он же*. Древний Отрар, стр. 81—97.

⁹ А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау. «Известия АН Каз. ССР», № 46, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 109—115; *он же*. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

¹⁰ См., например: Е. И. Агеева. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. КСНИМК, вып. 28, 1949, стр. 86—88; *она же*. Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации). Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Г. И. Пацевич. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв. н. э. (по археологическим данным). Автореф. канд. дисс. М., 1954; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. V. Алма-Ата, 1958, стр. 3—215.

¹¹ См. указанные выше работы А. Н. Бернштама, Е. И. Агеевой, Г. И. Пацевича, а также: Л. И. Реппель. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. I. Алма-Ата, 1956, стр. 61—72; Е. И. Агеева. Раскопки на городище Баба-Ата (1953—1954). «Известия АН Каз. ССР», серия истории, экономики, философии и права, вып. 1. Алма-Ата, 1954, стр. 75—82; «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 57—215; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах ЮКАЭ в 1953 г. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. I, стр. 33—60.

¹² К. А. Акишев. Исследования в Казахстане. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 291—300; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. «Культура древних скотоводов и земледельцев Южного Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 5—42; *он же*. Археологические работы в Южном Казахстане. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970, стр. 397—398.

¹³ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович.

¹⁴ Новое в средневековой археологии..., стр. 7—13.

¹⁵ Там же, стр. 15—17.

¹⁵ Там же, стр. 20.

Среди памятников района Нижнего Таласа отметим городище Тик-Турмас, расположенное в 6 км севернее аула Кызыл-Арык на береговой гряде в 5—6 км от современного русла. Оно зафиксировано В. А. Каллауром и в 1949 г. обследовано Л. И. Ремпельем¹⁶. Городище представляет собой вытянутую с севера на юг возвышенность, по середине которой — квадратный в плане бугор (70×70 м), возможно, остатки укреплённого дворцового здания или замка. В керамике городища Л. И. Ремпель отмечает широкогорлые кувшины и низкие чаши с круглыми бортами. Часть сосудов станковой работы покрыта полосчатым лощением, которое автор связывает с джетыасарским¹⁷. Основную массу керамики Тик-Турмаса Л. И. Ремпель делит на три группы. Первую составляют круглодонные сосуды станковой работы, среди которых преобладают кувшинообразные сосуды с низким горлом, грушевидным туловом, раструбообразным слегка отогнутым краем. Большинство их покрыто серо-зеленоватым ангобом и украшено росписью красными и бурными полосками. Часть таких сосудов имела легко процарапанный узор. Эту группу керамики Л. И. Ремпель сравнивает с усуньской и берккаринской, но отмечает более высокое качество изготовления тиктурмасских сосудов. Ко второй группе отнесены чаши с полуовальными бортами, слегка загнутыми внутрь, изготовленные на ручном круге из глины высокого качества. Аналогичные им сосуды встречены в тех же памятниках, что и для первой группы. Третью группу составляют кувшины с характерным венчиком («в виде дважды повторенного полукруглого отгиба»). Эту группу Л. И. Ремпель считает аналогичной характерной джетыасарской. Городище же Тик-Турмас по внешнему виду он сравнивает с Джеты-Асаром № 3¹⁸.

На основании аналогий керамике Тик-Турмаса, главным образом из джеты-асарских памятников, Л. И. Ремпель датировал городище Тик-Турмас III в. до н. э.—I в. н. э.¹⁹ Однако исследования последних лет, в том числе и работы Семиреченской экспедиции, позволяют датировать памятник

более поздним временем (к этому склонен и сам автор)²⁰.

В районах северных предгорий Каратау детально обследованию и раскопкам подвергнуто сравнительно много памятников. В их числе могильники III в. до н. э.—III в. н. э. (Кенсай, Капчагай, Кыр-Чебакты, Берккара, Тамды и др.)²¹, где обнаружены простые грунтовые ямы, часто перекрытые камнем. Керамика, как и остальной инвентарь, и конструкция погребальных сооружений, близка семиреченской усуньского времени, хотя и имеет ряд своеобразных черт (полусферической формы горшки или котелки с цилиндрическим носиком-сливом у края, котелки с ручками-ушками, налены — шипечки на стенках сосудов и т. п.)²².

Среди наиболее ранних поселений надо отметить Ак-Тобе, расположенное на лесовом всхолмлении левобережья р. Баба-ата, в 7 км к северо-востоку от городища Баба-ата. Поселение было раскопано Т. Н. Сениговой²³, выделившей два периода обживания. Нижний строительный период датирован автором III в. до н. э.—III—IV вв. н. э.²⁴ на основании главным образом каменных и костяных предметов и керамики. Керамику этого периода Т. Н. Сенигова делит на две группы, почти полностью соответствующие и нашему делению. К первой группе отнесены «кухонные» сосуды ручной лепки с примесями в тесте большого количества дресвы, шамота, иногда мелкокорубленной соломы. По форме это различного размера плоскодонные горшки с отогнутым простым краем, невысокой горловиной, плавно переходящей в немного вытянутое тулово с широким дном (рис. 61, 5, 6). Часть их снабжена двумя петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к краю (рис. 61, 5). Такие сосуды широко распространены в районах Средней Сырдарьи в Отрарско-Каратауском оазисе²⁵, характерны они для первых этапов

²⁰ Там же.

²¹ А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 97—116.

²² Там же, стр. 102, рис. 3, 3, 9; стр. 105, рис. 6, 1; стр. 112, рис. 13, 3.

²³ Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-Тобе. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14, стр. 57—82.

²⁴ Там же, стр. 79.

²⁵ Е. И. Агеева. Керамика городищ и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Нав-

¹⁶ Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 61—72.

¹⁷ Там же, стр. 65.

¹⁸ Там же, стр. 67.

¹⁹ Там же, стр. 68.

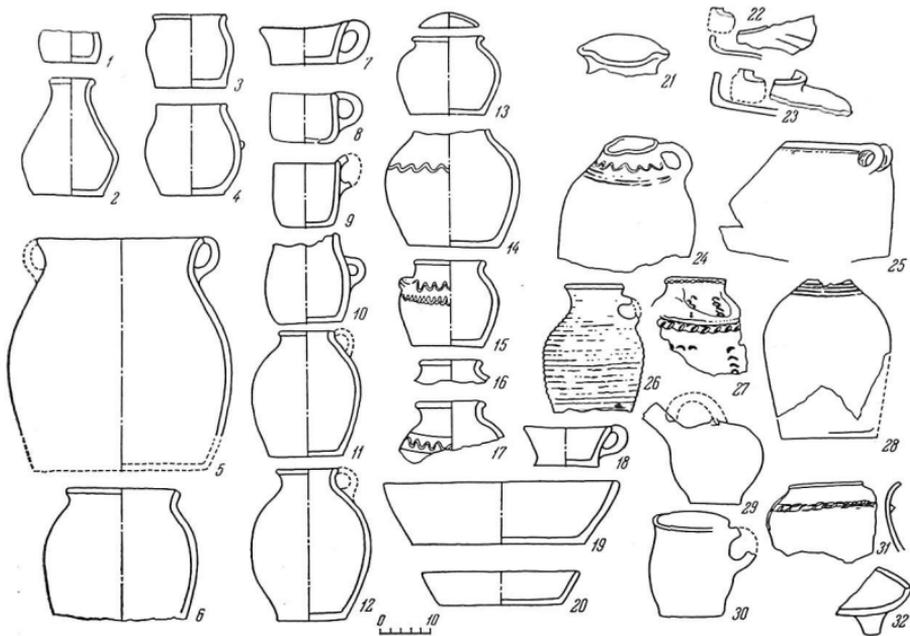

Рис. 61. Керамика поселения Ак-тобе близ Баба-Ата

каунчинской культуры Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна. Встречены и сосуды с более узкой горловиной и одной ручкой (рис. 61, 11, 12). Кроме обычного типа сковород к первой группе керамики относятся кружки с уплощенным дном, прямым простым краем, прямыми стенками или чуть выпуклым туловом, с петлеобразной вертикальной ручкой, прикрепленной к середине тулова или к краю (рис. 61, 7—10). Эти сосуды напоминают кружки из катакомб Таласской долины первых веков нашей эры.

Ко второй группе относятся сосуды, изготовленные от руки и с помощью вращающейся подставки из хорошо отгмученной глины с примесями песка. Преобладают кувшины с отогнутым венчиком и узким горлом, плавно переходящим в покатые плечики и раз-

дутое тулово. У некоторых сосудов пластинчатые, слегка желобчатые ручки, один или два слива по краю венчика (рис. 61, 21), иногда валики, опоясывающие середину горла²⁶. Аналогии этим формам находим в материалах Ташкентского оазиса и в джеты-асарских комплексах первого этапа (характерные парные сливы по краю сосудов и т. п.), а также в материалах городища Тик-Турмас, сходных с джетыасарскими.

Горшки кринкообразной формы с приземистым раздутым корпусом, широким дном, невысокой широкой горловиной и отогнутым краем (рис. 61, 13—15). Часть горшков украшена одним или несколькими рядами прорезного волнистого орнамента, иногда сочетающегося с красноовато-коричневыми потеками и мазками по светлому ангобу (рис. 61, 14). У некоторых горшков — наленные ручки-выступы с отверстиями для веревки. Аналогии всем вариантам актобинских горшков

ствия АН Каз. ССР», № 67, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949, стр. 103—105, рис. 2: она же. Керамика Отрара. «Известия АН Каз. ССР», № 108, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 99—107.

²⁶ Т. Н. Семигова. Поселение Ак-тобе, стр. 73.

встречены в материалах первого этапа каунчинской культуры Ташкентского оазиса, в катакомбных погребениях Таласской долины, в Ширинсайском могильнике. Низкие открытые миски с плоским дном, полуовальными стенками покрыты легким лощением (рис. 61, 19, 20). На поселении Ак-тобе найдены фрагменты двух фляг (рис. 61, 22, 23), довольно крупных по размерам, с раздутым туловом и широкой горловиной. На одной из них сохранился слив по краю. Аналогичные сосуды известны в катакомбных погребениях Верхнего Таласа, на первом этапе джетысарской культуры, на первом и втором этапах каунчинской культуры.

Нам кажется, что керамику нижнего слоя поселения Ак-тобе можно вместить в более узкие хронологические рамки. Судя по многочисленным аналогиям, этот комплекс можно датировать первыми веками нашей эры, возможно до IV в. включительно.

В керамике верхнего слоя поселения, датируемого автором VI—VII вв. н. э.²⁷, отметим крупные горшки с двумя вертикальными петлеобразными, идущими от края ручками с глубоким продольным желобком (рис. 61, 25), а также широкодонные сосуды с вытнутым туловом, покатыми плечиками, плавню переходящими в широкое горло. По плечикам, а иногда и на горле — горизонтальное рифление, над которым под горлом идет прорезная волнистая полоса (рис. 61, 24, 28). Вертикальная петлеобразная ручка прикреплена на плечиках или на плечиках и на горле. На одном из небольших кувшинов рифление покрывало не только горло и плечики, но и все тулово (рис. 61, 26). В керамике первой группы есть богато украшенные горшкообразные сосуды с характерным рассеченным налпленным валиком ниже края (рис. 61, 27).

В расположенном рядом с поселением Ак-тобе могильнике²⁸, где находились курганы с каменными кольцами, каменной и смешанной насыпью, наряду с грунтовыми погребениями типа кенсайского, беркаринского могильников, вскрыты погребения в каменной ядике на уровне древней поверхности. В них найдены фрагменты блюда на трех ножках, аналогичного кенкольскому (рис. 61, 32), курильницы на ножке с отверстиями в стенках, подобные таласским.

Кроме того, раскопки двух курганов с кольцевыми выкладками дали фрагменты сосудов, близкие к актобинским (рис. 61, 30, 31). Видимо, датировка последнего типа погребений I в. н. э.²⁹ несколько заглублена. Керамика (учитывая и сосуд с налпленным, рассеченным валиком) и в определенной степени обряд погребения (трупосожжение на стороне), подобно встреченному в курганах тюркского времени у Ак-тобе (чардаринского), позволяют датировать памятник по крайней мере первыми веками н. э., а возможно, и до середины I тысячелетия н. э.

К ранним памятникам района северных склонов Каратау исследователями отнесены также поселения Ак-тепе Алтынтау и Тарса-тепе³⁰.

Ак-тепе Алтынтау, расположенное между поселками колхозов им. Энгельса и Бакары, представляет собой овальной формы тепе диаметром 100 м и высотой 6 м. Городище Тарса-тепе около пос. Сузак Южно-Казахстанской области — это тепе с площадкой в форме прямоугольного в плане двухъярусного бугра размером 330×190 м и высотой 10 м. Датировка нижних слоев этих поселений III в. до н. э. — I в. н. э. была дана на основании аналогий к архаического вида сосудам первой и второй групп (в том числе к горшкам первой группы с пальцевыми вмятинами на венчике, с налпленным рассеченным жгутиком и к сосудам второй группы — широкогорлым кувшинам с грушевидным туловом, кружкам с зооморфными ручками, с изображениями головы барана и т. п.). Эти аналогии, которые приводят исследователи³¹, ведут не только в Таласскую долину, но главным образом — к материалам каунчинской культуры первого и частично второго ее этапов. Учитывая поправки к датировкам каунчинской культуры, нижний слой Ак-тобе Алтынтау и Тарса-тепе можно датировать не раньше нижнего слоя поселения Ак-тобе. Верхние же слои этих городищ, датированные V—VI (Ак-тобе Алтынтау), V—VIII и VIII—X вв. н. э. (Тарса-тепе), дали керамику, чрезвычайно близкую семиреченской.

Из других исследованных городищ этого района упомянем Баба-Ата, расположенное в 26 км от пос. Чулак-курган, в урочище Капчагай. Оно представляет собой шахрис-

²⁷ Там же, стр. 58, 76.

²⁸ М. С. Мерциса. Могильник у поселения Ак-тобе. «ТИАЭ АН Каз. ССР», т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 83—87.

²⁹ Там же, стр. 82.

³⁰ Е. И. Азеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 60.

³¹ Там же, стр. 20—24.

тан с цитаделю и окружающие его рабанды. Описание Баба-Ата и результаты его раскопок опубликованы³², поэтому лишь отметим, что нижние слои городища, относящиеся к V—VII вв. н. э., содержали многочисленную керамику ручной лепки. Для венчиков хумов характерно украшение в виде ямочных пальцевых вдавлений по его нижней части или напленного волнистого згунтика³³. Отметим также горшки баночной формы с прорезным орнаментом, кувшины с характерными выступами на верхней части ручек. Аналогии значительной части керамики этих слоев имеются в материалах Нижней Сырдарьи. Керамика же второго слоя Баба-Ата (VIII—IX вв.), более многочисленная и разнообразная, чрезвычайно близка семиреческой (ку-

рильницы, достарханы, крышки, тагара, кувшины и т. п.).

На основании приведенного выше обзора можно сделать вывод, что наиболее ранние из известных поселений района северных склонов Каратау относятся к первой половине I тысячелетия н. э. Это Ак-тобе близ Баба-Ата, Ак-тете Алтынтау, Тарса-тепе. Материал могильников первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры близок материалу усуйских погребений долины Таласа и Чу-Илийской. Керамика поселений, имея специфические формы и элементы, близкие сосудам погребений, в основном аналогична керамике Отрарского оазиса, а также имеет много общих черт с керамикой Ангрево-Чирчикско-Келесского бассейна и Джетысарского урочища.

В тюркский период (VI—VII вв.), к которому относится большинство поселений (нижний слой городища Тамды, Баба-Ата, вторые слои вышеуказанных трех поселений и т. п.), комплексы керамики часто более близки материалам памятников Семиречья. То же нужно сказать о периоде VIII—IX вв.

³² *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич*. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., стр. 34—45; *Е. И. Агеева, Т. Н. Семигова*. Памятники средневековья. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14, стр. 117—219.

³³ *Е. М. Агеева, Т. Н. Семигова*. Указ. соч., стр. 190, рис. 54.

ОСНОВНАЯ ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОТРАРСКО-КАРАТАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В результате работ Южно-Казахстанской и Семиреческой экспедиций в районах южных отрогов Каратау, в долинах Арысы и Бегуни, в прилегающих районах Сырдарьи, от северо-восточных отрогов Каратау на севере и до песков Изакудук на юге, т. е. во всем Отрарско-Каратауском районе, были открыты сотни памятников. Лишь в течение разведывательного сырдарьинского маршрута 1966 г. отряд Хорезмской экспедиции обследовал более 70 памятников. Четвертая часть их дала материал интересующего нас периода. Ниже дается характеристика керамики этих поселений.

Ак-тобе байгакумское. Городище расположено к западу от Каратау, на правом берегу Сырдарьи, в 18 км на северо-восток от ст. Тюмень-Арык. Это овальной формы тепа (110 × 90 м) высотой до 10 м. Оно открыто в 1947 г. А. Н. Бернштамом и тогда же датировано им VI в. до н. э.—I в. н. э.³⁴ Повторно обследовано в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции.

На городище найдено кроме обломков керамического брака незначительное число фрагментов поливных чаш и блюд, дигирей. Отметим фрагмент сосуда типа тагара с крупным венчиком, частью несколько выступающим внутрь сосуда, с большим плоским березком, на котором прорезан крест. Аналогичные сосуды найдены на Сарлы-Асаре, Кескен-куюк-кале, в районе Средней Сырдарьи и Северного Каратау с VII в., но особенно характерны они для VIII—IX вв. н. э.³⁵ Большинство сосудов с Ак-тобе байгакумского относится к керамике первой группы. Из форм наиболее распространены горшки с простым, иногда отогнутым краем (13—20 см в диаметре), небольшим горлом, слегка раздутым туловом. На наружной стороне венчика иногда от самого края или ниже края на 1—2 см проходит напленной валик с нанесенными по еще сырой глине его пальцевыми защитами или вдавлениями палочкой (рис. 62, 88—91). Такой же орнамент имелся и на крупном толстостенном сосуде с подтреугольным в сече-

³⁴ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 226.

³⁵ *Е. И. Агеева, Т. Н. Семигова*. Указ. соч., стр. 192, рис. 55; стр. 194, рис. 57.

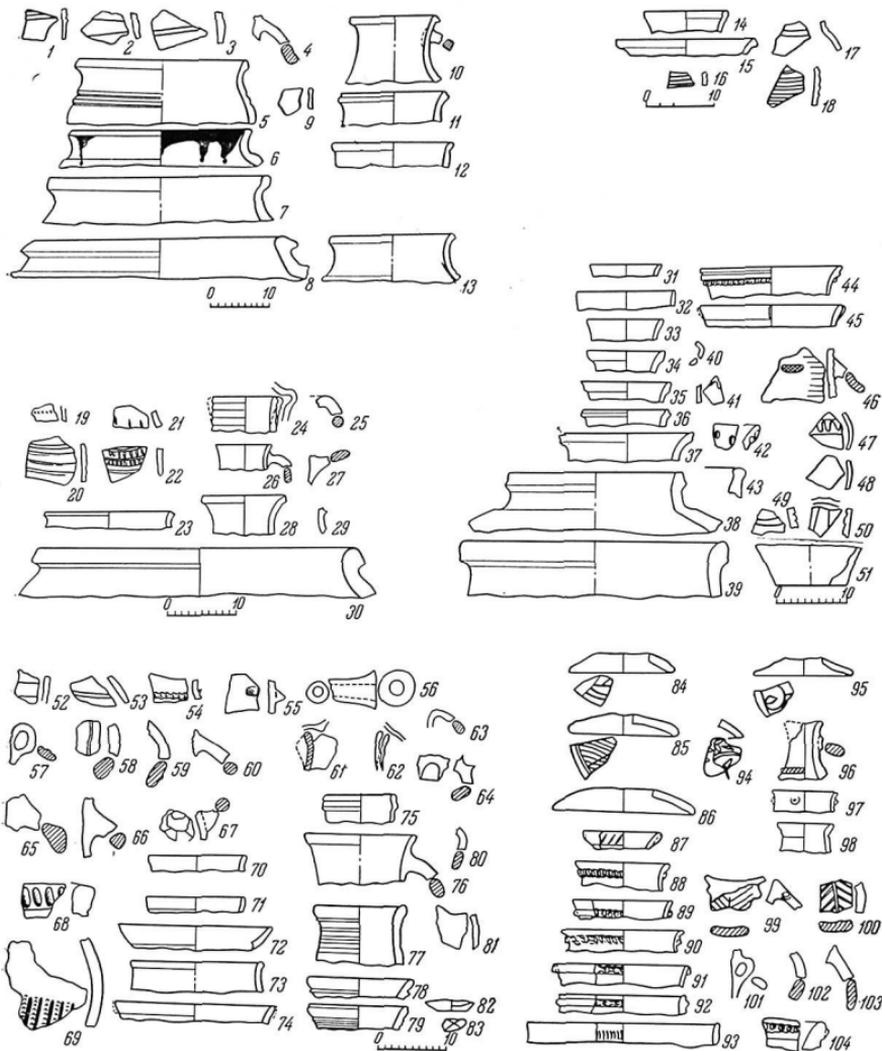

Рис. 62. Керамика городищ Ак-тобе отарское (1—13); Сумагар-тобе (14—18); Маслахат-тобе (19—30); Келин-тобе (31—51); Ак-тобе байгакумское (52—104)

нии венчиком (рис. 62, 92). Аналогичные сосуды часто встречаются в районе Средней Сырдарьи, начиная с VI—VII вв. Найдены фрагменты горшков с утолщенным по сравнению со стенками и подпрямоугольным в сечении венчиком, орнаментированным снаружи насечками и вдавлениями (рис. 62, 87, 93). Аналогичные венчики горшков характерны для джетысарской керамики периода Джеты-асар II и в меньшей степени Джеты-асар III (т. е. не раньше IV в. н. э.).

Найдено значительное количество крышек первой группы диаметром 14—20 см, конической формы со следами кофты на поверхности и прорезным геометрическим или растительным орнаментом снаружи (рис. 62, 84, 85, 94, 95). Подобные крышки особенно характерны для Семиречья VII—VIII вв. Есть они и на других городищах Средней Сырдарьи того же времени, и в джетысарском комплексе этапа Джеты-асар III.

Сосуды второй группы хотя и встречены в гораздо меньшем количестве, но также достаточно разнообразны. Из хумов отметим фрагмент сосуда с утолщенным по сравнению со стенками подпрямоугольным в сечении венчиком, с широким плоским бережком, снаружи орнаментированным удлиненными пальцевыми вдавлениями. По наружной стороне хума сохранились следы густого черного, а по внутренней — красного ангоба (рис. 62, 68). Аналогичные сосуды есть в верхнем слое Шаушукум-тобе, в нижнем слое Ак-тепе близ Ташкента. Можно отметить горшки с простым, чуть утолщенным или круглым венчиком, покрытые снаружи густым красно-коричневым или красно-черным ангобом. На одном из них сохранились следы прикрепленных к краю вертикальных петлеобразных ручек (рис. 62, 73, 74). Большинство кувшинов покрыто беловатым ангобом, поверх которого часто нанесены красно-коричневые мазки. Иногда же кувшины покрыты красно-коричневым до черного густым ангобом. Венчик кувшинов отделен от горла валиком и уступом, иногда чуть утолщен по сравнению с остальной частью горла. Край отогнут, диаметр его 13—16 см. Часто по внешней стороне венчика под краем проходит глубокая врезная полоса (рис. 62, 78). Горло обычно довольно высокое, прямое. Во многих случаях на нем — очень мелкое или крупное, часто лишь слабо намеченное палочкой рифление (рис. 62, 77, 79). Тожественные по качеству, форме горла и венчика и ориентации кувшины типичны для материалов Шаушукум-тобе (нижний и верхний слои). В том же

материале находим сосуды с зачатками слива (или сливов) на венчиках и кувшины с маленьким подтреугольным в сечении венчиком, прямым горлом и горизонтальным валиком по середине горла (рис. 62, 62). В комплексе керамики Ак-тобе байгакумское выделяется по форме и качеству тонкостенный кувшин стайковой работы с прямым, удлиненным, подпрямоугольным в сечении венчиком, с рифлением по его внешней стороне (рис. 62, 75). Отметим и фрагменты двух узкогорлых кувшинов. Один из них стайковой работы, покрыт желтовато-беловатым ангобом и лощеным; у него высокое горло диаметром 3,5 см. Другой, изготовленный ручной лепкой, имел простой край, высокое, узкое (диаметр 4 см) горло, по низу которого проходил орнаментированный насечками валик (рис. 62, 96). Другой сосуд снабжен петлеобразной ручкой, овальной в сечении, прикрепленной верхним концом к горлу, а нижним — к месту перехода к плечикам. Подобные узкогорлые кувшины с таким же рассеченным валиком по низу горла, иногда дополнительно богато орнаментированные по плечикам, характерны для памятников Чуйской долины VI—VIII вв.³⁶, а также карлукского периода (VIII—X вв.)³⁷.

Некоторые из сосудов снабжены ручками с круглым, овальным или подтреугольным сечением, часто они имеют продольный валик по наружной стороне (рис. 62, 57, 59) или же глубоко прорезанную линию как и шаушукумские (рис. 62, 58). У некоторых ручек на верхней части — небольшая площадочка и выступ, аналогичный по форме джетысарским (рис. 62, 64). На других, вероятно, принадлежащих крупным двуручным сосудам, с наружной стороны имеется прорезной елочный орнамент и у верхнего края по бокам — два симметричных выступа-шишечки. Качество теста таких ручек почти неотличимо от глины сосудов первой группы. Аналогичные ручки отмечены в джетысарском комплексе этапа Джеты-асар III, для которого типично общее огрубение посуды. Именно там встречаем крупные двуручные сосуды не только с так же орнаментированными ручками, но и аналогичными выступами-шишечками по обеим сторонам ручки у места ее прикрепления (рис. 62, 99, 100). Аналогии в той же джетысарской культуре, в памятниках типа Сарды-асар, Ак-тобе и т. п., а также в материалах

³⁶ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые поселения и города Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 27, табл. II, 2.

³⁷ А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. XVII, 3.

Кескен-Куюк-калы находим и для фрагментированного кувшина из Ак-тобе байгакумское, покрытого красноватым ангобом. Сосуд имел простой край и глубокий слив на нем, выступы подтреугольной в плане формы внутри сосуда по обеим сторонам слива (рис. 62, 61). Миски и мисочки открытые, с простым округлым краем, с заметным перегибом стенок корпуса. Они покрыты беловатым ангобом, а некоторые поверх него — и густым красноватым (рис. 62, 71, 72). Аналогичные миски типичны для позднего этапа джетысарской культуры. Кружкам принадлежали некоторые овальные и круглые в сечении ручки, иногда с двумя продольными ложбинками по наружной стороне (рис. 62, 57), фрагмент дна с прорезным после обжига крестообразным знаком на наружной стороне, покрытый внутри густым красным, а снаружи — черным ангобом и лощением (рис. 62, 83). Одна из кружек имела простой край и густой двусторонний красный ангоб и лощение (рис. 62, 97); другая несколько отогнутый и отделенный от тулова прорезной линией край (рис. 62, 98) и серый ангоб. Некоторые сосуды, очевидно, типа кружек были обработаны по наружной стороне лопаточкой, иногда поверх беловатого ангоба. Этот прием мог иметь и орнаментальный характер. Другими украшениями, уже отмеченными на сосудах первой группы, были напелной валик и защипы по нему под горлом сосуда (рис. 62, 54), прорезной елочный узор на ручках (рис. 62, 99, 100), прорезной геометрический орнамент под ручками (рис. 62, 67), напелы-шищечки на стенках (рис. 62, 55, 97).

На крупном сосуде (возможно, типа кувшина, с беловато-желтоватым ангобом) часть стенок ornamentирована чередующимися параллельными друг другу вертикальными линиями и подтреугольными вдавлениями-насечками между ними (рис. 62, 69). Прорезной геометрический орнамент отмечен на крышке, подобной крышкам первой группы и находящей аналогии в материалах поздних джетысарских памятников (VII—IX вв.) типа Сарлы-асар, Кескен-Куюк-калы, в Семиреченских материалах VII—VIII вв. н. э. Отметим фрагменты сосудов второй группы, изготовленных ручной лепкой, покрытых с внешней и внутренней сторон густым красным, красно-коричневым ангобом и лощением обычного для джетысарской керамики типа.

Разобранный выше материал свидетельствует о смешанном характере комплекса керамики Ак-тобе байгакумское, в котором наряду с сосудами, типичными для каунчинской

культуры, начиная со времени не раньше II, а скорее III этапа ее и для джетысарской того же времени отмечаем также и значительное число семиреченских элементов VII—VIII вв. Вероятно, этим, а предположительно и чуть более ранним (VI в.) временем и можно определять начальную дату жизни городища, которое, судя по находкам отдельных фрагментов керамики, продолжало существовать до развитого средневековья.

Ордакент. Городище расположено на правом берегу Сырдарьи, в 6 км к северу от станции Яны-курган. Оно представляет собой неправильной формы тепе с возвышающейся центральной частью. Открыто В. А. Каллауром в 1903 г.³⁸, обследовано в 1966 г. сырдарьинским отрядом Хорезмской экспедиции³⁹.

Керамика первой группы представлена многочисленными фрагментами стенок, венчиков и дниц сосудов грубой ручной лепки обычно с большим количеством примесей дробленого шамота, песка или дресвы, покрытых снаружи по красноватой поверхности жидким беловатым или сероватым ангобом. Отметим горшки различного размера. Встречены небольшие сосудики со светло-серым ангобом, с простым круглым в сечении слегка отогнутым наружу краем. Сосуд горшкообразной формы имел отогнутый наружу простой край, выпуклое тулово, темно-серый ангоб (рис. 63, 2, 3). Найдены горшки с подпрямоугольным или подтреугольным в сечении венчиком, орнаментированным с наружной стороны, с прямой шейкой, сероватой или красновато-коричневатой поверхностью, иногда подлощенной поверх ангоба. Орнамент на внешней стороне венчика представлен в одном случае насечками и горизонтальной прорезной полосой над ними (рис. 63, 6); в другом — на внешней стороне венчика имелись глубокие насечки, расходящиеся веером от подпрямоугольной формы выступа, и параллельные полосы-насечки на самом выступе. Аналогичные по форме и орнаментации сосуды с подлощенной серой поверхностью и с симметрично расположенными парными выступами (рис. 63, 4, 5) очень характерны для джетысарских городищ, особенно в VII—IX вв. н. э.

³⁸ В. А. Каллаур. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде, в долине р. Сырдарьи и Яныдарьи. ПТКЛА, VIII, 1903 (1902—1903), протокол № 2 от 17.XII 1903 г., стр. 59—69; «Археологическая карта Казахстана», стр. 228.

³⁹ Полевые дневники Б. В. Андрианова № 36 и Б. И. Вайнберг № 37 (сырдарьинский маршрут 1966 г.). Архив ХАЭЗ.

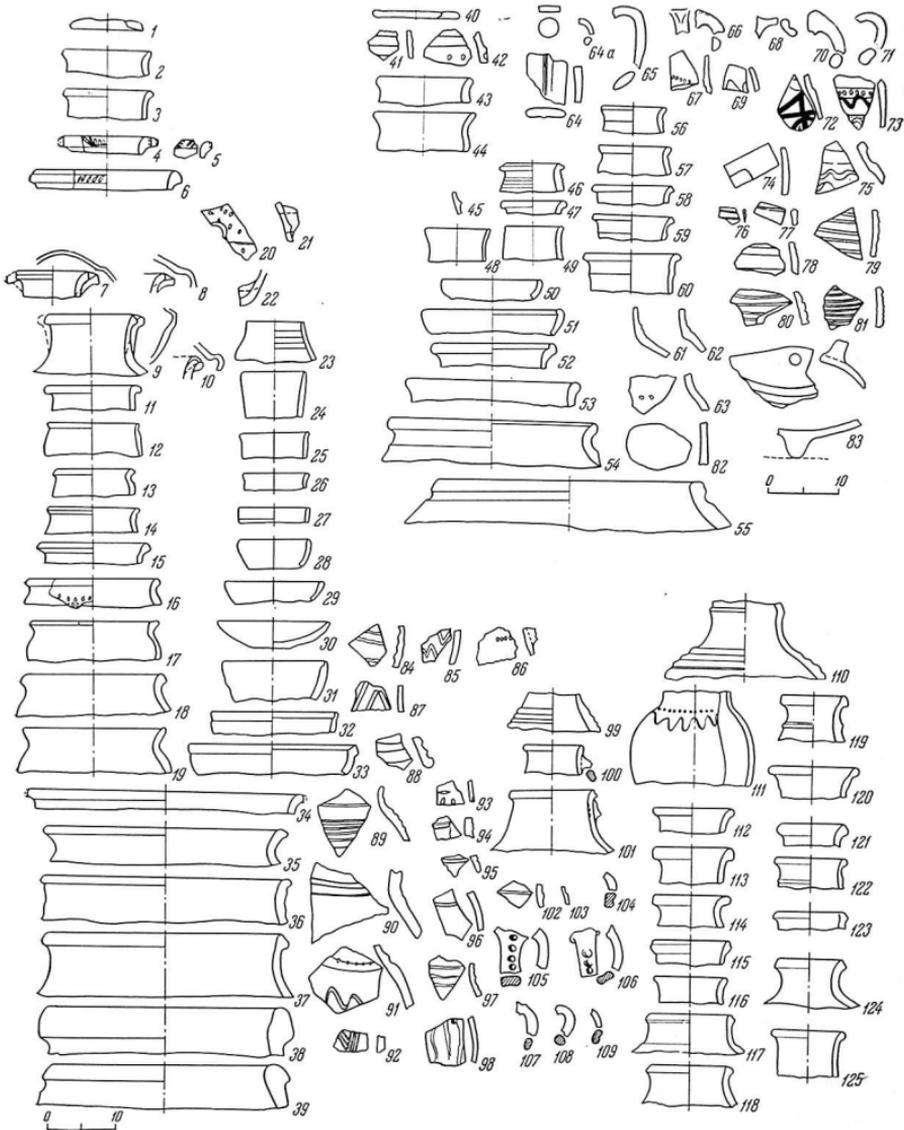

Рис. 63. Керамика городищ Ордакент (1—39, 84—125) и Шорлак-тобе (40—83)

В подъемном материале Ордакента в основном обнаружена керамика второй группы. Найдено много фрагментов сосудов типа хумов и хумчей с коричнево-красными и черными мазками и потеками по жидкому беловатому ангобу (толщина стенок 1, 2 см) или по беловато-коричневой поверхности снаружи. Отдельные экземпляры были покрыты жидким беловатым ангобом. Все они красноглиняные, изготовлены хорошей ручной лепкой. Некоторые из них — с маленьким подтреугольным или округлым в сечении венчиком диаметром 34—40 см, иногда сосуды имели две симметрично расположенные, идущие от венчика петлеобразные ручки. Часто они покрыты снаружи, а изредка и внутри густым красновато-коричневым ангобом (рис. 63, 34—37). Подобные крупные горшки такого же качества — частая находка на ранних джетьясарских и на одновременных им каучинских памятниках. Близкую каучинскую форму имеют и хумы с округло-подтреугольным в сечении крупным венчиком, с короткой, почти невыделенной шейкой и покатыми плечиками (рис. 63, 38—39); обычно они покрыты красно-коричнево-черными потеками по беловатому ангобу. У некоторых из хумов или хумчей горло отделено от плечиков одним или двумя горизонтальными валиками (рис. 63, 89—91). Вероятно, сосуду типа хума принадлежит фрагмент дна с отпечатками грубой ткани на наружной стороне.

Среди прочих форм отметим горшки с маленьким подтреугольным или круглым в сечении венчиком, лишь намеченным горлом, покатыми плечиками и несколько раздутым туловом. У одних сосудов снаружи по беловатому жидкому ангобу, а внутри по красноватой поверхности — густые красно-коричневые мазки и потеки (рис. 63, 18, 19), у других снаружи и внутри по горлу — сплошной густой коричнево-красный ангоб и лощение (рис. 63, 17). У третьих, покрытых красно-коричневым ангобом, по плечикам проходят два ряда подтреугольных насечек (рис. 63, 16). Все варианты отделки и формы горшков встречаем на городищах типа Шаушукумтобе.

Как всегда, кувшины представлены наибольшим количеством экземпляров. Встречены сосуды станковой работы и изготовленные тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки (все они одинаковой формы); кувшины часто покрыты снаружи густым красно-коричневым ангобом и иногда потеками красно-коричневого и черного ан-

гоба по беловатому жидкому. У кувшинов — небольшой круглый или подтреугольный в сечении венчик, прямое высокое горло, обычно покатые плечики (рис. 63, 99—101, 110—125), иногда отделенные четким уступом и валиком от горла (рис. 63, 110, 117). Некоторые кувшины имели горизонтальный валик на середине горла (рис. 63, 119, 122); другие украшены рифлением по плечикам. Верхняя часть петлеобразной ручки обычно кренилась сразу под венчиком или ниже венчика на горле. Круглые, овальные или прямоугольные в сечении ручки часто сжаты с боков, в результате чего на спинке образуется продольная ложбинка (рис. 63, 104—109), как и на ручках из нижнего слоя Шаушукумтобе. У некоторых ручек по внешней стороне — пальцевые вдавления (рис. 63, 105, 106). Этот прием ориентации характерен для памятников второго этапа каучинской культуры.

Встречаются кувшины с симметрично расположенными по краю венчика, округлыми в плане сливами, тождественными сливам, типичным для джетьясарской культуры первой половины I тысячелетия н. э. (рис. 63, 7—10). Часть кувшинов снабжена расположенным на плечиках цилиндрическим носиком. В керамическом комплексе Ордакента есть фрагменты подобного носика-слива с частью плечика сосуда, украшенного валиком и насечками вокруг горла и носика (рис. 63, 20—22).

Другие кувшины украшены орнаментованными по плечикам прорезной волнистой линией и вдавлениями (рис. 63, 111). Подобное сочетание волнистого орнамента на плечиках и насечек по валику под горлом встречается и на крупных, очевидно, двуручных горшкообразных сосудах (рис. 63, 91). Некоторые сосуды украшены лишь вдавлениями, идущими по обе стороны от ручки вокруг сосуда, или же одним или несколькими рядами прорезного волнистого орнамента. Часто на плечиках и тулове сосудов — горизонтальное рифление (рис. 63, 99, 110), а иногда — прорезные или прорезанные горизонтальные полосы (рис. 63, 94—96). Встречены сосуды с несколькими или одним рядом волнистого орнамента, нанесенного концом довольно широкой дощечки или расцеленной камышиной палочкой по еще сырой глине (рис. 63, 85, 92). Есть отдельные экземпляры станковых сосудов, с черепком в изломе красно-кремового цвета, снаружи покрытых густым коричнево-красным ангобом и лощением.

Фрагменты крупных и средних красноглиняных сосудов хорошей ручной лепки, покрытых густым красно-коричневым ангобом и подлощенных поверх него снаружи (а более мелкие сосуды — с обеих сторон), аналогичны типичным джетыасарским.

Можно отметить станковой работы фляги с беловатым жидким ангобом по наружной стороне, с красноватым густым ангобом и очень глубоким рифлением.

Миски и чаши представлены фрагментами лишь нескольких экземпляров. Самая крупная из них, станковой работы с беловато-бежеватой поверхностью, имела выделенный подпрямоугольный в сечении венчик (рис. 63, 33). Встречена красноангобирыванная миска полусферической формы с простым краем (рис. 63, 32). Некоторые мисочки или чаши имели простой край, округлые стенки; покрыты они были густым красноватым или красновато-коричневым ангобом (рис. 63, 28—31).

Кружки представлены фрагментами. Некоторые из них — с маленькими выделенными венчиками, покрыты густым красно-коричневым ангобом (рис. 63, 27). Другие — тонкостенные, с чуть выделенным округлым краем, прямыми стенками, покрыты густым темно-коричневым до черного густым ангобом (рис. 63, 25), иногда до кремового цвета поверхности (рис. 63, 26). Прямые стенки, чуть расходящиеся вверх, имеет станковый сосуд типа кружки, снаружи покрытый беловатым жидким ангобом, поверх которого — следы густого темно-коричневого (рис. 63, 24). Отметим прием обработки поверхности сосудов типа небольших часто подлощенных горшочков лопаточкой или дощечкой с довольно широкой рабочей частью, прежде всего нижней половины сосуда. Интересен сосуд типа кружки, сужающийся вверх, с простым краем, с коричневато-бежеватого цвета поверхностью, с рифлением внутри (рис. 63, 23). У отдельных сосудиков на месте перехода плечиков к горлу есть слабое рифление. Несколько кружечек, изготовленных тщательной ручной лепкой, снаружи покрыты густым темно-коричневым ангобом и лощением, как и типичные джетыасарские.

Итак, рассмотренный комплекс посуды близок керамике, типичной для Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна первой половины и середины I тысячелетия н. э. Однако необходимо отметить, что на Ордакенте полностью отсутствуют некоторые формы, характерные для Ташкентского оазиса того времени, например кружки с зооморфными

ручками, и присутствуют сосуды (например, хумы с наливком под горлом, кувшины с высоким горлом, резко отделенным от крутых плечиков, иногда с горизонтальным рифлением на плечиках сосудов), не встречающиеся на памятниках Ташкентского оазиса. Отметим также, что на Ордакенте найдены сосуды, характерные для джетыасарской культуры. Датировать рассмотренный комплекс можно, очевидно, первой половиной и серединой I тысячелетия н. э. (Хотя наличие единичных сосудов, характерных для VII—IX вв., например горшок первой группы, типичный для джетыасарской культуры этапа Джеты-асар III, свидетельствует о каком-то эпизодическом возобновлении жизни Ордакента в этот период.)

Ак-тоган. Городище расположено между саями в горной долине, на правом берегу Сырдарьи, в 20 км к востоку от Яны-кургана, и окружено курганными группами. Это тепе, с площадкой высотой 8—9 м, отряд Хорезмской экспедиции посетил в 1966 г., собрав подъемный материал⁴⁰. Присутствие фрагментов бракованных сосудов говорит о существовании здесь керамического производства.

Найдено небольшое количество сосудов грубой ручной лепки с примесью шамота или реке дресвы в тесте, с серой и темно-серой поверхностью. Отметим горшки с простым округлым, несколько отогнутым краем, с резко покатыми плечиками, округлым туловом и плоским дном.

Основную массу керамики составляют фрагменты сосудов, изготовленных тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки (или, что встречается реже, — станковой работы), достаточного обжига, с примесью мелких известковых включений в тесте, снаружи обычно покрытых жидким беловатым ангобом, поверх которого нанесены красно-коричневые мазки и потеки (у тонкостенных сосудов краска часто нанесена на красноватую поверхность). Обнаружены фрагменты красноглиняного сосуда станковой работы, тонкостенного, снаружи покрытого белым ангобом, а внутри — красноватого цвета пористой поверхностью, фрагменты сосуда хорошей ручной лепки с густым красным ангобом и лощением. Отметим сосуды типа хумов с удлиненно-округлым в сече-

⁴⁰ Полевые дневники Б. В. Андрианова № 36 и Б. И. Вайнберг № 37 (сырдарьинский маршрут 1966 г.). Архив. ХАЭЗ. Описание других городищ также дается по этим дневникам.

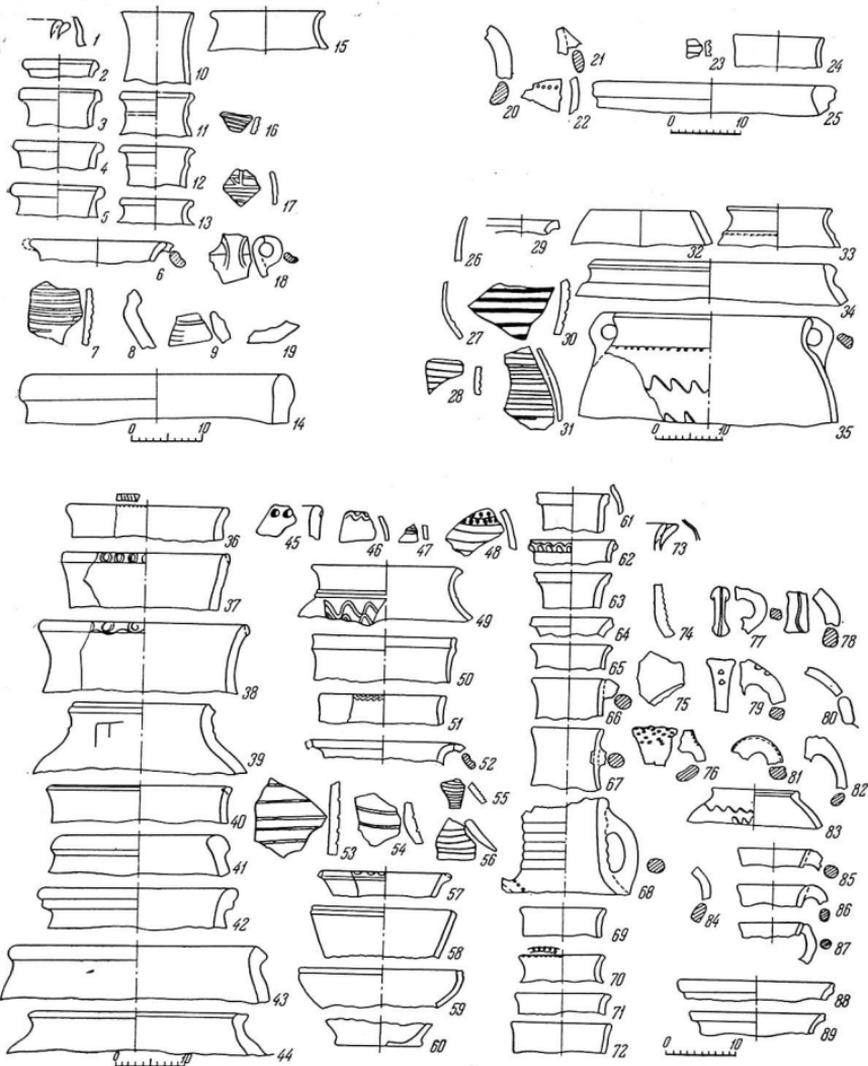

Рис. 64. Керамика городищ Ак-тоған (1—19); Шушак-тобе (20—25); Абыз-тобе (26—35); Садык-ата (36—89)

нии венчиком и прямой шейкой, с подтреугольным в сечении венчиком, короткой шейкой, отделенной от резко покатых плечиков валиком (рис. 64, 8, 14). Аналогичные сосуды распространены в материалах каучинской культуры на городищах типа Ак-тобе 2. Что касается сосудов типа хумов с валиком под горлом, то они напоминают хумы Хорезма кангуйского времени⁴¹. Встречены они и на городище Ордакент.

Горшки с несколько утолщенным круглым или подтреугольным в сечении краем, с вертикальными ручками (вероятно, двумя), прикрепленными к краю, покрыты жидким беловатым ангобом, поверх которого идут красно-коричневые мазки и потеки. Ручки — подпрямоугольные в сечении, чуть сжаты с боков, с ложбинкой по внешней стороне (рис. 64, 6, 18). У одного из таких горшков под горлом проходит четко выраженный уступ. Очевидно, к горшкам относится и толстостенный сосуд с валиком под горлом, с ручками, нижний край которых прикреплен на резко покатых плечиках под валиком. Сосуд украшен прочерченными горизонтальными полосами, которые идут по тулову от основания ручки (рис. 64, 9).

Наибольшую группу сосудов на городище Ак-тоган составляют кувшины. Все они красноглиняные, большинство снаружи покрыто беловатым ангобом с красно-коричневыми мазками и потеками поверх него. Венчики диаметром 10—12 см, подтреугольные или круглые в сечении, иногда с горизонтальной ложбинкой или выемкой на внутренней стороне (рис. 64, 1—5, 11—13). Прямое высокое горло бывает украшено по средней части горизонтальным валиком (рис. 64, 11, 12). Многие кувшины снабжены петлеобразной ручкой, верхним концом прикрепленной к краю или к горлу на 1,5—2 см ниже венчика. Отметим фрагмент круглого в сечении венчика с зачатком слива по краю, аналогичного характерным для джетыаясарского комплекса первого периода. Для основной же массы кувшинов находим аналогию в каучинской культуре Ташкентского оазиса первого этапа.

Красноглиняные тонкостенные сосудики типа мисочек, чаш и кружек обычно покрыты снаружи и изнутри густым темно-красного цвета ангобом и подлощены. Одна из кружек с простым тонким краем, слегка отогнутым горлом и почти прямым туловом (рис. 64,

10) близка кружкам, найденным на поселении Ак-тобе 2, в могильниках Ташкентского оазиса первого этапа.

Нередки фрагменты сосудов сташковой работы большого диаметра с четко выраженным горизонтальным рифлением или же глубоко прорезанными полосами по плечикам и тулову (рис. 64, 7, 16). На некоторых сосудах, возможно на плечиках, горизонтальное рифление сопровождалось прорезанными до обжига двумя рядами волнистого орнамента (рис. 64, 17).

Распространенная керамика городища Ак-тоган, тождественная части керамики Ордакента (последний существовал значительно дольше Ак-тогана), связана с материалами Ташкентского оазиса первых веков нашей эры и имеет ряд элементов, характерных для раннего джетыаясарского комплекса. В то же время надо отметить, что, как и на городище Ордакент, на Ак-тогане преобладают сосуды с горизонтальным рифлением по плечикам и тулову (прежде всего крупные сосуды типа хумов, двуручных горшков второй группы), высокогорлые кувшины с резко отделенным от крутых плечиков горлом, часто изготовленные на гончарном круге. Керамика городища дает возможность датировать комплекс Ак-тогана с рубежа или последних веков до нашей эры до III—IV вв. н. э.

Ш о р н а к - т о б е. Городище, расположенное на правом берегу Сырдарьи, в 30 км к северо-западу от г. Туркестана, представляет собой квадратное в плане сооружение площадью 75×80 м и высотой до 6 м. Оно было открыто А. Н. Бернштамом в 1947 г.⁴² Исследованный его в дальнейшем Г. И. Пацевич отказался от предварительной датировки⁴³. Отряд Хорезмской экспедиции обследовал Шорнак-тобе в 1966 г.⁴⁴

Из многочисленной подъемной керамики отметим фрагменты сосудов первой группы с плотным черепком, с темно-серого цвета поверхностью, с примесями кварцитового песка в тесте. Но преобладают фрагменты сосудов, для которых характерны примеси большого количества крупнодробленого шамота и дресвы. Аналогичные сосуды найдены на Абыз-тобе, Кара-тобе беспанкельском и других памятниках этого района. Встречены небольшие горшки с плоскими днищами диаметром 10—12 см с намеченной шейкой и простым

⁴² «Археологическая карта Казахстана», стр. 229.

⁴³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 105, рис. 45.

⁴⁴ См. упомянутые выше дневники Б. В. Андрианова и Б. И. Вайнберг, 1966 г.

отогнутым круглым в сечении краем или также слегка отогнутым наружу маленьким подтреугольным в сечении венчиком. Диаметр краев горшков 13, 14 см (рис. 63, 43, 44). Эти сосуды ориентированы прорезанными по сырой глине горизонтальными полосами или слабым рифлением по горлу, плечикам, а возможно, и тулову. Иногда рифление сочетается с рядом насечек по плечикам горшка или кувшина (рис. 63, 41, 42). К первой же группе керамики относится и обломок плоской крышки (рис. 63, 40).

Осталшую массу подъемного материала составляют фрагменты сосудов второй группы. Найдены фрагменты хумов и хумчей, обычно они ручной лепки (иногда изготовлены при помощи вращающейся подставки), покрыты снаружи по жидкому беловатому ангобу или красноватой поверхности густыми коричнево-черными мазками и потеками. Отметим верхнюю часть хума с большим подпрямоугольным в сечении венчиком, маленькой шейкой и резко покатыми плечиками (рис. 63, 55). Подобные сосуды находим в материалах каучинской культуры. Найдены также верхние части крупных хумчей или горшкообразных сосудов с маленьким круглым в сечении венчиком, прямым горлом или сосуды с округло-подтреугольным в сечении, слегка отогнутым наружу венчиком, с желобком на внутренней стороне его, с выделенным изогнутым горлом, отделенным от покатых плечиков четким валиком (рис. 63, 54—54). Тожественные последние сосуды имелись в материалах Ордакента, Ак-тогана.

Кувшины по качеству подобны описанным выше сосудам второй группы, но среди них встречаются и станковой работы сосуды, покрытые жидким беловатым или густым красным и красно-коричневым ангобом. Все они имеют маленький подтреугольный или округлый в сечении венчик диаметром 9—13 см, прямое высокое горло, иногда с горизонтальным валиком по середине его (рис. 63, 56—62). У некоторых сосудов по горлу идет горизонтальное рифление, у других (иногда с кремво-песочным черешком) рифление, часто довольно мелкое, проходит по нижней части горла или по плечикам, отделенным от горла четким уступом или валиком (рис. 63, 61, 62). У одного кувшина помимо мелкого рифления на горле есть и желобок по наружной стороне венчика (рис. 63, 46). У другого под горлом — зачаток слива-носика. Часть кувшинов и горшков снабжена ручкой, верхним концом прикрепленной к горлу или к краю. Ручки эти круглые, округло-под-

треугольные или овально-прямоугольные в сечении, часто они сжаты с боков и имеют продольный желобок на спинке (рис. 63, 66, 68, 70, 71). Отметим крупную, изогнутую почти под прямым углом вертикальную ручку, удлинненно-овальную в сечении, вероятно, от кувшина станковой работы, имеющую следы коричневого ангоба. Подобная же по качеству и величине ручка украшена двумя небольшими продольными желобками и выступом между ними по внешней стороне (рис. 63, 64, 65). Аналогичные ручки характерны для кувшинов, бытующих в VIII—X вв. н. э.

Из других форм сосудов отметим неглубокие открытые миски. Одна — с простым чуть утолщенным краем и едва заметным перегибом стенок в верхней части; другая — со слегка загнутым внутрь краем, плоским борезком и с едва заметным перегибом в верхней части. Обе миски изготовлены тщательной ручной лепкой, причем одна из них покрыта густым коричнево-красноватым ангобом, а другая имеет такой ангоб лишь на внутренней стороне, снаружи он беловатый жидкий (рис. 63, 50, 51).

Кружкам, вероятно, принадлежат фрагменты верхних частей нескольких сосудов и обломки петлеобразных ручек, округлых в сечении, с желобком на внешней стороне (рис. 63, 64а). У одного из подобных сосудов, покрытого снаружи густым коричнево-красноватым ангобом, маленький, круглый в сечении венчик и высокое прямое горло (рис. 63, 49). Другой, очень тонкостенный сосуд (до 3 мм), в отличие от подавляющего большинства имеет кремво-песочный в изломе черепок, такую же поверхность, простой отогнутый край и высокое прямое горло (рис. 63, 48).

На многих сосудах второй группы (в том числе и станковых) снаружи по беловатому жидкому ангобу нанесены красно-коричневые, иногда до черного цвета мазки и потеки (рис. 63, 74, 77). Некоторые сосуды украшены одним или несколькими рядами прорезанного по сырой глине волнистого орнамента (рис. 63, 69—75). Иногда орнамент нанесен под валиком, отделяющим горло от плечиков (рис. 63, 75). Порой волнистый орнамент сочетается с рядом вдавлений, которые встречаются и в качестве единственного украшения на плечиках других сосудов (рис. 63, 63, 67), и с прорезными линиями, передающими горизонтальное рифление по плечикам и тулову (рис. 63, 76—81). Подобные горизонтальные каннелюры, переданные четким рифлением или прорезными полосами, встречены

на различных по размерам и типам сосудах, например типа фляги (рис. 63, 80).

Вероятно, фляге принадлежит фрагмент стенки с плоским боком, с круглым в плане выступом (который мог быть и ножкой) и орнаментом в виде прорезных горизонтальных полос. По наружной поверхности этого станкового сосуда, покрытого белым ангобом, нанесены коричнево-черные потеки и мазки (рис. 63, 83). В месте перехода горла к плечикам на одном из крупных сосудов был пунсоновый орнамент, а на другом — прорезной геометрический (рис. 63, 63, 72). На стенке станкового сосуда встречено сочетание горизонтально прорезанных линий и вертикальных волнистых полос, нанесенных густой красно-коричневой краской по беловатому ангобу (рис. 63, 77).

Таким образом, комплекс керамики с Шорнак-тобе дает основания причислять его к типичным городищам этого района Средней Сырдарьи и датировать в основном первой половиной и серединой I тысячелетия н. э. Некоторые фрагменты сосудов (ручки, например) могут датироваться и самым концом I тысячелетия н. э., что может говорить и об эпизодическом оживлении городища и в данное время.

Садык-ата. Городище расположено на правом берегу Сырдарьи, в 18 км к северо-западу от г. Туркестана. Это большое тепе с площадью высотой 12 м. Центральная часть его возвышается на 5 м над площадкой. Городище открыто А. Н. Бернштамом в 1947 г.⁴⁵, повторно обследовано Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем⁴⁶, а в 1966 г. — отрядом Хорезмской экспедиции. Керамика первой группы представлена маловыразительными фрагментами сосудов, среди которых большинство отличается наличием в тесте и выходящего на поверхности крупнодробленого шамота или дресвы. Подобные сосуды (обычно с сероватым или серовато-коричневатым ангобом) характерны для первой группы керамики городищ типа Абыз-тобе, Кара-тобе беспякольское, Маслахат-тобе, Шорнак-тобе. Отметим крупные горшки с маленькими подтреугольными в сечении венчиком и прямым горлом (рис. 64, 88, 89). Можно говорить и о наличии кружек с простым, чуть отогнутым краем диаметром 9—10 см и идущей от края петлеобразной ручкой, круглой в сечении. В одном случае (сосуд по качеству относится ко вто-

рой группе) сверху на ручке у края сосуда имелась небольшая ямка от вдавления пальцем (рис. 64, 90). Подобный прием орнаментации на аналогичных по форме сосудах появляется в конце первого этапа (конец III — начало IV вв. н. э.) и получает широкое распространение на втором этапе (IV—V вв. н. э.) каучинской культуры Ташкентского оазиса.

Несравненно многочисленнее и разнообразнее представлена вторая группа керамики. Среди фрагментов типа хумов, хумчей, крупных горшков есть несколько венчиков и дниц. Венчики крупные, подпрямоугольные или подтреугольные в сечении, иногда с широкой ложбинкой по внешней стороне. Шеика их чуть выделена, плавно переходит в покатые плечики, часто же она вообще отсутствует (рис. 64, 41—44). Большинство сосудов покрыто снаружи жидким беловатым ангобом. У сосудов типа крупных горшков того же качества большей частью простой или чуть утолщенный край с ложбинкой по бережку или украшенный по нему насечками, а иногда и вдавлениями по бережку и с внешней стороны края (рис. 64, 36, 38, 45). Горло у них высокое, прямое, плавно переходящее в покатые плечики. Все они изготовлены ручной лепкой и покрыты густым красным, красно-коричневым ангобом и иногда подложены. Аналогичные некоторым из сосудов находим на городище Шаушукум-тобе. Такая же форма и у сосудов несколько меньшего размера, сваружи и по бережку орнаментированных вдавлениями палочкой (рис. 64, 51). Некоторые из перечисленных горшков были снабжены двумя ручками, верхним концом прикрепленными к краю (рис. 64, 52). Ручки обычно овальные, круглые или подпрямоугольные в сечении, часто с продольным желобком на спинке (рис. 64, 77, 78).

Близкую описанным выше сосудам форму имеет станковой работы красноглиняный сосуд, покрытый снаружи белым ангобом, с простым, чуть утолщенным отогнутым краем, прямым высоким горлом, отделенным от плечиков тремя глубоко прорезанными горизонтальными полосами и валиками между ними. По плечикам же сохранились два ряда волнистого прорезного орнамента (рис. 64, 49). Аналогичные сосуды встречены на втором этапе каучинской культуры. Один из горшков с прямым горлом, подтреугольным венчиком, покатыми плечиками, с прорезным после обжига знаком на горле, покрыт снаружи жидким беловатым ангобом (рис. 64, 39). Интересен фрагмент горла горшка с тон-

⁴⁵ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, стр. 59—99.

⁴⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений, стр. 104—105.

кими прямыми стенками, с венчиком, разделенным снаружи ложбинкой, покрытый жидким красноватым ангобом (рис. 64, 50). Аналогичные качество и форму венчика имели горшки из Шаушукум-тобе.

Как и на других подобных памятниках, кувшины составляют наиболее многочисленную группу керамики. Хотя размеры их различны, все они имеют подтреугольный в сечении венчик, разделенный снаружи продольным желобком, или простой округлый край, слегка отогнутый наружу, прямое высокое горло. К краю сосуда или, что встречается чаще, к горлу ниже венчика прикреплялся обычно с помощью шпешка (рис. 64, 67) верхний конец ручки, круглой или овальной в сечении (рис. 64, 66—68). Некоторые ручки по внешней стороне украшены гребенчатой или неровно прорезанной полосой (рис. 64, 77, 78), подобно найденным на Шаушукум-тобе. На некоторых из таких ручек имелись орнамент в виде нескольких ямок или наколов на верхней части (рис. 64, 76, 79). У отдельных экземпляров кувшинов на горле — горизонтальные мелкие или крупные рифления (рис. 64, 68, 74). Как и на Шаушукум-тобе, на Садык-ата у некоторых кувшинов были горизонтальные петлеобразные ручки, подквадратные в сечении, слегка сжатые с боков, с желобком по спинке (рис. 64, 81). У других на краю сосуда — небольшой округлый в плане слив, аналогичный типичным джетыасарским (рис. 64, 73). Некоторые кувшины на плечиках, на противоположной стороне от ручки, имели поспк-слив (рис. 64, 68, 75), иногда украшенный у основания рядами пуночного орнамента и сочетающийся с высоким прямым орнаментированным горлом (рис. 64, 68). Отдельные венчики украшены по нижней части внешней стороны пальцевыми зацепками (рис. 64, 62). Подавляющее большинство кувшинов хорошей ручной лепки; они красноглиняные и покрыты густым красноватым, красновато-коричневым, иногда до черного ангобом. Отдельные сосуды подлощены, часть же покрыта снаружи жидким беловатым ангобом, а на других поверх жидкого беловатого ангоба нанесены коричневые-черные или красновато-коричневые мазки.

Миски встречены в гораздо меньшем количестве. Одна из них, открытая, с выделенным, круглым в сечении краем, округлыми стенками, покрытая снаружи белым, а внутри и по краю — густым темно-коричневым ангобом, аналогична встреченным в нижнем горизонте «Большого дома» Джеты-асара № 3

(рис. 64, 59). Другая, высокая миска, с прямыми тонкими стенками, расширяющимися к краю, с подтреугольным в сечении венчиком с горизонтальной ложбинкой по внешней стороне, так же тщательно изготовлена ручной лепкой и покрыта снаружи беловатым ангобом по красновато-коричневой поверхности (рис. 64, 58). Встречена миска с прямыми стенками, расходящимися к простому и украшенному снаружи пальцевыми вмятинами краю; по наружной стороне сосуда — красновато-коричневый ангоб (рис. 64, 37). Такой же орнамент по березку округлого венчика и, вероятно, ту же форму имел сосуд гораздо меньшего размера, покрытый белым ангобом (рис. 64, 57).

К кружкам можно отнести фрагменты сосудов с простым, слегка отогнутым краем (рис. 64, 69—72). На некоторых из них снаружи по беловатому жидкому ангобу нанесены черно-коричневые густые мазки (рис. 64, 69); у других по березку имелись вдавления, сделанные концом тонкой палочки по сырой глине (рис. 64, 70). Третью же поверх густого красноватого, красно-коричневого ангоба и лощения обработаны деревянной лопаточкой (рис. 64, 72). Часть кружек покрыта густым красно-коричневым, темно-коричневым ангобом и подлощена. Некоторые покрыты беловатым ангобом. Кружки иногда имели круглые или овальные в сечении ручки, прикрепленные верхним концом к краю. В одном случае у верхнего края ручки — пальцевая вмятина, подобная встреченным на Шаушукум-тобе, в нижнем горизонте Минг-Урюка.

Может быть, к котлообразным относится станковый сосудик с выделенным краем и резко расходящимися от него стенками. По плечикам его проходит горизонтальная полоса и несколько рядов прорезного волнистого орнамента, заметны следы густого красно-коричневого ангоба (рис. 64, 83). Прорезной волнистый орнамент сохранился и на других сосудах (рис. 64, 46, 49). Неоднократно встречался орнамент в виде прорезных горизонтальных полос по плечикам и тулову (рис. 64, 47, 53—56). Иногда подобное рифление сопровождается рядами вдавленного орнамента (рис. 64, 48).

Таким образом, керамика городища Садык-ата очень близка керамике Ордакента, Шорлак-тобе и, безусловно, принадлежит к тому же типу. В то же время и в материалах Садык-ата заметна связь с керамикой городища Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна тина Шаушукум-тобе. Учитывая аналогии сосудам, можно датировать городище Садык-

ата предположительно первой половиной I тысячелетия н. э.

Ак-тобе (туркестанское). Городище, расположенное на правом берегу Сырдарьи, в 18 км к юго-западу от г. Туркестана, обследовано Хорезмской экспедицией в 1966 г.

В многочисленном материале есть фрагменты стенок сосудов первой группы; для них характерно большое количество примесей крупнодробленого шамота в тесте, выступающих на обеих поверхностях. Горшки имеют

крутые плечики, отделенные от высокого горла уступом, с маленьким округло-подтреугольным в сечении венчиком (рис. 65, 29).

Сосуды второй группы, станковой работы или изготовленные тщательной ручной лещкой при помощи вращающейся подставки, красноглиняные, часто покрыты жидким белым ангобом, поверх которого иногда заметны следы красно-коричневых потеков. О форме сосудов из-за небольшого количества выразительных фрагментов судить сложно. Отметим лишь кувшины с выделенным прямым

Рис. 65. Керамика городищ Кара-тобе беспякольское (1—22); Ак-тобе туркестанское (23—29); Кос-тобе (30—41); близ Майрам-тобе (42—50)

горлом, часто отделенным от плечиков небольшим валиком, с очень маленькими круглым или округло-подтреугольным в сечении венчиком, снабженные петлеобразной подпрямоугольной в сечении ручкой с продольной ложбинкой по спинке (рис. 65, 27). Кроме кувшинов встречены миски с простым округлым краем, с резким перегибом стенок и мисочки открытые, с простым краем, с чуть заметным перегибом стенок (рис. 65, 25, 26).

По своему облику керамика городища подобна материалам городищ типа Ак-тоган, Ордакент и т. п. В то же время ее близость с керамикой каунчинской культуры типа сосуды из Ак-тобе 2, нижнего слоя Шаушукум-тобе дает возможность предварительно датировать Ак-тобе (туркестанское) первой половиной и серединой I тысячелетия н. э.

Кос-тобе (южное). Городище расположено на правом берегу Сырдарьи, в 21 км юго-западнее г. Туркестана. Это тече с площадкой высотой до 5 м. Оно обследовано маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции в 1966 г.

Тесто керамики первой группы, как и на городище Ак-тобе (туркестанское) и Шорнак-тобе, содержит много примеси крупнодробленого шамата. Поверхность сосудов обычно черного или темно-коричневого, реже темно-красного цветов. Один из сосудов отличается от прочих значительной примесью песка в тесте. Эти сосуды, очевидно, горшковидной формы, с плоским дном, с простым, слегка отогнутым наружу краем. Орнаментированы они глубокими полосами, прорезанными еще до обжига сосуда палочкой или образованными при формовке пальцами, создающими видимость горизонтального рифления на стенках (рис. 65, 40).

Фрагменты сосудов второй группы более многочисленны. Изготовлены они тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки или на станке. Поверхность сосудов покрыта красновато-коричневатым или беловатым ангобом. Найден фрагмент хума со слегка утолщенным краем и прямым четко выраженным горлом. Встреченные кувшины имели высокое прямое горло, слегка отогнутый простой край или подтреугольный или круглый в сечении венчик, диаметром 10—12 см (рис. 65, 30, 31, 37). В одном случае на горле находился слабо выраженный валик (рис. 65, 31). Под горлом на плечиках и на тулове — горизонтальное рифление. Прорезные горизонтальные полосы, тонкие или широкие, слабо выраженные

или глубокие линии, а иногда и четкое горизонтальное рифление — распространены и характернейший орнамент на тулове, плечиках и на хумах, крупных горшках, и на кувшинах, флягах, горшочках и тонкостенных кружечках (рис. 65, 32, 33, 38) в данном комплексе. Некоторые сосуды украшены прорезным волнистым узором (рис. 65, 36). Тонкостенные чашки или кружки имеют маленький круглый в сечении венчик и покрыты красным густым ангобом. Таким же густым коричневым до черного ангобом покрыта и мисочка полусферической формы с простым краем (рис. 65, 35).

Керамика городища Кос-тобе аналогична сосудам с городищ типа Ак-тоган, Ордакент. Она может быть предварительно датирована первой половиной I тысячелетия н. э.

Маслахат-тобе — городище, расположенное на правом берегу Сырдарьи на древнем русле Арыси, в 10 км к западу от станции Утрабат, было обследовано в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции⁴⁷. К северу от Маслахат-тобе находится холм, где встречены фрагменты стенок средневековых сосудов (блюда с темно-зеленой, коричневой, желтой поливой). Само же городище дало иной комплекс сосудов. В нем прежде всего отметим фрагменты стенок сосудов первой группы с красноватой поверхностью.

Основную массу керамики составляют фрагменты сосудов второй группы, в большинстве изготовленные тщательной ручной лепкой. Сосуды первого вида представлены фрагментами хумов с нанесенными поверх красноватой поверхности или беловатого ангоба мазками и потеками густого темно-коричневого ангоба или же покрытые беловатым ангобом снаружи, например верхняя часть хума с крупным подтреугольным в сечении венчиком, с резко покатыми плечиками (рис. 62, 30). Похожие сосуды находим в каунчинской культуре, начиная с первого этапа. Среди фрагментов сосудов других видов встречены и покрытые густым красным и красно-коричневым ангобом, а иногда и подлощенными. Отметим фрагмент горшка с маленьким подтреугольным в сечении венчиком и невысоким горлом, снаружи с густым темно-красным ангобом и лощением (рис. 62, 23).

У кувшинов — такой же маленький подтреугольный или круглый в сечении венчик,

⁴⁷ См. дневники Б. В. Андрианова и Б. И. Вайнберг (сырдарьинский маршрут 1966 г.).

высокое горло (рис. 62, 26, 28), иногда отделенное от плечиков четким валиком (рис. 62, 29). Некоторые кувшины имели рифление по горлу и сливы (или слив) по краю (рис. 62, 24). Другие кувшины снабжены вертикальной петлеобразной ручкой, круглой или овальной в сечении (рис. 62, 26, 27). По плечикам некоторых кувшинов и горшков нанесены насечки и вдавления (рис. 62, 19, 21). У одного из сосудов два ряда насечек по плечикам сочленились с широким горизонтальным рифлением по плечикам и, возможно, тулову (рис. 62, 22). Неглубокое, но четкое широкое горизонтальное рифление встречается на тулове и плечиках и других крупных сосудов (рис. 62, 20).

Кружки представлены фрагментом сосуда с беловатым ангобом, высоким горлом и простым краем, ниже которого прикреплена овальная в сечении петлеобразная ручка.

Рассмотренная выше керамика городища Маслахат-тобе принадлежит к тому же комплексу, что и керамика городищ Ак-Тоған, Ордакент, Шорнак-тобе и др. Аналогии этой керамики в кауңчинской культуре Ташкентского оазиса позволяют предварительно датировать городище первой половиной I тысячелетия н. э.

Ак-тобе (отрарское). Городище расположено на правом берегу Сырдарьи, в 12 км к юго-западу от станции Утрабат. Это бугор высотой 5—6 м, овальной формы, с двумя площадками. В 1966 г. обследовано отрядом Хорезмской экспедиции.

Керамика первой группы представлена фрагментами сосудов с характерной для некоторых городищ (Абыз-тобе, Кара-тобе беспакальское и др.) примесью в тесте большого количества крупнодробленого шамота и дресвы, выступающей на поверхность, обычно покрытую сероватым ангобом. О форме таких сосудов частично можно судить по фрагментам крупного горшка с раздутым туловом, относительно крутыми плечиками, отделенными от высокого прямого горла валиком. Округло-подтреугольным в сечении венчик отогнут наружу (рис. 62, 13).

Керамика второй группы красноглиняная, большей частью изготовлена ручной лепкой при помощи вращающейся подставки. По форме отметим сосуды типа хумов и крупных горшков: с крупным подтреугольным в сечении венчиком, с короткой шейкой (рис. 62, 8); с простым, чуть отогнутым краем, небольшим горлом, отделенным от плечиков резко выраженным уступом (рис. 62, 6); с небольшим подтреугольным

или округло-подтреугольным в сечении венчиком, с маленьким горлом, в одном случае отделенным от покатых плечиков двумя горизонтальными валиками (рис. 62, 5, 7). По красноватой поверхности этих сосудов или жидкому беловатому ангобу нанесены красно-коричневые до черного мазки и потеки. Белым ангобом снаружи покрыты и горшкообразный или кувшиновидный сосуд с невысокой шейкой и подтреугольным в сечении, с небольшой выемкой по наружной стороне венчиком. Подобной формы венчики распространены в материалах городищ южной части Средней Сырдарьи (рис. 62, 11).

Кувшинам же принадлежат фрагменты стенки горла с ручкой, подпрямоугольной в сечении, слегка сдавленной с боков, с небольшой ложбинкой по внешней стороне (рис. 62, 4) и фрагменты прямого высокого горла с маленьким округло-подтреугольным в сечении венчиком, с вертикальной ручкой такой же формы, как у вышеупомянутого кувшина. Верхний край ручки прикреплен на 1,5 см ниже венчика, а с внутренней стороны закреплен добавочным выступающим внутрь куском глины (рис. 62, 10). На наружной стороне кувшина по беловатому ангобу идут темно-коричневые потеки. Подобные же потеки (лишь с красноватым оттенком) есть и на стенках крупных сосудов, может быть, кувшинообразных или горшковидных, у которых по наружной стороне проходит неровно прорезанные еще по сырой глине горизонтальные линии (рис. 62, 3). Настоящее горизонтальное рифление наблюдаем на стенках станкового сосуда с красновато-коричневым ангобом (рис. 62, 1). Миске принадлежит верхняя часть закрытого сосуда с маленьким округлым выделенным венчиком, с двусторонним густым красно-коричневым ангобом и лощением. Чаше или кружке могли принадлежать и фрагменты сосуда с черным ангобом и лощением.

Таким образом, видим, что керамика городища Ак-тобе (отрарского) имеет те же типы и отделку сосудов, что и другие городища этого района (Ак-тоған, Ордакент, Шорнак-тобе и т. п.), как и последние обладая чертами, общими и для керамики городищ Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна и джетыаясарского урочища.

Нам кажется возможным предварительно датировать городище первой половиной I тысячелетия н. э.

Шуша-к-тобе был обследован в 1966 г. Городище — тепе с двумя понижающимися площадками — расположено на правом бере-

гу Сырдарьи, на древнем русле Арысы, в 8 км к юго-западу от станции Утрабат⁴⁸.

Керамика первой группы представлена мелкими фрагментами сосудов с серовато-коричневатой поверхностью, с примесью мелкодробленой дресвы и кварцита. Фрагменты сосудов второй группы лишь немного выразительнее. Первый вид представлен фрагментами сосуда с красноватой поверхностью, подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 64, 25). Аналогичные находим в материалах нижних слоев Ак-тобе I Чардарьского, Шаушукум-тобе. Все сосуды красноглиняные, преимущественно хорошей ручной лепки (хотя встречены и изготовленные на гончарном круге быстрого вращения). Чаще они покрыты красно-коричневыми мазками и потеками по жидкому беловатому ангобу. Понадаются сосуды и с кремовым в изломе черепком и беловатой поверхностью. Выделяется сосуд типа кружки с прямыми стенками, округлым краем, с красноватым ангобом. Ручки горшков или кувшинов удлиненно-овальные или подтреугольные в сечении. Украшены сосуды также выемками по плечикам и прорезными горизонтальными полосами типа рифления (рис. 64, 23). Малочисленность керамики не дает возможности сделать определенный вывод о времени жизни памятника. Однако все-таки можно отметить гордище к тому же типу, что и разобранные выше, а отсутствие средневековых материалов и некоторых аналогий позволяет определить его верхнюю дату не позднее VII или VIII вв. н. э.

Сумагар-тобе. Городище, расположенное в 30 км от станции Утрабат, на левом берегу Сырдарьи, представляет собой бугор с тремя разными по высоте площадками. В 1966 г. отряд Хорезмской экспедиции посетил его и собрал подъемный материал.

Керамика первой группы представлена фрагментами стенок сосудов, керамика второй группы — в основном станковой работы, хотя есть фрагменты красноглиняных сосудов, изготовленных тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки. На наружной стороне некоторых крупных сосудов по коричневатой поверхности нанесены коричнево-черные потеки. О форме сосудов говорить по найденным фрагментам трудно. Можно предполагать наличие горшков с невысоким горлом, маленьким округло-подтреугольным в сечении венчиком, снарядки покрытых беловато-желтоватым анго-

бом; мелких горшкообразных или кувшиновидных сосудов с круглым в сечении маленьким венчиком, с уступом по внутренней стороне его, а также кувшинов с прямым горлом, отделенным от покатых плеч двумя неглубоко прорезанными горизонтальными полосами (рис. 62, 14—18). Различной глубины и ширины горизонтальные линии обычно в виде горизонтальных каннелюр — один из характернейших приемов орнаментации сосудов в подъемном материале Сумагар-тобе, как и Ак-Тогана, Ордакента, Шорнак-тобе и других городищ этого района. Керамика Сумагар-тобе типична для Средней Сырдарьи. О времени вывоза крайней незначительности и невыразительности материала сказать затруднительно, можем лишь предположить дату — первая половина I тысячелетия н. э.

Кара-тобе беспакольское. Тепе с двумя площадками, расположенное на левом берегу Сырдарьи, в 3 км к юго-западу от русла и в 25 км к западу-юго-западу от станции Сауран, обследовано в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции.

Керамика первой группы представлена фрагментами «кухонных» сосудов с чрезвычайно большим количеством примесей крупнодробленого шамота и дресвы. Днища плоские, диаметр их 10 или 14 см. Эта керамика по качеству и виду тождественна найденной на Абыз-тобе, Маслахат-тобе, Шорнак-тобе и др.

Вторая группа более многочисленна и включает характерные фрагменты. Большинство сосудов изготовлено ручной лепкой при помощи вращающейся подставки. Сосуды первого вида имеют подпрямоугольный или подтреугольный в сечении венчик, низкую шейку, покатые плечики, иногда отделенные от шейки валиком или уступом (рис. 65, 10, 11, 21). Поверхность их покрыта густым красно-коричневым ангобом, а иногда по жидкому белому идут следы темно-коричнево-красного ангоба. Различного размера горшки имеют маленький круглый или подтреугольный в сечении венчик и невысокую шейку (рис. 65, 3, 9).

Кувшины представлены фрагментами лишь нескольких экземпляров. У них очень маленький круглый или подтреугольный в сечении венчик диаметром 9—10 см, невысокая шейка, иногда с заметным горизонтальным валиком по середине ее и покатыми плечиками (рис. 65, 1, 5—8). Они аналогичны по качеству рассмотренным выше сосудам, а на многих из них снарядки по жид-

⁴⁸ См. дневники Б. В. Андрипанова и Б. И. Вайнберг (сырдарьинский маршрут 1966 г.)

кому белому ангобу нанесены мазки и капли красно-коричневого ангоба. Иногда сосуды покрыты красно-коричневым ангобом, причем некоторые поверх него подложены. Отдельные кувшины и горшки снабжены вертикальными петлеобразными ручками, иногда чуть сжатыми с боков (рис. 65, 18).

Кружки немногочисленны. Встречен сосудик с прямыми расходящимися кверху стенками с чуть выделенным простым краем (рис. 65, 4), с лощением по красно-коричневому ангобу. Вероятно, нижняя часть сосуда была обработана деревянной лопаточкой. Другой аналогичный сосуд покрыт двусторонним красным ангобом. Он с маленьким венчиком, круглым в сечении.

У большей части сосудов второй группы по внешней стороне нанесены мазки и потеки густой коричнево-красной краски. На некоторых довольно крупных сосудах в месте перехода горла к плечу есть орнаментальный поясик из насечек (рис. 65, 20). Но большинство сосудов украшено прорезными параллельными горизонтальными линиями или горизонтальным рифлением по плечикам, а иногда и по тулову (рис. 65, 12—15), начиная обычно от места прикрепления ручки (рис. 65, 22). В одном случае на фрагменте стенки (вероятно, плечика) кроме горизонтальных глубоко прорезанных полос был орнамент в виде вдавленного штампа (рис. 65, 19).

Итак, данный комплекс керамики принадлежит к типичным среднесырдарьским. Он наиболее близок керамике таких городищ, как Кос-тобе, Шорнак-тобе и т. п. и, вероятно, датируется тем же временем (первой половиной I тысячелетия н. э.).

Абыз-тобе. Это большое четырехугольное укрепление с маленькой площадкой расположено на левом берегу Сырдарьи, в 2 км к западу от русла, в 10 км на северо-запад от Кара-тобе беспаскольского. Городище было обследовано в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции.

В подъемном материале значительный процент составляют фрагменты первой группы сосудов. Характерна чрезвычайная насыщенность теста крупнообломным шамотом, что вообще, очевидно, типично для этого района. В материале с Абыз-тобе среди фрагментов подобной керамики можно предположить и наличие крупного сосуда с черной внешней (закопченной) и красноватой внутренней поверхностью с простым краем.

Керамика второй группы более разнообразна. Вся она красоглиняная, в основном

станковой работы. Первый вид ее представлен верхней частью сосуда с красноватым ангобом, с небольшим подтреугольным в сечении венчиком, низкой шейкой, отделенной от покатых плечиков режким уступом (рис. 64, 34). Встречены и горшки; один из них крупный, станковой работы со следами густого темно-красного ангоба и жидкого белого, с маленьким подтреугольным в сечении венчиком, прямым горлом, отделенным от покатых плечиков валиком, раздутым туловом, двумя симметрично расположенными петлеобразными ручками, верхний конец которых прикреплен к краю. Ручки в сечении подпрямоугольные с небольшим желобком по спинке. По обе стороны нижнего конца ручки по валику, отделяющему горло от плечиков, идут насечки, постепенно увеличиваясь в размере по мере удаления от ручки. На плечиках и тулове — ряды прорезанного волнистого орнамента (рис. 64, 35). Такой же орнамент по сырой глине встречен и на фрагментах других сосудов. Близи им горшкообразные двуручные сосуды из материала городищ типа Ак-тобе 2.

Той же формы, что и упомянутый двуручный горшок, был, очевидно, горшкообразный станковый сосуд, тонкостенный, с маленьким подтреугольным в сечении венчиком, высоким горлом, отделенным от покатых плечиков валиком с насечками по нему. В отличие от первого он был без ручек (рис. 64, 33). Аналогичные встречаем в материале первого этапа каунчинской культуры.

Кувшины представлены единичными фрагментами. Например, найдены венчики, подтреугольные в сечении (рис. 64, 29). Горло у кувшинов высокое, часто отделенное от плечиков одним или двумя валиками (рис. 64, 27). Некоторые снабжены вертикальной ручкой. Кружки представлены одним экземпляром — с простым слегка отогнутым наружу краем и прямыми стенками (рис. 64, 26). Встречено много фрагментов различных сосудов с горизонтальным рифлением по плечикам и тулову. На некоторых — это четкое рифление, на других — глубоко или неглубоко прорезанные полосы, на третьих — верно прочерченные линии.

Керамика Абыз-тобе типична для этого района и в целом наиболее близка керамике городища Ак-тоган. Аналогии с материалами первого этапа каунчинской культуры Ташкентского оазиса позволяют предварительно датировать данный комплекс первыми веками нашей эры.

Городище Келин-тобе. Это бугор высотой 9,5 м с плоской площадкой, расположенный на левом берегу, на излучине (старце) в 5 км от современного русла Сырдарьи, в 20 км к юго-западу от станции Бешарык. В 1966 г. отряд Хорезмской экспедиции посетил и обследовал это городище.

В керамике первой группы преобладают горшки с плоскими днищами. Венчики сосудов слегка отогнуты, они простые или несколько утолщенные. Иногда венчики украшены с внешней стороны вертикальными налестами (рис. 62, 45) аналогично характерным сосудам подобного типа и группы в джетыасарском комплексе (особенно широко такая ориентация распространена для второго и третьего джетыасарских этапов). Встречен фрагмент горшка, у которого под манжетообразным венчиком с внешней стороны налестен валик с нанесенными по нему вдавлениями (рис. 62, 44). Подобный орнамент распространен в Отарском оазисе на Средней Сырдарье, на северных склонах Каратау, отчасти в Ташкентском оазисе в VI—VIII вв. н. э. Появляется этот орнамент на Нижней Сырдарье на этапе Джетыасар III.

Керамика второй группы представлена многочисленными фрагментами сосудов хорошей ручной лепки (есть и станковой работы), покрытых густым красным, красно-коричневым, темно-коричневым, черным ангобом (иногда внутри — красный, снаружи — черный); поверх ангоба — легкое лощение. Аналогичные по обработке сосуды типичны для джетыасарской культуры. Наряду с ними встречены фрагменты сосудов такой же выделки, у которых на наружной стороне поверх как бы размытого жидкого белого ангоба идут темно-коричневые мазки и потеки. Днища подобных сосудов обычно меньше диаметров краев. Говоря о форме, можем отметить наличие сосудов первого вида, толстостенных с круглым и подтреугольным в сечении венчиком (иногда с плоским бережком), с прямым невысоким горлом, отделенным в некоторых случаях от плечиков выраженным уступом (рис. 62, 38, 39).

Некоторые горшки с небольшим подтреугольным в сечении венчиком снабжены одной или двумя петлеобразными ручками, верхним концом прикрепленными к венчику (рис. 62, 37).

Встречены кувшины с прямым горлом, небольшим подтреугольным в сечении венчиком, иногда с ложбинкой по внешней стороне, обычно покрытые густым красно-ко-

ричным ангобом и лощением (рис. 62, 34—36) или же со следами густого красно-коричневого, местами до черного ангоба на беловатом жидком и также подлощенные. Некоторые кувшины снабжены вертикальными петлеобразными ручками. Иногда от такой ручки, верхним концом прикрепленной на горле ниже венчика, шло в обе стороны неровное горизонтальное рифление (рис. 62, 46). Глубоко прорезанные до обжига горизонтальные полосы встречены и на другом сосуде со светло-серым ангобом (рис. 62, 49). На кувшинах, горшках и других сосудах — волнистый прорезной орнамент, прорезанный до или после обжига (рис. 62, 41, 47).

Кружки или чаши с простым округлым краем, маленькой петлеобразной или кольцевидной ручкой (рис. 62, 40) покрыты обычно густым коричнево-красным, темно-коричневым и черным ангобом и слегка подлощены. Характерна для таких сосудов, реже — для горшочков, отделка нижней части внешней поверхности широкой лопаточкой, отчего сохранились четкие следы мелких полосок (рис. 62, 51). Сосуд подвергался лощению после подобной обработки. Этот прием орнаментации особенно типичен для керамики Ташкентского оазиса (на этапе Каучи I), и в районе Средней Сырдарьи он, безусловно, носил тот же характер. Иногда горшкообразные сосуды украшались вдавлениями концом палочки по сырому еще венчику (рис. 62, 42).

Таким образом, можно предполагать, что городище Келин-тобе принадлежало к тому же типу, что и Ордакент, Шорнак-тобе, Садых-ата, Ак-тобе (туркестанское) и т. п., но в керамике его есть и черты, характерные для джетыасарской культуры второго и особенно третьего ее этапов (VI—IX вв. н. э.). Вероятно, этим временем и можно определять верхнюю границу памятника. Начальную же дату можно ориентировочно отнести к первым векам н. э.

В 1966 г. отряд Хорезмской экспедиции на левом берегу Сырдарьи, к востоку от Майрам-тобе открыл небольшое тепе с россыпью керамики⁴⁹. Тепе — калевидной формы, высота его 3, 5 м. В подъемном материале есть керамика первой группы, среди которой — плоские днища и венчики горшков, подтреугольные или подпрямоугольные

⁴⁹ См. дневник Б. В. Андрианова № 36 (1966 г.), стр. 28, а также дневник Б. И. Вайнберг № 38 (1966 г.), стр. 15. Тепе зафиксировано как поиск № 122.

в сечении. Большинство венчиков снаружи украшено пальцевидными ямочными вдавлениями, насечками концом палочки или вдавлениями потем (рис. 65, 46—53). Аналогичные по форме, орнаменту и качеству сосуды находим в джетысарских городищах второго и третьего этапов. В той же культуре имеются аналогии и горшкам с прямой шейкой, простым отогнутым краем и насечками по березку (рис. 65, 52). На плечиках и тулове встречены прорезной геометрический орнамент, насечки в несколько рядов и напелы в виде круглых шишечек (рис. 65, 43—44). Аналогичный орнамент характерен для джетысарской культуры.

Керамика второй группы представлена более разнообразно. В ней значительное место занимают сосуды, изготовленные на круге. Отметим верхнюю часть сосуда первого вида с крупным, круглым в сечении венчиком, маленькой выделенной шейкой, покатыми плечиками, орнаментированными крупными полудульной формы защипами, покрытого белым ангобом (рис. 65, 64). Аналогии находим в материалах Сарлы-асара.

Вероятно, к горшкам принадлежали сосуды, от которых сохранились прямое горло и маленький подтреугольный в сечении венчик (рис. 65, 65). Может быть, горшку принадлежала и верхняя часть тулова с прямым горлом, удлиненным отогнутым раструбом, подпрямоугольным в сечении венчиком. Снаружи по венчику — ямочный орнамент, нанесенный концом палочки (рис. 65, 63).

У кувшинов венчики небольшие, подтреугольные или круглые в сечении, диаметром 9—13 см, иногда с округлыми в плане формами сливами по краю (рис. 65, 54—55); встречались и венчики с ложбинкой внутри (рис. 65, 57—59). Горло обычно прямое, высокое, иногда по средней части его проходит горизонтальный валик; часто же валик помещен у основания горла. Встречен сосуд, у которого по валику у основания горла нанесены концом палочки вдавления (рис. 65, 60). Аналогичные сосуды известны на всех джетысарских памятниках, бытовавших по крайней мере с середины I тысячелетия н. э. Большинство кувшинов покрыто красновато-коричневыми ангобом снаружи, но есть сосуды с белым жидким ангобом и с красно-коричневыми мазками и потеками поверх него (рис. 65, 59, 69); у иных крупных кувшинов поверх густого темно-красного ангоба нанесено лощение, характерное для джетысарской керамики. Очевидно, часть кувшинов и горшков была снабжена овальными в

сечении петлеобразными вертикальными ручками (рис. 65, 71).

О форме кружек по имеющимся фрагментам сказать что-либо определенное трудно. Миски представлены единичными экземплярами. Они имеют закрытую форму, простой край, чуть загнутый внутрь, резкий перегиб стенки, покрыты красным ангобом (рис. 65, 42). Некоторые мелкие сосуды были затерты по нижней части тулова лопаточкой. Подобный прием ориентации характерен для керамики Средней Сырдарьи, но встречается он изредка и на джетысарской. На данном памятнике он отмечен в единичных случаях и на крупных сосудах. Последние украшены иногда одним или несколькими рядами прорезного волнистого орнамента (рис. 65, 78—80). На стенке одного сосуда сохранилась часть прорезного знака или буквы. Части также фрагменты сосудов с горизонтальным рифлением — обычно четким и ровным, а порой в виде неровно прореченных или прорезанных полос. Иногда на беловатом ангобе сосуда нанесены красно-коричневые и даже черные потеки (рис. 65, 69—77). Любопытен крупный красноглиняный сосуд, изготовленный ручной лепкой с помощью вращающейся подставки. Неровная, в мелких рывтинах внутренняя поверхность его — красноватая с сиреневатым оттенком, наружная покрыта белым ангобом. О форме сосуда судить по фрагментам невозможно, но на двух из них сохранился напел в виде человеческой фигурки. Аналогичные найдены на Алтын-асаре, Сарлы-асаре, Джеты-асаре № 9, Кескен-Куюк-кале, Куюк-кале, Мардан-Куюке, обычно на крупных двух- или трехручных горшкообразных сосудах.

Итак, разобранный комплекс керамики говорит о своеобразии материала памятника. Одно из самых северных тепе, открытых на левом берегу Сырдарьи, оно имеет чрезвычайно много общих черт с джетысарской культурой второй половины I тысячелетия н. э. В то же время в керамике тепе прослеживаются и отдельные черты, характерные для материалов других памятников района Средней Сырдарьи. Аналогии керамике позволяют предварительно датировать этот комплекс третьей четвертью I тысячелетия н. э. (возможно, V—VIII вв. н. э.).

Как уже указывалось, районы Отарско-Каратауского оазиса были густо населены в древности. Кроме разобранных выше памятников, несколько сотен поселений и городищ обследовано Южно-Казахстанской и Семире-

ченкой экспедициями. Подавляющее большинство памятников относится к развитому средневековью, но некоторая часть их — к интересующему нас времени. Около подножья десятков поселений и несколько могильников были впервые подвергнуты рекогносцировочным раскопкам в 1949—1951 гг. Таковы городища Алтын-тепе, Пчакчи-тепе, Кок-Мардан, Мардан-куюк, Куйрук-тепе, Джуван-тепе и др. Описание раскопок дано в работах А. Н. Бернштама, Е. И. Агеевой, Г. И. Пацевича⁵⁰. Г. И. Пацевич, вслед за А. Н. Бернштамом, давшим первую историческую схему района, разработал историческую топографию поселений и городов Отрарско-Каратауского оазиса⁵¹.

Особенно интенсивно эти районы исследовались в 1966—1967 гг.⁵² С каждым годом археологические работы разворачивались все шире и открывали для науки все новые и новые поселения и могильники.

В основном курганные могильники отмечены по берегам рек⁵³. Небольшое число их из различных групп было подвергнуто раскопкам в 1949—1951 гг. Поскольку материал раскопок получил достаточное освещение в печати, здесь остановимся лишь на одном из могильников, Бурджарском⁵⁴.

Бурджарский (Боржарский) могильник расположен на верхней террасе левого берега Арыси, к юго-востоку от городища Джуван-тепе. Из нескольких сот курганов в 1949 и 1951 гг. раскопано 15⁵⁵. В шести из них не было обнаружено захоронений, а в остальных под земляной насыпью, на уровне древнего горизонта оказались прямоугольной формы паховые камеры. Захоро-

нения сопровождалась предметами быта, украшениями и оружием: железные ножи, меч, наконечники стрел, бронзовые перстни, пряжки, наконечники и накладки от наборных поясов гуно-аварского типа, бусы и т. п. Ближний тип погребений был встречен в Чаткальской долине⁵⁶. Найденные пряжки и бляшки от поясных наборов относятся к так называемому гуно-аварскому типу⁵⁷. Аналогичные пряжки, бляшки, оружие и т. п. широко распространены в тюркских памятниках Чу-Илийского района. Керамика Бурджарского могильника представлена в основном кувшинами с широким плоским дном, грушевидным туловом с покатыми плечиками, широким горлом, с отогнутым венчиком. Петлеобразная ручка прикреплена обычно верхним концом к горлу, реже — к венчику сосуда. На противоположной от ручки стороне плечиков находится довольно высокий цилиндрический носик со слегка сжатым краем (рис. 66, 50, 53, 54). Аналогичные сосуды типичны для каунчинской культуры Ташкентского оазиса. Идентичной формы сосуды находим в материалах второго этапа этой культуры. В то же время в Бурджарском могильнике встречена широкодонная кружка с кольцевидной ручкой, характерная частично для второго, а в основном для третьего этапа каунчинской культуры Ташкентского оазиса. Найден и широкодонный кувшин с грушевидным туловом, с высоким узким горлом, раструбообразным венчиком, резко удлиненным сливом по краю и ручкой, прикрепленной к плечикам и под горлом в виде широкой петли (рис. 66, 55). Этот тип кувшинов характерен для третьего этапа каунчинской культуры Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна, широко распространен в Семиречье в VII—VIII вв. Е. И. Агеева датировала Бурджарский могильник сначала VIII—X вв. н. э., а затем VI—VIII вв. н. э.⁵⁸ Учитывая аналогию различным типам вещей и керамики, можно согласиться с последней датировкой большей части раскопанных курганов⁵⁹, отметив, что в данном могильнике

⁵⁰ А. Н. Бернштам. Таласская долина...: *он же*. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана...; *он же*. Древний Отрар: Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.; *он же*. Из истории оседлых поселений... стр. 19—60.

⁵¹ Г. И. Пацевич. Историческая топография городов и поселений...

⁵² К. А. Акишев. Исследования в Казахстане; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана; *он же*. Археологические работы в Южном Казахстане.

⁵³ А. Н. Бернштам. Древний Отрар, стр. 87.

⁵⁴ В последних публикациях могильник называется Боржарским (Б. Пурмухамбетов). Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана. «Культура древних скотоводов и земледельцев Южного Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 163.

⁵⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., стр. 53—56.

⁵⁶ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. ТКЭ, т. II, стр. 36, 38.

⁵⁷ В. И. Распопова считает их вполне обоснованно, как нам кажется, тюркскими (В. И. Распопова. Поясной набор Согды VII—VIII вв. СА. 1965, № 4, стр. 78—91).

⁵⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., стр. 56; *он же*. Из истории оседлых поселений... стр. 176.

⁵⁹ В. И. Распопова по аналогичным бляшкам и пряжкам из могильника датировала его VI—VII вв. (В. И. Распопова. Указ. соч., стр. 88).

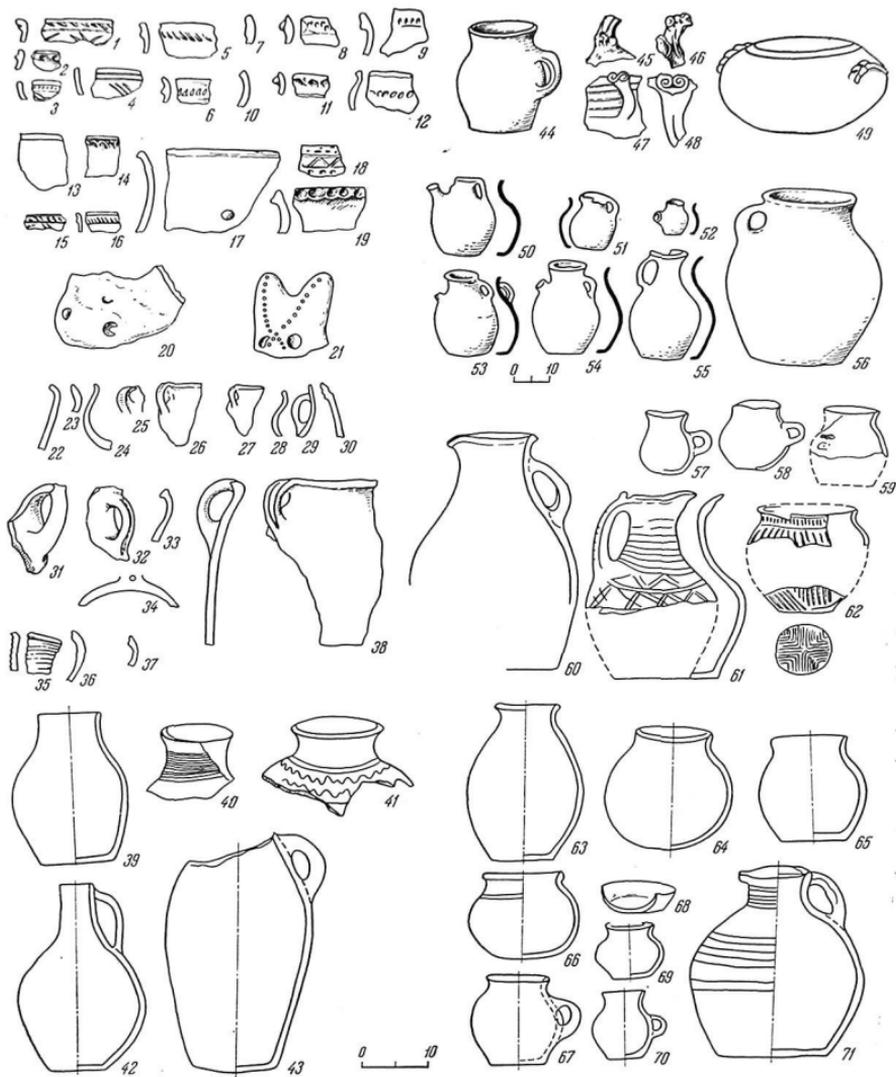

Рис. 66. Керамика поселений Отгарского оазиса (по материалам Е. И. Агеевой)

вместе с сосудами, характерными для этого периода, существуют формы, типичные для каучинской культуры Ташкентского оазиса и более раннего времени⁶⁰.

Керамика памятников Отрарско-Каратауского района, открытых Южно-Казахстанской археологической экспедицией, исследована Е. И. Агеевой⁶¹. Автором даны подробный анализ и хронологическая и типологическая классификация керамики, опирающиеся в основном на самые ранние датировки каучинской и джетыасарской культур. Дальнейшее накопление материала, уточнение датировок указанных культур, широкие раскопки в районе Чардара ГЭС, Ташкентского оазиса, в низовьях Сырдарьи и других позволяют пересмотреть и некоторые датировки керамики данного района Средней Сырдарьи, прилегающих к нему Отрарского оазиса и отрогов Каратау. Вся керамика разделена Е. И. Агеевой на шесть основных периодов: сакский (VII—IV вв. до н. э.); раннекангюйский (III в. до н. э.—I в. н. э.); позднекангюйский (I—IV вв. н. э.); кенгерский (V—VIII вв. н. э.); карлукский (VIII—XII вв. н. э.), восточно-кыпчакский (XIII—XV вв. н. э.)⁶².

Разведочные шурфовки, произведенные Южно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Н. Бернштама на 16 городищах и поселениях, не дали керамики сакского времени. Она была встречена лишь в подъемном материале на городищах Отрар, Сюнтент, Оксус⁶³. По классификации Е. И. Агеевой, к сакской керамике относятся обломки сосудов, изготовленных ленточной

техниккой из рыхлого теста, черного и слоистого, иногда с лошением⁶⁴. В тесте обычно примесь дресвы, а иногда большого количества песка, реже — раковин (рис. 66, 1—12). Как отмечает А. Н. Бернштам, эти сосуды покрыты черным лошением джетыасарского типа, чаще без орнамента⁶⁵. Встречаются и сосуды с орнаментом в виде насечек по венчику и налезного волнистого жгутика. По форме Е. И. Агеева различает три типа сосудов: кувшинообразные с горловинами, расширяющимися раструбом, с венчиками, отогнутыми под прямым углом (в одном случае, на городище Сюнтент, на венчике было два конических выступа); горшки с венчиками, верхняя часть которых украшена косыми насечками; небольшие чашеобразные с циркульным орнаментом, расходящимся в стороны от горизонтального пояса, диаметры краев их 11—14 см. На городище Жар-тепе встречена петлеобразная ручка с налезно-шишечкой в ее верхней части⁶⁶. Судя по описаниям и рисункам, часть керамики, отнесенной Е. И. Агеевой к сакской группе, аналогична (как отмечено и самими первоисследователями) керамике Джеты-асар. Такая джетыасарская керамика не может по имеющимся у нас материалам быть датирована раньше рубежа или первых веков до нашей эры (даже с парными коническими выступами на венчике). Что касается ручки с налезом в виде шишечки в ее верхней части, то подобные, как отмечают сами авторы, аналогичны найденным на Джеты-асарах и Янгикенте. Но ручки из Янгикента найдены в слоях, датированных не раньше VI—VII вв. н. э. Вероятно, таким образом, часть керамики, отнесенной к сакской, надо датировать не ранее начала нашей эры, а часть — серединой I тысячелетия н. э.

К следующему периоду, названному раннекангюйским и датированному III—I вв. до н. э., Е. И. Агеева отнесла основную массу подъемного материала, собранного с округлых в плане тене с распылячатыми контурами, а также материалы из нижних горизонтов тене с площадкой (типа Пчакчи-тене, Садык-ата-тене и др.) и высокие трапецевидных, овальных в плане поселений (Кок-Мардан, Кара-Гундук). Вся эта посуда изготовлена ленточным способом ручной лепкой и имеет большое разнообразие в профилировке отдельных деталей.

⁶⁰ С 1967 г. раскопки Борижарского могильника были возобновлены (Б. Нурмуханбетов. Новые данные по археологии тюркского времени..., стр. 162—174; *он же*. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 108—120). Под насыпями большинства курганов обнаружены погребения на уровне древней поверхности (или слегка заглубленные) в сырцовых камерах или оградках. Погребальный инвентарь этих курганов — того же облика и времени, что и описанный выше.

⁶¹ Е. И. Агеева. Керамика городищ и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау, стр. 100—118; *она же*. Керамика Отрара, стр. 98—110; *она же*. Керамика Южного Казахстана..., *она же*. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау, стр. 83—88; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 157—202.

⁶² Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана..., стр. 9; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 158—159.

⁶³ Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана..., стр. 9.

⁶⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 160.

⁶⁵ А. Н. Бернштам. Древний Отрар, стр. 82.

⁶⁶ Е. И. Агеева. Керамика Отрара, стр. 99.

Е. И. Агеева делит всю керамику этого периода на две группы. Первую составляют сосуды для питья, переноски и хранения жидкостей. Они из плотного красного в изломе теста со случайными примесями естественного происхождения⁶⁷. Орнаментирована эта посуда линейным волнистым пояском или тагообразными знаками. Вторая группа — «кухонная» посуда из рыхлого деревяного и пшанотного теста. Это котлы и горшки. Украшены они налешным жутиком по краю венчика⁶⁸.

Среди сосудов первой группы (по Е. И. Агеевой) основную массу составляют кувшины, подразделяющиеся по форме на несколько видов. К первому относятся грушевидные кувшины с короткой и широкой горловиной растрбом. Венчики их — прямые или слегка выгнутые. Ручки петлеобразные, круглые и овальные в сечении. Вдоль спинки ручки часто идет широкая вмятая полоса. Верхние концы ручек прикреплялись в центре горловины, а иногда около венчика. Второй вид составляют кувшины с высоким и узким цилиндрическим горлом и венчиком в виде валика, образованного отгибом стенки сосуда наружу. Край венчика либо прямой к стенкам, либо имеет вид площадки, расположенной под прямым углом к стенкам. Тулово овальное, слегка вытянутое, плавно переходящее в горло. Вертикальные, круглые и овальные в сечении ручки посажены низко на горле. Третий вид — небольшие кувшинчики (кружки) с четко выделенным горлом и овальным туловом. Ручки петлеобразные, вертикальные, часто представляющие собой схематически исполненную фигурку животного (барана). Иногда на верхней части их имеются налешы в виде спирально загнутых рогов барана (рис. 66, 45—48)⁶⁹.

Е. И. Агеева отмечает, что в этих комплексах широко представлены и горшки с нечетко выраженным горлом и отогнутым венчиком. Диаметр горла этих сосудов до 40 см. Мелкие сосуды и горшки покрывались красным, коричневым или чаще — черным ангобом, иногда после обжига раскрашивались красками этих же тонов. В меньшем количестве отмечена посуда из теста средней плотности, бурая и красная в изломе. Сосуды имеют буро-красный, почти коричневый, ангоб и лощение

снаружи вверх него. Иногда по цилиндрическому горлу таких сосудов идет рифление, аналогичное джетыасарскому. У кружек — петлеобразные ручки, округлые и удлиненно-овальное тулово, небольшое горло с простым, слегка отогнутым краем.

К раннекангуйскому периоду Е. И. Агеева относит и хумы с квадратным в сечении венчиком. Горло выражено слабо, тулово шаровидное. Целых сосудов второй группы, по Е. И. Агеевой, не обнаружено, но можно предположить, что основными были две формы — горшкообразные и чашеобразные. Горшкообразные — с большим цилиндрическим горлом, иногда слегка выгнутым наружу. Венчики прямые или в виде валика. Единственный орнамент — налешной волнистый жутик, идущий по краю венчика, или имитация его в виде налешного жуга, разделенного косыми насечками и вмятинами. Иногда на тулове сосуда налешены круглые или конические шпички. По мнению Е. И. Агеевой, этот волнистый жутик и его имитация имели и утилитарное значение — служили ручками. Полусферические чашеобразные сосуды с прямым, слегка вогнутым внутрь венчиком украшены линейным прорезным орнаментом, который располагается в верхней части тулова так, что горизонтальными полосками подчеркивали венчик, а ниже шел прорезной штриховой рисунок прямыми или иногда слегка наклонными отрезками прямой линии. Изредка эта посуда имела лощение снаружи. Е. И. Агеева считает, что посуда раннекангуйского периода синхронна керамике из могильника в районе Тамды. Она встречена и в подъемном материале на северных склонах Каратау. Это сосуды из рыхлого теста с примесью дресвы, сделанные на матерчатом шаблоне. Внешняя поверхность их лощеная. Формы сосудов совпадают с семпреченскими (котлы шаровидной формы с плоским дном и двумя круглыми ручками на плечиках; грушевидной формы сосуды с уплощенным дном и высоким горлом, с петлеобразной ручкой в верхней части горла; котлы со сферическим дном и прямым венчиком).

Поселения по среднему течению Сырдарьи, в непосредственно примыкающей к Отрару зоне не дали такой керамики. Сосуды из рыхлого деревяного серого и черного теста встречены лишь на тепе на северных склонах Каратау. К раннекангуйскому периоду Е. И. Агеева относит слой раскопа 2 на городище Мардан-Куюк, в котором найден обломок тулова сосуда с рельефным схематичным изображением человека. К этому же периоду

⁶⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пауевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 160.

⁶⁸ Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана..., стр. 9.

⁶⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пауевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 163.

Е. И. Агеева относит и подставки под котлы в виде головы быка с двумя выступами-рогами и ямками спереди и орнаментом сверху и спереди в виде рядов маленьких ямок (рис. 66, 20—21). Всю описанную выше керамику Е. И. Агеева на основании аналогий с материалами Ташкентского оазиса, некоторых хорезмийских памятников (например, Кой-Крылган-калы), городищ низовьев Сырдарьи и т. п. датировала III в. до н. э.— I в. н. э. Из приведенных аналогий лишь материал Кой-Крылган-калы может быть датирован IV—III вв. до н. э. Но тот же памятник существовал и в первые века нашей эры. Г. И. Пацевич считал спорными датировки грубой непользованной керамики с неустойчивыми признаками большей или меньшей архаичности⁷⁰.

Как было отмечено и первоисследователями, значительная часть описанных выше сосудов имеет аналогии в каушчинской культуре Ташкентского оазиса; немалый процент составляет также керамика, аналогичная джетыясарской или очень близкая ей. Так, отмеченные формы кувшинов часто встречаются в памятниках первого и второго этапов каушчинской культуры. Кувшины с ручками, с широкой продольной ложбинкой характерны для второго ее этапа. Кувшинчики (или кружки) с ручками и напелами в виде спирально загнутых рогов барана найдены на памятниках, относящихся и к третьему этапу каушчинской культуры. Подставки под котлы в виде головы быка характерны для второго и начала третьего этапа каушчинской культуры Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна. Именно на втором этапе в каушчинской культуре чувствуется джетыясарское влияние в керамике (появление лощения поверх густого красно-коричневого и черного ангоба, кувшинов с раструбом края, сливов на венчиках кувшинов, горизонтального рифления на горле и т. п.). Фрагмент сосуда из Мардан-Куюка с напелым изображением человека тождествен джетыясарским конца второго этапа. Подобные «кухонные» сосуды, богато орнаментированные напелым жгутообразным валликом и пищечками, особенно широко распространены на втором этапе каушчинской культуры.

Таким образом, керамика, отнесенная Е. И. Агеевой к раннекангуйскому периоду, в целом может быть датирована IV (возможно, с конца III в.) и до VI в. н. э. Вероятно, отдельные сосуды могли попасть в этот ком-

плекс как из более поздних, так и из более ранних слоев. Лишь после раскопок, проведенных на относительно широкой площадке, можно будет выявить более четкие хронологические группы.

Третий период Е. И. Агеева назвала позднекангуйским и датировала I—IV вв. н. э. К этому времени она отнесла посуду, широко представленную в подъемном материале на теле с примыкающими к ним площадками, на городищах типа Алтын-тепе и Байркум, на поселениях Кок-Мардап. В этот период продолжает бытовать керамика тех же форм, что и в предшествующий, но она имеет большую четкость и разнообразие в обработке внешней поверхности. Особое развитие получает профилировка венчика, который разбивается одним или двумя желобками, а нижний край его разделяется насечками. Основная масса посуды — по-прежнему хорошего красного обжига. Украшена она и в этот период волнистым нарезным пояском в верхней части сосуда. Часто внешняя поверхность сосудов покрыта тонким слоем светлого и красноватого ангоба (до темно-красного и коричневого); встречен и черный ангоб.

Широкое распространение получило лощение. Среди лощеных сосудов самую большую группу составили кувшины с высоким широким горлом, подтреугольным в сечении венчиком, шаровидным или овально-вытянутым туловом, резко отделенным от горла, небольшим дном и вертикальными, плоскими или овальными в сечении ручками, чаще прикрепленными на 2—3 см ниже венчика. К лощеной керамике Е. И. Агеева отнесла также небольшие сосуды с высоким горлом и валикообразным венчиком или простым прямым краем, к которому прикреплены петлеобразные вертикальные ручки. Третий тип сосудов с лощением — кубки (кружки) с округлым туловом, прямым краем, плоским дном, петлеобразной, низко посаженной ручкой. Венчики хумов, как и в предыдущем периоде, — квадратные в сечении. Встречено много кувшинов с рифлеными горловинами (рис. 66, 40). Внешние поверхности ручек нередко разделялись косыми насечками, имитирующими шерсть животного. «Кухонные» сосуды котлообразные или шаровидной формы с прямым венчиком, иногда подчеркнутым одной врезной узкой полоской, вертикальными ручками с отверстиями в центре. Крышки слегка сферические, украшены круглыми вдавлениями по внешнему краю.

Е. И. Агеева отмечает, что в посуде позднекангуйского периода более четко прояв-

⁷⁰ Там же, стр. 69.

ляется схожесть ее, а иногда и прямое заимствование форм и технических приемов из керамики районов Ташкентского оазиса, урочища Джеты-Асар и Хорезма (красное лощеное, формы узкогорлых кувшинов, кружек-кубок) ⁷¹. Керамика и этого периода, которая, как указывала К. И. Агеева, почти не отличается от сосудов предыдущего, находит аналогии в кауэчских и джетыасарских материалах не раньше середины I тыс. н. э.

Четвертый период Е. И. Агеева называет кенгересским и датирует V—VIII вв. К нему относится массивный материал большинства городищ и поселений. На теле с примыкающей низкой площадкой, а также на трапециевидных и овальных теле эта керамика найдена в верхних слоях. Основная масса посуды по-прежнему домашнего производства, той же техники изготовления. Но отмечается некоторое огрубение форм. Есть уже и посуда, изготовленная на круге. Характерен для этого времени наленый валик-жгутик, покрытый насечками или пальцевыми вдавлениями. Он либо накладной, либо образован путем отяжки стенок сосуда на верхней части горла. Сосуды с накладным валиком часто украшены косыми насечками около венчика и в месте перехода тулова к горлу. Аналогичный орнамент есть на плечиках и венчиках хумов. Встречается и орнаментация в виде ногтевых вдавлений как и в верхней части горла около венчика, так и в месте перехода тулова к горлу, реже — на средней части тулова. Отмечены и наленные конические шпешки на тулове и на ручках сосуда. Найдены сосуды с орнаментацией, воспроизводящей резьбу по дереву и кости.

Формы «кухонной» посуды различны. Это, во-первых, горшки с округлым и удлинено-овальным или приближающимся к шаровидному туловом, с небольшой цилиндрической шейкой. Венчик образован отгибом стенки сосуда. По всей плоскости его идет орнамент вертикальными насечками или удлиненными овалами. Во-вторых, сосуды той же формы и размеров, но с невысокой цилиндрической шейкой и венчиками трех видов: небольшой напль, узенький валик, прямой венчик. Верхний край их (отступя 0,5—2 см) окаймляет наленой волнистый жгутик. В-третьих, котлы с шаровидным туловом, отогнутым вен-

чиком с подтреугольным или овальным сечением. Ручки горизонтальные, имеют форму полуовала, иногда — горизонтальной площадки, примыкающей непосредственно к венчику. Ручки часто с волнистыми краями. По широкой части тулова обычно идет горизонтальный поясок либо из ногтевых полуovalов, либо из вдавленных пальцами, а иногда из двух параллельных врезных линий.

Кувшины имеют шаровидное или слегка овальное тулово, широкое цилиндрическое горло, прямой венчик. По краине горла — наленый валик с насечками наискосе. Место перехода тулова к горловине украшено косыми насечками. На самой широкой части тулова — конические налены-шпешки. Вторая разновидность кувшинов — сосуды с удлинено-овальным туловом, плавно переходящие в прямое горло, к венчику расширяющиеся раструбом. Много и плоскостонных горшков с овальным туловом, широким горлом и простым краем.

Плоские и полусферические крышки с примесью дресвы в тесте, имеют в центре цилиндрическую ручку, верхняя площадка которой фигурно разделана. Крышки богато орнаментированы резными полуovalами, чередованием прямых и пунктирных линий, составляющих треугольники.

Хумы двух форм: с яйцевидным туловом, с наиболее широкой верхней частью, отогнутым подквадратным в сечении венчиком, с горизонтальным желобком снаружи; и с вытянутым туловом, без шейки, с валикообразным венчиком. Хумы покрыты светлым ангобом и потеками красной, красно-коричневой и черной красок.

Е. И. Агеева отмечает для этого периода уменьшение количества красноангобированной посуды с лощением. Для красноангобированных сосудов характерны: 1) кувшины с высоким горлом, удлинено-овальным туловом, вертикальными, круглыми в сечении ручками. Некоторые кувшины этой формы имеют слив; 2) кувшинчики-кубки с вытянутым туловом и кольцевидными ручками.

Как указывалось выше, керамика позднекангуйского периода датирована Е. И. Агеевой V—VIII вв. Но аналогии ей, видимо, позволяют сузить эту дату до VII—VIII вв. н. э. (может быть, с конца VI в.).

Следующий период характеризуется расширением штампованного орнамента и поливных сосудов. Хотя определенные типы сосудов и приемы орнаментации предыдущих этапов продолжают бытовать, в целом облик комплекса керамики резко меняется.

⁷¹ Нам кажется, что Е. И. Агеева ошибалась, утверждая, что формы кувшинов с резко отделенной от тулова рифленой горловиной — влияние Хорезма. Как показано выше, это одна из характерных джетыасарских форм.

КРАТКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ОТРАРСКО-КАРАТАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение керамики района Средней Сырдарьи от песков Изакудук на юге до бассейна Чилии на севере, в районе Отгарского бассейна (в широком смысле) и отрогов Каратау, позволяет сделать вывод о существовании на этой территории своеобразной культуры, которая связана как с каучинской культурой Ташкентского оазиса, так и с джетысарской культурой Нижней Сырдарьи. Эта культура выделена А. Н. Бернштам⁷².

Поселения этой культуры, как и соседних, каучинской и джетысарской, расположены по берегам рек и окружены курганами⁷³. Как нам кажется, к наиболее ранним можно отнести поселения типа Ак-тогай, Абыз-тобе, частично Ордакент на Сырдарье и Ак-тобе, в районе северных склонов Каратау. Курганы, раскопанные около последнего поселения, имели резко отличную от каучинских и джетысарских конструкцию погребально-го сооружения. Характерный для каучинской культуры тип катакомбных погребений до настоящего времени не обнаружен в данном районе.

Для комплекса керамики указанных поселений характерны такие же две группы сосудов, как в каучинской и в джетысарской культурах. Среди керамики первой группы отмечаем горшки баночной формы с широким плоским дном и почти столь же широким устьем, слегка выпуклым корпусом, покатыми плечиками, плавным переходящими в невысокую горловину. К краю сосуда иногда прикреплены две вертикальные петлеобразные ручки. Подобная форма горшков находит аналогию в каучинской культуре. Плоскодонные кружки с прямыми или слегка выпуклыми стенками, с вертикальными петлеобразными ручками близки кружкам погребений первых веков нашей эры Таласской долины.

Для керамики второй группы характерно полное преобладание красноглиняной посуды, изготовленной в подавляющем большинстве тщательной ручной лепкой при помощи вращающейся подставки (или, что встречается реже, они станковой работы), снаружи покрытых беловатым ангобом и потеками и маз-

ками красно-коричневого ангоба. Такая отделка характерна для этого района, как и для каучинской культуры Ташкентского оазиса вплоть до развитого средневековья. Отметим хумы с покатыми плечиками, отделенными от низкой шейки резким уступом, а иногда и валиком. Венчики подтреугольные или овальные в сечении. По форме верхней части эти сосуды схожи с хорезмийскими, характерными для кангуйского времени.

Крупные горшкообразные сосуды имеют маленький подтреугольный или круглый в сечении венчик, широкое и низкое горло, резко покатые плечики, округлое тулово. Часто к краю сосуда прикреплен верхний конец петлеобразных ручек. Орнаментированы некоторые подобные сосуды рядом насечек по горлу, иногда — рядами прорезных волнистых полос по верхней части тулова. Близкие по форме горшки часто с подобным же орнаментом встречаются в материалах Ташкентского оазиса. Есть они и в джетысарской культуре. На поселении Ак-тобе близ Баба-ата найдены горшки баночной формы с призматическим раздутым туловом, низким горлом и широким устьем с отогнутым наружу венчиком. Они украшены помимо красно-коричневых потеков прорезным волнистым орнаментом.

Что касается форм кувшинов, то можно отметить лишь наличие широкогорлых сосудов с небольшим подтреугольным или круглым в сечении венчиком. У многих — высокое горло, посередине которого проходит горизонтальный валик. Отмечены сосуды и с одним или двумя сливами по краю, тождественные джетысарским. Часть кувшинов имеет резко отделенное от плечиков горло.

Миски и чаши, широко открытые, невысокие, полусферической формы, с простым краем или же с выделенным круглым в сечении венчиком, часто с красноватым ангобом и лощением, находят аналогию в материалах джетысарской культуры. Встречены также и красноангобированные лощеные кружки с почти прямыми или слегка расходящимися к устью тонкими стенками. Найдено большое число сосудов (часто очень крупных) с горизонтальным рифлением по плечикам и тулову. Подобный прием орнаментации очень редко встречается в Ташкентском оазисе, по неоднократно отмечен в материалах ранних джетысарских памятников типа Кара-асара, Томпак-асара и т. п. К сожалению, у нас нет в настоящий момент данных, позволивших

⁷² А. Н. Бернштам. Древний Отгар.

⁷³ Дать полную характеристику этой культуры в настоящее время не представляется возможным прежде всего из-за чрезвычайного малого количества раскопанных на территории Отгарского оазиса памятников. Этот серьезный пробел в ближайшие годы восполнится работами Семиреченской экспедиции.

датировать рассмотренный выше комплекс раньше рубежа нашей эры или I в. до н. э., а также отнести его позже III—IV вв. н. э.⁷⁴

К следующему этапу, который можно, вероятно, датировать серединой I тысячелетия н. э. (до V—VI вв.), относим большую часть слоев поселений типа Шорнак-тобе, Садыкта, Ак-тобе Алтытау, Алтын-тепе. В этот период в керамике первой группы помимо котлообразных сосудов отмечаем плоскдонные горшки баночной формы с двумя вертикальными петлеобразными ручками, но с продольной ложбинкой и ямкой у верхнего конца ручки. Ниже края и на тулове «кухонных» горшков появляются наленой орнамент в виде валиков, рассеянных наложкой или волнообразными пальцевыми зажимами, копические налпы-шишечки на тулове. Встречены на памятниках этого периода и подставки в виде головы быка, аналогичные каучинским.

В керамике второй группы для хумов, крупных горшкообразных сосудов характерно подквадратное сечение венчиков. Для кувшинов типичны грушевидное тулово, высокое широкое горло, вертикальные петлеобразные ручки с продольной ложбинкой, иногда с ямками у начала ручки и на спинке. Некоторые кувшины имеют раструбообразный венчик, подчеркнутый снаружи снизу небольшим валиком, многие украшены разнообразным горизонтальным рифлением на горле, некоторые снабжены цилиндрическим, иногда чуть сжатым носиком, другие имеют слив на краю сосуда. Орнаментированы такие сосуды помимо красно-коричневых и черных мазков и потеков прорезным волнистым узором. Значительное число кувшинов с раструбообразным утолщенным венчиком покрыто густым красно-коричневым ангобом и лощением.

Кружки с овальным туловом, с петлеобразными вертикальными ручками, на верхней части которых налпы в виде загнутых рогов барана или выступа, схематически изображающего голову барана, аналогичны характерным каучинским.

⁷⁴ Работы последних лет в долине р. Арысь выявили на некоторых последних слоях, которые могут быть датированы временем не позже IV в. н. э. Для керамики этих слоев наряду с прорезным волнистым орнаментом и потеками темного ангоба поверх светлого характерны также орнаментальные приемы, как горизонтальное рифление по тулову и наклады (См.: *И. П. Подушкин*. К вопросу о керамике разземледельческих поселений верхний р. Арысь (I—IV вв. н. э.). «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 103—106, табл. III). Возможно, дальнейшие исследования позволят углубить начальные даты таких комплексов.

К третьему этапу (вероятно, VI—VIII вв. н. э.) можно отнести основные слои городищ типа Мардан-Куюк, Куйрук-тепе, Шунак-тобе, Ак-тобе байгакумское, нижний слой Баба-ата, могильника типа Бурджарского. Для керамики первой группы этого периода характерно широкое распространение наленой валика, рассеченного насечками или пальцевыми зажимами. Валик этот расположен по нижней части венчика, иногда на горле и реже — на тулове. Некоторые сосуды имеют утолщенный подтреугольный или подквадратный в сечении венчик, орнаментированный насечками, ямками и симметрично расположенными налпами. Аналогичные сосуды типичны для джетысарской культуры второго и частично третьего этапов. Котлы снабжены полуovalной формы горизонтальными ручками. Распространены плоские и конической формы крышки с резным орнаментом.

Среди сосудов второй группы продолжает встречаться керамика с красно-коричневыми и черными потеками и мазками.

У хумов большей частью встречается подквадратные в сечении венчики, орнаментированные иногда снаружи удлинными пальцевыми вдавлениями. Кувшины в принципе повторяют форму сосудов предыдущего периода (с яйцевидным и удлиненно-ovalным туловом, высоким и широким горлом, часто со сливом). Встречаются и узкогорлые сосуды с удлиненным сливом по краю. Орнаментация их та же, что и в более ранние периоды. Много кувшинов с раструбообразным венчиком. Найдены кувшины со сплошной рифленой поверхностью плечиков и тулова.

На памятниках северо-западной окраины этого района, типа Ак-тобе байгакумского, встречаются сосуды, находящие аналогии в семиреченской керамике и в материалах джетысарских памятников типа Сарлы-асара (горшки и крышки, определенной формы сливы с выступами внутри сосудов и т. п.).

Таким образом, рассмотренный район дал керамические комплексы, которые по крайней мере с первых веков по VIII в. н. э. чрезвычайно тесно связаны с каучинской культурой Ташкентского оазиса и в несколько меньшей степени с джетысарской культурой Нижней Сырдарьи. В то же время керамика этого района имеет ряд весьма своеобразных черт (например, хумы с валиком под горлом, кувшины с горизонтальным валиком на горле, кружки первого этапа, широкое распространение горизонтального рифления на тулове различных типов и размеров сосудов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изучения керамики видно, что уже в первые века нашей эры в районах Нижней и Средней Сырдарьи выделяются три культурные области.

Первая из них, джетысарская, расположена в районе левобережья современной Нижней Сырдарьи, в бассейне одного из старых русел Сырдарьи — Кувандарьи. Этот район представляет собой равнину, пересеченную на востоке сильно разветвляющимися сухими руслами Пра-Кувандарьи, а на западе переходящую в грядовые пески.

Вторая культурная область, отарско-каратауская, находящаяся к юго-востоку от первой, ограничена с северо-востока северными склонами Каратау, с запада — узкой полосой вдоль современного левого берега Сырдарьи, с юга и юго-востока — песками Изакудук и верховьями рек Курук-Келеса и Келеса.

Третья же, каунчинская, расположена к югу от отарско-каратауской и занимает район Ташкентского оазиса, включая весь Ангрено-Чирчикско-Келесский бассейн, до Кураминского хребта на юго-востоке и левобережья Сырдарьи на западе. С северо-востока к этому району примыкают долины Пскема, Чаткала и верховьев Таласа.

Районы правобережной Средней Сырдарьи, где получили распространение каунчинская и отарско-каратауская культуры, представляют собой сочетание предгорных возвышенных частей, переходящих в степные увалы или плодородные равнины, пересеченные многочисленными реками. Памятники джетысарской культуры расположены в более низменных дельтовых районах.

Для всех трех культур характерно расположение поселений непосредственно вблизи естественного водного источника, на высоких берегах рек или протоков. Все поселения имеют мощный культурный слой и окружены курганными могильниками.

Эти общие для всех трех культур черты, очевидно, могут быть объяснены одинаковым типом хозяйства, в значительной степени обусловленного спецификой физико-географических данных. Богарно-лиманное земледелие (с преобладанием первого), сочетавшееся с оседлым скотоводством, являлось основными направлениями хозяйства. Даже в дельтовых условиях, где распространена была джетысарская культура, земледелием занимались с помощью самой примитивной ирригации, используя естественные протоки. До настоящего времени в правобережье Сырдарьи практикуется богарное земледелие¹, что диктуется природными условиями, а на пастбищах, составляющих большую часть

¹ Данные, полученные в результате раскопок некоторых памятников этих культур, свидетельствуют о том, что население указанных районов уже в первые века нашей эры было знакомо с культурами проса, ячменя (С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 235), пшеницы (Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, стр. 9; он же. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР», № 108, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 50), риса и хлопчатника (А. Г. Максимова, М. С. Мерцисев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 244). О занятиях садоводством говорит находки косточек персика (Джеты-асар № 3, Каунчи-тепе), вишни, зерен арбуза и дыни (Джеты-асар № 3, Ак-тобе 2).

территории этих районов, круглогодично пасутся многочисленные стада.

Очевидно, единым типом хозяйства объясняется в большой степени близкая технология изготовления керамики и один и тот же набор посуды во всех трех областях.

Как для джетыасарской, так и для кауничской и отарско-каратауской культуры характерны чрезвычайная архаичность и устойчивость форм и орнаментации сосудов, так же как и резкое преобладание керамики, изготовленной ручной лепкой, даже на позднем этапе развития этих культур. Однако отличие джетыасарского керамического комплекса от керамики среднесырдарьинских культур заметно достаточно отчетливо.

Каждому из рассматриваемых комплексов керамики свойственны характерные пропорции и формы сосудов, приемы отделки и орнаментации, сохраняющиеся на всем протяжении существования культуры. И хотя в определенные периоды внутри комплексов наблюдаем некоторые изменения в керамике, они касаются лишь отдельных деталей формы, элементов орнаментации.

Первый этап датируется для всех выделенных культур одним и тем же периодом: от рубежа или первого века до н. э. по конец III — начало IV в. н. э.

Возможно, что джетыасарская культура появляется в низовьях Сырдарьи раньше, чем выделенный нами ее первый этап. Отдельные, весьма древние традиции, прослеживаемые по керамическому комплексу, позволяют предположить, что более древние слои скрыты в толще слоев некоторых памятников типа Кара-асара, Домалак-асара, Топмак-асара, Джеты-асара № 11. Косвенным свидетельством более раннего существования джетыасарской культуры в районах низовий Сырдарьи могут служить и находки в могильнике конца эпохи бронзы и раннего железа Тагискен форм керамики, обнаруживающих безусловные генетические связи с сосудами джетыасарской культуры. Об этом же говорят и отдельные находки керамики, близкой джетыасарской, в слоях городища Бабин-Мулла I. Последние работы в районах отарско-каратауской культуры позволяют надеяться, что дальнейшие исследования выявят более древние слои и на некоторых поселениях этой культуры (как нам кажется, на поселениях, расположенных, прежде всего, в предгорных районах) типа Актоган, Караул-тобе².

К сожалению, нам почти неизвестна топография поселений джетыасарской культуры первого этапа, слои которого часто скрыты под толщами слоев более позднего времени. Для поселений же кауничской и отарско-каратауской культур первого этапа характерно четкое трехчленное или двухчленное деление, расположенный в центре поселения у обрыва бугор, скрывающий толщу дворцового здания, и окружающая поселение со стороны стены вал-стена.

Что касается погребальных сооружений, то для первого этапа джетыасарской культуры, где раскопано незначительное число курганов, характерно наличие ямных погребений с заплечниками, перекрытых толстым слоем камыша, и, возможно, круглой или квадратной формы камеры из сырцового кирпича. В погребальном инвентаре этих сооружений, кроме сосудов и украшений, найдены оружие, кости быка и собаки.

Погребальные памятники первого этапа отарско-каратауской культуры также почти не изучены. Отдельные могильники этого времени, раскопанные на северных склонах Каратау и на среднем течении р. Таласа, дали ямные погребения с керамикой, близкой усуньской керамике Чу-Илийского междуречья.

В могильнике, расположенном около поселения Ак-тобе у Баба-Ата, на северных склонах Каратау, также оказались аналогичные грунтовые погребения с подобным же материалом и захоронения в каменных ящиках на уровне древней поверхности.

Лишь погребальные памятники кауничской культуры изучены хорошо. Для первого этапа этой культуры характерны курганы с земляными насыпями, с длинным довольно узким идущим перпендикулярно или под углом к катакомбе дромосом. Внутри катакомбы обычно находилось коллективное, реже одиночное, захоронение в сопровождении сосудов, предметов быта, украшений, иногда костей барана. Любопытно отсутствие оружия в подобных погребениях.

Характеристике керамики всех трех культур по этапам отведены специальные разделы данной работы, поэтому здесь отметим лишь, что для джетыасарской культуры первого этапа для всех видов и обеих групп сосудов характерно наличие небольшого плоского дна, диаметр которого много меньше (у кувшинов — равен) диаметра края, прямое цилинд-

² Н. П. Подушкин. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арысь

(I—IV вв. н. э.). В сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 93—107.

рическое горло обычно отделено от сферической формы тулова резким уступом. У «кухонных» горшков отсутствуют ручки. У кувшинов на высоком прямом горле проходят прочерченные, прорезные и рифленые горизонтальные линии, небольшие округлые в плане парные сливы по краю сосуда.

Основная масса сосудов второй группы открыта лощением по густому красному, красно-коричневому, иногда черному или темно-серому ангобу.

Для каучинской и отарско-каратауской культур на первом этапе типичны сосуды с широким плоским дном, диаметр которого обычно много больше диаметра устья, покатые как бы обвислые плечики грушевидного тулова. Для «кухонных» горшков обязательны петлеобразные вертикальные, идущие от края, или горизонтальные, на плечиках ручки. Для многих кувшинов каучинской культуры характерно наличие цилиндрических носиков на плечиках сосуда. Сосуды второй группы украшены потеками и мазками красно-бурого ангоба поверх жидкого беловатого. Кувшины и кружки каучинской культуры часто снабжены зооморфным выступом на ручке в виде головы барана.

Подобные сосуды лишь в единичных экземплярах известны в отарско-каратауском районе. Свообразным же отличием последней от каучинской является значительное число сосудов с горизонтальным рифлением по плечикам и тулову. Сосуды же типа хумов, в отличие от каучинских, часто имеют выделенную шейку и уступ или валик под ней. Для кувшинов обычны горизонтальные валики на высоком горле.

На первом этапе видим немалое количество сосудов, характерных для каучинской и отарско-каратауской керамики, в материалах джетыасарской культуры. Сосуды же, типичные для джетыасарской культуры, отмечаются лишь на городищах северных склонов Каратау типа Тик-Турмас, Ак-тобе. Это является свидетельством не только тесных культурных связей, но говорит и о сильном влиянии в этот период среднесырдарьинских культур на джетыасарскую.

При датировке второго этапа всех трех культур оказалось возможным определить в каучинской и соответственно в отарско-каратауской более узкие хронологические периоды, чем в джетыасарской. Так, датировать второй этап каучинской культуры можно с конца III — начала IV вв. н. э. по V в. н. э. К сожалению, пока не удалось выделить соответствующий период в джетыасарской куль-

туре, и второй этап последней, датируемый IV—VII вв. (возможно, также с конца III в. и по начало VIII вв. н. э.), фактически соответствует и третьему этапу каучинской культуры, охватывающему VI — начало VIII вв. н. э.

Поселения джетыасарской культуры, относящиеся ко второму этапу, дают несколько типов планировок, но можно выделить своеобразную улиткообразную форму тене (типа Мойшокты-асар, Джеты-асар № 9). Правда, начальная дата такой формы тене на данной территории не может быть определена более или менее точно, так как неизвестно, были ли подобные планировки и на первом этапе (например, Домалак-асар). Для погребений второго этапа в джетыасарской культуре также характерен курганный обряд. Под земляной насыпью находится углубленная в землю или расположенная на уровне древней поверхности квадратная или круглая камера из сырцовых кирпичей, заключающая обычно одиночное захоронение. В погребальном инвентаре таких погребений также есть восточные элементы (например, сердцевидные лилии из кургана № 1, аналогичные известным из шамсинского погребения).

Для второго этапа обеих среднесырдарьинских культур отмечается резко возросшее количество поселений. Последние по-прежнему располагаются по берегам рек и протоков, также окружены курганами. Характерным является факт продвижения поселений каучинской культуры в глубь Ташкентского оазиса, в районы среднего и верхнего течения Ангрена, Чирчика, Келеса.

Что касается погребальных памятников, то для района отарско-каратауской культуры, где раскопаны единичные курганы, можно лишь отметить наличие подкурганных погребений на уровне древнего горизонта, в прямоугольных в плане сырцовых камерах, а также на уровне горизонта — следы трупосожжения.

Для каучинской культуры, где известны сотни раскопанных курганов этого времени, можно констатировать, что на втором этапе, наряду с катакомбами с узким дромосом, перпендикулярным длиной оси катакомбы, встречаются и иные формы могильных сооружений — подобные и грунтовые погребения, подземные склепы. Хотя и в этот период продолжают существовать коллективные захоронения, количественно преобладающими становятся одиночные захоронения. Характерным для второго этапа каучинской культуры является наличие оружия в погребальном

инвентаря самых различных типов погребальных сооружений.

В джетыасарском керамическом комплексе с начала второго этапа фиксируем изменение некоторых элементов внутри каждого вида сосудов, касающихся лишь отдельных, но весьма выразительных деталей. Эти изменения, определяемые с самого начала второго этапа, зарождаются где-то в конце первого (например, появление в верхних ярусах нижнего горизонта «Большого дома» Джеты-асара № 3 единичных сосудов с типичными для первого горизонта венчиками и т. п.).

Для керамики обеих групп сосудов второго этапа (и почти для всех видов ее) характерны отогнутые раструбом крупные, удлиненные и утолщенные подпрямоугольные в сечении венчики. Отсутствующие ручки частично заменяются, как и на первом этапе, подтреугольными или подпрямоугольными в плане выступами, симметрично попарно расположенными на венчике.

Некоторые элементы орнаментации и отделки сосудов, характерные для второго этапа джетыасарской культуры, имеют аналогии в материалах памятников Южной Тувы, Монголии, относимых исследователями к гуинским.

В джетыасарских памятниках второго этапа встречаются и целые сосуды первой группы типа котлов (с аналогичной горшкам первой группы формой корпуса и венчика), по своему облику идентичные гуинским котлам Тувы, Западной Монголии, Ордоса.

Второй этап керамического комплекса каучинской и отарско-каратауской культур характеризуется дальнейшим развитием основных элементов и черт. Датировать второй этап в рассматриваемых районах Средней Сырдарьи можно с конца III — начала IV по V в. н. э. Надо отметить, что все основные характерные черты керамики второго этапа продолжают жить и дальше и, очевидно, лишь в конце VI в. вновь можно фиксировать значительные изменения в керамическом комплексе, но, к сожалению, большинство памятников, где выявлен слой VI—VIII вв., не дали материалов, позволявших бы разделить эти слои.

В целом вся посуда среднесырдарьинских культур второго этапа типологически непосредственно связана с керамикой предыдущего этапа, повторяя все основные пропорции, формы, приемы изготовления, отделки и орнаментацию, отличаясь от керамики первого этапа лишь некоторыми деталями формы и элементами орнамента.

Например, такие детали, как продольный желобок по спинке сжатой с боков ручки, сливы на краю цилиндрических носиков и т. п. являются в определенной степени характерными для сосудов второго этапа. На втором этапе глиняные подставки с изображением двухголового барана сменяют подставки в виде грубого изображения головы быка с двумя выступами-рогами. В отличие от первого этапа в керамическом комплексе отарско-каратауской и, особенно, каучинской культуры на втором этапе четко прослеживаются черты, типичные для джетыасарской керамики. Например, такие элементы, как различные варианты (прочерченные, прорезанные палочкой, проведенные пальцами) горизонтального рифления на горле кувшинов, характерное джетыасарское лощение, аналогичный джетыасарскому прорезной геометрический орнамент на плечиках и тулове сосудов (прежде всего, горшкообразных), округлой формы слив на краю сосуда или цилиндрического носика, столь типичного для каучинской культуры. Кроме характерных джетыасарских элементов, среди каучинского и отарско-каратауского типа сосудов изредка встречаем и целые джетыасарские формы (кружки, кувшины со сферическим туловом, крутыми плечиками, четко отделенными от прямого высокого горла, своеобразным отогнутым наружу венчиком и др.).

На втором этапе каучинской культуры можно заметить на территории Ташкентского оазиса ряд ее локальных вариантов. Так, например, на памятниках, расположенных на самой Сырдарье или в непосредственной близости от нее, находим несравненно большее количество джетыасарских элементов в керамике, большей разноразной в погребальных сооружениях, чем в районах центральной и юго-восточной части Ташкентского оазиса.

Отмечаемый разноразной в погребальных сооружениях, появлении оружия в погребальном инвентаре свидетельствуют о притоке на территорию каучинской культуры нового населения. Судя по керамике, можно говорить о четко выявляющейся джетыасарской волне. Двигаясь вверх по Сырдарье, какая-то часть джетыасарцев (если судить по керамике) оседала и растворялась в среде населения отарско-каратауской и каучинской культур. Они принесли с собой не только погребальный обряд, типы погребальных сооружений, но и некоторые характерные для них черты в формах сосудов, приемах обработки и орнаментации, которые распространились затем по всей территории среднесырдарьин-

ских культур. Вероятно, под давлением этого пришло население, а возможно и увлекаемое движением последнего, местное каунчинское население не только широко расселяется по всему Ташкентскому оазису, но проникает на восток, в долину Чаткала, в южные и юго-западные районы. Как и на территории самих среднесырдарьинских культур, это движение наиболее заметно на памятниках, расположенных непосредственно в присырдарьинских районах.

Как уже говорилось, второй этап джетыасарской культуры соответствует частично и третьему этапу среднесырдарьинских культур (VI — нач. VIII вв. н. э.). На протяжении этого времени происходит постепенное изменение отдельных деталей в керамическом комплексе джетыасарской культуры, например, усложняется орнамент на венчиках горшков первой группы, широко распространяются серо- и чернолощенные кружки усеченно-конической формы с прорезным линейным и геометрическим орнаментом. К концу этого периода появляется своеобразный прием отделки поверхности нижней половины тулова горшковидных сосудов первой группы нарочито грубой и небрежной обмазкой толстым слоем глины, создающей видимость бессистемной ребристости.

Отмечаются новые черты и в планировке помещений. Так, например, в самом верхнем строительном периоде «Большого дома» Джеты-асара № 3 появляются своеобразные «длинные очаги».

В отраско-катауской культуре (VI—VII вв. н. э.) при сохранении основных пропорций, форм и принципов орнаментации сосудов наблюдается дальнейшее усовершенствование их (например, широкое распространение наленного рассеченного валика, горизонтального рифления на плечиках и тулове сосудов и т. п.). В керамических комплексах памятников этого этапа отмечается и появление отдельных новых форм и орнамента (конических крышек с резным геометрическим орнаментом, пальцевые вдавливания на подквадратных в сечении венчиках хумов и т. п.). И на этом этапе по-прежнему четко прослеживается тесная близость с каунчинской культурой и одновременно большое количество характерных джетыасарских сосудов.

В Ташкентском оазисе на этом этапе отмечаем дальнейшее развитие каунчинской культуры. Совершенствуется архитектура и строительные приемы, широко распространяется оссуарный обряд захоронения. Но наряду с ним продолжают существовать и ката-

комбы с узким длинным дромосом, перпендикулярным длинной оси катакомбы, подобные и грунтовые погребения, курганы с трупосожжением на уровне дневной поверхности, подземные и наземные склепы.

В керамическом комплексе резко увеличивается количество посуды станковой работы, изменяются отдельные элементы форм и орнаментации (например, кувшины с цилиндрическим носиком на плечиках, приобрета на втором этапе смятый слив на краю носика, на третьем этапе имеют уже настольно оттянутый край его, что этот поднятый почти вертикально носик часто соединяется с краем кувшина). Хотя продолжают бытовать сосуды со светлым ангобом и мазками и потеками красно-коричневого и черного ангоба поверх него, врезным волнистым или линейным орнаментом, рядами насечек, сосуды, лощеные поверх густого красно-коричневого и черного ангоба, на тулове горшков с аналогичным покрытием распространяется резной орнамент в виде елочек, косой сетки, спиральных полос. Характерным для этого этапа является и распространение котлов со сферическим туловом, горизонтальными петлеобразными ручками. Для начального периода третьего этапа каунчинской культуры (VI в. н. э.) отмечаем бытование всех основных характерных форм второго этапа (в том числе и очажных подставок в виде головы быка). Очевидно, к VII в. можно отнести появление и широкое распространение в каунчинской культуре сосудов, по своей форме и орнаментации подражающих металлическим образцам.

Для третьего этапа каунчинской культуры характерна близость ее с согдийской культурой и даже прямое влияние последней на культуру Ташкентского оазиса. Это, отмеченное еще А. И. Тереножкиным, согдийское влияние прослеживается в элементах архитектуры, терракоте, штампованном орнаменте и в меньшей степени отразилось на керамике (возможно, за исключением форм, подражающих металлу).

Третий этап джетыасарской культуры может быть датирован концом VII—IX вв. н. э. В керамическом комплексе продолжают преобладать все основные типы сосудов с характерными джетыасарскими пропорциями, приемами орнаментации. Но внутри различных форм развиваются прежние и появляются новые элементы. Так, например, отмеченный для второго этапа прием отделки тулова сосудов грубой глиняной обмазкой широко распространяется на этом этапе. Вырождаю-

ся в чисто орнаментальный прием и симметричные слиты на вешчихах кувшинов. Несколько изменяется форма кружек, мисок. Грубее становится качество изготовления и отделки керамики. В этот период в джеты-асарском керамическом комплексе четко прослеживаются семиреченские элементы — характерные мотивы орнаментации и даже некоторые формы сосудов (широкое распространение пронзного геометрического, растительного и особенно елочного узора, форма крышек, трехлопых светильников с типичным семиреченским узором, достарханов, татара и т. п.).

На разных этапах существования джеты-асарской, оттарско-каратаской и каучинской культур при анализе керамики можно проследить не только их связи между собой и взаимовлияние (например появление джетыасарских элементов в среднесырдарьинских комплексах, особенно в каучинском, в конце первого — в начале второго этапов), но в определенной степени и их взаимосвязи с другими областями Средней Азии и Казахстана.

Так, например, анализ керамического комплекса ближайших южных соседей каучинцев дает возможность сделать вывод о сильном воздействии на них каучинской культуры с конца первого и особенно на втором ее этапе.

Ангрено-Чирчикско-Келесский бассейн с юга и юго-востока ограничен Кураминским и отчасти Чаткальским хребтами. В этих горах, на южных склонах Кураминско-Чаткальского хребта, в горах Моголтау, в многочисленных саях находится большое количество своеобразных каменных погребальных сооружений. Они были отмечены впервые в 80-х годах прошлого столетия Н. И. Веселовским и членами Туркестанского кружка любителей археологии (М. С. Андреевым, И. А. Костанье), затем К. А. Иностранцевым³, Г. А. Пугаченковой⁴ и др. В 1950—1951 гг. М. Э. Воронец⁵, исследовавший эти районы, зафиксировал

около 300 мугхона, из которых 21 раскопан. Тогда же было исследовано значительное число других погребальных сооружений, определенных автором как «каменные погребальные курганы с каменным ящиком»⁶. В 1955, а затем в 1957 г. Б. А. Литвинский обследовал и раскопал несколько сот подобных погребальных сооружений, названных им курумами, в южных отрогах Кураминского хребта⁷. М. Э. Воронец выделил лишь два типа погребальных сооружений (с курганной вазелью из вадунов и камней, под которой находится на уровне земли или слегка углубленный в нее ящик из поставленных на ребро плит; мугхона, имеющая конусообразный «ступенчато-округлый вид» и состоящая из цоколя из каменных плит, на которых поставлены одна на другую плиты), исследованная Б. А. Литвинского показала, что имеется целый ряд переходных между ними типов. В раскопанных М. Э. Воронцом погребальных сооружениях с каменными ящиками кроме некоторых предметов украшения и быта (бусы, серьги, обломок зеркала с ручкой-черенком, каменные палочки, железные ножи, пряжки) была найдена в значительных количествах керамика. Вся посуда делится на груболепную и станковую (полусферической формы чаши и горшочки, кувшинчики). Для второй группы сосудов находим аналогии в керамике поселений Ферганской долины. В мугхона, где, в отличие от вышеописанных, не одиночное, а коллективное захоронение, встречены также предметы украшения и быта (каменные, пастовые и др. бусы, железные и бронзовые кольца, «сурматаш», крупные железные накопечники стрел, трехлопастные и трехгранные, деревянные чаши, миски и др.). Как в каменных ящиках, так и в мугхона главной находкой была глиняная посуда. Она представлена двумя группами: грубой лепки, с большим количеством примесей в глине, кружечки, котлообразные сосуды с шаровидным туловом, горшки, украшенные наленными рассеченными валиками и выступами, или пронзным и ямочным орнаментом; станковой работы красноангобированные, иногда лощеные полушаровидные чаши, с плоским довышком и

³ К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обрядах и постройках. ЖМНП, новая серия. ч. XX. СПб., 1909.

⁴ Г. А. Пугаченкова. К проблеме возникновения шаровидных мавзолеев Хорасана. «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949.

⁵ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Узб. ССР на территории Ферганы. «Труды Музея истории Узб. ССР», вып. II. Ташкент, 1954, стр. 53—85.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. «Труды АН Тадж. ССР», т. 63. Душанбе, 1958, стр. 37—46; *он же*. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. «Труды АН Тадж. ССР», т. 103. Душанбе, 1959, стр. 109—129.

отогнутым венчиком, конические бокалы на маленькой неустойчивой ножке, кувшины с широким туловом, узким горлом и отогнутым венчиком. Вторая группа керамики имеет аналоги в материалах поселений и городищ Ферганской долины. На основании, главным образом, аналогий керамике М. Э. Воронца датировал захоронения в каменных ящиках первыми веками до н. э., а мугхона — II вв. н. э.⁸ В. И. Спришевский, анализирувавший инвентарь этих мугхона, датировал их I—IV вв. н. э.⁹ Б. А. Литвинский, на основании анализа материалов раскопанных им курумов, пришел к выводу о более широком хронологическом диапазоне их — III—II вв. до н. э. и до V—VI вв. н. э.¹⁰

К сожалению, материал многочисленных обследованных Б. А. Литвинским курумов (в Чарчанак-сае, около Даханы, в долине Дашти-Бодомак у Пангаза, в группе Бобон-Дархан, вблизи Апта, в Курук-сае и др.) опубликован частично.

Это весьма затрудняет в настоящее время выделение различных хронологических групп внутри этой группы памятников и заставляет принимать пока очень широкую датировку. Среди вещей из раскопанных Б. А. Литвинским курумов встречаем тот же набор предметов, что и вышеописанный, но представленных значительно шире и разнообразнее. Здесь и различные варианты железных и бронзовых пряжек, ножей, перстней и колец, фрагментов ханских зеркал, каменных косметических палочек, кусочков графита, чрезвычайно многообразные каменные, пастовые и стеклянные бусы. Среди последних надо отметить «монетовидные бусы»¹¹, характерные для VI—VII вв. Среди наконец-то стрел есть и втульчатые трехлопастные бронзовые¹², датирующиеся IX—II вв. до н. э., и различной величины железные, трехлопастные и трехгранные с опущенными жалками и с уступом и выемкой¹³. Последние могут быть датированы до VI—VII вв. н. э.

⁸ М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 63, 77.

⁹ В. И. Спришевский. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории Узб. ССР. «Труды Музея истории Узб. ССР», вып. III. Ташкент, 1956, стр. 53.

¹⁰ Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников..., стр. 45.

¹¹ Б. А. Литвинский. Изучение курумов..., стр. 119, рис. 5, 8.

¹² Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников, стр. 44, рис. 3.

¹³ Там же; Б. А. Литвинский. Изучение курумов..., стр. 115, рис. 3; *он же*. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 75—91.

Как уже говорилось, керамика из курумов почти не опубликована. В одной из работ Б. А. Литвинского¹⁴ приведена типологическая таблица керамики из различных могильников Северного Таджикистана, в том числе и из курумов. В работе выделено более десяти типов сосудов, характерных для могильников данного района. По имеющимся данным можно предположить с большой долей вероятности, что не все выделенные Б. А. Литвинским типы сосудов представлены в курумах и наоборот. Третий тип (горшкообразные широкооткрытые сосуды с плоским дном, диаметр которого меньше диаметра горла, или же на маленьком кольцевидном поддоне, часто с продоранным ферганским орнаментом на верхней части широкого округлого тулова), имеющий аналоги в ферганской керамике, представлен в курумах единичными экземплярами. В курумах отмечается наличие четвертого выделенного Б. А. Литвинским типа — горшки с коротким относительно узким горлом, удлинненным грушевидным или бутылеобразным туловом с резко обвислыми плечиками и широким плоским дном (например, из курумов Апта, Даханского могильника, могильника Бодомак у Пангаза) (рис. 67, 46, 47). Этот же тип сосудов был встречен и в мугхона, раскопанных М. Э. Воронцом. Близкой формы горшки неоднократно отмечались в памятниках каунической культуры и в могильниках предгорий Ферганы типа Гур-Мирон, Джангаил, Бор-Корбаз¹⁵. Широко представлены в курумах пятый и шестой типы. К пятому типу Б. А. Литвинский отнес кружки с вытянутым туловом, плавню переходящим в невысокое горло и простой отогнутый край, с петлеобразной или кольцевидной ручкой на верхней части тулова, а также кувшины близкой формы с широким плоским дном и яйцевидным туловом (рис. 67, 22). Некоторые из таких кувшинов (рис. 67, 24—26) имеют смятый край, образующий слив на противоположной от ручки стороне (например, из курумов № 4, 6 Апта, № 19 Даханы и др.). Один из кувшинов имеет две полосы прорезного волнистого орнамента на тулове и слабо выраженный валик с насечками у места соединения горла с плечиками (рис. 67, 23).

¹⁴ Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаганского района в 1958 г. «Труды Института истории им. А. Донни АН Тадж. ССР», т. 27. Душанбе, 1961, стр. 59—80, рис. 8.

¹⁵ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, 1954, XX, стр. 136, рис. 4.

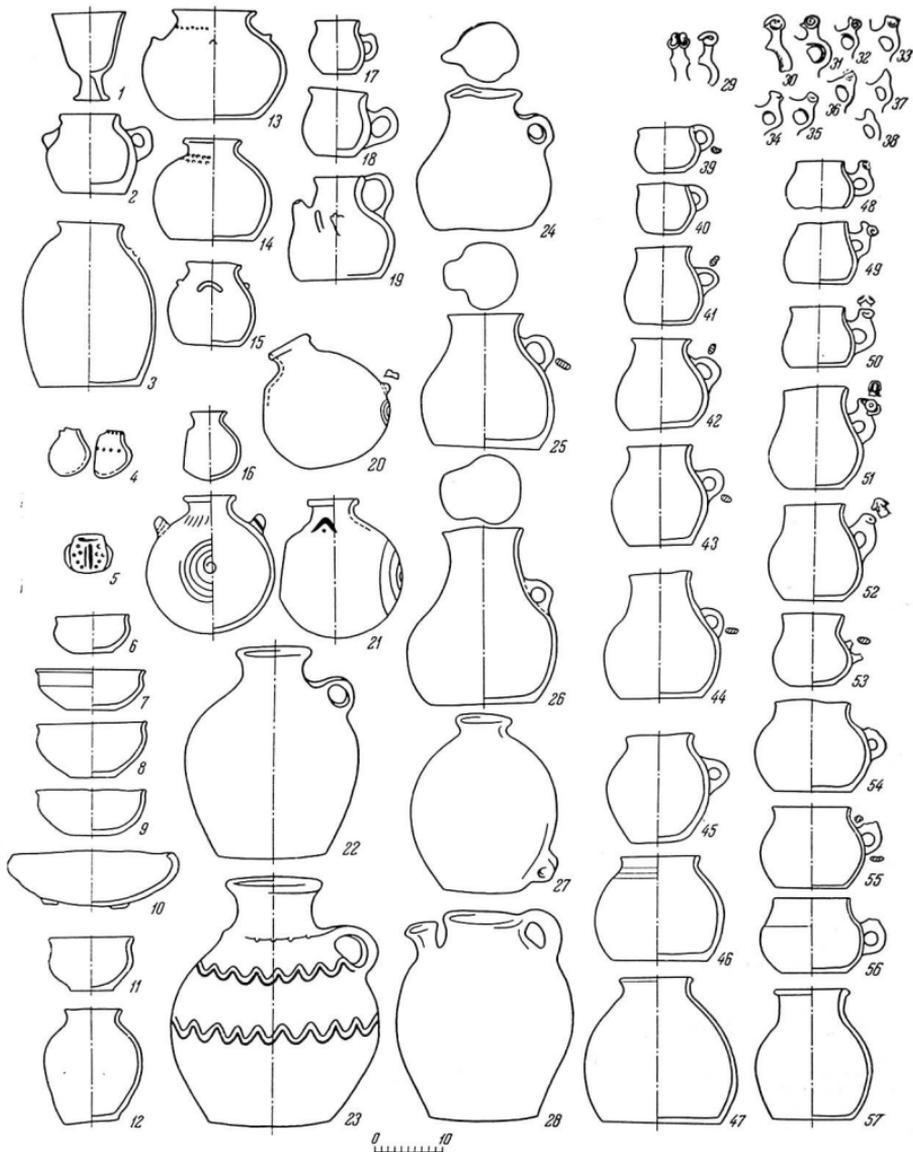

Рис. 67. Керамика «муғхона» и курумов (по материалам М. Э. Воронца и Б. А. Литвинского)

Аналогичные сосуды известны в каучинской культуре. В курумах найдены и кувшины с широким плоским дном и относительно узкой и невысокой шейкой, с петлеобразной ручкой около дна (рис. 67, 27). Этот кувшин близок сосуду из поселения Ак-тобе 2 (рис. 41, 18). Встречены также кувшины с аналогичной формой тулова, низкой и широкой шейкой, петлеобразной ручкой, идущей от края сосуда, и вертикальным цилиндрическим носиком со смятым краем (рис. 67, 28). Такие кувшины характерны для второго этана каучинской культуры. Лишь в курумах есть и характерные для каучинской культуры первого и частично второго этапов ее кружки с ручками, изображающими барана (рис. 67, 29—38, 48—52). Эти кружки были отнесены Б. А. Литвинским к шестому типу сосудов.

Из других форм керамики курумов надо отметить широко открытые красноангобированные, часто подлощенные миски и чаши, аналогичные тиничным ферганским, единичные экземпляры банкообразных сосудов с прямыми стенками и характерным прореченным ферганским орнаментом¹⁶, тождественным найденному на Большом Ферганском канале¹⁷. Крупная низкая чаша на трех невысоких ножках аналогична встреченным в каучинской культуре, а сосудид-курильница с четырьмя вертикальными ребрами и сквозными отверстиями в стенках тождествен найденным в джунском, шаушукумском и беш-байском могильниках (рис. 67, 5).

Приведенный краткий обзор комплекса керамики курумов говорит о его связях не только с ферганскими поселениями и могильниками, но особенно с каучинской культурой. Влияние каучинской культуры проявляется, судя по керамике, значительно речче и сильнее, чем ферганское. Причем, в западных областях каучинская струя выражена более четко, чем в восточных (например, в раскопанных М. Э. Воронцом мухгона подобные сосуды встречались значительно реже). Вероятно датировать эти сосуды можно временем первого — второго этапов каучинской культуры.

На расстоянии нескольких километров от Ашитского могильника на правом берегу Сырдарьи расположено поселение Кизил-тепе (холм Тудан-Калон). В результате раскопок,

проведенных на этом поселении Е. Д. Салтовской¹⁸, четко выявились два горизонта со своеобразными керамическими комплексами. Датировке верхнего горизонта помогает находка костяной пластинки с изображением, близким изображениям на бергамских пластинках конца III—IV вв. н. э.¹⁹ Е. Д. Салтовская, сопоставляя это изображение с бергамскими и с росписями из Балалык-тепе, предвременно датирует его первыми веками н. э., по IV в. включительно²⁰. Керамический комплекс верхнего слоя наряду с типичными красноангобированными ферганскими мисками, сосудами баночной формы с характерным процарапанным ферганским орнаментом²¹ в изобилии дал светлоангобированную керамику. Среди последней преобладают кувшины с резко покатыми плечиками, с прореченными и прорезанными горизонтальными линиями на горле, иногда со сливом по краю венчика, аналогичного найденным на Шаушукум-тобе. Некоторые кувшины имеют расположенный на плечиках цилиндрический носик со смятым краем. Встречены и миски-тазы с двумя вертикальными ручками, идущими от края; кружки с зооморфными ручками; «кухонные» горшки с двумя вертикальными петлеобразными ручками от края, с наленным волнистым валиком на тулове (рис. 68, 44—48).

Отметим также единичные кувшины без ручек, с шаровидным туловом и цилиндрическим горлом, по которому проходит горизонтальное рифление. Все эти сосуды находят аналогию в керамическом комплексе Ташкентского оазиса и более северных средне-сырдарьинских районов времени конца первого и второго этапов. Судя по этому поселению, западные присырдарьинские районы Ферганы также подверглись сильному

¹⁸ Е. Д. Салтовская. О раскопках античных поселений в районе Ашта. ТИИ АН Тадж. ССР, т. XXXI. Душанбе, 1961, стр. 163—166; *она же*. Раскопки на Кызл-тепе в 1960 г. ТИИ АН Тадж. ССР, т. XXXIV, вып. 8. Душанбе, 1962; *она же*. Раскопки на Тудан-Калон в 1961 г. ТИИ АН Тадж. ССР, т. XLII. Душанбе, 1964, стр. 45—52; *она же*. О резных костяных предметах первых веков н. э. из Ашта. «Известия АН Тадж. ССР, вып. 2 (52)». Душанбе, 1968, стр. 107. *она же*. О некоторых археологических памятниках и находках в Аштинском районе. В сб. «Материальная культура Таджикистана». Душанбе, 1968, стр. 142—161.

¹⁹ А. М. Мандельштам. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане. СА, 1954, XXI, стр. 428.

²⁰ Е. Д. Салтовская. О резных костяных предметах... стр. 110—111.

²¹ Е. Д. Салтовская. Раскопки на Тудан-Калон, стр. 47, рис. 2.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Изучение курумов... рис. 7, б.
¹⁷ В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительство Большого Ферганского канала. ТИИА АН Узб. ССР т. IV. Ташкент, 1951, стр. 55, 56, табл. V, 1.

влияния каучинской культуры с конца III—IV вв. н. э.

К сожалению, мы не знаем других поселений этого времени в данном районе. Поселения же и погребения центральных и восточных районов Ферганской долины не дают подобный материал. На памятниках центральной части Ферганской долины при абсолютном преобладании собственно ферганской керамики изредка встречаются сосуды, которые по своей форме и отделке находят аналогию в каучинской культуре. Это, прежде всего, фляги²², аналогичные встреченным на памятниках каучинской культуры первого и второго этапов; кувшины с низким горлом, резко покатыми плечиками высокого тулова и очень широким плоским дном²³, кружки с зооморфными ручками также характерной каучинской формы. Такая кружка (рис. 68, 50), например, была найдена во втором слое поселения Гайрат-тепе, в 50 км к северо-востоку от г. Андижана. Слой этот датируется В. И. Козенковой III—V вв. н. э.²⁴

В 1969—1970 гг. Г. А. Брыкина исследовала поселение Кайрагач, расположенное в Западной Фергане, в долине р. Ходжа-Бакирган, в 30—40 км севернее Сырдарьи²⁵. В керамическом комплексе этого поселения при наличии некоторого числа форм, близких ферганским (небольшие горшки и кружки с красным ангобом и лощением, орнаментированные треугольниками, грушевидной формы горшки и др.), резко преобладают сосуды, напоминающие типичную каучинскую керамику Ташкентского оазиса.

Подавляющее большинство керамики замка Кайрагач изготовлено без применения гончарного круга. Для хумов характерны подпрямоугольные в сечении венчики и орнаментация мазками и потеками темно-коричневого густого ангоба по обвислым плечикам и верхней части вытянутого тулова. Подобные венчики хумов в сочетании с орнаментацией и формой тулова типичны для памят-

ников второго этапа каучинской культуры. Среди горшков отметим сосуд с широким дном и устьем, орнаментированный прорезными горизонтальными волнистыми линиями на тулове. И форма, и орнаментация этого горшка аналогичны отмеченным для нижнего слоя Шаушукум-тобе. Многие кувшины по форме тулова, горла, цилиндрического носика и орнаментации также очень близки каучинским. Некоторые детали их формы (например, наличие сливов на краю высоко поднятого к устью цилиндрического носика, детали ручек) характерны для второго этапа каучинской культуры. Однако в орнаментации этих кувшинов вместе с характерными для каучинских узоров горизонтальными и волнистыми полосами на тулове есть прорезанные вертикальные елочка, распространенные в орнаментации ферганских сосудов.

Светильники-курильницы на высокой цилиндрической ножке, украшенной горизонтальным наленным валиком с насечками, с узорными выступами по краю полушаровидного резервуара распространены в каучинской культуре. Они известны, например, в нижнем слое городища Минг-Урюк. Курильницы той же формы, но без подобного украшения на ножке, характерны для джетысарской культуры. Г. А. Брыкина датирует раскопанный ею комплекс замка Кайрагач серединой I тысячелетия н. э. (вероятно, с V в. н. э.), с чем мы полностью согласны.

В предгорьях Ферганы исследовано значительное число погребальных сооружений. В могильниках Джангап, Гурмирон, Боркорбаз, Хангиз и др., вскрыты захоронения в подбоях, грунтовых ямах, катакомбах с дромосами, имеющими форму прямоугольных ям с вертикальными стенками и горизонтальным дном. Основную часть погребального инвентаря составляли глиняные сосуды. Исследовавший эти могильники С. С. Сорокин датировал их первой половиной I тысячелетия н. э., сопоставляя их с материалами собственно ферганских поселений и одновременно с памятниками Ташкентского оазиса²⁶. С. С. Сорокин подчеркивает родство последних с материалами ферганских могильников²⁷. Накопленные за последние 15 лет ма-

²² Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. ТИИА АН Узб. ССР, т. IV. Ташкент, 1951, табл. 1, 8; табл. IX, 8.

²³ Там же, стр. 12, табл. I, J; табл. II, 6.

²⁴ В. И. Козенкова. Гайрат-тепе. СА, 1964, № 3, стр. 232, рис. 6, 4; стр. 235.

²⁵ Г. А. Брыкина. Раскопки усадьбы у сел. Кайрагач. В сб. «Археологические открытия 1969 г.» М., 1970, стр. 436—437; она же. Раскопки усадьбы у сел. Кайрагач. «Археологические открытия 1970 г.» М., 1971, стр. 447.

²⁶ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики... стр. 143.

²⁷ С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбояные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 97—117.

териалы археологических исследований позволили выявить еще большее количество своеобразных черт как керамических комплексов Ташкентского оазиса, так и керамики могильников предгорной Ферганы. Керамика ферганских могильников наиболее близка материалу ферганских поселений и иногда дает формы, напоминающие сосуды каучинской культуры Ташкентского оазиса, но опять-таки в собственной обработке. Так, например, в кургане № 1 могильника Гур-Мирон найден крупный широкодонный кувшин с раздутым грушевидным туловом, короткой шейкой, вертикальной ручкой и цилиндрическим носиком²⁸. Но в отличие от каучинских сосудов на этом кувшине ручка и цилиндрический носик соединены вместе. Некоторые горшки и кувшины (из курганов № 2, 4 могильника Бор-Корбаз²⁹), напоминающие каучинские по форме, резко отличаются от последних по отделке поверхности и т. п.

Несколько иначе обстоит дело с памятниками соседней с Ферганой области древней Урушаны. Уже в пограничных районах, составляющих западную окраину Ферганской долины, и на территории, входившей в древности в область Урушаны, встречены памятники (и могильники, и поселения), в материале которых более четко заметно влияние каучинских форм. Так, например, в ряде могильников — Исфара, Ворухское ущелье, Сурх, Чорку, Курук-сай и др., исследованных Б. А. Литвинским, как и в расположенных несколько юго-восточнее могильниках Кара-Булак, Тура-Таш, Кок-Таш, Карабел, исследованных Ю. Д. Баруздиным³⁰, в богатом и интересном керамическом комплексе, где особенно видна близость с ферганским материалом, отмечаем также значительное число сосудов (горшков, кувшинов, реже кружек), которые по своей форме (например, кувшины широкодонные, с грушевидным туловом, обвислыми плечиками, низким и широким горлом; изредка встречаются кружки с зооморфными ручками) и по отделке поверхности напоминают характерные каучинские.

Отметим, что среди погребальных сооружений этих могильников, где преобладают подобные и грунтовые погребения, встречен ряд погребений, представляющих собой промежуточный вариант между подбоем и катакомбой, и погребения, давшие катакомбу и перпендикулярно расположенный к ней широкий дромос, имеющий форму прямоугольной ямы³¹. В единичных случаях дромос имеет наклон в сторону более глубокой катакомбы³².

Памятники с территории собственно Урушаны дали более близкую среднесырдарьинской керамике. Это относится, прежде всего, к памятникам, находящимся в непосредственной близости к Сырдарье. В 1943—1944 гг. в 4,5 км восточнее Беговата, на левом берегу Сырдарьи был исследован Шпринсайский могильник³³. Рядом с могильником, несколько восточнее его были обнаружены следы поселения. Керамика его родственна некоторым типам керамики могильника. К сожалению, разрушенность могильника не позволяет определить характер большинства погребальных сооружений. Можно лишь констатировать наличие катакомб и подбоев. В большинстве погребений были одиночные захоронения, но встречены и коллективные. В погребальном инвентаре найдены предметы украшения (бусы, перстни, пронизи), бронзовая китайская монета типа «у-чжу», каменные поделки, но главным образом глиняные сосуды. Большинство их изготовлено ручной лепкой. Основную массу керамики составляют покрытые беловатым образом ангобом горшки, с широким, часто несколько приземистым туловом, очень широким плоским дном, резко покатыми, обвислыми плечиками и короткой, иногда лишь чуть выделенной шейкой с отогнутым простым краем (рис. 68, 3—8, 10—14). Некоторые из горшкообразных сосудов поверх белого ангоба имели потеки и мазки красного и красно-коричневого. Часть горшков

³¹ Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района... стр. 62.

³² Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 10.

³³ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, М., 1947, стр. 92—97; *он же*. Могильник близ Шприн-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 331—359.

²⁸ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики... стр. 132, рис. 2, 2.

²⁹ С. С. Сорокин. Боркоробазский могильник. ТОВЭ, т. V, Л., 1961, стр. 122, табл. III, 3; табл. V.

³⁰ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник (раскопки 1954 г.). «Известия АН Кирг. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961, стр. 62, рис. 5а.

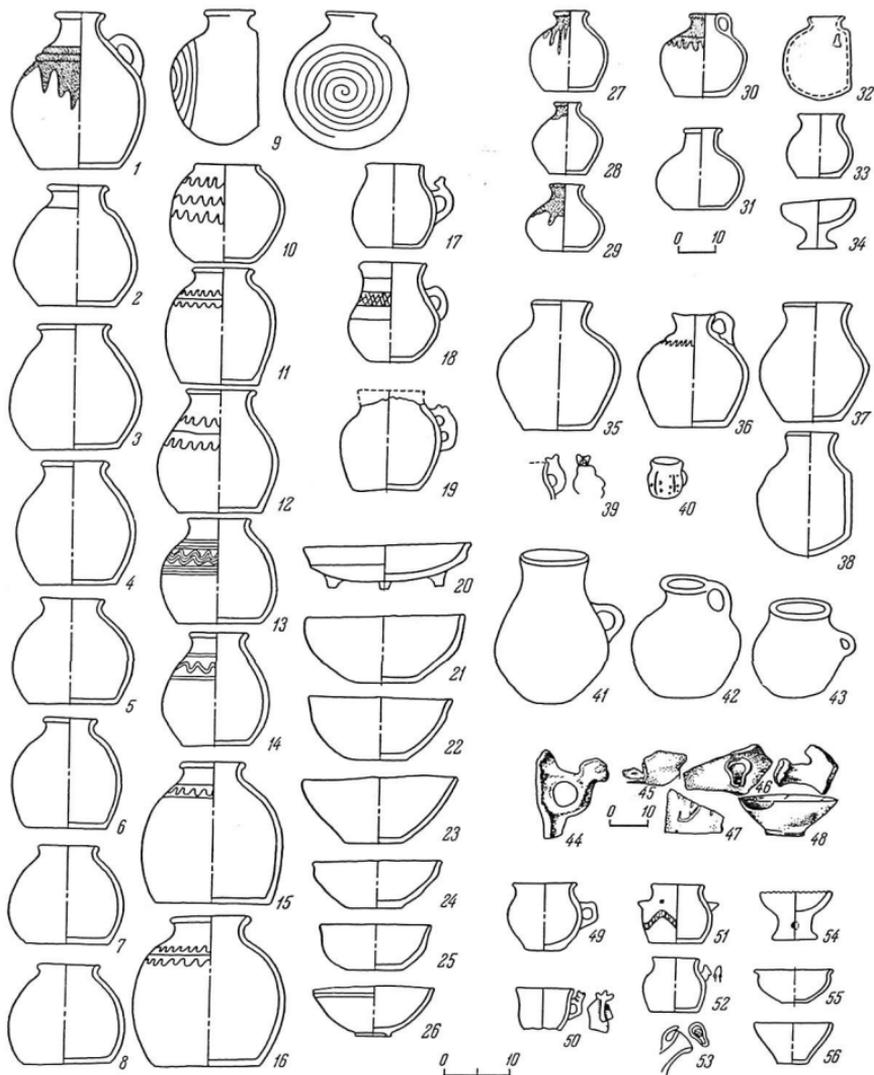

Рис. 68. Керамика из могильников и поселений Усрушань, Северного Согда, Ферганы, района Бухары
 1—24 — Ширинсайский могильник; 27—34 — Саваганский могильник; 35—38, 40 — Анджарский могильник;
 39 — поселение Холма Аджунант; 41—43 — могильник у сел. Хавара; 44—48 — поселение Тудай-Калон;
 49—50 — Герат-тепе; 51—56 — Кызыл-Кум

украшена по плечикам прорезным волнистым и линейным орнаментом (рис. 68, 10—14).

Близкую к горшкам форму и ту же орнаментацию имеют и кувшиновидные сосуды с широким горлом (рис. 68, 1, 15, 16). Аналогичные горшки и кувшины широко известны из материалов каучинской культуры Ташкентского оазиса первого и второго этапов. Найденный в погребении № 5 кувшин при той же форме тулова и отделке поверхности отличается несколько более узким горлом, глубоко прорезанными горизонтальными линиями на плечиках и наличием там же петлеобразной вертикальной ручки (рис. 68, 1). Аналогичные кувшины также хорошо известны в каучинской культуре. В керамических комплексах той же каучинской культуры первого и частично второго ее этапов находят аналогии и ширинсайские кружки с зооморфными ручками (рис. 68, 17—19), фляга с широким плоским боком (рис. 68, 9), и отчасти даже миски, покрытые красным или красно-коричневым ангобом и лощением. Большинство мисок полушарообразной формы, но есть и с перегибом стенок верхней части корпуса (рис. 68, 21—25). В погребении № 14 найдено низкое широкооткрытое красноангобированное блюдо на трех невысоких цилиндрических ножках и с резким перегибом стенок (рис. 68, 20). Близкие формы известны из поселений Каучи-тепе, Шаушукум-тобе, Ак-тобе Чардарьинское и т. п. В Ширинсайском могильнике встречаются и сосуды, имеющие ближайшие аналогии в ферганской керамике. Таковы станковой работы с темномалиновым ангобом чаша на кольцевом поддоне и станковой же работы кружка с характерным процарапанным ферганским орнаментом (рис. 68, 26). Большинство же сосудов Ширинсайского могильника тяготеет к каучинской керамике, характерной для ее первого и отчасти второго этапов. Исследовавший могильник В. Ф. Гайдукевич датировал его в основном II—IV вв.³⁴ Керамические аналогии подтверждают эту датировку и лишь косвенно могут свидетельствовать, что большинство погребений могильника относится к концу этого периода.

Анализ керамического материала соседних с Ташкентским оазисом областей приводит к выводу, что каучинская (а вероятно, и вообще среднесырдарьинская) волна,

³⁴ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая..., стр. 354.

прослеживаемая для периода рубежа первого и второго этапов, не ограничилась лишь продвижением на юг и юго-восток по Сырдарье, а двигалась и на запад, и на юго-запад. В этом плане интересны материалы, полученные в результате раскопок последних лет памятников Северного Согда. В 1959 г. в Самаркандской области в Придаргомской степи было раскопано несколько курганов Акджартепинского могильника³⁵. Из шести вскрытых погребений четыре имели овальную в плане катакомбу и расположенный перпендикулярно к ней довольно длинный дромос, иногда со ступеньками в нижней части. Вход в некоторые катакомбы был заложен сырцовым кирпичом (40×40 см).

Другая группа курганов была раскопана в 1963 г. восточнее сел. Сазаган, в 27 км к юго-западу от Самарканда³⁶. Большинство раскопанных курганов также дали овальные в плане катакомбы с длинным узким дромосом, перпендикулярным длинной оси катакомбы. Вход в катакомбу был завален камнями, а в одном случае (курган № 2) — сырцовыми кирпичами. Катакомбы обоих могильников содержали по одному погребенному и лишь в одном случае — двоих (курган № 7 могильника Акджар-тепе). В могильнике Акджар-тепе, в одной из катакомб (№ 2), был найден железный двулезвийный меч, без перекрестья и навершия, относящийся к позднесарматскому типу. Аналогичные мечи неоднократно встречались в погребениях второго этапа каучинской культуры Ташкентского оазиса.

Основной же находкой в курганах была керамика, изготовленная в большинстве случаев ручной лепкой. В обоих могильниках преобладали широкодонные кувшиновидные сосуды, без ручек, с грушевидным туловом, резко покатыми плечиками, невысокой довольно широкой горловиной и слегка отогнутым краем (рис. 68, 27—29, 31, 35, 37). Большая часть их покрыта светло-желтым ангобом, поверх которого идут потеки красновато-бурого или черного цвета. Аналогичные сосуды широко распространены в каучинской культуре. В кургане № 2 могильника Акджар-тепе найден той же формы кувшин с очень короткой шейкой и вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной к плечу. Плечики кувшина украшены прорезанным до обжига зигзагообразным орна-

³⁵ О. В. Обвальченко. Могильник Акджар-тепе. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 57—70.

³⁶ О. В. Обвальченко. Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 66—81.

ментом, а на венчике оттянут небольшой слив³⁷. Тожественные по форме и отделке сосуды находим в материалах второго этапа каунической культуры. В тех же материалах имеются и курильницы, идентичные найденной в кургане № 1 могильника Акджар-тепе (рис. 68, 40), со сквозными отверстиями в стенках и четырьмя выступающими ребрами³⁸ (например, из могильников у арыка Джун, сел. Беш-Бай, Шаушукум-тобе и т. п.). Встреченная в кургане № 1 фляга также аналогична кауническим.

Данная керамика не позволяет, как нам кажется, датировать раскопанные катакомбные погребения могильника Акджар-тепе II—III вв. н. э.³⁹ Аналогично в керамике, как в других найденных там предметах погребального инвентаря (меч, например), дают возможность датировать эти курганы не раньше III—IV вв. н. э.

Что касается датировки сазаганских курганов, то помимо кувшиновидных сосудов в них была встречена фляга, вазообразная курильница на короткой толстой ножке (рис. 68, 32, 34), аналогичная джегъясарским и кауническим курильницам (из кургана № 2), а также кувшин (из кургана № 1) с широким плоским дном, очень раздутым туловом с прорезным волнистым орнаментом на крутых плечиках. К краю невысокого прямого горла прикреплена вертикальная ручка, изогнутая почти под прямым углом. Подобные сосуды распространяются в несколько более поздний период (не раньше V—VI вв. н. э.). Анализ керамических материалов сазаганских курганов, как нам кажется, заставляет датировать курганы IV—V вв. н. э.

Г. В. Шишкиной в 1956—1957 гг. было раскопано небольшое тепе, расположенное около городища Кафыр-кала под Самаркандом⁴⁰. Тепе оказалось остатками двухэтажного здания. Некоторые детали архитектуры здания, строительных приемов чрезвычайно близки дворцовому комплексу поселения Актобе 2, но они более совершенны, чем на Актобе 2 (например, система освещения). Время постройки здания Г. А. Шишкина относит к V в., а период существования его ко

времени между V и VII вв.⁴¹ Керамический комплекс оказался однородным и в целом идентичным керамике других согдийских памятников V—VI вв. н. э. Характерным для сосудов данного памятника является широко распространенный способ отделки поверхности брызгами красного и красно-коричневого ангоба⁴².

Светильники в форме полусферических чаш на высокой полой (или частично полой) ножке, иногда с фестончатым краем, напоминают светильники-курильницы из поселений второго этапа каунической культуры (например, из нижнего слоя Минг-Урюка, Шаушукум-тобе). Отмеченные для указанного памятника приемы орнаментации керамики широко распространены и на других поселениях и городищах каунической культуры этого и более раннего времени.

Исследователи отмечают появление в керамике Согда периода Тали-Барзу II, и особенно Тали-Барзу III, новых, не характерных для более ранней согдийской керамики черт, как например, распространение сосудов с потеками, расписанными переплетающимися кругами или лентами⁴³, появление с периода Тали-Барзу III кувшинов с прямым сливом⁴⁴. Б. Я. Ставицкий датрует слои Тали-Барзу II второй половиной III в. н. э., а Тали-Барзу III—концом III—IV в.⁴⁵

Однако новые черты наблюдаются не только в отделке поверхности сосудов, но и в самих формах их. Так, например, в керамическом комплексе городища Калай-Муг (середина IV в. н. э.) встречены сосуды с цилиндрическими носиками, широкодонные кувшины и горшки с грушевидным туловом, с резко покатыми плечиками, парными горизонтальными или вертикальными ручками на плечиках⁴⁶.

В районах Южного Согда, на территории современного Каршинского оазиса, исследователи подчеркивают для III—V вв. наличие значительно большего количества лентной керамики, чем в предшествующее время⁴⁷.

⁴¹ Там же, стр. 220, 221.

⁴² Там же, стр. 211, рис. 9, 10.

⁴³ Б. Я. Ставицкий. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 24.

⁴⁴ Б. И. Маршак. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Канд. дисс. Л., 1965, стр. 185.

⁴⁵ Б. Я. Ставицкий. Указ. соч., стр. 27.

⁴⁶ Б. Я. Ставицкий. Работы Магнаевской группы в 1958 г. «ТРИ АН Тадж. ССР», т. 27. Душанбе, 1961, стр. 103, рис. 2, стр. 104, рис. 3.

⁴⁷ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, 1956, № 2, стр. 168.

³⁷ О. В. Обельченко. Могильник Акджар-тепе, стр. 60, 68, рис. 6.

³⁸ Там же, стр. 58, 68, рис. 7.

³⁹ Там же, стр. 67.

⁴⁰ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 192—222.

В материалах таких памятников, как Аул-тепе, Шор-тепе (V—VI вв.), появляются новые формы (например, кринки с цилиндрическим носиком-сливом под венчиком)⁴⁸, большое количество лпных котлов⁴⁹, светильники-курильницы и крышки с ручками в виде изображения баранов⁵⁰. На более ранних памятниках этого района — Джангал-тепе, Малое Кыз-тепе (III—V вв.), одновременных им слоев Нияз-тепе, Шор-тепе, отмечаем небольшого размера курильницы на стержнеобразной ножке с коническим поддоном и резервуаром-чашечкой, часто с налезным орнаментом на верхней части ножки⁵¹. В материалах же этих памятников встречена окаяная подставка удлинненной формы с очень стилизованными изображениями головы барана на обоих верхних концах⁵². Эта подставка напоминает характерные для первого этапа каучинской культуры, но несравненно более реалистично выполненные каучинские подставки Ташкентского оазиса. В той же каучинской культуре находят аналогии и вазобразные курильницы.

Характерные для более позднего времени черты керамики этих районов Согда, отмеченные в материалах памятников типа Аул-тепе, Шор-тепе, возможно представляют дальнейшую, уже местную, переработку элементов чужой культуры. Очевидно, это можно отнести не только к цилиндрическим носикам (в основном уже на горшкообразных сосудах), ручкам с изображением баранов на светильниках и крышках, но и к повсеместному распространению приема окраски поверхности сосудов каплями и потеками красно-коричневого ангоба, часто имеющих уже организованный вид широких полос и переплетающихся лент. Надо отметить, что сосуды, иногда украшенные потеками и брызгами красно-коричневого ангоба, и кув-

шины (но с характерной согдийской формой тулова) с цилиндрическим, несколько смятым носиком на плечиках, продолжают встречаться еще в согдийских памятниках V—VI вв.⁵³

Вероятно, носители каучинской культуры проникли и гораздо южнее. Так, на территории Северной Бактрии в конце III—начале IV в. распространяется посуда с потеками темного ангоба поверх светлого жидкого ангоба⁵⁴.

В расположенном к западу от Самаркандской области районе Бухарского оазиса пока неизвестно сколько-нибудь выразительных памятников интересующего нас времени.

Исследованное В. А. Шишкиным городище Варахша дало в массе керамический комплекс более позднего периода.

Обоимком стоит поселение Кызыл-Кыр, исследованное Я. Г. Гулямовым, В. А. Нильсеном⁵⁵. Керамический комплекс его имеет аналогии с каучинской керамикой Ташкентского оазиса, начиная с самого раннего его этапа. Но не совсем точные датировки этого городища затрудняют использование его материала.

Косвенным свидетельством того, что среднесырдарьинское влияние проникает в этом районе на запад до среднего течения Амударьи, служит материал Хазарского могильника.

В пойме р. Заравшан, в Бухарском оазисе, около сел. Хазар в 1960 г. О. В. Обельченко исследовал несколько курганов⁵⁶. Два из них дали овальную в плане катакомбу и перпендикулярный к ней широкий дромос, отгороженный от камеры сырцовым кирпичом. В курганах было найдено три сосуда — небольшой кувшин с вертикальной ручкой от края и две крупных кружки с грушевидным туловом, плавню переходящими в прямую шейку, с петлеобразными вертикальными ручками на верхней части

⁴⁸ Там же, стр. 224; *он же*. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи. СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

⁴⁹ С. К. Кабанов. Раскопки на Шор-тепе близ Карпи в 1952—1953 гг. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964, стр. 82, рис. 9.

⁵⁰ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв. СА, 1963, № 1, стр. 227, рис. 5.

⁵¹ С. К. Кабанов. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи. ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 71—86; *он же*. Археологические данные к этнической истории..., стр. 224; С. К. Кабанов, К. М. Шахруди. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарьи. ИМКУ вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 119, рис. 3, 20.

⁵² С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории..., стр. 222, рис. 3.

⁵³ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960. МИА, № 124. Л., 1964, стр. 32, рис. 23, 2, 5.

⁵⁴ В. Я. Ставский. Основные итоги раскопок Каратепа в 1961—1962 гг. В сб. «Каратепа — буддийский пощерный монастырь в Старом Термезе». М., 1964, стр. 38—42, 53—54; Е. Г. Писелова. Начало работ по обследованию монастыря Каратепа в Термезе. Там же, стр. 97—98.

⁵⁵ В. А. Нильсен. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 60—78.

⁵⁶ О. В. Обельченко. Курганы около селения Хазара. ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 57—65.

тулова⁵⁷. О. В. Обельченко считает эти сосуды идентичными каучинским сосудам Ташкентского оазиса и датирует потребления I—III вв. н. э.⁵⁸ Нам же кажется, что найденный в этих курганах кувшин, действительно близкий по форме и отделке куюмазарским кувшинам, ничего общего не имеет с характерными каучинскими формами. Лишь кружки по форме напоминают кружки каучинской культуры второго этапа (рис. 68, 41—43), что заставляет датировать эти курганы, вероятно, несколько более поздним временем.

По сообщению А. А. Марущенко, поселения и городища средней Амударьи позднеантичного или раннесредневекового времени в изобилии дают светлоангобирванную керамику ручной лепки с потеками и мазками красно-бурой краски поверх светлого ангоба.

Что касается районов Нижней Амударьи, то, к сожалению, памятники III—V вв. н. э. в правобережном Хорезме пока почти не подвергались раскопкам. В керамическом же комплексе верхнего горизонта Кой-Крылган-кала, в целом резко отличного от среднесырдарьинских культур, М. Г. Воробьева отмечает у некоторых отдельных кувшинов, найденных на верхних полах, появление небольшого округлого слива на венчике⁵⁹.

В левобережном Хорезме на городище Куния-Уаз раскопками были вскрыты датированный серебряными монетами Шапура I и хорезмийскими медными монетами слой III—IV вв., полуразрушенный слой IV—V вв. н. э.⁶⁰ Исследователи подчеркивают в керамическом комплексе этих слоев появление черт, полностью отсутствующих в материалах предшествующего времени. Это, прежде всего, распространение посуды ручной лепки, покрытой светлым (желтовато-беловатым) жидким ангобом. У некоторых сосудов поверх светлого ангоба снаружи на верхней части нанесены небрежные мазки красно-коричневой краски⁶¹. Характерными для указанного комплекса являются так-

же и сосуды, покрытые черным или густым красно-коричневым (красно-бурым) ангобом и полосчатым или сетчатым лощением⁶². Среди форм последних сосудов отметим горшки с двумя вертикальными ручками на плечиках и банкообразной формы горшки без ручек. Среди светлоангобирванных сосудов ручной лепки, часто покрытых красно-коричневыми небрежными мазками поверх ангоба, отметим крупный кувшиновидный сосуд с широким плоским дном, диаметр которого более чем в 2,5 раза превышает диаметр горла, грушевидное раздутое тулово с резко покатыми, обвислыми плечиками и низкое, сравнительно узкое горло с отогнутым наружу венчиком⁶³. Аналогичные по форме и качеству сосуды распространены в каучинской культуре Ташкентского оазиса (например, на поселении Ак-тобе 2). В том же материале находим аналоги и кунуазской фляге⁶⁴.

Е. Е. Неразик констатирует наличие такой же керамики, как и в верхнем слое Куния-Уаза, в Якке-Парсанском оазисе в Хорезме (на развалинах одного из домиков у Якке-Парсана, где был найден комплекс, датируемый автором IV в. н. э.)⁶⁵, и в некоторых погребениях могильника Чаш-тепе⁶⁶ с керамическим комплексом (светлоангобирванная посуда с нанесенной поверх ангоба буро-красной росписью в виде ленточных кругов, потеков; сосуды с подгрунтовой черным ангобом и т. п.)⁶⁷.

Судя по материалам памятников Семипречья, периода, соответствующего третьему этапу среднесырдарьинских культур, археологические изыскания, вслед за письменными свидетельствами, устанавливают здесь согдийское влияние, особенно ярко заметное в VII—VIII вв. н. э. Именно в это время здесь появляется множество чисто согдийских элементов и деталей в архитектуре, орнаментике, керамике и т. п. Анализ керамических комплексов семипреченских городищ показывает, что, очевидно, согдийская культура проникла сюда через районы Ташкентского оазиса. Большинство форм, распространенных на подобных городищах Семипречья

⁵⁷ О. В. Обельченко. Курганы около селения Хазара, стр. 61, рис. 2.

⁵⁸ Там же, стр. 65.

⁵⁹ «Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.» ТХЗ, т. V, М., 1967, стр. 124, стр. 326, табл. XI, 6, 7.

⁶⁰ Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куния-Уаз в 1952 г. ТХЗ, т. II, М., 1958, стр. 375—378.

⁶¹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЗ, т. IV, М., 1959, стр. 161, рис. 36, 4, 5.

⁶² Там же, стр. 161, 218.

⁶³ Там же, рис. 36, 4.

⁶⁴ Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода, ТХЗ, т. IV, М., 1959, стр. 230, рис. 2.

⁶⁵ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 122—123.

⁶⁶ Раскопки Хорезмской экспедиции 1966 г. Начальник отряда Ю. А. Рапопорт.

⁶⁷ Е. Е. Неразик. Сельские поселения..., стр. 123—124.

VII—VIII вв. (широкогорные кувшины с цилиндрическим носиком, прикатым к краю, кувшины с яйцевидным туловом и оттянутым сливом на венчике и т. п., несколько типов кружек, чаш, мисок, свистильников)⁶⁸, находят ближайшие аналогии в керамике Ташкентского оазиса, восходящей к самым ранним кауңчинским формам.

Вероятно, не только согдийцы проникали в Семиречье через Чач, но, возможно, какая-то часть и чачского населения пришла в Семиречье.

О западных связях среднесырдарьинских культур этого периода говорят материалы памятника, расположенного на северо-восточной периферии Хорезма, в бассейне Акчадары — Барак-там⁶⁹. Керамический комплекс этого памятника напоминает керамику среднесырдарьинских культур. Не только отделка и орнаментация (жидкий, как бы размытый светлый желтовато-беловатый, желтовато-зеленоватый ангоб, иногда с потеками поверх него коричневатого-красноватой краски; удлиненные пальцевые ямки на венчиках хумов; прорезные спирали и т. п.), но и форма сосудов (форма венчиков и плечиков хумов, горшков, кувшинов) находят аналогии в комплексах указанных среднесырдарьинских культур, возможно, конца второго, а скорее — начала третьего этапа.

В джетыасарском керамическом комплексе на третьем этапе (VII—IX вв. н.э.) четко прослеживаются характерные семиреченские элементы. Сопоставляя материалы памятников разных районов, можно сделать попытку проследить путь продвижения носителей семиреченской культуры в сторону расположения джетыасарской, на запад. Если для памятников собственно Отрарского оазиса на позднем этапе фиксируем лишь отдельные типичные семиреченские элементы, то для районов северных склонов Каратау и низовьев Чуиля отмечаем теснейшую связь с Семиречьем (а иногда и более тесную связь с Семиречьем, чем с Отрарским оазисом) и почти все те же характерные элементы, что и в джетыасарской культуре (например, Ак-тобе байгакумской).

Если для первых этапов джетыасарской культуры основная территория распространения ее памятников оставалась в пределах джетыасарского урочища, то на третьем этапе происходит резкое передвижение больших масс джетыасарского населения в дельту Амударьи («кердерская культура») и Сырдарьи («болотные городища»), что значительно расширяет территорию распространения комплекса джетыасарской культуры в конце VII—IX вв. К концу третьего этапа констатируем полное исчезновение этой культуры из районов Нижней Сырдарьи (урочище Джеты-асар и район «болотных городищ»).

Таким образом, в районах Нижней и Средней Сырдарьи с начала I тысячелетия н. э. сложились три крупных культурных области, причем две из них, кауңчинская и отрарско-каратауская, обнаруживают теснейшую близость друг с другом. На первом этапе развития всех трех культур можем констатировать, что направление связей идет главным образом с юга на север и на северо-запад. Так, в этот период в джетыасарской культуре наблюдаем присутствие значительного числа сосудов и элементов, характерных для среднесырдарьинских культур. В то же время нельзя не отметить и определенную близость джетыасарского керамического комплекса с аланской культурой Северного Кавказа и одновременно некоторых отдельных элементов кауңчинского погребального обряда и керамики с той же культурой.

Что касается этнической принадлежности этих культур, то, к сожалению, до решения проблемы еще далеко. Так как в летописях не отражено в начале I тысячелетия н. э. в данных районах нового сильного притока населения, которое можно было связать с разбираемыми культурами, нам остается предположительно связать племена отрарско-каратауской и кауңчинской культуры либо с кочками, либо с потомками местного кангюйского населения. Решению же этой проблемы, как и объяснению керамических связей джетыасарской и среднесырдарьинских культур с аланами Северного Кавказа, в значительной степени поможет точное выяснение нижней хронологической границы этих культур на данной территории или в каком-либо другом районе, выяснение вопроса о месте и времени их происхождения. При любой локализации центра Кангюя, изучаемая нами территория Сырдарьи входила в это государственное объединение.

Прослеживаемое в первые века н. э. кауңчинское и отрарско-каратауское влия-

⁶⁸ К выводу о теснейших связях Семиречья с культурой Чача пришла на основании анализа Акбешимской керамики В. И. Располова. См. В. И. Располова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. ТКЗ, т. IV. Л., 1960, стр. 146, 151, 163.

⁶⁹ Е. Е. Неразик, М. С. Лапиров-Скюло. Раскопки Барак-тама I в 1966 г. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 81—95.

ние на джетыасарскую керамику могло быть, вероятно, связано с толчком, вызванным передвижением кочевых племен в конце I тысячелетия до н. э.

Данные керамики говорят о том, что на всей территории распространения этих культур на протяжении, по крайней мере, до начала VIII в. для районов Средней Сырдарьи и до IX в. — для Нижней Сырдарьи, основной этнический состав населения не меняется. Но если в настоящее время нельзя пока конкретно определить этническую принадлежность его, анализ керамических комплексов позволяет в определенной степени проследить происходящее на этой территории взаимодействие с новыми этническими группами.

Выше уже указывалось направление связей этих культур на первом этапе их развития. В начале второго этапа в джетыасарской культуре заметно появление элементов, связанных с культурами более восточного происхождения (Южная Сибирь, Тува, Монголия). Вероятно, под воздействием пришельцев, какая-то часть джетыасарского населения медленно продвигалась вверх по Сырдарье, смешиваясь с местным населением. Именно этим можно объяснить появление характерных джетыасарских приемов орнаментации и отделки на типичной среднесырдарьинской керамике, разницей в типах погребальных сооружений, появление новых черт в погребальном обряде в присырдарьинских районах Ташкентского оазиса. Частично смешавшись с этими пришельцами, а частично под их давлением, вероятно, посетители отгарско-каратауской и, главным образом,

каунчинской культур, широко расселяются в глубь своих оазисов, проникают в Чаткальскую, Пекемскую долину, продвигаются вверх по Сырдарье, в район южных отрогов Кураминского хребта, на территорию Усрушаны и Западной Ферганы, а также в районы Согда, Бухары, Хорезма, Северной Бактрии.

В некоторых случаях короткое взаимодействие с новыми этническими группами не получает столь существенного отражения в комплексе керамики. Так, засвидетельствованное письменными источниками присутствие тюрков в районах средней Сырдарьи почти не оставило следа в керамическом комплексе. Вероятно с тюрками можно связывать своеобразный обряд погребения — трупопожжение (часто на стороне) на уровне древнего горизонта, отмечаемый на третьем этапе среднесырдарьинских культур.

На третьем этапе среднесырдарьинских культур отмечаем согдийское влияние на территорию Ташкентского оазиса, а через него, очевидно, и в Семиречье.

В тот же или несколько более поздний период фиксируется влияние чисто семиреченского материала, прослеживаемого и в районах севернее Каратау на джетыасарскую культуру, а затем продвижение последней в дельты Сырдарьи и Амударьи, что возможно предположительно связывать с историей кангаровкенгересов и огузского племенного союза. В IX, может быть в начале X в., прекращается жизнь на всех городищах в низовьях Сырдарьи (в самом урочище Джеты-асар и в районе «болотных городищ»).

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. П.* Скифский быт и реформа Зороастра. Archiv orientálne, Praha, т. XXIV, 1956, № 1.
- Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1961, № 1.
- Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, № 2.
- Агеева Е. П.* К истории изучения археологических памятников среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Известия АН Каз. ССР», № 67, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949.
- Агеева Е. П.* Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Известия АН Каз. ССР», № 67, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949.
- Агеева Е. П.* Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. КСИИМК, вып. 28, 1949.
- Агеева Е. П.* Керамика Отрара (по материалам ЮГАЭ 1948 г.). «Известия АН Каз. ССР», № 108, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951.
- Агеева Е. П.* Керамика Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
- Агеева Е. П.* Керамика городища Шаушукум-тобе. «Древности Чардарьи». Алма-Ата, 1968.
- Агеева Е. П., Пацевич Г. И.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 1, Алма-Ата, 1956.
- Агеева Е. П., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Казахстана. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 5. Алма-Ата, 1958.
- Агеева Е. П., Семигова Т. П.* Памятники средневековья. Общий обзор находок. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14, Алма-Ата, 1962.
- Азгамджиев Т.* Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. ИМГУ, вып. 2. Ташкент, 1961.
- Азгамджиев Т.* Погребение IV—V вв. н. э. в Карталде. «Научные работы и сообщения», кн. 2. Ташкент, 1961.
- Азгамджиев Т.* Тюябугузские наусы. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962.
- Азгамджиев Т.* Бронзовые украшения из Тюябугуза. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964.
- Азгамджиев Т.* Подземные каменные наусы около г. Ангрен. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966.
- Акишев К. А.* Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 1. Алма-Ата, 1956.
- Акишев К. А.* Исследования в Казахстане. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. «Культура древних скотоводов и земледельцев Южного Казахстана». Алма-Ата, 1969.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Археологические работы в Южном Казахстане. «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура сарков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Анфимов И. В.* Место-сарматский могильник у станции Усть-Табинской. МИА, № 23, 1951.
- Аргамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958.
- Аргамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- «Археологическая карта Казахстана».* Алма-Ата, 1960.
- Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.
- Бабанская Г. Г.* Беркаринский могильник. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 1. Алма-Ата, 1956.
- Байпаков К. М.* Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966.
- Байпаков К. М.* Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН Каз. ССР», № 8. Алма-Ата, 1966.
- Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1964.
- Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи. Сочинения, т. III. М., 1965.
- Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию. Сочинения, т. IV. М., 1966.
- Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Сочинения, т. IV. М., 1966.
- Баруздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник. «Известия АН Киргиз. ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3, 1961.

- Баруди Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958.
- Бенгочин И. Б. Керамика Пенджикента. МИА, № 37, 1958.
- Бенгочин П. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента. МИА, № 124, 1964.
- Бернштам А. Н. Кенвольский могильник. Л., 1940.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
- Бернштам А. Н. Труды Семпреченской археологической экспедиции. Таласская долина (1936—1939 гг.), т. 1. Алма-Ата, 1949 (рукопись. Архив ИИАЭ АН Каз. ССР, ф. 2, д. 62).
- Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН Каз. ССР», серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949.
- Бернштам А. Н. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, вып. 28, 1949.
- Бернштам А. Н. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950.
- Бернштам А. Н. Древний Отрар. «Известия АН Каз. ССР», серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951.
- Бернштам А. Н. Находки у озера Борового в Казахстане. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIII. Алма-Ата, 1951.
- Бернштам А. Н. Очерк истории гунонов. Л., 1951.
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.
- Бернштам А. Н. Городище Садыр-Курган. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.
- Берзин И. П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник ГЭ», вып. 2. Л., 1961.
- Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950.
- Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. МИА, № 124, 1964.
- Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы Кайрагач. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970.
- Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы Кайрагач. «Археологические открытия 1970.», М., 1971.
- Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.
- Бураков Ю. Ф. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды САГУ», вып. XXXI. Ташкент, 1956.
- Бураков Ю. Ф. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (к истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Рукопись, канд. дисс. Ташкент, 1966.
- Бураков Ю. Ф. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (к истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966.
- Бураков Ю. Ф., Зильбер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», вып. V. Ташкент, 1960.
- Бураков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Туикута и Абрлыка. «Материалы по истории Узбекистана». Ташкент, 1966.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе 2 I—IV вв. н. э. Максимова А. Г., Мершнев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.
- Вайнштейн С. И. Памятники скифского времени в Западной Туве. Кизыл, 1955.
- Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокляк в 1962 г. ТТКЭ, т. III. М.—Л., 1970.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокляк конца I тысячелетия до н. э.—первых веков н. э. ТТКЭ, т. II. М.—Л., 1966.
- Вактурская Н. И. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). ТХЭ, т. IV. М., 1958.
- Вактурская Н. И. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1. М., 1959.
- Виноградов В. В. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. «Археологический сборник МГУ», М., 1961.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовий Сырдарьи VII—V вв. до н. э. (по материалам могильника Уйгарак) (в печати).
- Воеводский М. В., Грязнов М. П. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО ГАИМК, 1935, № 5—6.
- Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усунские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 162—179.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
- Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ, т. IV. М., 1958.
- Воронцов М. Э. Археологические исследования 1937—1938 гг. в Узб. ССР. ВДИ, 1940, № 3—4.
- Воронцов М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Узб. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Бревской в 1947 г. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. I. Ташкент, 1951.
- Воронцов М. Э. Археологические исследования Института истории и Музея истории на территории Ферганы в 1950—1951 гг. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. II. Ташкент, 1954.
- Воронина В. Л. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента. «ТИАА АН Узб. ССР», т. IV. Ташкент, 1948.
- Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. «Древние фракцины в Северном Причерноморье». М., 1969.
- Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—44 гг. КСИИМК, XIV, 1947.
- Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952.
- Голубкина Т. И. О зооморфной керамике из Мпн-тепаура. «Материальная культура Азербайджана», Баку, 1951.
- Граков Б. И., Тереножкин А. И. Субботовское городище. СА, 1958, № 2.
- Григорьев Г. В. Арханческие черты в производстве керамики горных таджиков. «Известия ГАИМК», т. X, вып. 10, 1931, отд. оттиск.
- Григорьев Г. В. Арханческие городища нижнего течения р. Чирчика (отчет Г. В. Григорьева о раскопках на городище Кауцин в 1933 и разведке 1934 г.). Рукопись. Архив музея г. Самарканда, № 243.

- Григорьев Г. В.* Отчет об археологической разведке в Янгйюльском районе Узб. ССР в 1934 г. Ташкент, 1935.
- Григорьев Г. В.* Кауччи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.
- Григорьев Г. В.* Краткий отчет о работах Янгйюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.
- Григорьев Г. В.* Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
- Григорьев Г. В.* Келеская степь в археологическом отношении. «Известия АН Каз. ССР», № 46, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948.
- Гришин Ю. С.* Древние памятники среднего течения р. Онона. «Монгольский археологический сборник», М., 1962.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.
- Грязнов М. П.* Памятники маймирского этапа ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947.
- Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби. по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956.
- Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Гудкова А. В., Ягодин В. Н.* Некоторые итоги археологических работ сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН Узб. ССР в 1958 г. «Известия АН Узб. ССР», серия общественных наук, 1960, № 1.
- Гудкова А. В., Ягодин В. Н.* Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 5. Ташкент, 1961.
- Гудкова А. В., Ягодин В. Н.* Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг. МХЭ, вып. 6, 1963.
- Гулямов Я. Г.* Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТИИА АН Узб. ССР», т. IV, Ташкент, 1951.
- Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. ВДИ, 1959, № 1.
- Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфарионского района. «ТИИАЭ АН Тадж. ССР», т. XXXV, 1955.
- Давыдова А. В.* Иволгинское городище. СА, XXV, 1956.
- Дашевская О. Д.* Симферопольское раннепетавское городище. СА, 1958, № 3.
- Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неополя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958.
- Деев Б. Е.* Курганы в кабардинском парке у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941.
- Деонок В. Е.* Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3.
- Деонок В. Е.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3.
- Деонок В. Е.* Стекланные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Рукопись, канд. дисс. М., 1961.
- Деонок В. Е.* Классификация и хронология алаунских украшений. МИА, № 114, 1963.
- Дестунис Г. С.* Сказание Прийска Панийского, отрывок 24. «Записки Второго отделения Академии наук», кн. VII, вып. 1. СПб., 1861.
- Дзис-Райко Г. О.* Лепная керамика с Березани VII—VI вв. до н. э. «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. 2. Одесса, 1959.
- Дорсурин П.* Раскопки могил Хунну в горах Нонин-Ула на реке Хувил-Гол (1954—1957). «Монгольский археологический сборник», М., 1962.
- Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении р. Кафирингана. МИА, № 37, 1953.
- Дьяконов В. П.* Большие курганы — кладбища на могильнике Кокзиль ТТКЭ, т. III, М.—Л., 1970.
- Дэвлет М. А.* О тагаро-таштыкских взаимоотношениях. СА, 1961, № 4.
- Ершов С. А.* Некоторые итоги изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али. «ТИИАЭ АН Туркм. ССР», т. V, 1956.
- Жуков В. Д.* Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТИИА АН Узб. ССР», т. IV, Ташкент, 1951.
- Заигузина М. П.* Могильник времени ранних кочевников у г. Бийска. «Археологический сборник ГЭ», вып. 3, Л., 1961.
- Заднепровский Ю. А.* Разведки и раскопки Южно-киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. «Труды АН Тадж. ССР», т. XXXVII, Душанбе, 1956.
- Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Опской области. Фрунзе, 1960.
- Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии. ТКЭ, т. IV, 1960.
- Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962.
- Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941.
- Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, новая серия, ч. XX, СПб., 1909.
- Кабанов С. К.* Археологические находки на Фархадстрое. «Известия АН Узб. ССР», № 5. Ташкент, 1948.
- Кабанов С. К.* Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. «ТИИА АН Узб. ССР», т. II, Ташкент, 1950.
- Кабанов С. К.* Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, 1956, № 2.
- Кабанов С. К.* Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья. СА, 1958, № 3.
- Кабанов С. К.* Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв. СА, 1963, № 1.
- Кабанов С. К.* Раскопки на Шор-тепе близ Карши в 1952—1953 гг. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964.
- Кабанов С. К.* Руины поселения III—V вв. в долине Кашка-Дарьи. ИМКУ, вып. 6. Ташкент, 1965.
- Кабанов С. К., Шахрун К. М.* Археологическая разведка в верховьях р. Кашка-Дарья. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966.
- Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959.
- Калаур В. А.* Древние города Саганак (Сунак), Аппнас или Эшнас (Асодан) и другие в Перовском уезде. ПТКЭА, V, 1900—1901.
- Калаур В. А.* Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде, в долине р. Сар-

- Дары в Яны-Дары. ПТКЛА, VIII, 1903 (1902—1903), протокол № 2 от 17.XII 1903 г.
- Калаур В. А. Древние города, крепости и курганы по Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда. ПТКЛА, XI, 1906.
- Касталян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритакы. СА, XV, 1951.
- Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала. «ТЯИЛН АН Киргиз ССР», т. 5, Фрунзе, 1956.
- Кибиров А. К. Археологические работы в Центральной Тянь-Шане. ТКЭ, т. II, М., 1959.
- Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала. ТКЭ, т. II, М., 1959.
- Кинжалов Р. В. Ашшакинский могильник. ТОВЭ, т. V, Л., 1960.
- Киссела С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кларе А. И., Черкасов А. Древний Отар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. ПТКЛА, IX, 1904.
- Клишторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
- Клишова Т. И. Некоторые вопросы датировки среднеазийской керамики домухамеданского периода. КСИИМК, вып. 28, 1949.
- Ковалевская В. Б. К вопросу о «полюсной культуре», «Древности Восточной Европы». МИА, № 169, 1969.
- Кожемьяко П. И. Раннесредневековые поселения и города Чуэской долины. Фрунзе, 1959.
- Кожемьяко П. И. Оседлые поселения Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.
- Кожомбердиев И. Доклад на отчетной сессии ИИМК. Изв. М., 1959, апрель.
- Кожомбердиев И. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК, вып. 80, 1960.
- Кожомбердиев И. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. «Известия АН Киргиз ССР», серия общественных наук, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960.
- Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.
- Козенкова В. И. Гайрат-тепе. СА, 1964, № 3.
- Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. ТХЭ, т. V, М., 1967.
- Крашенинникова И. И. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1960.
- Крашенинникова И. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», вып. VII, Ташкент, 1966.
- Крис Х. И. К вопросу о периодизации кызылкобинской культуры. СА, 1961, № 4.
- Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. в дер. Айвазовское. СА, 1957, № 2.
- Кругликова И. Т. Поселение у дер. Семеновское. КСИА, вып. 83, 1961.
- Круглов А. И. Культные места Горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946.
- Круглов А. И., Поддзяцкий Г. В. Долгинское поселение у Нальчика. МИА, № 3, 1941.
- Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Суэжи. «Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1948.
- Крупнов Е. И. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузнецов В. А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, вып. 76, 1959.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962.
- Кузьменко В. И., Сицицын М. С. Некоторые наблюдения над лепной керамикой из Росколянского городища. КС ОГЛАМ за 1961 г. Одесса, 1963.
- Кызылов Л. Р. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. МИА, № 62, 1958.
- Кызылов Л. Р. Ташгытская эпоха в истории Хаккаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Кюнер И. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Ламтагидзе Г. А. Результаты археологического изучения Тбилиси. СА, 1959, № 4.
- Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры, «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.
- Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.
- Лесков А. М. Раннетаврские могильники Горного Крыма. «Археологический сборник ГЭ», вып. 2, Л., 1961.
- Лерх П. И. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. ОАР за 1867 г. СПб., 1868.
- Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.
- Литвицкий Б. А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. «Труды АН Тадж. ССР», т. 63, Душанбе, 1958.
- Литвицкий Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. «Труды АН Тадж. ССР», т. 103, Душанбе, 1959.
- Литвицкий Б. А. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. «Труды ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР», т. 27, Душанбе, 1961.
- Литвицкий Б. А. Среднеазийские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2.
- Литвицкий Б. А. Сложностойный лук в древней Средней Азии. СА, 1966, № 4.
- Литвицкий Б. А. Джунгуйский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы. СА, 1967, № 2.
- Литвицкий Б. А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Литвицкий Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе Исфаринского района. «Труды АН Тадж. ССР», т. 37, Душанбе, 1956.
- Лукин Е. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958.
- Лулина С. В., Усманова З. И. Из археологических наблюдений на Кугант-тепе близ Ташкента. «Труды САГУ», вып. XXXI, Ташкент, 1956.
- Лулина С. В., Усманова З. И. Керамика поселения Ногай-Курган близ Ташкента. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1960.

- Лыкошин Н. С.* Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, ПТКЛА, I, 1896.
- Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, № 62, 1958.
- Максимов Е. К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 1. Саратов, 1956.
- Максимова А. Г.* Погребальные сооружения скотоводческих племен. «ТНИАЭ АН Каз. ССР», т. 14. Алма-Ата, 1962.
- Максимова А. Г.* Могильник Жаман-Тогай. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.
- Максимова А. Г.* Могильник Ак-тобе 2. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.
- Максимова А. Г.* Могильник Шаушукум-тобе. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.
- Малликутин Н. Г.* К исторической топографии Ташкентского района. ПТКЛА, V, 1900.
- Мандельштам А. М.* О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане. СА, XXI, 1954.
- Мандельштам А. М.* Средняя Азия в III—IV вв. н. э. «Очерки по истории СССР III—IV вв.» М., 1958.
- Маргулан А. Х.* Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау. «Известия АН Каз. ССР», № 46, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948.
- Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
- Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. ТОБЭ, т. V, 1961.
- Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, № 124, 1964.
- Маршак Б. И.* Керамика Согда V—VI вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дисс. Л., 1965.
- Маршак Б. И.* Керамика Согда V—VI вв. как историко-культурный памятник. Рукопись, канд. дисс. Л., 1965.
- Массон М. Е.* Старый Сайрам. «Известия Среднеазиатского музея», вып. 3. Ташкент, 1928.
- Массон М. Е.* Археологические исследования в Узбекистане. «Наука в Узбекистане за XV лет (1924—1939)». Ташкент, 1940.
- Массон М. Е.* Ахангеран. Ташкент, 1953.
- Мелькова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Подиестровья. МИА, № 64, 1958.
- Мелькова А. И.* Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961.
- Мелькова А. И.* Исследование гетских памятников в степном Подиестровье. КСИА, вып. 94, 1963.
- Мелькова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье». М., 1969.
- Мерциев М. С.* Могильник у поселения Ак-тобе. «ТНИАЭ АН Каз. ССР», т. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 83—87.
- Мерциев М. С.* К истории возникновения и развития оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967.
- Мерциев М. С.* Городище Ак-тобе 1. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.
- Минаева Т. И.* Погребения с сожженным близ г. Покровка. «Ученые записки Саратовского ГУ», т. VI, вып. 3. Саратов, 1927.
- Минаева Т. И.* Археологические памятники на р. Глялич в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951.
- Мошкова М. Г.* Памятники пророхоровской культуры. САИ, вып. Д1—10. М., 1963.
- Муцаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961.
- Муцаев Р. М.* Памятники майковской культуры. СА, 1962, № 3.
- Негматов И., Салтовская Е. Д., Кияткина Т. П.* Изучение погребальных памятников кочевников на территории Уршумани. «Труды ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР», Душанбе, т. XXVII, 1961.
- Неразик Е. Е.* Археологическое обследование городища Куни-Уз в 1952 г. ТХЭ, т. II, М., 1958.
- Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригидского периода. ТХЭ, т. IV, М., 1959.
- Неразик Е. Е.* Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, вып. 1, М., 1959.
- Неразик Е. Е.* Предки таджикского народа в IV—V вв. «История таджикского народа», т. 1. М., 1963.
- Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Неразик Е. Е., Лазиров-Скюб М. С.* Раскопки Барак-тама I в 1956 г. МХЭ, вып. 1, М., 1959.
- Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А.* Куок-кала в 1956 г. МХЭ, вып. 1, М., 1959.
- Нильсен В. А.* Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959.
- Нурулхайитов Б.* Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана. «Культура древних скотоводов и земледельцев Южного Казахстана». Алма-Ата, 1969.
- Нурулхайитов Б.* Некоторые итоги раскопок Боржарского могильника. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970.
- Обельченко О. В.* К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса Капыр-Дувал. «Труды Таш. ГУ», вып. 72. «Археология Средней Азии», т. V. Ташкент, 1960.
- Обельченко О. В.* Могильник Акджар-тепе. ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962.
- Обельченко О. В.* Курганы около селения Хазара. ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1963.
- Обельченко О. В.* Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966.
- Обельченко О. В.* Миранкульские курганы. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969.
- Обалдуева Т. Г.* Археологический надзор на Северном Ферганском канале. «Известия Узб. филиала АН СССР», 1940, № 10.
- Обалдуева Т. Г.* Курганы каучинской и джунской культур в Ташкентской области. КСНИМК, вып. 23, 1948.
- Обалдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «ТНИА АН Узб. ССР», т. IV, Ташкент, 1951.
- Остроумов И. П.* Отчет о раскопках курганов на «Никифоровских землях» в окрестностях Ташкента, ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
- Остроумов И. П.* Археологическая поездка в с. Мамаенку Чимкентского уезда. ПТКЛА, IV, 1899.
- Пацевич Г. П.* Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв. н. э. (по археологическим данным). Автореф. канд. дисс. М., 1954.

- Пацевич Г. И.* Городище Шаушукум-тобе. «Древности Чардарь». Алма-Ата, 1968.
- Петренко В. Г.* Культура племен Правобережного Приднестровья. МИА, № 96, 1961.
- Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-майданская культура). М., 1967.
- Позребова Н. П.* Поднесьские городища на Нижнем Днестре. МИА, № 64, 1958.
- Подушкин Н. П.* К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий р. Арсыс (I—IV вв.). «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970.
- Поголов А. А.* Искенский курганный могильник. Рукопись. Архив Управления по делам архитектуры при СМ Узб. ССР, № 34, 1930.
- Придкин Е. М.* Новые казакские клады. МАР, № 34, СПб., 1914.
- Птицын Г. В.* К вопросу о географии Шах-Намэ. ТОВЭ, т. IV, Л., 1947.
- Пузаченкова Г. А.* К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана. «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949.
- Пубовин В. К.* Нижний слой могильника Суук-Су. СА, 1961, № 4.
- Пчелина Е. Г.* Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе». М., 1964.
- Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, ТКЭ, т. IV, М., 1960.
- Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4.
- Ремпель Л. И.* Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 1. Алма-Ата, 1956.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
- Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноноулинские курганы. М., 1962.
- Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. «Археология СССР. САИ, вып. ДЗ-9. М.—Л., 1962.
- Руденко С. И., Глухов А. П.* Могильник Кудырге на Алтае. «Материалы по этнографии», т. II, вып. 2, 1927.
- Руднев Н.* Следы древних городов на Сыр-Дарье. ПТКЛА, V, 1900.
- Рукксовская Л. М.* Об одной группе среднеазиатских культовых сосудов. «Труды САГУ», вып. 72, «Археология Средней Азии», т. IV. Ташкент, 1957.
- Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата». СА, № 1, 1936.
- Салтовская Е. Д.* О раскопках античных поселений в районе Ашта. «ТИИ АН Тадж. ССР», т. XXXI. Душанбе, 1961.
- Салтовская Е. Д.* Раскопки на Камл-тепе в 1960 г. «ТИИ АН Тадж. ССР», т. XXIV, вып. 8. Душанбе, 1962.
- Салтовская Е. Д.* Раскопки на Туудан-Калон в 1961 г. «ТИИ АН Тадж. ССР», т. XII. Душанбе, 1964.
- Салтовская Е. Д.* О резных костяных предметах первых веков н. э. из Ашта. «Известия АН Тадж. ССР», вып. 2 (52). Душанбе, 1968.
- Салтовская Е. Д.* О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе. «Материальная культура Таджикистана». Душанбе, 1968.
- Сальников А. Г.* Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962). МАСП, М., 1966.
- Сенигова Т. Н.* Керамика городища Алтын-асар (опыт хронологической периодизации). Рукопись, канд. дисс. М., 1953.
- Сенигова Т. Н.* Керамика городища Алтын-асар (опыт хронологической периодизации). Автореф. канд. дисс. М., 1953.
- Сенигова Т. Н.* К изучению технических особенностей керамики низовья Сыр-Дарьи. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959.
- Сенигова Т. Н.* Поселение Ак-тобе. «ТИИАЭ АН Каз. ССР», т. 14. Алма-Ата, 1962.
- Симанов А. Н.* Джеты-асар. Газ. «Туркестанские ведомости», 1900, № 800—817.
- Сицицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Ученые записки Саратовского ГУ», вып. XVII, 1947.
- Сицицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 76, 1959.
- Сицицын И. В.* Дрепные памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 6, 1960.
- Скалон К. М.* Изображения животных на керамике сарматского периода. «Труды отдела первобытной культуры ГЭ», т. 1, Л., 1941.
- Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.
- Смирнов Е. Т.* Древности в окрестностях г. Ташкента. ПТКЛА, I, 1896.
- Смирнов Е. Т.* Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи. ПТКЛА, II, 1897.
- Смирнов К. Ф.* Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. МИА, № 60, 1959.
- Смирнов К. Ф.* Быховские курганы. МИА, № 78, 1960.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961.
- Смирнова Г. И.* Севериновское городище (по материалам южноподольской экспедиции 1947, 1948, 1953 гг.). «Археологический сборник ГЭ», вып. 2, Л., 1961.
- Сорокин С. С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954.
- Сорокин С. С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956.
- Сорокин С. С.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956.
- Сорокин С. С.* Железные изделия из Кенкольской коллекции. «Сообщения ГЭ», вып. XX, Л., 1961.
- Сорокин С. С.* Боркорбазский могильник. ТОВЭ, т. V, Л., 1961.
- Сосновский Г. П.* Дерестуйский могильник. ПИДО, ПИДО, 1935, № 7—8.
- Сосновский Г. П.* Нижневолжское городище. 1935, № 1—2.
- Сосновский Г. П.* Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946.
- Сосновский Г. П.* О поселении гунинской эпохи в долине р. Чирчок. КСИИМК, вып. XIV, 1947.
- Спришевский В. И.* Некоторые находки из мухомов в собрании Музея истории. «Труды Музея истории Узб. ССР», вып. III. Ташкент, 1956.
- Ставицкий В. Я.* Работы Магнанской группы в 1958 г. «ТИИ им. А. Дониша», т. XXVII. Душанбе, 1961.
- Ставицкий В. Я.* Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе». М., 1964.

- Ставицкий Б. Я.* О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2.
- Сымонович Э. А.* Погребения V—VI вв. н. э. у с. Давилова Балка. КСИИМК, вып. XVII, 1952.
- Сымонович Э. А.* Стеклянная посуда середины I тыс. н. э. с Нижнего Двепра. КСИИМК, вып. 69, 1957.
- Тереножкин А. И.* Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Науич-Тепе», «Известия Узб. ФАН СССР», 1940, № 8.
- Тереножкин А. И.* Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия Узб. ФАН СССР», 1940, № 9.
- Тереножкин А. И.* Согд и Шаш. Рукопись, канд. дис. Л., 1948.
- Тереножкин А. И.* Холм Ак-тепе близ Ташкента. «Труды ИИАН Узб. ССР», т. 1. Ташкент, 1948.
- Тереножкин А. И.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33, 1950.
- Толстов С. П.* К вопросу о датировке культуры Каучи-тепе. ВДИ, 1946, № 1, стр. 173—177.
- Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1947, № 2.
- Толстов С. П.* Города гузов. СЭ, № 3, 1947.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1949, № 3.
- Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1950, № 6.
- Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.) ТХЭ, т. I. М., 1952.
- Толстов С. П.* Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г. СА, XIX, 1954.
- Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1.
- Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 г. ТХЭ, т. II. М., 1958.
- Толстов С. П.* Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4.
- Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Трофимова Т. А.* Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. ТХЭ, т. II. М., 1958.
- Трофимова Т. А.* Приаральские саки (краниологический очерк). МХЭ, вып. 6. М., 1963.
- Трудновская С. А.* Украшения позднеантичного Хорезма. ТХЭ, т. I. М., 1952.
- Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4.
- Хазанов А. М.* Сложные луги евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.
- Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Халилов Д. А.* Раскопки на городище Ханыслы, памятнике древней Албании. СА, 1962, № 4.
- Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959.
- Шишкин В. А.* Археологическая разведка на Баштепе. «Труды ИИА АН Узб. ССР», вып. VIII. Ташкент, 1956.
- Шишкин В. А.* Варакша. М., 1963.
- Шишкина Г. В.* Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.
- Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.
- Шульц П. Н., Столяр А. Д.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1959.
- Янич М. М.* Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите. ТОБЭ, т. IV, 1947.
- Ясодин В. Н.* К вопросу локализации Кердера. «Вестник Кара-Калпакского ФАН Узб. ССР», 1963, № 2 (12).
- Ясодин В. Н.* Археологические памятники Приаральской дельты Аму-Дарьи. Автореф. канд. дисс. М., 1963.
- Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака. «Сообщения ГАИМК». 1929, т. II.
- Chavannes Ed.* Documents sur les Tou-Kiue (tures) Occidentaux. Paris, 1900.
- Dechelett J.* Manuel d'archéologie. Préhistorique celtique et galls-romaine. Paris, 1927, v. IV, second age du fer.
- Heikel H.* Die Altertümer aus dem Tale des Tales in Turkestan. Travaux ethnographiques. VIII. Helsinki, 1918.
- Enoki K.* The origin of the White Huns or Hepthalites. «East and West», 1955, N 3, p. 233.
- Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskund von Ostiran. Leiden, 1938.
- McGovern W. M.* The early empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939.
- Müller V.* Frühe plastik in Griechenland und Vorderasien. Augsburg, 1929.
- Pope A. U.* A survey of Persian art. From prehistoric times to the present, v. IV. London and New York, 1939.
- Rau P.* Die Hügelgräber Römischer Zeit on der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.
- Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
- Werner J.* Bogenfragmente aus Carnuntun. Eurasia Septentrionalis Antiqua, VII, 1932.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
- Zakharov A. A.* Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphie bronze statuettes. Sviatovit, t. XV. Warszawa, 1933.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив ХАЭЭ — Архив Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИООН — Известия отделения общественных наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения одесского государственного археологического музея
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
САИ — Свод археологических источников
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства
ТИИ — Труды Института истории
ТИИА — Труды Института истории и археологии
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТИЯЛИ — Труды Института языка, литературы и истории
Труды САГУ — Труды Среднеазиатского Государственного университета
Труды ТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета
ТКЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТОВЭ — Труды Отдела Востока государственного Эрмитажа
ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТТКЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
SCIV — Studii și cercetaci de istorie veche. București

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5

ЧАСТЬ I

КЕРАМИКА НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Джеты-асар № 3	12
Поселения джетыасарской культуры	22
Курганные погребения урочища и антропоморфные изображения в джетыасарской культуре	57
Основные итоги изучения керамики джетыасарской культуры	64
Распространение джетыасарской культуры в VII—IX вв. н. э.	76

ЧАСТЬ II

КЕРАМИКА СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

ГЛАВА 1. КЕРАМИКА КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	90
Городище Каунчи-тепе	91
Поселения Ташкентского оазиса	111
Погребальные памятники Ташкентского оазиса	163
Основные итоги изучения керамики каунчинской культуры	178
Северо-восточная периферия территории распространения каунчинской культуры	189
ГЛАВА 2. КЕРАМИКА ОТРАРСКО-КАРАТАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Районы Нижнего Таласа и северных склонов Каратау	193
Основная территория распространения отрарско-каратауской культуры	198
Краткие итоги изучения керамики отрарско-каратауской культуры	223
Заключение	225
Литература	243
Список сокращений	250

Лариса Михайловна Левина
Керамика Нижней и Средней Сырдарьи
в I тысячелетии н. э.

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор Т. Г. Иванова
Художественный редактор Н. И. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 27/IV-71 г. Подписано к печати 13/X-71 г.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 15,75. Усл. печ. л. 26,46.
Уч.-изд. л. 27,2 (26,1+1,1 вкл.). Тираж 1500 экз. Т-16608.
Бумага № 1. Тип. зак. 3041
Цена 2 руб. 12 коп.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва М-54, Валовая, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

